РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Проз. 50

1862

ФЕВРАЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ГЕОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ КАВКАЗА. **Г. Е. Щуровскаго.**
II. ОТЦЫ И ДѢТИ. **И. С. Тургенева.**
III. ПРОШЛОЕ ЛѢТО ВЪ ДЕРЕВНѢ. **С. Безыменнаго.**
IV. ПОДРАЖАНІЕ А. ШЕНЬЕ. Стихотвореніе **Б. Н. Алмазова.**
V. АТАМАНЪ БРАГИНЪ И РАЗБОЙНИКЪ ЗУБАКИНЪ. **Л. Д. Мордовцева.**
VI. ИЗЪ ДОРОЖНАГО ДНЕВНИКА ВЕДЕННАГО ЗА ГРАНИЦЕЙ. **Я. К. Грота.**
VII. ИЗЪ ИСТОРІИ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА. **S.**
VIII. ОБРАБОТКА ЗЕМЛИ ВОЛЬНОНАЕМНЫМИ РАБОЧИМИ. **В. К. Ржевскаго.**
IX. СТИХОТВОРЕНІЯ: I. Симплонская дорога. II. Въ бельведерѣ. **Н. Ф. Щербины.**
X. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ НАТУРАЛИСТА. **А. Н. Бекетова.**
XI. ГРУСТНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТЪ. Доктора **Ястребцова.**
XII. КЪ КАКОЙ ПРИНАДЛЕЖИМЪ МЫ ПАРТІИ?

МОСКВА
Въ типографіи Каткова и К°.

ГЕОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ КАВКАЗА [1]

Кавказъ долгое время былъ для всѣхъ какою-то таинственною страною. Говоря о немъ, даже теперь все невольно воображаешь себѣ и золотое руно въ Колхидѣ, и Прометея прикованнаго къ вершинамъ Казбека. Менѣе таинственнымъ Кавказъ становится только съ половины XIII столѣтія, именно съ того времени, когда Европейцы, желая ближе познакомиться съ Востокомъ, стали предпринимать частыя путешествія въ Грузію, Арменію, Персію и Индію. Но бо́льшая часть этихъ путешественниковъ ограничивалась почти единственно описаніемъ тамошнихъ народовъ, обычаевъ и торговли; только весьма немногіе имѣли цѣлью естественно-историческое изслѣдованіе Кавказа, и притомъ эти немногіе принадлежатъ уже къ позднѣйшему времени. Точнѣе сказать, это были ученыя экспедиціи, которыя предпринимались однимъ лицомъ или многими, и большею частію на счетъ русскаго правительства. Изслѣдованія этихъ экспедицій чрезвычайно разнообразны; каждая изъ нихъ представляетъ описаніе какой-либо части Кавказа въ различныхъ отношеніяхъ, описаніе болѣе или менѣе широкое и соотвѣтствующее тому состоянію науки, въ какомъ она находилась въ то время. Къ сожалѣнію, эти изслѣдованія,

---

[1] Подъ названіемъ *Кавказа* мы разумѣемъ тутъ не одну Кавказскую цѣпь, а все пространство, лежащее между Чернымъ и Каспійскимъ морями, и прорѣзанное множествомъ горъ и плоскогорій. Литографированная карта Кавказа будетъ приложена ко второй половинѣ статьи, въ слѣдующемъ № *Русскаго Вѣстника*.

будучи разбросаны по разнымъ сочиненіямъ, и, сверхъ того, перемѣшаны между собою, требуютъ отъ читателя чрезвычайно усиленнаго вниманія для приведенія ихъ въ одно цѣлое. Безъ всякаго сомнѣнія, онѣ принесли бы гораздо болѣе пользы, еслибы каждая отрасль свѣдѣній, принадлежащая различнымъ экспедиціямъ, была выдѣлена изъ другихъ и представлена особо въ томъ порядкѣ, въ какомъ эспедиціи слѣдовали одна за другою. Это были бы отдѣльные очерки Кавказа, обнимающіе ту или другую отрасль естествовѣдѣнія. Тутъ ясно можно было бы видѣть, что̀ сдѣлано каждою экспедиціей по той или по другой части, и что̀ остается еще сдѣлать. Сознавая всю пользу такихъ очерковъ, я намѣренъ въ настоящей статьѣ прослѣдить всѣ ученыя экспедиціи, которыя были предпринимаемы на Кавказъ, и которыя заключаютъ въ себѣ какія-либо геологическія изслѣдованія этой страны. Я разумѣю тутъ по преимуществу путешествія Палласа, Энгельгардта вмѣстѣ съ Парротомъ, потомъ одного Паррота, Купфера, Эйхвальда, Дюбуа, Коха, Омеръ-де-Геля, Абиха и Бэра. Мы разсмотримъ эти путешествія въ историческомъ порядкѣ.

I.

Имя Палласа слишкомъ извѣстно; это одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ русскихъ академиковъ Екатерининскаго вѣка. Лучшіе годы своей жизни онъ провелъ въ непрерывныхъ путешествіяхъ по Россіи, и особенно по Сибири, путешествіяхъ, которыя обогатили естественную науку величайшими прiобрѣтеніями [1]. Изслѣдованія Палласа въ Россіи также разнообразны и многочисленны, какъ изслѣдованія Гумбольдта въ Америкѣ, по крайней мѣрѣ съ фактической или описательной стороны. Палласу не доставало только тѣхъ всеобъемлющихъ воззрѣній, которыми отличался Гумбольдтъ. Этого великаго германскаго мыслителя весьма справедливо называютъ *вторымъ* Колумбомъ. Почти то же самое можно сказать о

---

[1] P. S. Pallas, *Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen, Reichs.* Drei Theile. St.-Petersb. 1771—76. Переведено на французскій и русскій языки. Его же, *Voyages entrepris dans les gouvernemens méridionaux de l'empire de Russie, dans les années 1793 et 1794* Leipzig. 1799. Перев. съ нѣмецкаго.

Палласѣ относительно Сибири; это *второй* Ермакъ, завоевавшій ту же страну для науки.

Самый Кавказъ не былъ изслѣдованъ Палласомъ, кромѣ Пятигорскаго края и полуострова Тамани; но имъ изслѣдованы весьма подробно степи, которыя примыкаютъ къ Каспійскому морю и къ Кавказу, и которыя, какъ увидимъ ниже, играли чрезвычайно важную роль въ образованіи этой гигантской цѣпи.

Что же представляютъ особеннаго прикаспійскія или астраханскія и прикавказскія или калмыцкія степи? По описанію Палласа, онѣ до сихъ поръ находятся въ такомъ состояніи, какъ будто еще недавно вышли изъ моря. Мысль эта, говоритъ онъ, приходитъ сама собою, если посмотрѣть на эти обширныя пустыни, донынѣ еще непокрытыя никакою растительностію, на эту песчаноглинистую почву, перемѣшанную съ морскими раковинами, и на это безчисленное множество солончаковъ, или озеръ наполненныхъ соленымъ растворомъ. Какое же море могло заливать нынѣшнія астраханскія и калмыцкія степи? Конечно, всего вѣроятнѣе, ближайшее къ нимъ, Каспійское. На это есть и нѣкоторыя положительныя доказательства. Самое убѣдительное изъ нихъ представляютъ раковины, которыя перемѣшаны съ тамошнею степною почвою: многія изъ нихъ не только похожи на раковины Каспія, но и совершенно одинаковы съ ними. Въ прежнее время это море, по мнѣнію Палласа, должно было простираться гораздо далѣе нынѣшняго. Онъ указалъ даже на вѣроятныя границы этого моря. Съ сѣвера ихъ составляли холмы, которые тянутся отъ Урала къ Волгѣ, и называются Общимъ Сыртомъ; съ запада оно ограничивалось высокою страною, лежащею междую Сарпою и нижнимъ теченіемъ Дона; ближе къ Кавказу, Каспійское море, по всѣмъ признакамъ, имѣло непосредственное сообщеніе съ Чернымъ; восточною границей его, вѣроятно, были Аральское море и окружающія его степи. Слѣды прежняго, болѣе высокаго положенія Каспія, Палласъ нашелъ въ самыхъ степяхъ, именно въ тѣхъ небольшихъ горахъ, которыя разсѣяны по астраханской степи, и представляются какъ бы островами посреди этого обширнаго пространства. По наблюденіямъ Палласа, онѣ были такими же островами и посреди моря, покрывавшаго степи; это весьма ясно доказано имъ береговыми террасами, ко-

торыя остались на этихъ горахъ отъ продолжительнаго прибоя морской воды.

Положимъ, все это такъ; но что же было причиной удаленія такого обширнаго моря и раздѣленія его на три меньшія, Черное, Каспійское и Аральское? Вслѣдствіе какого переворота могли обнажиться астраханскія и калмыцкія степи?

Для рѣшенія этого вопроса, Палласъ весьма искусно воспользовался остроумною догадкой Турнефора относительно Чернаго моря. По мнѣнію этого извѣстнаго ботаника, въ прежнее время Черное море не имѣло сообщенія съ Средиземнымъ, и составляло посреди твердой земли обширное замкнутое озеро. Занимая такое положеніе и принимая въ себя большія рѣки, оно необходимо должно было имѣть гораздо высшій уровень чѣмъ Средиземное море и другія. Вслѣдствіе этого, когда произошелъ прорывъ Босфора Оракійскаго или Дарданелловъ, Черное море со всею стремительностію ринулось въ Средиземное, и произвело огромныя наводненія въ Греціи и другихъ сосѣднихъ странахъ. По мнѣнію Турнефора, это тѣ самыя наводненія, которыя описаны въ исторіи подъ названіемъ Девкаліонова потопа. Тѣмъ же предположеніемъ Палласъ объясняетъ всѣ измѣненія, происходившія съ Каспійскимъ моремъ. „Если вообразимъ себѣ, говоритъ онъ, что Черное море не имѣло сообщенія съ Средиземнымъ и принимало въ себя обильныя рѣки, протекавшія въ то время по странамъ еще дикимъ и покрытымъ обширными лѣсами, если представимъ себѣ, что Черное море вслѣдствіе этихъ причинъ дѣйствительно стояло гораздо выше нынѣшняго, то само собою слѣдуетъ, что степи крымскія, кумскія, волжскія и яикскія, и плоскогорье Великой Татаріи до Аральскаго моря включительно, должны были составлять въ то время одно море, которое посредствомъ небольшаго и малоглубокаго пролива, являющагося теперь отчасти въ видѣ Маныча, омывало сѣверную подошву Кавказа, и имѣло два огромные залива, одинъ въ Каспійскомъ морѣ, а другой въ Черномъ... Теперь представимъ себѣ, что Черное море нашло возможность излиться въ Средиземное. Послѣ перваго пониженія водъ, найбольшая часть его береговъ, низкихъ и ровныхъ, должны были превратиться въ соленыя степи. Каспійское море, сообщавшееся съ Чернымъ только посредствомъ неглубокаго пролива,

также вскорѣ должно было отдѣлиться отъ него, именно когда воды его опустились ниже уровня этого пролива, Послѣ такого переворота, Каспійское море стало отдѣльнымъ озеромъ посреди твердой земли, и какъ оно не воспринимало въ себя столь же многихъ и значительныхъ рѣкъ, какъ Черное, не доставлявшее ему въ это время уже никакого питанія, то испареніемъ и удаленіемъ водъ обнажилось еще большее пространство вдоль низменныхъ его береговъ. Значитъ, Каспійское море пришло еще въ меньшіе предѣлы. Тогда же, безъ сомнѣнія прекратилось сообщеніе его и съ Аральскимъ моремъ. Прежнія песчаныя банки перешли въ сыпучій песокъ, и нагромоздились въ холмы, какіе находятся теперь въ степяхъ Нарынскихъ и въ южной части Волги. Прежніе острова на высохшемъ морскомъ днѣ явились небольшими горами, каковы Индерскія и другія. Послѣ удаленія воды, на днѣ большаго моря остались многія углубленія, которыя удержали въ себѣ воду, и образовали чрезъ то озера или солончаки, донынѣ еще такъ часто встрѣчающіеся на всемъ протяженіи степи."

Читая Палласа, вы невольно соглашаетесь съ нимъ, и какъ бы видите собственными глазами, что происходило нѣкогда въ южной степной Россіи. Дѣйствительно, нельзя сомнѣваться, чтобы Черное море когда-нибудь не было въ соединеніи съ Каспійскимъ и Аральскимъ. Но какимъ образомъ послѣдовало ихъ раздѣленіе? Такъ ли, какъ предполагалъ Палласъ, то-есть вслѣдствіе прорыва Дарданелловъ или Босфора Оракійскаго? Правда ли, что пониженіе Каспійскаго моря, послѣ отдѣленія его отъ Чернаго, зависѣло единственно отъ испаренія воды и незначительности впадающихъ въ него рѣкъ? Наконецъ правда ли, что всѣ эти перемѣны совершились уже на исторической памяти, со времени Девкаліонова потопа?

Такія предположенія могли казаться вѣроятными и Паллясу, и его современникамъ, единственно по недостатку наблюденій, необходимыхъ для разрѣшенія этихъ вопросовъ. Въ настоящее время извѣстно, что средняя высота астраханской степи, сравнительно съ горизонтомъ Каспійскаго моря, не превосходитъ 50 англійскихъ футовъ; извѣстно также, что само Каспійское море 83,67 англійскими футами ниже Чернаго. Изъ этого видно, что Черное море не могло отдѣлиться отъ Каспійскаго вслѣдствіе одного

только прорыва Дарданелловъ; оно и теперь, при настоящемъ уровнѣ, готово затопить Астраханскія степи, еслибы не было отдѣлено отъ нихъ необоримыми преградами. Судя по этимъ преградамъ, Каспійское море, отдѣлившись отъ Чернаго, все еще должно было стоять на высотѣ нынѣшнихъ астраханскихъ степей, то-есть на высотѣ 133 ф.; спрашивается можно ли допустить, чтобы съ такой высоты оно понизилось до нынѣшняго уровня единственно отъ испаренія и вслѣдствіе уменьшившагося притока прѣсной воды? Еслибы означенныя причины дѣйствительно были такъ могучи, то Аральское море, представляющее меньшую поверхность, чѣмъ Каспійское, должно было бы усохнуть еще болѣе; но подтверждается ли это наблюденіями? Напротивъ, оно не только выше Каспійскаго, но даже выше Чернаго, на 33 фута. Притомъ, допустивъ такое усиленное испареніе, мы должны ожидать, что Каспійское море гораздо солонѣе чѣмъ другія; но и это не согласно съ наблюденіями; значительная соленость встрѣчается въ немъ только мѣстами, и видимо зависитъ отъ соленыхъ источниковъ, пробивающихся со дна моря; вообще же вода Каспійскаго моря менѣе солона нежели въ другихъ моряхъ. Наконецъ, нельзя согласиться съ Палласомъ и насчетъ того, чтобы всѣ предполагаемыя имъ перемѣны въ южной Россіи, произошли въ историческое время: этому явно противорѣчатъ нынѣшнія геологическія наблюденія. Въ астраханскихъ степяхъ, вмѣстѣ съ каспійскими раковинами, встрѣчаются иногда остатки древнихъ слоновъ или мамонтовъ; судя по этимъ остаткамъ, Каспійское море должно было покрывать Астраханскія степи къ концу дилувіальнаго періода, или по крайней мѣрѣ въ самомъ началѣ появленія человѣка на земной поверхности.

Очевидно, раздѣленіе морей Чернаго, Каспійскаго и Аральскаго, должно было совершиться иначе нежели какъ предполагалъ Палласъ. Но какъ именно это совершилось, мы увидимъ послѣ, а теперь перейдемъ къ другимъ изслѣдованіямъ Палласа.

Кавказъ, какъ замѣчено выше, не былъ обозрѣваемъ Палласомъ, исключая нынѣшняго Пятигорскаго края и полуострова Тамани. Въ Пятигорскомъ краѣ особенно интересовали его минеральныя воды, уже и въ то время славившіяся своими цѣлебными свойствами. Горы, изъ которыхъ вытекаютъ эти источники, представляютъ особую

группу, которая расположена при самой подошвѣ Кавказа, и какъ бы неожиданно поднимается прямо изъ степи. Таковы: Машука, Бештау, Кумъ-гора, Желѣзная, Змѣиная и другія. Изъ этихъ горъ болѣе подробно описаны Палласомъ Машука и Бештау, какъ замѣчательнѣйшія по своей величинѣ и наружному виду. Тамошніе минеральные источники онъ описываетъ также довольно подробно; нѣкоторые же изъ нихъ изслѣдованы имъ съ особеннымъ вниманіемъ. Таковъ преимущественно углекисложелѣзный источникъ, находящійся близъ Кисловодска, и на всемъ Кавказѣ извѣстный подъ названіемъ *Нарзана* или *Нардзана*. Это одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ источниковъ по своимъ свойствамъ. Горцы не даромъ назвали его нарзаномъ, то-есть *богатырскою водою*.

Въ Пятигорскомъ краѣ Палласъ оставался не долго; въ это время онъ торопился въ Крымъ, сколько для изслѣдованія этой новоприобрѣтенной страны, столько же и для поправленія своего разстроеннаго здоровья. Дѣйствительно онъ могъ надѣяться удовлетворить той и другой цѣли: тамошняя великолѣпная природа должна была оказать благодѣтельное дѣйствіе на его здоровье, и въ то же время представить ему богатый матеріялъ для наблюденій. Крымское путешествіе Палласа собственно выходитъ изъ нашего плана, и мы прошли бы его молчаніемъ, еслибъ авторъ не описалъ въ немъ своей поѣздки на полуостровъ Тамань. Осматривая восточную часть Крыма или Керченскій полуостровъ, Палласъ нашелъ необходимымъ осмотрѣть и Тамань, лежащій по ту сторону пролива, и составляющій западную оконечность Кавказа. Въ Тамани и на Керченскомъ полуостровѣ вниманіе Палласа преимущественно было обращено на тамошніе вулканы, которые представляютъ такъ много особеннаго, и извѣстны подъ названіемъ *грязныхъ вулкановъ* или *сальсовъ*. По нынѣшнимъ понятіямъ, это настоящіе вулканы, только извергающіе не лаву, а грязь или илъ, вмѣстѣ съ водяными парами, углеводороднымъ газомъ и нефтью. Палласъ обозрѣвалъ ихъ вскорѣ послѣ бывшаго тамъ большаго изверженія въ 1794 году. Наблюдая явленіе еще по горячимъ слѣдамъ, онъ описалъ его съ чрезвычайною точностію. Но что̀ касается до самой сущности этого явленія, или до тѣхъ причинъ, отъ коихъ происходятъ грязные вулканы, то Палласъ относительно этого

былъ одинаковаго мнѣнія съ своими современниками. Грязные и другіе вулканы онъ приписывалъ не огненно-жидному ядру, находящемуся въ центрѣ земли, какъ теперь думаютъ, а болѣе мелкимъ и случайнымъ причинамъ.

Какъ жаль, что Палласъ не проникъ глубже въ кавказскія страны. Можно сказать навѣрное, что онъ самъ сожалѣлъ объ этомъ, но не могъ исполнить своего желанія, по разстроенному здоровью, и, быть-можетъ, потому что обозрѣніе Кавказа было поручено другому академику, Гюльденштедту, путешествовавшему тамъ въ то время, когда Палласъ обозрѣвалъ Сибирь [1].

Описаніе Кавказскаго края Гюльденштедтомъ довольно замѣчательно въ ботаническомъ, географическомъ и другихъ отношеніяхъ, но не представляетъ почти никакого геологическаго интереса; поэтому, мы на немъ не остановимся, и перейдемъ, по порядку, къ описанію Кавказа дерптскими профессорами Энгельгардтомъ и Парротомъ, путешествовавшими тамъ въ 1811 году [2].

II.

Энгельгардтъ и Парротъ начали свои изслѣдованія на Кавказѣ съ полуострова Тамани, съ тамошнихъ грязныхъ вулкановъ; потомъ проѣхали по кавказской линіи до Моздока, и оттуда поднялись вверхъ по теченію Терека. Ущеліе или долина, по которой мчится эта бурная рѣка, служитъ превосходнымъ разрѣзомъ для наблюденія надъ внутреннимъ образованіемъ кавказской цѣпи. Но этимъ разрѣзомъ Энгельгардтъ и Парротъ могли воспользоваться на столько, на сколько дозволяло имъ тогдашнее состояніе геологіи. Въ описаніи Терекской долины мы находимъ у нихъ одно вычисленіе горныхъ породъ, безъ всякаго указанія на ихъ геологическое значеніе, или на тѣ формаціи, къ которымъ онѣ должны относиться. Вы видите, что стѣны по ту и по другую сторону Терека состоятъ изъ известняка и глинистаго сланца, перемежающихся съ

---

[1] D. I. A. Güldenstädt, *Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge.* Von P. S. Pallas. St.-Petersb. 1787. Его же, *Reise nach Georgien und Imerethien* Von Klaproth. Berlin, 1815. Его же, *Beschreibung der Kaukasischer Länder.* Von Klaproth. Berlin, 1834.

[2] M. Engelhardt und Fr. Parrot, *Reise in die Krym und den Kaukasus.* Berlin, 1815.

порфиромъ либо гринштейномъ и сіенито-гранитомъ, но какой это известнякъ, какой глинистый сланецъ, когда они образовались,—эти вопросы остаются безъ разрѣшенія.

Подымаясь къ истокамъ Терека, путешественники имѣли въ виду преимущественно обозрѣть Казбекъ, этотъ гигантскій пикъ, находящійся на самомъ гребнѣ Кавказа, на линіи раздѣленія Терека отъ Арагвы. До того времени онъ не былъ посѣщаемъ съ ученою цѣлію, и потому изслѣдованіе его обѣщало имъ богатые результаты. Дѣйствительно, описаніе Казбека принадлежитъ къ лучшимъ и любопытнѣйшимъ страницамъ въ путешествіи Энгельгардта и Паррота. Тутъ въ первый разъ мы знакомимся съ наружнымъ и съ внутреннимъ образованіемъ этой горы. До самой снѣговой поверхности она представляетъ голыя скалы, состоящія изъ порфира, раздѣленнаго на колоссальные столбы, либо наваленнаго большими грудами. Выше снѣговаго предѣла такіе же порфиры представляются въ видѣ зубчатыхъ стѣнъ, нисходящихъ по разнымъ направленіямъ отъ самой вершины, и раздѣляющихъ снѣговую оболочку на болѣе или менѣе широкія полосы. Предѣлъ, съ котораго начинаются постоянные или нетающіе снѣга Казбека, по измѣренію Паррота, находится на высотѣ 1700 туазовъ надъ моремъ. Ниже этого предѣла спускаются одни ледники. Нѣкоторые изъ этихъ ледяныхъ потоковъ имѣютъ весьма крутое положеніе, и оттого подвергаются частому обрушенію или обваламъ, столько извѣстнымъ на Кавказѣ по своимъ гибельнымъ послѣдствіямъ. Самую верхнюю область Казбека, представляющую наибольшія трудности для восхожденія, Парротъ обозрѣвалъ одинъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ проводниковъ. Взбираясь на эту крутую и ледяную поверхность, они должны были вырубать для себя ступени; сверхъ того, имъ часто приходилось обходить широкія разсѣлины и снѣговыя стѣны. Достигнувъ извѣстной высоты, кромѣ чрезвычайнаго утомленія, они замѣчали въ себѣ какое-то ослабленіе чувствъ, особенно слуха и зрѣнія. По барометрическому измѣренію Паррота, онъ находился въ это время на высотѣ 2167 туазовъ надъ Чернымъ моремъ. Ему оставалось до самой вершины Казбека не болѣе 200—240 туаз. Но поднявшаяся буря и метель заставили его воротиться назадъ. Всю высоту горы Парротъ вычислилъ въ 2400 туаз. или въ 14.400 футовъ. Но, судя по тѣмъ явленіямъ, какія происходили въ

немъ самомъ и въ его проводникахъ, надо полагать, что они находились на высотѣ гораздо большей, нежели какая показана Парротомъ. И дѣйствительно, по позднѣйшему, болѣе вѣрному тригонометрическому измѣренію, высота Казбека оказалась въ 16.553 ф. [1].

Парротъ, восходя на Казбекъ, кромѣ тѣхъ наблюденій, о которыхъ мы говорили выше, имѣлъ въ виду еще одну цѣль,—опредѣлить степени тамошней растительности, или горную кавказскую флору. Кто не знаетъ въ настоящее время, что на высокихъ горахъ растенія распредѣляются по тѣмъ же самымъ законамъ, какимъ слѣдуютъ онѣ на всей земной поверхности отъ экватора къ полюсамъ? Но въ то время, о которомъ мы говоримъ, эти законы были еще большою новостью. Весьма замѣчательно, что начало этимъ законамъ было положено въ кавказской странѣ, именно Турнефоромъ при восхожденіи его на Араратъ. Онъ первый замѣтилъ, что настоящія азійскія растенія находятся только при подошвѣ этой горы, а поднимаясь выше, онъ встрѣчалъ, по порядку, сперва италіянскую флору, потомъ парижскую, шведскую и наконецъ лапландскую. Замѣчаніе Турнефора вскорѣ было подтверждено наблюденіями Линне на Скандинавскихъ горахъ, и особенно Гумбольдтомъ при восхожденіи его на высочайшія горы Южной Америки. По тому же предмету предшественниками Паррота были еще Валенбергъ и Рамондъ. Въ кавказской флорѣ Парротъ не только нашелъ подтвержденіе того, что было уже замѣчено его предшественниками въ другихъ странахъ, но и пополнилъ это еще новыми наблюденіями.

Несмотря на все это, ботаническія наблюденія Паррота не произвели между тогдашними учеными столько шуму, какъ его барометрическія измѣренія, которыя онъ предпринималъ для опредѣленія высоты морей Каспійскаго и Чернаго. Мы видѣли выше, что Каспійское море далеко отошло отъ своихъ прежнихъ береговъ, и слѣдовательно, казалось, должно было понизиться въ сравненіи съ Чернымъ и другими морями, имѣющими сообщеніе съ Океаномъ. Но какъ велико это пониженіе?—вопросъ чрезвычайно важный, особенно для геологіи Кавказа. Его старался рѣшить еще нашъ геніальный Ломоносовъ, предлагая снарядить экспе-

---

[1] *Кавказскій календарь на 1853 годъ.* Стр. 472.

дицію, которая бы *произвела нивеллированіе между Каспійскимъ и Черными морями* [1]. Парротъ почти первый сдѣлалъ рѣшительную попытку осуществить предположеніе Ломоносова. Онъ подвергнулъ барометрическому измѣренію пространство, лежащее между означенными морями при сѣверной подошвѣ Кавказа, и нашелъ, что Каспійское море дѣйствительно ниже Чернаго. Но какъ вы думаете, на сколько? на 350 футовъ! Въ половинѣ прошлаго столѣтія, астрономъ Шаппъ д'Отерашъ (Chappe d'Auterache), основываясь на барометрическихъ наблюденіяхъ Лекре производившихся съ 1732 по 1749 годъ, опредѣлилъ уровень Каспійскаго моря почти во столько же, во сколько Парротъ (51 туаз.), и отвергнулъ это, какъ несбыточный результатъ [2]. Но Парротъ призналъ его совершенно справедливымъ, и съ полною увѣренностію сообщилъ о томъ ученому свѣту.

Открытіе Паррота занесено въ науку, и доставило ему огромную славу. Но эта самая слава, переходившая изъ одного сочиненія въ другое, повидимому, тревожила Паррота и ставила его въ отвѣтственность передъ наукою. Онъ чувствовалъ необходимость провѣрить свои наблюденія, и потому искалъ случая предпринять второе путешествіе на Кавказъ. Съ этимъ вмѣстѣ ему хотѣлось еще совершить ученую экспедицію на Араратъ, и, если можно, достигнуть его вершины, дотолѣ почитавшейся недоступною. По обстоятельствамъ, Парротъ не могъ приступить къ выполненію задуманнаго имъ плана прежде 1828 года. Въ это время, вмѣстѣ съ нимъ были отправлены на Кавказъ еще двое молодыхъ ученыхъ, именно Ѳедоровъ, бывшій потомъ профессоромъ астрономіи въ Кіевскомъ университетѣ, и Бегагель, сопровождавшій Паррота въ качествѣ минералога и сотрудника по части барометрической нивеллировки. Кромѣ того, Парроту сопутствовали два студента Дерптскаго университета, Генъ и Шиманъ, преимущественно для собиранія растеній и животныхъ во время путешествія.

По прибытіи въ Ново-Черкасскъ, экспедиція раздѣлилась на двѣ партіи: Ѳедоровъ отправился черезъ Ставро-

---

[1] Д. М. Перевощиковъ. *Геодезическія и топографическія работы въ Россіи.* Въ *Магазинѣ* Фролова. Т. III. стр. 31—33.

[2] Dr. H. Berghaus, *Allgemeine Länder- und Völkerkunde*, 2 B. 1837. Стр. 360.

поль на Моздокъ, а Парротъ и Бегагель поворотили къ устью Маныча, откуда они предполагали начать свою сравнительную нивеллировку. Парротъ избралъ для этого степь, которая лежитъ по теченію Маныча и представляетъ кратчайшее разстояніе между обоими морями. Собственно они производили измѣреніе только на протяженіи 250 верстъ, именно до соединенія Маныча съ рѣкою Калаусомъ, а остальное пространство до Каспія старались опредѣлить изъ болѣе достовѣрныхъ разказовъ тамошнихъ жителей. Кромѣ того, они произвели еще двѣ нивеллировки: отъ Астрахани до Царицына по теченію Волги, отъ Царицына до Качалинска на Дону, и оттуда внизъ по этой рѣкѣ до Старо-Черкасска. Для вѣрности результата, по словамъ Паррота, были приняты всѣ возможныя предосторожности, какія необходимы въ подобныхъ наблюденіяхъ.

Какой же наконецъ результатъ этой новой нивеллировки? Согласенъ ли онъ съ прежнимъ, или уклоняется отъ прежняго, и на сколько?

Результатъ теперешней нивеллировки поставилъ Паррота въ страшное недоумѣніе: онъ былъ совершенно противоположенъ прежнему! Но Парротъ съ благородною рѣшимостью опровергнулъ свою семнадцатилѣтнюю славу, и сказалъ прямо, что между высотами морей Чернаго и Каспійскаго нѣтъ значительной разницы. Этого мало, свой прежній выводъ онъ призналъ совершенно ошибочнымъ, приписывая его невниманію къ нѣкоторымъ условіямъ въ наблюденіяхъ и неисправности употребленныхъ имъ тогда барометровъ. Мы отдаемъ полную справедливость высокому самоотверженію Паррота; только сожалѣемъ, что онъ не высказалъ этого въ то время, когда сообщалъ ученому свѣту о своемъ блестящемъ открытіи.

По крайней мѣрѣ, теперешнія вторичныя измѣренія привели ли Паррота къ настоящему результату? Выводъ, который онъ получилъ изъ своихъ послѣднихъ наблюденій, справедливѣе ли перваго?

Трудно было довѣриться этому выводу, вопервыхъ, потому что онъ былъ совершенно противоположенъ первому, а вовторыхъ потому, что находился въ явномъ противорѣчіи съ другими барометрическими измѣреніями, которыя были произведены около того же времени въ прикаспійскихъ странахъ. Я разумѣю измѣренія русскихъ ученыхъ

Гофманна и Гельмерсена, и особенно Гумбольдта во время путешествія его по южной Россіи. Они находили, что Каспійское море должно быть ниже Чернаго. Такое противорѣчіе въ результатахъ, само собою разумѣется, не только не разрѣшало вопроса, давно занимавшаго ученыхъ, но еще болѣе запутывало его. Дабы выйдти изъ этого недоразумѣнія, по ходатайству Петербургской академіи наукъ, въ 1836 году была снаряжена особая экспедиція изъ трехъ извѣстныхъ астрономовъ, Фуса, Савича и Саблера, съ тѣмъ чтобъ они уже не барометромъ, а тригонометрическою нивеллировкою опредѣлили относительную высоту морей Каспійскаго и Чернаго или Азовскаго. Между этими крайними пунктами, экспедиціей были произведены четыре ряда наблюденій, независимыхъ одно отъ другаго, и результаты каждаго изъ нихъ были весьма близки между собою. Средній результатъ показалъ, что Каспійское море дѣйствительно ниже Чернаго, какъ всегда думали, но не болѣе, какъ на 83, 67 англ. ф. Такимъ образомъ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно [1].

Послѣ барометрической нивеллировки Парротъ и Бегагель отправились въ Моздокъ, чтобы соединиться съ Ѳедоровымъ, и вмѣстѣ продолжать путешествіе къ Арарату. Для переѣзда на противоположную сторону Кавказа въ то время существовала одна дорога, Военно-Грузинская, отчасти уже знакомая Парроту изъ его перваго путешествія. Она идетъ отъ Владикавказа до Тифлиса, сперва вверхъ по теченію Терека, и потомъ внизъ по теченію Арагвы, стремящейся въ прелестныя долины Грузіи, и недалеко отъ Тифлиса впадающей въ Куру. Въ Тифлисѣ, по обстоятельствамъ, экспедиція должна была пробыть долѣе нежели сколько она предполагала; впрочемъ, въ продолженіе этого времени она оставалась не безъ дѣла. Ѳедоровъ занимался географическимъ опредѣленіемъ Тифлиса, другіе—магнитными наблюденіями, и обозрѣніемъ тамошнихъ минеральныхъ источниковъ. На пути отъ Тифлиса до Арарата экспедиція должна была перерѣзать многія горныя цѣпи, простирающіяся тутъ отъ запада къ востоку, каковы Безобдалъ, Памбакъ и другія. Все это пространство, считающееся въ 200 верстъ, было вынивеллировано Парротомъ,

[1] См. ниже о томъ же въ путешествіи Омеръ-де-Геля.

для того чтобы съ большею точностію опредѣлить высоту самого Арарата.

Наконецъ экспедиція при подошвѣ Арарата.

„Какъ сильно дѣйствіе звуковъ,“ говоритъ Пушкинъ. При одномъ этомъ имени, ему казалось уже, что онъ видитъ ковчегъ, причалившій къ вершинѣ этой библейской горы, съ надеждой обновленія и жизни, видитъ врана и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія... Но, помимо этихъ библейскихъ воспоминаній, однимъ внѣшнимъ видомъ, Араратъ производитъ глубокое и неизъяснимое впечатлѣніе на каждаго сколько-нибудь сочувствующаго красотамъ природы. Многіе путешественники пытались изобразить это впечатлѣніе опытнымъ перомъ или искусною кистію, но рѣдкому изъ нихъ удавалось избѣгнуть поэтическаго увлеченія. Для доказательства этого достаточно привести слова путешественника Морье. „Перешедши равнину Аббасъ-Абада, мы наслаждались великолѣпнымъ видомъ на Араратъ. Нѣтъ ничего прекраснѣе его формъ, ничего удивительнѣе и поразительнѣе его гигантской величины; въ сравненіи съ нимъ всѣ сосѣднія горы исчезаютъ; его видъ совершенство во всѣхъ частяхъ: ни одной грубой черты, ни одного неестественнаго возвышенія; повсюду гармонія, и все, повидимому, соединилось для того чтобы представить одно изъ самыхъ величественныхъ явленій природы.“ [1] Такое же преувеличеніе замѣчается и во всѣхъ извѣстныхъ видахъ Арарата, писанныхъ различными художниками. На экспедиціи лежала обязанность исправить всѣ эти неправильности, зависящія отъ впечатлительности наблюдателя или отъ оптическаго обмана, все кажущееся замѣнить дѣйствительнымъ, со всею точностью измѣрить эту гору, опредѣлить ея положеніе, высоту и т. д.

Араратъ, поднимающійся надъ южною равниной Аракса, стоитъ на границѣ между владѣніями Турціи, Персіи и Россіи. Его составляютъ двѣ горы, Большой и Малый Араратъ; вершины ихъ отстоятъ одна отъ другой по прямой линіи на десять верстъ, а подошвы соединены обширною

---

[1] *Second voyage en Perse, en Arménie, et dans l'Asie le mineure fait de 1810 à 1816.* par Jacques Morier sécrétaire de la dernière ambassade et ministre plénipotentiaire à la cour de Perse. Trad. de l'Anglais. T. II. Paris, 1818. стр. 237.

долиной, представляющею превосходное пастбище. На сѣверо-восточной сторонѣ Большаго Арарата уже издали можно видѣть огромную разсѣлину, простирающуюся сверху до низу; ее называютъ мрачнымъ ущеліемъ Арарата или долиною Св. Іакова; при нижнемъ концѣ этой долины, въ то время, находились селеніе Аргури и монастырь Св. Іакова. Малый Араратъ, по формѣ своей, болѣе подходитъ къ правильному конусу чѣмъ Большой. Множество блестящихъ бороздъ, нисходящихъ отъ самой вершины этого конуса, придаютъ ему особенно привлекательный видъ. Постояннымъ или вѣчнымъ снѣгомъ покрытъ одинъ Большой Араратъ, красующійся двумя блестящими вершинами. Книзу снѣговая оболочка его разорвана многими рядами черныхъ скалъ, и потому имѣетъ зубчатую форму. По выраженію Паррота, она походитъ на прекрасно-собранный воротникъ изъ бѣлой блестящей матеріи на темномъ фонѣ.

Мы не будемъ слѣдовать за смѣлымъ путешественникомъ шагъ за шагомъ при восхожденіи его на Араратъ, а покажемъ только главнѣйшіе ступени или отдѣлы его восхожденія. Парротъ достигъ вершины Арарата въ три различные пріема; двѣ первыя попытки служили только для того, чтобы, такъ сказать, приглядѣться къ Арарату, или познакомиться съ трудностями при изслѣдованіи горы.

Первое восхожденіе на Араратъ Парротъ сдѣлалъ въ сопровожденіи только одного изъ своихъ товарищей по экспедиціи. Они отправились 12 сентября, и постоянно слѣдовали направленію долины Св. Іакова, взбираясь по голымъ утесамъ. На другой день путешественники находились уже въ той области Арарата, которая представляетъ вѣчные снѣга и льды, и поднялись до высоты 14.550 пар. фут. надъ моремъ, но должны были воротиться назадъ по недостатку съѣстныхъ припасовъ.

Второе восхожденіе было предпринято Парротомъ 18 сентября. Въ этотъ разъ его сопровождали Бегагель, нѣсколько армянскихъ крестьянъ изъ селенія Аргури, и староста этого селенія Степанъ Меликъ. По совѣту этого опытнаго старика, они рѣшились взойдти на Араратъ другою дорогой, съ сѣверо-западной стороны, которая нѣсколько длиннѣе восточной, но гораздо положе ея. При этомъ второмъ восхожденіи путешественники были остановлены бурею, какія часто случаются тамъ въ осенніе

мѣсяцы, и бываютъ весьма опасны. Отправляясь въ обратный путь, они водрузили большой крестъ со стороны Эривани, и на немъ укрѣпили свинцовую доску съ латинскою надписью. Парротъ повѣсилъ на крестъ барометръ свой, и опредѣлилъ высоту мѣста, на которомъ они находились; они стояли на высотѣ 15.138 пар. ф. надъ моремъ, или на 350 ф. выше Монблана.

Третье восхожденіе на Арарать, увѣнчавшееся уже полнымъ успѣхомъ, было предпринято Парротомъ довольно поздно, 26 сентябрл. Прежній опытъ научилъ экспедицію, что весь успѣхъ восхожденія зависитъ оттого, чтобы провести первую ночь какъ можно ближе къ снѣговому предѣлу; тогда на слѣдующій день экспедиція имѣетъ довольно времени дойдти до вершины и возвратиться къ мѣсту ночлега. Съ этими предосторожностями, на слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, они были уже на томъ уступѣ, гдѣ водрузили крестъ. Отсюда, по направленію къ вершинѣ, путешественники прошли еще три или четыре уступа, вездѣ прорубая для себя ступени, и вдругъ почувствовали холодный воздухъ вершины. „Я сталъ позади одного изъ ледниковъ, пишетъ Парротъ, и изумленнымъ глазамъ моимъ представилась вся глава Арарата.“ Употребивъ еще одно усиліе, пройдя еще одну такую же ледяную равнину, они стояли уже на вершинѣ Арарата!

Трудно представить себѣ то величайшее наслажденіе, какое должны были чувствовать Парротъ и его спутники, достигнувъ такой высоты, которая до того времени почиталась недосягаемою.

Съ вершины Арарата открылось передъ ними необозримое пространство. Повсюду воздымались горы. Но величественнѣе другихъ рисовалась передъ ними зубчатая глава Алагеза, лежащаго на сѣверъ отъ Арарата, и въ своихъ углубленіяхъ покрытаго огромными массами снѣга. Малый Арарать, ближайшій сосѣдъ Большаго, казался имъ отсюда не остроконечнымъ конусомъ, какъ изъ долины, а четырехстороннею плоскостію, съ утесистыми возвышеніями. Вершины Большаго Арарата, западная и восточная, теперь также могли быть опредѣлены съ большею точностію. Парротъ съ своими товарищами находились на западной вершинѣ. По измѣренію Ѳедорова и самого Паррота, она имѣетъ 16,254 пар. ф. высоты надъ поверхностію моря. Восточная

вершина ниже западной, но не болѣе какъ на 7 фут. [1], и отдѣляется отъ нея снѣжною долиною въ четверть версты или нѣсколько болѣе.

Путешественники, оставляя вершину Арарата, водрузили на ней крестъ, какъ знаменіе побѣды своей надъ ея мнимою недоступностью.

Послѣ этого Парроту оставалось побывать еще на Маломъ Араратѣ, но это восхожденіе, послѣ испытанныхъ трудностей, должно было казаться ему простою прогулкой. Въ своей нижней половинѣ, Малый Арарать большею частію состоитъ изъ лавовыхъ массъ, легкихъ и рыхлыхъ, или даже превратившихся въ вулканическій песокъ. Тутъ же можно видѣть тѣ полосы, которыя нисходятъ отъ самой вершины, и уже издали такъ прекрасно и оригинально характеризуютъ эту гору; онѣ не иное что̀ какъ борозды, которыя пролегаютъ въ рыхлой вулканической почвѣ, и, по всей вѣроятности, образуются весеннею водой. Въ верхней половинѣ Малаго Арарата путешественники повсюду встрѣчали дикія и крутыя скалы, поднимающіяся въ видѣ гребней отъ 40 до 50 ф. Вершину этой горы Парротъ нашелъ точно такою, какою казалась она ему съ Большаго Арарата. По измѣреніямъ Паррота и Ѳедорова (барометрически и тригонометрически), она имѣетъ 12.284 пар. ф. высоты надъ моремъ, слѣдовательно почти 4 тысячами футовъ ниже Большаго Арарата.

Такимъ образомъ экспедиція кончила свои занятія по Арарату, составлявшему главную цѣль ея путешествія въ эту страну. Для болѣе вѣрной оцѣнки ея трудовъ, мы въ краткихъ словахъ укажемъ тѣ результаты, которыхъ она достигла.

Вопервыхъ, она опредѣлила географическое положеніе Арарата и его высоту. Теперь мы положительно знаемъ, что Арарать выше всѣхъ извѣстныхъ горъ, исключая гигантскихъ пиковъ, находящихся въ средней Азіи и въ южной Америкѣ, и нѣкоторыхъ изъ кавказскихъ вершинъ; изъ послѣднихъ Арарать уступаетъ только Эльбрусу (18.523 и 18.453 п. ф.), и Безыменной горѣ (16.941). Всѣ означен-

[1] По барометрическимъ измѣреніямъ Абиха, восточная вершина ниже западной 7 туазами (44,7 англ. ф.).

ные пики подымаются изъ среды другихъ возвышенныхъ горъ; Араратъ, напротивъ, стоитъ одиноко на южной окраинѣ Аракской долины, и почти съ самой подошвы отдѣленъ глубокими лощинами отъ сосѣднихъ горъ, отчего онъ кажется еще громаднѣе въ сравненіи съ ними. Большой Араратъ, по астрономическому опредѣленію Ѳедорова, лежитъ подъ 39°42′ сѣверной широты и 61°35′ восточной долготы, считая отъ острова Ферро; Малый Араратъ находится подъ 39°39′ сѣверной широты и 62°2′ восточной долготы отъ того же меридіана.

Та же экспедиція опредѣлила границу постояннаго снѣга на Большомъ Араратѣ, или его снѣговую линію. Парротъ нашелъ ее на высотѣ 13.300 п. ф. надъ поверхностію моря. Ниже этого предѣла снѣговая оболочка Арарата даетъ отъ себя множество отростковъ, спускающихся на бо́льшую или меньшую глубину, оттого она и имѣетъ тотъ зубчатый видъ, о которомъ мы говорили выше. Эти зубцы или отростки большею частію суть ледники. Нѣкоторые изъ нихъ останавливаются на высотѣ 11.844 ф.; другіе спускаются ниже; самыя же глубокія или наиболѣе спускающіяся ледяныя массы находятся въ долинѣ Св. Іакова.

Кромѣ этого, экспедиція ознакомила насъ съ геологическимъ образованіемъ Арарата. Она вездѣ находила то лаву, то шлаки, то пепелъ или песокъ, то трахитовыя массы, съ болѣе или менѣе явными признаками порфироваго образованія. Парротъ насчитываетъ 11 различныхъ измѣненій этихъ породъ; но всѣ эти измѣненія, сколько можно судить по описанію, не иное что̀ какъ трахитъ, подвергавшійся болѣе или менѣе сильному подземному жару, и потому выступавшій изъ земли то тѣстообразною массою, то жидкою какъ лава. Судя по множеству вулканическаго пепла и кусковъ огарины, покрывающихъ скаты Большаго и Малаго Арарата, тутъ необходимо въ прежнія времена долженъ былъ находиться настоящій вулканъ.

Въ ботаническомъ отношеніи восхожденіе Паррота на Араратъ также не осталось безъ пріобрѣтеній. Каменистая почва этой горы и слишкомъ позднее время года были причиною, что Парротъ не могъ собрать богатой растительной жатвы; по крайней мѣрѣ онъ убѣдился, что распредѣленіе растеній на склонахъ Арарата слѣдуетъ тому

же закону, какой замѣченъ имъ во время перваго путешествія по Кавказу, на Казбекѣ; послѣ этого, то же самое онъ имѣлъ случай видѣть въ Швейцаріи, Италіи и на Пиренеяхъ.

Оставляя вмѣстѣ съ экспедиціей Араратъ, намъ необходимо объяснить одно обстоятельство, совершенно случайное, но чрезвычайно важное для чести Паррота. На Кавказѣ, и особенно въ Закавказьѣ, никто не вѣритъ, чтобы Парротъ когда-нибудь былъ на самой вершинѣ Арарата. Вершина этой священной горы, по общему мнѣнію тамошнихъ жителей, недоступна; точнѣе сказать, самая мысль взойдти на ея вершину, почитается уже дерзостію или святотатствомъ. Вотъ что разказываютъ объ этомъ въ армянскихъ лѣтописяхъ. Св. Іаковъ, жившій отшельникомъ въ ущеліяхъ Арарата, по случаю возникшихъ въ его время споровъ о потопѣ, рѣшился побывать самъ на вершинѣ Арарата, чтобъ удостовѣриться, находится ли еще тамъ Ноевъ ковчегъ. По слабости силъ и по крутости горы, святой отецъ часто засыпалъ отъ усталости, и никакъ не могъ достигнуть вершины. Господь сжалился надъ нимъ и послалъ ангела, который явился ему во время сна, и объявилъ, что его желаніе не можетъ быть исполнено, что вершина горы недоступна, но что за ревность его Богъ посылаетъ ему кусокъ дерева отъ Ноева ковчега, стоящаго на вершинѣ. Этотъ обломокъ допотопнаго дерева и теперь хранится въ Эчміадзинскомъ монастырѣ, какъ залогъ благоволенія Всевышняго.

Мы нисколько не удивляемся, если простой народъ, вслѣдствіе какого-либо религіознаго повѣрья, или просто приходя въ ужасъ отъ вѣчныхъ снѣговъ покрывающихъ вершину Арарата, почитаетъ ее недоступною; но нельзя не удивляться тому, что многіе изъ людей весьма образованныхъ, или даже ученыхъ, были объ ней того же самаго мнѣнія, и публично, печатно, заподазривали экспедицію Паррота. Невозможность подняться на какую-либо гору можетъ быть абсолютная и относительная. Абсолютная невозможность зависитъ единственно отъ высоты горы, если вершина ея подымается въ такіе слои атмосферы, гдѣ воздухъ, по своей разрѣженности, не способенъ болѣе для дыханія. Относительная невозможность можетъ зависѣть только отъ внѣшняго образованія горы, и особенно отъ ея чрез-

вычайной крутости. Но представляетъ ли Араратъ какое-либо изъ этихъ препятствій? Араратъ, какъ доказано тригонометрическимъ измѣреніемъ, подымается до 16.254 п. ф. Конечно, высота весьма большая; но все-таки гораздо менѣе той, достигнуть которой удавалось человѣку. Гумбольдтъ и Буссенго, пытаясь взойдти на вершину Чимборазо, поднялись болѣе нежели на 18.000 ф., а Ге-Люсакъ поднялся на аэростатѣ еще выше, до высоты 21.000 ф. Изъ этого ясно, что абсолютной невозможности достигнуть вершины Арарата не существуетъ. По крайней мѣрѣ, наружный видъ этой горы не представляетъ ли какого-либо неодолимаго препятствія къ восхожденію? Такимъ препятствіемъ, мы сказали, въ особенности можетъ быть чрезвычайная крутость горы, именно когда склоны ея имѣютъ 40° или болѣе 40° наклоненія. Но Араратъ не имѣетъ и этого неудобства: въ своей нижней половинѣ онъ представляетъ въ среднемъ числѣ не болѣе 18° наклоненія. Въ верхней половинѣ, по мѣрѣ возвышенія, Араратъ становится круче; въ самыхъ обрывистыхъ мѣстахъ уголъ наклоненія бываетъ въ 35°, 40° и болѣе. Но тутъ помогаетъ восхожденію особенное устройство Арарата: бока его почти до самой вершины прорѣзываются длинными рядами черныхъ скалъ, представляющихся издали какъ бы гривою серебристой главы Арарата; по этимъ скаламъ, какъ по лѣстницѣ, можно добраться до самой вершины. Очевидно, относительной невозможности взойдти на Араратъ также не существуетъ. Но лучшимъ доказательствомъ этой возможности служитъ самое событіе: Парротъ взошелъ на вершину Арарата, а послѣ него тамъ были еще Спасскій и Абихъ.

Спасскій-Автономовъ, братъ нашего покойнаго товарища профессора Спасскаго, изъ личнаго любопытства и отчасти чтобъ удостовѣриться, дѣйствительно ли Парротъ достигъ вершины Арарата, въ 1834 году рѣшился самъ побывать на этой священной горѣ. Не придавая своему предпріятію никакого особеннаго значенія, онъ отправился на Араратъ съ однимъ изъ своихъ товарищей и съ двумя проводниками, изъ числа тѣхъ, которые сопровождали Паррота, и весьма счастливо взошелъ на вершину горы. Онъ видѣлъ большой крестъ, поставленный Парротомъ, и уже занесенный снѣгомъ; малаго креста, водруженнаго на самой вершинѣ, Спасскій не отыскалъ, но въ существованіи его не можетъ быть

никакого сомнѣнія; по малой величинѣ своей онъ совершенно занесенъ снѣгомъ, когда и большой, который ровно вдвое выше его, теперь едва былъ виденъ изъ-подъ снѣга. Проводники сами показывали Спасскому то мѣсто на вершинѣ горы, гдѣ былъ поставленъ малый крестъ. Отъ сѣверо-западной вершины, на которую восходилъ Парротъ, Спасскій отправился къ сѣверо-восточной, которая почитается менѣе высокой и отдѣлена отъ первой глубокою снѣжною равниной. На эту послѣднюю вершину въ послѣдствіи всходилъ Абихъ, но одинъ Спасскій былъ на обѣихъ вершинахъ [1].

Этимъ мы оканчиваемъ путешествіе Паррота. На возвратномъ пути въ Европу, онъ не столько интересовался кавказскою природою, сколько тамошними народами, ихъ обычаями, нравами и т. п. Все это чрезвычайно любопытно, но не имѣетъ отношенія къ нашему предмету.

III.

Когда Парротъ восходилъ на Араратъ, въ то же время (отъ 8 іюля до 1 августа) другая экспедиція изъ русскихъ ученыхъ взбиралась на Эльбрусъ, самую гигантскую вершину Кавказской цѣпи, и также почитавшуюся до того времени недоступною, какъ по физическимъ причинамъ, такъ и потому что подошва этой горы была окружена независимымъ и воинственнымъ племенемъ, Карачаевцами.

Генералъ Эммануэль, покоривъ этотъ народъ, составилъ проектъ военной экспедиціи въ тамошнюю страну. Цѣлью этой экспедиціи было собрать точныя свѣдѣнія о высотѣ горъ, о направленіи и глубинѣ долинъ, о богатствѣ ихъ лѣсомъ и пастбищами, и отыскать удобнѣйшія позиціи для военной линіи. Сверхъ того, имѣлось въ виду показать Горцамъ, что ихъ скалы, ихъ тѣсныя ущелія, ихъ бурные потоки и снѣга не суть препятствія непобѣдимыя для русскаго солдата, столько же привыкшаго ко всѣмъ трудностямъ, какъ они сами. Но кромѣ этихъ политическихъ и военныхъ видовъ, генералу хотѣлось въ то же время достигнуть еще какихъ-либо научныхъ интересовъ. Съ этою цѣ-

---

[1] *Всходъ на Араратъ, или вакаціальная прогулка отъ Тифлиса до вершинъ Арарата*, К. Спасскаго-Автономова. Москва. 1839 г.

лію онъ обратился въ Петербургскую академію наукъ, и предложилъ ей воспользоваться посылаемою имъ экспедиціей. Академія тотчасъ же снарядила особую экспедицію изъ извѣстныхъ ученыхъ, Ленца, Мейера и Менетріэ, подъ главнымъ распоряженіемъ Купфера; первый для физическихъ наблюденій, второй для ботаники, третій для зоологіи, самъ же Купферъ для геологіи и магнитныхъ наблюденій [1].

Ученая экспедиція 8 іюля прибыла въ Горячеводскъ, или нынѣшній Пятигорскъ, лежащій, какъ мы видѣли выше, при самой подошвѣ Кавказа. Отсюда начинается холмистая равнина, постепенно возвышающаяся къ центральной цѣпи Кавказа. Съ одной стороны этой равнины горизонтъ ограничивается отдаленными и снѣжными горами, посреди коихъ гордо воздымается Эльбрусъ своими ослѣпительно-бѣлыми вершинами; съ другой стороны той же равнины,—необозримыя степи южной Россіи.

Изъ Горячеводска экспедиція тотчасъ же отправилась къ такъ-называемому *Каменному мосту* на рѣкѣ Малкѣ, гдѣ находился отрядъ артиллеріи, назначенный сопровождать ее до самаго Эльбруса. Отъ Каменнаго моста экспедиція, прежде чѣмъ двинулась къ своей главной цѣли, сдѣлала нѣсколько она въ горы, которыя составляютъ боковую цѣпь Кавказа (Кинжаль, Иналь) и пересѣкаются многими рѣками, Баксаномъ, Урдою, Малкою и другими. Въ этихъ экскурсіяхъ она должна была бороться съ большими затрудненіями. Вся боковая цѣпь Кавказа, отъ Горячеводска до Эльбруса, по описанію Купфера, представляетъ возвышенность, незамѣтно подымающуюся до высоты 8—9.000 фут. надъ моремъ, и разорванную по всѣмъ направленіямъ глубокими и узкими долинами. Вслѣдствіе такого образованія тутъ повсюду встрѣчаются то обширныя степи, гдѣ взоръ не находитъ ни одного дерева, ни одного селенія, то пропасти, куда свергаются бурные водопады.

На свои экскурсіи въ боковыя горы экспедиція употребила двѣнадцать дней, и только 20 іюля могла достигнуть долины Малки, которая беретъ свое начало при самой подошвѣ

---

[1] Kupffer, *Voyage dans les environs du mont Elbrous*, rapport fait à l'Académie des Sciences de St. Pétersb. 1830.

Эльбруса. Въ это время экспедиція находилась уже на высотѣ 8.000 футовъ, и вступила въ центральную цѣпь, представившую ей совершенно особенныя формы отъ тѣхъ, какія принадлежатъ боковой цѣпи. Это различіе видимо зависѣло отъ неодинаковаго внутренняго образованія тѣхъ и другихъ горъ. Дѣйствительно, боковая цѣпь Кавказа, по изслѣдованіямъ Купфера, состоитъ изъ нептуническихъ осадковъ, именно изъ песчаниковъ и известняковъ, имѣющихъ весьма правильное напластованіе; напротивъ того, центральную цѣпь Кавказа составляютъ глинистый сланецъ и трахитъ; послѣдній, прорѣзывая глинистый сланецъ, образуетъ скалы, подымающіяся до 12.000 ф. надъ моремъ и болѣе. Самый Эльбрусъ также состоитъ изъ трахита, который очень похожъ на трахитъ юго-американскаго вулкана Пичинчи.

Отправляясь на вершину Эльбруса, путешественники взяли съ собою лишь нѣсколько проводниковъ. Въ тотъ же день (21 іюля) они достигли снѣговаго предѣла, и оттуда могли обозрѣвать Кавказъ во всемъ его великолѣпіи. Купферъ описываетъ его такимъ образомъ: „Представьте себѣ вытянутую плоскость, отъ 8 до 10 тысячъ футовъ высоты, разорванную по всѣмъ направленіямъ узкими и глубокими долинами, и пересѣкаемую посрединѣ во всю длину гребнемъ живописныхъ скалъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ; этотъ гребень почти на половинѣ своей длины образуетъ глубокую, но весьма неширокую впадину; посреди ея конусъ съ двумя снѣжными вершинами, на которыхъ кое-гдѣ выдающіяся скалы представляются небольшими пятнами. Этотъ конусъ—Эльбрусъ. Высота его превосходитъ высоту сосѣднихъ вершинъ на 3—4.000 фут.“

Путешественники провели ночь при подошвѣ этого конуса, подъ защитой огромныхъ глыбъ чернаго трахита. На другой день они стали подыматься выше. Вскорѣ восхожденіе сдѣлалось столь затруднительнымъ, что необходимо было дѣлать ступени въ снѣгу, который былъ еще довольно твердъ. Когда солнечные лучи разорвали туманъ, долго носившійся подъ ногами путешественниковъ, то передъ ними открылись всѣ долины и горы, составляющія боковую цѣпь Кавказа. Самыя высокія вершины этой цѣпи, Иналь, Кинджаль, Бермамукъ и другія, расположились почти полукругомъ около Эльбруса, и представляютъ видъ

обширнаго кратера, посреди котораго подымается цѣлая громада вулканическихъ массъ, превосходящихъ высотой края самаго кратера.

Усиліе путешественниковъ достигнуть вершины Эльбруса, прежде нежели солнце успѣетъ размягчить снѣговую поверхность, утомило ихъ до того что они часто должны были останавливаться. Къ счастію, ближе къ вершинѣ, именно на высотѣ 14.000 ф. Эльбрусъ представляетъ рядъ голыхъ скалъ, состоящихъ изъ чернаго трахита, и образующихъ такую же лѣствицу, облегчающую восхожденіе, какую мы видѣли на Араратѣ. Несмотря на это, Купферъ не могъ продолжать дороги; одинъ только Ленцъ, сопровождаемый двумя Черкесами и однимъ казакомъ, все подвигался впередъ по той лѣствицѣ скалъ, о которой мы говорили. Когда Ленцъ достигъ уже послѣдней ступени этой лѣствицы, онъ находился на высотѣ 14.800 ф. До самой вершины ему оставалось не болѣе 600 ф. [1], но снѣгъ въ это время былъ уже до того мягокъ, что невозможно было идти по немъ. Очевидно, дабы достигнуть вершины, имъ надо было отправиться съ ночлега нѣсколькими часами ранѣе. Этимъ очень удачно воспользовался одинъ изъ Черкесовъ (Килларъ), сопровождавшихъ экспедицію, и болѣе ихъ знакомый съ тамошнею мѣстностію. Онъ ранѣе перешелъ границу постояннаго снѣга, и въ то время, когда Ленцъ достигъ послѣдней точки своего восхожденія, Черкесъ возвращался уже съ вершины.

Тутъ оканчивается самая важная часть путешествія ученой экспедиціи. Купферъ заключаетъ ее общимъ взглядомъ на центральную Кавказскую цѣпь. „Хотя въ центральной цѣпи Кавказа, говоритъ онъ, часто встрѣчаются отвѣсныя скалы, пропасти съ такими же отвѣсными стѣнами, и чудныя формы горъ, оживленныя каскадами, надо однако сознаться, что Кавказъ представляетъ гораздо менѣе живописныхъ положеній чѣмъ Альпы Швейцаріи и Тироля. Пустынность, его характеризующая, однообразіе и, можно

---

[1] По барометрическому измѣренію Купфера и Ленца выходитъ, что Эльбрусъ подымается только на 15.400 ф., но, по тригонометрическому опредѣленію академической экспедиціи 1836—37 годовъ, одна изъ его вершинъ (восточная) находится на высотѣ 18.453 ф., а другая (западная) 18.524 ф.

прибавить, простота геогностическаго образованія, исключаютъ ту живость въ цвѣтахъ, то разнообразіе въ контурахъ, ту свѣжесть, которыя придаютъ невыразимую прелесть смѣющимся долинамъ Швейцаріи. Взоръ путешественника тщетно ищетъ тутъ какого-либо селенія, обработаннаго поля; онъ не видитъ ничего, кромѣ пустыхъ скалъ и степей; даже и этотъ видъ скрывается отъ него постоянными туманами.“ Безъ сомнѣнія, это описаніе, основанное на обозрѣніи весьма ограниченнаго пространства, должно быть относимо только къ извѣстной части Кавказа, и принимаемо за личное впечатлѣніе автора. Быть-можетъ, многіе, короче знакомые съ Кавказомъ, и не будутъ съ нимъ согласны.

На возвратномъ пути въ Горячеводскъ путешественники спустились по кубанской долинѣ, одной изъ обширнѣйшихъ на всемъ сѣверномъ склонѣ Кавказа. Посѣтивъ Бештау и желѣзныя воды, и сдѣлавъ тутъ нѣкоторыя барометрическія наблюденія, Купферъ и Ленцъ отправились въ обратный путь, а Мейеръ и Менетріэ остались еще на нѣсколько времени для обозрѣнія Казбека.

Экспедиція Купфера, какъ видно изъ предыдущаго, не богата геологическими изслѣдованіями; вниманіе ея преимущественно было обращено на физическія наблюденія и на тамошнюю флору. Гораздо обильнѣйшіе результаты для геологіи Кавказа представляетъ путешествіе, которое теперь слѣдуетъ разсмотрѣть, именно путешествіе академика Эйхвальда. Собственно оно предшествовало экспедиціямъ Паррота и Купфера, но сдѣлалось извѣстнымъ ученому свѣту не прежде 1834—37 годовъ [1]. Онъ путешествовалъ по Кавказу въ то время, когда былъ профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ, именно въ 1825—26 годахъ.

Изслѣдованія Эйхвальда не ограничивались однимъ Кавказомъ; его столько же или еще болѣе интересовало Каспійское море съ своими историческими берегами. Тѣ же страны служили ему богатымъ матеріяломъ и для другихъ въ послѣдствіи изданныхъ имъ сочиненій. Мы разумѣемъ тутъ въ особенности два сочиненія Эйхвальда: *Alte Geographie des Kaspischen Meeres, des Kaukasus und des Südlichen*

---

[1] Dr E. Eichwald, *Reise auf dem Kaspischen Merre und in den Kaukasus*, in den Jahren 1825—26. 2 B-de Stuttgart und Tübingen, 1834—37.

Russlands, 1838, и *Fauna Caspio-Caucasia*, 1841. Ихъ можно назвать продолженіемъ его путешествія по Кавказу и Каспійскому морю. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, отправляясь въ эти страны, Эйхвальдъ предварительно изучилъ ихъ по всѣмъ возможнымъ источникамъ; иначе трудно было бы объяснить себѣ то удивительное разнообразіе историческихъ и политическихъ свѣдѣній, какое находится въ его путешествіи. Нельзя не удивляться также его обширному знакомству со всѣми естественными науками: онъ и ботаникъ, и зоологъ, и геологъ. Изъ всей массы этихъ разнородныхъ свѣдѣній, разсѣянныхъ въ его сочиненіи, мы остановимся только на томъ, что̀ относится къ нашему предмету.

Путешествіе Эйхвальда началось обозрѣніемъ Каспійскаго моря, съ его островами и берегами. Дабы вполнѣ оцѣнить его изслѣдованія въ этихъ странахъ, необходимо припомнить себѣ тѣ геніяльныя предположенія, которыя относительно тѣхъ же странъ были высказаны Гумбольдтомъ во время путешествія его по Россіи въ 1829 году [1]. По мнѣнію этого великаго наблюдателя, Каспійское море вмѣстѣ съ Аральскимъ составляютъ самую низменную часть огромнѣйшей впадины, какая только существуетъ на земной поверхности. Эту впадину онъ назвалъ *Арало-Каспійскою* котловиной. Подъ этимъ собственно надо разумѣть не однѣ прикаспійскія страны, а все пространство, которое, начавшись отъ западныхъ береговъ Чернаго моря, простирается чрезъ южную Россію до Хивы и далѣе, вѣроятно до озеръ Балкаша и Иссикъ-куля въ Джунгаріи. По выраженію Гумбольдта, это *страна-кратеръ* (pays-cratère), какими почитаются на лунѣ Гиппархъ, Архимедъ и Птоломей. Спрашивается: какое же физическое событіе могло понизить земную кору на такое обширное пространство? По мнѣнію Гумбольдта, образованію Каспійской котловины всего болѣе содѣйствовало поднятіе Кавказа и параллельныхъ ему азійскихъ горныхъ хребтовъ, именно Гиммалайскаго, Куенъ-лунскаго и Тянь-Шанскаго. Съ поднятіемъ этихъ огромныхъ хребтовъ, при подошвѣ ихъ необходимо должна была образоваться столь же огромная впадина или котловина.

Эйхвальдъ, обозрѣвая прикаспійскія страны, нашелъ са-

---

[1] A de Humboldt, *Fragmens de géologie et de climatologie asiatiques. Paris* 1831. Его же, *Asie centrale*. Paris, 1843.

мыя убѣдительныя доказательства, что вулканическія силы, участвовавшія въ образованіи каспійской котловины, еще донынѣ не успокоились и продолжаютъ дѣйствовать, поднимая ее въ однихъ мѣстахъ и опуская или понижая въ другихъ. Слѣды этого движенія, совершавшагося, безъ сомнѣнія, чрезвычайно медленно, въ теченіи многихъ столѣтій, были наблюдаемы Эйхвальдомъ преимущественно по направленію каспійскихъ береговъ. Такъ, около городовъ Баку, Тарки и на противоположномъ берегу около Тюкъ-Карагана, повсюду замѣчалъ онъ вымоины или террассы, заключающія въ себѣ множество раковинъ совершенно одинаковыхъ съ нынѣшними каспійскими. Эти вымоины находятся на такой высотѣ, до которой не досягаетъ нынѣшнее море, даже во время самаго сильнаго волненія. Очевидно, это то же самое, что̀ замѣчено Палласомъ на сѣверной сторонѣ Каспія, или въ Астраханской степи, но было объясняемо имъ не поднятіемъ земли, а усыханіемъ моря. Такія же явленія, по свидѣтельству Эйхвальда, обнаруживаются на берегахъ Балханскаго залива, и отсюда вдоль по всему восточному берегу до Астрабата. Поднятіе этого берега, по мнѣнію Эйхвальда, доказывается еще тѣми измѣненіями, которыя произошли въ направленіи теченія Аму-Дарьи или Оксуса. Эта рѣка, еще не такъ давно впадавшая въ Балханскій заливъ или въ Каспій, вслѣдствіе поднятія Трухменской степи, поворотила къ востоку и впала въ Аральское море. [1]

Несмотря на это общее поднятіе прикаспійской страны, въ ней находятся и такія явленія, которыя доказываютъ ея пониженіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Такъ въ недальнемъ разстояніи отъ Баку, каменныя стѣны какихъ-то зданій, безъ сомнѣнія, находившихся нѣкогда на берегу, опустились въ море на такую глубину, на которой могутъ быть видимы только въ ясную погоду [2]. Есть преданіе, и даже нѣкоторые историческіе намеки, что̀ берега Каспійскаго моря въ прежнее время соединялись между собою перешейкомъ, и что нынѣшній Апшеронскій полуостровъ съ одной

---

[1] Впрочемъ, Мурчисонъ думаетъ, что, быть-можетъ, Аму-Дарья отведена въ Аральское море туземцами искусственнымъ образомъ. См. *Геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго*, Мурчисона, Вернейля и графа Кейзерлинга. Пер. полковника Озерскаго. С.-Петербургъ 1849 ч. II. стр. 584.

[2] Ихъ принимаютъ за остатки каравансараевъ или гостиныхъ дворовъ.

стороны, и длинный Красноводскій съ другой, представляютъ остатки этого перешейка [1].

Нѣкоторые изъ ученыхъ такое предположеніе называютъ восточными сказками [2]. Мы не беремся рѣшать, въ какой степени оно справедливо исторически, но въ географическомъ отношеніи оно весьма правдоподобно; взглянувъ на карту Каспійскаго моря, вы какъ бы ищите глазами перешейка въ томъ небольшомъ промежуткѣ, который отдѣляетъ Апшеронскій полуостровъ отъ Красноводскаго. Существованіе предполагаемаго перешейка становится еще болѣе вѣроятнымъ, если припомнимъ, что на восточномъ берегу Каспія, именно вдоль Балхановъ, въ недавнее время найдено продолженіе Кавказа [3]. Уничтоженіе перешейка, о которомъ идетъ рѣчь, могло быть слѣдствіемъ пониженія морскаго дна, либо продолжительнаго размыванія водой.

Всѣ исчисленныя измѣненія Каспійской котловины, безъ сомнѣнія, зависѣли отъ огненно-жидкаго ядра, находящагося внутри земли. Оно обнаруживаетъ себя въ этихъ странахъ не только вѣковыми поднятіями и пониженіями, о которыхъ мы говорили выше, но и обыкновенными вулканическими явленіями, именно отдѣленіемъ нефти, углеводороднаго газа и такими же грязными изверженіями или сальсами, какія находятся на полуостровѣ Тамани. Главнымъ мѣстомъ этихъ явленій въ прикаспійской странѣ служитъ Апшеронскій полуостровъ и ближайшіе къ нему острова. Тамошнія изверженія почти всегда сопровождаются отдѣленіемъ нефти, выбрасываніемъ каменьевъ и огненными столбами, поднимающимися иногда на весьма большую высоту. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ изверженій такого рода было близъ селенія Гокмали, въ 15 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Баку, 27 іюля 1827 года. Главную причину огненныхъ явленій въ сальсахъ состав-

---

[1] Эти историческіе намеки Эйхвальдъ находитъ у Страбона и Помпонія Мелы, которые, намѣсто теперешняго Каспійскаго моря принимали два отдѣльныя, Каспійское и Гирканское. Существованіе предполагаемаго перешейка Эйхвальдъ подтверждаетъ еще свидѣтельствомъ г. Колоткина, который видѣлъ изображеніе его на одной изъ старыхъ персидскихъ картъ. Г. Колоткинъ извѣстенъ составленіемъ весьма хорошей карты Каспійскаго моря. Она приложена къ путешествію Эйхвальда.

[2] *Записки Русскаго Географическаго Общества.* Кн. XI. 1856, стр. 194.

[3] Мурчисонъ *Геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго.* Перев. Озерскаго. Т. I. стр. 1119.

ляетъ углеводородный газъ, отдѣляющійся вмѣстѣ съ водяными парами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Апшеронскаго полуострова этотъ газъ выходитъ прямо изъ земли. Близъ Баку онъ образуетъ такъ-называемые *вѣчные* или *священные огни*, постоянно поддерживаемые Индѣйцами, поклонниками огня. Углеводородный газъ выходитъ тутъ въ такомъ изобиліи, что Индѣйцы не только употребляютъ его въ своемъ монастырѣ вмѣсто дровъ для приготовленія пищи, но и проводятъ его въ большія, высокія трубы, гдѣ онъ непрерывно горитъ, и въ ночное время служитъ маякомъ для плавающихъ по Каспійскому морю.

Нефть, другой вулканическій продуктъ каспійской котловины, подобно углеводородному газу, поднимается изъ земли въ огромномъ количествѣ, цѣлыми родниками. Онъ собирается жителями въ особо устроенные колодцы, и составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ промышленностей для тамошняго края. Отдѣленіе нефти не ограничивается материкомъ; она находится на нѣкоторыхъ островахъ Каспійскаго моря, особенно на Челекенѣ, даже подымается со дна моря, и придаетъ водѣ свой отвратительный запахъ.

Кромѣ Апшеронскаго полуострова, сальсы и нефтяные источники были наблюдаемы Эйхвальдомъ въ Кахетіи между рѣками Іора и Алазань. Они находятся въ одной линіи съ Апшеронскими. При сѣверной подошвѣ Кавказа такую же вулканическую линію составляютъ таманскіе сальсы и тѣ, которые находятся близъ крѣпости Грозной, между рѣками Сунджей и Терекомъ.

Обозрѣвъ берега Каспійскаго моря, Эйхвальдъ проѣхалъ по всему южному склону Кавказа, отъ Баку и Сальяна до береговъ Чернаго моря. Въ описаніи этого пути встрѣчается множество замѣчаній, доказывающихъ глубокое знакомство автора со всѣми отраслями естествовѣдѣнія, и столь же глубокое съ древнею географіей Кавказа по греческимъ и римскимъ источникамъ. Въ геологическомъ отношеніи особенно замѣчательно описаніе разработокъ квасцоваго камня и мѣдныхъ Алавердскихъ рудниковъ. Первыя находятся въ Елизаветпольскомъ округѣ, около селенія Загликъ, и представляютъ богатѣйшій источникъ для добыванія квасцовъ. Алавердскіе рудники принадлежатъ къ горамъ Сомхетіи, которая тоже самое для Грузіи что Рудныя горы для Саксоніи.

Эйхвальду желательно было осмотрѣть озеро Гокчай, со всѣми его окрестностями, и побывать на Араратѣ; но желанія его, по обстоятельствамъ, не могли исполниться. Недостатокъ собственныхъ наблюденій въ этихъ странахъ онъ пополнилъ весьма любопытными извлеченіями изъ описанія ихъ русскими горными офицерами Гурьевымъ [1], Куномъ [2] и Воскобойниковымъ [3]. Не менѣе любопытно извлеченіе изъ путешествія по Кавказу Шлегельмильха, именно описаніе сѣверо-восточной части Памбакскаго хребта.

Возвращаясь въ Европу по Военно-Грузинской дорогѣ, Эйхвальдъ не могъ не обратить особеннаго вниманія на лавовые потоки, такъ часто встрѣчающіеся въ ущельяхъ Арагвы и Терека, и вытекавшіе нѣкогда изъ кавказскихъ вулкановъ, каковы напримѣръ Красныя горы, находящіяся близъ селенія Кашаура, на самомъ гребнѣ Кавказа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти лавовые потоки раздѣлены на призматическіе столбы, и представляются съ перваго взгляда настоящими базальтами. На сѣверной сторонѣ Кавказа вниманіе Эйхвальда преимущественно было обращено на тамошніе минеральные источники. Они описаны имъ весьма подробно [4].

IV.

Послѣ Эйхвальда путешествовали по Кавказу, вскорѣ одинъ за другимъ, Дюбуа [5], Кохъ [6] и Омеръ-де-Гель [7]. Въ

---

[1] *Путешествіе по Казахской и Шамшадильской дистанціямъ и Елизаветпольскому округу въ 1829 году. Горн. Жур.* 1830. кн. IV.

[2] *Геогностическое описаніе нѣкоторыхъ странъ Армянской области, въ особенности окрестностей озера Гокчая. Горн. Жур.* 1829. Кн. IV.

[3] *Описаніе горы, содержащей въ себѣ каменную соль, въ Армянской области, въ бывшей Эриванской провинціи. Горн. Жур.* 1828. Кн. II.

[4] Тотъ же предметъ изложенъ Эйхвальдомъ еще съ большею подробностію въ его недавнемъ сочиненіи: *О минеральныхъ водахъ Россіи въ естественноисторическомъ отношеніи.* Спб. 1860.

[5] Fr. Dubois de Montpéreux, *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abhases, en Colchide, en Georgie, en Arménie et en Crimée.* Avec atlas. Tome 1—6. Paris. 1839—1843.

[6] K. Koch. *Reise durch Russland und den Kaukasischen Istmus in den Jahren* 1836—38. Mit Atlas. Stuttg. u. Tübing. 1842.

[7] X. Hommaire-de-Hell, *Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale.* Avec atlas. Tom. 1—3. Paris. 1843—45

геологическомъ отношеніи главнѣйшій интересъ представляетъ путешествіе Дюбуа, на которомъ мы преимущественно и остановимся; о другихъ достаточно сказать нѣсколько словъ.

Омеръ-де-Гель провелъ около пяти лѣтъ въ южной Россіи, и особенно въ Крыму. Собственно на Кавказѣ онъ обозрѣвалъ только Кумо-Манычскую низменность, на пути отъ Астрахани въ Пятигорскъ, Ставрополь и Таганрогъ. Въ его путешествіи чрезвычайно много историко-географическихъ и физическихъ замѣчаній объ южной Россіи и объ Арало-Каспійской котловинѣ. Эти замѣчанія заимствованы имъ изъ древнихъ, либо изъ русскихъ писателей. Такъ относительно Каспійскаго моря онъ преимущественно пользовался извѣстнымъ сочиненіемъ Эйхвальда, и отчасти замѣчаніями инженеръ-поручика Фелькнера [1]. Его собственныя наблюденія надъ Кумо-Манычскою низменностію не имѣютъ большаго достоинства, какъ доказано это позднѣйшими изслѣдованіями академика Бэра. Описаніе его, говоритъ онъ, составлено такъ, какъ это сдѣлалъ бы человѣкъ, знающій описываемый предметъ только по наслышкѣ. Мнѣнія его относительно образованія нынѣшнихъ морей Чернаго и Каспійскаго, и его нивеллировка между Азовскимъ и Черными морями, также не выдерживаютъ строгой критики [2]. Геологическая карта, приложенная къ его сочиненію, ничѣмъ не отличается отъ карты Дюбуа и другихъ, которыя ему предшествовали.

Что касается до путешествія Коха по Кавказу, то въ геологическомъ отношеніи оно не имѣетъ почти никакого значенія. О немъ можно было бы и не упоминать, еслибы къ его сочиненію не было приложено геологической карты Кавказскаго перешейка. Впрочемъ, эта карта имѣетъ болѣе географическое чѣмъ геологическое достоинство, по своему слишкомъ общему обозначенію тамошнихъ формацій.

Переходимъ къ Дюбуа. Этого извѣстнаго ученаго, по всей справедливости, можно назвать основателемъ геологіи

---

[1] *Геогностическій обзоръ восточнаго берега Каспійскаго моря отъ Астрабадскаго залива до мыса Тюкъ-Карагана, въ 1836 году. Горн. Жур.* 1838. № I.

[2] См. ниже *Дополненіе* 1

Кавказа. Онъ первый познакомилъ насъ съ общимъ образованіемъ тамошнихъ горъ, и съ тѣми переворотами, которые подняли ихъ на нынѣшнюю высоту.

Дюбуа, кромѣ Кавказа, объѣзжалъ Украйну, Новороссію и Крымъ, и потому долго колебался, съ чего начать свое повѣствованіе, съ Украйны ли и Крыма, бывшихъ первыми и послѣдними предметами его изслѣдованій, или съ самаго сердца загадочнаго Кавказа, этого великаго центра историческихъ и геологическихъ явленій. Наконецъ, онъ нашелъ самымъ лучшимъ слѣдующій порядокъ:

„Очертить сначала высокую Кавказскую цѣпь, съ ея внутренними долинами; изучить древнюю Колхиду или Грузію при истокахъ Фазиса и Куры; спуститься въ тѣ обширные бассейны, гдѣ сосредоточены ея памятники, ея столицы; посѣтить ея братьевъ въ Арменіи, по ту сторону высокихъ горъ, всегда таинственно увѣнчанныхъ снѣгами и льдами; прослѣдить теченіе бурнаго Аракса до широкихъ прикаспійскихъ равнинъ, умѣряющихъ его быстроту;—потомъ, переступивъ черезъ Кавказъ по его средней линіи, вступить въ другія равнины, въ эти необозримыя степи, обширныя пастбища, обширныя мѣста побоищъ, и столбовыя дороги столькихъ различныхъ народовъ, которые, выходя изъ Азіи какъ бурный потокъ, были отбрасываемы къ сѣверу суровыми отрогами недоступнаго для нихъ Кавказа; посѣтить становища, и могилы Скиѳовъ, Сарматовъ, Готовъ, Славянъ и Варяговъ; мимоходомъ побывать въ Тавридѣ, этомъ сокращенномъ Кавказѣ, настоящей точкѣ соприкосновенія Европы съ Азіей, великомъ рынкѣ древней Греціи, таящемъ въ себѣ еще такъ много сокровищъ.“

Дюбуа путешествовалъ четыре года. Изслѣдованія его до того разнообразны, что могли бы сдѣлать честь любой экспедиціи, состоящей изъ многихъ ученыхъ, и археологовъ, и историковъ, и географовъ, и геологовъ, и ботаниковъ. Конечно, для разработки собранныхъ имъ матеріяловъ, онъ обращался къ помощи и совѣту извѣстныхъ ученыхъ, исключительно занимающихся этими предметами. Такъ относительно геологіи и минералогіи онъ пользовался совѣтами Буха, Эли-де-Бомона, Агассица и Густава Розе. Великолѣпный атласъ, приложенный къ сочиненію Дюбуа, состоитъ изъ пяти отдѣловъ: географическаго, видописнаго

(pittoresque), архитектурнаго, археологическаго и геологическаго.

Мы остановимся на однихъ геологическихъ изслѣдованіяхъ Дюбуа.

Какъ у путешественника, переходившаго отъ одной мѣстности къ другой и останавливавшагося преимущественно на томъ что̀ поражало его своею особенностію въ томъ или другомъ отношеніи, геологическія изслѣдованія Дюбуа не представляютъ никакой опредѣленной системы, а разбросаны по всему сочиненію. Геологическія описанія постоянно перемѣшиваются у него съ другими, и особенно съ описаніями великолѣпной кавказской природы, тамошнихъ водопадовъ, ущелій, пороговъ, отвѣсныхъ скалъ, горныхъ переваловъ и т. п., и достаются читателю безъ всякаго труда, посреди самой увлекательной бесѣды. Впрочемъ, какъ эти описанія ни живы, все-таки читателю остается еще много для собственнаго соображенія, для приведенія всѣхъ этихъ частностей въ одно цѣлое. Дюбуа самъ чувствовалъ необходимость общаго геологическаго взгляда на Кавказъ, и сообщилъ его въ послѣдствіи въ особомъ письмѣ къ Эли де-Бомону: „Сперва я думалъ, пишетъ Дюбуа, сообщать вамъ отъ времени до времени родъ своихъ путевыхъ журналовъ; но послѣ разсудилъ, что извѣщенія мои будутъ короче и яснѣе, когда, пропустивъ всѣ излишнія подробности, я поставлю себя вдругъ на такую точку, откуда удобно будетъ наблюдать развитіе геологическихъ силъ и главныя ихъ дѣйствія. Итакъ я прошу васъ взойдти со мною на вершину Кавказа, откуда мы увидимъ слѣдующія явленія.“ [1]

Кавказъ, по мнѣнію Дюбуа, есть слѣдствіе трехъ или четырехъ главныхъ переворотовъ. Первый подъемъ Кавказа, по всей вѣроятности, говоритъ онъ, послѣдовалъ къ концу такъ-называемаго юрскаго періода, и былъ произведенъ *гранитами*, поднявшими на себѣ огромные пласты чернаго глинистаго сланца и известняка. Этотъ первый подъемъ, положившій начало Кавказской цѣпи, и подняв-

---

[1] *Bull. de la Societ. géologique de France* T. VIII. 1837. *Горн. Журн.* 1838. Ч I. стр. 346—380.

шій ее на нѣсколько тысячъ футовъ изъ юрскаго моря, по мнѣнію Дюбуа, находится въ связи съ тою гранитною полосою, которая, начавшись отъ самаго Кавказа, проходитъ чрезъ устье Дона, пересѣкаетъ Днѣпръ тринадцатью порогами, тянется по правую сторону этой рѣки, и наконецъ исчезаетъ въ Пинскихъ болотахъ. Дѣйствія этого подъема не ограничиваются одною Кавказскою цѣпью; Дюбуа преслѣдовалъ ихъ во всемъ Закавказьи, до персидской провинціи Адербейджана.

Послѣ гранитнаго переворота наступилъ періодъ покоя. Въ это время, по ту и по другую сторону Кавказа, въ прилегавшихъ моряхъ, образовались два нижніе яруса мѣловой формаціи, слѣдовавшей непосредственно за юрскою, именно известковый сланецъ и зеленый песчаникъ. Окончательное образованіе зеленаго песчаника было ознаменовано новымъ подъемомъ, именно подъемомъ Ахалцихскаго хребта, который лежитъ къ югу отъ Кавказской цѣпи, и отдѣляетъ Мингрелію и Грузію отъ другихъ болѣе южныхъ странъ. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ переворотѣ былъ *мелафиръ* или пироксеновый порфиръ, выступившій изъ длинной трещины въ разныхъ мѣстахъ, и поднявшій на себѣ съ той и другой стороны оба яруса мѣловой формаціи.

Послѣ означеннаго переворота при сѣверной подошвѣ Кавказа, по мнѣнію Дюбуа, было еще обширное море, покрывавшее нынѣшнія необозримыя степи, а съ южной стороны находился одинъ узкій проливъ, занимавшій Куро-ріонскую долину или Грузію и Мингрелію. Въ этихъ моряхъ происходило осажденіе верхняго яруса мѣловой формаціи. Но въ то же время на всемъ пространствѣ, отдѣляющемъ нынѣ Каспійское море отъ Чернаго, обнаружились настоящія *вулканическія* движенія, и были причиною образованія обширнѣйшихъ кратеровъ. Вмѣстѣ съ высокими плоскогорьями, поднявшимися въ то же время, эти кратеры представляются какъ бы террасами или уступами. Дюбуа называетъ ихъ *амфитеатрами*. Лишь только вы переступите чрезъ куро-ріонскую долину, вамъ тотчасъ представится цѣлый лабиринтъ вулканическихъ амфитеатровъ. Начиная съ восточной стороны, ближе къ Каспійскому морю, вы видите порфиры Шуши и Капана, видите обширные слои шлаковъ и вулканическаго пепла, которые,

перемѣшавшись съ водяными осадками, загромоздили собою всю долину по теченію Бергухетты. Къ сѣверо-западу отъ этого амфитеатра поднимается другой, вокругъ озера Севанга или Гокчай, лежащаго на высотѣ 5.000 фут. надъ моремъ. Оно окружено со всѣхъ сторонъ вулканами, составляющими около него почти непроницаемую стѣну, и само не иное что̀ какъ кратеръ, въ послѣдствіи наполнившійся водою. Сомхетія, составляющая южную часть Грузіи, есть также вулканическій амфитеатръ, отдѣляющійся отъ предыдущаго горами Памбакъ и Безобдалъ. Онъ состоитъ изъ огромныхъ потоковъ лавы и обсидіана, изливавшихся нѣкогда изъ Тріалетскихъ вулкановъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Сомхетіи. То же самое представляетъ намъ Ахалцыхъ. Но самый огромный изъ вулканическихъ амфитеатровъ во всемъ Закавказьи есть амфитеатръ средней Арменіи. Со стороны озера Гокчай его окружаютъ Кіотапдахъ, Агманганъ, и другія вулканическія горы; съ сѣвера—Алагезъ; съ юга—Араратъ и Такъ яльту. Эти величественные конусы, остатки прежнихъ вулкановъ, своими изверженіями покрыли все высокое плоскогорье средней Арменіи. Вокругъ этихъ горъ вы повсюду встрѣчаете потоки лавы, пемзу, обсидіанъ, шлаки или огарину, пепелъ и другія вулканическія произведенія. Къ югу отъ средней Арменіи, въ персидскихъ владѣніяхъ находятся два обширнѣйшіе амфитеатра около соленыхъ озеръ Ванъ и Урміа. Дюбуа почитаетъ ихъ весьма загадочными; думаетъ однако, что они не иное что̀, какъ остатки древняго моря.

Поднятіе вулканическихъ амфитеатровъ, безъ всякаго сомнѣнія, должно было произвести чрезвычайныя измѣненія въ положеніи или размѣщеніи мѣловыхъ морей, находившихся къ югу отъ Кавказской цѣпи. При этомъ случаѣ они необходимо должны были превращаться въ отдѣльные бассейны и заливы. Въ настоящее время трудно составить себѣ точное понятіе обо всѣхъ измѣненіяхъ южнаго кавказскаго моря въ эту бурную эпоху. Можно однако полагать навѣрное, что въ нынѣшней Куро-ріонской долинѣ были тогда два отдѣльные залива, раздѣлявшіеся между собою Мескинскими горами, именно мингрельскій и грузинскій. Въ средней Арменіи, по теченію Аракса, находился отдѣльный бассейнъ. Что̀ касается до сѣверной подошвы

Кавказа, гдѣ не было еще никакихъ вулканическихъ движеній, то тамъ должно было простираться обширнѣйшее море, которое покрывало всѣ степи южной Россіи, и составляло одинъ океанъ вмѣстѣ съ морями Чернымъ и Каспійскимъ. Кавказъ и Закавказье были островами посреди этого великаго океана.

Во всѣхъ означенныхъ моряхъ и заливахъ, въ описываемый нами періодъ, происходило осажденіе такъ-называемыхъ третичныхъ формацій, почитающихся болѣе поздними или болѣе новыми въ сравненіи съ мѣловыми. На сѣверной сторонѣ Кавказа третичныя формаціи остались безъ всякаго измѣненія, а къ югу отъ него во многихъ мѣстахъ подняты на бо́льшую высоту. Частію это зависило отъ тѣхъ вулканическихъ движеній, о которыхъ мы говорили, всего же болѣе отъ тѣхъ, которыя послѣдовали къ концу третичнаго періода.

Въ это время Кавказъ былъ свидѣтелемъ величайшаго и всеобщаго переворота, для котораго всѣ предыдущіе были только одною подготовкой, или частными явленіями, независимыми одно отъ другаго. Это тотъ самый переворотъ, который сообщилъ Кавказу его нынѣшнюю высоту, и былъ причиной осушенія всѣхъ морей омывавшихъ его подошву. Мингрелія, Грузія, всѣ обширныя степи вокругъ Чернаго и Азовскаго морей, Крымскій полуостровъ,—сдѣлались материками или твердою землею только со времени этого общаго поднятія. Имъ же положено начало совершенному отдѣленію Чернаго моря отъ Каспійскаго.

Такое могучее дѣйствіе подземныхъ силъ не могло не обнаружиться столь же могучими вулканическими изверженіями. Въ это время вулканы открылись не только къ югу отъ Кавказа, но и посреди самого Кавказа. На мѣстѣ ихъ прежнихъ жерлъ теперь подымаются высочайшія горы: Эльбрусъ, Пассемта, Казбекъ и Красная гора. Онѣ всѣ состоятъ изъ трахита и лавовыхъ потоковъ, какъ бы недавно еще остановившихся въ своемъ теченіи.

Таково мнѣніе Дюбуа о главнѣйшихъ преобразованіяхъ Кавказа, выведенное имъ изъ своихъ частныхъ изслѣдованій тамошнихъ странъ. Оно чрезвычайно грандіозно, и въ то же время, какъ увидимъ послѣ, нисколько не противорѣчитъ послѣдующимъ наблюденіямъ.

Принимая въ соображеніе всю прошедшую исторію образованія Кавказа, и донынѣ дѣйствующія тамъ подземныя силы, геологи всегда останавливались на мысли: не угрожаетъ ли Кавказу новая опасность? не можетъ ли тутъ образоваться новый вулканъ, или не могутъ ли прежніе изъ потухшаго, покойнаго состоянія, перейдти въ дѣйствующее? Есть много примѣровъ, что вулканы, остававшіеся нѣсколько столѣтій потухшими, вдругъ снова начинали дѣйствовать. Такіе переходы большею частію сопровождались страшными потрясеніями, доказывавшими, что внутреннія силы должны были бороться съ большими препятствіями, чтобы проложить себѣ дорогу. Примѣромъ этого можетъ служить всѣмъ извѣстное изверженіе Везувія, поглотившее города Геркуланумъ и Помпею. Покойное состояніе Везувія передъ этимъ событіемъ продолжалось такъ долго, что жерло его поросло лѣсомъ, и вообще такъ мало походило на вулканъ, что никому не приходило на мысль, чтобы тутъ было когда нибудь что-либо подобное.

Предчувствіе геологовъ относительно кавказской страны, къ сожалѣнію, оправдалось, и самымъ печальнымъ событіемъ. Въ послѣдніе годы на Кавказѣ, и особенно въ Закавказскомъ краѣ, было нѣсколько весьма разрушительныхъ землетрясеній, и вслѣдъ за тѣмъ произошло настоящее изверженіе, въ самомъ центрѣ Кавказскаго перешейка, именно въ Араратѣ (30 іюня 1840 года). Оно описано еще по свѣжимъ слѣдамъ Морицомъ Вагнеромъ [1].

По собраннымъ свѣдѣніямъ, это изверженіе началось подземными звуками, которые походили на раскаты грома, и наиболѣе были слышны вблизи Большаго Арарата. За этимъ послѣдовало волнообразное колебаніе земли, которое продолжалось два часа, преимущественно къ востоку и юго-востоку отъ Арарата, и производило ужасные разрушенія. Въ то же время, въ шести верстахъ выше селенія Аргури, при концѣ знакомаго намъ араратскаго ущелія, образовалась разсѣлина, и извергла изъ себя огромную массу водяныхъ паровъ и газовъ, поднявшихся выше Ара-

---

[1] Въ *Beilage zur Allgemeinen Zeitung*, 1843. № 212—214. Тоже въ *Горномъ Журн.* 1843. Ч. IV. стр. 135—161.

рата. Изъ той же разсѣлины, по разказамъ очевидцевъ, выбрасывалось такое множество камней, что по прошествіи часа вся долина при подошвѣ Арарата была завалена ими. Богатое селеніе Аргури, заключавшее около 2000 жителей, монастырь Св. Іакова съ братіей и прислугой, цвѣтущія поля, фруктовые сады, все было погребено подъ выброшенными каменьями и землею. Нѣкоторыя изъ этихъ каменныхъ глыбъ вѣсили болѣе 1250 пудовъ и почти исключительно состояли изъ трахита.

Землетрясеніе, сопровождавшее изверженіе Арарата, было однимъ изъ самыхъ ужасныхъ и самыхъ обширныхъ, когда-либо опустошавшихъ западную Азію и Арменію. Оно, какъ сказано выше, преимущественно распространялось къ востоку и юго-востоку отъ Арарата. Такъ Эриванъ, несмотря на свое близкое сосѣдство съ центромъ землетресенія, мало пострадала, между тѣмъ какъ въ Нахичевани, Маку, въ Шарурскомъ и Ордубадскомъ уѣздахъ, болѣе 6000 домовъ разрушено до основанія. Къ счастію, землетрясеніе происходило вечеромъ, когда жители, по восточному обычаю и тамошнему климату, большею частію были внѣ своихъ жилищъ, и потому обрушившіеся дома погребли подъ своими развалинами относительно меньшее число людей нежели какого можно было бы ожидать, еслибы землетрясеніе случилось нѣсколькими часами позже.

При подошвѣ Арарата, въ руслѣ Аракса и Карасу во время извержения появилось множество трещинъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли до двухъ сажепей въ поперечникѣ. Пары и газы, выходившіе оттуда, въ иныхъ мѣстахъ выбрасывали рѣчной песокъ, либо землю, а въ другихъ образовали длинный рядъ фонтановъ; въ то же время, во многихъ мѣстахъ, вода выступала изъ береговъ и производила наводненія. Бо́льшая часть означенныхъ трещинъ закрылась послѣ землетрясенія, а другія еще долго оставались открытыми и продолжали выбрасывать воду. Точно такія же явленія, какъ извѣстно, бываютъ и въ окрестностяхъ Везувія, только послѣ изверженія, и называются тамъ мофетами.

Замѣчательно также вліяніе, какое изверженіе Арарата имѣло на многіе сосѣдніе ключи. Нѣкоторые изъ нихъ съ этого времени совершенно измѣнили свои свойства; вмѣ-

сто прежняго пріятнаго вкуса, получили вкусъ сѣрнистаго водорода, либо изъ свѣтлыхъ сдѣлались мутными. Другіе ключи въ это время пересохли, либо наоборотъ, стали гораздо обильнѣе чѣмъ прежде.

Къ сожалѣнію, бѣдствіе, постигшее Арменію, не ограничилось тѣми несчастными случаями, о которыхъ мы говорили. Спустя четыре дня послѣ описаннаго изверженія, на Араратѣ произошло новое событіе, которое распространило вокругъ него еще болѣе разрушенія нежели самое изверженіе. Жерло, изъ котораго выбрасывались пары и каменья, къ концу изверженія повидимому закрылось, и образовало глубокую котловину. Отъ дождей, растаявшаго снѣга и льда, эта котловина обратилась въ нагорное озеро, которое, по свойству своему, болѣе походило на грязное болото, и сдерживалось какъ бы плотиною нанесенными туда каменьями и глиною. Но сильнымъ напоромъ грязной массы плотина была прорвана. Тогда грязные потоки со всею быстротою ринулись по склонамъ горы, разлились по равнинѣ, вторглись въ русло Карасу, и измѣнили его теченіе. Въ стремленіи своемъ они увлекали все встрѣчавшееся на пути, оставшіяся еще деревья, обломки горныхъ породъ и трупы погибшихъ жителей Аргури. Вся страна, болѣе нежели на 25 верстъ въ окружности, долгое время представляла собою сплошное илистое болото.

Грязные потоки повторялись три раза и, какъ сказываютъ, сопровождались подземными ударами. Если это послѣднее обстоятельство справедливо, то, быть-можетъ, эти потоки имѣли другое значеніе нежели какое мы придали имъ въ началѣ. Не выходили ли они изнутри земли? не были ли это размягченные водяными парами и газами трахиты, подобно мойѣ, извергаемой юго-американскими вулканами? Относительно этого Вагнеру невозможно было собрать достаточныхъ свѣдѣній, и вопросъ остался нерѣшеннымъ. Впрочемъ, изверженіе Арарата, кромѣ этого вопроса, представляло такъ много геологическаго интереса, что необходимо требовало болѣе точнаго изслѣдованія. Вопросъ объ Араратѣ становился теперь какъ бы общимъ вопросомъ о кавказскихъ вулканахъ, и открывалъ обширное поприще для геологовъ.

Само собою разумѣется, что всего сподручнѣе было выступить на это поприще русскимъ геологамъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, никто не имѣлъ на это столько правъ, какъ дерптскій профессоръ Абихъ. Еще задолго до араратскаго изверженія онъ имѣлъ возможность весьма коротко познакомиться съ вулканическими явленіями западной Европы, особенно Этны и Везувія. Карты этихъ двухъ вулкановъ, составленныя Абихомъ, почитаются образцовыми.

Г. Щуровскій.

(До слѣд. №.)

ОТЦЫ И ДѢТИ.

I.

— Что, Петръ? не видать еще? спрашивалъ 20-го мая 1859 года, выходя безъ шапки на низкое крылечко постоялаго двора на*** шоссе, баринъ лѣтъ сорока пяти, въ запыленномъ пальто и клѣтчатыхъ панталонахъ, у своего слуги, молодаго и щекастаго малаго съ бѣловатымъ пухомъ на подбородкѣ и маленькими тусклыми глазенками.

Слуга, въ которомъ все, и бирюзовая сережка въ ухѣ, и напомаженные разноцвѣтные волосы, и учтивыя тѣлодвиженія, словомъ, все изобличало человѣка новѣйшаго, усовершенствованнаго поколѣнія, посмотрѣлъ снисходительно вдоль дороги и отвѣтствовалъ: „никакъ нѣтъ-съ, не видать.“

— Не видать? повторилъ баринъ.

— Не видать, вторично отвѣтствовалъ слуга.

Баринъ вздохнулъ и присѣлъ на скамеечку. Познакомимъ съ нимъ читателя, пока онъ сидитъ подогнувши подъ себя ножки и задумчиво поглядывая кругомъ.

Зовутъ его Николаемъ Петровичемъ Кирсановымъ. У него въ пятнадцати верстахъ отъ постоялаго дворика хорошее имѣніе въ двѣсти душъ, или, какъ онъ выражается, съ тѣхъ поръ какъ размежевался съ крестьянами и завелъ „ферму“,—въ двѣ тысячи десятинъ земли. Отецъ его, боевой генералъ 1812 года, полуграмотный, грубый, но не злой русскій человѣкъ, всю жизнь свою тянулъ лямку, командо-

валъ сперва бригадой, потомъ дивизіей, и постоянно жилъ въ провинціи, гдѣ въ силу своего чина игралъ довольно значительную роль. Николай Петровичъ родился на югѣ Россіи, подобно старшему своему брату, Павлу, о которомъ рѣчь впереди, и воспитывался до четырнадцатилѣтняго возраста дома, окруженный дешевыми гувернерами, развязными, но подобострастными адъютантами и прочими полковыми и штабными личностями. Родительница его, изъ фамиліи Колязиныхъ, въ дѣвицахъ Agathe, а въ генеральшахъ Агаѳоклея Кузьминишна Кирсанова, принадлежала къ числу „матушекъ командиршъ“, носила пышные чепцы и шумныя шелковыя платья, въ церкви подходила первая ко кресту, говорила громко и много, допускала дѣтей утромъ къ ручкѣ, на ночь ихъ благословляла,—словомъ жила, въ свое удовольствіе. Въ качествѣ генеральскаго сына, Николай Петровичъ—хотя не только не отличался храбростью, но даже заслужилъ прозвище трусишки — долженъ былъ, подобно брату Павлу, поступить въ военную службу; но онъ переломилъ себѣ ногу въ самый тотъ день, когда уже прибыло извѣстіе объ его опредѣленіи и, пролежавъ два мѣсяца въ постели, на всю жизнь остался „хроменькимъ“. Отецъ махнулъ на него рукой и пустилъ его по штатской. Онъ повезъ его въ Петербургъ, какъ только ему минулъ восьмнадцатый годъ, и помѣстилъ его въ университетъ. Кстати братъ его о ту пору вышелъ офицеромъ въ гвардейскій полкъ. Молодые люди стали жить вдвоемъ на одной квартирѣ подъ отдаленнымъ надзоромъ двоюроднаго дяди съ материнской стороны, Ильи Колязина, важнаго чиновника. Отецъ ихъ вернулся къ своей дивизіи и къ своей супругѣ, и лишь изрѣдка присылалъ сыновьямъ большія четвертушки своей бумаги, испещренныя размашистымъ писарскимъ почеркомъ. На концѣ этихъ четвертушекъ красовались, старательно окруженныя „выкрутасами,“ слова: „Петръ Кирсановъ, генералъ-маіоръ“. Въ 1835 году Николай Петровичъ вышелъ изъ университета кандидатомъ, и въ томъ же году генералъ Кирсановъ, уволенный въ отставку за неудачный смотръ, пріѣхалъ въ Петербургъ съ женою на житье. Онъ нанялъ было домъ у Таврическаго сада и записался въ англійскій клубъ, но внезапно умеръ отъ удара. Агаѳоклея Кузьминишна скоро за нимъ послѣдовала: она не могла привыкнуть къ глухой

столичной жизни; тоска отставнаго существованья ее загрызла. Между тѣмъ Николай Петровичъ успѣлъ, еще при жизни родителей и къ немалому ихъ огорченію, влюбиться въ дочку чиновника Преполовенскаго, бывшаго хозяина его квартиры, миловидную и, какъ говорится, развитую дѣвицу: она въ журналахъ читала серіозныя статьи въ отдѣлѣ „Наукъ“. Онъ женился на ней, какъ только минулъ срокъ траура и, покинувъ министерство удѣловъ, куда по протекціи отецъ его записалъ, блаженствовалъ со своею Машей сперва на дачѣ около Лѣснаго Института, потомъ въ городѣ, въ маленькой и хорошенькой квартирѣ съ чистою лѣстницей и холодноватою гостиной; наконецъ—въ деревнѣ, гдѣ онъ поселился окончательно и гдѣ у него въ скоромъ времени родился сынъ, Аркадій. Супруги жили очень хорошо и тихо: они почти никогда не разставались, читали вмѣстѣ, играли въ четыре руки на фортепьяно, пѣли дуэты; она сажала цвѣты и наблюдала за птичнымъ дворомъ, онъ изрѣдка ѣздилъ на охоту и занимался хозяйствомъ, а Аркадій росъ-да-росъ — тоже хорошо и тихо. Десять лѣтъ прошло какъ сонъ. Въ 47-мъ году жена Кирсанова скончалась. Онъ едва вынесъ этотъ ударъ, посѣдѣлъ въ нѣсколько недѣль; собрался было заграницу, чтобы хотя немного разсѣяться... но тутъ насталъ 48-й годъ. Онъ поневолѣ вернулся въ деревню и послѣ довольно продолжительнаго бездѣйствія занялся хозяйственными преобразованіями. Въ 55-мъ году онъ повезъ сына въ университетъ; прожилъ съ нимъ три зимы въ Петербургѣ, почти никуда не выходя и стараясь заводить знакомства съ молодыми товарищами Аркадія. На послѣднюю зиму онъ пріѣхать не могъ,—и вотъ мы видимъ его въ маѣ мѣсяцѣ 1859 года уже совсѣмъ сѣдаго, пухленькаго и немного сгорбленнаго: онъ ждетъ сына, получившаго, какъ нѣкогда онъ самъ, званіе кандидата.

Слуга, изъ чувства приличія, а можетъ быть и не желая остаться подъ барскимъ глазомъ, зашелъ подъ ворота и закурилъ трубку. Николай Петровичъ поникъ головой и началъ глядѣть на ветхія ступеньки крылечка: крупный, пестрый цыпленокъ степенно расхаживалъ по нимъ, крѣпко стуча своими большими желтыми ногами; запачканная кошка недружелюбно посматривала на него, жеманно прикорнувъ на перила. Солнце пекло; изъ полу-темныхъ сѣней постоялаго дворика несло запахомъ теплаго ржанаго хлѣба.

Замечтался нашъ Николай Петровичъ. „Сынъ..... кандидатъ..... Аркаша“..... безпрестанно вертѣлось у него въ головѣ; онъ пытался думать о чемъ-нибудь другомъ, и опять возвращались тѣ же мысли. Вспомнилась ему покойница жена..... „Не дождалась!“ шепнулъ онъ уныло..... Толстый сизый голубь прилетѣлъ на дорогу и поспѣшно отправился пить въ лужицѣ возлѣ колодца. Николай Петровичъ сталъ глядѣть на него, а ухо его уже ловило стукъ приближавшихся колесъ...

— Никакъ они ѣдутъ-съ, доложилъ слуга, вынырнувъ изъ-подъ воротъ.

Николай Петровичъ вскочилъ и устремилъ глаза вдоль дороги. Показался тарантасъ, запряженный тройкой ямскихъ лошадей, въ тарантасѣ мелькнулъ околышъ студентской фуражки, знакомый очеркъ дорогаго лица...

— Аркаша! Аркаша! закричалъ Кирсановъ, и побѣжалъ, и замахалъ руками... Нѣсколько мгновеній спустя, его губы уже прильнули къ безбородой, запыленной и загорѣлой щекѣ молодаго кандидата.

II.

— Дай же отряхнуться, папаша, говорилъ нѣсколько сиплымъ отъ дороги, но звонкимъ юношескимъ голосомъ Аркадій, весело отвѣчая на отцовскія ласки,—я тебя всего запачкаю.

— Ничего, твердилъ, умиленно улыбаясь, Николай Петровичъ, и раза два ударилъ рукою по воротнику сыновней шинели и по собственному пальто.—Покажи-ка себя, покажи-ка, прибавилъ онъ, отодвигаясь и тотчасъ же пошелъ торопливыми шагами къ постоялому двору, приговаривая: „вотъ сюда, сюда, да лошадей поскорѣе“.

Николай Петровичъ казался гораздо встревоженнѣе своего сына; онъ словно потерялся не много, словно робѣлъ. Аркадій остановилъ его.

— Папаша, сказалъ онъ, позволь познакомить тебя съ моимъ добрымъ пріятелемъ, Базаровымъ, о которомъ я тебѣ такъ часто писалъ. Онъ такъ любезенъ, что согласился погостить у насъ.

Николай Петровичъ быстро обернулся и, подойдя къ человѣку высокаго роста въ длинномъ балахонѣ съ кистями, только что вылѣзшему изъ тарантаса, крѣпко стиснулъ его обнаженную, красную руку, которую тотъ не съ разу ему подалъ.

— Душевно радъ, началъ онъ,—и благодаренъ за доброе намѣреніе посѣтить насъ, надѣюсь... позвольте узнать ваше имя и отчество?

— Евгеній Васильевъ, отвѣчалъ Базаровъ лѣнивымъ но мужественнымъ голосомъ, и отвернувъ воротникъ балахона, показалъ Николаю Петровичу все свое лицо. Длинное и худое, съ широкимъ угреватымъ лбомъ, кверху плоскимъ, книзу заостреннымъ носомъ, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочнаго цвѣту, оно оживлялось спокойною улыбкой и выражало самоувѣренность и умъ.

— Надѣюсь, любезнѣйшій Евгеній Васильичъ, что вы не соскучитесь у насъ, продолжалъ Николай Петровичъ.

Тонкія губы Базарова чуть тронулись, но онъ ничего не отвѣчалъ и только приподнялъ фуражку. Его темно-бѣлокурые волосы, длинные и густые, не скрывали крупныхъ выпуклостей просторнаго черепа.

— Такъ какъ же, Аркадій, заговорилъ опять Николай Петровичъ, оборачиваясь къ сыну,—сейчасъ закладывать лошадей, что̀ ли? Или вы отдохнуть хотите?

— Дома отдохнемъ, папаша; вели закладывать.

— Сейчасъ, сейчасъ, подхватилъ отецъ.—Эй, Петръ, слышишь? Распорядись, братецъ, поживѣе.

Петръ который въ качествѣ усовершенствованнаго слуги не подошелъ къ ручкѣ барича, а только издали поклонился ему, снова скрылся подъ воротами.

— Я здѣсь съ коляской, но и для твоего тарантаса есть тройка, хлопотливо говорилъ Николай Петровичъ, между тѣмъ какъ Аркадій пилъ воду изъ желѣзнаго ковшика, принесеннаго хозяйкой постоялаго двора, а Базаровъ закурилъ трубку и подошелъ къ ямщику, отпрягавшему лошадей: — только коляска двумѣстная, и вотъ я не знаю, какъ твой пріятель...

— Онъ въ тарантасѣ поѣдетъ, перебилъ вполголоса Аркадій.—Ты съ нимъ, пожалуста, не церемонься. Онъ чудесный малый, такой простой, ты увидишь.

Кучеръ Николая Петровича вывелъ лошадей.

— Ну, поворачивайся, толстобородый! обратился Базаровъ къ ямщику.

— Слышь, Митюха, подхватилъ другой тутъ же стоявшій ямщикъ съ руками, засунутыми въ заднія прорѣхи тулупа,—баринъ-то тебя какъ прозвалъ. Тостобородый и есть.

Митюха только шапкой тряхнулъ и потащилъ вожжи съ потной коренной.

— Живѣй, живѣй, ребята, подсобляйте, воскликнулъ Николай Петровичъ,—на водку будетъ.

Въ нѣсколько минутъ лошади были заложены; отецъ съ сыномъ помѣстились въ коляскѣ; Петръ взобрался на козлы; Базаровъ вскочилъ въ тарантасъ и уткнулся головой въ кожаную подушку,—и оба экипажа покатили.

III.

— Такъ вотъ какъ, наконецъ ты кандидатъ и домой пріѣхалъ, говоритъ Николай Петровичъ, потрогивая Аркадія то по плечу, то по колѣну...—Наконецъ!

— А что дядя? здоровъ? спросилъ Аркадій, которому, несмотря на искреннюю, почти дѣтскую радость, его наполнявшую, хотѣлось поскорѣе перевести разговоръ съ настроенія взволнованнаго на обыденное.

— Здоровъ. Онъ хотѣлъ было выѣхать со мной къ тебѣ навстрѣчу, да почему-то раздумалъ.

— А ты долго меня ждалъ? спросилъ Аркадій.

— Да часовъ около пяти.

— Добрый папаша!

Аркадій живо повернулся къ отцу и звонко поцѣловалъ его въ щеку. Николай Петровичъ тихонько засмѣялся.

— Какую я тебѣ славную лошадь приготовилъ! началъ онъ:—ты увидишь. И комната твоя теперь оклеена обоями.

— А для Базарова комната есть?

— Найдется и для него.

— Пожалуста, папаша, приласкай его. Я не могу тебѣ выразить, до какой степени я дорожу его дружбой.

— Ты недавно съ нимъ познакомился?

— Недавно.

— То-то прошлою зимой я его не видалъ. Онъ чѣмъ занимается?

— Главный предметъ его—естественныя науки. Да онъ все знаетъ. Онъ въ будущемъ году хочетъ держать на доктора.

— А! онъ по медицинскому факультету, замѣтилъ Николай Петровичъ и помолчалъ.—Петръ, прибавилъ онъ и протянулъ руку,—это никакъ наши мужики ѣдутъ?

Петръ глянулъ въ сторону, куда указывалъ баринъ. Нѣсколько телѣгъ, запряженныхъ разпузданными лошадьми, шибко катились по узкому проселку. Въ каждой телѣгѣ сидѣло по одному, много по два мужика въ тулупахъ на роспашку.—Точно такъ-съ, промолвилъ Петръ.

— Куда это они ѣдутъ, въ городъ, что ли?

— Полагать надо, что въ городъ. Въ кабакъ, прибавилъ онъ презрительно и слегка наклонился къ кучеру, какъ бы ссылаясь на него. Но тотъ даже не пошевельнулся: это былъ человѣкъ стараго закала, не раздѣлявшій новѣйшихъ воззрѣній.

— Хлопоты у меня большія съ мужиками въ нынѣшнемъ году, продолжалъ Николай Петровичъ, обращаясь къ сыну. Не платятъ оброка. Что ты будешь дѣлать?

— А своими наемными работниками ты доволенъ?

— Да, процѣдилъ сквозь зубы Николай Петровичъ.—Подбиваютъ ихъ, вотъ что бѣда: ну, и настоящаго старанія все еще нѣту. Сбрую портятъ. Пахали, впрочемъ, ничего. Перемелется—мука будетъ. Да развѣ тебя теперь хозяйство занимаетъ?

— Тѣни нѣтъ у насъ, вотъ что горе, замѣтилъ Аркадій, не отвѣчая на послѣдній вопросъ.

— Я съ сѣверной стороны надъ балкономъ большую маркизу придѣлалъ, промолвилъ Николай Петровичъ, теперь и обѣдать можно на воздухѣ.

— Что-то на дачу больно похоже будетъ, а впрочемъ, это все пустяки. Какой за то здѣсь воздухъ! Какъ славно пахнетъ! Право, мнѣ кажется, нигдѣ въ мірѣ такъ не пахнетъ, какъ въ здѣшнихъ краяхъ! Да и небо здѣсь...

Аркадій вдругъ остановился, бросилъ косвенный взглядъ назадъ и умолкъ.

— Конечно, замѣтилъ Николай Петровичъ, — ты здѣсь

родился, тебѣ все должно казаться здѣсь чѣмъ-то особеннымъ...

— Ну, папаша, это все равно, гдѣ бы человѣкъ ни родился.

— Однако.

— Нѣтъ, это совершенно все равно.

Николай Петровичъ посмотрѣлъ сбоку на сына, и коляска проѣхала съ полверсты, прежде чѣмъ разговоръ возобновился между ними.

— Я не помню, писалъ ли я тебѣ, началъ Николай Петровичъ,— твоя бывшая нянюшка, Егоровна скончалась.

— Неужели? Бѣдная старуха! А Прокофьичъ живъ?

— Живъ и нисколько не измѣнился. Все также брюзжитъ. Вообще ты большихъ перемѣнъ въ Марьинѣ не найдешь.

— Прикащикъ у тебя все тотъ же?

— Вотъ развѣ что прикащика я смѣнилъ. Я рѣшился не держать больше у себя вольноотпущенныхъ, бывшихъ дворовыхъ, или по крайней мѣрѣ, не поручать имъ никакихъ должностей, гдѣ есть отвѣтственность (Аркадій указалъ глазами на Петра). Il est libre, en effet, замѣтилъ вполголоса Николай Петровичъ,—но вѣдь онъ—камердинеръ.

Теперь у меня прикащикъ изъ мѣщанъ; кажется, дѣльный малый. Я ему назначилъ двѣсти пятьдесятъ рублей въ годъ. Впрочемъ, прибавилъ Николай Петровичъ, потирая лобъ и брови рукою, что̀ у него всегда служило признакомъ внутренняго смущенія,—я тебѣ сейчасъ сказалъ, что ты не найдешь перемѣнъ въ Марьинѣ... Это несовсѣмъ справедливо. Я считаю своимъ долгомъ предварить тебя, хотя...

Онъ запнулся на мгновенье и продолжалъ уже по-французски.

— Строгій моралистъ найдетъ мою откровенность неумѣстною, но, вопервыхъ, это скрыть нельзя, а вовторыхъ, тебѣ извѣстно, у меня всегда были особенные принципы насчетъ отношеній отца къ сыну. Впрочемъ, ты, конечно, будешь въ правѣ осудить меня. Въ мои лѣта... Словомъ, эта... эта дѣвушка, про которую ты, вѣроятно, уже слышалъ...

— Ѳеничка? развязно спросилъ Аркадій.

Николай Петровичъ покраснѣлъ.—Не называй ея, пожалуста, громко... Ну, да... она теперь живетъ у меня. Я ее

помѣстилъ въ домѣ... тамъ были двѣ небольшія комнатки. Впрочемъ, это все можно перемѣнить.

— Помилуй, папаша, зачѣмъ?

— Твой пріятель у насъ гостить будетъ... неловко...

— На счетъ Базарова ты, пожалуста, не безпокойся. Онъ выше всего этого.

— Ну, ты наконецъ, проговорилъ Николай Петровичъ.— Флигелекъ-то плохъ—вотъ бѣда.

— Помилуй, папаша, подхватилъ Аркадій,—ты какъ будто извиняешься; какъ тебѣ не совѣстно?

— Конечно, мнѣ должно быть совѣстно, отвѣчалъ Николай Петровичъ, все болѣе и болѣе краснѣя.

— Полно, папаша, полно, сдѣлай одолженіе!—Аркадій ласково улыбнулся. „Въ чемъ извиняется!“ подумалъ онъ про себя и чувство снисходительной нѣжности къ доброму и мягкому отцу, смѣшанное съ ощущеніемъ какого-то тайнаго превосходства, наполнило его душу.—Перестань, пожалуста, повторилъ онъ еще разъ, невольно наслаждаясь сознаніемъ собственной развитости и свободы.

Николай Петровичъ глянулъ на него изъ-подъ пальцевъ руки, которою онъ продолжалъ тереть себѣ лобъ, и что-то кольнуло его въ сердце... Но онъ тутъ же обвинилъ себя.

— Вотъ это ужь наши поля пошли, проговорилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— А это впереди, кажется, нашъ лѣсъ? спросилъ Аркадій.

— Да, нашъ. Только я его продалъ. Въ нынѣшнемъ году его сводить будутъ.

— Зачѣмъ ты его продалъ?

— Деньги были нужны; притомъ же эта земля отходитъ къ мужикамъ.

— Которые тебѣ оброка не платятъ?

— Это уже ихъ дѣло, а впрочемъ будутъ же они когда-нибудь платить.

— Жаль лѣса, замѣтилъ Аркадій и сталъ глядѣть кругомъ.

Мѣста, по которымъ они проѣзжали, не могли назваться живописными. Поля, все поля тянулись вплоть до самаго небосклона, то слегка вздымаясь, то опускаясь снова; кое-гдѣ виднѣлись небольшіе лѣса, и, усѣянные рѣдкимъ и низкимъ кустарникомъ, вились овраги, напоминая глазу ихъ

собственное изображеніе на старинныхъ планахъ Екатерининскаго времени. Попадались и рѣчки съ обрытыми берегами, и крошечные пруды съ худымй плотинами, и деревеньки съ низкими избенками подъ темными, часто до половины разметанными крышами, и покрившіеся молотильные сарайчики съ плетеными изъ хвороста стѣнами и зѣвающими воротищами возлѣ опустѣлыхъ гуменъ, и церкви, то кирпичныя съ облупившеюся кое-гдѣ штукатуркой, то деревянныя съ наклонившимися крестами и разоренными кладбищами. Сердце Аркадія понемногу сжималось. Какъ нарочно мужички встрѣчались все обтерханные, на плохихъ клячонкахъ; какъ нищіе въ лохмотьяхъ, стояли придорожныя ракиты съ ободранною корой и обломанными вѣтвями; исхудалыя шершавыя, словно обглоданныя, коровы жадно щипали траву по канавамъ. Казалось, онѣ только что вырвались изъ чьихъ-то грозныхъ, смертоносныхъ когтей—и, вызванный жалкимъ видомъ обезсиленныхъ животныхъ, среди весенняго краснаго дня, вставалъ бѣлый призракъ безотрадной, безконечной зимы съ ея метелями, морозами и снѣгами... „Нѣтъ, подумалъ Аркадій, не богатый этотъ край, не поражаетъ онъ ни довольствомъ, ни трудолюбіемъ; нельзя, нельзя ему такъ остаться, преобразованія необходимы... но какъ ихъ исполнить, какъ приступить?..“

Такъ размышлялъ Аркадій... а пока онъ размышлялъ, весна брала свое. Все кругомъ золотисто зеленѣло, все широко и мягко волновалось и лоснилось подъ тихимъ дыханіемъ теплаго вѣтерка, все—деревья, кусты и травы; повсюду нескончаемыми, звонкими струйками заливались жаворонки; чибисы то кричали, вились надъ низменными лугами, то молча перебѣгали по кочкамъ; красиво чернѣя въ нѣжной зелени еще низкихъ яровыхъ хлѣбовъ, гуляли грачи; они пропадали во ржи, уже слегка побѣлѣвшей; лишь изрѣдка выказывались ихъ головы въ дымчатыхъ ея волнахъ. Аркадій глядѣлъ, глядѣлъ, и, понемногу ослабѣвая, исчезали его размышленія... Онъ сбросилъ съ себя шинель, и такъ весело, такимъ молоденькимъ мальчикомъ посмотрѣлъ на отца, что тотъ опять его обнялъ.

— Теперь ужь недалеко, замѣтилъ Николай Петровичъ,— вотъ стоитъ только на эту горку подняться, и домъ будетъ виденъ. Мы заживемъ съ тобой на славу, Аркаша; ты мнѣ помогать будешь по хозяйству, если только это тебѣ не

наскучитъ. Намъ надобно теперь тѣсно сойдтись другъ съ другомъ, узнать другъ друга хорошенько, не правда ли?

— Конечно, промолвилъ Аркадій:—но что̀ за чудный день сегодня!

— Для твоего пріѣзда, душа моя. Да, весна въ полномъ блескѣ. А впрочемъ, я согласенъ съ Пушкинымъ—помнишь, въ Евгеніи Онѣгинѣ.

Какъ грустно мнѣ твое явленье.
Весна, весна, пора любви!
Какое ..

— Аркадій! раздался изъ тарантаса голосъ Базарова:—пришли мнѣ спичку, нечѣмъ трубку раскурить.

Николай Петровичъ умолкъ, а Аркадій, который началъ было слушать его не безъ нѣкотораго изумленія, но и не безъ сочувствія, поспѣшилъ достать изъ кармана серебряную коробочку со спичками и послалъ ее Базарову съ Петромъ.

—Хочешь сигарку? закричалъ опять Базаровъ.

— Давай, отвѣчалъ Аркадій.

Петръ вернулся къ коляскѣ и вручилъ ему вмѣстѣ съ коробочкой толстую, черную сигарку, которую Аркадій немедленно закурилъ, распространяя вокругъ себя такой крѣпкій и кислый запахъ заматерѣлаго табаку, что Николай Петровичъ, отроду не курившій, поневолѣ, хотя незамѣтно чтобы не обидѣть сына, отворачивалъ носъ.

Четверть часа спустя, оба экипажа остановились передъ крыльцомъ новаго деревяннаго дома, выкрашеннаго сѣрою краской и покрытаго желѣзною красною крышей. Это и было Марьино, Новая Слободка тожь, илц, по крестьянскому наименованью, Бобылій Хуторъ.

IV.

Толпа дворовыхъ не высыпала на крыльцо встрѣчать господъ; показалась всего одна дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, а вслѣдъ за ней вышелъ изъ дому молодой парень, очень похожій на Петра, одѣтый въ сѣрую ливрейную куртку съ бѣлыми гербовыми пуговицами, слуга Павла Петровича Кирсанова. Онъ молча отворилъ дверцу коляски и отстегнулъ фартукъ тарантаса. Николай Петровичъ съ сыномъ и

съ Базаровымъ отправились черезъ темную и почти пустую залу, изъ-за двери которой мелькнуло молодое женское лицо, въ гостиную убранную уже въ новѣйшемъ вкусѣ.

— Вотъ мы и дома, промолвилъ Николай Петровичъ, снимая картузъ и встряхивая волосами.—Главное, надо теперь поужинать и отдохнуть.

— Поѣсть, дѣйствительно, не худо, замѣтилъ потягиваясь Базаровъ и опустился на диванъ.

— Да, да, ужинать давайте, ужинать поскорѣе.—Николай Петровичъ безо всякой видимой причины потопалъ ногами.—Вотъ кстати и Прокофьичъ.

Вошелъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, бѣловолосый, худой и смуглый, въ коричневомъ фракѣ съ мѣдными пуговицами и въ розовомъ платочкѣ на шеѣ. Онъ осклабился, подошелъ къ ручкѣ къ Аркадію, и поклонившись гостю, отступилъ къ двери и положилъ руки за спину.

— Вотъ онъ, Прокофьичъ, началъ Николай Петровичъ,— пріѣхалъ къ намъ наконецъ... Что? какъ ты его находишь?

— Въ лучшемъ видѣ-съ, проговорилъ старикъ и опять осклабился, но тотчасъ же нахмурилъ свои густыя брови.— На столъ накрывать прикажете? проговорилъ онъ внушительно.

— Да, да, пожалуста. Но не пройдете ли вы сперва въ вашу комнату, Евгеній Васильичъ?

— Нѣтъ, благодарствуйте, незачѣмъ. Прикажите только чемоданишко мой туда стащить, да вотъ эту одежонку, прибавилъ онъ, снимая съ себя свой балахонъ.

— Очень хорошо. Прокофьичъ, возьми же ихъ шинель. (Прокофьичъ, какъ бы съ недоумѣніемъ взялъ обѣими руками Базаровскую „одежонку„ и, высоко поднявъ ее надъ головою, удалился на цыпочкахъ.) А ты, Аркадій, пойдешь къ себѣ на минутку?

— Да, надо почиститься, отвѣчалъ Аркадій и направился было къ дверямъ, но въ это мгновеніе вошелъ въ гостиную человѣкъ средняго роста, одѣтый въ темный англійскій *сьютъ*, модный низенькій галстукъ и лаковые полусапожки, Павелъ Петровичъ Кирсановъ. На видъ ему было лѣтъ сорокъ пять: его коротко остриженные сѣдые волосы отливали темнымъ блескомъ, какъ новое серебро, лицо его, желчное, но безъ морщинъ, необыкновенно правильное и чистое, словно выведенное тонкимъ и легкимъ рѣзцомъ,

являло слѣды красоты замѣчательной: особенно хороши были свѣтлые, черные, продолговатые глаза. Весь обликъ Аркадіева дяди, изящный и породистый, сохранилъ юношескую стройность и то стремленіе вверхъ, прочь отъ земли, которое большею частью исчезаетъ послѣ двадцатыхъ годовъ.

Павелъ Петровичъ вынулъ изъ панталонъ свою красивую руку съ длинными розовыми ногтями, руку, казавшуюся еще красивѣй отъ снѣжной бѣлизны рукавчика, застегнутаго одинокимъ крупнымъ опаломъ, и подалъ ее племяннику. Совершивъ предварительно европейское „shake hands“, онъ три раза, по-русски, поцѣловался съ нимъ, то-есть три раза прикоснулся своими душистыми усами до его щекъ, и проговорилъ: „Добро пожаловать.“ Николай Петровичъ представилъ его Базарову: Павелъ Петровичъ слегка наклонилъ свой гибкій станъ и слегка улыбнулся, но руки не подалъ и даже положилъ ее обратно въ карманъ.

— Я уже думалъ, что вы не пріѣдете сегодня, заговорилъ онъ пріятнымъ гортаннымъ голосомъ, любезно покачиваясь, подергивая плечами и показывая прекрасные бѣлые зубы.—Развѣ что̀ на дорогѣ случилось?

— Ничего не случилось отвѣчалъ Аркадій,—такъ, замѣшкались немного. За то мы теперь голодны, какъ волки. Поторопи Прокофьича, папаша, а я сейчасъ вернусь.

— Постой, я съ тобой пойду, вскликнулъ Базаровъ, внезапно порываясь съ дивана. Оба молодые человѣка вышли.

— Кто сей? спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Пріятель Аркаши, очень, по его словамъ, умный человѣкъ.

— Онъ у насъ гостить будетъ?

— Да.

— Этотъ волосатый?

— Ну, да.

Павелъ Петровичъ постучалъ ногтями по столу.—Я нахожу, что Аркадій s'est dégourdi, замѣтилъ онъ.—Я очень радъ его возвращенію.

За ужиномъ разговаривали мало. Особенно Базаровъ почти ничего не говорилъ, но ѣлъ много. Николай Петровичъ разказывалъ разные случаи изъ своей, какъ онъ выражался, фермерской жизни, толковалъ о предстоящихъ правительственныхъ мѣрахъ, о комитетахъ, о депутатахъ, о необходимости заводить машины и т. д. Павелъ Петро-

вичъ медленно похаживалъ взадъ и впередъ по столовой (онъ никогда не ужиналъ), изрѣдка отхлебывая изъ рюмки наполненной краснымъ виномъ, и еще рѣже произнося короткое словечко, или скорѣе восклицаніе, въ родѣ: „А! Эге! Гм!“ Аркадій сообщилъ нѣсколько петербургскихъ новостей, но онъ ощущалъ небольшую неловкость, ту неловкость, которая обыкновенно овладѣваетъ молодымъ человѣкомъ, когда онъ только что пересталъ быть ребенкомъ и возвратился въ мѣсто, гдѣ привыкли видѣть и считать его ребенкомъ. Онъ безъ нужды растягивалъ свою рѣчь, избѣгалъ слова „папаша“ и даже разъ замѣнилъ его словомъ „отецъ“, произнесеннымъ, правда, сквозь зубы; съ излишнею развязностью налилъ себѣ въ стаканъ гораздо больше вина чѣмъ самому хотѣлось, и выпилъ все вино. Прокофьичъ не спускалъ съ него глазъ и только губами пожевывалъ. Послѣ ужина всѣ тотчасъ разошлись.

— А чудоковатъ у тебя дядя, говорилъ Аркадію Базаровъ, сидя въ халатѣ возлѣ его постели и насасывая коротку́ю трубочку.—Щегольство какое въ деревнѣ, подумаешь! Ногти-то, ногти, хоть на выставку посылай!

— Да вѣдь ты не знаешь, отвѣтилъ Аркадій,—вѣдь онъ львомъ былъ въ свое время. Я когда-нибудь разскажу тебѣ его исторію. Вѣдь онъ красавцемъ былъ, голову кружилъ женщинамъ.

— Да, вотъ что̀! По старой, значитъ, памяти. Плѣнять-то здѣсь, жаль, некого. Я все смотрѣлъ: эдакіе у него удивительные воротнички, точно́ каменные, и подбородокъ такъ аккуратно выбритъ. Аркадій Николаичъ, вѣдь это смѣшно?

— Пожалуй; только онъ, право, хорошій человѣкъ.

— Архаическое явленіе! А отецъ у тебя славный малый. Стихи онъ напрасно читаетъ, и въ хозяйствѣ врядъ ли смыслитъ, но онъ добрякъ.

— Отецъ у меня золотой человѣкъ.

— Замѣтилъ ли ты, что онъ робѣетъ?

Аркадій качнулъ головою, какъ будто онъ самъ не робѣлъ.

— Удивительное дѣло, продолжалъ Базаровъ,—эти старенькіе романтики! Разовьютъ въ себѣ нервную систему до раздраженія, ну, равновѣсіе и нарушено. Однако, прощай! Въ моей комнатѣ англійскій рукомойникъ, а дверь не запирается. Все-таки это поощрять надо—англійскіе рукомойники то-есть; прогрессъ!

Базаровъ ушелъ, а Аркадіемъ овладѣло радостное чувство: сладко засыпать въ родимомъ домѣ, на знакомой постели, подъ одѣяломъ, надъ которымъ трудились любимыя руки, быть-можетъ, руки нянюшки, тѣ ласковыя, добрыя и неутомимыя руки. Аркадій вспомнилъ Егоровну, и вздохнулъ, и пожелалъ ей царствія небеснаго... О себѣ онъ не молился.

И онъ, и Базаровъ заснули скоро, но другія лица въ домѣ долго еще не спали. Возвращеніе сына взволновало Николая Петровича. Онъ легъ въ постель, но не загасилъ свѣчки и, подперши рукою голову, думалъ долгія думы. Братъ его сидѣлъ далеко за полночь въ своемъ кабинетѣ, на широкомъ гамбсовомъ креслѣ, передъ каминомъ, въ которомъ слабо тлѣлъ каменный уголь. Павелъ Петровичъ не раздѣлся, только китайскія красныя туфли безъ задковъ смѣнили на его ногахъ лаковые полусапожки. Онъ держалъ въ рукахъ послѣдній нумеръ *Galignani*, но онъ не читалъ; онъ глядѣлъ пристально въ каминъ, гдѣ, то замирая, то вспыхивая, вздрагивало голубоватое пламя... Богъ знаетъ, гдѣ бродили его мысли, но ни въ одномъ только прошедшемъ бродили онѣ: выраженіе его лица было сосредоточенно и угрюмо, чего не бываетъ, когда человѣкъ занятъ одними воспоминаніями. А въ маленькой задней комнаткѣ, на большомъ сундукѣ, сидѣла въ голубой душегрѣйкѣ и съ наброшеннымъ бѣлымъ платкомъ на темныхъ волосахъ, молодая женщина, Ѳеничка, и то прислушивалась, то дремала, то посматривала на растворенную дверь, изъ-за которой виднѣлась маленькая кроватка и слышалось ровное дыханіе спящаго ребенка.

V.

На другое утро Базаровъ раньше всѣхъ проснулся и вышелъ изъ дому. „Эге!“ подумалъ онъ, посмотрѣвъ кругомъ: „мѣстечко-то не казисто.“ Когда Николай Петровичъ размежевался съ своими крестьянами, ему пришлось отвести подъ новую усадьбу десятины четыре совершенно ровнаго и голаго поля. Онъ построилъ домъ, службы и ферму, разбилъ садъ, выкопалъ прудъ и два колодца, но молодыя деревца плохо принимались, въ прудѣ воды набралось очень мало, и колодцы оказались солонковаго вкуса. Одна только

бесѣдка изъ сиреней и акацій порядочно разрослась; въ ней иногда пили чай и обѣдали. Базаровъ въ нѣсколько минутъ обѣгалъ всѣ дорожки сада, зашелъ на скотный дворъ, на конюшню, отыскалъ двухъ дворовыхъ мальчишекъ, съ которыми тотчасъ свелъ знакомство и отправился съ ними въ небольшое болотце, съ версту отъ усадьбы, за лягушками.

— На что тебѣ лягушки, баринъ? спросилъ его одинъ изъ мальчиковъ.

— А вотъ на что, отвѣчалъ ему Базаровъ, который владѣлъ особеннымъ умѣньемъ возбуждать къ себѣ довѣріе въ людяхъ низшихъ, хотя онъ никогда не потакалъ имъ и обходился съ ними небрежно,—я лягушку распластаю да посмотрю что у нея тамъ внутри дѣлается; а такъ какъ мы съ тобой тѣ же лягушки, только что на ногахъ ходимъ, я и буду знать что и у насъ внутри дѣлается.

— Да начто тебѣ это?

— А чтобы не ошибиться, если ты занеможешь и мнѣ тебя лѣчить придется?

— Развѣ ты дохтуръ?

— Да.

— Васька, слышь, баринъ говоритъ, что мы съ тобой тѣ же лягушки. Чудно!

— Я ихъ боюсь, лягушекъ-то, замѣтилъ Васька, мальчикъ лѣтъ семи, съ бѣлою какъ ленъ головою, въ толстомъ сѣромъ казакинѣ съ стоячимъ воротникомъ, и босой.

— Чего бояться? Развѣ онѣ кусаются?

— Ну, полѣзайте въ воду, философы, промолвилъ Базаровъ.

Между тѣмъ Николай Петровичъ тоже проснулся и отправился къ Аркадію, котораго засталъ одѣтымъ. Отецъ и сынъ вышли на террасу подъ навѣсъ маркизы; возлѣ перилъ на столѣ, между большими букетами сирени, уже кипѣлъ самоваръ. Явилась дѣвочка та самая, которая наканунѣ первая встрѣтила пріѣзжихъ на крыльцѣ, и тонкимъ голосомъ проговорила:

— Ѳедосья Николавна не совсѣмъ здоровы, придти не могутъ; приказали васъ спросить, вамъ самимъ угодно разлить чай или прислать Дуняшу?

— Я самъ разолью, самъ, поспѣшно подхватилъ Николай Петровичъ.—Ты, Аркадій, съ чѣмъ пьешь чай, со сливками или съ лимономъ?

— Со сливками, отвѣчалъ Аркадій, и помолчавъ немного, вопросительно произнесъ:—папаша?

Николай Петровичъ съ замѣшательствомъ посмотрѣлъ на сына.—Что? промолвилъ онъ.

Аркадій опустилъ глаза.—Извини, папаша, если мой вопросъ тебѣ покажется неумѣстнымъ, началъ онъ,—но ты самъ, вчерашнею своею откровенностью, меня вызываешь на откровенность... ты не разсердишься?..

— Говори.

— Ты мнѣ даешь смѣлость спросить тебя... Не отъ того ли Ѳен.... не оттого ли она не приходитъ сюда чай разливать, что я здѣсь?

Николай Петровичъ слегка отвернулся.—Можетъ-быть, проговорилъ онъ наконецъ,—она предполагаетъ... она стыдится...

Аркадій быстро вскинулъ глазами на отца.

— Напрасно жъ она стыдится. Вопервыхъ, тебѣ извѣстенъ мой образъ мыслей (Аркадію очень было пріятно произнести эти слова), а вовторыхъ—захочу ли я хоть на волосъ стѣснять твою жизнь, твои привычки? Притомъ, я увѣренъ, ты не могъ сдѣлать дурной выборъ; если ты позволилъ ей жить съ тобой подъ одною кровлей, стало-быть она это заслуживаетъ: во всякомъ случаѣ, сынъ отцу не судья, и въ особенности я, и въ особенности такому отцу, который, какъ ты, никогда и ни въ чемъ не стѣснялъ моей свободы.

Голосъ Аркадія дрожалъ сначала, онъ чувствовалъ себя великодушнымъ, однако въ то же время понималъ, что читаетъ нѣчто въ родѣ наставленія своему отцу; но звукъ собственныхъ рѣчей сильно дѣйствуетъ на человѣка, и Аркадій произнесъ послѣднія слова твердо, даже съ эффектомъ.

— Спасибо, Аркаша, глухо заговорилъ Николай Петровичъ, и пальцы его опять заходили по бровямъ и по лбу.—Твои предположенія, дѣйствительно, справедливы. Конечно, еслибъ эта дѣвушка не стоила... Это не легкомысленная прихоть. Мнѣ не ловко говорить съ тобой объ этомъ; но ты понимаешь, что ей трудно было придти сюда, при тебѣ, особенно въ первый день твоего пріѣзда.

— Въ такомъ случаѣ я самъ пойду къ ней, воскликнулъ Аркадій съ новымъ приливомъ великодушныхъ чувствъ, и

вскочилъ со стула.—Я ей растолкую, что ей нечего меня стыдиться.

Николай Петровичъ тоже всталъ.—Аркадій, началъ онъ, сдѣлай одолженіе... какъ же можно.... Тамъ... Я тебя не предварилъ...

Но Аркадій уже не слушалъ его и убѣжалъ съ террасы. Николай Петровичъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ и въ смущеньи опустился на стулъ. Сердце его забилось... Представилась ли ему въ это мгновеніе неизбѣжная странность будущихъ отношеній между имъ и сыномъ, сознавалъ ли онъ, что едва ли не большее бы уваженіе оказалъ ему Аркадій, еслибъ онъ вовсе не касался этого дѣла, упрекалъ ли онъ самого себя въ слабости—сказать трудно: всѣ эти чувства были въ немъ, но въ видѣ ощущеній, и то неясныхъ; а съ лица не сходила краска, и сердце билось.

Послышались торопливые шаги, и Аркадій вошелъ на террасу.—Мы познакомились, отецъ! воскликнулъ онъ съ выраженіемъ какого-то ласковаго и добраго торжества на лицѣ.—Ѳедосья Николавна, точно, сегодня не совсѣмъ здорова и придетъ попозже. Но какъ же ты не сказалъ мнѣ, что у меня есть братъ? Я бы уже вчера вечеромъ его расцѣловалъ, какъ я сейчасъ расцѣловалъ его.

Николай Петровичъ хотѣлъ что-то вымолвить, хотѣлъ подняться и раскрыть объятія. Аркадій бросился ему на шею.

— Что̀ это? опять обнимаетесь? раздался сзади ихъ голосъ Павла Петровича.

Отецъ и сынъ одинаково обрадовались появленію его въ эту минуту; бываютъ положенія трогательныя, изъ которыхъ все-таки хочется поскорѣе выйдти.

— Чему жь ты удивляешься? весело заговорилъ Николай Петровичъ.—Въ кои-то вѣки дождался я Аркаши... Я со вчерашняго дня и насмотрѣться на него не успѣлъ.

— Я вовсе не удивляюсь, замѣтилъ Павелъ Петровичъ:—я даже самъ не прочь съ нимъ обняться.

Аркадій подошелъ къ дядѣ и снова почувствовалъ на щекахъ своихъ прикосновеніе его душистыхъ усовъ.

Павелъ Петровичъ присѣлъ къ столу. На немъ былъ изящный утренній въ англійскомъ вкусѣ костюмъ; на головѣ красовалась маленькая феска. Эта феска и небрежно повязанный галстучекъ намекали на свободу деревенской жизни; но тугіе воротнички рубашки, правда не бѣлой, а

пестренькой, какъ оно и слѣдуетъ для утренняго туалета, съ обычною неумолимостью упирались въ выбритый подбородокъ.

— Гдѣ же новый твой пріятель? спросилъ онъ Аркадія.

— Его дома нѣтъ; онъ обыкновенно встаетъ рано и отправляется куда-нибудь. Главное не надо обращать на него вниманія: онъ церемоній не любитъ.

— Да, это замѣтно.

Павелъ Петровичъ началъ, не торопясь, намазывать масло на хлѣбъ.—Долго онъ у насъ прогоститъ?

— Какъ придется. Онъ заѣхалъ сюда по дорогѣ къ отцу.

— А отецъ его гдѣ живетъ?

— Въ нашей же губерніи, верстъ восемьдесятъ отсюда. У него тамъ небольшое имѣньице. Онъ былъ прежде полковымъ докторомъ.

— Тэ, тэ, тэ, тэ... То-то я все себя спрашивалъ: гдѣ слышалъ я эту фамилію Базаровъ?.. Николай, помнится, въ батюшкиной дивизіи былъ лѣкарь Базаровъ?

— Кажется, былъ.

— Точно, точно. Такъ этотъ лѣкарь его отецъ. Гм!—Павелъ Петровичъ повелъ усами.—Ну, а самъ господинъ Базаровъ собственно что̀ такое? спросилъ онъ съ разстановкой.

— Что̀ такое Базаровъ?—Аркадій усмѣхнулся.—Хотите, дядюшка, я вамъ скажу, что̀ онъ собственно такое?

— Сдѣлай одолженіе, племянничекъ.

— Онъ нигилистъ.

— Какъ? спросилъ Николай Петровичъ, а Павелъ Петровичъ поднялъ на воздухъ ножъ съ кускомъ масла на концѣ лезвія, и остался неподвиженъ.

— Онъ нигилистъ, повторилъ Аркадій.

— Нигилистъ, проговорилъ Николай Петровичъ.—Это отъ латынскаго *nihil*, *ничего*, сколько я могу судить, стало-быть это слово означаетъ человѣка, который... который ничего не признаетъ?

— Скажи: который ничего не уважаетъ, подхватилъ Павелъ Петровичъ, и снова принялся за масло.

— Который ко всему относится съ критической точки зрѣнія, замѣтилъ Аркадій.

— А это не все равно? спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ, не все равно. Нигилистъ, это человѣкъ, который не склоняется ни передъ какими авторитетами, который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ.

— И что жь это хорошо? перебилъ его Павелъ Петровичъ.

— Смотря какъ кому, дядюшка. Иному отъ этого хорошо, а иному очень дурно.

— Вотъ какъ. Ну, это, я вижу, не по нашей части. Мы люди стараго вѣка, мы полагаемъ, что безъ принсиповъ (Павелъ Петровичъ выговаривалъ это слово мягко, на французскій манеръ, Аркадій напротивъ произносилъ „прынципъ“, налегая на первый слогъ), безъ принсиповъ принятыхъ, какъ ты говоришь, на вѣру, шагу ступить, дохнуть нельзя. Vous avez changé tout cela, дай вамъ Богъ здоровья и генеральскій чинъ, а мы только любоваться вами будемъ господа... какъ бишь?

— Нигилисты, отчетливо проговорилъ Аркадій.

— Да. Прежде были гегелисты, а теперь нигилисты. Посмотримъ, какъ вы будете существовать въ пустотѣ, въ безвоздушномъ пространствѣ; а теперь позвони-ка, пожалуста, братъ Николай Петровичъ, мнѣ пора пить мой какао.

Николай Петровичъ позвонилъ и закричалъ: „Дуняша!“ Но вмѣсто Дуняши на террасу вышла сама Ѳеничка. Это была молодая женщина лѣтъ двадцати трехъ, вся бѣленькая и мягкая, съ темными волосами и глазами, съ красными, дѣтски-пухлявыми губками и нѣжными ручками. На ней было опрятное ситцевое платье; голубая новая косынка легко лежала на ея круглыхъ плечахъ. Она несла большую чашку какао и, поставивъ ее передъ Павломъ Петровичемъ, вся застыдилась: горячая кровь разлилась алою волной подъ тонкою кожицей ея миловиднаго лица. Она опустила глаза и остановилась у стола, слегка опираясь на самые кончики пальцевъ. Казалось, ей и совѣстно было, что она пришла, и въ то же время она какъ будто чувствовала, что имѣла право придти.

Павелъ Петровичъ строго нахмурилъ брови, а Николай Петровичъ смутился.—Здравствуй Ѳеничка, проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Здравствуйте-съ, отвѣтила она не громкимъ, но звучнымъ голоскомъ и, глянувъ искоса на Аркадія, который

дружелюбно ей улыбался, тихонько вышла. Она ходила немножко въ развалку, но и это къ ней пристало.

На террасѣ въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній господствовало молчаніе. Павелъ Петровичъ похлебывалъ свой какао, и вдругъ поднялъ голову.—Вотъ и господинъ нигилистъ къ намъ жалуетъ, промолвилъ онъ вполголоса.

Дѣйствительно по саду, шагая черезъ клумбы, шелъ Базаровъ. Его полотняное пальто и панталоны были запачканы въ грязи; цѣпкое болотное растеніе обвивало тулью его старой, круглой шляпы; въ правой рукѣ онъ держалъ небольшой мѣшокъ; въ мѣшкѣ шевелилось что-то живое. Онъ быстро приблизился къ террасѣ и, качнувъ головою, промолвилъ:—Здравствуйте, господа; извините что опоздалъ къ чаю; сейчасъ вернусь; надо вотъ этихъ плѣнницъ къ мѣсту пристроить.

— Что это у васъ, піявки? спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ, лягушки.

— Вы ихъ ѣдите или разводите?

— Для опытовъ, равнодушно проговорилъ Базаровъ и ушелъ въ домъ.

— Это онъ ихъ рѣзать станетъ, замѣтилъ Павелъ Петровичъ. Въ принсипы не вѣритъ, а въ лягушекъ вѣритъ.

Аркадій съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на дядю, и Николай Петровичъ украдкой пожалъ плечомъ. Самъ Павелъ Петровичъ почувствовалъ, что сострилъ неудачно, и заговорилъ о хозяйствѣ и о новомъ управляющемъ, который наканунѣ приходилъ къ нему жаловаться, что работникъ Ѳома „либоширничаетъ“ и отъ рукъ отбился. „Такой ужъ онъ езопъ,“ сказалъ онъ между прочимъ: „всюду протестовалъ себя дурнымъ человѣкомъ, поживетъ и съ глупостью отойдетъ.“

VI.

Базаровъ вернулся, сѣлъ за столъ и началъ поспѣшно пить чай. Оба брата молча глядѣли на него, а Аркадій украдкой посматривалъ то на отца, то на дядю.

— Вы далеко отсюда ходили? спросилъ наконецъ Николай Петровичъ.

— Тутъ у васъ болотце есть, возлѣ осиновой рощи. Я взогналъ штукъ пять бекасовъ; ты можешь убить ихъ, Аркадій.

— А вы не охотникъ?

— Нѣтъ.

— Вы собственно физикой занимаетесь? спросилъ въ свою очередь Павелъ Петровичъ.

— Физикой, да; вообще естественными науками.

— Говорятъ, Германцы въ послѣднее время сильно успѣли по этой части.

— Да, Нѣмцы въ этомъ наши учители, небрежно отвѣчалъ Базаровъ.

Слово Германцы, вмѣсто Нѣмцы, Павелъ Петровичъ употребилъ ради иронiи, которой однако никто не замѣтилъ.

— Вы столь высокаго мнѣнія о Нѣмцахъ? проговорилъ съ изысканною учтивостью Павелъ Петровичъ. Онъ начиналъ чувствовать тайное раздраженіе. Его аристократическую натуру возмущала совершенная развязность Базарова. Этотъ лѣкарскій сынъ не только не робѣлъ, онъ даже отвѣчалъ отрывисто и неохотно, и въ звукѣ его голоса было что-то грубое, почти дерзкое.

— Тамошніе ученые дѣльный народъ.

— Такъ, такъ. Ну, а объ русскихъ ученыхъ вы, вѣроятно, не имѣете столь лестнаго понятія?

— Пожалуй что такъ.

— Это очень похвальное самоотверженіе, произнесъ Павелъ Петровичъ, выпрямляя станъ и закидывая голову назадъ.—Но какъ же намъ Аркадій Николаичъ сейчасъ сказывалъ, что вы не признаете никакихъ авторитетовъ? Не вѣрите имъ?

— Да зачѣмъ я стану ихъ признавать? И чему я буду вѣрить? Мнѣ скажутъ дѣло, я соглашаюсь, вотъ и все.

— А Нѣмцы все дѣло говорятъ? промолвилъ Павелъ Петровичъ, и лицо его приняло такое безучастное, отдаленное выраженіе, словно онъ весь ушелъ въ какую-то заоблачную высь.

— Не всѣ, отвѣтилъ съ короткимъ зѣвкомъ Базаровъ, которому явно не хотѣлось продолжать словопреніе.

Павелъ Петровичъ взглянулъ на Аркадія, какъ бы желая сказать ему: „учтивъ твой другъ, признаться.“—Что касается до меня, заговорилъ онъ опять, не безъ нѣкотораго усилія,—я Нѣмцевъ, грѣшный человѣкъ, не жалую. О русскихъ Нѣмцахъ я уже не упоминаю: извѣстно, что это за птицы: Но и нѣмецкіе Нѣмцы мнѣ не по нутру. Еще

прежніе туда, сюда; тогда у нихъ были—ну, тамъ Шиллеръ, что̀ ли, *Гёте*... Братъ вотъ имъ особенно благопріятствуетъ... А теперь пошли все какіе-то химики да матеріялисты...

— Порядочный химикъ въ двадцать разъ полезнѣе всякаго поэта, перебилъ Базаровъ.

— Вотъ какъ, промолвилъ Павелъ Петровичъ, и, словно засыпая, чуть-чуть приподнялъ брови.—Вы, стало-быть, искусства не признаете?

— Искусство наживать деньги, или нѣтъ болѣе геморроя! воскликнулъ Базаровъ съ презрительною усмѣшкой.

— Такъ-съ, такъ-съ. Вотъ какъ вы изволите шутить. Это вы все стало быть отвергаете? Положимъ. Значитъ вы вѣрите въ одну науку?

— Я уже доложилъ вамъ, что ни во что̀ не вѣрю; и что такое наука, наука вообще? Есть науки, какъ есть ремесла‘ званія; а наука вообще не существуетъ вовсе.

— Очень хорошо-съ. Ну, а на счетъ другихъ, въ людскомъ быту принятыхъ постановленій, вы придерживаетесь такого же отрицательнаго направленія?

— Что̀ это, допросъ? спросилъ Базаровъ.

Павелъ Петровичъ слегка поблѣднѣлъ... Николай Петровичъ почелъ должнымъ вмѣшаться въ разговоръ.

— Мы когда-нибудь поподробнѣе побесѣдуемъ объ этомъ предметѣ съ вами, любезный Евгеній Васильичъ; и ваше мнѣніе узнаемъ, и свое выскажемъ. Съ своей стороны я очень радъ, что вы занимаетесь естественными науками. Я слышалъ, что Либихъ сдѣлалъ удивительныя открытія на счетъ удобренія полей. Вы можете мнѣ помочь въ моихъ агрономическихъ работахъ; вы можете дать мнѣ какой-нибудь полезный совѣтъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, Николай Петровичъ; но куда намъ до Либиха! Сперва надо азбукѣ выучиться и потомъ уже взяться за книгу, а мы еще аза въ глаза не видали.

„Ну, ты, я вижу, точно нигилистъ,“ подумалъ Николай Петровичъ.—Все-таки позвольте прибѣгнуть къ вамъ при случаѣ, прибавилъ онъ вслухъ. А теперь намъ, я полагаю, братъ, пора пойдти потолковать съ прикащикомъ.

Павелъ Петровичъ поднялся со стула.

— Да, проговорилъ онъ, ни на кого не глядя,—бѣда по-

жить эдакъ годковъ пять въ деревнѣ, въ отдаленіи отъ великихъ умовъ! Какъ разъ дуракъ дуракомъ станешь. Ты стараешься не забыть того, чему тебя учили, а тамъ—хвать!—оказывается, что все это вздоръ, и тебѣ говорятъ, что путные люди эдакими пустяками больше не занимаются и что ты, молъ, отсталой колпакъ. Что̀ дѣлать! Видно молодежь, точно, умнѣе насъ.

Павелъ Петровичъ медленно повернулся на каблукахъ и медленно вышелъ; Николай Петровичъ отправился вслѣдъ за нимъ.

— Что̀ онъ всегда у васъ такой? хладнокровно спросилъ Базаровъ у Аркадія, какъ только дверь затворилась за обоими братьями.

— Послушай, Евгеній, ты уже слишкомъ рѣзко съ нимъ обошелся, замѣтилъ Аркадій. —Ты его оскорбилъ.

— Да, стану я ихъ баловать, этихъ уѣздныхъ аристократовъ! Вѣдь это все самолюбіе, львиныя привычки, фатство! Ну, продолжалъ бы свое поприще въ Петербургѣ, коли ужь такой у него складъ... А впрочемъ Богъ съ нимъ совсѣмъ! Я нашелъ довольно рѣдкій экземпляръ водянаго жука, Dytiscus marginatus, знаешь? Я тебѣ его покажу.

— Я тебѣ обѣщался разказать его исторію, началъ Аркадій.

— Исторію жука?

— Ну, полно, Евгеній. Исторію моего дяди. Ты увидишь, что онъ не такой человѣкъ, какимъ ты его воображаешь. Онъ скорѣе сожалѣнія достоинъ чѣмъ насмѣшки.

— Я не спорю; да что онъ тебѣ такъ дался?

— Надо быть справедливымъ, Евгеній.

— Это изъ чего слѣдуетъ?

— Нѣтъ, слушай...

И Аркадій разказалъ ему исторію своего дяди. Читатель найдетъ ее въ слѣдующей главѣ.

VII.

Павелъ Петровичъ Кирсановъ воспитывался сперва дома, также какъ и младшій братъ его Николай, потомъ въ пажескомъ корпусѣ. Онъ съ дѣтства отличался замѣчательною красотой; къ тому жь онъ былъ самоувѣренъ, немного насмѣшливъ и какъ-то забавно жолченъ—онъ не могъ не

нравиться. Онъ началъ появляться всюду, какъ только вышелъ въ офицеры. Его носили на рукахъ, и онъ самъ себя баловалъ, даже дурачился, даже ломался; но и это къ нему шло. Женщины отъ него съ ума сходили, мущины называли его фатомъ и втайнѣ завидовали ему. Онъ жилъ, какъ уже сказано, на одной квартирѣ съ братомъ, котораго любилъ искренно, хотя нисколько на него не походилъ. Николай Петровичъ прихрамывалъ, черты имѣлъ маленькія, пріятныя, но нѣсколько грустныя, небольшіе черные глаза и мягкіе, жидкіе волосы, онъ охотно лѣнился, но и читалъ охотно, и боялся общества. Павелъ Петровичъ ни одного вечера не проводилъ дома, славился смѣлостію и ловкостію (онъ ввелъ было гимнастику въ моду между свѣтскою молодежью) и прочелъ всего пять, шесть французскихъ книгъ. На двадцать восьмомъ году отъ роду онъ уже былъ капитаномъ; блестящая карьера ожидала его. Вдругъ все измѣнилось.

Въ то время, въ петербургскомъ свѣтѣ, изрѣдка появлялась женщина, которую не забыли до сихъ поръ, княгиня Р. У ней былъ благовоспитанный и приличный, но глуповатый мужъ, и не было дѣтей. Она внезапно уѣзжала за границу, внезапно возвращалась въ Россію, вообще вела странную жизнь. Она слыла за легкомысленную кокетку, съ увлеченіемъ предавалась всякаго рода удовольствіямъ, танцовала до упаду, хохотала и шутила съ молодыми людьми, которыхъ принимала передъ обѣдомъ въ полумракѣ гостиной, а по ночамъ плакала и молилась, не находила нигдѣ покою, и часто до самаго утра металась по комнатѣ, тоскливо ломая руки, или сидѣла, вся блѣдная и холодная, надъ псалтыремъ. День наставалъ, и она снова превращалась въ свѣтскую даму, снова выѣзжала, смѣялась, болтала, и точно бросалась на встрѣчу всему что̀ могло доставить ей малѣйшее развлеченіе. Она была удивительно сложена; ея коса золотаго цвѣта и тяжелая, какъ золото, падала ниже колѣнъ, но красавицей ее никто бы не назвалъ; во всемъ ея лицѣ только и было хорошаго что глаза, и даже не самые глаза—они были не велики и сѣры—но взглядъ ихъ, быстрый и глубокій, безпечный до удали и задумчивый до уныніа,—загадочный взглядъ. Что-то необычайное свѣтилось въ немъ, даже тогда, когда языкъ ея лепеталъ самыя пустыя рѣчи. Одѣвалась она изысканно.

Павелъ Петровичъ встрѣтилъ ее на одномъ балѣ, протанцовалъ съ ней мазурку, въ теченіи которой она не сказала ни одного путнаго слова, и влюбился въ нее страстно. Привыкшій къ побѣдамъ, онъ и тутъ скоро достигъ своей цѣли; но легкость торжества не охладила его. Напротивъ: онъ еще мучительнѣе, еще крѣпче привязался къ этой женщинѣ, въ которой, даже тогда, когда она отдавалась безвозвратно, все еще какъ будто оставалось что-то завѣтное и недоступное, куда никто не могъ проникнуть. Что̀ гнѣздилось съ этой душѣ—Богъ вѣсть! Казалось, она находилась во власти какихъ-то тайныхъ, для нея самой невѣдомыхъ силъ; онѣ играли ею, какъ хотѣли; ея небольшой умъ не могъ сладить съ ихъ прихотью. Все ея поведеніе представляло рядъ несообразностей; единственныя письма, которыя могли бы возбудить справедливыя подозрѣнія ея мужа, она написала къ человѣку почти ей чужому, а любовь ея отзывалась печалью: она уже не смѣялась и не шутила съ тѣмъ кого избирала, и слушала его и глядѣла на него съ недоумѣніемъ. Иногда, большею частью внезапно, это недоумѣніе переходило въ холодный ужасъ; лицо ея принимало выраженіе мертвенное и дикое; она запиралась у себя въ спальнѣ, и горничная ея могла слышать, припавъ ухомъ къ замку, ея глухія рыданія. Не разъ, возвращаясь къ себѣ домой послѣ нѣжнаго свиданія, Кирсановъ чувствовалъ на сердцѣ ту разрывающую и горькую досаду, которая поднимается въ сердцѣ послѣ окончательной неудачи. „Чего же хочу я еще?“ спрашивалъ онъ себя, а сердце все ныло. Онъ однажды подарилъ ей кольцо съ вырѣзаннымъ на камнѣ сфинксомъ.

— Что это? спросила она:—сфинксъ?

— Да, отвѣтилъ онъ,—а этотъ сфинксъ вы.

— Я? спросила она, и мѣдленно подняла на него свой загадочный взглядъ.—Знаете ли, что это очень лестно? прибавила она съ незначительною усмѣшкой, а глаза глядѣли все такъ же странно.

Тяжело было Павлу Петровичу даже тогда, когда княгиня Р. его любила, но когда она охладѣла къ нему, а это случилось довольно скоро, онъ чуть съ ума не сошелъ. Онъ терзался и ревновалъ, не давалъ ей покою, таскался за ней повсюду; ей надоѣло его неотвязное преслѣдованіе, и она уѣхала за границу. Онъ вышелъ въ отставку, несмотря

на просьбы пріятелей, на увѣщанія начальниковъ, и отправился вслѣдъ за княгиней; года четыре провелъ онъ въ чужихъ краяхъ, то гоняясь за нею, то съ намѣреніемъ теряя ее изъ виду; онъ стыдился самого себя, онъ негодовалъ на свое малодушіе... но ничего не помогало. Ея образъ, этотъ непонятный, почти безсмысленный, но обаятельный образъ, слишкомъ глубоко внѣдрился въ его душу. Въ Баденѣ онъ какъ-то опять сошелся съ нею попрежнему; казалось, никогда еще она такъ страстно его не любила, но черезъ мѣсяцъ все уже было кончено: огонь вспыхнулъ въ послѣдній разъ, и угасъ навсегда. Предчувствуя неизбѣжную разлуку, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ остаться ея другомъ, какъ будто дружба съ такою женщиной была возможна. Она тихонько выѣхала изъ Бадена, и съ тѣхъ поръ постоянно избѣгала Кирсанова. Онъ вернулся въ Россію, попытался зажить старою жизнью, но уже не могъ попасть въ прежнюю колею. Какъ отравленный бродилъ онъ съ мѣста на мѣсто; онъ еще выѣзжалъ, онъ сохранилъ всѣ привычки свѣтскаго человѣка, онъ могъ похвастаться двумя-тремя новыми побѣдами; но онъ уже не ждалъ ничего особеннаго ни отъ себя, ни отъ другихъ, и ничего не предпринималъ. Онъ состарѣлся, посѣдѣлъ; сидѣть по вечерамъ въ клубѣ, желчно скучать, равнодушно поспорить въ холостомъ обществѣ, стало для него потребностію,—знакъ, какъ извѣстно, плохой. О женитьбѣ онъ, разумѣется, и не думалъ. Десять лѣтъ прошло такимъ образомъ, безцвѣтно, безплодно и быстро, страшно быстро. Нигдѣ время такъ не бѣжитъ, какъ въ Россіи: въ тюрьмѣ, говорятъ, оно бѣжитъ еще скорѣй. Однажды за обѣдомъ, въ клубѣ, Павелъ Петровичъ узналъ о смерти княгини Р. Она скончалась въ Парижѣ, въ состояніи близкомъ къ помѣшательству. Онъ всталъ изъ-за стола и долго ходилъ по комнатамъ клуба, останавливаясь, какъ вкопаный, близъ карточныхъ игроковъ; но не вернулся домой раньше обыкновеннаго. Черезъ нѣсколько времени онъ получилъ пакетъ, адресованный на его имя: въ немъ находилось данное имъ княгинѣ кольцо. Она провела по сфинксу крестообразную черту, и велѣла ему сказать, что крестъ—вотъ разгадка.

Это случилось въ началѣ 48-го года, въ то самое время, когда Николай Петровичъ, лишившись жены, пріѣзжалъ въ Петербургъ. Павелъ Петровичъ почти не видался съ братомъ, съ тѣхъ поръ какъ тотъ поселился въ деревнѣ: свадьба

Николая Петровича совпала съ самыми первыми днями знакомства Павла Петровича съ княгиней. Вернувшись изъ-за границы, онъ отправился къ нему съ намѣреніемъ погостить у него мѣсяца два, полюбоваться его счастіемъ, но выжилъ у него одну только недѣлю. Различіе въ положеніи обоихъ братьевъ было слишкомъ велико. Въ 48 году это различіе уменьшилось: Николай Петровичъ потерялъ жену, Павелъ Петровичъ потерялъ свои воспоминанія; послѣ смерти княгини онъ старался не думать о ней. Но у Николая оставалось чувство правильно проведенной жизни, сынъ вырасталъ на его глазахъ; Павелъ, напротивъ, одинокій холостякъ, вступалъ въ то смутное сумеречное время, время сожалѣній похожихъ на надежды, надеждъ похожихъ на сожалѣнія, когда молодость прошла и старость еще не настала. Это время было труднѣе для Павла Петровича чѣмъ для всякаго другаго: потерявъ свое прошедшее, онъ все потерялъ.

— Я не зову теперь тебя въ Марьино, сказалъ ему однажды Николай Петровичъ (онъ назвалъ свою деревню этимъ именемъ въ честь жены),—ты и при покойницѣ тамъ соскучился, а теперь ты, я думаю, тамъ съ тоски пропадешь.

— Я былъ еще глупъ и суетливъ тогда, отвѣчалъ Павелъ Петровичъ:—съ тѣхъ поръ я угомонился, если не поумнѣлъ. Теперь, напротивъ, если ты позволишь, я готовъ навсегда у тебя поселиться.

Вмѣсто отвѣта, Николай Петровичъ обнялъ его; но полтора года прошло послѣ этого разговора, прежде чѣмъ Павелъ Петровичъ рѣшился осуществить свое намѣреніе. За то, поселившись однажды въ деревнѣ, онъ уже не покидалъ ея, даже и въ тѣ три зимы, которыя Николай Петровичъ провелъ въ Петербургѣ съ сыномъ. Онъ сталъ читать, все больше по-англійски; онъ вообще всю жизнь свою устроилъ на англійскій вкусъ, рѣдко видался съ сосѣдями и выѣзжалъ только на выборы, гдѣ онъ большею частію помалчивалъ, лишь изрѣдка дразня и пугая помѣщиковъ стараго покроя либеральными выходками и не сближаясь съ представителями новаго поколѣнія. И тѣ, и другіе считали его гордецомъ; и тѣ, и другіе его уважали за его отличныя аристократическія манеры, за слухи о его побѣдахъ; за то что онъ прекрасно одѣвался и всегда остана-

вливался въ лучшемъ номерѣ лучшей гостиницы; за то что онъ вообще хорошо обѣдалъ, а однажды даже пообѣдалъ съ Веллингтономъ у Лудовика-Филиппа; за то что онъ всюду возилъ съ собою настоящій серебряный несессеръ и походную ванну; за то что отъ него пахло какими-то необыкновенными, удивительно „благородными“ духами; за то что онъ мастерски игралъ въ вистъ и всегда проигрывалъ; наконецъ, его уважали такъ же за его безукоризненную честность. Дамы находили его очаровательнымъ меланхоликомъ, но онъ не знался съ дамами.

— Вотъ видишь ли, Евгеній, промолвилъ Аркадій, оканчивая свой разказъ, какъ несправедливо ты судишь о дядѣ! Я уже не говорю о томъ что онъ не разъ выручалъ отца изъ бѣды, отдавалъ ему всѣ свои деньги,—имѣніе, ты можетъ-быть не знаешь, у нихъ не раздѣлено,—но онъ всякому радъ помочь и, между прочимъ, всегда вступается за крестьянъ; правда, говоря съ ними онъ морщится и нюхаетъ одеколонъ.

— Извѣстное дѣло, нервы, перебилъ Базаровъ.

— Можетъ-быть; только у него сердце предоброе. И онъ далеко не глупъ. Какіе онъ мнѣ давалъ полезные совѣты... особенно... особенно насчетъ отношеній къ женщинамъ.

— Ага! На своемъ молокѣ обжогся, на чужую воду дуетъ. Знаемъ мы это!

— Ну словомъ, продолжалъ Аркадій;—онъ глубоко несчастливъ, повѣрь мнѣ; презирать его—грѣшно.

— Да кто его презираетъ? возразилъ Базаровъ.—А я все-таки скажу, что человѣкъ, который всю свою жизнь поставилъ на карту женской любви, и когда ему эту карту убили, раскисъ и опустился до того, что ни на что не сталъ способенъ, эдакой человѣкъ—не мущина, не самецъ. Ты говоришь, что онъ несчастливъ: тебѣ лучше знать; но дурь изъ него не вся вышла. Я увѣренъ, что онъ не шутя воображаетъ себя дѣльнымъ человѣкомъ потому что читаетъ Галиньяшку и разъ въ мѣсяцъ избавитъ мужика отъ экзекуціи.

— Да вспомни его воспитаніе, время, въ которое онъ жилъ, замѣтилъ Аркадій.

— Воспитаніе? подхватилъ Базаровъ.—Всякій человѣкъ самъ себя воспитать долженъ, — ну, хоть какъ я напри-

мѣръ... А что касается до времени, отчего я отъ него зависѣть буду? Пускай же лучше оно зависитъ отъ меня. Нѣтъ, братъ, это все распущенность, пустота! И что за таинственныя отношенія между мущиной и женщиной? Мы, физіологи, знаемъ какія это отношенія. Ты прошту-дируй-ка анатомію глаза: откуда тутъ взяться, какъ ты говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизмъ, чепуха, гниль, художество. Пойдемъ лучше смотрѣть жука.

И оба пріятеля отправились въ комнату Базарова, въ которой уже успѣлъ установиться какой-то медицинско-хирургическій запахъ, смѣшанный съ запахомъ дешеваго табака.

VIII.

Павелъ Петровичъ недолго присутствовалъ при бесѣдѣ брата съ управляющимъ, высокимъ и худымъ человѣкомъ съ сладкимъ чахоточнымъ голосомъ и плутовскими глазами, который на всѣ замѣчанія Николая Петровича отвѣчалъ: „помилуйте-съ, извѣстное дѣло-съ“, и старался представить мужиковъ пьяницами и ворами. Недавно заведенное на новый ладъ хозяйство скрипѣло какъ не мазанное колесо, трещало какъ домодѣланная мебель изъ сыраго дерева. Николай Петровичъ не унывалъ, но частенько вздыхалъ и задумывался: онъ чувствовалъ, что безъ денегъ дѣло не пойдетъ, а деньги у него почти всѣ перевелись. Аркадій сказалъ правду: Павелъ Петровичъ не разъ помогалъ своему брату; не разъ, видя какъ онъ бился и ломалъ себѣ голову, придумывая какъ бы извернуться, Павелъ Петровичъ медленно подходилъ къ окну и, засунувъ руки въ карманы, бормоталъ сквозь зубы: „mais je puis vous donner de l'argent“, и давалъ ему денегъ; но въ этотъ день у него самого ничего не было, и онъ предпочелъ удалиться. Хозяйственныя дрязги наводили на него тоску; притомъ ему постоянно казалось, что Николай Петровичъ, несмотря на все свое рвеніе и трудолюбіе, не такъ принимается за дѣло, какъ бы слѣдовало; хотя указать въ чемъ собственно ошибается Николай Петровичъ, онъ не сумѣлъ бы. „Братъ не довольно практиченъ“, разсуждалъ онъ самъ съ собою,— „его обманываютъ.“ Николай Петровичъ, напротивъ, былъ высокаго мнѣнія о практичности Павла Петровича, и всегда

спрашивалъ его совѣта. „Я человѣкъ мягкій, слабый, вѣкъ свой провелъ въ глуши“, говаривалъ онъ;—„а ты не даромъ такъ много жилъ съ людьми, ты ихъ хорошо знаешь: у тебя орлиный взглядъ“.

Павелъ Петровичъ въ отвѣтъ на эти слова только отворачивался, но не разувѣрялъ брата.

Оставивъ Николая Петровича въ кабинетѣ, онъ отправился по корридору, отдѣлявшему переднюю часть дома отъ задней, и, поравнявшись съ низенькою дверью, остановился въ раздумьи, подергалъ себѣ усы и постучался въ нее.

— Кто тамъ? Войдите, раздался голосъ Ѳенички.

— Это я, проговорилъ Павелъ Петровичъ и отворилъ дверь.

Ѳеничка вскочила со стула, на которомъ она усѣлась со своимъ ребенкомъ и, передавъ его на руки дѣвушкѣ, которая тотчасъ же вынесла его вонъ изъ комнаты, торопливо поправила свою косынку.

— Извините, если я помѣшалъ, началъ Павелъ Петровичъ, не глядя на нее:—мнѣ хотѣлось только попросить васъ... сегодня, кажется, въ городъ посылаютъ... велите купить для меня зеленаго чаю.

— Слушаю-съ, отвѣчала Ѳеничка:—сколько прикажете купить?

— Да полфунта довольно будетъ, я полагаю. А у васъ здѣсь, я вижу, перемѣна, прибавилъ онъ, бросивъ вокругъ быстрый взглядъ, который скользнулъ и по лицу Ѳенички.— Занавѣски вотъ, промолвилъ онъ, видя что она его не понимаетъ.

— Да-съ, занавѣски. Николай Петровичъ намъ ихъ пожаловалъ; да ужь онѣ давно повѣшены.

— Да и я у васъ давно не былъ. Теперь у васъ здѣсь очень хорошо.

— По милости Николая Петровича, шепнула Ѳеничка.

— Вамъ здѣсь лучше чѣмъ въ прежнемъ флигелькѣ? спросилъ Павелъ Петровичъ вѣжливо, но безъ малѣйшей улыбки.

— Конечно, лучше-съ.

— Кого теперь на ваше мѣсто помѣстили?

— Теперь тамъ прачки.

— А!

Павелъ Петровичъ умолкъ. „Теперь уйдетъ“, думала Ѳе-

ничка; но онъ не уходилъ, и она стояла передъ нимъ, какъ вкопаная, слабо перебирая пальцами.

— Отчего вы велѣли вашего маленькаго вынести? заговорилъ наконецъ Павелъ Петровичъ.—Я люблю дѣтей: покажите-ка мнѣ его.

Ѳеничка вся покраснѣла отъ смущенія и отъ радости. Она боялась Павла Петровича: онъ почти никогда не говорилъ съ ней.

— Дуняша, кликнула она:—принесите Митю (Ѳеничка всѣмъ въ домѣ говорила *вы*). А не то погодите; надо ему платьице надѣть.—Ѳеничка направилась къ двери.

— Да все равно, замѣтилъ Павелъ Петровичъ.

— Я сейчасъ, отвѣтила Ѳеничка, и проворно вышла.

Павелъ Петровичъ остался одинъ, и на этотъ разъ съ большимъ вниманіемъ оглянулся кругомъ. Небольшая, низенькая комнатка, въ которой онъ находился, была очень чиста и уютна. Въ ней пахло недавно выкрашеннымъ поломъ, ромашкой и мелиссой. Вдоль стѣнъ стояли стулья съ задками въ видѣ лиръ; они были куплены еще покойникомъ генераломъ въ Польшѣ, во время похода; въ одномъ углу возвышалась кроватка подъ кисейнымъ пологомъ, рядомъ съ кованымъ сундукомъ съ круглою крышей. Въ противоположномъ углу горѣла лампадка передъ большимъ темнымъ образомъ Николая Чудотворца; крошечное фарфоровое яичко на красной лентѣ висѣло на груди святаго, прицѣпленное къ сіянію; на окнахъ банки съ прошлогоднимъ вареньемъ, тщательно завязанныя, сквозили зеленымъ свѣтомъ; на бумажныхъ ихъ крышкахъ сама Ѳеничка написала крупными буквами: „кружовникъ“; Николай Петровичъ любилъ особенно это варенье. Подъ потолкомъ, на длинномъ шнуркѣ, висѣла клѣтка съ короткохвостымъ чижомъ; онъ безпрестанно чирикалъ и прыгалъ, и клѣтка безпрестанно качалась и дрожала; конопляныя зерна съ легкимъ стукомъ падали на полъ. Въ простѣнкѣ, надъ небольшимъ комодомъ, висѣли довольно плохіе фотографическіе портреты Николая Петровича въ разныхъ положеніяхъ, сдѣланные заѣзжимъ художникомъ; тутъ же висѣла фотографія самой Ѳенички, совершенно не удавшаяся: какое-то безглазое лицо напряженно улыбалось въ темной рамочкѣ,—больше ничего нельзя было разобрать; а надъ Ѳеничкой—Ермоловъ въ буркѣ грозно хмурился на отда-

ленныя Кавказскія горы, изъ-подъ шелковаго башмачка для булавокъ падавшаго ему на самый лобъ.

Прошло минутъ пять, въ сосѣдней комнатѣ слышался шелестъ и шопотъ. Павелъ Петровичъ взялъ съ комода замасленную книгу, разрозненный томъ *Стрѣльцова* Масальскаго, перевернулъ нѣсколько страницъ... Дверь отворилась, и вошла Ѳеничка съ Митей на рукахъ. Она надѣла на него красную рубашечку съ галуномъ на воротѣ, причесала ему волосики и утерла лицо; онъ дышалъ тяжело, порывался всѣмъ тѣломъ и подергивалъ ручонками, какъ это дѣлаютъ всѣ здоровыя дѣти; но щегольская рубашечка видимо на него подѣйствовала: выраженіе удовольствія отражалось на всей его пухлой фигуркѣ. Ѳеничка и свои волосы привела въ порядокъ, и косынку надѣла получше; но она могла бы остаться, какъ была.

И въ самомъ дѣлѣ, если на свѣтѣ что-нибудь плѣнительнѣе молодой красивой матери съ здоровымъ ребенкомъ на рукахъ?

— Экой буту зъ, снисходительно проговорилъ Павелъ Петровичъ, и пощекоталъ двойной подбородокъ Мити концомъ длиннаго ногтя на указательномъ пальцѣ; ребенокъ уставился на чижа, и засмѣялся.

— Это дядя, промолвила Ѳеничка, склоняя къ нему свое лицо и слегка его встряхивая, между тѣмъ какъ Дуняша тихонько ставила на окно зажженную курительную свѣчку, подложивши подъ нее грошъ.

— Сколько, бишь, ему мѣсяцевъ? спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Шесть мѣсяцевъ; скоро вотъ седьмой пойдетъ, 11-го числа.

— Не восьмой ли, Ѳедосья Николавна? не безъ робости вмѣшалась Дуняша.

— Нѣтъ, седьмой; какъ можно!—Ребенокъ опять засмѣялся, уставился на сундукъ, и вдругъ схватилъ свою мать всею пятерней за носъ и за губы.

— Баловникъ, проговорила Ѳеничка, не отодвигая лица отъ его пальцевъ.

— Онъ похожъ на брата, замѣтилъ Павелъ Петровичъ.

„На кого жь ему и походить?“ подумала Ѳеничка.

— Да, продолжалъ, какъ бы говоря съ самимъ собой,

Павелъ Петровичъ—несомнѣнное сходство. — Онъ внимательно, почти печально посмотрѣлъ на Ѳеничку.

— Это дядя, повторила она, но уже шепотомъ.

— А! Павелъ! вотъ гдѣ ты! раздался вдругъ голосъ Николая Петровича.

Павелъ Петровичъ торопливо обернулся и нахмурился; но братъ его такъ радостно, съ такою благодарностью глядѣлъ на него, что онъ не могъ не отвѣтить ему улыбкой.

— Славный у тебя мальчуганъ, промолвилъ онъ и посмотрѣлъ на часы;—а я завернулъ сюда насчетъ чаю...

И принявъ равнодушное выраженіе, Павелъ Петровичъ тотчасъ же вышелъ вонъ изъ комнаты.

— Самъ собой зашелъ? спросилъ Ѳеничку Николай Петровичъ.

— Сами-съ; постучались и вошли.

— Ну, а Аркаша больше у тебя не былъ?

— Не былъ. Не перейдти ли мнѣ во флигель, Николай Петровичъ?

— Это зачѣмъ?

— Я думаю не лучше ли будетъ на первое время.

— И... нѣтъ, произнесъ съ запинкой Николай Петровичъ и потеръ себѣ лобъ.—Надо было прежде... Здравствуй, пузырь, проговорилъ онъ съ внезапнымъ оживленіемъ и приблизившись къ ребенку, поцѣловалъ его въ щеку; потомъ онъ нагнулся немного и приложилъ губы къ Ѳеничкиной рукѣ, бѣлѣвшей какъ молоко на красной рубашечкѣ Мити.

— Николай Петровичъ! что вы это? пролепетала она и опустила глаза, потомъ тихонько подняла ихъ... Прелестно было выраженіе ея глазъ, когда она глядѣла какъ бы изполобья, да посмѣивалась ласково и немножко глупо.

Николай Петровичъ познакомился съ Ѳеничкой слѣдующимъ образомъ. Однажды, года три тому назадъ, ему пришлось ночевать на постояломъ дворѣ въ отдаленномъ уѣздномъ городѣ. Его пріятно поразила чистота отведенной ему комнаты, свѣжесть постельнаго бѣлья: ужь не Нѣмка ли здѣсь хозяйка? пришло ему на мысль; но хозяйка оказалась Русская, женщина лѣтъ пятидесяти, опрятно одѣтая, съ благообразнымъ, умнымъ лицомъ и степенною рѣчью. Онъ разговорился съ ней за чаемъ; очень она ему понравилась. Николай Петровичъ въ то время только что переселился въ новую свою усадьбу и, не же-

лая держать при себѣ крѣпостныхъ людей, искалъ наемныхъ; хозяйка, съ своей стороны, жаловалась на малое число проѣзжающихъ въ городѣ, на тяжелыя времена; онъ предложилъ ей поступить къ нему въ домъ, въ качествѣ экономки; она согласилась. Мужъ у ней давно умеръ, оставивъ ей одну только дочь, Ѳеничку. Недѣли черезъ двѣ Арина Савишна (такъ звали новую экономку) прибыла вмѣстѣ съ дочерью въ Марьино, и поселилась во флигелькѣ. Выборъ Николая Петровича оказался удачнымъ. Арина завела порядокъ въ домѣ. О Ѳеничкѣ, которой тогда минулъ уже семнадцатый годъ, никто не говорилъ, и рѣдкій ее видѣлъ: она жила тихонько, какъ мышенокъ въ норкѣ, и только по воскресеньямъ Николай Петровичъ замѣчалъ въ приходской церкви, гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, тонкій профиль ея бѣленькаго лица. Такъ прошло болѣе года.

Въ одно утро Арина явилась къ нему въ кабинетъ и, по обыкновенію, низко поклонившись, спросила его, не можетъ ли онъ помочь ея дочкѣ, которой искра изъ печки прыгнула въ глазъ. Николай Петровичъ, какъ всѣ домосѣды, занимался лѣченіемъ, и даже выписалъ гомеопатическую аптечку. Онъ тотчасъ велѣлъ Аринѣ привести больную. Узнавъ, что баринъ ее зоветъ, Ѳеничка очень перетрусилась, однако пошла за матерью. Николай Петровичъ подвелъ ее къ окну и взялъ ее обѣими руками за голову. Разсмотрѣвъ хорошенько ея покраснѣвшій и воспаленный глазъ, онъ прописалъ ей свинцовую примочку, которую тутъ же самъ составилъ и, разорвавъ на части свой платокъ, показалъ ей какъ надо примачивать. Ѳеничка выслушала его и хотѣла выйдти. „Поцѣлуй же ручку у барина, глупенькая,“ сказала ей Арина. Николай Петровичъ не далъ ей своей руки и, сконфузившись, самъ поцѣловалъ ее въ наклоненную голову, въ проборъ. Ѳеничкинъ глазъ скоро выздоровѣлъ; но впечатлѣніе, произведенное ею на Николая Петровича, прошло не скоро. Ему все мерещилось это чистое, нѣжное, боязливо приподнятое лицо; онъ чувствовалъ подъ ладонями рукъ своихъ эти мягкіе волосы, видѣлъ эти невинныя, слегка раскрытыя губы, изъ-за которыхъ влажно блистали на солнцѣ жемчужные зубки. Онъ началъ съ большимъ вниманіемъ глядѣть на нее въ церкви, старался заговаривать съ нею. Сначала она его дичилась, и однажды, передъ вечеромъ, встрѣтивъ его на узкой

тропинкѣ, проложенной пѣшеходами черезъ ржаное поле, зашла въ высокую, густую рожь, поросшую полынью и васильками, чтобы только не попасться ему на глаза. Онъ увидалъ ея головку сквозь золотую сѣтку колосьевъ, откуда она высматривала, какъ звѣрокъ, и ласково крикнулъ ей:—Здравствуй Ѳеничка! Я не кусаюсь.

— Здравствуйте, прошептала она, не выходя изъ своей засады.

Понемногу она стала привыкать къ нему, но все еще робѣла въ его присутствіи, какъ вдругъ ея мать Арина умерла отъ холеры. Куда было дѣваться Ѳеничкѣ? Она наслѣдовала отъ своей матери любовь къ порядку, разсудительность и степенность; но она была такъ молода, такъ одинока, Николай Петровичъ былъ самъ такой добрый и скромный... Остальное досказывать нечего.

— Такъ-таки братъ къ тебѣ и вошелъ? спрашивалъ ее Николай Петровичъ.—Постучался и вошелъ?

— Да-съ.

— Ну, это хорошо. Дай-ка мнѣ покачать Митю.

И Николай Петровичъ началъ его подбрасывать почти подъ самый потолокъ, къ великому удовольствію малютки и къ немалому безпокойству матери, которая, при всякомъ его взлетѣ, протягивала руки къ обнажавшимся его ножкамъ.

А Павелъ Петровичъ вернулся въ свой изящный кабинетъ, оклеенный по стѣнамъ красивыми обоями дикаго цвѣта, съ развѣшаннымъ оружіемъ на пестромъ персидскомъ коврѣ, съ орѣховою мебелью, обитой темно-зеленымъ трипомъ, съ библіотекой renaissance изъ стараго чернаго дуба, съ бронзовыми статуэтками на великолѣпномъ письменномъ столѣ, съ каминомъ... Онъ бросился на диванъ, заложилъ руки за голову и остался неподвиженъ, почти съ отчаяньемъ глядя въ потолокъ. Захотѣлъ ли онъ скрыть отъ самыхъ стѣнъ что̀ у него происходило на лицѣ, по другой ли какой причинѣ, только онъ всталъ, отстегнулъ тяжелыя занавѣски оконъ, и опять бросился на диванъ...

IX.

Въ тотъ же день и Базаровъ познакомился съ Ѳеничкой. Онъ вмѣстѣ съ Аркадіемъ ходилъ по саду и толковалъ ему, почему иныя деревца, особенно дубки, не принялись.

— Надо серебристыхъ тополей побольше здѣсь сажать да елокъ, да пожалуй липокъ, подбавивши чернозему. Вонъ бесѣдка принялась хорошо, прибавилъ онъ:—потому что акація да сирень—ребята добрые, ухода не требуютъ. Ба! да тутъ кто-то есть.

Въ бесѣдкѣ сидѣла Ѳеничка съ Дуняшей и Митей. Базаровъ остановился, а Аркадій кивнулъ головою Ѳеничкѣ какъ старый знакомый.

— Кто это? спросилъ его Базаровъ, какъ только они прошли мимо.—Какая хорошенькая!

— Да ты о комъ говоришь?

— Извѣстно о комъ: одна только хорошенькая.

Аркадій, не безъ замѣшательства, объяснилъ ему въ короткихъ словахъ, кто была Ѳеничка.

— Ага! промолвилъ Базаровъ:—у твоего отца видно губа не дура. А онъ мнѣ нравится, твой отецъ, ей-ей! Онъ молодецъ. Однако надо познакомиться, прибавилъ онъ, и отправился назадъ къ бесѣдкѣ.

— Евгеній! съ испугомъ крикнулъ ему вослѣдъ Аркадій:—осторожнѣй, ради Бога.

— Не волнуйся, проговорилъ Базаровъ:—народъ мы тертый, въ городахъ живали.

Приблизясь къ Ѳеничкѣ, онъ скинулъ картузъ. — Позвольте представиться, началъ онъ съ вѣжливымъ поклономъ:—Аркадію Николаичу пріятель и человѣкъ смирный.

Ѳеничка приподнялась со скамейки и глядѣла на него молча.

— Какой ребенокъ чудесный! продолжалъ Базаровъ.—Не безпокойтесь, я еще никого не сглазилъ. Что это у него щеки такія красныя? Зубки, что ли, прорѣзаются?

— Да-съ, промолвила Ѳеничка:—четверо зубковъ у него уже прорѣзались, а теперь вотъ десны опять припухли.

— Покажите-ка... да вы не бойтесь, я докторъ.

Базаровъ взялъ на руки ребенка, который къ удивленію и Ѳенички, и Дуняши, не оказалъ никакого сопротивленія и не испугался.

— Вижу, вижу... Ничего, все въ порядкѣ: зубастый будетъ. Если что̀ случится, скажите мнѣ. А сами вы здоровы?

— Здорова, слава Богу.

— Слава Богу—лучше всего. А вы? прибавилъ Базаровъ, обращаясь къ Дуняшѣ.

Дуняша, дѣвушка очень строгая въ хоромахъ и хохотунья за воротами, только фыркнула ему въ отвѣтъ.

— Ну и прекрасно. Вотъ вамъ вашъ богатырь.

Ѳеничка приняла ребенка къ себѣ на руки.

— Какъ онъ у васъ тихо сидѣлъ, промолвила она вполголоса.

— У меня всѣ дѣти тихо сидятъ, отвѣчалъ Базаровъ,—я такую штуку знаю.

— Дѣти чувствуютъ, кто ихъ любитъ, замѣтила Дуняша.

— Это точно, подтвердила Ѳеничка.—Вотъ и Митя, къ иному ни за что̀ на руки ни пойдетъ.

— А ко мнѣ пойдетъ? спросилъ Аркадій, который, постоявъ нѣкоторое время въ отдаленіи, приблизился къ бесѣдкѣ.

Онъ поманилъ было къ себѣ Митю, но Митя откинулъ голову назадъ и запищалъ, что̀ очень смутило Ѳеничку.

— Въ другой разъ,—когда привыкнуть успѣетъ, снисходительно промолвилъ Аркадій, и оба пріятеля удалились.

— Какъ, бишь, ее зовутъ? спросилъ Базаровъ.

— Ѳеничкой... Ѳедосьей, отвѣтилъ Аркадій.

— А по батюшкѣ? Это тоже нужно знать.

— Николаевной.

— *Bene*. Мнѣ нравится въ ней то, что она не слишкомъ конфузится. Иной, пожалуй, это-то и осудилъ бы въ ней. Что̀ за вздоръ? Чего конфузиться? Она мать—ну, и права.

— Она-то права, замѣтилъ Аркадій, — но вотъ отецъ мой...

— И онъ правъ, перебилъ Базаровъ.

— Ну, нѣтъ, я не нахожу.

— Видно лишній наслѣдничекъ намъ не по нутру?

— Какъ тебѣ не стыдно предполагать во мнѣ такія мысли! съ жаромъ подхватилъ Аркадій.—Я не съ этой точки

зрѣнія почитаю отца неправымъ; я нахожу, что онъ долженъ былъ жениться на ней.

— Эге-ге! спокойно проговорилъ Базаровъ.—Вотъ мы какіе великодушные! Ты придаешь еще значеніе браку; я этого отъ тебя не ожидалъ.

Пріятели сдѣлали нѣсколько шаговъ въ молчаньи.

— Видѣлъ я всѣ заведенія твоего отца, началъ опять Базаровъ. — Скотъ плохой, и лошади разбитыя. Строенія тоже подгуляли, и работники смотрятъ отъявленными лѣнивцами; а управляющій либо дуракъ, либо плутъ, я еще не разобралъ хорошенько.

— Строгъ же ты сегодня, Евгеній Васильичъ.

— И добрые мужички надуютъ твоего отца всенепремѣнно. Знаешь поговорку: „русскій мужикъ Бога слопаетъ“.

— Я начинаю соглашаться съ дядей, замѣтилъ Аркадій.— ты рѣшительно дурнаго мнѣнія о Русскихъ.

— Эка важность! Русскій человѣкъ только тѣмъ и хорошъ, что онъ самъ о себѣ прескверная мнѣнія. Важно то, что дважды два четыре, а остальное все пустяки.

— И природа пустяки? проговорилъ Аркадій, задумчиво глядя вдаль на пестрыя поля, красиво и мягко освѣщенныя уже невысокимъ солнцемъ.

— И природа пустяки, въ томъ значеніи, въ какомъ ты ее теперь понимаешь. Природа не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ.

Медлительные звуки віолончели долетѣли до нихъ изъ дому въ это самое мгновеніе. Кто-то игралъ съ чувствомъ, хотя и неопытною рукой *Ожиданіе* Шуберта, и медомъ разливалась по воздуху сладостная мелодія.

— Это что? произнесъ съ изумленіемъ Базаровъ.

— Это отецъ.

— Твой отецъ играетъ на віолончели?

— Да.

— Да сколько твоему отцу лѣтъ?

— Сорокъ четыре.

— Базаровъ вдругъ расхохотался.

— Чему же ты смѣешься?

— Помилуй! въ сорокъ четыре года, человѣкъ, paterfamilias, въ .....мъ уѣздѣ—играетъ на віолончели!

Базаровъ продолжалъ хохотать; но Аркадій, какъ ни благоговѣлъ передъ своимъ учителемъ, на этотъ разъ даже не улыбнулся.

X.

Прошло около двухъ недѣль. Жизнь въ Марьинѣ текла своимъ порядкомъ: Аркадій сибаритствовалъ, Базаровъ работалъ. Всѣ въ домѣ привыкли къ нему, къ его небрежнымъ манерамъ, къ его немногосложнымъ и отрывочнымъ рѣчамъ. Ѳеничка въ особенности до того съ нимъ освоилась, что однажды ночью велѣла разбудить его: съ Митей сдѣлались судороги; и онъ пришелъ и, по обыкновенію, полушутя, полу-зѣвая, просидѣлъ у ней часа два и помогъ ребенку. За то Павелъ Петровичъ всѣми силами души своей возненавидѣлъ Базарова: онъ считалъ его гордецомъ, нахаломъ, циникомъ, плебеемъ; онъ подозрѣвалъ, что Базаровъ не уважаетъ его, что онъ едва ли не презираетъ его—его, Павла Кирсанова! Николай Петровичъ побаивался молодаго „нигилиста“ и сомнѣвался въ пользѣ его вліянія на Аркадія; но онъ охотно его слушалъ, охотно присутствовалъ при его физическихъ и химическихъ опытахъ. Базаровъ привезъ съ собой микроскопъ, и по цѣлымъ часамъ съ нимъ возился. Слуги также привязались къ нему, хотя онъ надъ ними подтрунивалъ: они чувствовали, что онъ все-таки свой братъ, не баринъ. Дуняша охотно съ нимъ хихикала и, искоса, значительно посматривала на него, пробѣгая мимо „перепелочкой“; Петръ, человѣкъ до крайности самолюбивый и глупый, вѣчно съ напряженными морщинами на лбу, человѣкъ, котораго все достоинство состояло въ томъ, что онъ глядѣлъ учтиво, читалъ по складамъ и часто чистилъ щеточкой свой сюртучокъ, и тотъ ухмылялся и свѣтлѣлъ, какъ только Базаровъ обращалъ на него вниманіе; дворовые мальчишки бѣгали за „дохтуромъ“ какъ собачонки. Одинъ старикъ Прокофьичъ не любилъ его, съ угрюмымъ видомъ подавалъ ему за столомъ кушанья, называлъ его „живодеромъ“ и процелыгой, и увѣрялъ, что онъ съ своими бакенбардами—настоящая свинья въ кустѣ. Прокофьичъ, по своему, былъ аристократъ не хуже Павла Петровича.

Наступили лучшіе дни въ году—первые дни іюня. Погода стояла прекрасная; правда, издали грозилась опять холера, но жители ..... ой губерніи успѣли уже привы-

кать къ ея посѣщеніямъ. Базаровъ вставалъ очень рано и отправлялся версты за двѣ, за три, не гулять—онъ прогулокъ безъ цѣли терпѣть не могъ—а собирать травы, насѣкомыхъ. Иногда онъ бралъ съ собой Аркадія. На возвратномъ пути у нихъ обыкновенно завязывался споръ, и Аркадій обыкновенно оставался побѣжденнымъ, хотя говорилъ больше своего товарища. Однажды они какъ-то долго замѣшкались; Николай Петровичъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу въ садъ и, поровнявшись съ бесѣдкой, вдругъ услышалъ быстрые шаги и голоса обоихъ молодыхъ людей. Они шли по ту сторону бесѣдки и не могли его видѣть.

— Ты отца недостаточно знаешь, говорилъ Аркадій.

Николай Петровичъ притаился.

— Твой отецъ добрый малый, промолвилъ Базаровъ,— но онъ человѣкъ отставной, его пѣсенка спѣта.

Николай Петровичъ приникъ ухомъ... Аркадій ничего не отвѣчалъ.

„Отставной человѣкъ“ постоялъ минуты двѣ неподвижно и медленно поплелся домой.

— Третьяго дня, я смотрю, онъ Пушкина читаетъ, продолжалъ между тѣмъ Базаровъ.—Растолкуй ему, пожалуста, что̀ это никуда не годится. Вѣдь онъ не мальчикъ: пора бросить эту ерунду. И охота же быть романтикомъ въ нынѣшнее время! Дай ему что-нибудь дѣльное почитать.

— Что̀ бы ему дать? спросилъ Аркадій.

— Да, я думаю, Бюхнерово *Stoff und Kraft* на первый случай.

— Я самъ такъ думаю, замѣтилъ одобрительно Аркадій. *Stoff und Kraft* написано популярнымъ языкомъ.

— Вотъ мы какъ съ тобой, говорилъ въ тотъ же день послѣ обѣда Николай Петровичъ своему брату, сидя у него въ кабинетѣ:—въ отставные люди попали, пѣсенка наша спѣта. Что жь? Можетъ-быть Базаровъ и правъ; но мнѣ, признаюсь, одно больно: я надѣялся именно теперь тѣсно и дружески сойдтись съ Аркадіемъ, а выходитъ, что я остался назади, онъ ушелъ впередъ, и понять мы другъ друга не можемъ.

— Да почему онъ ушелъ впередъ? И чѣмъ онъ отъ насъ

такъ ужь очень отличается? съ нетерпѣніемъ воскликнулъ Павелъ Петровичъ.—Это все ему въ голову синьйоръ этотъ вбилъ, нигилистъ этотъ. Ненавижу я этого лѣкаришку; по моему, онъ просто шарлатанъ; я увѣренъ, что со всѣми своими лягушками онъ и въ физикѣ недалеко ушелъ.

— Нѣтъ, братъ, ты этого не говори: Базаровъ уменъ и знающъ.

— И самолюбіе какое противное, перебилъ опять Павелъ Петровичъ.

— Да, замѣтилъ Николай Петровичъ:—онъ самолюбивъ. Но безъ этого, видно, нельзя: только вотъ чего я въ толкъ не возьму. Кажется, я все дѣлаю, чтобы не отстать отъ вѣка: крестьянъ устроилъ, ферму завелъ, такъ что даже меня во всей губерніи *краснымъ* величаютъ; читаю, учусь, вообще стараюсь стать въ уровень съ современными требованіями, а они говорятъ, что пѣсенка моя спѣта. Да что, братъ, я самъ начинаю думать, что она точно спѣта.

— Это почему?

— А вотъ почему. Сегодня я сижу да читаю Пушкина... Помнится *Цыгане* мнѣ попались... Вдругъ Аркадій подходитъ ко мнѣ и, молча, съ эдакимъ ласковымъ сожалѣніемъ на лицѣ, тихонько, какъ у ребенка, отнялъ у меня книгу и положилъ передо мной другую, нѣмецкую... улыбнулся и ушелъ, и Пушкина унесъ.

— Вотъ какъ! Какую же онъ книгу тебѣ далъ?

— Вотъ эту.

И Николай Петровичъ вынулъ изъ задняго кармана сюртука пресловутую брошюру Бюхнера, девятаго изданія.

Павелъ Петровичъ повертѣлъ ее въ рукахъ.—Гм! промычалъ онъ.—Аркадій Николаевичъ заботится о твоемъ воспитаніи. Что жь, ты пробовалъ читать?

— Пробовалъ.

— Ну и что же?

— Либо я глупъ, либо это все—вздоръ. Должно-быть, я глупъ.

— Да ты по-нѣмецки не забылъ? спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Я по-нѣмецки понимаю.

Павелъ Петровичъ опять повертѣлъ книгу въ рукахъ и изподлобья взглянулъ на брата. Оба помолчали.

— Да, кстати, началъ Николай Петровичъ, видимо же-

лая перемѣнить разговоръ.—Я получилъ письмо отъ Колязина.

— Отъ Матвея Ильича?

— Отъ него. Онъ пріѣхалъ въ *** ревизовать губернію. Онъ теперь въ тузы вышелъ и пишетъ мнѣ, что желаетъ, по родственному, повидаться съ нами и приглашаетъ насъ съ тобой и съ Аркадіемъ въ городъ.

— Ты поѣдешь? спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ; а ты?

— И я не поѣду. Очень нужно тащиться за пятьдесятъ верстъ киселя ѣсть. Mathieu хочетъ показаться намъ во всей своей славѣ; чортъ съ нимъ! будетъ съ него губернскаго єиміама, обойдется безъ нашего. И велика важность, тайный совѣтникъ! Еслибъ я продолжалъ служить, тянуть эту глупую лямку, я бы теперь былъ генералъ-адъютантомъ. Притомъ же мы съ тобой отставные люди.

— Да, братъ; видно пора гробъ заказывать и ручки складывать крестомъ на груди, замѣтилъ со вздохомъ Николай Петровичъ.

— Ну, я такъ скоро не сдамся, пробормоталъ его братъ.— У насъ еще будетъ схватка съ этимъ лѣкаремъ, я это предчувствую.

Схватка произошла въ тотъ же день за вечернимъ чаемъ. Павелъ Петровичъ сошелъ въ гостиную уже готовый къ бою, раздраженный и рѣшительный. Онъ ждалъ только предлога, чтобы накинуться на врага; но предлогъ долго не представлялся. Базаровъ вообще говорилъ мало въ присутствіи „старичковъ Кирсановыхъ“, такъ онъ называлъ обоихъ братьевъ, а въ тотъ вечеръ онъ чувствовалъ себя не въ духѣ и молча выпивалъ чашку за чашкой. Павелъ Петровичъ весь горѣлъ нетерпѣніемъ; его желанія сбылись наконецъ.

Рѣчь зашла объ одномъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ. „Дрянь, аристократишко“, равнодушно замѣтилъ Базаровъ, который встрѣчался съ нимъ въ Петербургѣ.

— Позвольте васъ спросить, началъ Павелъ Петровичъ, и губы его задрожали:—по вашимъ понятіямъ слова: „Дрянь“ и „аристократъ“ одно и то же означаютъ?

— Я сказалъ: „аристократишко,“ проговорилъ Базаровъ, лѣниво отхлебывая глотокъ чаю.

— Точно такъ-съ; но я полагаю, что вы такого же мнѣнія объ аристократахъ, какъ и объ аристократишкахъ. Я

считаю долгомъ объявить вамъ, что я этого мнѣнія не раздѣляю. Смѣю сказать, меня всѣ знаютъ за человѣка либеральнаго и любящаго прогрессъ; но именно потому я уважаю аристократовъ, настоящихъ. Вспомните, милостивый государь (при этихъ словахъ Базаровъ поднялъ глаза на Павла Петровича), вспомните, милостивый государь, повторилъ онъ съ ожесточеніемъ:—англійскихъ аристократовъ. Они не уступаютъ йоты отъ правъ своихъ, и потому они уважаютъ права другихъ; они требуютъ исполненія обязанностей въ отношеніи къ нимъ, и потому они сами исполняютъ *свои* обязанности. Аристократія дала свободу Англіи и поддерживаетъ ее.

— Слыхали мы эту пѣсню много разъ, возразилъ Базаровъ:—но что вы хотите этимъ доказать?

— Я *эфтимъ* хочу доказать, милостивый государь (Павелъ Петровичъ, когда сердился, съ нетерпѣніемъ говорилъ: „эфтимъ“ и „эфто,“ хотя очень хорошо зналъ, что подобныхъ словъ грамматика не допускаетъ. Въ этой причудѣ сказывался остатокъ преданій александровскаго времени. Тогдашніе тузы, въ рѣдкихъ случаяхъ когда говорили на родномъ языкѣ, употребляли, одни—*эфто*, другіе—*эхто*: мы, молъ, коренные русаки, и въ то же время мы вельможи, которымъ позволяется пренебрегать школьными правилами), я *эфтимъ* хочу доказать, что безъ чувства собственнаго достоинства, безъ уваженія къ самому себѣ,—а въ аристократѣ эти чувства развиты,—нѣтъ никакого прочнаго основанія общественному..... bien public..... общественному зданію. Личность, милостивый государь,—вотъ главное; человѣческая личность должна быть крѣпка, какъ скала, ибо на ней все строится. Я очень хорошо знаю, напримѣръ, что вы изволите находить смѣшными мои привычки, мой туалетъ, мою опрятность наконецъ, но это все проистекаетъ изъ чувства самоуваженія, изъ чувства долга, да-съ да-съ, долга. Я живу въ деревнѣ, въ глуши, но я не роняю себя, я уважаю въ себѣ человѣка.

— Позвольте, Павелъ Петровичъ, промолвилъ Базаровъ:—вы вотъ уважаете себя и сидите сложа руки; какая жъ отъ этого польза для bien public? Вы бы не уважали себя, и тоже бы дѣлали.

Павелъ Петровичъ поблѣднѣлъ.—Это совершенно другой вопросъ. Мнѣ вовсе не приходится объяснять вамъ

теперь, почему я сижу сложа руки, какъ вы изволите выражаться. Я хочу только сказать, что аристократизмъ—принсипъ, а безъ принсиповъ жить въ наше время могутъ одни безнравственные или пустые люди. Я говорилъ это Аркадію на другой день его пріѣзда, и повторяю теперь вамъ. Не такъ ли, Николай?

Николай Петровичъ кивнулъ головой.

— Аристократизмъ, либерализмъ, принципы, прогрессъ, говорилъ между тѣмъ Базаровъ.—Подумаешь, сколько иностранныхъ и полезныхъ словъ! Русскому человѣку они даромъ не нужны.

— Что же ему нужно, по вашему? Послушать васъ, такъ мы находимся внѣ человѣчества, внѣ его законовъ. Помилуйте—логика исторіи требуетъ...

— Да на что̀ намъ эта логика? Мы безъ нея обходимся.

— Какъ такъ?

— Да такъ же. Вы, я надѣюсь, не нуждаетесь въ логикѣ для того чтобы положить себѣ кусокъ хлѣба въ ротъ, когда вы голодны. Куда намъ до этихъ отвлеченностей!

Павелъ Петровичъ взмахнулъ руками.—Я васъ не понимаю послѣ этого. Вы оскорбляете русскій народъ. Я не понимаю, какъ можно не признавать принсиповъ, правилъ! Въ силу чего же вы дѣйствуете?

— Я уже говорилъ вамъ, дядюшка, что мы не признаемъ авторитетовъ, вмѣшался Аркадій.

— Мы дѣйствуемъ въ силу того, что̀ мы признаемъ полезнымъ, промолвилъ Базаровъ.—Въ теперешнее время полезнѣе всего отрицаніе,—мы отрицаемъ.

— Все?

— Все.

— Какъ? не только искусство, поэзію... но и..... страшно вымолвить...

— Все, съ невыразимымъ спокойствіемъ повторилъ Базаровъ.

Павелъ Петровичъ уставился на него. Онъ этого не ожидалъ, а Аркадій даже покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Однако позвольте, заговорилъ Николай Петровичъ. Вы все отрицаете, или, выражаясь точнѣе, вы все разрушаете.... Да вѣдь надобно же и строить.

— Это уже не наше дѣло... Сперва нужно мѣсто расчистить.

— Современное состояніе народа этого требуетъ, съ важностью прибавилъ Аркадій:—мы должны исполнять эти требованія, мы не имѣемъ права предаваться удовлетворенію личнаго эгоизма.

Эта послѣдняя фраза, видимо, не понравилась Базарову: отъ нея вѣяло философіей, то-есть романтизмомъ, ибо Базаровъ и философію называлъ романтизмомъ; но онъ не почелъ за нужное опровергать своего молодаго ученика.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ съ внезапнымъ порывомъ Павелъ Петровичъ:—я не хочу вѣрить, что вы, господа, точно знаете русскій народъ, что вы представители его потребностей, его стремленій! Нѣтъ, русскій народъ не такой, какимъ вы его воображаете. Онъ свято чтитъ преданія, онъ—патріархальный, онъ не можетъ жить безъ вѣры....

— Я не стану противъ этого спорить, перебилъ Базаровъ:—я даже готовъ согласиться, что *въ этомъ* вы правы.

— А если я правъ...

— И все-таки это ничего не доказываетъ.

— Именно ничего не доказываетъ, повторилъ Аркадій съ увѣренностію опытнаго шахматнаго игрока, который предвидѣлъ опасный повидимому ходъ противника, и потому нисколько не смутился.

— Какъ ничего не доказываетъ? пробормоталъ изумленный Павелъ Петровичъ.—Стало-быть, вы идете противъ своего народа?

— А хоть бы и такъ? Народъ полагаетъ, что когда громъ гремитъ, это Илья пророкъ въ колесницѣ по небу разъѣзжаетъ. Что жь? Мнѣ соглашаться съ нимъ? Да притомъ—онъ Русскій, а развѣ я самъ не Русскій?

— Нѣтъ, вы не Русскій послѣ всего, что вы сейчасъ сказали! Я васъ за Русскаго признать не могу.

— Мой дѣдъ землю пахалъ, съ надменною гордостію отвѣчалъ Базаровъ.—Спросите любаго изъ вашихъ же мужиковъ, въ комъ изъ насъ,—въ васъ или во мнѣ,—онъ скорѣе признаетъ соотечественника. Вы и говорить-то съ нимъ не умѣете.

— А вы говорите съ нимъ и презираете его въ то же время.

— Что жь, коли онъ заслуживаетъ презрѣнія! Вы порицаете мое направленіе, а кто вамъ сказалъ, что оно во мнѣ

случайно, что оно не вызвано тѣмъ самымъ народнымъ духомъ, во имя котораго вы такъ ратуете?

— Какъ же! Очень нужны нигилисты.

— Нужны ли они или нѣтъ—не намъ рѣшать. Вѣдь и вы считаете себя не безполезнымъ.

— Господа, господа, пожалуста безъ личностей! воскликнулъ Николай Петровичъ и приподнялся.

Павелъ Петровичъ улыбнулся и, положивъ руку на плечо брату, заставилъ снова сѣсть.—Не безпокойся, промолвилъ онъ.—Я не позабудусь, именно вслѣдствіе того чувства достоинства, надъ которымъ такъ жестоко трунитъ господинъ... господинъ докторъ. Позвольте, продолжалъ онъ, обращаясь снова къ Базарову.—Вы, можетъ-быть, думаете, что ваше ученіе новость? Напрасно вы это воображаете. Матеріализмъ, котòрый вы проповѣдуете, былъ уже не разъ въ ходу и всегда оказывался несостоятельнымъ...

— Опять иностранное слово! перебилъ Базаровъ. Онъ начиналъ злиться, и лицо его приняло какой-то мѣдный и грубый цвѣтъ.—Вопервыхъ, мы ничего не проповѣдуемъ; это не въ нашихъ привычкахъ...

— Чтò же вы дѣлаете?

— А вотъ чтò мы дѣлаемъ. Прежде, въ недавнее еще время, мы говорили, что чиновники наши берутъ взятки, что у насъ нѣтъ ни дорогъ, ни торговли, ни правильнаго суда.

— Ну да, да, вы обличители,—такъ, кажется, это называется. Со многими изъ вашихъ обличеній и я соглашаюсь, но...

— А потомъ мы догадались, что болтать, все только болтать о нашихъ язвахъ не стòитъ труда, что это ведетъ только къ пошлости и доктринерству; мы увидали, что и умники наши, такъ-называемые передовые люди и обличители, никуда не годятся, что мы занимаемся вздоромъ, толкуемъ о какомъ-то искусствѣ, безсознательномъ творчествѣ, о парламентаризмѣ, объ адвокатурѣ, и чортъ знаетъ о чемъ когда дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ, когда грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ, когда всѣ наши акціонерныя общества лопаются единственно отъ того, что оказывается недостатокъ въ честныхъ людяхъ, когда самая свобода, о которой хлопочетъ правительство, едва ли пойдетъ

намъ въ прокъ, потому что мужикъ нашъ радъ самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману въ кабакѣ.

— Такъ, перебилъ Павелъ Петровичъ:—такъ; вы во всемъ этомъ убѣдились и рѣшились сами ни за что серіозно не приниматься?

— И рѣшились ни за что не приниматься, угрюмо повторилъ Базаровъ. Ему вдругъ стало досадно на самого себя, зачѣмъ онъ такъ распространился передъ этимъ барином.

— А только ругаться?

— И ругаться.

— И это называется нигилизмомъ?

— И это называется нигилизмомъ, повторилъ опять Базаровъ, на этотъ разъ съ особенною дерзостію.

Павелъ Петровичъ слегка прищурился.—Такъ вотъ какъ! промолвилъ онъ странно спокойнымъ голосомъ.—Нигилизмъ всему горю помочь долженъ, и вы, вы наши избавители и герои. Такъ. Но за что же вы другихъ-то, хоть бы тѣхъ же обличителей, честите? Не такъ же ли вы болтаете, какъ и всѣ?

— Чѣмъ другимъ, а этимъ грѣхомъ не грѣшны, произнесъ сквозь зубы Базаровъ.

— Такъ чтожь? вы дѣйствуете, что ли? Собираетесь дѣйствовать?

Базаровъ ничего не отвѣчалъ. Павелъ Петровичъ такъ и дрогнулъ, но тотчасъ же овладѣлъ собою.

— Гм!... Дѣйствовать, ломать... продолжалъ онъ.—Но какъ же это ломать, не зная даже, почему?

— Мы ломаемъ, потому что мы сила, замѣтилъ Аркадій.

Павелъ Петровичъ посмотрѣлъ на своего племянника и усмѣхнулся.

— Да, сила такъ и не даетъ отчета, проговорилъ Аркадій и выпрямился.

— Несчастный! возопилъ Павелъ Петровичъ; онъ рѣшительно не былъ въ состояніи крѣпиться долѣе:—хоть бы ты подумалъ *что* въ Россіи ты поддерживаешь твоею пошлою сентенціей? Нѣтъ это можетъ ангела изъ терпѣнія вывести! Сила! И въ дикомъ Калмыкѣ, и въ Монголѣ есть сила—да на что намъ она?—Намъ дорога цивилизація, да-съ, да-съ, милостивый государь; намъ дороги ея плоды. И не говорите мнѣ, что эти плоды ничтожны: послѣдній пачкунъ, *un barbouilleur*, тапёръ, которому даютъ пять копѣекъ за

вечеръ, и тѣ полезнѣе васъ, потому что они представители цивилизаціи, а не грубой монгольской силы! Вы воображаете себя передовыми людьми, а вамъ бы только въ калмыцкой кибиткѣ сидѣть! Сила! Да вспомните наконецъ, господа сильные, что васъ всего четыре человѣка съ половиною, а тѣхъ милліоны, милліоны, которые не позволятъ вамъ попирать ногами свои священнѣйшія вѣрованія, которые раздавлятъ васъ!

— Коли раздавятъ, туда и дорога, промолвилъ Базаровъ.— Только бабушка еще на двое сказала. Насъ не такъ мало, какъ вы полагаете.

— Какъ? Вы не шутя думаете сладить, сладить съ цѣлымъ народомъ?

— Отъ копѣечной свѣчи, вы знаете, Москва сгорѣла, отвѣтилъ Базаровъ.

— Такъ, такъ. Сперва гордость почти сатанинская, потомъ глумленіе. Вотъ, вотъ чѣмъ увлекается молодежь, вотъ чѣмъ покоряются неопытныя сердца мальчишекъ! Вотъ, поглядите, одинъ изъ нихъ рядомъ съ вами сидитъ, вѣдь онъ чуть не молится на васъ, полюбуйтесь. (Аркадій отворотился и нахмурился.) И эта зараза уже далеко распространилась. Мнѣ сказывали, что въ Римѣ наши художники въ Ватиканъ ни ногой: Рафаэля считаютъ чуть не дуракомъ, потому что это, молъ, авторитетъ, а сами безсильны и безплодны до гадости; а у самихъ фантазія дальше „Дѣвушки у фонтана“ не хватаетъ, хоть ты что̀! И написана-то дѣвушка прескверно. По вашему они молодцы, не правда ли?

— По моему, возразилъ Базаровъ:—и Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ; да и они не лучше его.

— Браво! браво! Слушай, Аркадій... вотъ ка́къ должны современные молодые люди выражаться! И какъ, подумаешь, имъ не идти за вами! Прежде молодымъ людямъ приходилось учиться; не хотѣлось имъ прослыть за невѣждъ, такъ они поневолѣ трудились. А теперь имъ сто́итъ сказать: все на свѣтѣ вздоръ! — и дѣло въ шляпѣ. Молодые люди обрадовались. И въ самомъ дѣлѣ, прежде они просто были болваны, а теперь они вдругъ стали нигилисты.

— Вотъ и измѣнило вамъ хваленое чувство собственнаго достоинства, флегматически замѣтилъ Базаровъ, между тѣмъ какъ Аркадій весь вспыхнулъ и засверкалъ гла-

зами.—Споръ нашъ зашелъ слишкомъ далеко... Кажется, лучше его прекратить. А я тогда буду готовъ согласиться съ вами, прибавилъ онъ, вставая:—когда вы представите мнѣ хоть одно постановленіе въ современномъ нашемъ бытy, въ семейномъ или общественномъ, которое бы не вызывало полнаго и безпощаднаго отрицанія.

— Я вамъ милліоны такихъ постановленій представлю, воскликнулъ Павелъ Петровичъ:—милліоны! Да вотъ, хоть община, напримѣръ.

Холодная усмѣшка скривила губы Базарова.—Ну, на счетъ общины, промолвилъ онъ:—поговорите лучше съ вашимъ братцемъ. Онъ теперь, кажется, извѣдалъ на дѣлѣ что̀ такое община, круговая порука, трезвость и тому подобныя штучки.

— Семья, наконецъ, семья, такъ какъ она существуетъ у нашихъ крестьянъ! закричалъ Павелъ Петровичъ.

— И этотъ вопросъ, я полагаю, лучше для васъ же самихъ не разбирать въ подробности. Послушайтесь меня, Павелъ Петровичъ, дайте себѣ денька два срокy; сразу вы едва ли что-нибудь найдете. Переберите всѣ наши сословія, да подумайте хорошенько надъ каждымъ, а мы пока съ Аркадіемъ будемъ...

— Надо̀ всѣмъ глумиться, подхватилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ, лягушекъ рѣзать. Пойдемъ, Аркадій; до свиданія, господа!

Оба пріятеля вышли. Братья остались наединѣ и сперва только посматривали другъ на друга.

— Вотъ, началъ наконецъ Павелъ Петровичъ:—вотъ вамъ нынѣшняя молодежь! Вотъ они—наши наслѣдники!

— Наслѣдники, повторилъ съ унылымъ вздохомъ Николай Петровичъ. Онъ въ теченіи всего спора сидѣлъ какъ на угольяхъ, и только украдкой, болѣзненно взглядывалъ на Аркадія.—Знаешь что̀ я вспомнилъ, братъ? Однажды я съ покойницей матушкой поссорился: она кричала, не хотѣла меня слушать... Я наконецъ сказалъ ей, что вы, молъ, меня понять не можете, мы, молъ, принадлежимъ къ двумъ различнымъ поколѣніямъ. Она ужасно обидѣлась, а я подумалъ: что̀ дѣлать? Пилюля горька, а проглотить ее нужно. Вотъ теперь настала наша очередь, и наши наслѣд-

ники могутъ сказать намъ: вы, молъ, не нашего поколѣнія, глотайте пилюлю.

— Ты уже черезчуръ благодушенъ и скроменъ, возразилъ Павелъ Петровичъ.—Я, напротивъ увѣренъ, что мы съ тобой гораздо правѣе этихъ господчиковъ, хотя выражаемся, можетъ-быть, нѣсколько устарѣлымъ языкомъ, *vieilli*... И такая надутая эта нынѣшняя молодежь. Спросишь иного: какого вина вы хотите, краснаго или бѣлаго? „Я имѣю привычку предпочитать красное!“ отвѣчаетъ онъ басомъ и съ такимъ важнымъ лицомъ, какъ будто вся вселенная глядитъ на него въ это мгновенье... И не имѣемъ той дерзкой самоувѣренности...

— Вамъ больше чаю не угодно? промолвила Ѳеничка, просунувъ голову въ дверь: она не рѣшалась войдти въ гостиную, пока въ ней раздавались голоса споривших.

— Нѣтъ, ты можешь велѣть самоваръ принять, отвѣчалъ Николай Петровичъ, и поднялся къ ней на встрѣчу. Павелъ Петровичъ отрывисто сказалъ ему: bonsoir, и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

XI.

Полчаса спустя, Николай Петровичъ отправился въ садъ, въ свою любимую бесѣдку. На него нашли грустныя думы. Впервые онъ ясно сознялъ свое разъединеніе съ сыномъ; онъ предчувствовалъ, что съ каждымъ днемъ оно будетъ становиться все больше и больше. Стало-быть, напрасно онъ, бывало, зимою въ Петербургѣ, по цѣлымъ днямъ просиживалъ надъ новѣйшими сочиненіями; напрасно прислушивался къ разговорамъ молодыхъ людей; напрасно радовался, когда ему удавалось вставить и свое слово въ ихъ кипучія рѣчи. „Братъ говоритъ, что мы правы“, думалъ онъ,“ и отложивъ всякое самолюбіе въ сторону, мнѣ самому кажется, что они дальше отъ истины нежели мы, а въ то же время я чувствую, что за ними есть что-то, чего мы не имѣемъ, какое-то преимущество надъ нами... Молодость? Нѣтъ: не одна только молодость. Не въ томъ ли состоитъ это преимущество, что въ нихъ меньше слѣдовъ барства чѣмъ въ насъ?“

Николай Петровичъ потупилъ голову и провелъ рукой по лицу.

„Но отвергать поэзію? подумалъ онъ опять: не сочувствовать художеству, природѣ.“

И онъ посмотрѣлъ кругомъ, какъ бы желая понять, какъ можно не сочувствовать природѣ. Уже вечерѣло; солнце скрылось за небольшую осиновую рощу, лежавшую въ полверстѣ отъ сада: тѣнь отъ нея безъ конца тянулась черезъ неподвижныя поля. Мужичокъ ѣхалъ рысцой на бѣлой лошадкѣ по темной узкой дорожкѣ вдоль самой рощи: онъ весь былъ ясно виденъ, весь, до заплаты на плечѣ, даромъ что ѣхалъ въ тѣни; пріятно-отчетливо мелькали ноги лошадки. Солнечные лучи съ своей стороны забирались въ рощу и, пробиваясь сквозь чащу, обливали стволы осинъ такимъ теплымъ свѣтомъ, что онѣ становились похожи на стволы сосенъ, а листва ихъ почти синѣла и надъ нею поднималось блѣдно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей. Ласточки летали высоко; вѣтеръ совсѣмъ замеръ; запоздалыя пчелы лѣниво и сонливо жужжали въ цвѣтахъ сирени; мошки толклись столбомъ надъ одинокою, далеко протянутою вѣткой. „Какъ хорошо, Боже мой!„ подумалъ Николай Петровичъ, и любимые стихи пришли было ему на уста: онъ вспомнилъ Аркадія, *Stoff und Kraft*, и умолкъ, но продолжалъ сидѣть, продолжалъ предаваться горестной и отрадной игрѣ одинокихъ думъ. Онъ любилъ помечтать; деревенская жизнь развила въ немъ эту способность. Давно ли онъ также мечталъ, поджидая сына на постояломъ дворикѣ, а съ тѣхъ поръ уже произошла перемѣна, уже опредѣлились, тогда еще неясныя, отношенія... и какъ! Представилась ему опять покойница жена, но не такою, какою онъ ее зналъ въ теченіи многихъ лѣтъ, не домовитою, доброю хозяйкою, а молодою дѣвушкой съ тонкимъ станомъ, невинно-пытливымъ взглядомъ и туго закрученною косой надъ дѣтскою шейкой. Вспомнилъ онъ, какъ онъ увидалъ ее въ первый разъ. Онъ былъ тогда еще студентомъ. Онъ встрѣтилъ ее на лѣстницѣ квартиры, въ которой онъ жилъ и, нечаянно толкнувъ ее, обернулся, хотѣлъ извиниться, и только могъ пробормотать: „pardon monsieur“, а она наклонила голову, усмѣхнулась, и вдругъ какъ будто испугалась и побѣжала, а на поворотѣ лѣстницы быстро взглянула на него, приняла серіозный видъ и покраснѣла. А потомъ, первыя робкія посѣщенія, полуслова, полуулыбки, и недоумѣніе, и грусть, и порывы, и наконецъ эта задыхающаяся

радость... Куда это все умчалось? Она стала его женой, онъ былъ счастливъ, какъ немногіе на землѣ... „Но, думалъ онъ:— тѣ сладостныя, первыя мгновенья, отчего бы не жить имъ вѣчною, не умирающею жизнью?“

Онъ не старался уяснить самому себѣ свою мысль, но онъ чувствовалъ, что ему хотѣлось удержать ихъ, удержать то блаженное время чѣмъ-нибудь болѣе сильнымъ нежели память; ему хотѣлось вновь осязать близость своей Маріи, ощутить ея теплоту и дыханіе, и ему уже чудилось, какъ будто надъ нимъ..

— Николай Петровичъ, раздался вблизи его голосъ Ѳенички:—гдѣ вы?

Онъ вздрогнулъ. Ему не стало ни больно, ни совѣстно... Онъ не допускалъ даже возможности сравненія между женой и Ѳеничкой, но онъ пожалѣлъ о томъ, что она вздумала его отыскивать. Ея голосъ разомъ напомнилъ ему его сѣдые волосы, его старость, его настоящее... Волшебный міръ, въ который онъ уже вступалъ, который уже возникалъ изъ туманныхъ волнъ прошедшаго, шевельнулся—и исчезъ.

— Я здѣсь, отвѣчалъ онъ:—я приду ; ступай. „Вотъ они, слѣды-то барства,“ мелькнуло у него въ головѣ. Ѳеничка молча заглянула къ нему въ бесѣдку и скрылась; а онъ съ изумленьемъ замѣтилъ, что ночь успѣла наступить съ тѣхъ поръ какъ онъ замечтался. Все потемнѣло и затихло кругомъ, и лицо Ѳенички скользнуло передъ нимъ такое блѣдное и маленькое. Онъ приподнялся и хотѣлъ возвратиться домой; но размягченное сердце не могло успокоиться въ его груди, и онъ сталъ медленно ходить по саду, то задумчиво глядя себѣ подъ ноги, то поднимая глаза къ небу, гдѣ уже роились и перемигивались звѣзды. Онъ ходилъ много, почти до усталости, а тревога въ немъ, какая-то ищущая, неопредѣленная, печальная тревога, все не унималась. О, какъ Базаровъ посмѣялся бы надъ нимъ, еслибъ онъ узналъ что̀ въ немъ тогда происходило! Самъ Аркадій осудилъ бы его. У него, у сорокачетырехлѣтняго человѣка, агронома и хозяина, навертывались слезы, безпричинныя слезы; это было во сто разъ хужс віолончели. Николай Петровичъ продолжалъ ходить, и не могъ рѣшиться войдти въ домъ, въ это мирное и уютное гнѣздо, которое такъ привѣтно глядѣло на него всѣми своими освѣщенными окнами; онъ не въ силахъ былъ разстаться съ темнотой,

съ садомъ, съ ощущеніемъ свѣжаго воздуха на лицѣ, и съ этою грустію, съ этою тревогой...

На поворотѣ дорожки встрѣтился ему Павелъ Петровичъ.

— Что̀ съ тобой? спросилъ онъ Николая Петровича:—ты блѣденъ, какъ привидѣнье; ты нездоровъ; отчего ты не ложишься?

Николай Петровичъ объяснилъ ему въ короткихъ словахъ свое душевное состояніе, и удалился. Павелъ Петровичъ дошелъ до конца сада, и тоже задумался, и тоже поднялъ глаза къ небу. Но въ его прекрасныхъ, темныхъ глазахъ не отразилось ничего кромѣ свѣта звѣздъ. Онъ не былъ рожденъ романтикомъ, и не умѣла мечтать его щегольски-сухая и страстная, на французскій ладъ мизантропическая душа.

— Знаешь ли что̀? говорилъ въ ту же ночь Базаровъ Аркадію.—Мнѣ въ голову пришла великолѣпная мысль. Твой отецъ намъ сказывалъ сегодня, что онъ получилъ приглашеніе отъ этого вашего знатнаго родственника. Твой отецъ не поѣдетъ; махнемъ-ка мы съ тобой въ ***; вѣдь этотъ господинъ и тебя зоветъ. Вишь какая сдѣлалась здѣсь погода; а мы прокатимся, городъ посмотримъ. Поболтаемся дней пять, шесть, и баста!

— А оттуда ты сюда вернешься?

— Нѣтъ, надо къ отцу проѣхать. Ты знаешь, онъ отъ *** въ тридцати верстахъ. Я его давно не видалъ, и мать тоже; надо стариковъ потѣшить. Они у меня люди хорошіе, особенно отецъ; презабавный. Я же у нихъ одинъ.

— И долго ты у нихъ пробудешь?

— Не думаю. Чай скучно будетъ.

— А къ намъ на возвратномъ пути заѣдешь?

— Не знаю, посмотрю. Ну, такъ, что ли? Мы отправляемся?

— Пожалуй, лѣниво замѣтилъ Аркадій.

Онъ въ душѣ очень обрадовался предложенію своего пріятеля, но почелъ обязанностію скрыть свое чувство. Не даромъ же онъ былъ нигилистъ!

На другой день онъ уѣхалъ съ Базаровымъ въ ***. Молодежь въ Марьинѣ пожалѣла объ ихъ отъѣздѣ; Дуняша даже всплакнула... но старичкамъ вздохнулось легко.

XII.

Городъ ***, куда отправились наши пріятели, состоялъ въ вѣдѣніи губернатора изъ молодыхъ, прогрессиста и деспота, какъ это сплошь да рядомъ случается на Руси. Онъ, въ теченіи перваго года своего управленія, успѣлъ перессориться не только съ губернскимъ предводителемъ, отставнымъ гвардіи штабсъ-ротмистромъ, коннымъ заводчикомъ и хлѣбосоломъ, но и съ собственными чиновниками. Возникшія по этому поводу распри приняли наконецъ такіе размѣры, что министерство въ Петербургѣ нашло необходимымъ послать довѣренное лицо съ порученіемъ разобрать все на мѣстѣ. Выборъ начальства палъ на Матвея Ильича Колязина, сына того Колязина, подъ попечительствомъ котораго находились нѣкогда братья Кирсановы. Онъ былъ тоже изъ „молодыхъ“, то-есть ему недавно минуло сорокъ лѣтъ, но онъ уже мѣтилъ въ государственные люди и на каждой сторонѣ груди носилъ по звѣздѣ. Одна, правда, была иностранная изъ плохенькихъ. Подобно губернатору, котораго онъ пріѣхалъ судить, онъ считался прогрессистомъ и, будучи уже тузомъ, не походилъ на бо́льшую часть тузовъ. Онъ имѣлъ о себѣ самое высокое мнѣніе; тщеславіе его не знало границъ, но онъ держался просто, глядѣлъ одобрительно, слушалъ снисходительно, и такъ добродушно смѣялся, что на первыхъ порахъ могъ даже прослыть за „чуднаго малаго.“ Въ важныхъ случаяхъ онъ умѣлъ однако, какъ говорится, задать пыли. „Энергія необходима,“ говаривалъ онъ тогда, l'énergie est la première qualité d'un homme d'état,“ а совсѣмъ тѣмъ онъ обыкновенно оставался въ дуракахъ, и всякій нѣсколько опытный чиновникъ садился на него верхомъ. Матвей Ильичъ отзывался съ большимъ уваженіемъ о Гизо, и старался внушить всѣмъ и каждому, что онъ не принадлежитъ къ числу рутинеровъ и отсталыхъ бюрократовъ, что онъ не оставляетъ безъ вниманія ни одного важнаго проявленія общественной жизни... Всѣ подобныя слова были ему хорошо извѣстны. Онъ даже слѣдилъ, правда съ небрежною величавостію, за развитіемъ

современной литературы: такъ взрослый человѣкъ, встрѣтивъ на улицѣ процессію мальчишекъ, иногда присоединяется къ ней. Въ сущности Матвей Ильичъ недалеко ушелъ отъ тѣхъ государственныхъ мужей Александровскаго времени, которые, готовясь идти на вечеръ къ г-жѣ Свѣчиной, жившей тогда въ Петербургѣ, прочитывали поутру страницу изъ Кондильяка; только пріемы у него были другіе, болѣе современные. Онъ былъ ловкій придворный, большой хитрецъ, и больше ничего; въ дѣлахъ толку не зналъ, ума не имѣлъ, а умѣлъ вести свои собственныя дѣла: тутъ ужь никто не могъ его осѣдлать, а вѣдь это главное.

Матвей Ильичъ принялъ Аркадія съ свойственнымъ просвѣщенному сановнику добродушіемъ, скажемъ болѣе, съ игривостію. Онъ однако изумился, когда узналъ, что приглашенные имъ родственники остались въ деревнѣ. „Чудакъ былъ твой папа всегда,“ замѣтилъ онъ, побрасывая кистями своего великолѣпнаго бархатнаго шлафрока и, вдругъ обратясь къ молодому чиновнику въ благонамѣреннѣйше-застегнутомъ вицъ-мундирѣ, воскликнулъ съ озабоченнымъ видомъ: „чего“? Молодой человѣкъ, у котораго отъ продолжительнаго молчанія слиплись губы, приподнялся и съ недоумѣньемъ посмотрѣлъ на своего начальника. Но, озадачивъ подчиненнаго, Матвей Ильичъ уже не обращалъ на него вниманія. Сановники наши вообще любятъ озадачивать подчиненныхъ; способы, къ которымъ они прибѣгаютъ для достиженія этой цѣли, довольно разнообразны. Слѣдующій способъ, между прочимъ, въ большомъ употребленіи, „is quite a favourite,“ какъ говорятъ Англичане: сановникъ вдругъ перестаетъ понимать самыя простыя слова, глухоту на себя напускаетъ. Онъ спроситъ, напримѣръ: какой сегодня день?

Ему почтительнѣйше докладываютъ: „пятница сегодня, ваше с... с... с... ство.“

— А? Что? Что такое? Что̀ вы говорите? напряженно повторяетъ сановникъ.

— Сегодня пятница, ваше с... с... с.... ство.

— Какъ? Что? Что такое пятница? какая пятница?

— Пятница, ваше с... ссс... ссс... с.... ство, день въ недѣлѣ.

— Ну-у, ты учить меня вздумалъ?

Матвѣй Ильичъ все таки былъ сановникъ, хоть и считался либераломъ.

— Я совѣтую тебѣ, другъ мой, съѣздить съ визитомъ къ губернатору, сказалъ онъ Аркадію:—ты понимаешь, я тебѣ это совѣтую не потому, чтобъ я придерживался старинныхъ понятій о необходимости ѣздить къ властямъ на поклонъ, а просто потому, что губернаторъ—порядочный человѣкъ; притомъ же ты, вѣроятно, желаешь познакомиться съ здѣшнимъ обществомъ... Вѣдь ты не медвѣдь, надѣюсь? А онъ послѣ завтра дастъ большой балъ.

— Вы будете на этомъ балѣ? спросилъ Аркадій.

— Онъ для меня его даетъ, проговорилъ Матвей Ильичъ почти съ сожалѣніемъ. — Ты танцуешь?

— Танцую, только плохо.

— Это напрасно. Здѣсь есть хорошенькія, да и молодому человѣку стыдно не танцовать. Опять таки я это говорю не въ силу старинныхъ понятій; я вовсе не полагаю, что умъ долженъ находиться въ ногахъ, но байронизмъ смѣшонъ, il a fait son temps.

— Да я, дядюшка, вовсе не изъ байронизма, не...

— Я познакомлю тебя съ здѣшними барынями, я беру тебя подъ свое крылышко, перебилъ Матвей Ильичъ, и самодовольно засмѣялся.—Тебѣ тепло будетъ, а?

Слуга вошелъ и доложилъ о пріѣздѣ предсѣдателя казенной палаты, сладкоглазаго старика съ сморщенными губами, который чрезвычайно любилъ природу, особенно въ лѣтній день, когда, по его словамъ „каждая пчелочка съ каждаго цвѣточка беретъ взяточку...“

Аркадій удалился.

Онъ засталъ Базарова въ трактирѣ, гдѣ они остановились, и долго его уговаривалъ пойдти къ губернатору. „Нечего дѣлать!“ сказалъ наконецъ Базаровъ: „взялся за гужъ—не говори, что не дюжъ. Пріѣхали смотрѣть помѣщиковъ, давай ихъ смотрѣть!“ Губернаторъ принялъ молодыхъ людей привѣтливо, но не посадилъ ихъ и самъ не сѣлъ. Онъ вѣчно суетился и спѣшилъ; съ утра надѣвалъ тѣсный вицъ-мундиръ и чрезвычайно тугой галстухъ, не доѣдалъ и не допивалъ,—все распоряжался. Его въ губерніи прозвали Бурдалу, намекая тѣмъ не на извѣстнаго французскаго проповѣдника, а на бурду. Онъ пригласилъ Кирсанова и Базарова къ себѣ на балъ, и черезъ двѣ минуты

пригласилъ ихъ вторично, считая ихъ уже братьями и называя ихъ Кайсаровыми.

Они шли къ себѣ домой отъ губернатора, какъ вдругъ изъ проѣзжавшихъ мимо дрожекъ выскочилъ человѣкъ небольшаго роста, въ славянофильской венгеркѣ, и съ крикомъ: „Евгеній Васильичъ!“ бросился къ Базарову.

— А! это вы, герръ Ситниковъ, проговорилъ Базаровъ, продолжая шагать по тротуару:—какими судьбами?

— Вообразите, совершенно случайно, отвѣчалъ тотъ, и, обернувшись къ дрожкамъ, махнулъ разъ пять рукой и закричалъ:—ступай за нами, ступай!—У моего отца здѣсь дѣло, продолжалъ онъ, перепрыгивая черезъ канавку:— ну такъ онъ меня просилъ... Я сегодня узналъ о вашемъ пріѣздѣ и уже былъ у васъ... (Дѣйствительно, пріятели, возвратясь къ себѣ въ номеръ, нашли тамъ карточку съ загнутыми углами и съ именемъ Ситникова, на одной сторонѣ по-французски, на другой—славянскою вязью.) Я надѣюсь, вы не отъ губернатора?

— Не надѣйтесь, мы прямо отъ него.

— А! въ такомъ случаѣ и я къ нему пойду... Евгеній Васильичъ, познакомьте меня съ вашимъ... съ ними...

— Ситниковъ, Кирсановъ, проворчалъ, не останавливаясь, Базаровъ.

— Мнѣ очень лестно, началъ Ситниковъ, выступая бокомъ, ухмыляясь и поспѣшно стаскивая свои уже черезчуръ элегантныя перчатки.—Я очень много слышалъ... Я старинный знакомый Евгенія Васильича, и могу сказать—его ученикъ. Я ему обязанъ моимъ перерожденіемъ...

Аркадій посмотрѣлъ на Базаровскаго ученика. Тревожное и тупое напряженіе сказывалось въ маленькихъ, впрочемъ пріятныхъ чертахъ его прилизаннаго лица; небольшіе, словно удавленные глаза глядѣли пристально и безпокойно, и смѣялся онъ безпокойно: какимъ-то коротким, деревяннымъ смѣхомъ.

— Повѣрите ли, продолжалъ онъ:—что когда при мнѣ Евгеній Васильичъ въ первый разъ сказалъ, что не должно признавать авторитетовъ, я почувствовалъ такой восторгъ... словно прозрѣлъ! Вотъ, подумалъ я, наконецъ нашелъ я человѣка! Кстати, Евгеній Васильичъ, вамъ непремѣнно надобно сходить къ одной здѣшней дамѣ, которая совершенно въ состояніи понять васъ и для которой

ваше посѣщеніе будетъ настоящимъ праздникомъ; вы, я думаю, слыхали о ней?

— Кто такая? произнесъ нехотя Базаровъ.

— Кукшина, Eudoxie, Евдокія Кукшина. Это—замѣчательная натура, émancipée въ истинномъ смыслѣ слова, передовая женщина. Знаете ли что? Пойдемте теперь къ ней всѣ вмѣстѣ. Она живетъ отсюда въ двухъ шагахъ. Мы тамъ позавтракаемъ... Вѣдь вы еще не завтракали?

— Нѣтъ еще.

— Ну, и прекрасно. Она, вы понимаете, разъѣхалась съ мужемъ, ни отъ кого не зависитъ...

— Хорошенькая она? перебилъ Базаровъ?

— Н... нѣтъ, этого нельзя сказать.

— Такъ для какого же дьявола вы насъ къ ней зовете?

— Ну, шутникъ, шутникъ... Она намъ бутылку шампанскаго поставитъ.

— Вотъ какъ! Сейчасъ виденъ практическій человѣкъ. Кстати, вашъ батюшка все по откупамъ?

— По откупамъ, торопливо проговорилъ Ситниковъ и визгливо засмѣялся.—Что же? идетъ?

— Не знаю, право.

— Ты хотѣлъ людей смотрѣть, ступай, замѣтилъ вполголоса Аркадій.

— А вы-то что жь, г. Кирсановъ? подхватилъ Ситниковъ.—Пожалуйте и вы, безъ васъ нельзя.

— Да какъ же это мы всѣ разомъ нагрянемъ?

— Ничего. Кукшина—человѣкъ чудный.

— Бутылка шампанскаго будетъ? спросилъ Базаровъ.

— Три! воскликнулъ Ситниковъ.—За это я ручаюсь.

— Чѣмъ?

— Собственною головой.

— Лучше бы мошною батюшки. А впрочемъ пойдемъ.

XIII.

Небольшой дворянскій домикъ на московскій манеръ, въ которомъ проживала Авдотья Никитишна (или *Евдоксія*) Кукшина, находился въ одной изъ ново-выгорѣвшихъ улицъ города ***; извѣстно, что наши губернскіе города горятъ черезъ каждыя пять лѣтъ. У дверей, надъ криво-прибитою визитною карточкой, видиѣлась ручка колокольчика, и въ

передней встрѣтила пришедшихъ какая-то, не то служанка, не то компаньйонка въ чепцѣ, — явные признаки прогрессивныхъ стремленій хозяйки. Ситниковъ спросилъ, дома ли Авдотья Никитишна?

— Это вы, Victor? раздался тонкій голосъ изъ сосѣдней комнаты.—Войдите.

Женщина въ чепцѣ тотчасъ исчезла.

— Я не одинъ, промолвилъ Ситниковъ, лихо складывая свою венгерку, подъ которою оказалось нѣчто въ родѣ поддевки или пальто-сака, и бросая бойкій взглядъ Аркадію и Базарову.

— Все равно, отвѣчалъ голосъ.—Entrez.

Молодые люди вошли. Комната, въ которой они очутились, походила скорѣе на рабочій кабинетъ чѣмъ на гостиную. Бумаги, письма, толстые нумера русскихъ журналовъ, большею частью неразрѣзанные, валялись по запыленнымъ столамъ; вездѣ бѣлѣли разбросанные окурки папиросъ. На кожаномъ диванѣ полулежала дама, еще молодая, бѣлокурая, нѣсколько растрепанная, въ шелковомъ не совсѣмъ опрятномъ платьѣ, съ крупными браслетами на коротенькихъ рукахъ и кружевною косынкой на головѣ. Она встала съ дивана и, небрежно натягивая себѣ на плечи бархатную шубку на пожелтѣломъ горностаевомъ мѣху, лѣниво промолвила: „Здравствуйте, Victor“ и пожала Ситникову руку.

— Базаровъ, Кирсановъ, проговорилъ онъ отрывисто, въ подражаніе Базарову.

— Милости просимъ, отвѣчала Кукшина и, уставивъ на Базарова свои круглые глаза, между которыми сиротливо краснѣлъ крошечный вздернутый носикъ, прибавила:—я васъ знаю,—и пожала ему руку тоже.

Базаровъ поморщился. Въ маленькой и невзрачной фигуркѣ эманципированной женщины не было ничего безобразнаго; но выраженіе ея лица непріятно дѣйствовало на зрителя. Невольно хотѣлось спросить у ней: „Что ты, голодна? Или скучаешь? Или робѣешь? Чего ты пружишься?“ И у ней, какъ у Ситникова, вѣчно скребло на душѣ. Она говорила и двигалась очень развязно и въ то же время неловко; она, очевидно, сама себя считала за добродушное и простое существо, и между тѣмъ, что бы она ни дѣлала, вамъ постоянно казалось, что она именно это-то и не хо-

тѣла сдѣлать; все у ней выходило, какъ дѣти говорятъ—нарочно.

— Да, да, я знаю васъ, Базаровъ, повторила она. (За ней водилась привычка, свойственная многимъ провинціяльнымъ и московскимъ дамамъ—съ перваго дня знакомства звать мущинъ по фамиліи.)—Хотите сигарку?

— Сигарку сигаркой, подхватилъ Ситниковъ, который успѣлъ развалиться въ креслахъ и задрать ногу къ верху:—а дайте-ка намъ позавтракать. Мы голодны ужасно; да велите намъ воздвигнуть бутылочку шампанскаго.

— Сибаритъ, промолвила Евдоксія, и засмѣялась. (Когда она смѣялась, ея верхняя десна обнажалась надъ зубами.) Не правда ли, Базаровъ, онъ сибаритъ?

— Я люблю комфортъ жизни, произнесъ съ важностію Ситниковъ.—Это не мѣшаетъ мнѣ быть либераломъ.

— Нѣтъ, это мѣшаетъ, мѣшаетъ! воскликнула Евдоксія, и приказала однако своей прислужницѣ распорядиться и на счетъ завтрака, и на счетъ шампанскаго.—Какъ вы объ этомъ думаете? прибавила она, обращаясь къ Базарову.—Я увѣрена, вы раздѣляете мое мнѣніе.

— Ну, нѣтъ, возразилъ Базаровъ: — кусокъ мяса лучше куска хлѣба, даже съ химической точки зрѣнія.

— А вы занимаетесь химіей? Это моя страсть! Я даже сама выдумала одну мастику.

— Мастику? вы?

— Да, я. И знаете ли съ какою цѣлью? Куклы дѣлать, головки, чтобы не ломались. Я вѣдь тоже практическая. Но все это еще не готово. Нужно еще Либиха почитать. Кстати, читали вы статью Кислякова о женскомъ трудѣ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*? Прочтите, пожалуста. Вѣдь васъ интересуетъ женскій вопросъ? И школы тоже? Чѣмъ вашъ пріятель занимается? Какъ его зовутъ?

Госпожа Кукшина *роняла* свои вопросы одинъ за другимъ съ изнѣженной небрежностію, не дожидаясь отвѣтовъ; избалованныя дѣти такъ говорятъ съ своими-няньками.

— Меня зовутъ Аркадій Николаичъ Кирсановъ, проговорилъ Аркадій: — и я ничѣмъ не занимаюсь.

Евдоксія захохотала. — Вотъ это мило! Что̀ вы не курите? Викторъ, вы знаете, я на васъ сердита.

— За что̀?

— Вы, говорятъ, опять стали хвалить Жоржъ Санда.

Отсталая женщина и больше ничего! Какъ возможно сравнить ее съ Эмерсономъ! Она никакихъ идей не имѣетъ ни о воспитаніи, ни о физіологіи, ни о чемъ. Она, я увѣрена, и не слыхивала объ эмбріологіи, а въ наше время—какъ вы хотите безъ этого? (Евдоксія даже руки разставила.) Ахъ, какую удивительную статью по этому поводу написалъ Елисѣевичъ! Это геніяльный господинъ! (Евдоксія постоянно употребляла слово „господинъ“ вмѣсто „человѣкъ“.) Базаровъ, сядьте возлѣ меня на диванъ. Вы, можетъ-быть, не знаете, я ужасно васъ боюсь.

— Это почему? Позвольте полюбопытствовать.

— Вы опасный господинъ; вы такой критикъ. Ахъ, Боже мой! мнѣ смѣшно, я говорю, какъ какая-нибудь степная помѣщица. Впрочемъ, я дѣйствительно помѣщица. Я сама имѣніемъ управляю и, представьте, у меня староста Ерофеей—удивительный типъ, точно Патфайндеръ Купера: что-то такое въ немъ непосредственное! Я окончательно поселилась здѣсь; несносный городъ, не правда ли? Но что̀ дѣлать!

— Городъ какъ городъ, хладнокровно замѣтилъ Базаровъ.

— Все такіе мелкіе интересы, вотъ что̀ ужасно! Прежде я по зимамъ жила въ Москвѣ... но теперь тамъ обитаетъ мой благовѣрный, мсьё Кукшинъ. Да и Москва теперь... ужь я не знаю—тоже ужь не то. Я думаю съѣздить за границу; я въ прошломъ году уже совсѣмъ было собралась.

— Въ Парижъ, разумѣется? спросилъ Базаровъ.

— Въ Парижъ и въ Гейдельбергъ.

— Зачѣмъ въ Гейдельбергъ?

— Помилуйте, тамъ Бунзенъ!

На это Базаровъ ничего не нашелся отвѣтить.

— Pierre Сапожниковъ... вы его знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Помилуйте, Pierre Сапожниковъ... онъ еще всегда у Лидіи Хостатовой бываетъ.

— Я и ея не знаю.

— Ну вотъ онъ взялся меня проводить. Слава Богу, я свободна, у меня нѣтъ дѣтей... Что̀ это я сказала: *слава Богу!* Впрочемъ, это все равно.

Евдоксія свернула папироску своими побурѣвшими отъ табаку пальцами, провела по ней языкомъ, пососала ее и закурила. Вошла прислужница съ подносомъ.

— А, вотъ и завтракъ! Хотите закусить? Викторъ, откупорьте бутылку; это по вашей части.

— По моей, по моей, пробормоталъ Ситниковъ, и опять визгливо засмѣялся.

— Есть здѣсь хорошенькія женщины? спросилъ Базаровъ, допивая третью рюмку.

— Есть, отвѣчала Евдоксія:—да всѣ онѣ такія пустыя. Напримѣръ, mon amie Одинцова—недурна. Жаль, что репутація у ней какая-то... Впрочемъ, это бы ничего, но никакой свободы воззрѣнія, никакой ширины, ничего... этого. Всю систему воспитанія надобно перемѣнить. Я объ этомъ уже думала; наши женщины очень дурно воспитаны.

— Ничего вы съ ними не сдѣлаете, подхватилъ Ситниковъ.—Ихъ слѣдуетъ презирать, и я ихъ презираю, вполнѣ и совершенно! (Возможность презирать и выражать свое презрѣніе было самымъ пріятнымъ ощущеніемъ для Ситникова; онъ въ особенности нападалъ на женщинъ, не подозрѣвая того, что ему предстояло, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, пресмыкаться передъ своей женой, потому только, что она была урожденная княжна Дурдолеосова.) Ни одна изъ нихъ не была бы въ состояніи понять нашу бесѣду; ни одна изъ нихъ не стоитъ того, чтобы мы, серіозные мущины, говорили о ней!

— Да имъ совсѣмъ ненужно понимать нашей бесѣды, промолвилъ Базаровъ.

— О комъ вы говорите? вмѣшалась Евдоксія.

— О хорошенькихъ женщинахъ.

— Какъ? Вы, стало-быть, раздѣляете мнѣніе Прудона?

Базаровъ надменно выпрямился.—Я ничьихъ мнѣній не раздѣляю; я имѣю свои.

— Долой авторитеты! закричалъ Ситниковъ, обрадовавшись случаю рѣзко выразиться въ присутствіи человѣка, передъ которымъ раболѣпствовалъ.

— Но самъ Маколей, начала было Кукшина...

— Долой Маколея! загремѣлъ Ситниковъ.—Вы заступаетесь за этихъ бабенокъ?

— Не за бабенокъ, а за права женщинъ, которыя я поклялась защищать до послѣдней капли крови.

— Долой!..—Но тутъ Ситниковъ остановился.—Да я ихъ не отрицаю, промолвилъ онъ.

— Нѣтъ, я вижу, вы славянофилъ!

— Нѣтъ, я не славянофилъ, хотя конечно...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы славянофилъ. Вы послѣдователь *Домостроя*. Вамъ бы плетку въ руки!

— Плетка дѣло доброе, замѣтилъ Базаровъ:—только мы вотъ добрались до послѣдней капли.

— Чего? перебила Евдоксія.

— Шампанскаго, почтеннѣйшая Авдотья Никитишна, шампанскаго—не вашей крови.

— Я не могу слышать равнодушно, когда нападаютъ на женщинъ, продолжала Евдоксія.—Это ужасно, ужасно. Вмѣсто того чтобы нападать на нихъ, прочтите лучше книгу Мишеле *de l'Amour*. Это чудо! Господа, будемте говорить о любви, прибавила Евдоксія, томно уронивъ руку на смятую подушку дивана.

Наступило внезапное молчаніе.—Нѣтъ, зачѣмъ говорить о любви, промолвилъ Базаровъ:—а вотъ вы упомянули объ Одинцовой.. Такъ, кажется, вы ее назвали? Кто эта барыня?

— Прелесть, прелесть! запищалъ Ситниковъ.—Я васъ представлю. Умница, богачка, вдова. Къ сожалѣнію, она еще не довольно развита: ей бы надо съ нашею Евдоксіей познакомиться. Пью ваше здоровье, Eudoxie! Чокнемтесь! „Et toc, et toc, et tin tin tin! et toc, et toc, et tin tin tin!!.“

— Victor, вы шалунъ.

Завтракъ продолжался долго. За первою бутылкой шампанскаго послѣдовала другая, третья и даже четвертая... Евдоксія болтала безъ умолку; Ситниковъ ей вторилъ. Много толковали они о томъ, что̀ такое бракъ—предразсудокъ или преступленіе? и какіе родятся люди—одинаковые или нѣтъ? и въ чемъ собственно состоитъ индивидуальность? Дѣло дошло наконецъ до того, что Евдоксія, вся красная отъ выпитаго вина, и стуча плоскими ногтями по клавишамъ разстроеннаго фортепьяно, принялась пѣть сиплымъ голосомъ сперва цыганскія пѣсни, потомъ романсъ Сеймуръ-Шиффа: „Дремлетъ сонная Гранада,“ а Ситниковъ повязалъ голову шарфомъ и представлялъ замиравшаго любовника, при словахъ:

„И уста твои съ моими
„Въ поцѣлуй горячій слить!“

Аркадій не вытерпѣлъ наконецъ. „Господа, ужь это что-

то на Бедламъ похоже стало," замѣтилъ онъ вслухъ. Базаровъ, который лишь изрѣдка вставлялъ въ разговоръ насмѣшливое слово—онъ занимался больше шампанскимъ — громко зѣвнулъ, всталъ и, не прощаясь съ хозяйкой, вышелъ вонъ вмѣстѣ съ Аркадіемъ. Ситниковъ выскочилъ вслѣдъ за ними.

— Ну что, ну что, спрашивалъ онъ, подобострастно забѣгая то справа, то слѣва: — вѣдь я говорилъ вамъ: замѣчательная личность! Вотъ какихъ бы намъ женщинъ побольше! Она, въ своемъ родѣ, высоко-нравственное явленіе.

— А это заведеніе *твоего* отца тоже нравственное явленіе? промолвилъ Базаровъ, ткнувъ пальцевъ на кабакъ, мимо котораго они въ это мгновеніе проходили.

Ситниковъ опять засмѣялся съ визгомъ. Онъ очень стыдился своего происхожденія, и не зналъ, чувствовать ли ему себя польщеннымъ или обиженнымъ отъ неожиданнаго *тыканья* Базарова.

XIV.

Нѣсколько дней спустя состоялся балъ у губернатора. Матвей Ильичъ былъ настоящимъ „героемъ праздника". Губернскій предводитель объявлялъ всѣмъ и каждому, что онъ пріѣхалъ собственно изъ уваженія къ нему, а губернаторъ, даже и на балѣ, даже оставаясь неподвижнымъ, продолжалъ „распоряжаться". Мягкость въ обращеніи Матвея Ильича могла равняться только съ его величавостью. Онъ ласкалъ всѣхъ—однихъ съ оттѣнкомъ угодливости, другихъ съ оттѣнкомъ уваженія; разсыпался „en vrai chevalier français" передъ дамами и безпрестанно смѣялся крупнымъ, звучнымъ и одинакимъ смѣхомъ, какъ оно и слѣдуетъ сановнику. Онъ потрепалъ по спинѣ Аркадія и громко назвалъ его „племянничкомъ", удостоилъ Базарова, облеченнаго въ староватый фракъ,—разсѣяннаго, но снисходительнаго взгляда вскользь черезъ щеку и неяснаго, но привѣтливаго мычанья, въ которомъ только и можно было разобрать, что „я. ." да „ссьма"; подалъ палецъ Ситникову и улыбнулся ему, но уже отвернувъ голову; даже самой Кукшиной, явившейся на балъ безо всякой кринолины и въ грязныхъ перчаткахъ, но съ райскою птицей въ волосахъ, даже Кукшиной онъ сказалъ: „Enchanté". Народу

было пропасть и въ кавалерахъ не было надостатка; штатскіе болѣе тѣснились вдоль стѣнъ, но военные танцовали усердно, особенно одинъ изъ нихъ, который прожилъ недѣль шесть въ Парижѣ, гдѣ онъ выучился разнымъ залихватскимъ восклицаньямъ въ родѣ: „zut!“ „Ah fichtrrrre“, „pst, pst, mon bibi и т. п. Онъ произносилъ ихъ въ совершенствѣ, съ настоящимъ парижскимъ *шикомъ*, и въ то же время говорилъ: „si j'aurais“ вмѣсто „si j'avais,“ „absolument“ въ смыслѣ: „непремѣнно“, словомъ, выражался на томъ великорусско-французскомъ нарѣчіи, надъ которымъ такъ смѣются Французы, когда они не имѣютъ нужды увѣрять нашу братью, что мы говоримъ на ихъ языкѣ, какъ ангелы, „comme des anges“.

Аркадій танцовалъ плохо, какъ мы уже знаемъ, а Базаровъ вовсе не танцовалъ: они оба помѣстились въ уголкѣ; къ нимъ присоединился Ситниковъ. Изобразивъ на лицѣ своемъ презрительную насмѣшку и отпуская ядовитыя замѣчанія, онъ дерзко поглядывалъ кругомъ и, казалось, чувствовалъ истинное наслажденіе. Вдругъ лицо его измѣнилось и, обернувшись къ Аркадію, онъ какъ бы съ смущеніемъ проговорилъ: „Одинцова пріѣхала“.

Аркадій оглянулся и увидалъ женщину высокаго роста въ черномъ платьѣ, остановившуюся въ дверяхъ залы. Она его поразила достоинствомъ своей осанки. Обнаженныя ея руки красиво лежали вдоль стройнаго стана; красиво падали съ блестящихъ волосъ на покатыя плечи легкія вѣтки фуксій; спокойно и умно, именно спокойно, а не задумчиво, глядѣли свѣтлые глаза изъ-подъ немного-нависшаго бѣлаго лба, и губы улыбались едва замѣтною улыбкою. Какою-то ласковой и мягкой силой вѣяло отъ ея лица.

—Вы съ ней знакомы? спросилъ Аркадій Ситникова.

—Коротко. Хотите я васъ представлю?

—Пожалуй... послѣ этой кадрили.

Базаровъ также обратилъ вниманіе на Одинцову.—Это что за фигура? проговорилъ онъ.—На остальныхъ бабъ не похожа.

Дождавшись конца кадрили, Ситниковъ подвелъ Аркадія къ Одинцовой; но едва ли онъ былъ коротко съ ней знакомъ: и самъ онъ запутался въ рѣчахъ своихъ, и она глядѣла на него съ нѣкоторымъ изумленіемъ. Однако лицо ея приняло радушное выраженіе, когда она услышала

фамилію Аркадія. Она спросила его, не сынъ ли онъ Николая Петровича?

— Точно такъ.

— Я видѣла вашего батюшку два раза, и много слышала о немъ, продолжала она;—я очень рада съ вами познакомиться.

Въ это мгновеніе подлетѣлъ къ ней какой-то адъютантъ и пригласилъ ее на кадриль. Она согласилась.

— Вы развѣ танцуете? почтительно спросилъ Аркадій.

— Танцую. А вы почему думаете, что я не танцую? Или я вамъ кажусь слишкомъ стара?

— Помилуйте, какъ можно... Но въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ пригласить васъ на мазурку.

Одинцова снисходительно усмѣхнулась.—Извольте, сказала она и посмотрѣла на Аркадія, не то чтобы свысока, а такъ какъ замужнія сестры смотрятъ на очень молоденькихъ братьевъ. Одинцова была немного старше Аркадія, ей пошелъ двадцать девятый годъ, но въ ея присутствіи онъ чувствовалъ себя школьникомъ, студентикомъ, точно разница лѣтъ между ними была гораздо значительнѣй. Матвей Ильичъ приблизился къ ней съ величественнымъ видомъ и подобострастными рѣчами. Аркадій отошелъ въ сторону, но продолжалъ наблюдать за нею: онъ не спускалъ съ нея глазъ и во время кадрили. Она такъ же не принужденно разговаривала съ своимъ танцоромъ, какъ и съ сановникомъ, тихо поводила головой и глазами, и раза два тихо засмѣялась. Носъ у ней былъ немного толстъ, какъ почти у всѣхъ Русскихъ, и цвѣтъ кожи не былъ совершенно чистъ; совсѣмъ тѣмъ Аркадій рѣшилъ, что онъ еще никогда не встрѣчалъ такой прелестной женщины. Звукъ ея голоса не выходилъ у него изъ ушей; самыя складки ея платья, казалось, ложились у ней иначе чѣмъ у другихъ, стройнѣе и шире, и движенія ея были особенно плавны и естественны въ одно и то же время.

Аркадій ощущалъ на сердцѣ нѣкоторую робость, когда, при первыхъ звукахъ мазурки, онъ усаживался возлѣ своей дамы и, готовясь вступить въ разговоръ, только проводилъ рукой по волосамъ и ни находилъ ни единаго слова. Но онъ робѣлъ и волновался недолго; спокойствіе Одинцовой сообщилось и ему: четверти часа не прошло, какъ ужь онъ свободно разказывалъ о своемъ отцѣ, дядѣ,

о жизни въ Петербургѣ и въ деревнѣ. Одинцова слушала его съ вѣжливымъ участіемъ, слегка раскрывая и закрывая вѣеръ; болтовня его прерывалась, когда ее выбирали кавалеры; Ситниковъ, между прочимъ, пригласилъ ее два раза. Она возвращалась, садилась снова, снова брала вѣеръ, и даже грудь ея не дышала быстрѣе, а Аркадій опять принимался болтать, весь проникнутый счастіемъ находиться въ ея близости, говорить съ ней, глядя въ ея глаза, въ ея прекрасный лобъ, во все ея милое, важное и умное лицо. Сама она говорила мало, но знаніе жизни сказывалось въ ея словахъ; по инымъ ея замѣчаніямъ Аркадій заключилъ, что эта молодая женщина уже успѣла перечувствовать и передумать многое...

— Съ кѣмъ вы это стояли? спросила она его: — когда г-нъ Ситниковъ подвелъ васъ ко мнѣ?

— А вы его замѣтили? спросилъ въ свою очередь Аркадій.—Не правда ли какое у него славное лицо? Это нѣкто Базаровъ, мой пріятель.

Аркадій принялся говорить о „своемъ пріятелѣ“.

Онъ говорилъ о немъ такъ подробно и съ такимъ восторгомъ, что Одинцова обернулась къ нему и внимательно на него посмотрѣла. Между тѣмъ мазурка приближалась къ концу. Аркадію стало жалко разстаться съ своею дамой: онъ такъ хорошо провелъ съ ней около часа! Правда, онъ въ теченіи всего этого времени постоянно чувствовалъ, какъ будто она къ нему снисходила, какъ будто ему слѣдовало быть ей благодарнымъ... но молодыя сердца не тяготятся этимъ чувствомъ.

Музыка умолкла.—Mercі, промолвила Одинцова, вставая.— Вы обѣщали мнѣ посѣтить меня, привезите же съ собой и вашего пріятеля. Мнѣ будетъ очень любопытно видѣть человѣка, который имѣетъ смѣлость ни во что не вѣрить.

Губернаторъ подошелъ къ Одинцовой, объявилъ, что ужинъ готовъ и съ озабоченнымъ видомъ подалъ ей руку. Уходя, она обернулась, чтобы въ послѣдній разъ улыбнуться и кивнуть Аркадію. Онъ низко поклонился, посмотрѣлъ ей вслѣдъ (какъ строенъ показался ему ея станъ, облитый сѣроватымъ блескомъ чернаго шелка!), и подумавъ— „въ это мгновенье она уже забыла о моемъ существованіи“— почувствовалъ на душѣ какое-то изящное смиреніе...

— Ну что? спросилъ Базаровъ Аркадія, какъ только тотъ

вернулся къ нему въ уголокъ.—Получилъ удовольствіе? Мнѣ сейчасъ сказывалъ одинъ баринъ, что эта госпожа — ой, ой, ой; да баринъ-то, кажется, дуракъ. Ну а по твоему, что она точно—ой, ой, ой?

— Я этого опредѣленья не совсѣмъ понимаю, отвѣчалъ Аркадій.

— Вотъ еще! Какой невинный!

— Въ такомъ случаѣ я не понимаю твоего барина. Одинцова очень мила—безспорно, но она такъ холодно и строго себя держитъ, что...

— Въ тихомъ омутѣ... ты знаешь! подхватилъ Базаровъ.— Ты говоришь, она холодна. Въ этомъ-то самый вкусъ и есть. Вѣдь ты любишь мороженое.

— Можетъ-быть, пробормоталъ Аркадій, — я объ этомъ судить не могу. Она желаетъ съ тобой познакомиться, и просила меня, чтобъ я привезъ тебя къ ней.

— Воображаю, какъ ты меня расписывалъ! Впрочемъ, ты поступилъ хорошо. Вези меня. Кто бы она ни была— просто ли губернская львица, или „эманципе“ въ родѣ Кукшиной, только у ней такія плеча, какихъ я не видывалъ давно.

Аркадія покоробило отъ цинизма Базарова, но—какъ это часто случается—онъ упрекнулъ своего пріятеля не за то именно, что ему въ немъ не понравилось...

— Отчего ты не хочешь допустить свободы мысли въ женщинахъ? проговорилъ онъ вполголоса.

— Оттого, братецъ, что, по моимъ замѣчаніямъ, свободно мыслятъ между женщинами только уроды.

Разговоръ на этомъ прекратился. Оба молодыхъ человѣка уѣхали тотчасъ послѣ ужина. Кукшина нервически-злобно, но не безъ робости, засмѣялась имъ во слѣдъ: ея самолюбіе было глубоко уязвлено тѣмъ, что ни тотъ ни другой не обратили на нее вниманія. Она оставалась позже всѣхъ на балѣ, и въ четвертомъ часу ночи протанцовала польку-мазурку съ Ситниковымъ на парижскій манеръ. Этимъ поучительнымъ зрѣлищемъ и завершился губернаторскій праздникъ.

XV.

— Посмотримъ, къ какому разряду млекопитающихъ принадлежитъ сія особа, говорилъ на слѣдующій день Аркадію Базаровъ, поднимаясь вмѣстѣ съ нимъ по лѣстницѣ гостиницы, въ которой остановилась Одинцова.—Чувствуетъ мой носъ, что тутъ что-то не ладно.

— Я тебѣ удивляюсь! воскликнулъ Аркадій.—Какъ? Ты, ты, Базаровъ, придерживаешься той узкой морали, которую...

— Экой ты чудакъ! небрежно перебилъ Базаровъ.—Развѣ ты не знаешь, что на нашемъ нарѣчіи и для нашего брата не ладно значитъ ладно? Пожива есть, значитъ. Не самъ ли ты сегодня говорилъ, что она странно вышла замужъ, хотя, по мнѣнію моему, выдти за богатаго старика — дѣло ничуть не странное, а напротивъ благоразумное. Я городскимъ толкамъ не вѣрю; но люблю думать, какъ говоритъ нашъ образованный губернаторъ, что они справедливы.

Аркадій ничего не отвѣчалъ и постучался въ дверь нумера. Молодой слуга въ ливреѣ ввелъ обоихъ пріятелей въ большую комнату, меблированную дурно, какъ всѣ комнаты русскихъ гостиницъ, но уставленную цвѣтами. Скоро появилась сама Одинцова въ простомъ утреннемъ платьѣ. Она казалась еще моложе при свѣтѣ весенняго солнца. Аркадій представилъ ей Базарова и съ тайнымъ удивленіемъ замѣтилъ, что онъ какъ будто сконфузился, между тѣмъ какъ Одинцова оставалась совершенно спокойною, по вчерашнему. Базаровъ самъ почувствовалъ, что сконфузился, и ему стало досадно. „Вотъ тебѣ разъ!—бабы испугался!“ подумалъ онъ, и развалясь въ креслѣ, не хуже Ситникова, заговорилъ преувеличенно развязно, а Одинцова не спускала съ него своихъ ясныхъ глазъ.

Анна Сергѣевна Одинцова родилась отъ Сергѣя Николаевича Локтева, извѣстнаго красавца, аффериста и игрока, который, продержавшись и прошумѣвъ лѣтъ пятнадцать въ Петербургѣ и въ Москвѣ, кончилъ тѣмъ, что проигрался въ прахъ и принужденъ былъ поселиться въ деревнѣ, гдѣ впрочемъ скоро умеръ, оставивъ крошечное состояніе двумъ своимъ дочерямъ, Аннѣ—двадцати и Катеринѣ двѣнадцати

лѣтъ. Мать ихъ, изъ обѣднѣвшаго рода князей Х.....ъ, скончалась въ Петербургѣ, когда мужъ ея находился еще въ полной силѣ. Положеніе Анны послѣ смерти отца было очень тяжело. Блестящее воспитаніе, полученное ею въ Петербургѣ, не подготовило ея къ перенесенію заботъ по хозяйству и по дому,—къ глухому деревенскому житью. Она не знала никого рѣшительно въ цѣломъ околоткѣ, и посовѣтоваться ей было не съ кѣмъ. Отецъ ея старался избѣгать сношеній съ сосѣдями, онъ ихъ презиралъ, и они его презирали, каждый по своему. Она однако не потеряла головы и немедленно выписала къ себѣ сестру своей матери, княжну Авдотью Степановну Х.....ю, злую и чванную старуху, которая, поселившись у племянницы въ домѣ, забрала себѣ всѣ лучшія комнаты, ворчала и брюзжала съ утра до вечера, и даже по саду гуляла не иначе, какъ въ сопровожденіи единственнаго своего крѣпостнаго человѣка, угрюмаго лакея въ изношенной гороховой ливреѣ съ голубымъ позументомъ и въ треуголкѣ. Анна терпѣливо выносила всѣ причуды тетки, исподволь занималась воспитаніемъ сестры и, казалось, уже примирилась съ мыслію увянуть въ глуши... Но судьба сулила ей другое. Ее случайно увидѣлъ нѣкто Одинцовъ, очень богатый человѣкъ лѣтъ сорока шести, чудакъ, ипохондрикъ, пухлый, тяжелый и кислый, впрочемъ, не глупый и не злой; влюбился въ нее и предложилъ ей руку. Она согласилась быть его женой,—а онъ пожилъ съ ней лѣтъ шесть и, умирая, упрочилъ за ней все свое состояніе. Анна Сергѣевна около года послѣ его смерти не выѣзжала изъ деревни, потомъ отправилась вмѣстѣ съ сестрой заграницу, но побывала только въ Германіи; соскучилась и вернулась на жительство въ свое любезное Никольское, отстоявшее верстъ сорокъ отъ города ***. Тамъ у ней былъ великолѣпный, отлично-убранный домъ, прекрасный садъ съ оранжереями: покойный Одинцовъ ни въ чемъ себѣ не отказывалъ. Въ городъ Анна Сергѣевна являлась очень рѣдко, большею частью по дѣламъ, и то не на долго. Ея не любили въ губерніи, ужасно кричали по поводу ея брака съ Одинцовымъ, разказывали про нее всевозможныя небылицы, увѣряли, что она помогала отцу въ его шулерскихъ продѣлкахъ, что и за границу она ѣздила педаромъ, а изъ необходимости скрыть несчастныя послѣдствія... „Вы понимаете чего?“ договари-

вали негодующіе разкащики.—„Прошла черезъ огонь и воду,“ говорили о ней; а извѣстный губернскій острякъ обыкновенно прибавлялъ: „и черезъ мѣдныя трубы.“ Всѣ эти толки доходили до нея; но она пропускала ихъ мимо ушей: характеръ у нея былъ свободный и довольно рѣшительный.

Одинцова сидѣла, прислонясь къ спинкѣ креселъ и, положивъ руку на руку, слушала Базарова. Онъ говорилъ, противъ обыкновенія, довольно много и явно старался занять свою собесѣдницу, что̀ опять удивило Аркадія. Онъ не могъ рѣшить — достигалъ ли Базаровъ своей цѣли. По лицу Анны Сергѣевны трудно было догадаться, какія она испытывала впечатлѣнія: оно сохраняло одно и то же выраженіе, привѣтливое, тонкое; ея прекрасные глаза свѣтились вниманіемъ, но вниманіемъ безмятежнымъ. Ломаніе Базарова, въ первыя минуты посѣщенія, непріятно подѣйствовало на нее, какъ дурной запахъ или рѣзкій звукъ; но она тотчасъ же поняла, что онъ чувствовалъ смущеніе, и это ей даже польстило. Одно пошлое ее отталкивало, а въ пошлости никто бы не упрекнулъ Базарова. Аркадію пришлось въ тотъ день не переставать удивляться. Онъ ожидалъ, что Базаровъ заговоритъ съ Одинцовой, какъ съ женщиной умною, о своихъ убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ: она же сама изъявила желаніе послушать человѣка, „который имѣетъ смѣлость ничему не вѣрить“; но вмѣсто того Базаровъ толковалъ о медицинѣ, о гомеопатіи, о ботаникѣ. Оказалось, что Одинцова не теряла времени въ уединеніи: она прочла нѣсколько хорошихъ книгъ и выражалась правильнымъ русскимъ языкомъ. Она навела рѣчь на музыку, но замѣтивъ что Базаровъ не признаетъ искусства, потихоньку возвратилась къ ботаникѣ, хотя Аркадій и пустился было толковать о значеніи народныхъ мелодій. Одинцова продолжала обращаться съ нимъ какъ съ младшимъ братомъ: казалось, она цѣнила въ немъ доброту и простодушіе молодости—и только. Часа три слишкомъ длилась бесѣда неторопливая, разнообразная и живая.

Пріятели наконецъ поднялись и стали прощаться. Анна Сергѣевна ласково поглядѣла на нихъ, протянула обоимъ свою красивую, бѣлую руку и, подумавъ немного, съ нерѣшительною, но хорошею улыбкой проговорила:—Если вы, господа, не боитесь скуки, пріѣзжайте ко мнѣ въ Никольское.

— Помилуйте, Анна Сергѣвна, воскликнулъ Аркадій,—я за особенное счастье почту...

— А вы, мсьё Базаровъ?

Базаровъ только поклонился,—и Аркадію въ послѣдній разъ пришлось удивиться: онъ замѣтилъ, что пріятель его покраснѣлъ.

— Ну? говорилъ онъ ему на улицѣ:—ты все того же мнѣнія, что она—ой, ой, ой?

— А кто ее знаетъ! Вишь, какъ она себя заморозила! возразилъ Базаровъ и, помолчавъ немного, прибавилъ:—герцогиня, владѣтельная особа. Ей бы только шлейфъ сзади носить да корону на головѣ.

— Наши герцогини такъ по-русски не говорятъ, замѣтилъ Аркадій.

— Въ передѣлкѣ была, братецъ ты мой, нашего хлѣба покушала.

— А все-таки она прелесть, промолвилъ Аркадій.

— Эдакое богатое тѣло! продолжалъ Базаровъ:—хоть сейчасъ въ анатомическій театръ.

— Перестань ради Бога, Евгеній? это ни на что не похоже.

— Ну, не сердись, нѣженка. Сказано—первый сортъ. Надо будетъ поѣхать къ ней.

— Когда?

— Да хоть послѣзавтра. Что намъ здѣсь дѣлать-то! Шампанское съ Кукшиной пить? Родственника твоего, либеральнаго сановника, слушать?... Послѣзавтра же и махнемъ. Кстати—и моего отца усадьбишка оттуда не далеко. Вѣдь это Никольское по *** дорогѣ?

— Да.

— Optime. Нечего мѣшкать; мѣшкаютъ одни дураки—да умники. Я тебѣ говорю: богатое тѣло!

Три дня спустя, оба пріятеля катили по большой дорогѣ въ Никольское. День стоялъ свѣтлый и не слишкомъ жаркій, и ямскія сытыя лошадки дружно бѣжали, слегка помахивая своими закрученными и заплетенными хвостами. Аркадій глядѣлъ на дорогу и улыбался, самъ не зная чему.

— Поздравь меня, воскликнулъ вдругъ Базаровъ,—сегодня 22-ое іюня, день моего ангела. Посмотримъ, какъ-то онъ обо мнѣ печется. Сегодня меня дома ждутъ, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ...—Ну, подождутъ, что за важность!

XVI.

Усадьба, въ которой жила Анна Сергѣевна, стояла на пологомъ открытомъ холмѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ желтой каменной церкви съ зеленою крышей, бѣлыми колоннами и живописью al fresco надъ главнымъ входомъ, представлявшею „Воскресеніе Христово“ въ „итальянскомъ“ вкусѣ. Особенно замѣчателенъ своими округленными контурами былъ распростертый на первомъ планѣ смуглый воинъ въ шишакѣ. За церковью тянулось въ два ряда длинное село съ кое-гдѣ мелькавшими трубами надъ соломенными крышами. Господскій домъ былъ построенъ въ одномъ стилѣ съ церковью, въ томъ стилѣ, который извѣстенъ у насъ подъ именемъ александровскаго; домъ этотъ былъ также выкрашенъ желтою краской, и крышу имѣлъ зеленую, и бѣлыя колонны, и фронтонъ съ гербомъ. Губернскій архитекторъ воздвигнулъ оба зданія съ одобренія покойнаго Одинцова, не терпѣвшаго никакихъ пустыхъ и самопроизвольныхъ, какъ онъ выражался, нововведеній. Къ дому съ обѣихъ сторонъ прилегали темныя деревья стариннаго сада; аллея стриженыхъ елокъ вела къ подъѣзду.

Пріятелей нашихъ встрѣтили въ передней два рослые лакея въ ливреѣ, одинъ изъ нихъ тотчасъ побѣжалъ за дворецкимъ. Дворецкій, толстый человѣкъ въ черномъ фракѣ, немедленно явился и направилъ гостей по устланной коврами лѣстницѣ въ особую большую комнату, гдѣ уже стояли двѣ кровати со всѣми принадлежностями туалета. Въ домѣ видимо царствовалъ порядокъ: все было чисто, всюду пахло какимъ-то приличнымъ запахомъ, точно въ министерскихъ пріемныхъ.

— Анна Сергѣевна просятъ васъ пожаловать къ нимъ черезъ полчаса, доложилъ дворецкій, —не будетъ ли отъ васъ, покамѣсть, какихъ приказаній?

— Никакихъ приказаній не будетъ, почтеннѣйшій, отвѣтилъ Базаровъ:—развѣ рюмку водочки соблаговолите поднести.

— Слушаю-съ, промолвилъ дворецкій не безъ недоумѣнья, и удалился, скрипя сапогами.

— Какой гранжанръ! замѣтилъ Базаровъ:—кажется это такъ по вашему называется? Герцогиня, да и полно.

— Хороша герцогиня, возразилъ Аркадій,—съ перваго раза пригласила къ себѣ такихъ сильныхъ аристократовъ, каковы мы съ тобой.

— Особенно я, будущій лѣкарь и лѣкарскій сынъ и дьячковскій внукъ... Вѣдь ты знаешь, что я внукъ дьячка?... Какъ Сперанскій, прибавилъ онъ послѣ небольшаго молчанія и скрививъ губы.—А все-таки избаловала она себя; охъ, какъ избаловала себя эта барыня! Ужь не фраки ли намъ надѣть?

Аркадій только плечомъ пожалъ... но и онъ чувствовалъ небольшое смущеніе.

Полчаса спустя Базаровъ съ Аркадіемъ сошли въ гостиную. Это была просторная, высокая комната, убранная довольно роскошно, но безъ особеннаго вкуса. Тяжелая дорогая мебель стояла въ обычномъ чопорномъ порядкѣ вдоль стѣнъ, обитыхъ коричневыми обоями съ золотыми разводами; покойный Одинцовъ выписалъ ее изъ Москвы черезъ своего пріятеля и коммиссіонера, виннаго торговца. Надъ среднимъ диваномъ висѣлъ портретъ обрюзглаго бѣлокураго мущины—и, казалось, недружелюбно глядѣлъ на гостей. „Должно быть *самъ*“, шепнулъ Базаровъ Аркадію и, сморщивъ носъ, прибавилъ: „аль удрать?“ Но въ это мгновенье вошла хозяйка. На ней было легкое барежевое платье; гладко зачесанные за уши волосы придавали дѣвическое выраженіе ея чистому и свѣжему лицу.

— Благодарствуйте, что сдержали слово, начала она,—погостите у меня: здѣсь, право, не дурно. Я васъ познакомлю съ моей сестрою; она хорошо играетъ на фортепьяно. Вамъ, мсьё Базаровъ, это все равно; но вы, мсьё Кирсановъ, кажется, любите музыку; кромѣ сестры у меня живетъ старушка тетка, да сосѣдъ одинъ иногда наѣзжаетъ въ карты играть, вотъ и все наше общество. А теперь сядемъ.

Одинцова произнесла весь этотъ маленькій спичъ съ особенною отчетливостью, словно она наизустъ его выучила; потомъ она обратилась къ Аркадію. Оказалось, что мать ея знавала Аркадіеву мать, и была даже повѣренною ея любви къ Николаю Петровичу. Аркадій съ жаромъ заговорилъ о покойницѣ; а Базаровъ между тѣмъ принялся

разсматривать альбомы. „Какой я смирненькій сталъ,“ думалъ онъ про себя.

Красивая борзая собака съ голубымъ ошейникомъ вбѣжала въ гостиную, стуча ногтями по полу, а вслѣдъ за нею вошла дѣвушка лѣтъ восьмнадцати, черноволосая и смуглая, съ нѣсколько круглымъ, но пріятнымъ лицомъ, съ небольшими темными глазами. Она держала въ рукахъ корзину, наполненную цвѣтами. „Вотъ вамъ и моя Катя,“ проговорила Одинцова, указавъ на нее движеніемъ головы. Катя слегка присѣла, помѣстилась возлѣ сестры и принялась разбирать цвѣты. Борзая собака, имя которой было Фифи, подошла, махая хвостомъ, поочередно къ обоимъ гостямъ, и ткнула каждаго изъ нихъ своимъ холоднымъ носомъ въ руку.

— Это ты все сама нарвала? спросила Одинцова.

— Сама, отвѣчала Катя.

— А тетушка придетъ къ чаю?

— Придетъ.

Когда Катя говорила, она очень мило улыбалась, застѣнчиво и откровенно, и глядѣла, какъ то забавно-сурово, снизу вверхъ. Все въ ней было еще молодо-зелено: и голосъ, и пушокъ на всемъ лицѣ, и розовыя руки съ бѣловатыми кружками на ладоняхъ, и чуть-чуть сжатыя плечи... Она безпрестанно краснѣла и быстро вздыхала.

Одинцова обратилась къ Базарову.—Вы изъ приличія разсматриваете картинки, Евгеній Васильичъ, начала она.—Васъ это не занимаетъ. Пододвиньтесь-ка лучше къ намъ, и давайте поспоримте о чемъ-нибудь.

Базаровъ приблизился.—О чемъ прикажете-съ? промолвилъ онъ.

— О чемъ хотите. Предупреждаю васъ, что я ужасная спорщица.

— Вы?

— Я. Васъ это какъ будто удивляетъ. Почему?

— Потому что, сколько я могу судить, у васъ нравъ спокойный и холодный; а для спора нужно увлеченіе.

— Какъ это вы успѣли меня узнать такъ скоро? Я, во-первыхъ, нетерпѣлива и настойчива, спросите лучше Катю; а вовторыхъ, я очень легко увлекаюсь.

Базаровъ поглядѣлъ на Анну Сергѣевну. — Можетъ-быть, вамъ лучше знать. Итакъ, вамъ угодно спорить,—извольте.

Я разсматривалъ виды Саксонской Швейцаріи въ вашемъ альбомѣ, а вы мнѣ замѣтили, что это меня занять не можетъ. Вы это сказали оттого что не предполагаете во мнѣ художественнаго смысла,—да во мнѣ дѣйствительно его нѣтъ; но эти виды могли меня заинтересовать съ точки зрѣнія геологической, съ точки зрѣнія формаціи горъ, напримѣръ.

— Извините; какъ геологъ, вы скорѣе къ книгѣ прибѣгнете, къ спеціальному сочиненію, а не къ рисунку.

— Рисунокъ наглядно представитъ мнѣ то, что̀ въ книгѣ изложено на цѣлыхъ десяти страницахъ.

Анна Сергѣевна помолчала.

— И такъ-таки у васъ ни капельки художественнаго смысла нѣтъ? промолвила она, облокотясь на столъ, и этимъ самымъ движеніемъ приблизивъ свое лицо къ Базарову.—Какъ же вы это безъ него обходитесь?

— А на что̀ онъ нуженъ, позвольте спросить?

— Да хоть на то, чтобъ умѣть узнавать и изучать людей.

Базаровъ усмѣхнулся.

— Вопервыхъ, на это существуетъ жизненный опытъ; а вовторыхъ, доложу вамъ, изучать отдѣльныя личности не сто́итъ труда. Всѣ люди другъ на друга похожи, какъ тѣломъ, такъ и душой; у каждаго изъ насъ мозгъ, селезенка, сердце, легкія одинаково устроены; и такъ-называемыя нравственныя качества одни и тѣ же у всѣхъ: небольшія видоизмѣненія ничего не значатъ. Достаточно одного человѣческаго экземпляра, чтобы судить обо всѣхъ другихъ. Люди, что̀ деревья въ лѣсу; ни одинъ ботаникъ не станетъ заниматься каждою отдѣльною березой.

Катя, которая, не спѣша, подбирала цвѣтокъ къ цвѣтку, съ недоумѣніемъ подняла глаза на Базарова,—и встрѣтивъ его быстрый и небрежный взглядъ, вспыхнула вся до ушей. Анна Сергѣевна покачала головой.

— Деревья въ лѣсу, повторила она.—Стало-быть, по вашему нѣтъ разницы между глупымъ и умнымъ человѣкомъ, между добрымъ и злымъ?

— Нѣтъ, есть; какъ между больнымъ и здоровымъ. Лёгкія у чахоточнаго не въ томъ положеніи, какъ у насъ съ вами, хоть устроены одинаково. Мы приблизительно знаемъ, отчего происходятъ тѣлесные недуги; а нравственныя болѣзни происходятъ отъ дурнаго воспитанія, отъ всякихъ пустяковъ, которыми сызмала набиваютъ людскія головы;

отъ безобразнаго состоянія общества, однимъ словомъ. Исправьте общество, и болѣзней не будетъ.

Базаровъ говорилъ все это съ такимъ видомъ, какъ будто въ то же время думалъ про себя: „вѣрь мнѣ или не вѣрь, это мнѣ все едино!“ Онъ медленно проводилъ своими длинными пальцами по бакенбардамъ, а глаза его бѣгали по угламъ.

— И вы полагаете, промолвила Анна Сергѣевна, — что, когда общество исправится, уже не будетъ ни глупыхъ, ни злыхъ людей?

— По крайней мѣрѣ, при правильномъ устройствѣ общества, совершенно будетъ равно, глупъ ли человѣкъ или уменъ, золъ или добръ.

— Да, понимаю; у всѣхъ будетъ одна и та же селезенка.

— Именно такъ-съ, сударыня.

Одинцова обратилась къ Аркадію. — А ваше какое мнѣніе, Аркадій Николаевичъ?

— Я согласенъ съ Евгеніемъ, отвѣчалъ онъ.

Катя поглядѣла на него изподлобья.

— Вы меня удивляете, господа, промолвила Одинцова;— но мы еще съ вами потолкуемъ. А теперь, я слышу, тетушка идетъ чай пить, мы должны пощадить ея уши.

Тетушка Анны Сергѣевны, княжна Х.....ая, худенькая и маленькая женщина съ сжатымъ въ кулачокъ лицомъ и неподвижными, злыми глазами подъ сѣдою накладкой, вошла и, едва поклонившись гостямъ, опустилась въ широкое бархатное кресло, на которое никто, кромѣ ея, не имѣлъ права садиться. Катя поставила ей скамейку подъ ноги; старуха не поблагодарила ея, даже не взглянула на нее, только пошевелила руками подъ желтою шалью, покрывавшею почти все ея тщедушное тѣло. Княжна любила желтый цвѣтъ: у ней и на чепцѣ были ярко-желтыя ленты.

— Какъ вы почивали, тетушка? спросила Одинцова, возвысивъ голосъ.

— Опять эта собака здѣсь, проворчала въ отвѣтъ старуха, и замѣтивъ, что Фифи сдѣлала два нерѣшительные шага въ ея направленіи, воскликнула:—брысь, брысь!

Катя позвала Фифи и отворила ей дверь.

Фифи радостно бросилась вонъ, въ надеждѣ что ее поведутъ гулять, но, оставшись одна за дверью, начала скре-

стись и повизгивать. Княжна нахмурилась, Катя хотѣла было выйдти.

— Я думаю, чай готовъ? промолвила Одинцова.—Господа, пойдемте; тетушка, пожалуйте чай кушать.

Княжна молча встала съ кресла, и первая вышла изъ гостиной. Всѣ отправились вслѣдъ за ней въ столовую. Казачокъ въ ливреѣ съ шумомъ отодвинулъ отъ стола обложенное подушками, также завѣтное кресло, въ которое опустилась княжна; Катя, разливавшая чай, первой ей подала чашку съ раскрашеннымъ гербомъ. Старуха положила себѣ меду въ чашку (она находила, что пить чай съ сахаромъ и грѣшно, и дорого, хотя сама не тратила копѣйки ни на что), и вдругъ спросила хриплымъ голосомъ:

— А что пишетъ *князь* Иванъ?

Ей никто не отвѣчалъ. Базаровъ и Аркадій скоро догадались, что на нее не обращали вниманія, хотя обходились съ нею почтительно. „*Для ради* важности держатъ, потому что княжеское отродье,“ подумалъ Базаровъ... Послѣ чаю Анна Сергѣевна предложила пойдти гулять; но сталъ накрапывать дождикъ, и все общество, за исключеніемъ княжны, вернулось въ гостиную. Пріѣхалъ сосѣдъ, любитель карточной игры, по имени Порфирій Платонычъ, толстенькій, сѣденькій человѣкъ съ короткими, точно выточенными ножками, очень вѣжливый и смѣшливый. Анна Сергѣевна, которая разговаривала все больше съ Базаровымъ, спросила его—не хочетъ ли онъ сразиться съ ними по старомодному въ преферансъ. Базаровъ согласился, говоря, что ему надобно заранѣе приготовиться къ предстоящей ему должности уѣзднаго лѣкаря.

— Берегитесь, замѣтила Анна Сергѣевна,—мы съ Порфиріемъ Платонычемъ васъ разобьемъ. А ты, Катя, прибавила она, — сыграй что-нибудь Аркадію Николаевичу; онъ любитъ музыку, мы кстати послушаемъ.

Катя неохотно приблизилась къ фортепьяно; и Аркадій, хотя точно любилъ музыку, неохотно пошелъ за ней: ему казалось, что Одинцова его отсылаетъ,—а у него на сердцѣ, какъ у всякаго молодаго человѣка въ его годы, уже накипало какое-то смутное и томительное ощущеніе, похожее на предчувствіе любви. Катя подняла крышу фортепьяно, и не глядя на Аркадія, промолвила вполголоса:

— Что же вамъ сыграть?

— Что̀ хотите, равнодушно отвѣтилъ Аркадій.

— Вы какую музыку больше любите? повторила Катя, не перемѣняя положенія.

— Классическую, тѣмъ же голосомъ отвѣтилъ Аркадій.

— Моцарта любите?

— Моцарта люблю.

Катя достала це-мольную сонату-фантазію Моцарта. Она играла очень хорошо, хотя не много строго и сухо. Не отводя глазъ отъ нотъ и крѣпко стиснувъ губы, сидѣла она неподвижно и прямо, и только къ концу сонаты, лицо ея разгорѣлось, и маленькая прядь развившихся волосъ упала на темную бровь.

Аркадія въ особенности поразила послѣдняя часть сонаты, та часть, въ которой, посреди плѣнительной веселости безпечнаго напѣва, внезапно возникаютъ порывы такой горестной, почти трагической скорби... Но мысли, возбужденныя въ немъ звуками Моцарта, относились не къ Катѣ. Глядя на нее, онъ только подумалъ: „А вѣдь недурно играетъ эта барышня и сама она не дурна.“

Кончивъ сонату, Катя, не принимая рукъ съ клавишей, спросила: „довольно?“ Аркадій объявилъ, что не смѣетъ утруждать ее болѣе, и заговорилъ съ ней о Моцартѣ, спросилъ ее, — сама ли она выбрала эту сонату или кто ей ее отрекомендовалъ? Но Катя отвѣчала ему односложно, она *спряталась*, ушла въ себя. Когда это съ ней случалось, она нескоро выходила наружу, самое ея лицо принимало тогда выраженіе упрямое, почти тупое. Она была не то что робка, а недовѣрчива и немного запугана воспитавшею ее сестрой, чего, разумѣется, та и не подозрѣвала. Аркадій кончилъ тѣмъ что, подозвавъ возвратившуюся Фифи, сталъ для контенансу, съ благосклонною улыбкой, гладить ее по головѣ. Катя опять взялась за свои цвѣты.

А Базаровъ, между тѣмъ, ремизился да ремизился. Анна Сергѣевна играла мастерски въ карты, Порфирій Платонычъ тоже могъ постоять за себя. Базаровъ остался въ проигрышѣ, хотя незначительномъ, но все-таки не совсѣмъ для него пріятномъ. За ужиномъ Анна Сергѣевна снова завела рѣчь о ботаникѣ.

— Пойдемте гулять завтра поутру, сказала она ему,—я хочу узнать отъ васъ латинскія названія полевыхъ растеній и ихъ свойства.

— На что̀ вамъ латинскія названія? спросилъ Базаровъ.

— Во всемъ нуженъ порядокъ, отвѣчала она..

— Что за чудесная женщина Анна Сергѣевна! воскликнулъ Аркадій, оставшись наединѣ съ своимъ другомъ въ отведенной имъ комнатѣ.

— Да, отвѣчалъ Базаровъ,—баба съ мозгомъ. Ну, и видала же она виды.

— Въ какомъ смыслѣ ты это говоришь, Евгеній Васильичъ?

— Въ хорошемъ смыслѣ, въ хорошемъ, батюшка вы мой, Аркадій Николаичъ! Я увѣренъ, что она и своимъ имѣніемъ отлично распоряжается. Но чудо—не она, а ея сестра.

— Какъ? эта смугленькая?

— Да, эта смугленькая. Это вотъ свѣжо, и нетронуто, и пугливо, и молчаливо, и все что̀ хочешь. Вотъ кѣмъ можно заняться. Изъ этой еще, что̀ вздумаешь, то и сдѣлаешь; а та — тертый калачъ.

Аркадій ничего не отвѣчалъ Базарову, и каждый изъ нихъ легъ спать съ особенными своими мыслями въ головѣ.

И Анна Сергѣевна въ тотъ вечеръ думала о своихъ гостяхъ. Базаровъ ей понравился—отсутствіемъ кокетства и самою рѣзкостью сужденій. Онавидѣла въ немъ что-то новое, съ чѣмъ ей не случалось встрѣтиться, а она была любопытна.

Анна Сергѣевна была довольно странное существо. Не имѣя никакихъ предразсудковъ, не имѣя даже никакихъ сильныхъ вѣрованій, она ни передъ чѣмъ не отступала и никуда не шла. Она многое ясно видѣла, многое ее занимало, и ничто не удовлетворяло ея вполнѣ; да она едва ли и желала полнаго удовлетворенія. Ея умъ былъ пытливъ и равнодушенъ въ одно и то же время; ея сомнѣнія не утихали никогда до забывчивости, и никогда не дорастали до тревоги. Не будь она богата и независима, она быть-можетъ бросилась бы въ битву, узнала бы страсть... Но ей жилось легко, хотя она и скучала подчасъ, и она продолжала провожать день за днемъ, не спѣша и лишь изрѣдка волнуясь. Радужныя краски загорались иногда и у ней передъ глазами, но она отдыхала, когда онѣ угасали, и не жалѣла о нихъ. Воображеніе ея уносилось даже за предѣлы того, что̀ по законамъ обыкновенной морали счи-

тается дозволеннымъ; но и тогда кровь ея попрежнему тихо катилась въ ея обаятельно-стройномъ—и спокойномъ тѣлѣ. Бывало, выйдя изъ благовонной ванны, вся теплая и разнѣженная, она замечтается о ничтожности жизни, объ ея горѣ, трудѣ и злѣ... Душа ея наполнится внезапною смѣлостію, закипитъ благороднымъ стремленіемъ; но сквозной вѣтерокъ подуетъ изъ полузакрытаго окна, и Анна Сергѣевна вся сожмется, и жалуется, и почти сердится, и только одно ей и нужно въ это мгновеніе: чтобы не дулъ на нее этотъ гадкій вѣтеръ. Какъ всѣ женщины, которымъ не удалось полюбить, она хотѣла чего-то, сама не зная, чего именно. Собственно ей ничего не хотѣлось, хотя ей казалось, что ей хотѣлось всего. Покойнаго Одинцова она едва выносила (она вышла за него по разчету, хотя она, вѣроятно, не согласилась бы сдѣлаться его женой, еслибъ она не считала его за добраго человѣка) и получила тайное отвращеніе ко всѣмъ муцинамъ, которыхъ представляла себѣ не иначе, какъ неопрятными, тяжелыми и вялыми, безсильно докучливыми существами. Разъ она гдѣ-то за границей встрѣтила молодаго, красиваго Шведа съ рыцарскимъ выраженіемъ лица, съ честными, голубыми глазами подъ открытымъ лбомъ, но это не помѣшало ей вернуться въ Россію. „Странный человѣкъ этотъ лѣкарь!“ думала она, лежа въ своей великолѣпной постели, на кружевныхъ подушкахъ, подъ легкимъ шелковымъ одѣяломъ... Анна Сергѣевна наслѣдовала отъ отца частицу его наклонности къ роскоши. Она очень любила своего грѣшнаго, но добраго отца, а онъ обожалъ ее, дружелюбно шутилъ съ ней, какъ съ ровней, и довѣрялся ей вполнѣ, совѣтовался съ ней. Мать свою она едва помнила.

„Странный этотъ лѣкарь!“ повторила она про себя. Она потянулась, улыбнулась, закинула руки за голову, потомъ пробѣжала глазами страницы двѣ глупаго французскаго романа, выронила книжку—и заснула, вся чистая и холодная въ чистомъ и душистомъ бѣльѣ.

На слѣдующее утро Анна Сергѣевна тотчасъ послѣ завтрака отправилась ботанизировать съ Базаровымъ и возвратилась передъ самымъ обѣдомъ; Аркадій никуда не отлучался и провелъ около часа съ Катей. Ему не было скучно съ нею, она сама вызвалась повторить ему вчерашнюю сонату; но когда Одинцова возвратилась нако-

нецъ, когда онъ увидалъ ее,—сердце въ немъ мгновенно сжалось... Она шла по саду нѣсколько усталою походкой; щеки ея алѣли и глаза свѣтились ярче обыкновеннаго подъ соломенною круглою шляпой. Она вертѣла въ пальцахъ тонкій стебелекъ полеваго цвѣтка, легкая мантилья спустилась ей на локти, и широкія, сѣрыя ленты шляпы прильнули къ ея груди. Базаровъ шелъ сзади ея, самоувѣренно и небрежно, какъ всегда, но выраженіе его лица, хотя веселое и даже ласковое, не понравилось Аркадію. Пробормотавъ сквозь зубы: „здравствуй“! Базаровъ отправился къ себѣ въ комнату, а Одинцова разсѣянно пожала Аркадію руку и тоже прошла мимо его.

— „Здравствуй“! подумалъ Аркадій... „Развѣ мы не видѣлись сегодня?“

XVII.

Время (дѣло извѣстное) летитъ иногда птицей, иногда ползетъ червякомъ; но человѣку бываетъ особенно хорошо тогда, когда онъ даже не замѣчаетъ—скоро ли, тихо ли оно проходитъ. Аркадій и Базаровъ именно такимъ образомъ провели дней пятнадцать у Одинцовой. Этому отчасти способствовалъ порядокъ, который она завела у себя въ домѣ и въ жизни. Она строго его придерживалась и заставляла другихъ ему покоряться не безъ деспотизма. Все въ теченіи дня совершалось въ извѣстную пору. Утромъ, ровно въ восемь часовъ, все общество собиралось къ чаю; отъ чая до завтрака всякій дѣлалъ что̀ хотѣлъ, сама хозяйка занималась съ прикащикомъ (имѣніе было на оброкѣ), съ дворецкимъ, съ главною ключницей. Передъ обѣдомъ общество опять сходилось для бесѣды или для чтенія; вечеръ посвящался прогулкѣ, картамъ, музыкѣ; въ половинѣ одиннадцатаго Анна Сергѣевна уходила къ себѣ въ комнату, отдавала приказанія на слѣдующій день и ложилась спать. Базарову не нравилась эта размѣренная, нѣсколько торжественная правильность ежедневной жизни; „какъ по рельсамъ катишься,“ увѣрялъ онъ; ливрейные лакеи, чинные дворецкіе оскорбляли его демократическое чувство. Онъ находилъ, что ужь если на то пошло, такъ и обѣдать слѣдовало бы по-англійски, во фракахъ и въ бѣлыхъ галстухахъ. Онъ однажды объяснился объ этомъ съ

самою Анной Сергѣевной. Она такъ себя держала, что каждый человѣкъ, не обинуясь, высказывалъ передъ ней свои мнѣнія. Она выслушала его и промолвила: „съ вашей точки зрѣнія вы правы—и, можетъ-быть, въ этомъ случаѣ, я—барыня; но въ деревнѣ нельзя жить безпорядочно, скука одолѣетъ“—и продолжала дѣлать по своему. Базаровъ ворчалъ; но и ему, и Аркадію оттого между прочимъ и жилось такъ легко у Одинцовой, что все въ ея домѣ „катилось какъ по рельсамъ“. Со всѣмъ тѣмъ, въ обоихъ молодыхъ людяхъ, съ первыхъ же дней ихъ пребыванія въ Никольскомъ, произошла перемѣна. Въ Базаровѣ, къ которому Анна Сергѣевна очевидно благоволила, хотя рѣдко съ нимъ соглашалась, стала проявляться небывалая прежде тревога: онъ легко раздражался, говорилъ нехотя, глядѣлъ сердито и не могъ усидѣть на мѣстѣ, словно что̀ его подмывало; а Аркадій, который окончательно самъ съ собой рѣшилъ, что влюбленъ въ Одинцову, началъ предаваться тихому унынію. Впрочемъ, это уныніе не мѣшало ему сблизиться съ Катей; оно даже помогло войдти съ нею въ ласковыя, пріятельскія отношенія. „Меня *она* не цѣнитъ! Пусть!... А вотъ доброе существо меня не отвергаетъ“, думалъ онъ, и сердце его снова вкушало сладость великодушныхъ ощущеній. Катя смутно понимала, что онъ искалъ какого-то утѣшенія въ ея обществѣ, и не отказывала ни ему, ни себѣ въ невинномъ удовольствіи полустыдливой, полудовѣрчивой дружбы. Въ присутствіи Анны Сергѣевны они не разговаривали между собою: Катя всегда сжималась подъ зоркимъ взглядомъ сестры, а Аркадій, какъ оно и слѣдуетъ влюбленному человѣку, вблизи своего предмета уже не могъ обращать вниманіе ни на что другое; но хорошо ему было съ одной Катей. Онъ чувствовалъ, что не въ силахъ занять Одинцову; онъ робѣлъ и терялся, когда оставался съ ней наединѣ; а она не знала что̀ ему сказать: онъ былъ слишкомъ для нея молодъ. Напротивъ, съ Катей Аркадій былъ какъ дома; онъ обращался съ ней снисходительно, не мѣшалъ ей высказывать впечатлѣнія, возбужденныя въ ней музыкой, чтеніемъ повѣстей, стиховъ и прочими пустяками, самъ не замѣчалъ или не сознавалъ, что эти *пустяки* и его занимали съ своей стороны. Катя не мѣшала ему грустить. Аркадію было хорошо съ Катей, Одинцовой съ Базаровымъ..., а потому обыкновенно случалось такъ: обѣ

парочки, побывъ немного вмѣстѣ, расходились каждая въ свою сторону, особенно во время прогулокъ. Катя *обожала* природу, и Аркадій ее любилъ, хоть и не смѣлъ признаться въ этомъ; Одинцова была къ ней довольно равнодушна, такъ же какъ и Базаровъ. Почти постоянное разъединеніе нашихъ пріятелей не осталось безъ послѣдствій: отношенія между ними стали мѣняться. Базаровъ пересталъ говорить съ Аркадіемъ объ Одинцовой, пересталъ даже бранить ея „аристократическія замашки“; правда, Катю онъ хвалилъ попрежнему и только совѣтовалъ умѣрять въ ней сентиментальныя наклонности, но похвалы его были торопливы, совѣты сухи, и вообще онъ съ Аркадіемъ бесѣдовалъ гораздо меньше прежняго... онъ какъ будто избѣгалъ, какъ будто стыдился его... Аркадій все это замѣчалъ, но хранилъ про себя свои замѣчанія.

Настоящею причиной всей этой„ новизны“ было чувство, внушенное Базарову Одинцовой, чувство, которое его мучило и бѣсило, и отъ котораго онъ тотчасъ отказался бы съ презрительнымъ хохотомъ и циническою бранью, еслибы кто-нибудь, хотя отдаленно, намекнулъ ему на возможность того, что̀ въ немъ происходило. Базаровъ былъ великій охотникъ до женщинъ и до женской красоты, но любовь въ смыслѣ идеальномъ или, какъ онъ выражался, романтическомъ, называлъ белибердой, непростительною дурью, считалъ рыцарскія чувства чѣмъ-то въ родѣ уродства или болѣзни, и не однажды выражалъ свое удивленіе, почему не посадили въ желтый домъ Тоггенбурга со всѣми миннезенгерами и трубадурами? — „Нравится тебѣ женщина“, говаривалъ онъ, „старайся добиться толку; а нельзя—ну, не надо, отвернись—земля не клиномъ сошлась.“ Одинцова ему нравилась; распространенные слухи о ней, свобода и независимость ея мыслей, ея несомнѣнное расположеніе къ нему—все, казалось, говорило въ его пользу; но онъ скоро понялъ, что съ ней не добьешься толку, а отвернуться отъ нея, онъ, къ изумленію своему, не имѣлъ силъ. Кровь его загоралась, какъ только онъ вспоминалъ о ней; онъ легко сладилъ бы съ своею кровью, но что-то другое въ него вселялось, чего онъ никакъ не допускалъ, надъ чѣмъ всегда трунилъ, что̀ возмущало всю его гордость. Въ разговорахъ съ Анной Сергѣевной онъ еще

больше прежняго высказывалъ свое равнодушное презрѣніе ко всему романтическому; а оставшись наединѣ, онъ съ негодованіемъ сознавалъ романтика въ самомъ себѣ. Тогда онъ отправлялся въ лѣсъ и ходилъ по немъ большими шагами, ломая попадавшіяся вѣтки, и браня въ полголоса и ее, и себя; или забирался на сѣновалъ, въ сарай, и упрямо закрывалъ глаза, заставлялъ себя спать, что̀ ему, разумѣется, не всегда удавалось. Вдругъ ему представится, что эти цѣломудренныя руки когда-нибудь обовьются вокругъ его шеи, что эти гордыя губы отвѣтятъ на его поцѣлуи, что эти умные глаза съ нѣжностью — да, съ нѣжностію—остановятся на его глазахъ, и голова его закружится, и онъ забудется на мигъ, пока опять не вспыхнетъ въ немъ негодованіе. Онъ ловилъ самого себя на всякаго рода „постыдныхъ“ мысляхъ, точно бѣсъ его дразнилъ. Ему казалось иногда, что и въ Одинцовой происходитъ перемѣна, что въ выраженіи ея лица проявлялось что-то особенное, что̀, можетъ-быть... Но тутъ онъ обыкновенно топалъ ногою или скрежеталъ зубами и грозилъ себѣ кулакомъ.

А между тѣмъ Базаровъ не совсѣмъ ошибался. Онъ поразилъ воображеніе Одинцовой; онъ занималъ ее, она много о немъ думала. Въ его отсутствіи она не скучала, не ждала его; но его появленіе тотчасъ ее оживляло; она охотно оставалась съ нимъ наединѣ и охотно съ нимъ разговаривала, даже тогда, когда онъ ее сердилъ или оскорблялъ ея вкусъ, ея изящныя привычки. Она какъ будто хотѣла и его испытать и себя извѣдать.

Однажды онъ, гуляя съ ней по саду, внезапно промолвилъ угрюмымъ голосомъ, что намѣренъ скоро уѣхать въ деревню къ отцу.... Она поблѣднѣла, словно ее что̀ въ сердце кольнуло, да такъ кольнуло, что она удивилась и долго потомъ размышляла о томъ, что̀ бы это значило. Базаровъ объявилъ ей о своемъ отъѣздѣ не съ мыслію испытать ее, посмотрѣть что изъ этого выдетъ: онъ никогда не „сочинялъ“. Утромъ того дня онъ видѣлся съ отцовскимъ прикащикомъ, бывшимъ своимъ дядькой, Тимоѳеичемъ. Этотъ Тимофеичъ, потертый и проворный старичокъ, съ выцвѣтшими желтыми волосами, вывѣтреннымъ краснымъ лицомъ и крошечными слезинками въ съеженныхъ глазахъ, неожиданно предсталъ передъ Базаровымъ въ своей коротенькой чуйкѣ изъ толстаго сѣро-синеватаго сукна, подпо-

ясанный ременнымъ обрывочкомъ и въ дегтярныхъ сапогахъ.

— А, старина, здравствуй! воскликнулъ Базаровъ.

— Здравствуйте, батюшка Евгеній Васильичъ, началъ старичокъ и радостно улыбнулся, отчего все лицо его вдругъ покрылось морщинами.

— Зачѣмъ пожаловалъ? За мной, что ль, прислали?

— Помилуйте, батюшка, какъ можно! залепеталъ Тимоѳеичъ (онъ вспомнилъ строгій наказъ, полученный отъ барина при отъѣздѣ).—Въ городъ по господскимъ дѣламъ ѣхали, да про вашу милость услыхали, такъ вотъ и завернули по пути, то-есть,—посмотрѣть на вашу милость... а то какъ же можно безпокоить!

— Ну, не ври, перебилъ его Базаровъ.—Въ городъ тебѣ развѣ здѣсь дорога?—Тимоѳеичъ помялся и ничего не отвѣчалъ.—Отецъ здоровъ?

— Слава Богу-съ.

— А мать?

— И Арина Власьевна, слава тебѣ Господи.

— Ждутъ меня, небось?

Старичокъ склонилъ на бокъ свою крошечную головку.—Ахъ, Евгеній Васильичъ, какъ не ждать-то-съ! Вѣрите ли Богу, сердце изныло на родителей на вашихъ глядючи.

— Ну, хорошо, хорошо! не расписывай. Скажи имъ, что скоро буду.

— Слушаю-съ, со вздохомъ отвѣчалъ Тимоѳеичъ. Выйдя изъ дома, онъ обѣими руками нахлобучилъ себѣ картузъ на голову, взобрался на убогія бѣговыя дрожки, оставленныя имъ у воротъ, и поплелся рысцой, только не въ направленіи города.

Вечеромъ того же дня Одинцова сидѣла у себя въ комнатѣ съ Базаровымъ, а Аркадій расхаживалъ по залѣ и слушалъ игру Кати. Княжна ушла къ себѣ наверхъ; она вообще терпѣть не могла гостей, и въ особенности этихъ „новыхъ оголтѣлыхъ“, какъ она ихъ называла. Въ парадныхъ комнатахъ она только дулась; зато у себя, передъ своею горничной, она разражалась иногда такою бранью, что чепецъ прыгалъ у ней на головѣ вмѣстѣ съ накладкой. Одинцова все это знала.

— Какъ же это вы ѣхать собираетесь, начала она,—а обѣщаніе ваше?

Базаровъ встрепенулся.—Какое-съ?

— Вы забыли? Вы хотѣли дать мнѣ нѣсколько уроковъ химіи.

— Что дѣлать-съ! Отецъ меня ждетъ; нельзя мнѣ больше мѣшкать. Впрочемъ, вы можете прочесть Pelouse et Fremy, *Notions Générales de Chimie*: книга хорошая и написана ясно. Вы въ ней найдете все, что нужно.

— А помните, вы меня увѣряли, что книга не можетъ замѣнить... я забыла какъ вы выразились, но вы знаете что я хочу сказать... помните?

— Что̀ дѣлать-съ! повторилъ Базаровъ.

— Зачѣмъ ѣхать? проговорила Одинцова, понизивъ голосъ.

Онъ взглянулъ на нее. Она закинула голову на спинку креселъ и скрестила на груди руки, обнаженныя до локтей. Она казалась блѣднѣй при свѣтѣ одинокой лампы, завѣшенной вырѣзною бумажною сѣткой. Широкое бѣлое платье покрывало ее всю своими мягкими складками; едва виднѣлись кончики ея ногъ, тоже скрещенныхъ.

— А зачѣмъ оставаться? отвѣчалъ Базаровъ.

Одинцова слегка повернула голову.—Какъ зачѣмъ? Развѣ вамъ у меня не весело? Или вы думаете, что объ васъ здѣсь жалѣть не будутъ?

— Я въ этомъ убѣжденъ.

Одинцова помолчала.—Напрасно вы это думаете. Впрочемъ, я вамъ не вѣрю. Вы не могли сказать это серіозно. Базаровъ продолжалъ сидѣть неподвижно.—Евгеній Васильевичъ, что̀ же вы молчите?

— Да что̀ мнѣ сказать вамъ? О людяхъ вообще жалѣть не сто́итъ, а обо мнѣ подавно.

— Это почему?

— Я человѣкъ положительный, неинтересный. Говорить не умѣю.

— Вы напрашиваетесь на любезность, Евгеній Васильевичъ.

— Это не въ моихъ привычкахъ. Развѣ вы не знаете сами, что изящная сторона жизни мнѣ недоступна, та сторона, которою вы такъ дорожите?

Одинцова покусала уголъ носоваго платка.—Думайте, что̀ хотите, но мнѣ будетъ скучно, когда вы уѣдете.

— Аркадій останется, замѣтилъ Базаровъ.

Одинцова слегка пожала плечомъ.—Мнѣ будетъ скучно, повторила она.

— Въ самомъ дѣлѣ? Во всякомъ случаѣ долго вы скучать не будете.

— Отчего вы такъ полагаете?

— Оттого, что вы сами мнѣ сказали, что скучаете только тогда, когда вашъ порядокъ нарушается. Вы такъ непогрѣшительно-правильно устроили вашу жизнь, что въ ней не можетъ быть мѣста ни скукѣ, ни тоскѣ, ни какимъ тяжелымъ чувствамъ.

— И вы находите, что я непогрѣшительна... то-есть, что я такъ правильно устроила свою жизнь?

— Еще бы! Да вотъ напримѣръ: черезъ нѣсколько минутъ пробьетъ десять часовъ и я уже напередъ знаю, что вы прогоните меня.

— Нѣтъ, я васъ не прогоню, Евгеній Васильичъ. Вы можете остаться. Отворите это окно... мнѣ что-то душно.

Базаровъ всталъ и толкнулъ окно. Оно разомъ со стукомъ распахнулось... Онъ не ожидалъ, что оно такъ легко отворялось; притомъ его руки дрожали. Темная, мягкая ночь глянула въ комнату съ своимъ почти черным небомъ, слабо-шумѣвшими деревьями и свѣжимъ запахомъ вольнаго, чистаго воздуха.

— Спустите стору и сядьте, промолвила Одинцова:—мнѣ хочется поболтать съ вами передъ вашимъ отъѣздомъ. Разкажите мнѣ что-нибудь о самомъ себѣ; вы никогда о себѣ не говорите.

— Я стараюсь бесѣдовать съ вами о предметахъ полезныхъ, Анна Сергѣевна.

— Вы очень скромны... Но мнѣ хотѣлось бы узнать что-нибудь о васъ, о вашемъ семействѣ, о вашемъ отцѣ, для котораго вы насъ покидаете.

„Зачѣмъ она говоритъ такія слова?“ подумалъ Базаровъ.—Все это нисколько незанимательно, произнесъ онъ вслухъ Особенно для васъ; мы люди темные...

— А я, по вашему, аристократка?

Базаровъ поднялъ глаза на Одинцову.—Да, промолвилъ онъ преувеличенно-рѣзко.

Она усмѣхнулась.—Я вижу вы меня знаете мало, хотя

вы и увѣряете, что всѣ люди другъ на друга похожи, и что ихъ изучать не стоитъ. Я вамъ когда-нибудь разкажу свою жизнь... но вы мнѣ прежде разкажите свою.

— Я васъ знаю мало, повторилъ Базаровъ.—Можетъ-быть, вы правы; можетъ-быть, точно, всякій человѣкъ—загадка. Да хоть вы, напримѣръ: вы чуждаетесь общества, вы имъ тяготитесь,—и пригласили къ себѣ на жительство двухъ студентовъ. Зачѣмъ вы, съ вашимъ умомъ, съ вашей красотою, живете въ деревнѣ?

— Какъ? Какъ вы это сказали? съ живостью подхватила Одинцова.—Съ моей... красотой.

Базаровъ нахмурился.—Это все равно, пробормоталъ онъ,—я хотѣлъ сказать, что не понимаю хорошенько, зачѣмъ вы поселились въ деревнѣ?

— Вы этого не понимаете... Однако, вы объясняете это себѣ какъ-нибудь?

— Да... я полагаю, что вы постоянно остаетесь на одномъ мѣстѣ потому что вы себя избаловали, потому что вы очень любите комфортъ, удобства, а ко всему остальному очень равнодушны.

Одинцова опять усмѣхнулась.—Вы рѣшительно не хотите вѣрить, что я способна увлекаться?

Базаровъ изподлобья взглянулъ на нее. — Любопытствомъ—пожалуй; но не иначе.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, теперь я понимаю, почему мы сошлись съ вами; вѣдь и вы такой же какъ я.

— Мы сошлись... глухо промолвилъ Базаровъ.

— Да!.. вѣдь я забыла, что вы хотите уѣхать.

Базаровъ всталъ. Лампа тускло горѣла посреди потемнѣвшей, благовонной, уединенной комнаты; сквозь изрѣдка колыхавшуюся стору вливалась раздражительная свѣжесть ночи, слышалось ея таинственное шептаніе. Одинцова не шевелилась ни однимъ членомъ, но тайное волненіе охватывало ее понемногу... Оно сообщилось Базарову. Онъ вдругъ почувствовалъ себя наединѣ съ молодою, прекрасною женщиной...

— Куда вы? медленно проговорила она.

Онъ ничего не отвѣчалъ и опустился на стулъ.

— Итакъ, вы считаете меня спокойнымъ, изнѣженнымъ, избалованнымъ существомъ, продолжала она тѣмъ же голосомъ,

не спуская глазъ съ окна.—А я такъ знаю о себѣ, что я очень несчастлива.

— Вы несчастливы! Отчего? Неужели вы можете придавать какое-нибудь значеніе дряннымъ сплетнямъ?

Одинцова нахмурилась. Ей стало досадно, что онъ *такъ* ее понялъ.

— Меня эти сплетни даже не смѣшатъ, Евгеній Васильичъ, и я слишкомъ горда, чтобы позволить имъ меня безпокоить. Я несчастлива оттого... что нѣтъ во мнѣ желанія, охоты жить. Вы недовѣрчиво на меня смотрите, вы думаете: это говоритъ „аристократка“, которая вся въ кружевахъ и сидитъ на бархатномъ креслѣ. Я и не скрываюсь: я люблю то, что̀ вы называете комфортомъ, и въ то же время я мало желаю жить. Примирите это противорѣчіе какъ знаете. Впрочемъ, это все въ вашихъ глазахъ романтизмъ.

Базаровъ покачалъ головою.—Вы здоровы, независимы, богаты; чего же еще? Чего вы хотите?

— Чего я хочу, повторила Одинцова, и вздохнула.—Я очень устала, я стара; мнѣ кажется, я очень давно живу. Да, я стара, прибавила она, тихонько натягивая концы мантильи на свои обнаженныя руки.—Ея глаза встрѣтились съ глазами Базарова, и она чуть-чуть покраснѣла.—Позади меня уже такъ много воспоминаній: жизнь въ Петербургѣ, богатство, потомъ бѣдность, потомъ смерть отца, замужство, потомъ заграничная поѣздка, какъ слѣдуетъ.. воспоминаній много, а вспоминать нечего, а впереди, передо мной—длинная, длинная дорога, а цѣли нѣтъ... Мнѣ и не хочется идти.

— Вы такъ разочарованы? спросилъ Базаровъ.

— Нѣтъ, промолвила съ разстановкой Одинцова,—но я неудовлетворена. Кажется, еслибъ я могла сильно привязаться къ чему-нибудь..

— Вамъ хочется полюбить, перебилъ ее Базаровъ,—а полюбить вы не можете: вотъ въ чемъ ваше несчастіе.

Одинцова принялась разсматривать рукава своей мантильи.—Развѣ я не могу полюбить? промолвила она.

— Едва ли! Только я напрасно назвалъ это несчастіемъ. Напротивъ, тотъ скорѣе достоинъ сожалѣнія, съ кѣмъ эта штука случается.

— Случается, что?

— Полюбить.

— А вы почемъ это знаете?

— Понаслышкѣ, сердито отвѣчалъ Базаровъ. „Ты кокетничаешь“, подумалъ онъ, „ты скучаешь и дразнишь меня отъ нечего-дѣлать, а мнѣ...“

Сердце у него, дѣйствительно, такъ и рвалось.

— Притомъ, вы, можетъ-быть, слишкомъ требовательны, промолвилъ онъ, наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ и играя бахрамою кресла.

— Можетъ-быть. По моему, или все или ничего. Жизнь за жизнь. Взялъ мою, отдай свою, и тогда уже безъ сожлѣнія и безъ возврата. А то лучше и не надо.

— Что жь? замѣтилъ Базаровъ:—это условіе справедливое, и я удивляюсь, какъ вы до сихъ поръ... не нашли, чего желали.

— А вы думаете легко отдаться вполнѣ чему бы то ни было.

— Не легко, если станешь размышлять да выжидать, да самому себѣ придавать цѣну, дорожить собою, то-есть; а не размышляя отдаться очень легко.

— Какъ же собою не дорожить? Если я не имѣю никакой цѣны, кому же нужна моя преданность?

— Это уже не мое дѣло; это дѣло другаго разбирать, какая моя цѣна. Главное, надо умѣть отдаться.

Одинцова отдѣлилась отъ спинки кресла.—Вы говорите такъ, начала она,—какъ будто вы все это испытали...

— Къ слову пришлось, Анна Сергѣвна; это все, вы знаете, не по моей части.

— Но вы бы сумѣли отдаться?

— Не знаю, хвастаться не хочу.

Одинцова ничего не сказала, и Базаровъ умолкъ. Звуки фортепіяно долетѣли до нихъ изъ гостиной.

— Что это Катя какъ поздно играетъ, замѣтила Одинцова.

Базаровъ поднялся.—Да, теперь точно поздно, вамъ пора почивать.

— Погодите, куда же вы спѣшите... мнѣ нужно сказать вамъ одно слово.

— Какое?

— Погодите, шепнула Одинцова.—Ея глаза остановились на Базаровѣ; казалось, она внимательно его разсматривала.

Онъ прошелся по комнатѣ, потомъ вдругъ приблизился

къ ней, торопливо сказалъ „прощайте,“ стиснулъ ей руку такъ что она чуть не вскрикнула, и вышелъ вонъ. Она поднесла свои склеившіеся пальцы къ губамъ, подула на нихъ, и внезапно, порывисто поднявшись съ кресла, направилась быстрыми шагами къ двери, какъ бы желая вернуть Базарова. Горничная вошла въ комнату съ графиномъ на серебряномъ подносѣ. Одинцова остановилась, велѣла ей уйдти и сѣла опять, и опять задумалась. Коса ея развилась и темною змѣей упала къ ней на плечо.

Лампа еще долго горѣла въ комнатѣ Анны Сергѣевны, и долго она оставалась неподвижною, лишь изрѣдка проводя пальцами по своимъ рукамъ, которыя слегка покусывалъ ночной холодъ.

А Базаровъ, часа два спустя, вернулся къ себѣ въ спальню съ мокрыми отъ росы сапогами, взъерошенный и угрюмый. Онъ засталъ Аркадія за письменнымъ столомъ, съ книгой въ рукахъ, въ застегнутомъ до верху сюртукѣ.

— Ты еще не ложился? проговорилъ онъ какъ бы съ досадой.

— Ты долго сидѣлъ сегодня съ Анной Сергѣевной, промолвилъ Аркадій, не отвѣчая на его вопросъ.

— Да, я съ ней сидѣлъ все время, пока вы съ Катериной Сергѣевной играли на фортепіяно.

— Я не игралъ... началъ было Аркадій, и умолкъ. Онъ чувствовалъ, что слезы приступали къ его глазамъ, а ему не хотѣлось заплакать передъ своимъ насмѣшливымъ другомъ.

XVIII.

На слѣдующій день, когда Одинцова явилась къ чаю, Базаровъ долго сидѣлъ нагнувшись надъ своею чашкой, да вдругъ взглянулъ на нее. Она обернулась къ нему, какъ будто онъ ее толкнулъ, и ему показалось, что лицо ея слегка поблѣднѣло за ночь. Она скоро ушла къ себѣ въ комнату и появилась только къ завтраку. Съ утра погода стояла дождливая, не было возможности гулять. Все общество собралось въ гостиную. Аркадій досталъ послѣдній номеръ журнала, и началъ читать. Княжна, по обыкновенію своему, сперва выразила на лицѣ своемъ удивленіе, точно онъ затѣвалъ нѣчто неприличное, потомъ злобно

уставилась на него, но онъ не обратилъ на нее вниманія.

— Евгеній Васильичъ, проговорила Анна Сергѣевна, — пойдемте ко мнѣ... Я хочу у васъ спросить... Вы назвали вчера одно руководство...

Она встала и направилась къ дверямъ. Княжна посмотрѣла вокругъ съ такимъ выраженіемъ, какъ бы желала сказать: „посмотрите, посмотрите, какъ я изумляюсь!“ и опять уставилась на Аркадія, но онъ возвысилъ голосъ и, переглянувшись съ Катей, возлѣ которой сидѣлъ, продолжалъ чтеніе.

Одинцова скорыми шагами дошла до своего кабинета. Базаровъ проворно слѣдовалъ за нею, не поднимая глазъ и только ловя слухомъ тонкій свистъ и шелестъ скользившаго передъ нимъ шелковаго платья. Одинцова опустилась на то же самое кресло, на которомъ сидѣла наканунѣ, и Базаровъ занялъ вчерашнее свое мѣсто.

— Такъ какъ же называется эта книга? начала она послѣ небольшаго молчанія.

— Pelouse et Frémy, *Notions générales*... отвѣчалъ Базаровъ.—Впрочемъ, можно вамъ также порекомендовать Ganot, *Traité élémentaire de physique expérimentale*. Въ этомъ сочиненіи рисунки отчетливѣе и вообще этотъ учебникъ...

Одинцова протянула руку.—Евгеній Васильичъ, извините меня, но я позвала васъ сюда не съ тѣмъ, чтобы разсуждать объ учебникахъ. Мнѣ хотѣлось возобновить нашъ вчерашній разговоръ. Вы ушли такъ внезапно... Вамъ не будетъ скучно?

— Я къ вашимъ услугамъ, Анна Сергѣевна. Но о чемъ, бишь, бесѣдовали мы вчера съ вами?

Одинцова бросила косвенный взглядъ на Базарова.—Мы говорили съ вами, кажется, о счастіи. Я вамъ разказывала о самой себѣ. Кстати вотъ, я упомянула слово „счастіе“. Скажите, отчего, даже когда мы наслаждаемся, напримѣръ музыкой, хорошимъ вечеромъ, разговоромъ съ симпатическими людьми, отчего все это кажется скорѣе намекомъ на какое-то безмѣрное, гдѣ-то существующее счастіе, чѣмъ дѣйствительнымъ счастіемъ, то-есть такимъ, которымъ мы сами обладаемъ? Отчего это? Или вы, можетъ-быть, ничего подобнаго не ощущаете?

— Вы знаете поговорку: „тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ“,

возразилъ Базаровъ:—притомъ же вы сами сказали вчера, что вы неудовлетворены. А мнѣ въ голову, точно, такія мысли не приходятъ.

— Можетъ-быть онѣ кажутся вамъ смѣшными?

— Нѣтъ, но онѣ мнѣ не приходятъ въ голову.

— Въ самомъ дѣлѣ? Знаете, я бы очень желала знать, о чемъ *вы* думаете?

— Какъ? Я васъ не понимаю.

— Послушайте, я давно хотѣла объясниться съ вами. Вамъ нечего говорить,—вамъ это самимъ извѣстно,—что вы человѣкъ не изъ числа обыкновенныхъ; вы еще молоды—вся жизнь передъ вами. Чему вы себя готовите? какая будущность ожидаетъ васъ; я хочу сказать—какой цѣли вы хотите достигнуть, куда вы идете, что̀ у васъ на душѣ; словомъ, кто вы, что̀ вы?

— Вы меня удивляете, Анна Сергѣевна. Вамъ извѣстно, что я занимаюсь естественными науками, а кто̀ я...

— Да, кто̀ вы?

— Я уже докладывалъ вамъ, что я будущій уѣздный лѣкарь.

Анна Сергѣевна сдѣлала нетерпѣливое движеніе.—Зачѣмъ вы это говорите? Вы этому сами не вѣрите. Аркадій могъ бы мнѣ отвѣчать такъ, а не вы.

— Да чѣмъ же Аркадій...

— Перестаньте! Возможно ли, чтобы вы удовольствовались такою скромною дѣятельностью, и не сами ли вы всегда утверждаете, что для васъ медицина не существуетъ. Вы—съ вашимъ самолюбіемъ — уѣздный лѣкарь! Вы мнѣ отвѣчаете такъ, чтобъ отдѣлаться отъ меня, потому что вы не имѣете никакого довѣрія ко мнѣ. А знаете ли, Евгеній Васильичъ, что я умѣла бы понять васъ: я сама была бѣдна и самолюбива, какъ вы; я прошла, можетъ-быть, черезъ такія же испытанія, какъ и вы.

— Все это прекрасно, Анна Сергѣевна, но вы меня извините... я вообще не привыкъ высказываться, и между вами и мною такое разстояніе...

— Какое разстояніе?—Вы опять̀ мнѣ скажете, что я аристократка?—Полноте, Евгеній Васильичъ; я вамъ, кажется, доказала...

— Да и кромѣ того, перебилъ Базаровъ,—что̀ за охота говорить и думать о будущемъ, которое большею частью

не отъ насъ зависитъ? Выйдетъ случай что-нибудь сдѣлать—прекрасно, а не выйдетъ—по крайней мѣрѣ тѣмъ будешь доволенъ, что заранѣе напрасно не болталъ.

— Вы называете дружескую бесѣду болтовней... Или, можетъ-быть, вы меня, какъ женщину, не считаете достойною вашего довѣрія?—Вѣдь вы насъ всѣхъ презираете!

— Васъ я не презираю, Анна Сергѣевна, и вы это знаете.

— Нѣтъ, я ничего не знаю... но положимъ; я понимаю ваше нежеланіе говорить о будущей вашей дѣятельности: но то, что̀ въ васъ теперь происходитъ....

— Происходитъ! повторилъ Базаровъ:—точно я государство какое или общество! Во всякомъ случаѣ, это вовсе не любопытно; и притомъ, развѣ человѣкъ всегда можетъ громко сказать все, что̀ въ немъ „происходитъ?“

— А я не вижу, почему нельзя высказать все, что̀ имѣешь на душѣ.

— *Вы* можете? спросилъ Базаровъ.

— Могу, отвѣчала Анна Сергѣевна послѣ небольшаго колебанія.

Базаровъ наклонилъ голову.—Вы счастливѣе меня.

Анна Сергѣевна вопросительно посмотрѣла на него.—Какъ хотите, продолжала она,—а мнѣ все-таки что-то говоритъ, что мы сошлись не даромъ, что мы будемъ хорошими друзьями. Я увѣрена, что ваша эта, какъ бы сказать, ваша напряженность, сдержанность исчезнетъ наконецъ.

— А вы замѣтили во мнѣ сдержанность... какъ вы еще выразились? напряженность?

— Да.

Базаровъ всталъ и подошелъ къ окну.—И вы желали бы знать причину этой сдержанности, вы желали бы азнть, что̀ во мнѣ происходитъ?

— Да, повторила Одинцова, съ какимъ то ей еще непонятнымъ испугомъ.

— И вы не разсердитесь?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ?—Базаровъ стоялъ къ ней спиною.—Такъ знайте же, что я люблю васъ глупо, безумно... Вотъ чего вы добились.

Одинцова протянула впередъ обѣ руки, а Базаровъ

уперся лбомъ въ стекло окна. Онъ задыхался; все тѣло его видимо трепетало. Но это было не трепетаніе юношеской робости, не сладкій ужасъ перваго признанія овладѣлъ имъ: это страсть въ немъ билась, сильная и тяжелая—страсть, похожая на злобу и, быть-можетъ, сродни ей... Одинцовой стало и страшно, и жалко его.

— Евгеній Васильичъ, проговорила она, и невольная нѣжность зазвенѣла въ ея голосѣ.

Онъ быстро обернулся, бросилъ на нее пожирающій взоръ—и, схвативъ ея обѣ руки, внезапно привлекъ ее къ себѣ на грудь...

Она не тотчасъ освободилась изъ его объятій; но мгновенье спустя, она уже стояла далеко въ углу, и глядѣла оттуда на Базарова.

Онъ рванулся къ ней...

— Вы меня не поняли, прошептала она съ торопливымъ испугомъ. Казалось, шагни онъ еще разъ, она бы вскрикнула... Базаровъ закусилъ губы и вышелъ.

Полчаса спустя служанка подала Аннѣ Сергѣевнѣ записку отъ Базарова; она состояла изъ одной только строчки: „долженъ ли я сегодня уѣхать—или могу остаться до завтра?“—„Зачѣмъ уѣзжать? — Я васъ не понимала — вы меня не поняли,“ отвѣтила ему Анна Сергѣевна, а сама подумала: „я и себя не понимала.“

Она до обѣда не показывалась, и все ходила взадъ и впередъ по своей комнатѣ, заложивъ руки назадъ, изрѣдка останавливаясь то передъ окномъ, то передъ зеркаломъ, и медленно проводила платкомъ по шеѣ, на которой ей все чудилось горячее пятно. Она спрашивала себя, что̀ заставляло ее „добиваться“, по выраженію Базарова, его откровенности, и не подозрѣвала ли она чего-нибудь... „Я виновата“, промолвила она вслухъ, „но я это не могла предвидѣть“. Она задумывалась и краснѣла, вспоминая почти звѣрское лицо Базарова, когда онъ бросился къ ней.

„Или?“ произнесла она вдругъ, и остановилась, и тряхнула кудрями... Она увидала себя въ зеркалѣ; ея назадъ-закинутая голова съ таинственною улыбкой на полу-закрытыхъ, полу-раскрытыхъ глазахъ и губахъ, казалось, говорила ей въ этотъ мигъ что-то такое, отъ чего она сама смутилась...

„Нѣтъ, рѣшила она наконецъ,—Богъ знаетъ, куда бы

это повело; этимъ нельзя шутить, спокойствіе все-таки лучше всего на свѣтѣ."

Ея спокойствіе не было потрясено; но она опечалилась, и даже всплакнула разъ, сама не зная отчего, только не отъ нанесеннаго оскорбленія. Она не чувствовала себя оскорбленною: она скорѣе чувствовала себя виноватою. Подъ вліяніемъ различныхъ смутныхъ чувствъ, сознанія уходящей жизни, желанія новизны, она заставила себя дойдти до извѣстной черты, заставила себя заглянуть за нее—и увидала за ней, даже не бездну, а пустоту... или безобразіе.

XIX.

Какъ ни владѣла собою Одинцова, какъ ни стояла выше всякихъ предразсудковъ, но и ей было неловко, когда она явилась въ столовую, къ обѣду. Впрочемъ, онъ прошелъ довольно благополучно. Порфирій Платонычъ пріѣхалъ и разказалъ разные анекдоты; онъ только что вернулся изъ города. Между прочимъ, онъ сообщилъ, что губернаторъ Бурдалу приказалъ своимъ чиновникамъ по особымъ порученіямъ носить шпоры, на случай, если онъ пошлетъ ихъ куда-нибудь, для скорости, верхомъ. Аркадій вполголоса разсуждалъ съ Катей и дипломатически прислуживался княжнѣ. Базаровъ упорно и угрюмо молчалъ. Одинцова раза два—прямо, не украдкой—посмотрѣла на его лицо, строгое и желчное, съ опущенными глазами, съ отпечаткомъ презрительной рѣшимости въ каждой чертѣ, и подумала: „нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ..." Послѣ обѣда она со всѣмъ обществомъ отправилась въ садъ и, видя, что Базаровъ желаетъ заговорить съ нею, сдѣлала нѣсколько шаговъ въ сторону и остановилась.

Онъ приблизился къ ней, но и тутъ не поднялъ глазъ, и глухо промолвилъ:

— Я долженъ извиниться передъ вами, Анна Сергѣевна. Вы не можете не гнѣваться на меня.

— Нѣтъ, я на васъ не сержусь, Евгеній Васильичъ, отвѣчала Одинцова,—но я огорчена.

— Тѣмъ хуже. Во всякомъ случаѣ, я довольно наказанъ. Мое положеніе, съ этимъ вы вѣроятно согласитесь, самое глупое. Вы мнѣ написали: зачѣмъ уѣзжать? А я не могу и не хочу остаться. Завтра меня здѣсь не будетъ.

— Евгеній Васильичъ, зачѣмъ вы...

— Зачѣмъ я уѣзжаю?

— Нѣтъ, я не то хотѣла сказать.

— Прошедшаго не воротишь, Анна Сергѣвна... а рано или поздно это должно было случиться. Слѣдовательно, мнѣ надобно уѣхать. Я понимаю только одно условіе, при которомъ я бы могъ остаться; но этому условію не бывать никогда. Вѣдь вы, извините мою дерзость, не любите меня и не полюбите никогда?

Глаза Базарова сверкнули на мгновенье изъ-подъ темныхъ его бровей.

Анна Сергѣевна не отвѣчала ему. „Я боюсь этого человѣка“, мелькнуло у ней въ головѣ.

— Прощайте-съ, проговорилъ Базаровъ, какъ бы угадавъ ея мысль, и направился къ дому.

Анна Сергѣевна тихонько пошла вслѣдъ за нимъ и, подозвавъ Катю, взяла ее подъ руку. Она не разставалась съ ней до самаго вечера. Въ карты она играть не стала, и все больше посмѣивалась, что̀ вовсе не шло къ ея поблѣднѣвшему и смущенному лицу. Аркадій недоумѣвалъ и наблюдалъ за нею, какъ молодые люди наблюдаютъ, то-есть постоянно вопрошалъ самого себя: что̀, молъ, это значитъ? Базаровъ заперся у себя въ комнатѣ, къ чаю онъ однако вернулся. Аннѣ Сергѣевнѣ хотѣлось сказать ему какое-нибудь доброе слово, но она не знала, ка́къ заговорить съ нимъ...

Неожиданный случай вывелъ ее изъ затрудненія: дворецкій доложилъ о пріѣздѣ Ситникова.

Трудно передать словами, какою перепелкой влетѣлъ въ комнату молодой прогрессистъ, Рѣшившись, съ свойственною ему назойливостью, поѣхать въ деревню къ женщинѣ, которую онъ едва зналъ, которая никогда его не приглашала, но у которой, по собраннымъ свѣдѣніямъ, гостили такіе умные и близкіе ему люди, онъ все-таки робѣлъ до мозга костей и вмѣсто того, чтобы произнести заранѣе затверженныя извиненія и привѣтствія, пробормоталъ ка́кую-то дрянь, что Евдоксія, дескать, Кукшина прислала его узнать о здоровьи Анны Сергѣевны, и что Аркадій Николаевичъ тоже ему всегда отзывался съ величайшею похвалой. На этомъ словѣ онъ запнулся и потерялся до того, что сѣлъ на собственную шляпу. Однако, такъ какъ никто его не прогналъ и Анна Сергѣевна даже представила его теткѣ и сестрѣ,

онъ скоро оправился и затрещалъ на славу. Появленіе пошлости бываетъ часто полезно въ жизни: она ослабляетъ слишкомъ высоко настроенныя струны, отрезвляетъ самоувѣренныя или самозабывчивыя чувства, напоминая имъ свое близкое родство съ ними. Съ прибытіемъ Ситникова все стало какъ-то тупѣе, пустѣе и проще; всѣ даже поужинали плотнѣй и разошлись спать получасомъ раньше обыкновеннаго.

— Я могу тебѣ теперь повторить, говорилъ, лежа въ постели, Аркадій Базарову, который тоже раздѣлся,—то, что̀ ты мнѣ сказалъ однажды: „Отчего ты такъ грустенъ? Вѣрно исполнилъ какой-нибудь священный долгъ?“—Между обоими молодыми людьми съ нѣкоторыхъ поръ установилось какое-то лжеразвязное подтруниваніе, что̀ всегда служитъ признакомъ тайнаго неудовольствія невысказанныхъ подозрѣній.

— Я завтра къ батькѣ уѣзжаю, проговорилъ Базаровъ.

Аркадій приподнялся и уперся на локоть. Онъ и удивился, и почему-то обрадовался. — А! промолвилъ онъ.—И ты отъ этого грустенъ?

Базаровъ зѣвнулъ.—Много будешь знать—состарѣешься.

— А какъ же Анна Сергѣевна? продолжалъ Аркадій.

— Что̀ такое Анна Сергѣевна?

— Я хочу сказать: развѣ она тебя отпуститъ?

— Я у ней не нанимался.

Аркадій задумался, а Базаровъ легъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи.—Евгеній! воскликнулъ вдругъ Аркадій.

— Ну?

— Я завтра съ тобой уѣду тоже.

Базаровъ ничего не отвѣчалъ.

— Только я домой поѣду, продолжалъ Аркадій.—Мы вмѣстѣ отправимся до Хохловскихъ выселковъ, а тамъ ты возьмешь у Ѳедота лошадей. Я бы съ удовольствіемъ познакомился съ твоими, да я боюсь и ихъ стѣснить, и тебя. Вѣдь ты потомъ опять пріѣдешь къ намъ?

— Я у васъ свои вещи оставилъ, отозвался Базаровъ, не оборачиваясь.

„Зачѣмъ же онъ меня не спрашиваетъ, почему я ѣду? и такъ же внезапно, какъ и онъ?“ подумалъ Аркадій. „Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ я ѣду, и зачѣмъ онъ ѣдетъ?“ продолжалъ онъ

свои размышленія. Онъ не могъ отвѣчать удовлетворительно на собственный вопросъ, а сердце его наполнялось чѣмъ-то ѣдкимъ. Онъ чувствовалъ, что тяжело ему будетъ разстаться съ этою жизнью, къ которой онъ такъ привыкъ; но и оставаться одному было какъ-то странно. „Что-то у нихъ произошло, разсуждалъ онъ самъ съ собою, зачѣмъ же я буду торчать передъ нею послѣ отъѣзда? я ей окончательно надоѣмъ; я и послѣднее потеряю.“ Онъ началъ представлять себѣ Анну Сергѣевну; потомъ другія черты понемногу проступили сквозь красивый обликъ молодой вдовы.

„Жаль и Кати!“ шепнулъ Аркадій въ подушку, на которую уже капнула слеза... Онъ вдругъ вскинулъ волосами и громко промолвилъ:—На какого чорта этотъ глупецъ Ситниковъ пожаловалъ?

Базаровъ сперва пошевелился на постели, а потомъ произнесъ слѣдующее:—Ты, братъ, глупъ еще, я вижу. Ситниковы намъ небходимы. Мнѣ, пойми ты это—мнѣ нужны подобные олухи. Не богамъ же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигать!...

„Эге, ге!...“ подумалъ про себя Аркадій, и тутъ только открылась ему на мигъ вся бездонная пропасть Базаро скаго самолюбія.—Мы стало-быть съ тобою боги?—То-есть—ты богъ? А олухъ ужь не я ли?

— Да, повторилъ угрюмо Базаровъ,—ты еще глупъ.

Одинцова не изъявила особеннаго удивленія, когда на другой день Аркадій сказалъ ей, что уѣзжаетъ съ Базаровымъ; она казалась разсѣянною и усталою. Катя молча и серіозно посмотрѣла на него, княжна даже перекрестилась подъ своею шалью, такъ-что онъ не могъ этого не замѣтить; за то Ситниковъ совершенно переполошился. Онъ только что сошелъ къ завтраку въ новомъ щегольскомъ, на этотъ разъ не славянофильскомъ нарядѣ; наканунѣ онъ удивилъ приставленнаго къ нему человѣка множествомъ навезеннаго имъ бѣлья, и вдругъ его товарищи его покидаютъ!—Онъ немножко посеменилъ ногами, пометался, какъ гонный заяцъ на опушкѣ лѣса,—и внезапно, почти съ испугомъ, почти съ крикомъ объявилъ, что и онъ намѣренъ уѣхать. Одинцова не стала его удерживать.—У меня очень покойная коляска, прибавилъ несчастный молодой человѣкъ, обращаясь къ Аркадію,—я могу васъ подвезти, а Евгеній Вавильичъ можетъ взять вашъ тарантасъ; такъ оно даже удобнѣе будетъ.

— Да помилуйте, вамъ совсѣмъ не подорогѣ, и до меня далеко.

— Это ничего, ничего; времени у меня много, притомъ у меня въ той сторонѣ дѣла есть.

— По откупамъ? спросилъ Аркадій, уже слишкомъ презрительно.

Но Ситниковъ находился въ такомъ отчаяніи, что, противъ обыкновенія, даже не засмѣялся. — Я васъ увѣряю, коляска чрезвычайно покойная, пробормоталъ онъ,—и всѣмъ мѣсто будетъ.

— Не огорчайте мсье Ситникова отказомъ, промолвила Анна Сергѣевна... Аркадій взглянулъ на нее и значительно наклонилъ голову.

Гости уѣхали послѣ завтрака. Прощаясь съ Базаровымъ, Одинцова протянула ему руку и сказала:—мы еще увидимся, не правда ли?

— Какъ прикажете, отвѣтилъ Базаровъ.

— Въ такомъ случаѣ, мы увидимся.

Аркадій первый вышелъ на крыльцо: онъ взобрался въ ситниковскую коляску. Его почтительно подсаживалъ дворецкій, а онъ бы съ удовольствіемъ его побилъ или расплакался. Базаровъ помѣстился въ тарантасъ. — Добравшись до Хохловскихъ выселковъ, Аркадій подождалъ, пока Ѳедотъ, содержатель постоялаго двора, запрегъ лошадей, и, подойдя къ тарантасу, съ прежнею улыбкой сказалъ Базарову:—Евгеній, возьми меня съ собой; я хочу къ тебѣ поѣхать.

— Садись, произнесъ сквозь зубы Базаровъ.

Ситниковъ, который расхаживалъ, бойко посвистывая, вокругъ колесъ своего экипажа, только ротъ разинулъ, услышавъ эти слова, а Аркадій хладнокровно вынулъ свои вещи изъ его коляски, сѣлъ возлѣ Базарова—и, учтиво поклонившись своему бывшему спутнику, крикнулъ: „трогай!“ Тарантасъ покатилъ и скоро исчезъ изъ вида... Ситниковъ, окончательно сконфуженный, посмотрѣлъ на своего кучера, но тотъ игралъ кнутикомъ надъ хвостомъ пристяжной Тогда Ситниковъ вскочилъ въ коляску—и, загремѣвъ на двухъ проходившихъ мужиковъ: „надѣньте, шапки, дураки!“—потащился въ городъ, куда прибылъ очень поздно и гдѣ на слѣдующій день у Кукшиной сильно досталось двумъ „противнымъ гордецамъ и невѣжамъ“.

Садясь въ тарантасъ къ Базарову, Аркадій крѣпко стис-

нулъ ему руку и долго ничего не говорилъ. Казалось, Базаровъ понялъ и оцѣнилъ и это пожатіе, и это молчаніе. Предшествовавшую ночь онъ всю не спалъ, и не курилъ, и почти ничего не ѣлъ уже нѣсколько дней. Сумрачно и рѣзко выдавался его похудалый профиль изъ-подъ нахлобученной фуражки.

— Что̀, братъ, проговорилъ онъ наконецъ,—дай-ка сигарку... Да посмотри, чай, желтый у меня языкъ?

— Желтый, отвѣчалъ Аркадій.

— Ну да... вотъ и сигарка невкусна.—Расклеилась машина.

— Ты, дѣйствительно, измѣнился въ это послѣднее время, замѣтилъ Аркадій.

— Ничего! поправимся. Одно скучно,—мать у меня такая сердобольная: коли брюха не отростилъ, да не ѣшь десять разъ на день, она и убивается. Ну, отецъ ничего, тотъ самъ былъ вездѣ, и въ ситѣ, и въ рѣшетѣ. Нѣтъ, нельзя курить, прибавилъ онъ, и швырнулъ сигарку въ пыль дороги.

— До твоего имѣнія двадцать пять верстъ? спросилъ Аркадій.

— Двадцать пять. Да вотъ спроси у этого мудреца. Онъ указалъ на сидѣвшаго на козлахъ мужика, Ѳедотова работника.

Но мужикъ отвѣчалъ, что: „хтошь е знаетъ — версты тутотка не мѣряныя“, и продолжалъ вполголоса бранить коренную за то, что она „головизной лягаетъ,“ то-есть дергаетъ головой.

— Да, да, заговорилъ Базаровъ,—урокъ вамъ, юный другъ мой, поучительный нѣкій примѣръ. Чортъ знаетъ, что̀ за вздоръ! Каждый человѣкъ на ниточкѣ виситъ, бездна ежеминутно подъ нимъ разверзнуться можетъ, а онъ еще самъ придумываетъ себѣ всякія непріятности, портитъ свою жизнь.

— Ты на что̀ намекаешь? спросилъ Аркадій.

— Я ни на что̀ не намекаю, я прямо говорю, что мы оба съ тобою очень глупо себя вели. Что̀ тутъ толковать! Но я уже въ клиникѣ замѣтилъ: кто злится на свою боль — тотъ непремѣнно ее побѣдитъ.

— Я тебя не совсѣмъ понимаю, промолвилъ Аркадій,—кажется, тебѣ не на что было пожаловаться.

— А коли не совсѣмъ меня понимаешь, такъ я тебѣ до-

ложу слѣдующее: по моему—лучше камни бить на мостовой, чѣмъ позволить женщинѣ завладѣть хотя бы кончикомъ пальца. Это все... Базаровъ чуть было не произнесъ своего любимаго слова „романтизмъ“—да удержался, и сказалъ: вздоръ.—Ты мнѣ теперь не повѣришь, но я тебѣ говорю: мы вотъ съ тобой попали въ женское общество, и намъ было пріятно; но бросить подобное общество—все равно, что въ жаркій день холодною водой окатиться.—Мущинѣ некогда заниматься такими пустяками; мущина долженъ быть свирѣпъ, гласитъ отличная испанская поговорка. Вѣдь вотъ ты, прибавилъ онъ, обращаясь къ сидѣвшему на козлахъ мужику—ты, умница, есть у тебя жена?

Мужикъ показалъ обоимъ пріятелямъ свое плоское и подслѣповатое лицо.

— Жена-то? Есть. Какъ не быть женѣ.

— Ты ее бьешь?

— Жену-то? Всяко случается. Безъ причины не бьемъ.

— И прекрасно. Ну, а она тебя бьетъ?

Мужикъ задергалъ возжами.—Эко слово ты сказалъ, баринъ. Тебѣ бы все шутить... Онъ видимо обидѣлся.

— Слышишь, Аркадій Николаевичъ! А насъ съ вами прибили... вотъ оно что̀ значитъ быть образованными людьми.

Аркадій принужденно засмѣялся, а Базаровъ отвернулся и во всю дорогу уже не разѣвалъ рта.

Двадцать пять верстъ показались Аркадію за цѣлыхъ пятьдесятъ. Но вотъ на скатѣ пологаго холма открылась наконецъ небольшая деревушка, гдѣ жили родители Базарова. Рядомъ съ нею, въ молодой березовой рощицѣ, виднѣлся дворянскій домикъ подъ соломенною крышей. У первой избы стояли два мужика въ шапкахъ и бранились.—Большая ты свинья, говорилъ одинъ другому, а хуже малаго поросенка.—А твоя жена—колдунья, возражалъ другой.

— По непринужденности обращенія, замѣтилъ Аркадію Базаровъ,—и по игривости оборотовъ рѣчи, ты можешь судить, что мужики у моего отца не слишкомъ притѣснены. Да вотъ и онъ самъ выходитъ на крыльцо своего жилища. Услыхалъ, знать, колокольчикъ. Онъ, онъ—узнаю его фигуру. Эге, ге! какъ онъ однако посѣдѣлъ, бѣдняга!

XX.

Базаровъ высунулся изъ тарантаса, а Аркадій вытянулъ голову изъ-за спины своего товарища, и увидалъ на крылечкѣ господскаго домика высокаго, худощаваго человѣка съ взъерошенными волосами и тонкимъ орлинымъ носомъ, одѣтаго въ старый военный сюртукъ на распашку. Онъ стоялъ, растопыривъ ноги, курилъ длинную трубку и щурился отъ солнца.

Лошади остановились.—Наконецъ пожаловалъ, проговорилъ отецъ Базарова, все продолжая курить, хотя чубукъ такъ и прыгалъ у него между пальцами.—Ну вылѣзай, вылѣзай, „почеломкаемся.“

Онъ сталъ обнимать сына... „Енюша, Енюша“, раздался трепещущій женскій голосъ. Дверь распахнулась и на порогѣ показалась кругленькая, низенькая старушка, въ бѣломъ чепцѣ и короткой пестрой кофточкѣ. Она ахнула, пошатнулась и навѣрно бы упала, еслибы Базаровъ не поддержалъ ея. Пухлыя ея ручки мгновенно обвились вокругъ его шеи, голова прижалась къ его груди, и все замолкло. Только слышались ея прерывистыя всхлипыванья. Старикъ Базаровъ глубоко дышалъ и щурился пуще прежняго.

— Ну, полно, полно, Ариша! перестань, заговорилъ онъ, помѣнявшись взглядомъ съ Аркадіемъ, который стоялъ неподвижно у тарантаса, между тѣмъ какъ мужикъ на козлахъ даже отвернулся:—это совсѣмъ не нужно! пожалуста перестань.

— Ахъ, Василій Иванычъ, пролепетала старушка,—въ кой-то вѣки батюшку-то моего, голубчика-то, Енюшеньку... и, не разжимая руки, она отодвинула отъ Базарова свое мокрое отъ слезъ, смятое и умиленное лицо, посмотрѣла на него какими-то блаженными и смѣшными глазами, и опять къ нему припала.

— Ну да, конечно, это все въ натурѣ вещей, промолвилъ Василій Иванычъ,—только лучше ужь въ комнату пойдемъ. Съ Евгеніемъ вотъ гость пріѣхалъ. Извините, прибавилъ онъ, обращаясь къ Аркадію и шаркнувъ слегка ногой, —вы понимаете, женская слабость; ну и сердце матери...

А у самаго и губы, и брови дергало, и подбородокъ тряс-ся... но онъ видимо желалъ побѣдить себя и казаться чуть не равнодушнымъ.

Аркадій наклонился.—Пойдемте, матушка, въ самомъ дѣлѣ, промолвилъ Базаровъ, и повелъ въ домъ ослабѣвшую ста-рушку. Усадивъ ее въ покойное кресло, онъ еще разъ на-скоро обнялся съ отцомъ и представилъ ему Аркадія.

— Душевно радъ знакомству, проговорилъ Василій Ива-новичъ,—только ужь вы не взыщите: у меня здѣсь все по простотѣ, на военную ногу. Арина Власьевна, успокойся, сдѣлай одолженіе; что за малодушіе? Господинъ гость дол-женъ осудить тебя.

— Батюшка, сквозь слезы проговорила старушка,—имени и отчества не имѣю чести знать...

— Аркадій Николаичъ, съ важностію, вполголоса, подска-залъ Василій Ивановичъ.

— Извините меня, глупую. Старушка высморкалась и, на-гибая голову то направо, то налѣво, тщательно утерла одинъ глазъ послѣ другаго.—Извините вы меня. Вѣдь я такъ и думала, что умру, не дождусь моего го...о....о..лубчика.

— А вотъ и дождались, сударыня, подхватилъ Василій Иванычъ.—Танюшка, обратился онъ къ босоногой дѣвочкѣ лѣтъ тринадцати, въ ярко-красномъ ситцевомъ платьѣ, пуг-ливо выглядывавшей изъ-за двери,—принеси барынѣ ста-канъ воды—на подносѣ, слышишь? а васъ, господа, прибав-илъ онъ съ какою-то старомодною игривостью,—позвольте попросить въ кабинетъ къ отставному ветерану.

— Хоть еше разочекъ дай обнять себя, Енюшечка, про-стонала Арина Власьевна. Базаровъ нагнулся къ ней.—Да какой же ты красавчикъ сталъ!

— Ну, красавчикъ не красавчикъ, замѣтилъ Василій Ива-нычъ,—а муцина, какъ говорится—*оммфе*. А теперь, я на-дѣюсь, Арина Власьевна, что насытивъ свое материнское сердце, ты позаботишься о насыщеніи своихъ дорогихъ го-стей, потому что, тебѣ извѣстно, соловья баснями кормить не слѣдуетъ.

Старушка привстала съ креселъ.—Сію минуту, Василій Иванычъ, столъ накрытъ будетъ, сама въ кухню сбѣгаю и са-моваръ поставить велю, все будетъ, все. Вѣдь три года его не видала, не кормила, не поила, легко ли?

— Ну, смотри же, хозяюшка, хлопочи, не острамись; а

васъ, господа, прошу за мной пожаловать. Вотъ и Тимоѳеичъ явился къ тебѣ на поклонъ, Евгеній. И онъ, чай, обрадовался, старый барбосъ. Что? вѣдь обрадовался, старый барбосъ? Милости просимъ за мной. И Василій Ивановичъ суетливо пошелъ впередъ, шаркая и шлепая стоптанными туфлями.

Весь его домикъ состоялъ изъ шести крошечныхъ комнатъ. Одна изъ нихъ, та, куда онъ привелъ нашихъ пріятелей, называлась кабинетомъ. Толстоногій столъ, заваленный почернѣвшими отъ старинной пыли, словно прокопченными бумагами, занималъ весь промежутокъ между двумя окнами; по стѣнамъ висѣли турецкія ружья, нагайки, сабля, двѣ ландкарты, какіе-то анатомическіе рисунки, портретъ Гуфеланда, вензель изъ волосъ въ черной рамкѣ и дипломъ подъ стекломъ; кожаный, кое-гдѣ продавленный и разорванный диванъ, помѣщался между двумя громадными шкапами изъ карельской березы; на полкахъ въ безпорядкѣ тѣснились книги, каробочки, птичьи чучелы, банки, пузырьки; въ одномъ углу стояла сломанная электрическая машина.

— Я васъ предупредилъ, любезный мой посѣтитель, началъ Василій Ивановичъ, — что мы живемъ здѣсь, такъ сказать, на бивуакахъ...

— Да перестань, что ты извиняешься! перебилъ Базаровъ. Кирсановъ очень хорошо знаетъ, что мы съ тобой не крезы, и что у тебя не дворецъ.—Куда мы его помѣстимъ, вотъ вопросъ.

— Помилуй, Евгеній; тамъ у меня во флигелькѣ отличная комнатка; имъ тамъ очень хорошо будетъ.

— Такъ у тебя и флигелекъ завелся?

— Какъ же-съ; гдѣ баня-съ, вмѣшался Тимоѳеичъ.

— То-есть рядомъ съ баней, поспѣшно присовокупилъ Василій Ивановичъ.—Теперь же лѣто... Я сейчасъ сбѣгаю туда, распоряжусь; а ты бы, Тимоѳеичъ, пока ихъ вещи внесъ. Тебѣ, Евгеній, я, разумѣется предоставлю мой кабинетъ. Suum cuique.

— Вотъ тебѣ на! Презабавный старикашка, прибавилъ Базаровъ, какъ только Василій Ивановичъ вышелъ.—Такой же чудакъ, какъ твой, только въ другомъ родѣ.—Много ужь очень болтаетъ.

— И мать твоя, кажется, прекрасная женщина, замѣтилъ Аркадій.

— Да, она у меня безъ хитрости. Обѣдъ намъ, посмотри, какой задастъ.

— Сегодня васъ не ждали, батюшка, говядинки не привезли, промолвилъ Тимоѳеичъ, который только что втащилъ Базаровскій чемоданъ.

— И безъ говядинки обойдемся, на нѣтъ и суда нѣтъ.— Бѣдность, говорятъ, не порокъ.

— Сколько у твоего отца душъ? спросилъ вдругъ Аркадій.

— Имѣніе не его, а матери; душъ, помнится, пятнадцать.

— И всѣ двадцать двѣ, съ неудовольствіемъ замѣтилъ Тимоѳеичъ.

Послышалось шлепаніе туфель и снова появился Василій Ивановичъ.—Черезъ нѣсколько минутъ ваша комната будетъ готова принять васъ, воскликнулъ онъ съ торжественностію, Аркадій... Николаичъ? Такъ, кажется, вы изволите величаться? А вотъ вамъ и прислуга, прибавилъ онъ, указывая на вошедшаго съ нимъ коротко-остриженнаго мальчика въ синемъ, на локтяхъ прорванномъ кафтанѣ и въ чужихъ сапогахъ. Зовутъ его Ѳедькой. Опять-таки повторяю, хотя сынъ и запрещаетъ, не взыщите. Впрочемъ, трубку набивать онъ умѣетъ. Вѣдь вы курите?

— Я курю больше сигары, отвѣтилъ Аркадій.

— И весьма благоразумно поступаете. Я самъ отдаю преферансъ сигаркамъ, но въ нашихъ уединенныхъ краяхъ доставать ихъ чрезвычайно затруднительно.

— Да полно тебѣ Лазаря пѣть, перебилъ опять Базаровъ.— Сядь лучше вотъ тутъ на диванъ, да дай на себя посмотрѣть.

Василій Ивановичъ засмѣялся и сѣлъ. Онъ очень походилъ лицомъ на своего сына, только лобъ у него былъ ниже и уже, и ротъ немного шире, и онъ безпрестанно двигался, поводилъ плечами, точно платье ему подъ мышками рѣзало, моргалъ, покашливалъ и шевелилъ пальцами, между тѣмъ какъ сынъ его отличался какою-то небрежною неподвижностію.

— Лазаря пѣть! повторилъ Василій Иванычъ.—Ты, Евгеній, не думай, что я хочу, такъ сказать, разжалобить гостя: вотъ, молъ, мы въ какомъ захолустьѣ живемъ. Я, напротивъ, того мнѣнія, что для человѣка мыслящаго нѣтъ захолустья. По крайней мѣрѣ, я стараюсь, по возможности, не зарости, какъ говорится, мохомъ, не отстать отъ вѣка.

Василій Ивановичъ вытащилъ изъ кармана новый желтый фуляръ, который успѣлъ захватить, бѣгая въ Аркадіеву ком-

нату, и продолжалъ, помавая имъ по воздуху:—я уже не говорю о томъ, что я, напримѣръ, не безъ чувствительныхъ для себя пожертвованій, посадилъ мужиковъ на оброкъ и отдалъ имъ свою землю изъ-пола. Я считалъ это своимъ долгомъ, самое благоразуміе въ этомъ случаѣ повелѣваетъ, хотя другіе владѣльцы даже не помышляютъ объ этомъ; я говорю о наукахъ, объ образованіи.

— Да; вотъ я вижу у тебя, — *Другъ здравія* на 1855 годъ, замѣтилъ Базаровъ.

— Мнѣ его по знакомству старый товарищъ высылаетъ, поспѣшно проговорилъ Василій Иванычъ,—но мы, напримѣръ, и о френологіи имѣемъ понятіе, прибавилъ онъ, обращаясь впрочемъ болѣе къ Аркадію и указывая на стоявшую на шкапѣ небольшую гипсовую головку, разбитую на нумерованные четыреугольники—намъ и Шенлейнъ не остался безызвѣстенъ и Радемахеръ.

— А въ Радемахера еще вѣрятъ въ*** губерніи? спросилъ Базаровъ.

Василій Ивановичъ закашлялъ.—Въ губерніи... Конечно, вамъ, господа, лучше знать, гдѣ жь намъ за вами угоняться? Вѣдь вы намъ на смѣну пришли. И въ мое время какой нибудь гуморалистъ Гоффманъ, какой-нибудь Броунъ съ его витализмомъ—казались очень смѣшны, а вѣдь тоже гремѣли когда-то. Кто-нибудь новый замѣнилъ у васъ Радемахера, вы ему поклоняетесь, а черезъ двадцать лѣтъ, пожалуй, и надъ тѣмъ смѣяться будутъ.

— Скажу тебѣ въ утѣшеніе, промолвилъ Базаровъ:—что мы теперь вообще надъ медициной смѣемся и ни передъ кѣмъ не преклоняемся.

— Какъ же это такъ? Вѣдь ты докторомъ хочешь быть?

— Хочу,—да одно другому не мѣшаетъ.

Василій Ивановичъ потыкалъ третьимъ пальцемъ въ трубку, гдѣ еще оставалось немного горячей золы.—Ну, можетъ быть, можетъ быть—спорить не стану. Вѣдь я что?—Отставной штабъ-лѣкарь, *волату*; теперь вотъ въ агрономы попалъ.—Я у вашего дѣдушки въ бригадѣ служилъ, обратился онъ опять къ Аркадію,—да-съ, да-съ;—много я на своемъ вѣку видалъ видовъ.—И въ какихъ только обществахъ не бывалъ, съ кѣмъ не важивался!—Я, тотъ самый я, котораго вы изволите видѣть теперь передъ собою, я у князя Витгенштейна, и у Жуковскаго пульсъ щупалъ! Тѣхъ-то, въ

южной-то арміи, по четырнадцатому, вы понимаете (и тутъ Василій Ивановичъ значительно сжалъ губы), всѣхъ зналъ наперечетъ. Ну да вѣдь мое дѣло — сторона: знай свой ланцетъ и баста! А дѣдушка вашъ очень почтенный былъ человѣкъ, настоящій военный.

— Сознайся, дубина была порядочная, лѣниво промолвилъ Базаровъ.

— Ахъ Евгеній, какъ это ты выражаешься! помилосердуй.... Конечно, генералъ Кирсановъ не принадлежалъ къ числу...

— Ну, брось его, перебилъ Базаровъ.—Я, какъ подъѣзжалъ сюда, порадовался на твою березовую рощицу: славно вытянулась.

Василій Ивановичъ оживился.—А ты посмотри, садикъ у меня теперь какой! Самъ каждое деревцо сажалъ. И фрукты есть, и ягоды, и всякія медицинскія травы. Ужь какъ вы тамъ ни хитрите, господа молодые, а все-таки старикъ Парацельсій святую правду изрекъ: in herbis, verbis et lapidibus... Вѣдь я, ты знаешь, отъ практики отказался, а раза два въ недѣлю приходится стариной тряхнуть. Идутъ за совѣтомъ—нельзя же гнать въ шею. Случается, бѣдные прибѣгаютъ къ помощи. Да и докторовъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Одинъ здѣшній сосѣдъ, представь, отставной майоръ, тоже лѣчитъ. Я спрашиваю о немъ: учился ли онъ медицинѣ? Говорятъ мнѣ: нѣтъ, онъ не учился, онъ больше изъ филантропіи... Ха, ха! изъ филантропіи! а? каково? ха, ха! ха, ха!

— Ѳедька! набей мнѣ трубку! сурово проговорилъ Базаровъ.

— А то здѣсь другой докторъ—пріѣзжаетъ къ больному, продолжалъ съ какимъ-то отчаяньемъ Василій Ивановичъ,—а больной уже ad patres; человѣкъ и не пускаетъ доктора, говоритъ: теперь больше не надо. Тотъ этого не ожидалъ, сконфузился и спрашиваетъ: „что, баринъ, передъ смертью икалъ?“—„Икали-съ.“—„И много икалъ?“— Много.—„А, ну—это хорошо“—да и верть назадъ. Ха ха ха!

Старикъ одинъ засмѣялся; Аркадій выразилъ улыбку на своемъ лицѣ, Базаровъ только затянулся. Бесѣда продолжалась такимъ образомъ около часа; Аркадій успѣлъ сходить въ свою комнату, которая оказалась предбанникомъ, но очень уютнымъ и чистымъ. Наконецъ вошла Танюша и доложила, что обѣдъ готовъ.

Василій Ивановичъ первый поднялся.—Пойдемте, господа! Извините великодушно, коли наскучилъ. Авось хозяйка моя удовлетворитъ васъ болѣе моего!

Обѣдъ, хотя наскоро сготовленный, вышелъ очень хорошій, даже обильный, только вино немного, какъ говорится, подгуляло: почти черный хересъ, купленный Тимоѳеичемъ въ городѣ у знакомаго купца, отзывался не то мѣдью, не то канифолью;—и мухи тоже мѣшали. Въ обыкновенное время дворовый мальчикъ ихъ отгонялъ большою зеленою вѣткой; но на этотъ разъ Василій Ивановичъ услалъ его изъ боязни осужденія со стороны юнаго поколѣнія. Арина Власьевна успѣла принарядиться; надѣла высокій чепецъ съ шелковыми лентами и голубую шаль съ разводами. Она опять всплакнула, какъ только увидѣла своего Енюшку, но мужу не пришлось ее усовѣщевать: она сама поскорѣй утерла свои слезы, чтобы не закапать шаль. Ѣли одни молодые люди: хозяева давно пообѣдали. Прислуживалъ Ѳедька, видимо обремененный необычными, сапогами, да помогала ему женщина съ мужественнымъ лицомъ и кривая, по имени Анфисушка, исполнявшая должности ключницы, птичницы и прачки. Василій Ивановичъ во все время обѣда расхаживалъ по комнатѣ и съ совершенно счастливымъ и даже блаженнымъ видомъ говорилъ о тяжкихъ опасеніяхъ, внушаемыхъ ему наполеоновскою политикой и запутанностью итальянскаго вопроса. Арина Власьевна не замѣчала Аркадія, не подчивала его; подперши кулачкомъ свое круглое лицо, которому одутловатыя, вишневаго цвѣта губки и родинки на щекахъ и надъ бровями придавали выраженіе очень добродушное, она не сводила глазъ съ сына и все вздыхала: ей смертельно хотѣлось узнать, на сколько времени онъ пріѣхалъ, но спросить его она боялась. „Ну, какъ скажетъ на два дня“, думала она, и сердце у ней замирало. Послѣ жаренаго Василій Ивановичъ исчезъ на мгновеніе и возвратился съ откупоренною полубутылкой шампанскаго. „Вотъ,“ воскликнулъ онъ,—„хоть мы и въ глуши живемъ, а въ торжественныхъ случаяхъ имѣемъ чѣмъ себя повеселить!“—Онъ налилъ три бокала и рюмку, провозгласилъ здоровье „неоцѣненныхъ посѣтителей“ и разомъ, по военному, хлопнулъ свой бокалъ, а Арину Власьевну заставилъ выпить рюмку до послѣдней капельки. Когда настала очередь варенья,

Аркадій, не терпѣвшій ничего сладкаго, почелъ однако своею обязанностью отвѣдать отъ четырехъ различныхъ, только что сваренныхъ сортовъ, тѣмъ болѣе что Базаровъ отказался наотрѣзъ и тотчасъ закурилъ сигарку. Потомъ явился на сцену чай со сливками, съ масломъ и кренделями; потомъ Василій Ивановичъ повелъ всѣхъ въ садъ, для того чтобы полюбоваться красотою вечера. Проходя мимо скамейки, онъ шепнулъ Аркадію:—На семъ мѣстѣ я люблю философствовать, глядя на захожденіе солнца: оно приличествуетъ пустыннику. А тамъ подальше я посадилъ нѣсколько деревьевъ, любимыхъ Гораціемъ.

— Что̀ за деревья? спросилъ, вслушавшись, Базаровъ.

— А какъ же... акаціи.

Базаровъ началъ зѣвать.

— Я полагаю, пора путешественникамъ въ объятія къ Морфею, замѣтилъ Василій Ивановичъ.

— То-есть, пора спать! подхватилъ Базаровъ.—Это сужденіе справедливое. Пора, точно.

Прощаясь съ матерью, онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, — а она обняла его и за спиной украдкой его благословила трижды. Василій Ивановичъ проводилъ Аркадія въ его комнату и пожелалъ ему „такого благодатнаго отдохновенія, какое и я вкушалъ въ ваши счастливыя лѣта.“ И дѣйствительно, Аркадію отлично спалось въ своемъ предбанникѣ: въ немъ пахло мятой, и два сверчка въ перебивку усыпительно трещали за печкой. Василій Ивановичъ отправился отъ Аркадія въ свой кабинетъ и, прикорнувъ на диванѣ въ ногахъ у сына, собирался, было, поболтать съ нимъ; но Базаровъ тотчасъ его отослалъ, говоря, что ему спать хочется, а самъ не заснулъ до утра. Широко раскрывъ глаза, онъ злобно глядѣлъ въ темноту: воспоминанія дѣтства не имѣли власти надъ нимъ, и онъ еще не успѣлъ отдѣлаться отъ послѣднихъ горькихъ впечатлѣній. Арина Власьевна сперва помолилась въ сласть; потомъ долго, долго бесѣдовала съ Анфисушкой, которая, ставъ какъ вкопанная передъ барыней и вперивъ въ нее свой единственный глазъ, передавала ей таинственнымъ шепотомъ всѣ свои замѣчанія и соображенія на счетъ Евгенія Васильевича. У старушки отъ радости, отъ вина, отъ сигарочнаго дыма совсѣмъ закружилась голова; мужъ заговорилъ было съ ней, и махнулъ рукою.

Арина Власьевна была настоящая русская дворяночка прежняго времени; ей бы слѣдовало жить лѣтъ за двѣсти, въ старо-московскія времена. Она была очень набожна и чувствительна, вѣрила во всевозможныя примѣты, гаданья, заговоры, сны; вѣрила въ юродивыхъ, въ домовыхъ, въ лѣшихъ, дурныя встрѣчи, въ порчу, въ народныя лѣкарства, въ четверговую соль, въ скорый конецъ свѣта; вѣрила, что если въ Свѣтлое Воскресеніе на всенощной не погаснутъ свѣчи, то гречиха хорошо уродится, и что грибъ больше не растетъ, если его человѣческій глазъ увидитъ; вѣрила, что чортъ любитъ быть тамъ, гдѣ вода, и что у каждаго Жида на груди кровавое пятнышко; боялась мышей, ужей, лягушекъ, воробьевъ, піявокъ, грома, холодной воды, сквознаго вѣтра, лошадей, козловъ, рыжихъ людей и черныхъ кошекъ, и почитала сверчковъ и собакъ нечистыми животными; не ѣла ни телятины, ни голубей, ни раковъ, ни сыру, ни спаржи, ни земляныхъ грушъ, ни зайца, ни арбузовъ, потому что взрѣзанный арбузъ напоминаетъ голову Іоанна Предтечи; а объ устрицахъ говорила не иначе, какъ съ содроганіемъ; любила покушать — и строго постилась; спала десять часовъ въ сутки—и не ложилась вовсе, если у Василія Ивановича заболѣвала голова; не прочла ни одной книги, кромѣ *Алексиса или Хижины въ лѣсу*; писала одно, много два письма въ годъ, а въ хозяйствѣ, сушеньи и вареньи знала толкъ, хотя своими руками ни до чего не прикасалась и вообще неохотно двигалась съ мѣста. Арина Власьевна была очень добра и, по своему, вовсе не глупа. Она знала, что есть на свѣтѣ господа, которые должны приказывать, и простой народъ, который долженъ служить, — а потому не гнушалась ни подобострастіемъ, ни земными поклонами; но съ подчиненными обходилась ласково и кротко, ни одного нищаго не пропускала безъ подачки и никогда никого не осуждала, хотя и сплетничала подчасъ. Въ молодости она была очень миловидна, играла на клавикордахъ и изъяснялась немного по-французски; но въ теченіи многолѣтнихъ странствій съ своимъ мужемъ, за котораго она вышла противъ воли, расплылась и позабыла и музыку, и французскій языкъ. Сына своего она любила и боялась несказанно; управленіе имѣніемъ предоставила Василію Ивановичу — и уже не входила ни во что; она охала, отмахивалась платкомъ и отъ испуга подымала брови все выше и выше, какъ только ея старикъ

начиналъ толковать о предстоявшихъ преобразованіяхъ и о своихъ планахъ. Она была мнительна, постоянно ждала какого-то большаго несчастья, и тотчасъ плакала, какъ только вспоминала о чемъ-нибудь печальномъ... Подобныя женщины теперь уже переводятся. Богъ знаетъ,—слѣдуетъ ли радоваться этому!

XXI.

Вставъ съ постели, Аркадій раскрылъ окно, — и первый предметъ, бросившійся ему въ глаза, былъ Василій Ивановичъ. Въ бухарскомъ шлафрокѣ, подпоясанный носовымъ платкомъ, старикъ усердно рылся въ огородѣ. Онъ замѣтилъ своего молодаго гостя и, опершись на лопату, воскликнулъ:— Здравія желаемъ! Какъ почивать изволили!

— Прекрасно, отвѣчалъ Аркадій.

— А я здѣсь, вы видите, какъ нѣкій Цинциннатъ: грядку подъ позднюю рѣпу отбиваю. Теперь настало такое время,— да и слава Богу!—что каждый долженъ собственными руками пропитаніе себѣ доставлять; на другихъ нечего надѣяться: надобно трудиться самому. И выходитъ, что Жанъ-Жакъ Руссо правъ. Полчаса тому назадъ, сударь вы мой, вы бы увидали меня въ совершенно другой позиціи. Одной бабѣ, которая жаловалась на гнетку,—это по ихнему, а по нашему—диссентерію,—я... какъ бы выразится лучше... я вливалъ опіумъ; а другой я зубъ вырвалъ. Этой я предложилъ эѳеризацію... только она не согласилась. Но это я дѣлаю gratis—*анаматеръ*. Впрочемъ, мнѣ не въ диво: я вѣдь плебей, homo novus—не изъ столбовыхъ, не то, что моя благовѣрная... А неугодно ли пожаловать сюда въ тѣнь, вдохнуть передъ чаемъ утреннюю свѣжесть?

Аркадій вышелъ къ нему.

— Добро пожаловать еще разъ! промолвилъ Василій Ивановичъ, прикладывая по военному руку къ засаленной ермолкѣ, прикрывавшей его голову.—Вы, я знаю, привыкли къ роскоши, къ удовольствіямъ, но и великіе міра сего не гнушаются провести короткое время подъ кровомъ хижины.

— Помилуйте, Василій Иванычъ, возопилъ Аркадій,—какой же я великій міра сего? И къ роскоши я не привыкъ.

— Позвольте, позвольте, возразилъ съ любезною ужимкой Василій Ивановичъ.—Я хоть теперь и сданъ въ архивъ, а

тоже потерся въ свѣтѣ—узнаю птицу по полету. Я тоже психологъ по своему и физіогномистъ. Не имѣй я этого, смѣю сказать, дара,—давно бы я пропалъ; затерли бы меня, маленькаго человѣка. Скажу вамъ безъ комплиментовъ: дружба, которую я замѣчаю между вами и моимъ сыномъ, меня искренно радуетъ. Я сейчасъ видѣлся съ нимъ: онъ, по обыкновенію своему, вѣроятно вамъ извѣстному, вскочилъ очень рано и побѣжалъ по окрестностямъ. Позвольте полюбопытствовать,—вы давно съ моимъ Евгеніемъ знакомы?

— Съ нынѣшней зимы.

— Такъ-съ. И позвольте васъ еще спросить,—но не присѣсть ли намъ? — Позвольте васъ спросить, какъ отцу, со всею откровенностью: какого вы мнѣнія о моемъ Евгеніѣ?

— Вашъ сынъ—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, съ которыми я когда-либо встрѣчался, съ живостью отвѣчалъ Аркадій.

Глаза Василія Ивановича внезапно раскрылись и щеки его слабо вспыхнули. Лопата вывалилась изъ его рукъ.

— Итакъ, вы полагаете, началъ онъ...

— Я увѣренъ, подхватилъ Аркадій,—что сына вашего ждетъ великая будущность, что онъ прославитъ ваше имя. Я убѣдился въ этомъ съ первой нашей встрѣчи.

— Какъ... какъ это было? едва проговорилъ Василій Ивановичъ. Восторженная улыбка раздвинула его широкія губы, и уже не сходила съ нихъ.

— Вы хотите знать, какъ мы встрѣтились?

— Да... и вообще...

Аркадій началъ разказывать и говорить о Базаровѣ еще съ бо́льшимъ жаромъ, съ бо́льшимъ увлеченіемъ, чѣмъ въ тотъ вечеръ, когда онъ танцовалъ мазурку съ Одинцовой. Василій Ивановичъ его слушалъ, слушалъ, сморкался, каталъ платокъ въ обѣихъ рукахъ, кашлялъ, ерошилъ свои волосы—и наконецъ не вытерпѣлъ: нагнулся къ Аркадію и поцѣловалъ его въ плечо.—Вы меня совершенно осчастливили, промолвилъ онъ, не переставая улыбаться, — я долженъ вамъ сказать, что я... боготворю моего сына; о моей старухѣ я уже не говорю: извѣстно—мать!—но я не смѣю при немъ выказывать свои чувства, потому что онъ этого не любитъ. Онъ врагъ всѣхъ изліяній; многіе его даже осуждаютъ за таковую твердость его нрава и видятъ въ ней признакъ гордости или безчувствія; но подобныхъ ему людей не прихо-

дится мѣрить обыкновеннымъ аршиномъ, не правда ли? Да вотъ напримѣръ: другой на его мѣстѣ тянулъ бы да тянулъ съ своихъ родителей; а у насъ,—повѣрите ли? онъ отроду лишней копѣйки не взялъ, ей Богу!

— Онъ безкорыстный, честный человѣкъ, замѣтилъ Аркадій.

—Именно безкорыстный. А я, Аркадій Николаичъ, не только боготворю, я горжусь имъ, и все мое честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы современемъ въ его біографіи стояли слѣдующія слова: сынъ простаго штабъ-лѣкаря, который, однако, рано умѣлъ разгадать его и ничего не жалѣлъ для его воспитанія... Голосъ старика перервался.

Аркадій стиснулъ ему руку.

— Какъ вы думаете, спросилъ Василій Ивановичъ послѣ нѣкотораго молчанія,—вѣдь онъ не на медицинскомъ поприщѣ достигнетъ той извѣстности, которую вы ему пророчите?

— Разумѣется, не на медицинскомъ, хотя онъ и въ этомъ отношеніи будетъ изъ первыхъ ученыхъ.

— На какомъ же, Аркадій Николаичъ?

— Это трудно сказать теперь, но онъ будетъ знаменитъ.

— Онъ будетъ знаменитъ! повторилъ старикъ и погрузился въ думу.

— Арина Власьевна приказали просить чай кушать, проговорила Анфисушка, проходя мимо съ огромнымъ блюдомъ спѣлой малины.

Василій Ивановичъ встрепенулся.—А холодныя сливки къ малинѣ будутъ?

— Будутъ-съ.

— Да холодныя, смотри! Не церемоньтесь, Аркадій Николаичъ,—берите больше. Что жь это Евгеній не идетъ?

— Я здѣсь, раздался голосъ Базарова, изъ Аркадіевой комнаты.

Василій Ивановичъ быстро обернулся.—Ага! ты захотѣлъ посѣтить своего пріятеля; но ты опоздалъ, amice, и мы имѣли уже съ нимъ продолжительную бесѣду. Теперь надо идти чай пить: мать зоветъ. Кстати мнѣ нужно съ тобой поговорить.

— О чемъ?

— Здѣсь есть одинъ мужичокъ, онъ страдаетъ иктеромъ.

— То-есть желтухой?

— Да, хроническимъ и очень упорнымъ иктеромъ. Я про-

писывалъ ему золототысячникъ и звѣробой; морковь заставлялъ ѣсть, давалъ соду; это все *полліативныя* средства; надо что-нибудь порѣшительнѣй. Ты хоть и смѣешься надъ медициной, а я увѣренъ, можешь подать мнѣ дѣльный совѣтъ. Но объ этомъ рѣчь впереди. А теперь пойдемъ чай пить.

Василій Ивановичъ живо вскочилъ съ скамейки и запѣлъ изъ Роберта:

„Законъ, законъ, законъ себѣ поставимъ
На ра... на ра... на радости пожить!“

— Замѣчательная живучесть! проговорилъ, отходя отъ окна, Базаровъ.

Насталъ полдень. Солнце жгло изъ-за тонкой завѣсы сплошныхъ бѣловатыхъ облаковъ. Все молчало: одни пѣтухи задорно перекликались на деревнѣ, возбуждая въ каждомъ, кто ихъ слышалъ, странное ощущеніе дремоты и скуки; да гдѣ-то высоко въ верхушкѣ деревьевъ звенѣлъ плаксивымъ призывомъ немолчный писк молодаго ястребка. Аркадій и Базаровъ лежали въ тѣни небольшаго стога сѣна, подостлавши подъ себя охапки двѣ шумливо-сухой, но еще зеленой и душистой травы.

— Та осина, заговорилъ Базаровъ,—напоминаетъ мнѣ мое дѣтство; она растетъ на краю ямы, оставшейся отъ кирпичнаго сарая, и я въ то время былъ увѣренъ, что эта яма и осина обладали особеннымъ талисманомъ: я никогда не скучалъ возлѣ нихъ. Я понималъ тогда, что я не скучалъ отъ того, что былъ ребенкомъ. Ну, теперь я взрослый, талисманъ не дѣйствуетъ.

— Сколько ты времени провелъ здѣсь всего? спросилъ Аркадій.

— Года два сряду; потомъ мы наѣзжали. Мы вели бродячую жизнь; больше все по городамъ шлялись.

— А домъ этотъ давно стоитъ?

— Давно. Его еще дѣдъ построилъ, отецъ моей матери.

— Кто онъ былъ, твой дѣдъ?

— Чортъ его знаетъ. Секундъ-майоръ какой-то. При Суворовѣ служилъ, и все разказывалъ о переходѣ черезъ Альпы. Вралъ должно быть.

— То-то у васъ въ гостиной портретъ Суворова виситъ.

А я люблю такіе домики, какъ вашъ, старенькіе да тепленькіе, и запахъ въ нихъ какой-то особенный.

— Лампаднымъ масломъ отзываетъ да донникомъ, произнесъ зѣвая Базаровъ.—А что̀ мухъ въ этихъ милыхъ домикахъ... Фа!

— Скажи, началъ Аркадій послѣ небольшаго молчанія,—тебя въ дѣтствѣ не притѣсняли?

— Ты видишь, какіе у меня родители.—Народъ нестрогій.

— Ты ихъ любишь, Евгеній?

— Люблю, Аркадій!

— Они тебя такъ любятъ!

Базаровъ помолчалъ.—Знаешь ли ты, о чемъ я думаю? промолвилъ онъ наконецъ, закидывая руки за голову.

— Не знаю. О чемъ?

— Я думаю: хорошо моимъ родителямъ жить на свѣтѣ! Отецъ въ шестьдесятъ лѣтъ хлопочетъ, толкуетъ о „поллiативныхъ“ средствахъ, лѣчитъ людей, великодушничаетъ съ крестьянами,—кутитъ, однимъ словомъ; и матери моей хорошо, день ея до того напичканъ всякими занятіями, охами да ахами, что ей и опомниться некогда; а я...

— А ты?

— А я думаю: я вотъ лежу здѣсь подъ стогомъ... Узенькое мѣстечко, которое я занимаю, до того крохотно въ сравненіи съ остальнымъ пространствомъ, гдѣ меня нѣтъ и гдѣ дѣла до меня нѣтъ; и часть времени, которую мнѣ удается прожить, такъ ничтожна передъ тою вѣчностію, гдѣ меня не было и не будетъ... А въ этомъ атомѣ, въ этой математической точкѣ, кровь обращается, мозгъ работаетъ, чего-то хочетъ тоже... Что̀ за безобразіе! Что̀ за пустяки!

— Позволь тебѣ замѣтить: то, что̀ ты говоришь, примѣняется вообще ко всѣмъ людямъ...

— Ты правъ, подхватилъ Базаровъ.—Я хотѣлъ сказать, что они вотъ, мои родители то-есть, заняты и не безпокоятся о собственномъ ничтожествѣ, оно имъ не смердитъ... а я... я чувствую только скуку да злость.

— Злость? почему же злость?

— Почему? Какъ почему? Да развѣ ты забылъ?

— Я помню все, но все-таки я не признаю за тобою права злиться. Ты несчастливъ, я согласенъ, но...

— Э! да ты, я вижу, Аркадій Николаевичъ, понимаешь любовь, какъ всѣ новѣйшіе молодые люди: цыпъ, цыпъ, цыпъ,

курочка, а какъ только курочка начинаетъ приближаться, давай Богъ ноги! —Я не таковъ. Но довольно объ этомъ. Чему помочь нельзя, о томъ и говорить стыдно.—Онъ повернулся на бокъ.—Эге! вонъ молодецъ муравей тащитъ полумертвую муху. Тащи ее, братъ, тащи! Не смотри на то, что она упирается, пользуйся тѣмъ, что ты, въ качествѣ животнаго, имѣешь право не признавать чувства состраданія, не то, что нашъ братъ, самоломанный!

— Не ты бы говорилъ, Евгеній!—Когда ты себя ломалъ?

Базаровъ приподнялъ голову.—Я только этимъ и горжусь. Самъ себя не сломалъ, такъ и бабенка меня не сломаетъ. Аминь! Кончено! Слова объ этомъ больше отъ меня не услышишь.

Оба пріятеля полежали нѣкоторое время въ молчаніи.

— Да, началъ Базаровъ,—странное существо человѣкъ. Какъ посмотришь эдакъ сбоку да издали на глухую жизнь, какую ведутъ здѣсь „отцы“, кажется: чего лучше?—Ѣшь, пей, и знай, что поступаешь самымъ правильнымъ, самымъ разумнымъ манеромъ.—Анъ нѣтъ; тоска одолѣетъ. Хочется съ людьми возиться, хоть ругать ихъ, да возиться съ ними.

— Надо бы такъ устроить жизнь, чтобы каждое мгновеніе въ ней было значительно, произнесъ задумчиво Аркадій.

— Кто́ говоритъ! Значительное, хоть и ложно бываетъ, да сладко, но и съ незначительнымъ помириться можно... а вотъ—дрязги, дрязги... это бѣда.

— Дрязги не существуютъ для человѣка, если онъ только не захочетъ ихъ признать.

— Гмъ! это ты сказалъ *противоположное общее мѣсто*.

— Что̀?—Что ты называешь этимъ именемъ?

— А вотъ что̀: сказать, напримѣръ, что просвѣщеніе полезно, это общее мѣсто; а сказать, что просвѣщеніе вредно, это противоположное общее мѣсто. Оно какъ будто щеголеватѣе: а въ сущности, одно и тоже.

— Да правда-то гдѣ, на какой сторонѣ?

— Гдѣ? Я тебѣ отвѣчу какъ эхо: гдѣ?

— Ты въ меланхолическомъ настроеніи сегодня, Евгеній.

— Въ самомъ дѣлѣ? Солнце меня, должно быть, распарило, да и малины нельзя такъ много ѣсть.

— Въ такомъ случаѣ не худо вздремнуть, замѣтилъ Аркадій.

— Пожалуй; только ты не смотри на меня: всякаго человѣка лицо глупо, когда онъ спитъ.

— А тебѣ не все равно, что̀ о тебѣ думаютъ?

— Не знаю, что̀ тебѣ сказать. Настоящій человѣкъ объ этомъ не долженъ заботиться; настоящій человѣкъ тотъ, о которомъ думать нечего, а котораго надобно слушаться или ненавидѣть.

— Странно! я никого не ненавижу, промолвилъ подумавши Аркадій.

— А я такъ многихъ. Ты нѣжная душа, размазня, гдѣ тебѣ ненавидѣть!.. Ты робѣешь, мало на себя надѣешься...

— А ты, перебилъ Аркадій,—на себя надѣешься? Ты высокаго мнѣнія о самомъ себѣ?

Базаровъ помолчалъ.—Когда я встрѣчу человѣка, который не спасовалъ бы передо мною, проговорилъ онъ съ разстановкой,—тогда я измѣню свое мнѣніе о самомъ себѣ.—Ненавидѣть! Да вотъ, напримѣръ, ты сегодня сказалъ, проходя мимо избы вашего старосты Филипа—она такая славная, бѣлая—вотъ, сказалъ ты,—Россія тогда достигнетъ совершенства, когда у послѣдняго мужика будетъ такое же помѣщеніе, и всякій изъ насъ долженъ этому способствовать... А я и возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филипа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть и который мнѣ даже спасиба не скажетъ... да и на что̀ мнѣ его спасибо?—Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ;—ну, а дальше?

— Полно, Евгеній... послушать тебя сегодня, поневолѣ согласишься съ тѣми, которые упрекаютъ насъ въ отсутствіи принциповъ.

— Ты говоришь, какъ твой дядя. Принциповъ вообще нѣтъ, ты объ этомъ не догадался до сихъ поръ!—а есть ощущенія. —Все отъ нихъ зависитъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ же.—Напримѣръ я; я придерживаюсь отрицательнаго направленія — въ силу ощущеній. Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ—и баста! Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки?—тоже въ силу ощущенія. Это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнутъ. Не всякій тебѣ это скажетъ, да и я въ другой разъ тебѣ этого не скажу.

— Что̀ жь? и честность—ощущеніе?

— Еще бы!

— Евгеній! началъ печальнымъ голосомъ Аркадій...

— А? что? Не по вкусу? перебилъ Базаровъ. — Нѣтъ, братъ! Рѣшился все косить — валяй и себя по ногамъ!.. Однако мы довольно философствовали. „Природа навѣваетъ молчаніе сна,“ сказалъ Пушкинъ.

— Никогда онъ ничего подобнаго не сказалъ, промолвилъ Аркадій.

— Ну, не сказалъ, такъ могъ и долженъ былъ сказать въ качествѣ поэта. Кстати, онъ должно-быть, въ военной службѣ служилъ.

— Пушкинъ никогда не былъ военнымъ.

— Помилуй, у него на каждой страницѣ: На бой, на бой! за честь Россіи!

— Что ты это за небылицы выдумываешь! Вѣдь это клевета наконецъ.

— Клевета? Эка важность! Вотъ вздумалъ какимъ словомъ испугать! Какую клевету ни взведи на человѣка, онъ въ сущности заслуживаетъ въ двадцать разъ хуже того.

— Давай лучше спать! съ досадой проговорилъ Аркадій.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣтилъ Базаровъ.

Но ни тому, ни другому не спалось. Какое-то почти враждебное чувство охватывало сердца обоихъ молодыхъ людей. Минутъ пять спустя, они открыли глаза и переглянулись молча.

— Посмотри, сказалъ вдругъ Аркадій,—сухой кленовый листъ оторвался и падаетъ на землю; его движенія совершенно сходны съ полетомъ бабочки. Не странно ли? Самое печальное и мертвое—сходно съ самымъ веселымъ и живымъ.

— О, другъ мой Аркадій Николаичъ! воскликнулъ Базаровъ:—объ одномъ прошу тебя: не говори красиво.

— Я говорю, какъ умѣю... Да и наконецъ это деспотизмъ. Мнѣ пришла мысль въ голову; отчего ея не высказать?

— Такъ; но почему же и мнѣ не высказать своей мысли. Я нахожу, что говорить красиво—неприлично.

— Что же прилично? Ругаться?

— Э, э! да ты, я вижу, точно намѣренъ пойдти по стопамъ дядюшки. Какъ бы этотъ идіотъ порадовался, еслибъ услышалъ тебя!

— Какъ ты назвалъ Павла Петровича?

— Я его назвалъ, какъ слѣдуетъ,—идіотомъ.

— Это однако нестерпимо! воскликнулъ Аркадій.

— Ага! родственное чувство заговорило, спокойно промолвилъ Базаровъ. — Я замѣтилъ: оно очень упорно держится въ людяхъ. Ото всего готовъ отказаться человѣкъ, со всякимъ предразсудкомъ разстанется; но сознаться, что напримѣръ, братъ, который чужіе платки крадетъ, воръ — это свыше его силъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: *мой* братъ, *мой*—и не геній... возможно ли это?

— Во мнѣ простое чувство справедливости заговорило, а вовсе не родственное, возразилъ запальчиво Аркадій.—Но такъ какъ ты этого чувства не понимаешь, у тебя нѣтъ этого *ощущенія*, то ты и не можешь судить о немъ.

— Другими словами: Аркадій Кирсановъ слишкомъ возвышенъ для моего пониманія,—преклоняюсь и умолкаю.

— Полно, пожалуста, Евгеній; мы наконецъ поссоримся.

— Ахъ, Аркадій! Одѣлай одолженіе, поссоримся разъ хорошенько—до положенія ризъ, до истребленія.

— Но вѣдь эдакъ, пожалуй, мы кончимъ тѣмъ...

— Что подеремся? подхватилъ Базаровъ.— Что жь? Здѣсь на сѣнѣ, въ такой идиллической обстановкѣ, вдали отъ свѣта и людскихъ взоровъ — ничего. Но ты со мной не сладишь. Я тебя сейчасъ схвачу за горло...

Базаровъ растопырилъ свои длинные и жесткіе пальцы... Аркадій повернулся и приготовился, какъ бы шутя, сопротивляться... Но лицо его друга показалось ему такимъ зловѣщимъ, такая нешуточная угроза почудилась ему въ кривой усмѣшкѣ его губъ, въ загорѣвшихся глазахъ,—что онъ почувствовалъ невольную робость...

— А! вотъ вы куда забрались! раздался въ это мгновеніе голосъ Василія Ивановича, и старый штабъ-лѣкарь предсталъ передъ молодыми людьми, облеченный въ домодѣланный полотняный пиджакъ и съ соломенною тоже домодѣланною шляпой на головѣ.—Я васъ искалъ, искалъ... Но вы отличное выбрали мѣсто, и прекрасному предаетесь занятію. Лежа на „землѣ“, глядѣть въ „небо“... Знаете ли— въ этомъ есть какое-то особое значеніе!

— Я гляжу въ небо только тогда, когда хочу чихнуть, проворчалъ Базаровъ и, обратившись къ Аркадію, прибавилъ вполголоса:—Жаль, что помѣшалъ.

— Ну полно, шепнулъ Аркадій.—Но никакая дружба долго не выдержитъ такихъ столкновеній.

— Смотрю. я на васъ, мои юные собесѣдники, говорилъ между тѣмъ Василій Ивановичъ, покачивая головой и опираясь скрещенными руками на какую-то хитро перекрученную палку собственнаго издѣлія, съ фигурой Турка вмѣсто набалдашника,— смотрю, и не могу не любоваться. Сколько въ васъ силы, молодости, самой цвѣтущей; способностей, талантовъ! Просто... Кастеръ и Поллуксъ!

— Вонъ куда—въ миѳологію метнулъ! промолвилъ Базаровъ. — Сейчасъ видно, что въ свое время сильный былъ латинистъ! Вѣдь ты, помнится, серебряной медали за сочиненіе удостоился,—а?

— Діоскуры, Діоскуры! повторилъ Василій Ивановичъ.

— Однако полно, отецъ,—не нѣжничай.

— Въ кои-то вѣки разикъ можно, пробормоталъ старикъ.— Впрочемъ, я васъ, господа, отыскалъ не съ тѣмъ чтобы говорить вамъ комплименты; но съ тѣмъ чтобы, вопервыхъ, доложить вамъ, что мы скоро обѣдать будемъ; а вовторыхъ — мнѣ хотѣлось предварить тебя, Евгеній... Ты умный человѣкъ, ты знаешь людей, и женщинъ знаешь, и слѣдовательно извинишь... Твоя матушка молебенъ отслужить хотѣла, по случаю твоего пріѣзда. Ты не воображай, что я зову тебя присутствовать на этомъ молебнѣ: ужь онъ конченъ; но отецъ Алексѣй...

— Попъ?

— Ну да, священникъ; онъ у насъ... кушать будетъ... Я этого не ожидалъ и даже не совѣтовалъ... но какъ-то такъ вышло... онъ меня не понялъ... Ну, и Арина Васильевна... Притомъ же, онъ у насъ очень хорошій и разсудительный человѣкъ.

— Вѣдь онъ моей порціи за обѣдомъ не съѣстъ? спросилъ Базаровъ.

Василій Ивановичъ засмѣялся.—Помилуй, что ты!

— А больше я ничего не требую. Я со всякимъ человѣкомъ готовъ за столъ сѣсть.

Василій Ивановичъ поправилъ свою шляпу.—Я былъ напередъ увѣренъ, промолвилъ онъ,—что ты выше всякихъ предразсудковъ. На что вотъ я—старикъ, шестьдесятъ второй годъ живу, а и я ихъ не имѣю. (Василій Ивановичъ не смѣлъ сознаться, что онъ самъ пожелалъ молебна... Набоженъ онъ былъ не менѣе своей жены.) А отцу Алексѣю очень хотѣлось съ тобой познакомиться. Онъ тебѣ понравится,

ты увидишь. Онъ и въ карточки не прочь поиграть, и даже... но это между нами... трубочку курить.

— Чего же? Мы послѣ обѣда засядемъ въ ералашъ, и я его обыграю.

— Хе хе хе, посмотримъ! Бабушка на двое сказала.

— А что? развѣ стариной тряхнешь? промолвилъ съ особеннымъ удареніемъ Базаровъ.

Бронзовыя щеки Василія Ивановича смутно покраснѣли.

— Какъ тебѣ не стыдно, Евгеній... Что было, то прошло. Ну да, я готовъ вотъ передъ *ними* признаться, имѣлъ я эту страсть въ молодости — точно; да и поплатился же я за нее!—Однако, какъ жарко! Позвольте подсѣсть къ вамъ. Вѣдь я не мѣшаю?

— Нисколько, отвѣтилъ Аркадій.

Василій Ивановичъ кряхтя опустился на сѣно.—Напоминаетъ мнѣ ваше теперешнее ложе, государи мои, началъ онъ,— мою военную, бивачную жизнь, перевязочные пункты, тоже гдѣ-нибудь эдакъ возлѣ стога, и то еще слава Богу!—Онъ вздохнулъ.—Много, много испыталъ я на своемъ вѣку. Вотъ, напримѣръ, если позволите, я вамъ разкажу любопытный эпизодъ чумы въ Бессарабіи.

— За который получилъ Владиміра? подхватилъ Базаровъ.—Знаемъ, знаемъ... Кстати, отчего ты его не носишь?

— Вѣдь я тебѣ говорилъ, что я не имѣю предразсудковъ, пробормоталъ Василій Ивановичъ (онъ только наканунѣ велѣлъ спороть красную ленточку съ сюртука), и принялся разказывать эпизодъ чумы. — А вѣдь онъ заснулъ, шепнулъ онъ вдругъ Аркадію, указывая на Базарова и добродушно подмигнувъ. — Евгеній! вставай! прибавилъ онъ громко.—Пойдемъ обѣдать.

Отецъ Алексѣй, мущина видный и полный, съ густыми, тщательно расчесанными волосами, съ вышитымъ поясомъ на лиловой шелковой рясѣ, оказался человѣкомъ очень ловкимъ и находчивымъ. Онъ первый поспѣшилъ пожать руку Аркадію и Базарову, какъ бы понимая заранѣе, что они не нуждаются въ его благословеніи, и вообще держалъ себя непринужденно. И себя онъ не выдалъ, и другихъ не задѣлъ; кстати посмѣялся надъ семинарскою латынью, и заступился за своего архіерея; двѣ рюмки вина выпилъ, а отъ третьей отказался; принялъ отъ Аркадія сигару, но курить ее не сталъ, говоря, что

везетъ ее домой. Не совсѣмъ пріятно было въ немъ только то, что онъ то и дѣло медленно и осторожно заносилъ руку, чтобы ловить мухъ у себя на лицѣ, и при этомъ иногда давилъ ихъ. Онъ сѣлъ за зеленый столъ съ умѣреннымъ изъявленіемъ удовольствія и кончилъ тѣмъ, что обыгралъ Базарова на 2 руб. 50 коп. ассигнаціями: въ домѣ Арины Власьевны и понятія не имѣли о счетѣ на серебро... Она попрежнему сидѣла возлѣ сына (въ карты она не играла), попрежнему подпирая щеку кулачкомъ, и вставала только затѣмъ чтобы велѣть подать какое-нибудь новое яство. Она боялась ласкать Базарова, и онъ не ободрялъ ея, не вызывалъ ея на ласки; притомъ же и Василій Ивановичъ присовѣтовалъ ей не очень его „безпокоить“.—„Молодые люди до этого не охотники“, твердилъ онъ ей (нечего говорить, каковъ былъ въ тотъ день обѣдъ: Тимоѳеичъ собственною персоной скакалъ на утренней зарѣ за какою-то особенною черкасскою говядиной; староста ѣздилъ въ другую сторону за налимами, ершами и раками; за одни грибы бабы получили 42 копѣйки мѣдью); но глаза Арины Власьевны, неотступно обращенные на Базарова, выражали не одну преданность и нѣжность; въ нихъ виднѣлась и грусть смѣшанная съ любопытствомъ и страхомъ, виднѣлся какой-то смиренный укоръ. Впрочемъ, Базарову было не до того, чтобы разбирать что̀ именно выражали глаза его матери: онъ рѣдко обращался къ ней, и то съ коротенькимъ вопросомъ. Разъ онъ попросилъ у ней руку „на счастье“; она тихонько положила свою мягкую ручку на его жесткую и широкую ладонь.

— Что̀, спросила она, погодя немного,—не помогло?

— Еще хуже пошло, отвѣчалъ онъ съ небрежною усмѣшкой.

— Очинно они уже рискуютъ, какъ бы съ сожалѣніемъ произнесъ отецъ Алексѣй, и погладилъ свою красивую бороду.

— Наполеоновское правило, батюшка, наполеоновское, подхватилъ Василій Иванычъ,—и пошелъ съ туза.

— Оно же и довело его до острова Святыя Елены, промолвилъ отецъ Алексѣй, и покрылъ его туза козыремъ.

— Не желаешь ли смородинной воды, Енюшечка? спросила Арина Власьевна.

Базаровъ только плечами пожалъ.

— Нѣтъ! говорилъ онъ на слѣдующій день Аркадію,—уѣду

отсюда завтра. Скучно; работать хочется, а здѣсь нельзя. Отправляюсь опять къ вамъ въ деревню; я же тамъ всѣ свои препараты оставилъ. У васъ, по крайней мѣрѣ, запереться можно. А здѣсь отецъ мнѣ все твердитъ: „мой кабинетъ къ „твоимъ услугамъ—никто тебѣ мѣшать не будетъ"; а самъ отъ меня ни на шагъ. Да и совѣстно какъ-то отъ него запираться. Ну и мать тоже. Я слышу, какъ она вздыхаетъ за стѣной, а выйдешь къ ней—и сказать ей нечего.

— Очень она огорчится, промолвилъ Аркадій,—да и онъ тоже.

— Я къ нимъ еще вернусь.

— Когда?

— Да вотъ какъ въ Петербургъ поѣду.

— Мнѣ твою мать особенно жалко.

— Что такъ? Ягодами, что ли, она тебѣ угодила?

Аркадій опустилъ глаза.—Ты матери своей не знаешь, Евгеній. Она не только отличная женщина, она очень умна, право. Сегодня утромъ она со мной съ полчаса бесѣдовала, и такъ дѣльно, интересно.

— Вѣрно обо мнѣ все распространялась?

— Не о тебѣ одномъ была рѣчь.

— Можетъ быть; тебѣ со стороны виднѣй. Коли можетъ женщина получасовую бесѣду поддержать, это ужь знакъ хорошій. А я все-таки уѣду.

— Тебѣ не легко будетъ сообщить имъ это извѣстіе. Они все разсуждаютъ о томъ что̀ мы черезъ двѣ недѣли дѣлать будемъ.

— Не легко. Чортъ меня дернулъ сегодня подразнить отца: онъ на дняхъ велѣлъ высѣчь одного своего оброчнаго мужика—и очень хорошо сдѣлалъ; да, да, не гляди на меня съ такимъ ужасомъ—очень хорошо сдѣлалъ, потому что воръ и пьяница онъ страшнѣйшій; только отецъ никакъ не ожидалъ, что я объ этомъ, какъ говорится, извѣстенъ сталъ. Онъ очень сконфузился, а теперь мнѣ придется въ добавокъ его огорчить... Ничего! До свадьбы заживетъ.

Базаровъ сказалъ: „ничего"! но цѣлый день прошелъ прежде чѣмъ онъ рѣшился увѣдомить Василія Ивановича о своемъ намѣреніи. Наконецъ, уже прощаясь съ нимъ въ кабинетѣ, онъ проговорилъ съ натянутымъ зѣвкомъ:

— Да... чуть было не забылъ тебѣ сказать... Вели-ка завтра нашихъ лошадей къ Ѳедоту выслать на подставу.

Василій Иванычъ изумился.—Развѣ г-нъ Кирсановъ отъ насъ уѣзжаетъ.

— Да и я съ нимъ уѣзжаю.

Василій Ивановичъ перевернулся на мѣстѣ.—Ты уѣзжаешь?

— Да... мнѣ нужно. Распорядись, пожалуста, на счетъ лошадей.

— Хорошо... залепеталъ старикъ:—на подставу... хорошо... только... только... Какъ же это?

— Мнѣ нужно съѣздить къ нему на короткое время. Я потомъ опять сюда вернусь.

— Да! На короткое время... Хорошо.—Василій Ивановичъ вынулъ платокъ и, сморкаясь, наклонился чуть не до земли.— Что жь? это... все будетъ. Я было думалъ, что ты у насъ... подольше. Три дня... Это, это, послѣ трехъ лѣтъ, маловато; маловато, Евгеній!

— Да я жь тебѣ говорю, что я скоро вернусь.

— Необходимо... Что жь? Прежде всего надо долгъ исполнять... Такъ выслать лошадей? Хорошо. Мы, конечно, съ Ариной этого не ожидали. Она вотъ цвѣтовъ выпросила у сосѣдки, хотѣла комнату тебѣ убрать. (Василій Ивановичъ уже не упомянулъ о томъ, что каждое утро, чуть свѣтъ, стоя о босу ногу въ туфляхъ, онъ совѣщался съ Тимоѳеичемъ и, доставая дрожащими пальцами одну изорванную ассигнацію за другою, поручалъ ему разныя закупки, особенно налегая на съѣстные припасы и на красное вино, которое, сколько можно было замѣтить, очень понравилось молодымъ людямъ.) Главное—свобода; это мое правило... не надо стѣснять... не...

Онъ вдругъ умолкъ и направился къ двери.

— Мы скоро увидимся, отецъ, право.

Но Василій Ивановичъ, не оборачиваясь, только рукой махнулъ и вышелъ. Возвратясь въ спальню, онъ засталъ свою жену въ постели и началъ молиться шепотомъ, чтобы ея не разбудить. Однако она проснулась.—Это ты, Василій Иванычъ? спросила она.

— Я, матушка!

— Ты отъ Енюши? Знаешь ли, я боюсь: покойно ли ему спать на диванѣ. Я Анфисушкѣ велѣла положить ему твой походный матрасикъ и новыя подушки; я бы нашъ пуховикъ ему дала, да онъ, помнится, не любитъ мягко спать.

— Ничего, матушка, не безпокойся. Ему хорошо. Гос-

поди, помилуй насъ грѣшныхъ! продолжалъ онъ вполголоса свою молитву. Василій Иванычъ пожалѣлъ свою старушку; онъ не захотѣлъ сказать ей на ночь какое горе ее ожидало.

Базаровъ съ Аркадіемъ уѣхали на другой день. Съ утра уже все пріуныло въ домѣ; у Анфисушки посуда изъ рукъ валилась; даже Ѳедька недоумѣвалъ, и кончилъ тѣмъ, что снялъ сапоги. Василій Ивановичъ суетился больше чѣмъ когда-либо: онъ видимо храбрился, громко говорилъ и стучалъ ногами, но лицо его осунулось и взгляды постоянно скользили мимо сына. Арина Власьевна тихо плакала; она совсѣмъ бы растерялась и не совладѣла бы съ собою, еслибы мужъ рано утромъ цѣлые два часа ея не уговаривалъ. Когда же Базаровъ, послѣ неоднократныхъ обѣщаній вернуться никакъ не позже мѣсяца, вырвался наконецъ изъ удерживавшихъ его объятій, и сѣлъ въ тарантасъ; когда лошади тронулись, и колокольчикъ зазвенѣлъ, и колеса завертѣлись,—и вотъ уже глядѣть вслѣдъ было незачѣмъ, и пыль улеглась, и Тимоѳеичъ, весь сгорбленный и шатаясь на ходу, поплелся назадъ въ свою коморку; когда старички остались одни въ своемъ, тоже какъ будто внезапно съежившемся и подряхлѣвшемъ домѣ: Василій Ивановичъ, еще за нѣсколько мгновеній молодцовато махавшій платкомъ на крыльцѣ, опустился на стулъ и уронилъ голову на грудь. „Бросилъ, бросилъ насъ!“ залепеталъ онъ:—„бросилъ; скучно ему стало съ нами. Одинъ, какъ перстъ теперь, одинъ!“ повторилъ онъ нѣсколько разъ, и каждый разъ выносилъ впередъ свою руку съ отдѣленнымъ указательнымъ пальцемъ. Тогда Арина Власьевна приблизилась къ нему и, прислонивъ свою сѣдую голову къ его сѣдой головѣ, сказала: „Что̀ дѣлать, Вася! Сынъ отрѣзанный ломоть. Онъ, что̀ соколъ: захотѣлъ, прилетѣлъ, захотѣлъ, улетѣлъ; а мы съ тобой, какъ опенки на дуплѣ, сидимъ рядкомъ, и ни съ мѣста. Только я останусь для тебя навѣкъ непзмѣнно, какъ и ты для меня.“

Василій Ивановичъ принялъ отъ лица руки и обнялъ свою жену, свою подругу, такъ крѣпко, какъ и въ молодости ея не обнималъ: она утѣшила его въ его печали.

XXII.

Молча, лишь изрѣдка мѣняясь незначительными словами, доѣхали наши пріятели до Ѳедота. Базаровъ былъ не

совсѣмъ собой доволенъ. Аркадій былъ недоволенъ имъ. Къ тому же онъ чувствовалъ на сердцѣ ту безпричинную грусть, которая знакома только однимъ очень молодымъ людямъ. Кучеръ перепрягъ лошадей и, взобравшись на козлы, спросилъ: направо, аль налѣво?

Аркадій дрогнулъ. Дорога направо вела въ городъ, а оттуда домой; дорога налѣво вела къ Одинцовой.

Онъ взглянулъ на Базарова.

— Евгеній, спросилъ онъ,—налѣво?

Базаровъ отвернулся.—Это что̀ за глупость? пробормоталъ онъ.

— Я знаю, что глупость, отвѣтилъ Аркадій... Да что̀ за бѣда? Развѣ намъ въ первый разъ?

Базаровъ надвинулъ картузъ себѣ на лобъ.—Ка̀къ знаешь, проговорилъ онъ наконецъ.

— Пошелъ налѣво, крикнулъ Аркадій.

Тарантасъ покатилъ въ направленіи къ Никольскому. Но, рѣшившись на *глупость*, пріятели еще упорнѣе прежняго молчали, и даже казались сердитыми.

Уже по тому, ка̀къ ихъ встрѣтилъ дворецкій на крыльцѣ Одинцовскаго дома, пріятели могли догадаться, что они поступили неблагоразумно, поддавшись внезапно пришедшей имъ фантазіи. Ихъ очевидно не ожидали. Они просидѣли довольно долго и съ довольно-глупыми физіономіями въ гостиной. Одинцова вышла къ нимъ наконецъ. Она привѣтствовала ихъ съ обыкновенною своей любезностью, но удивилась ихъ скорому возвращенію и, сколько можно было судить по медлительности ея движеній и рѣчей, не слишкомъ ему обрадовалась. Они поспѣшили объявить, что заѣхали только по дорогѣ, и часа черезъ четыре отправятся дальше, въ городъ. Она ограничилась легкимъ восклицаніемъ, попросила Аркадія поклониться отцу отъ ея имени, и послала за своею теткой. Княжна явилась вся заспанная, что̀ придавало еще болѣе злобы выраженію ея сморщеннаго стараго лица. Катѣ не здоровилось, она не выходила изъ своей комнаты. Аркадій вдругъ почувствовалъ, что онъ по крайней мѣрѣ столько же желалъ видѣть Катю, сколько и самое Анну Сергѣевну. Четыре часа прошло въ незначительныхъ толкахъ о томъ, о семъ; Анна Сергѣевна и слушала, и го-

ворила безъ улыбки. Только при самомъ прощаніи прежнее дружелюбіе какъ будто шевельнулось въ ея душѣ.

— На меня теперь нашла хандра, сказала она,—но вы не обращайте на это вниманія и пріѣзжайте опять, я вамъ это обоимъ говорю, черезъ нѣсколько времени.

И Базаровъ, и Аркадій отвѣтили ей безмолвнымъ поклономъ, сѣли въ экипажъ и, уже нигдѣ не останавливаясь, отправились домой, въ Марьино, куда и прибыли благополучно на слѣдующій день вечеромъ. Въ продолженіе всей дороги ни тотъ, ни другой не упомянулъ даже имени Одинцовой; Базаровъ, въ особенности, почти не раскрывалъ рта, и все глядѣлъ въ сторону, прочь отъ дороги, съ какимъ-то ожесточеннымъ напряженіемъ.

Въ Марьинѣ имъ всѣ чрезвычайно обрадовались. Продолжительное отсутствіе сына начинало безпокоить Николая Петровича; онъ вскрикнулъ, заболталъ ногами и подпрыгнулъ на диванѣ, когда Ѳеничка вбѣжала къ нему съ сіяющими глазами и объявила о пріѣздѣ „молодыхъ господъ“; самъ Павелъ Петровичъ почувствовалъ нѣкоторое пріятное волненіе и снисходительно улыбался, потрясая руки возвратившихся странниковъ. Пошли толки, разспросы; говорилъ больше Аркадій, особенно за ужиномъ, который продолжался далеко за полночь. Николай Петровичъ велѣлъ подать нѣсколько бутылокъ портера, только что привезеннаго изъ Москвы, и самъ раскутился до того, что щеки у него сдѣлались малиновыя, и онъ все смѣялся какимъ-то не то дѣтскимъ, не то нервическимъ смѣхомъ. Всеобщее одушевленіе распространилось и на прислугу. Дуняша бѣгала взадъ и впередъ какъ угорѣлая, и то и дѣло хлопала дверями; а Петръ даже въ третьемъ часу ночи все еще пытался сыграть на гитарѣ вальсъ-казакъ. Струны жалобно и пріятно звучали въ неподвижномъ воздухѣ, но за исключеніемъ небольшой первоначальной фіоритуры ничего не выходило у образованнаго камердинера: природа отказала ему въ музыкальной способности, какъ и во всѣхъ другихъ.

А между тѣмъ жизнь неслишкомъ красиво складывалась въ Марьинѣ, и бѣдному Николаю Петровичу приходилось плохо. Хлопоты по фермѣ росли съ каждымъ днемъ—хлопоты безотрадныя, безтолковыя. Возня съ наемными ра-

ботниками становилась невыносимою. Одни требовали расчета или прибавки, другіе уходили, забравши задатокъ; лошади заболѣвали; збруя горѣла какъ на огнѣ; работы исполнялись небрежно; выписанная изъ Москвы молотильная машина оказалась негодною по своей тяжести; другую, вѣялку, съ перваго разу испортили; половина скотнаго двора сгорѣла, оттого что слѣпая старуха изъ дворовыхъ въ вѣтряную погоду пошла съ головешкой окуривать свою корову... правда, по увѣренію той же старухи, вся бѣда произошла оттого что барину вздумалось заводить какіе-то небывалые сыры и молочные скопы. Управляющій вдругъ облѣнился и даже началъ толстѣть, какъ толстѣетъ всякій русскій человѣкъ попавшій на „вольные хлѣба“. Завидя издали Николая Петровича, онъ, чтобы заявить свое рвеніе, бросалъ щепкой въ пробѣгавшаго мимо поросенка, или грозился полунагому мальчишкѣ, а впрочемъ больше все спалъ. Посаженные на оброкъ мужики не взносили денегъ въ срокъ, крали лѣсъ; почти каждую ночь сторожа ловили, а иногда съ бою забирали крестьянскихъ лошадей на лугахъ „фермы“. Николай Петровичъ опредѣлилъ было денежный штрафъ за потраву, но дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что, постоявъ день или два на господскомъ кормѣ, лошади возвращались къ своимъ владѣльцамъ. Къ довершенію всего, мужики начали между собою ссориться: братья требовали раздѣла; жены ихъ не могли ужиться въ одномъ домѣ; внезапно закипала драка, и все вдругъ поднималось на ноги, какъ по командѣ, все сбѣгалось передъ крылечко конторы, лѣзло къ барину, часто съ избитыми рожами, въ пьяномъ видѣ, и требовало суда и расправы; возникалъ шумъ, вопль, бабій хныкающій визгъ въ перемежку съ мужскою бранью. Нужно было разбирать враждующія стороны, кричать самому до хрипоты, зная напередъ, что къ правильному рѣшенію все-таки придти невозможно. Не хватало рукъ для жатвы: сосѣдній однодворецъ, съ самымъ благообразнымъ лицомъ, порядился доставить жнецовъ по два рубля съ десятины, и надулъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ; свои бабы заламывали цѣны неслыханныя, а хлѣбъ между тѣмъ осыпался, а тутъ съ косьбой не совладѣли, а тутъ опекунскій совѣтъ грозится и требуетъ немедленной и безнедоимочной уплаты процентовъ...

— Силъ моихъ нѣтъ! не разъ съ отчаяніемъ восклицалъ

Николай Петровичъ. — Самому драться невозможно, посылать за становымъ—не позволяютъ принципы, а безъ страха наказанія ничего не подѣлаешь!

— Du calme, du calme, замѣчалъ на это Павелъ Петровичъ, а самъ мурлыкалъ, хмурился и подергивалъ усы.

Базаровъ держался въ отдаленіи отъ этихъ „дрязговъ“, да ему, какъ гостю, не приходилось и вмѣшиваться въ чужія дѣла. На другой день послѣ пріѣзда въ Марьино, онъ принялся за свои лягушки, за инфузоріи, за химическіе составы, и все возился съ ними. Аркадій, напротивъ, почелъ своею обязанностію если не помогать отцу, то по крайней мѣрѣ показать видъ, что онъ готовъ ему помочь. Онъ терпѣливо его выслушивалъ и однажды подалъ какой-то совѣтъ, не для того чтобъ ему послѣдовали, а чтобы заявить свое участіе. Хозяйничанье не возбудило въ немъ отвращенія: онъ даже съ удовольствіемъ мечталъ объ агрономической дѣятельности; но у него въ ту пору другія мысли зароились въ головѣ. Аркадій, къ собственному изумленію, безпрестанно думалъ о Никольскомъ; прежде онъ бы только плечами пожалъ, еслибы кто-нибудь сказалъ ему, что онъ можетъ соскучиться подъ однимъ кровомъ съ Базаровымъ, и еще подъ какимъ!—подъ родительскимъ кровомъ; а ему точно было скучно, и тянуло его вонъ. Онъ вздумалъ гулять до усталости, но и это не помогло. Разговаривая однажды съ отцомъ, онъ узналъ, что у Николая Петровича находилось нѣсколько писемъ, довольно интересныхъ, писанныхъ нѣкогда матерью Одинцовой къ покойной его женѣ, и не отсталъ отъ него до тѣхъ поръ, пока не получилъ этихъ писемъ, за которыми Николай Петровичъ принужденъ былъ рыться въ двадцати различныхъ ящикахъ и сундукахъ. Вступивъ въ обладаніе этими полуистлѣвшими бумажками, онъ какъ будто успокоился, точно онъ увидѣлъ передъ собою цѣль, къ которой ему слѣдовало идти. „Я вамъ это обоимъ говорю, безпрестанно шепталъ онъ,— сама прибавила, Поѣду, поѣду чортъ возьми!“ Но онъ вспоминалъ послѣднее посѣщеніе, холодный пріемъ и прежнюю неловкость, и робость овладѣвала имъ. „Авось“ молодости, тайное желаніе извѣдать свое счастіе, испытать свои силы въ одиночку, безъ чьего бы то ни было покровительства одолѣло наконецъ. Десяти дней не прошло со времени его возвращенія въ Марьино, какъ уже онъ опять, подъ предлогомъ изученія механизма воскрес-

ныхъ школъ, скакалъ въ городъ, а оттуда въ Никольское. Безпрерывно погоняя ямщика, несся онъ туда, какъ молодой офицеръ на сраженье: и страшно ему было, и весело, и нетерпѣніе его душило. „Главное—не надо думать,“ твердилъ онъ самому себѣ. Ямщикъ ему попался лихой, онъ останавливался передъ каждымъ кабакомъ, приговаривая: „чкнуть?“ или: „аль чкнуть?“ но за то, *чкнувши*, не жалѣлъ лошадей. Вотъ, наконецъ, показалась высокая крыша знакомаго дома,.. „Что я дѣлаю?“ мелькнуло вдругъ въ головѣ Аркадія. „Да, вѣдь не вернуться же!“ Тройка дружно мчалась; ямщикъ гикалъ и свисталъ. Вотъ уже мостикъ загремѣлъ подъ копытами и колесами, вотъ уже надвинулась аллея стриженныхъ елокъ... Розовое женское платье мелькнуло въ темной зелени, молодое лицо выглянуло изъ-подъ легкой бахромы зонтика... Онъ узналъ Катю, и она его узнала. Аркадій приказалъ ямщику остановить разскакавшихся лошадей, выпрыгнулъ изъ экипажа и подошелъ къ ней. „Это вы! промолвила она, и понемножку вся покраснѣла: пойдемте къ сестрѣ, она тутъ въ саду; ей будетъ пріятно васъ видѣть.“

Катя повела Аркадія въ садъ. Встрѣча съ нею показалась ему особенно счастливымъ предзнаменованіемъ; онъ обрадовался ей, словно родной. Все такъ отлично устроилось: ни дворецкаго, ни доклада. На поворотѣ дорожки онъ увидѣлъ Анну Сергѣевну. Она стояла къ нему спиной. Услышавъ шаги, она тихонько обернулась. Аркадій смутился было снова, но первыя слова, ею произнесенныя, успокоили его тотчасъ. „Здравствуйте, бѣглецъ!“ проговорила она своимъ ровнымъ, ласковымъ голосомъ, и пошла къ нему на встрѣчу, улыбаясь и щурясь отъ солнца и вѣтра: „гдѣ ты его нашла, Катя?“

— Я вамъ, Анна Сергѣвна, началъ онъ,—привезъ нѣчто такое, чего вы никакъ не ожидаете...

— Вы себя привезли; это лучше всего.

XXIII.

Проводивъ Аркадія съ насмѣшливымъ сожалѣніемъ и давъ ему понять, что онъ нисколько не обманывается на счетъ настоящей цѣли его поѣздки, Базаровъ уединился окончательно: на него нашла лихорадка работы. Съ Павломъ

Петровичемъ онъ уже не спорилъ, тѣмъ болѣе что тотъ въ его присутствіи принималъ черезчуръ аристократическій видъ и выражалъ свои мнѣнія болѣе звуками чѣмъ словами. Только однажды Павелъ Петровичъ пустился было въ состязаніе съ *нигилистомъ* по поводу моднаго въ то время вопроса о правахъ остзейскихъ дворянъ, но самъ вдругъ остановился, промолвивъ съ холодною вѣжливостью:—впрочемъ, мы другъ друга понять не можемъ. Я, покрайней мѣрѣ, не имѣю чести васъ понимать.

— Еще бы! воскликнулъ Базаровъ.—Человѣкъ все въ состояніи понять—и какъ трепещетъ эѳиръ, и что̀ на солнцѣ происходитъ; а какъ другой человѣкъ можетъ иначе сморкаться чѣмъ онъ самъ сморкается, этого онъ понять не въ состояніи.

— Что̀, это остроумно? проговорилъ вопросительно Павелъ Петровичъ, и отошелъ въ сторону.

Впрочемъ, онъ иногда просилъ позволенія присутствовать при опытахъ Базарова, а разъ даже приблизилъ свое раздушенное и вымытое отличнымъ снадобьемъ лицо къ микроскопу, для того чтобы посмотрѣть какъ прозрачная инфузорія глотала зеленую пылинку и хлопотливо пережевывала ее какими-то очень проворными кулачками, находившимися у ней въ горлѣ. Гораздо чаще своего брата посѣщалъ Базарова Николай Петровичъ; онъ бы каждый день приходилъ, какъ онъ выражался, „учиться,“ еслибы хлопоты по хозяйству не отвлекали его. Онъ не стѣснялъ молодаго естествоиспытателя: садился гдѣ-нибудь въ уголокъ комнаты и глядѣлъ внимательно, изрѣдка позволяя себѣ осторожный вопросъ. Во время обѣдовъ и ужиновъ, онъ старался направлять рѣчь на физику, геологію или химію, такъ какъ всѣ другіе предметы, даже хозяйственные, не говоря уже о политическихъ, могли повести если не къ столкновеніямъ, то ко взаимному неудовольствію. Николай Петровичъ догадывался, что ненависть его брата къ Базарову нисколько не уменьшилась. Неважный случай, между многими другими, подтвердилъ его догадки. Холера стала появляться кое-гдѣ по окрестностямъ и даже „выдернула“ двухъ людей изъ самого Марьина. Ночью съ Павломъ Петровичемъ случился довольно сильный припадокъ. Онъ промучился до утра, но не прибѣгъ къ искусству Базарова—и увидавшись съ нимъ на слѣдующій день, на его вопросъ:

„зачѣмъ онъ не послалъ за нимъ?“—отвѣчалъ, весь еще блѣдный, но уже тщательно расчесанный и выбритый:—„вѣдь вы, помнится, сами говорили, что не вѣрите въ медицину?“ Такъ проходили дни. Базаровъ работалъ упорно и угрюмо, а между тѣмъ въ домѣ Николая Петровича находилось существо, съ которымъ онъ не то чтобы отводилъ душу, а охотно бесѣдовалъ.... Это существо была Ѳеничка.

Онъ встрѣчался съ ней большею частью по утрамъ рано, въ саду или на дворѣ; въ комнату къ ней онъ не захаживалъ, и она всего разъ подошла къ его двери, чтобы спросить его—купать ли ей Митю или нѣтъ? Она не только довѣрялась ему, не только его не боялась, она при немъ держалась вольнѣе и развязнѣе чѣмъ при самомъ Николаѣ Петровичѣ. Трудно сказать, отчего это происходило; можетъ быть оттого, что она безсознательно чувствовала въ Базаровѣ отсутствіе всего дворянскаго, всего того высшаго, что̀ и привлекаетъ, и пугаетъ. Въ ея глазахъ онъ и докторъ былъ отличный, и человѣкъ простой. Не стѣсняясь его присутствіемъ, она возилась съ своимъ ребенкомъ, и однажды, когда у ней вдругъ закружилась и заболѣла голова—изъ его рукъ приняла ложку лѣкарства. При Николаѣ Петровичѣ она какъ будто чуждалась Базарова: она это дѣлала не изъ хитрости, а изъ какого-то чувства приличія. Павла Петровича она боялась больше чѣмъ когда-либо; онъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ наблюдать за нею, и неожиданно появлялся, словно изъ земли выросталъ за ея спиною, въ своемъ *сюртукѣ*, съ неподвижнымъ зоркимъ лицомъ и руками въ карманахъ.—„Такъ тебя холодомъ и обдастъ“, жаловалась Ѳеничка Дуняшѣ, а та въ отвѣтъ ей только вздыхала и думала о другомъ „безчувственномъ“ человѣкѣ. Базаровъ, самъ того не подозрѣвая, сдѣлался *жестокимъ тираномъ* ея души.

Ѳеничкѣ нравился Базаровъ; но и она ему нравилась. Даже лицо его измѣнялось, когда онъ съ ней разговаривалъ: оно принимало выраженіе ясное, почти доброе, и къ обычной его небрежности примѣшивалось какая-то шутливая внимательность. Ѳеничка хорошѣла съ каждымъ днемъ. Бываетъ эпоха въ жизни молодыхъ женщинъ, когда онѣ вдругъ начинаютъ расцвѣтать и распускаться, какъ лѣтнія розы; такая эпоха наступила для Ѳенички. Все къ тому способствовало,

даже іюльскій зной, который стоялъ тогда. Одѣтая въ легкое, бѣлое платье, она сама казалась бѣлѣе и легче: загаръ не приставалъ къ ней, а жара, отъ которой она не могла уберечься, слегка румянила ея щеки да уши и, вливая тихую лѣнь во все ея тѣло, отражалась дремотною томностью въ ея хорошенькихъ глазкахъ. Она почти не могла работать; руки у ней такъ и скользили на колѣни. Она едва ходила, и все охала да жаловалась съ забавнымъ безсиліемъ.

— Ты бы чаще купалась, говорилъ ей Николай Петровичъ. Онъ устроилъ большую, полотномъ покрытую купальню въ томъ изъ своихъ прудовъ, который еще несовсѣмъ ушелъ.

— Охъ, Николай Петровичъ! Да пока до пруда дойдешь—умрешь, и назадъ пойдешь—умрешь. Вѣдь тѣни-то въ саду нѣту.

— Это точно, что тѣни нѣту, отвѣчалъ Николай Петровичъ, и потиралъ себѣ брови.

Однажды, часу въ седьмомъ утра, Базаровъ, возвращаясь съ прогулки, засталъ въ давно-отцвѣтшей, но еще густой и зеленой сиреневой бесѣдкѣ Ѳеничку. Она сидѣла на скамейкѣ; подлѣ нея лежалъ цѣлый пукъ еще мокрыхъ отъ росы красныхъ и бѣлыхъ розъ. Онъ поздоровался съ нею.

— А! Евгеній Васильичъ! проговорила она, и приподняла немного край платка, чтобы взглянуть на него, причемъ ея рука обнажилась до локтя.

— Что̀ вы это тутъ дѣлаете? промолвилъ Базаровъ, садясь возлѣ нея.—Букетъ вяжете?

— Да; на столъ, къ завтраку. Николай Петровичъ это любитъ.

— Но до завтрака еще далеко. Экая пропасть цвѣтовъ!

— Я ихъ теперь нарвала, а то станетъ жарко, и выйдти нельзя. Только теперь и дышишь. Совсѣмъ я заслабѣла отъ этого отъ жару. Ужь я боюсь, не заболѣю ли я?

— Это что̀ за фантазія! Дайте-ка вашъ пульсъ пощупать.—Базаровъ взялъ ея руку, отыскалъ ровно бившуюся жилку, и даже не сталъ считать ея ударовъ.—Сто лѣтъ проживете, промолвилъ онъ, выпуская ея руку.

— Ахъ, сохрани Богъ! воскликнула она.

— А что̀? Развѣ вамъ не хочется долго пожить?

— Да вѣдь сто лѣтъ! У насъ бабушка была, восьмидесяти пяти лѣтъ—такъ ужь что же это была за мученица! Черная, глухая, горбатая, все кашляла; себѣ только въ тягость. Какая ужь это жизнь!

— Такъ лучше быть молодою?

— А то какъ же?

— Да чѣмъ же оно лучше? Скажите мнѣ?

— Какъ чѣмъ? Да вотъ я теперь молодая, все могу сдѣлать—и пойду, и приду, и принесу, и никого мнѣ просить не нужно... Чего лучше?

— А вотъ мнѣ все равно: молодъ ли я или старъ.

— Какъ это вы говорите—все равно? это невозможно, что вы говорите.

— Да вы сами посудите, Ѳедосья Николавна, на что мнѣ моя молодость? Живу я одинъ, бобылемъ....

— Это отъ васъ всегда зависитъ.

— То-то что не отъ меня! Хоть бы кто-нибудь надо мною сжалился.

Ѳеничка сбоку посмотрѣла на Базарова, но ничего не сказала.

— Это что у васъ за книга? спросила она, погодя немного.

— Эта-то? Это ученая книга, мудреная.

— А вы все учитесь? И не скучно вамъ? Вы ужь и такъ, я чай, все знаете.

— Видно не все. Попробуйте-ка вы прочесть немного.

— Да я ничего тутъ не пойму. Она у васъ русская? спросала Ѳеничка, принимая въ обѣ руки тяжело переплетенный томъ.—Какая толстая!

— Русская.

— Все равно, я ничего не пойму.

— Да я и не съ тѣмъ чтобы вы поняли. Мнѣ хочется посмотрѣть на васъ, какъ вы читать будете. У васъ, когда вы читаете, кончикъ носика очень мило двигается.

Ѳеничка, которая принялась было разбирать вполголоса попавшуюся ей статью „о креозотѣ“, засмѣялась и бросила книгу... Она скользнула со скамейки на землю.

— Я люблю тоже, когда вы смѣетесь, промолвилъ Базаровъ.

— Полноте!

— Я люблю, когда вы говорите. Точно ручеекъ журчитъ.

Ѳеничка отворотила голову.—Какой вы! промолвила она,

перебирая пальцами по цвѣтамъ.—И что̀ вамъ меня слушать? Вы съ такими умными дамами разговоръ имѣли.

— Эхъ, Ѳедосья Николавна! повѣрьте мнѣ: всѣ умныя дамы на свѣтѣ не сто́ятъ вашего локотка.

— Ну, вотъ еще что̀ выдумали! шепнула Ѳеничка, и поджала руки.

Базаровъ поднялъ съ земли книгу.—Это лѣкарская книга, зачѣмъ вы ее бросаете?

— Лѣкарская? повторила Ѳеничка, и повернулась къ нему.—А знаете что̀? Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ вы мнѣ тѣ капельки дали, помните? ужь какъ Митя спитъ хорошо! Я ужь и не придумаю, какъ мнѣ васъ благодарить; такой вы добрый, право.

— А по настоящему надо лѣкарямъ платить, замѣтилъ съ усмѣшкой Базаровъ.—Лѣкаря, вы сами знаете, люди корыстные.

Ѳеничка подняла на Базарова свои глаза, казавшіеся еще темнѣе отъ бѣловатаго отблеска, падавшаго на верхнюю часть ея лица. Она не знала—шутитъ ли онъ, или нѣтъ.

— Если вамъ угодно, мы съ удовольствіемъ... Надо будетъ у Николая Петровича спросить...

— Да вы думаете, я денегъ хочу? перебилъ ее Базаровъ.—Нѣтъ, мнѣ отъ васъ не деньги нужны.

— Что̀ же? проговорила Ѳеничка.

— Что̀? повторилъ Базаровъ.—Угадайте.

— Что̀ я за отгадчица!

— Такъ я вамъ скажу; мнѣ нужно.... одну изъ этихъ розъ.

Ѳеничка опять засмѣялась и даже руками всплеснула, до того ей показалось забавнымъ желаніе Базарова. Она смѣялась, и въ то же время чувствовала себя польщенною. Базаровъ пристально смотрѣлъ на нее.

— Извольте, извольте, промолвила она наконецъ, и, нагнувшись къ скамейкѣ, принялась перебирать розы.—Какую вамъ, красную или бѣлую?

— Красную, и не слишкомъ большую.

Она выпрямилась.—Вотъ возьмите, сказала она, но тотчасъ же отдернула протянутую руку, и, закусивъ губы, глянула на входъ бесѣдки, потомъ приникла ухомъ.

— Что такое? спросилъ Базаровъ.—Николай Петровичъ?

— Нѣтъ... Они въ поле уѣхали... да я и не боюсь ихъ.... а вотъ Павелъ Петровичъ... Мнѣ показалось....

— Что?

— Мнѣ показалось, что *они* тутъ ходятъ. Нѣтъ... никого нѣтъ. Возьмите.—Ѳеничка отдала Базарову розу.

— Съ какой стати вы Павла Петровича боитесь.

— Они меня все пугаютъ. Говорить—не говорятъ, а такъ смотрятъ мудрено. Да вѣдь и вы его не любите. Помните прежде, вы все съ нимъ спорили. Я и не знаю, о чемъ у васъ споръ идетъ, а вижу, что вы его и такъ вертите, и такъ...

Ѳеничка показала руками какъ, по ея мнѣнію, Базаровъ вертѣлъ Павла Петровича.

Базаровъ улыбнулся.—А еслибъ онъ меня побѣждать сталъ, спросилъ онъ,—вы бы за меня заступились?

— Гдѣ жь мнѣ за васъ заступаться? Да нѣтъ, съ вами не сладишь.

— Вы думаете? А я знаю руку, которая, захочетъ, и пальцемъ меня сшибетъ.

— Какая такая рука?

— А вы, небось, не знаете? Понюхайте, какъ славно пахнетъ роза, что вы мнѣ дали.

Ѳеничка вытянула шейку и приблизила лицо къ цвѣтку... Платокъ скатился съ ея головы на плеча; показалась мягкая масса черныхъ, блестящихъ, слегка растрепанныхъ волосъ.

— Постойте, я хочу понюхать съ вами, промолвилъ Базаровъ, нагнулся, и крѣпко поцѣловалъ ее въ раскрытыя губы.

Она дрогнула, уперлась обѣими руками въ его грудь, но уперлась слабо, и онъ могъ возобновить и продлить свой поцѣлуй.

Сухой кашель раздался за сиренями. Ѳеничка мгновенно отодвинулась на другой конецъ скамейки. Павелъ Петровичъ показался, слегка поклонился и, проговоривъ къ какою-то забавною унылостью: „вы здѣсь“ — удалился. Ѳеничка тотчасъ подобрала всѣ розы и вышла вонъ изъ бесѣдки. „Грѣшно вамъ, Евгеній Васильичъ“, шепнула она, уходя. Неподдѣльный упрекъ слышался въ ея шепотѣ.

Базаровъ вспомнилъ другую недавнюю сцену, и совѣстно ему стало, и презрительно досадно. Но онъ тотчасъ же встряхнулъ головой, иронически поздравилъ себя „съ фор-

мальнымъ поступленіемъ въ селадоны“, и отправился къ себѣ въ комнату.

А Павелъ Петровичъ вышелъ изъ саду и, медленно шагая, добрался до лѣса. Онъ остался тамъ довольно долго, и когда онъ вернулся къ завтраку, Николай Петровичъ заботливо спросилъ у него, здоровъ ли онъ? до того лицо его потемнѣло.

— Ты знаешь, я иногда страдаю разлитіемъ желчи, спокойно отвѣчалъ ему Павелъ Петровичъ.

XXIV.

Часа два спустя, онъ стучался въ дверь къ Базарову.

— Я долженъ извиниться, что мѣшаю вамъ въ вашихъ ученыхъ занятіяхъ, началъ онъ, усаживаясь на стулѣ у окна и опираясь обѣими руками на красивую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости (онъ обыкновенно хаживалъ безъ трости),—но я принужденъ просить васъ удѣлить мнѣ пять минутъ вашего времени... не болѣе.

— Все мое время къ вашимъ услугамъ, отвѣтилъ Базаровъ, у котораго что-то пробѣжало по лицу, какъ только Павелъ Петровичъ переступилъ порогъ двери.

— Съ меня пяти минутъ довольно. Я пришелъ предложить вамъ одинъ вопросъ?

— Вопросъ? О чемъ это?

— А вотъ извольте выслушать. Въ началѣ вашего пребыванія въ домѣ моего брата, когда я еще не отказывалъ себѣ въ удовольствіи бесѣдовать съ вами, мнѣ случалось слышать ваши сужденія о многихъ предметахъ; но, сколько мнѣ помнится, ни между нами, ни въ моемъ присутствіи, рѣчь никогда не заходила о поединкахъ, о дуэли вообще. Позвольте узнать, какое ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ?

Базаровъ, который всталъ было на встрѣчу Павлу Петровичу, присѣлъ на край стола и скрестилъ руки.—Вотъ мое мнѣніе, сказалъ онъ: съ теоретической точки зрѣнія, дуэль—нелѣпость; ну, а съ практической точки зрѣнія — это дѣло другое.

— То-есть, вы хотите сказать, если я только васъ понялъ, что какое бы ни было ваше теоретическое воззрѣніе

на дуэль, на практикѣ вы бы не позволили оскорбить себя, не потребовавъ удовлетворенія?

— Вы вполнѣ отгадали мою мысль.

— Очень хорошо-съ. Мнѣ очень пріятно это слышать отъ васъ. Ваши слова выводятъ меня изъ неизвѣстности...

— Изъ нерѣшимости, хотите вы сказать.

— Это все равно-съ; я выражаюсь такъ, чтобы меня поняли; я... не семинарская крыса. Ваши слова избавляютъ меня отъ нѣкоторой печальной необходимости. Я рѣшился драться съ вами.

Базаровъ вытаращилъ глаза. — Со мной?

— Непремѣнно съ вами.

— Да за что? помилуйте.

— Я бы могъ объяснить вамъ причину, началъ Павелъ Петровичъ. — Но я предпочитаю умолчать о ней. Вы на мой вкусъ здѣсь лишній; я васъ терпѣть не могу, я васъ презираю, и если вамъ этого недовольно...

Глаза Павла Петровича засверкали... Они вспыхнули и у Базарова.

— Очень хорошо-съ, проговорилъ онъ. — Дальнѣйшихъ объясненій не нужно. Вамъ пришла фантазія испытать на мнѣ свой рыцарскій духъ. Я бы могъ отказать вамъ въ этомъ удовольствіи, да ужь куда ни шло!

— Чувствительно вамъ обязанъ, отвѣтилъ Павелъ Петровичъ,—и могу теперь надѣяться, что вы примете мой вызовъ, не заставивъ меня прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ.

— То-есть, говоря безъ аллегорій,—къ этой палкѣ? хладнокровно замѣтилъ Базаровъ. — Это совершенно справедливо. Вамъ нисколько не нужно оскорблять меня. Оно же и не совсѣмъ безопасно. Вы можете остаться джентльменомъ... Принимаю вашъ вызовъ тоже по-джентльменски.

— Прекрасно, промолвилъ Павелъ Петровичъ, и поставилъ трость въ уголъ.—Мы сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ объ условіяхъ нашей дуэли; но я сперва желалъ бы узнать, считаете ли вы нужнымъ прибѣгнуть къ формальности небольшой ссоры, которая могла бы служить предлогомъ моему вызову?

— Нѣтъ, лучше безъ формальностей.

— Я самъ такъ думаю. Полагаю также неумѣстнымъ вникать въ настоящія причины нашего столкновенія. Мы другъ друга терпѣть не можемъ. Чего же больше?

— Чего же больше? повторилъ иронически Базаровъ.

— Что же касается до самыхъ условій поединка, то такъ какъ у насъ секундантовъ не будетъ,—ибо гдѣ жь ихъ взять?

— Именно, гдѣ ихъ взять?

— То я имѣю честь предложить вамъ слѣдующее: драться намъ завтра рано, положимъ въ шесть часовъ, за рощей, на пистолетахъ; барьеръ въ десяти шагахъ...

— Въ десяти шагахъ? это такъ; мы на это разстояніе ненавидимъ другъ друга.

— Можно и восемь, замѣтилъ Павелъ Петровичъ.

— Можно; отчего же!

— Стрѣлять два раза; а на всякій случай каждому положить себѣ въ карманъ письмецо, въ которомъ онъ самъ обвинитъ себя въ своей кончинѣ.

— Вотъ съ этимъ я несовсѣмъ согласенъ, промолвилъ Базаровъ. — Немножко на французскій романъ сбивается, неправдоподобно что-то.

— Быть-можетъ. Однако согласитесь, что непріятно подвергнуться подозрѣнію въ убійствѣ?

— Соглашаюсь. Но есть средство избѣгнуть этого грустнаго нареканія. Секундантовъ у насъ не будетъ, но можетъ быть свидѣтель.

— Кто именно, позвольте узнать?

— Да Петръ.

— Какой Петръ?

— Камердинеръ вашего брата. Онъ человѣкъ, стоящій на высотѣ современнаго образованія, и исполнитъ свою роль со всѣмъ необходимымъ въ подобныхъ случаяхъ *комильфо*.

— Мнѣ кажется, вы шутите, милостивый государь.

— Нисколько. Обсудивши мое предложеніе, вы убѣдитесь, что оно исполнено здраваго смысла и простоты. Шила въ мѣшкѣ не утаишь, а Петра я берусь подготовить надлежащимъ образомъ и привести на мѣсто побоища.

— Вы продолжаете шутить, произнесъ, вставая со стула, Павелъ Петровичъ. — Но послѣ любезной готовности, оказанной вами, я не имѣю права быть на васъ въ претензіи... Итакъ все устроено... Кстати, пистолетовъ у васъ нѣтъ?

— Откуда будутъ у меня пистолеты, Павелъ Петровичъ? Я не воинъ.

— Въ такомъ случаѣ предлагаю вамъ мои. Вы можете

быть увѣрены, что вотъ уже пять лѣтъ какъ я не стрѣлялъ изъ нихъ.

— Это очень утѣшительное извѣстіе.

Павелъ Петровичъ досталъ свою трость...—За симъ милостивый государь, мнѣ остается только благодарить васъ и возвратить васъ вашимъ занятіямъ Честь имѣю кланяться.

— До пріятнаго свиданія, милостивый государь мой, промолвилъ Базаровъ, провожая гостя.

Павелъ Петровичъ вышелъ, а Базаровъ постоялъ передъ дверью и вдругъ воскликнулъ: „Фу ты, чортъ! какъ красиво, и какъ глупо! Экую мы комедію отломали! Ученыя собаки такъ на заднихъ лапахъ танцуютъ. А отказать было невозможно; вѣдь онъ меня, чего добраго, ударилъ бы, и тогда... (Базаровъ поблѣднѣлъ при одной этой мысли, вся его гордость такъ и поднялась на дыбы.) Тогда пришлось бы задушить, его какъ котенка.“ Онъ возвратился къ своему микроскопу, но сердце у него расшевелилось и спокойствіе, необходимое для наблюденій, исчезло. „Онъ насъ увидѣлъ сегодня, думалъ онъ, но неужели жь это онъ за брата такъ вступился? Да и что̀ за важность, поцѣлуй? Тутъ что-нибудь другое есть. Ба! да не влюбленъ ли онъ самъ? Разумѣется, влюбленъ; это ясно какъ день. Какой переплетъ, подумаешь!..“

„Скверно! рѣшилъ онъ наконецъ:—скверно, съ какой стороны ни посмотри.—Вопервыхъ, надо будетъ подставлять лобъ, и во всякомъ случаѣ уѣхать; а тутъ Аркадій... и эта Божья коровка Николай Петровичъ. Скверно, скверно.“

День прошелъ какъ-то особенно тихо и вяло. Ѳенички словно на свѣтѣ не бывало; она сидѣла въ своей комнаткѣ, какъ мышенокъ въ норкѣ. Николай Петровичъ имѣлъ видъ озабоченный. Ему донесли, что въ его пшеницѣ, на которую онъ особенно надѣялся, показалась головня. Павелъ Петровичъ подавлялъ всѣхъ, даже Прокофьича, своею леденящею вѣжливостью. Базаровъ началъ было письмо къ отцу, да разорвалъ его и бросилъ подъ столъ. „Умру, подумалъ онъ, узнаютъ; да я не умру. Нѣтъ, я еще долго на свѣтѣ маячить буду.“ Онъ велѣлъ Петру придти къ нему на слѣдующій день чуть свѣтъ, для важнаго дѣла: Петръ вообразилъ, что онъ хочетъ взять его съ собой въ Петербургъ. Базаровъ легъ поздно и всю ночь его мучили безпорядочные сны... Одинцова кружилась передъ нимъ, она

же была его мать, за ней ходила кошечка съ черными усиками, и эта кошечка была Ѳеничка; а Павелъ Петровичъ представлялся ему большимъ лѣсомъ, съ которымъ онъ все-таки долженъ былъ драться. Петръ разбудилъ его въ четыре часа; онъ тотчасъ одѣлся и вышелъ съ нимъ.

Утро было славное, свѣжее; маленькія пестрыя тучки стояли барашками на блѣдно-ясной лазури; мелкая роса высыпала на листьяхъ и травахъ, блистала серебромъ на паутинкахъ; влажная, темная земля, казалось, еще хранила румяный слѣдъ зари; со всего неба сыпались пѣсни жаворонковъ. Базаровъ дошелъ до рощи, присѣлъ въ тѣни на опушку, и только тогда открылъ Петру какой онъ ждалъ отъ него услуги. Образованный лакей перепугался на смерть; но Базаровъ успокоилъ его увѣреніемъ, что ему другаго нечего будетъ дѣлать какъ только стоять въ отдаленіи да глядѣть, и что отвѣтственности онъ не подвергается никакой.—„А между тѣмъ,“ прибавилъ онъ, „подумай, какая предстоитъ тебѣ важная роль!“ Петръ развелъ руками, потупился, и весь зеленый прислонился къ березѣ.

Дорога изъ Марьина огибала лѣсокъ; легкая пыль лежала на ней, еще не тронутая со вчерашняго дня ни колесомъ, ни ногою. Базаровъ невольно посматривалъ вдоль той дороги, рвалъ и кусалъ траву, а самъ все твердилъ про себя. „Экая глупость!“ Утренній холодокъ заставилъ его раза два вздрогнуть... Петръ уныло взглянулъ на него, но Базаровъ только усмѣхнулся: онъ не трусилъ.

Раздался топотъ конскихъ ногъ по дорогѣ... Мужикъ показался изъ-за деревьевъ. Онъ гналъ двухъ спутанныхъ лошадей передъ собою и, проходя мимо Базарова, посмотрѣлъ на него какъ-то странно, не ломая шапки, что видимо смутило Петра, какъ недоброе предзнаменованіе... „Вотъ этотъ тоже рано всталъ, подумалъ Базаровъ, да по крайней мѣрѣ за дѣломъ, а мы?..“

— Кажись, они идутъ-съ, шепнулъ вдругъ Петръ.

Базаровъ поднялъ голову и увидалъ Павла Петровича. Одѣтый въ легкій клѣтчатый пиджакъ и бѣлые, какъ снѣгъ, панталоны, онъ быстро шелъ по дорогѣ; подъ мышкой онъ несъ ящикъ, завернутый въ зеленое сукно.

— Извините, я, кажется, заставилъ васъ ждать, промолвилъ онъ, кланяясь сперва Базарову, потомъ Петру, въ ко-

торомъ онъ въ это мгновеніе уважалъ нѣчто въ родѣ секунданта.—Я не хотѣлъ будить моего камердинера.

— Ничего-съ, отвѣтилъ Базаровъ,—мы сами только что пришли.

— А! тѣмъ лучше!—Павелъ Петровичъ оглянулся кругомъ.—Никого не видать, никто не помѣшаетъ... Мы можемъ приступить?

— Приступимъ.

— Новыхъ объясненій вы, я полагаю, не требуете?

— Не требую.

— Угодно вамъ заряжать? спросилъ Павелъ Петровичъ, вынимая изъ ящика пистолеты.

— Нѣтъ; заряжайте вы, а я шаги отмѣривать стану. Ноги у меня длиннѣе, прибавилъ Базаровъ съ усмѣшкой.—Разъ, два, три.

— Евгеній Василичъ, съ трудомъ пролепеталъ Петръ (онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ), вся ваша воля, я отойду.

— Четыре... пять... Отойди, братецъ, отойди; можешь даже за дерево стать и уши заткнуть, только глазъ не закрывай; а повалится кто, бѣги подымать. Шесть... семь.... восемь...—Базаровъ остановился.—Довольно? промолвилъ онъ, обращаясь къ Павлу Петровичу:—или еще два шага накинуть?

— Какъ угодно, проговорилъ тотъ, заколачивая вторую пулю.

— Ну, накинемъ еще два шага.—Базаровъ провелъ носкомъ сапога черту по землѣ.—Вотъ и барьеръ. А кстати: на сколько шаговъ каждому изъ насъ отъ барьера отойдти? Это тоже важный вопросъ. Вчера объ этомъ не было дискуссіи.

— Я полагаю, на десять, отвѣтилъ Павелъ Петровичъ, подавая Базарову оба пистолета.—Соблаговолите выбрать.

— Соблаговоляю. А согласитесь, Павелъ Петровичъ, что поединокъ нашъ необычаенъ до смѣшнаго? Вы посмотрите только на физіономію нашего секунданта.

— Вамъ все желательно шутить, отвѣтилъ Павелъ Петровичъ.—Я не отрицаю странности нашего поединка, но я считаю долгомъ предупредить васъ, что я намѣренъ драться серіозно. A bon entendeur, salut!

— О! я не сомнѣваюсь въ томъ, что мы рѣшились истреблять другъ друга; но почему же не посмѣяться и не

сосдинить utile dulci? Такъ-то: вы мнѣ по-французски, а я вамъ по-латыни.

— Я буду драться серіозно, повторилъ Павелъ Петровичъ, и отправился на свое мѣсто. Базаровъ съ своей стороны отсчиталъ десять шаговъ отъ барьера и остановился.

— Вы готовы? спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Совершенно.

— Можемъ сходиться.

Базаровъ тихонько двинулся впередъ, и Павелъ Петровичъ пошелъ на него, заложивъ лѣвую руку въ карманъ и постепенно поднимая дуло пистолета... „Онъ мнѣ прямо въ носъ цѣлитъ“, подумалъ Базаровъ, „и какъ щурится старательно, разбойникъ! Однако это непріятное ощущеніе. Стану смотрѣть на цѣпочку его часовъ...“

Что-то рѣзко зыкнуло около самаго уха Базарова, и въ то же мгновенье раздался выстрѣлъ.—„Слышалъ, стало-быть ничего“, успѣло мелькнуть въ его головѣ. Онъ ступилъ еще разъ и, не цѣлясь, подавилъ пружинку.

Павелъ Петровичъ дрогнулъ слегка, и хватился рукою за ляжку. — Струйка крови потекла по его бѣлымъ панталонамъ.

Базаровъ бросилъ пистолетъ въ сторону и приблизился къ своему противнику.—Вы ранены? спросилъ онъ.

— Вы имѣли право подозвать меня къ барьеру, проговорилъ Павелъ Петровичъ,—а это пустяки. По условію, каждый имѣетъ еще по одному выстрѣлу.

— Ну, извините, это до другаго раза, отвѣчалъ Базаровъ, и обхватилъ Павла Петровича, который начиналъ блѣднѣть. Теперь я уже не дуэлистъ, а докторъ, и прежде всего долженъ осмотрѣть вашу рану. Петръ! поди же сюда, Петръ! куда ты спрятался?

— Все это вздоръ... Я не нуждаюсь ни въ чьей помощи, промолвилъ съ разстановкой Павелъ Петровичъ, — и... надо... опять... — Онъ хотѣлъ было дернуть себя за усъ, но рука его ослабѣла, глаза закатились, и онъ лишился чувствъ.

— Вотъ новость! Обморокъ! Съ чего бы? невольно воскликнулъ Базаровъ, опуская Павла Петровича на траву... Посмотримъ, что̀ за̀ штука? — Онъ вынулъ платокъ, отеръ кровь, пощупалъ вокругъ раны... Кость цѣла, бормоталъ онъ сквозь зубы,—пуля прошла неглубоко насквозь, одинъ мускулъ vastus externus задѣтъ. Хоть пляши черезъ три не-

дѣли!.. А обморокъ! Охъ, ужь эти мнѣ нервные люди! Вишь, кожа-то какая тонкая.

— Убиты-съ? прошелестилъ за его спиной трепетный голосъ Петра.

Базаровъ оглянулся. — Ступай за водой поскорѣе, братецъ, а онъ насъ съ тобой еще переживетъ.

Но усовершенствованный слуга, казалось, не понималъ его словъ и не двигался съ мѣста. Павелъ Петровичь медленно открылъ глаза.

— Кончается! шепнулъ Петръ и началъ креститься.

— Вы правы... Экая глупая физіономія! проговорилъ съ насильственною улыбкой раненый джентльменъ.

— Да ступай же за водой, чортъ! крикнулъ Базаровъ.

— Не нужно... Это былъ минутный vertige... Помогите мнѣ сѣсть... вотъ такъ... Эту царапину стоитъ только чѣмъ-нибудь прихватить, и я дойду домой пѣшкомъ, а не то можно дрожки за мной прислать. Дуэль, если вамъ угодно, не возобновляется. Вы поступили благородно... сегодня, сегодня— замѣтьте.

— О прошломъ вспоминать незачѣмъ, возразилъ Базаровъ, — а что касается до будущаго, то о немъ не стоитъ голову ломать, потому что я намѣренъ немедленно улизнуть. Дайте, я вамъ перевяжу теперь ногу; рана ваша—неопасная, а все лучше остановить кровь. Но сперва необходимо этого смертнаго привести въ чувство.

Базаровъ встряхнулъ Петра за воротъ и послалъ его за дрожками.

— Смотри, брата не испугай, сказалъ ему Павелъ Петровичъ,—не вздумай ему докладывать.

Петръ помчался; а пока онъ бѣгалъ за дрожками, оба противника сидѣли на землѣ и молчали. Павелъ Петровичъ старался не глядѣть на Базарова; помириться съ нимъ онъ все-таки не хотѣлъ; онъ стыдился своей заносчивости, своей неудачи, стыдился всего затѣяннаго имъ дѣла, хотя и чувствовалъ, что болѣе благопріятнымъ образомъ оно кончиться не могло. „Не будетъ по крайней мѣрѣ здѣсь торчать, успокоивалъ онъ себя:—и на томъ спасибо.“ Молчаніе длилось тяжелое и неловкое. Обоимъ было не хорошо. Каждый изъ нихъ сознавалъ, что другой его понимаетъ. Друзьямъ это сознаніе—пріятно, и весьма непріятно недругамъ, особенно когда нельзя ни объясниться, ни разойдтись.

— Не туго ли я завязалъ вамъ ногу? спросилъ наконецъ Базаровъ.

— Нѣтъ, ничего, прекрасно, отвѣчалъ Павелъ Петровичъ и, погодя немного, прибавилъ:—брата не обманешь, надо будетъ сказать ему, что мы повздорили изъ-за политики.

— Очень хорошо, промолвилъ Базаровъ. — Вы можете сказать, что я бранилъ всѣхъ англомановъ.

— И прекрасно. Какъ вы полагаете, что̀ думаетъ теперь о насъ этотъ человѣкъ? продолжалъ Павелъ Петровичъ, указывая на того самаго мужика, который за нѣсколько минутъ до дуэли прогналъ мимо Базарова спутанныхъ лошадей и, возвращаясь назадъ по дорогѣ, „забочилъ“ и снялъ шапку при видѣ „господъ“.

— Кто жь его знаетъ! отвѣтилъ Базаровъ: —всего вѣроятнѣе, что ничего не думаетъ. Русскій мужикъ—это тотъ самый таинственный незнакомецъ, о которомъ нѣкогда такъ много толковала госпожа Радклиффъ. Кто его пойметъ? Онъ самъ себя не понимаетъ.

— А! вотъ вы какъ! началъ было Павелъ Петровичъ, и вдругъ воскликнулъ:—посмотрите, что̀ вашъ глупецъ Петръ надѣлалъ! Вѣдь братъ сюда скачетъ!

Базаровъ обернулся и увидалъ блѣдное лицо Николая Петровича, сидѣвшаго на дрожкахъ. Онъ соскочилъ съ нихъ, прежде нежели онѣ остановились, и бросился къ брату. Что́ это значитъ? проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ:— Евгеній Васильичъ, помилуйте, что̀ это такое?

— Ничего, отвѣчалъ Павелъ Петровичъ,—напрасно тебя потревожили. Мы немножко повздорили съ господиномъ Базаровымъ, и я за это немножко поплатился.

— Да изъ-за чего все вышло, ради Бога?

— Какъ тебѣ сказать? Господинъ Базаровъ непочтительно отозвался о сэръ-Робертѣ Пилѣ. Спѣшу прибавить, что во всемъ этомъ виноватъ одинъ я, а господинъ Базаровъ велъ себя отлично. Я его вызвалъ.

— Да у тебя кровь, помилуй!

— А ты полагалъ у меня вода въ жилахъ? Но мнѣ это кровопусканіе даже полезно. Не правда ли, докторъ? Помоги мнѣ сѣсть на дрожки, и не предавайся меланхоліи. Завтра я буду здоровъ. Вотъ такъ; прекрасно. Трогай, кучеръ.

Николай Петровичъ пошелъ за дрожками; Базаровъ остался было назади...

— Я долженъ васъ просить заняться братомъ, сказалъ ему Николай Петровичъ,—пока намъ изъ города привезутъ другаго врача.

Базаровъ молча наклонилъ голову.

Часъ спустя, Павелъ Петровичъ уже лежалъ въ постели съ искусно забинтованною ногой. Весь домъ переполошился; Ѳеничкѣ сдѣлалось дурно. Николай Петровичъ втихомолку ломалъ себѣ руки, а Павелъ Петровичъ смѣялся, шутилъ, особенно съ Базаровымъ; надѣлъ тонкую батистовую рубашку, щегольскую утреннюю курточку и феску, не позволилъ опускать шторы оконъ, и забавно жаловался на необходимость воздержаться отъ пищи.

Къ ночи съ нимъ однако сдѣлался жаръ; голова у него заболѣла. Явился докторъ изъ города. (Николай Петровичъ не послушался брата, да и самъ Базаровъ этого желалъ; онъ цѣлый день сидѣлъ у себя въ комнатѣ, весь желтый и злой, и только на самое короткое время забѣгалъ къ больному; раза два ему случилось встрѣтиться съ Ѳеничкой, но она съ ужасомъ отъ него отскакивала.) Новый докторъ посовѣтовалъ прохладительныя питья, а впрочемъ подтвердилъ увѣренія Базарова, что опасности не предвидится никакой. Николай Петровичъ сказалъ ему, что братъ самъ себя поранилъ по неосторожности, на что̀ докторъ отвѣчалъ: „Гм!“—но получивъ тутъ же въ руку 25 рублей серебромъ, промолвилъ: „Скажите! Это часто случается, точно.“ Никто въ домѣ не ложился и не раздѣвался. Николай Петровичъ то и дѣло входилъ на цыпочкахъ къ брату, и на цыпочкахъ выходилъ отъ него: тотъ забывался, слегка охалъ, говорилъ ему по-французски: „couchez-vous,“—и просилъ пить. Николай Петровичъ заставилъ разъ Ѳеничку поднести ему стаканъ лимонаду; Павелъ Петровичъ посмотрѣлъ на нее пристально, и выпилъ стаканъ до дна. Къ утру жаръ немного усилился, показался легкій бредъ. Сперва Павелъ Петровичъ произносилъ несвязныя слова; потомъ онъ вдругъ открылъ глаза и, увидавъ возлѣ своей постели брата, заботливо наклонившагося надъ нимъ, промолвилъ:—А не правда ли, Николай, въ Ѳеничкѣ есть что-то общее съ Нелли?

— Съ какою Нелли, Паша?

— Какъ это ты спрашиваешь! Съ княгинею Р.... Особенно въ верхней части. C'est de la même famille.

Николай Петровичъ ничего не отвѣчалъ, и самъ про себя подивился живучести старыхъ чувствъ въ человѣкѣ. „Вотъ когда всплыло“, подумалъ онъ.

— Ахъ, какъ я люблю это пустое существо! простоналъ Павелъ Петровичъ, тоскливо закидывая руки за голову.— Я не потерплю, чтобы какой-нибудь наглецъ посмѣлъ коснуться... лепеталъ онъ нѣсколько мгновеній спустя.

Николай Петровичъ только вздохнулъ; онъ и не подозрѣвалъ, къ кому относились эти слова.

Базаровъ явился къ нему на другой день, часовъ въ восемь. Онъ успѣлъ уже уложиться и выпустить на волю всѣхъ своихъ лягушекъ, насѣкомыхъ и птицъ.

— Вы пришли со мной проститься? проговорилъ Николай Петровичъ, поднимаясь ему на встрѣчу.

— Точно такъ-съ.

— Я васъ понимаю, и одобряю васъ вполнѣ. Мой бѣдный братъ, конечно, виноватъ: за то онъ и наказанъ. Онъ мнѣ самъ сказалъ, что поставилъ васъ въ невозможность иначе дѣйствовать. Я вѣрю, что вамъ нельзя было избѣгнуть этого поединка, который... который до нѣкоторой степени объясняется однимъ лишь постояннымъ антагонизмомъ вашихъ взаимныхъ воззрѣній. (Николай Петровичъ путался въ своихъ словахъ и дышалъ усиленно.) Мой братъ— человѣкъ прежняго закала, вспыльчивый и упрямый... Слава Богу, что еще такъ кончилось. Я принялъ всѣ нужныя мѣры къ избѣжанію огласки...

— Я вамъ оставлю свой адресъ на случай, если выйдетъ исторія, замѣтилъ небрежно Базаровъ...

— Я надѣюсь, что никакой исторіи не выйдетъ, Евгеній Васильичъ... Мнѣ очень жаль, что ваше пребываніе въ моемъ домѣ получило такое... такой конецъ. Мнѣ это тѣмъ огорчительнѣе, что Аркадій...

— Я, должно-быть, съ нимъ увижусь, перебилъ Базаровъ, въ которомъ всякаго рода „объясненія“ и „изъявленія“ постоянно возбуждали нетерпѣливое чувство:—въ противномъ случаѣ, прошу васъ поклониться ему отъ меня и принять выраженіе моего сожалѣнія.

— И я прошу... отвѣтилъ съ поклономъ Николай Петровичъ; но Базаровъ не дождался конца его фразы и вышелъ.

Узнавъ объ отъѣздѣ Базарова, Павелъ Петровичъ пожелалъ его видѣть и пожалъ ему руку. Но Базаровъ и тутъ остался холоденъ какъ ледъ; онъ понималъ, что Павлу Петровичу захотѣлось повеликодушничать. Съ Ѳеничкой ему не удалось проститься: онъ только переглянулся съ нею изъ окна. Ея лицо показалось ему печальнымъ. „Пропадетъ, пожалуй!“ сказа ъ онъ про себя... „Ну, выдерется какъ-нибудь!“ За то Петръ расчувствовался до того, что плакалъ у него на плечѣ, пока Базаровъ не охладилъ его вопросомъ: „Не на мокромъ ли мѣстѣ у него глаза?“ а Дуняша принуждена была убѣжать въ рощу, чтобы скрыть свое волненіе. Виновникъ всего этого горя взобрался на телѣгу, закурилъ сигару, и когда, на четвертой верстѣ, при поворотѣ дороги, въ послѣдній разъ предстала его глазамъ развернутая въ одну линію Кирсановская усадьба съ своимъ новымъ господскимъ домомъ, онъ только сплюнулъ и, пробормотавъ: „барчуки проклятые“, плотнѣе завернулся въ шинель.

Ему и въ голову не пришло, что онъ въ этомъ самомъ домѣ нарушилъ всѣ права гостепріимства.

Павлу Петровичу скоро полегчило; но въ постели пришлось ему пролежать около недѣли. Онъ переносилъ свой, какъ онъ выражался, *плѣнъ* довольно терпѣливо, только ужь очень возился съ туалетомъ и все приказывалъ курить одеколономъ. Николай Петровичъ читалъ ему журналы, Ѳеничка ему прислуживала попрежнему, приносила бульйонъ, лимонадъ, яйца въ смятку, чай; но тайный ужасъ овладѣвалъ ею каждый разъ, когда она входила въ его комнату. Неожиданный поступокъ Павла Петровича запугалъ всѣхъ людей въ домѣ, а ее больше всѣхъ; одинъ Прокофьичъ не смутился и толковалъ, что и въ его время господа дирывались, „только благородные господа между собою, а эдакихъ прощалыгъ они бы за грубость на конюшнѣ отодрать велѣли.“

Совѣсть почти не упрекала Ѳеничку; но мысль о настоящей причинѣ ссоры мучила ее повременамъ; да и Павелъ Петровичъ глядѣлъ на нее такъ странно... такъ, что она, даже обернувшись къ нему спиною, чувствовала на себѣ его глаза. Она похудѣла отъ непрестанной внутренней тревоги и, какъ водится, стала еще милѣй.

Однажды—дѣло было утромъ — Павелъ Петровичъ хорошо себя чувствовалъ и перешелъ съ постели на диванъ,

а Николай Петровичъ, освѣдомившись объ его здоровьи, отлучился на гумно. Ѳеничка принесла чашку чаю и, поставивъ ее на столикъ, хотѣла было удалиться. Павелъ Петровичъ ее удержалъ.

— Куда вы такъ спѣшите, Ѳедосья Николаевна, началъ онъ,—развѣ у васъ дѣло есть?

— Нѣтъ-съ... да-съ... Нужно тамъ чай разливать.

— Дуняша это безъ васъ сдѣлаетъ; посидите немножко съ больнымъ человѣкомъ. Кстати, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Ѳеничка молча присѣла на край кресла.

— Послушайте, промолвилъ Павелъ Петровичъ, и подергалъ свои усы,—я давно хотѣлъ у васъ спросить: вы какъ будто меня боитесь?

— Я-съ?..

— Да, вы. Вы на меня никогда не смотрите, точно у васъ совѣсть не чиста.

Ѳеничка покраснѣла, но взглянула на Павла Петровича. Онъ показался ей какимъ-то страннымъ, и сердце у ней тихонько задрожало.

— Вѣдь у васъ совѣсть чиста? спросилъ онъ ее.

— Отчего же ей не быть чистою? шепнула она.

— Мало ли отчего! Впрочемъ, передъ кѣмъ можете вы быть виноватою? Передо мной? Это невѣроятно. Передъ другими лицами здѣсь въ домѣ? Это тоже дѣло несбыточное. Развѣ передъ братомъ? Но вѣдь вы его любите?

— Люблю.

— Всей душой, всѣмъ сердцемъ?

— Я Николая Петровича всѣмъ сердцемъ люблю.

— Право? Посмотрите-ка на меня, Ѳеничка (онъ въ первый разъ такъ называлъ ее)... вы знаете—большой грѣхъ лгать!

— Я не лгу, Павелъ Петровичъ. Мнѣ Николая Петровича не любить, да послѣ этого мнѣ и жить не надо!

— И ни на кого вы его не промѣняете?

— На кого жь могу я его промѣнять?

— Мало ли на кого! Да вотъ хоть бы на этого господина что̀ отсюда уѣхалъ.

Ѳеничка встала.—Господи Боже мой, Павелъ Петровичъ, за что̀ вы меня мучите? Что̀ я вамъ сдѣлала? Ка̀къ это можно такое говорить?..

— Ѳеничка, промолвилъ печальнымъ голосомъ Павелъ Петровичъ:—вѣдь я видѣлъ...

— Что̀ вы видѣли-съ?

— Да тамъ... въ бесѣдкѣ.

Ѳеничка зардѣлась вся до волосъ и до ушей. — А чѣмъ же я тутъ виновата? произнесла она съ трудомъ.

Павелъ Петровичъ приподнялся.—Вы невиноваты? Нѣтъ? Нисколько?

— Я Николая Петровича одного на свѣтѣ люблю, и вѣкъ любить буду! проговорила съ внезапною силой Ѳеничка, между тѣмъ какъ рыданья такъ и поднимали ея горло:—а что̀ вы видѣли, такъ я на страшномъ судѣ скажу, что вины моей въ томъ нѣтъ, и не было, и ужь лучше мнѣ умереть сейчасъ, коли меня въ такомъ дѣлѣ подозрѣвать могутъ, что я передъ моимъ благодѣтелемъ, Николаемъ Петровичемъ...

Но тутъ голосъ измѣнилъ ей, и въ то же время она почувствовала, что Павелъ Петровичъ ухватилъ и стиснулъ ея руки... Она посмотрѣла на него, и такъ и окаменѣла. Онъ сталъ еще блѣднѣе прежняго; глаза его блистали, и что̀ всего было удивительнѣе, тяжелая, одинокая слеза катилась по его щекѣ.

— Ѳеничка! сказалъ онъ какимъ-то чуднымъ шепотомъ:—любите, любите моего брата! Онъ такой добрый, хорошій человѣкъ! Не измѣняйте ему ни для кого на свѣтѣ, не слушайте ничьихъ рѣчей! Подумайте, что̀ можетъ быть ужаснѣе, какъ любить и не быть любимымъ! Не покидайте никогда моего бѣднаго Николая!

Глаза высохли у Ѳенички, и страхъ ея прошелъ,—до того велико было ея изумленіе. Но что̀ сталось съ ней, когда Павелъ Петровичъ, самъ Павелъ Петровичъ, прижалъ ея руку къ своимъ губамъ, и такъ и приникъ къ ней, не цѣлуя ея и только изрѣдка судорожно вздыхая...

„Господи! подумала она, ужь не припадокъ ли съ нимъ?..“

А въ это мгновеніе цѣлая погибшая жизнь въ немъ трепетала.

Лѣстница заскрипѣла подъ быстрыми шагами... Онъ оттолкнулъ ее отъ себя прочь, и откинулся головой на подушку. Дверь раскрылась,—и веселый, свѣжій, румяный появился Николай Петровичъ. Митя, такой же свѣжій и румяный какъ и отецъ, подпрыгивалъ въ одной рубашечкѣ на его груди, цѣпляясь голыми ножками за большія пуговицы его деревенскаго пальто.

Ѳеничка такъ и бросилась къ нему и, обвивъ руками и его, и сына, припала головой къ его плечу. Николай Петровичъ удивился: Ѳеничка, застѣнчивая и скромная, никогда не ласкалась къ нему въ присутствіи третьяго лица.

— Что̀ съ тобой? промолвилъ онъ и, глянувъ на брата, передалъ ей Митю.—Ты не хуже себя чувствуешь? спросилъ онъ, подходя къ Павлу Петровичу.

Тотъ уткнулъ свое лицо въ батистовый платокъ.—Нѣтъ... такъ... ничего... Напротивъ, мнѣ гораздо лучше.

— Ты напрасно поспѣшилъ перейдти на диванъ. Ты куда? прибавилъ Николай Петровичъ, оборачиваясь къ Ѳеничкѣ, но та уже захлопнула за собою дверь.—Я было принесъ показать тебѣ моего богатыря; онъ соскучился по своемъ дядѣ. Зачѣмъ это она унесла его? Однако, что̀ съ тобой? Произошло у васъ тутъ что-нибудь, что̀ ли?

— Братъ! торжественно проговорилъ Павелъ Петровичъ.

Николай Петровичъ дрогнулъ. Ему стало жутко, онъ самъ не понималъ почему.

— Братъ, повторилъ Павелъ Петровичъ,—дай мнѣ слово исполнить одну мою просьбу.

— Какую просьбу? Говори.

— Она очень важна; отъ нея, по моимъ понятіямъ, зависитъ все счастье твоей жизни. Я все это время много размышлялъ о томъ, что̀ я хочу теперь сказать тебѣ... Братъ, исполни обазанность твою, обязанность честнаго и благороднаго человѣка, прекрати соблазнъ и дурной примѣръ, который подается тобою, тобою, лучшимъ изъ людей!

— Что̀ ты хочешь сказать, Павелъ?

— Женись на Ѳеничкѣ... Она тебя любитъ; она—мать твоего сына.

Николай Петровичъ отступилъ на шагъ и всплеснулъ руками.—Ты это говоришь, Павелъ? ты, котораго я считалъ всегда самымъ непреклоннымъ противникомъ подобныхъ браковъ! Ты это говоришь! Но развѣ ты не знаешь, что единственно изъ уваженія къ тебѣ я не исполнилъ того, что̀ ты такъ справедливо назвалъ моимъ долгомъ!

— Напрасно жь ты уважалъ меня въ этомъ случаѣ, возразилъ съ унылою улыбкой Павелъ Петровичъ.—Я начинаю думать что Базаровъ былъ правъ, когда упрекалъ меня въ аристократизмѣ. Нѣтъ, милый братъ, полно намъ ломаться и думать о свѣтѣ: мы люди уже старые и смир-

ные; пора намъ отложить въ сторону всякую суету. Именно, какъ ты говоришь, станемъ исполнять нашъ долгъ; и посмотри, мы еще и счастье получимъ въ придачу.

Николай Петровичъ бросился обнимать своего брата.

— Ты мнѣ окончательно открылъ глаза! воскликнулъ онъ.— Я недаромъ всегда утверждалъ, что ты самый добрый и умный человѣкъ въ мірѣ; а теперь я вижу, что ты такой же благоразумный, какъ и великодушный.

— Тише, тише, перервалъ его Павелъ Петровичъ.—Не развереди ногу твоего благоразумнаго брата, который подъ пятьдесятъ лѣтъ дрался на дуэли, какъ прапорщикъ. Итакъ, это дѣло рѣшеное: Ѳеничка будетъ моею... belle soeur.

— Дорогой мой Павелъ! Но что̀ скажетъ Аркадій?

— Аркадій? Онъ восторжествуетъ, помилуй! Бракъ не въ его принсипахъ, за то чувство равенства будетъ въ немъ польщено. Да и дѣйствительно, что̀ за касты au dix-neuvième siècle?

— Ахъ, Павелъ, Павелъ! дай мнѣ еще разъ тебя поцѣловать. Не бойся, я осторожно.

Братья обнялись.

— Какъ ты полагаешь, не объявить ли ей твое намѣреніе теперь же? спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Къ чему спѣшить? возразилъ Николай Петровичъ.— Развѣ у васъ былъ разговоръ?

— Разговоръ, у насъ? Quelle idée!

— Ну, и прекрасно. Прежде всего выздоравливай, а это отъ насъ не уйдетъ. Надо подумать хорошенько, сообразить...

— Но вѣдь ты рѣшился?

— Конечно рѣшился, и благодарю тебя отъ души. Я теперь тебя оставлю; тебѣ надо отдохнуть; всякое волненіе тебѣ вредно... Но мы еще потолкуемъ. Засни, душа моя, и дай Богъ тебѣ здоровья!

„За что̀ онъ меня такъ благодаритъ? подумалъ Павелъ Петровичъ, оставшись одинъ. Какъ будто это не отъ него зависѣло! А я, какъ только онъ женится, уѣду куда-нибудь подальше, въ Дрезденъ или во Флоренцію, и буду тамъ жить, пока околѣю.“

Павелъ Петровичъ помочилъ себѣ лобъ одеколономъ и закрылъ глаза. Освѣщенная яркимъ дневнымъ свѣтомъ, его красивая, исхудалая голова лежала на бѣлой подушкѣ, какъ голова мертвеца... Да онъ и былъ мертвецъ....

XXV.

Въ Никольскомъ, въ саду, въ тѣни высокаго ясеня, сидѣли на дерновой скамейкѣ Катя съ Аркадіемъ; на землѣ возлѣ нихъ помѣстилась Фифи, придавъ своему длинному тѣлу тотъ изящный поворотъ, который у охотниковъ слыветъ „русачьей полежкой“. И Аркадій, и Катя молчали; онъ держалъ въ рукахъ полураскрытую книгу, а она выбирала изъ корзинки оставшіяся въ ней крошки бѣлаго хлѣба, и бросала ихъ небольшой семейкѣ воробьевъ, которые, съ свойственной имъ трусливою дерзостью, прыгали и чирикали у самыхъ ея ногъ. Слабый вѣтеръ, шевеля въ листьяхъ ясеня, тихонько двигалъ взадъ и впередъ, и по темной дорожкѣ, и по желтой спинѣ Фифи, блѣдно-золотыя пятна свѣта; ровная тѣнь обливала Аркадія и Катю; только изрѣдка въ ея волосахъ зажигалась яркая полоска. Они молчали оба; но именно въ томъ, какъ они молчали, какъ они сидѣли рядомъ, сказывалось довѣрчивое сближеніе: каждый изъ нихъ какъ будто и не думалъ о своемъ сосѣдѣ, а втайнѣ радовался его близости. И лица ихъ измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ мы ихъ видѣли въ послѣдній разъ: Аркадій казался спокойнѣе, Катя оживленнѣе, смѣлѣй.

— Не находите ли вы, началъ Аркадій,—что *ясень* по-русски очень хорошо названъ: ни одно дерево такъ легко и *ясно* не сквозитъ на воздухѣ, какъ онъ.

Катя подняла глаза кверху и промолвила: „Да,“ а Аркадій подумалъ: „вотъ эта не упрекаетъ меня за то, что я *красиво* выражаюсь.“

— Я не люблю Гейне, заговорила Катя, указывая глазами на книгу, которую Аркадій держалъ въ рукахъ,—ни когда онъ смѣется, ни когда онъ плачетъ: я его люблю, когда онъ задумчивъ и груститъ.

— А мнѣ нравится, когда онъ смѣется, замѣтилъ Аркадій.

— Это въ васъ еще старые слѣды вашего сатирическаго направленія... (Старые слѣды! подумалъ Аркадій—еслибъ Базаровъ это слышалъ!) Погодите, мы васъ передѣлаемъ.

— Кто меня передѣлаетъ? Вы?

— Кто? Сестра; Порфирій Платонычъ, съ которымъ вы уже не ссоритесь; тетушка, которую вы третьяго дня проводили въ церковь.

— Не могъ же я отказаться! А что̀ касается до Анны Сергѣвны, она сама, вы помните, во многомъ соглашалась съ Евгеніемъ.

— Сестра находилась тогда подъ его вліяніемъ, также какъ и вы.

— Какъ и я! Развѣ вы замѣчаете, что я уже освободился изъ-подъ его вліянія?

Катя промолчала. — Я знаю, продолжалъ Аркадій,—онъ вамъ никогда не нравился.

— Я не могу судить о немъ.

— Знаете ли что̀, Катерина Сергѣвна? Всякій разъ, когда я слышу этотъ отвѣтъ, я ему не вѣрю... Нѣтъ такого человѣка, о которомъ каждый изъ насъ не могъ бы судить! Это просто отговорка.

— Ну, такъ я вамъ скажу, что онъ... не то, что мнѣ не нравится, а я чувствую, что и онъ мнѣ чужой, и я ему чужая... да и вы ему чужой.

— Это почему?

— Какъ вамъ сказать... Онъ хищный, а мы съ вами ручные.

— И я ручной?

Катя кивнула головой.

Аркадій почесалъ у себя за ухомъ.—Послушайте, Катерина Сергѣвна: вѣдь это въ сущности обидно.

— Развѣ вы хотѣли бы быть хищнымъ?

— Хищнымъ нѣтъ; но сильнымъ, энергическимъ.

— Этого нельзя хотѣть... Вотъ вашъ пріятель этого и не хочетъ, а въ немъ это есть. Гм! Такъ вы полагаете, что онъ имѣлъ большое вліяніе на Анну Сергѣвну?

— Да. Но надъ ней никто долго взять верхъ не можетъ, прибавила Катя вполголоса.

— Почему вы это думаете?

— Она очень горда .. я не то хотѣла сказать... она очень дорожитъ своею независимостью.

— Кто же ею не дорожитъ? спросилъ Аркадій, а у самого въ умѣ мелькнуло:„ на что она?“ „На что̀ она?“ мелькнуло и у Кати. Молодымъ людямъ, которые часто и дружелюбно сходятся, безпрестанно приходятъ однѣ и тѣ же мысли.

Аркадій улыбнулся и, слегка придвинувшись къ Катѣ,

промолвилъ шепотомъ:—Сознайтесь, что вы немножко *ея* боитесь.

— Кого?

— *Ея*, значительно повторилъ Аркадій.

— А вы? въ свою очередь спросила Катя.

— И я; замѣтьте, я сказалъ: *и* я.

Катя погрозила ему пальцемъ.—Это меня удивляетъ, начала она,—никогда сестра такъ не была расположена къ вамъ, какъ именно теперь, гораздо больше чѣмъ въ первый вашъ пріѣздъ.

— Вотъ какъ!

— А вы этого не замѣтили? Васъ это не радуетъ?

Аркадій задумался.— Чѣмъ я могъ заслужить благоволеніе Анны Сергѣвны? Ужь не тѣмъ ли, что привезъ ей письма вашей матушки?

— И этимъ, и другія есть причины, которыхъ я не скажу.

— Это почему?

— Не скажу.

— О! я знаю: вы очень упрямы.

— Упряма.

— И наблюдательны.

Катя посмотрѣла сбоку на Аркадія.— Можетъ-быть васъ что̀ сердитъ? О чемъ вы думаете?

— Я думаю о томъ, откуда могла придти вамъ эта наблюдательность, которая дѣйствительно есть въ васъ. Вы такъ пугливы, недовѣрчивы; вы всѣхъ чуждаетесь...

— Я много жила одна; поневолѣ размышлять станешь. Но развѣ я всѣхъ чуждаюсь?

Аркадій бросилъ признательный взглядъ на Катю.—Всеэто прекрасно, продолжалъ онъ,—но люди въ вашемъ положеніи, я хочу сказать съ вашимъ состояніемъ, рѣдко владѣютъ этимъ даромъ; до нихъ, какъ до царей, истинѣ трудно дойдти.

— Да вѣдь я не богатая.

Аркадій изумился и не сразу понялъ Катю. „И въ самомъ дѣлѣ, имѣніе-то все сестрино!“ пришло ему въ голову; эта мысль ему не была непріятна.—Какъ вы это хорошо сказали! промолвилъ онъ.

— А что̀?

— Сказали хорошо; просто; не стыдясь и не рисуясь. Кстати: я воображаю, въ чувствѣ человѣка, который знаетъ

и говоритъ, что онъ бѣденъ, должно быть что-то особенное, какое-то своего рода тщеславіе.

— Я ничего этого не испытала по милости сестры; я упомянула о своемъ состояніи только потому что къ слову пришлось.

— Такъ; но сознайтесь, что и въ васъ есть частица того тщеславія, о которомъ я сейчасъ говорилъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ,—вѣдь вы извините мой вопросъ,—вы бы не пошли замужъ за богатаго человѣка?

— Еслибъ я его очень любила... Нѣтъ, кажется, и тогда бы не пошла.

— А! вотъ видите! воскликнулъ Аркадій и, погодя немного, прибавилъ:—а отчего бы вы за него не пошли?

— Оттого, что и въ пѣснѣ про неровнюшку поется.

— Вы, можетъ-быть, хотите властвовать или...

— О, нѣтъ! къ чему это? Напротивъ, я готова покаряться, только неравенство тяжело. А уважать себя и покаряться, это я понимаю; это счастье; но подчиненное существованіе... Нѣтъ, довольно и такъ.

— Довольно и такъ, повторилъ за Катей Аркадій.—Да, да, продолжалъ онъ,—вы не даромъ одной крови съ Анной Сергѣвной; вы такъ же самостоятельны какъ она; но вы болѣе скрытны. Вы, я увѣренъ, ни за что первая не выскажете своего чувства, какъ бы оно ни было сильно и свято...

— Да какъ же иначе? вмѣшалась Катя.

— Вы одинаково умны; у васъ столько же, если не больше, характера, какъ у ней...

— Не сравнивайте меня съ сестрой, пожалуста, поспѣшно перебила Катя,—это для меня слишкомъ невыгодно. Вы какъ будто забыли, что сестра и красавица, и умница, и... вамъ въ особенности, Аркадій Николаичъ, не слѣдовало бы говорить такія слова, и еще съ такимъ серіознымъ лицомъ.

— Что значитъ это: вамъ въ особенности, — и изъ чего вы заключаете, что я шучу?

— Конечно, вы шутите.

— Вы думаете? А что, если я убѣжденъ въ томъ что я говорю? Если я нахожу, что я еще не довольно сильно выразился?

— Я васъ не понимаю.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, теперь я вижу: я, точно, слишкомъ превозносилъ вашу наблюдательность.

— Какъ?

Аркадій ничего не отвѣтилъ и отвернулся, а Катя отыскала въ корзинкѣ еще нѣсколько крошекъ и начала бросать ихъ воробьямъ; но взмахъ ея руки былъ слишкомъ силенъ, и они улетали прочь, не успѣвши клюнуть.

— Катерина Сергѣвна! заговорилъ вдругъ Аркадій:—вамъ это, вѣроятно, все равно; но знайте, что я васъ не только на вашу сестру, — ни на кого въ свѣтѣ не промѣняю.

Онъ всталъ, и быстро удалился, какъ бы испугавшись словъ, сорвавшихся у него съ языка.

А Катя уронила обѣ руки вмѣстѣ съ корзинкой на колѣни, и наклонивъ голову, долго смотрѣла вслѣдъ Аркадію. Понемногу, алая краска чуть-чуть выступила на ея щеки; но губы не улыбались и темные глаза выражали недоумѣніе и какое-то другое, пока еще безыменное чувство.

— Ты одна? раздался возлѣ нея голосъ Анны Сергѣевны. Кажется, ты пошла въ садъ съ Аркадіемъ.

Катя, не спѣша, перевела свои глаза на сестру (изящно, даже изысканно одѣтая, она стояла на дорожкѣ и кончикомъ раскрытаго зонтика шевелила уши Фифи), и не спѣша промолвила:—Я одна.

— Я это вижу, отвѣчала та со смѣхомъ:—онъ стало-быть ушелъ къ себѣ?

— Да.

— Вы вмѣстѣ читали?

— Да.

Анна Сергѣевна взяла Катю за подбородокъ и приподняла ея лицо.—Вы не поссорились, надѣюсь?

— Нѣтъ, сказала Катя, и тихо отвела сестрину руку.

— Какъ ты торжественно отвѣчаешь! Я думала найдти его здѣсь, и предложить ему пойдти гулять со мною. Онъ самъ меня все проситъ объ этомъ. Тебѣ изъ города привезли ботинки, поди примѣрь ихъ: я уже вчера замѣтила, что твои прежнія совсѣмъ износились. Вообще, ты не довольно этимъ занимаешься, а у тебя еще такія прелестныя ножки! И руки твои хороши... только велики; такъ надо ножками брать. Но ты у меня не кокетка.

Анна Сергѣевна отправилась дальше по дорожкѣ, слегка шумя своимъ красивымъ платьемъ; Катя поднялась со ска-

мейки и, взявъ съ собою Гейне, ушла тоже—только не примѣрять ботинки.

„Прелестныя ножки, думала она, медленно и легко всходя по раскаленнымъ отъ солнца каменнымъ ступенямъ террасы:—прелестныя ножки, говорите вы... Ну, онъ и будетъ у нихъ.“

Но ей тотчасъ стало стыдно, и она проворно побѣжала вверхъ.

Аркадій шелъ по корридору къ себѣ въ комнату; дворецкій нагналъ его и доложилъ, что у него сидитъ господинъ Базаровъ.

— Евгеній! пробормоталъ почти съ испугомъ Аркадій:—давно ли онъ пріѣхалъ?

— Сію минуту пожаловали, и приказали о себѣ Аннѣ Сергѣвнѣ не докладывать, а прямо къ вамъ себя приказали провести.

„Ужь не несчастье ли какое у насъ дома,“ подумалъ Аркадійи, торопливо взбѣжавъ по лѣстницѣ, разомъ отперъ дверь. Видъ Базарова тотчасъ его успокоилъ, хотя болѣе опытный глазъ, вѣроятно, открылъ бы въ его, энергической попрежнему, но осунувшейся фигурѣ, признаки внутренняго волненія. Съ пыльною шинелью на плечахъ, съ картузомъ на головѣ, сидѣлъ онъ на окопницѣ; онъ не поднялся и тогда, когда Аркадій бросился съ шумными восклицаніями къ нему на шею.

— Вотъ неожиданно! Какими судьбами! твердилъ онъ, суетясь по комнатѣ, какъ человѣкъ, который и самъ воображаетъ, и желаетъ показать, что радуется.—Вѣдь у насъ все въ домѣ благополучно, всѣ здоровы, не правда ли?

— Все у васъ благополучно, но не всѣ здоровы, проговорилъ Базаровъ.—А ты не тараторь, вели принести мнѣ квасу, присядь и слушай что̀ я тебѣ сообщу въ немногихъ, но, надѣюсь, довольно сильныхъ выраженіяхъ.

Аркадій притихъ, а Базаровъ разказалъ ему свою дуэль съ Павломъ Петровичемъ. Аркадій очень удивился и даже опечалился; но не почелъ нужнымъ это выказать; онъ только спросилъ, дѣйствительно ли неопасна рана его дяди? и получивъ отвѣтъ, что она—самая интересная, только не въ медицинскомъ отношеніи,—принужденно улыбнулся.

— Вотъ я и отправился къ „отцамъ“, такъ заключилъ Базаровъ,—и на дорогѣ завернулъ сюда, чтобы все это пе-

редать, сказалъ бы я, еслибъ я не почиталъ безполезную ложь—глупостью. Нѣтъ, я завернулъ сюда—чортъ знаетъ зачѣмъ. Видишь ли, человѣку иногда полезно взять себя за хохолъ да выдернуть себя вонъ, какъ рѣдьку изъ гряды это я совершилъ на дняхъ... Но мнѣ захотѣлось взглянуть еще разъ на то, съ чѣмъ я разстался; на ту гряду, гдѣ я сидѣлъ.

— Я надѣюсь, что эти слова ко мнѣ не относятся, возразилъ съ волненіемъ Аркадій,—я надѣюсь, что ты не думаешь разстаться со *мной*.

Базаровъ пристально, почти пронзительно взглянулъ на него.

— Будто это такъ огорчитъ тебя? Мнѣ сдается, что *ты* уже разстался со мною. Ты такой свѣженькій да чистенькій... должно-быть твои дѣла съ Анной Сергѣвной идутъ отлично.

— Какія мои дѣла съ Анной Сергѣвной?

— Да развѣ ты не для нея сюда пріѣхалъ изъ города, птенчикъ? Кстати, какъ тамъ подвизаются воскресныя шолы? Развѣ ты не влюбленъ въ нее? Или уже тебѣ пришла пора скромничать?

— Евгеній, ты знаешь, я всегда былъ откровенъ съ тобою; могу тебя увѣрить, божусь тебѣ, что ты ошибаешься.

— Гм! Новое слово, замѣтилъ вполголоса Базаровъ.— Но тебѣ не для чего горячиться, мнѣ вѣдь это совершенно все равно. Романтикъ сказалъ бы: я чувствую, что наши дороги начинаютъ расходиться, а я просто говорю, что мы другъ другу пріѣлись.

— Евгеній....

— Душа моя, это не бѣда; то ли еще на свѣтѣ пріѣдается. А теперь, я думаю, не проститься ли намъ? Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я препакостно себя чувствую, точно я начитался писемъ Гоголя къ калужской губернаторшѣ. Кстати жь я не велѣлъ откладывать лошадей.

— Помилуй, это невозможно!

— А почему?

— Я уже не говорю о себѣ; но это будетъ въ высшей степени невѣжливо передъ Анной Сергѣвной, которая непремѣнно пожелаетъ тебя видѣть.

— Ну, въ этомъ ты ошибаешься.

— А я, напротивъ, увѣренъ, что я правъ, возразилъ Арка-

дій.—И къ чему ты притворяешься? Ужь коли на то пошло, развѣ ты самъ не для нея сюда пріѣхалъ?

— Это, можетъ-быть, и справедливо, но ты все-таки ошибаешься.

Но Аркадій былъ правъ. Анна Сергѣевна пожелала повидаться съ Базаровымъ, и пригласила его къ себѣ черезъ дворецкаго. Базаровъ переодѣлся прежде чѣмъ пошелъ къ ней: оказалось, что онъ уложилъ свое новое платье такъ, что оно было у него подъ рукою.

Одинцова его приняла не въ той комнатѣ, гдѣ онъ такъ неожиданно объяснился ей въ любви, а въ гостиной. Она любезно протянула ему кончики пальцевъ, но лицо ея выражало невольное напряженіе.

— Анна Сергѣевна, поторопился сказать Базаровъ,— прежде всего я долженъ васъ успокоить. Передъ вами смертный, который самъ давно опомнился, и надѣется, что другіе забыли его глупости. Я уѣзжаю надолго, и согласитесь, хоть я и не мягкое существо, но мнѣ было бы невесело унести съ собою мысль, что вы вспоминаете обо мнѣ съ отвращеніемъ.

Анна Сергѣевна глубоко вздохнула, какъ человѣкъ только-что взобравшійся на высокую гору, и лицо ея оживилось улыбкой. Она вторично протянула Базарову руку, и отвѣчала на его пожатіе.

— Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, сказала она,— тѣмъ болѣе что, говоря по совѣсти, и я согрѣшила тогда, если не кокетствомъ, такъ чѣмъ-то другимъ. Одно слово: будемте пріятелями попрежнему. То былъ сонъ, не правда ли? А кто же сны помнитъ?

— Кто ихъ помнитъ? Да притомъ любовь.... вѣдь это чувство напускное.

— Въ самомъ дѣлѣ? Мнѣ очень пріятно это слышать.

Такъ выражалась Анна Сергѣевна, и такъ выражался Базаровъ; они оба думали, что говорили правду. Была ли правда, полная правда, въ ихъ словахъ? Они сами этого не знали, а авторъ и подавно. Но бесѣда у нихъ завязалась такая, какъ будто они совершенно повѣрили другъ другу.

Анна Сергѣевна спросила, между прочимъ, Базарова что̀ онъ дѣлалъ у Кирсановыхъ? Онъ чуть было не разказалъ ей своей дуэли съ Павломъ Петровичемъ, но удержался при мысли, ка̀къ бы она не подумала, что онъ интересничаетъ,

и отвѣчалъ ей, что онъ все это время работалъ.—А я, промолвила Анна Сергѣевна,—сперва хандрила, Богъ знаетъ отчего, даже за границу собиралась, вообразите!... Потомъ это прошло; вашъ пріятель, Аркадій Николаичъ, пріѣхалъ, и я опять попала въ свою колею, въ свою настоящую роль.

— Въ какую это роль, позвольте узнать?

— Роль тетки, наставницы, матери, какъ хотите, назовите. Кстати, знаете ли, что я прежде хорошенько не понимала вашей тѣсной дружбы съ Аркадіемъ Николаичемъ; я находила его довольно незначительнымъ. Но теперь я его лучше узнала, и убѣдилась, что онъ уменъ... А главное, онъ молодъ, молодъ... не то что̀ мы съ вами, Евгеній Васильичъ.

— Онъ все также робѣетъ въ вашемъ присутствіи? спросилъ Базаровъ.

— А развѣ... начала было Анна Сергѣевна и, подумавъ немного, прибавила:—теперь онъ довѣрчивѣе сталъ, говоритъ со мною. Прежде онъ избѣгалъ меня. Впрочемъ, и я не искала его общества. Они большіе пріятели съ Катей.

Базарову стало досадно. — „Не можетъ женщина не хитрить!“ подумалъ онъ.—Вы говорите, онъ избѣгалъ васъ, произнесъ онъ съ холодною усмѣшкой,—но, вѣроятно, для васъ не осталось тайной, что онъ былъ въ васъ влюбленъ?

— Какъ? И онъ? сорвалось у Анны Сергѣевны.

— И онъ, повторилъ Базаровъ съ смиреннымъ поклономъ. Неужели вы этого не знали и я вамъ сказалъ новость?

Анна Сергѣевна опустила глаза.—Вы ошибаетесь, Евгеній Васильичъ.

— Не думаю. Но, можетъ-быть, мнѣ не слѣдовало упоминать объ этомъ. „А впередъ не хитри“, прибавилъ онъ про себя.

— Отчего не упоминать? Но я полагаю, что вы и тутъ придаете слишкомъ большое значеніе мгновенному впечатлѣнію. Я начинаю подозрѣвать, что вы склонны къ преувеличенію.

— Не будемте лучше говорить объ этомъ, Анна Сергѣвна.

— Отчего же? возразила она, а сама перевела разговоръ на другую дорогу. Ей все-таки было неловко съ Базаровымъ, хотя она и ему сказала, и сама себя увѣрила, что все позабыто. Мѣняясь съ нимъ самыми простыми рѣчами, даже шутя съ нимъ, она чувствовала легкое стѣсненіе

отраха. Такъ люди на пароходѣ, въ морѣ, разговариваютъ и смѣются беззаботно, ни дать, ни взять, какъ на твердой землѣ; но случись малѣйшая остановка, появись малѣйшій признакъ чего-нибудь необычайнаго, и тотчасъ же на всѣхъ лицахъ выступитъ выраженіе особенной тревоги, свидѣтельствующее о постоянномъ сознаніи постоянной опасности.

Бесѣда Анны Сергѣевны съ Базаровымъ продолжалась недолго. Она начала задумываться, отвѣчать разсѣянно, и, предложила ему наконецъ перейдти въ залу, гдѣ они нашли княжну и Катю. „А гдѣ же Аркадій Николаичъ?“ спросила хозяйка и, узнавъ что онъ не показывался уже болѣе часа, послала за нимъ. Его не скоро нашли: онъ забрался въ самую глушь сада и, опершись подбородкомъ на скрещенныя руки, сидѣлъ погруженный въ думы. Онѣ были глубоки и важны, эти думы, но не печальны. Онъ зналъ, что Анна Сергѣевна, сидитъ наединѣ съ Базаровымъ, и ревности онъ не чувствовалъ, какъ бывало; напротивъ, лицо его тихо свѣтлѣло; казалось, онъ и дивился чему-то, и радовался, и рѣшался на что-то.

XXVI.

Покойный Одинцовъ не любилъ нововведеній, но допускалъ „нѣкоторую игру облагороженнаго вкуса“, и вслѣдствіе этого воздвигнулъ у себя въ саду, между теплицей и прудомъ, строеніе въ родѣ греческаго портика изъ русскаго кирпича. На задней, глухой стѣнѣ этого портика, или галлереи, были вдѣланы шесть нишъ для статуй, которыя Одинцовъ собирался выписать изъ-за границы. Эти статуи долженствовали изображать собою: Уединеніе, Молчаніе, Размышленіе, Меланхолію, Стыдливость и Чувствительность. Одну изъ нихъ, богиню Молчанія, съ пальцемъ на губахъ, привезли было и поставили; но ей въ тотъ же день дворовые мальчишки отбили носъ, и хотя сосѣдній штукатуръ брался придѣлать ей носъ „вдвое лучше прежняго“, однако Одинцовъ велѣлъ ее принять, и она очутилась въ углу молотильнаго сарая, гдѣс тояла долгіе годы, возбуждая суевѣрный ужасъ бабъ. Передняя сторона портика давно заросла густымъ кустарникомъ: одни капители колоннъ виднѣлись надъ сплошною зеленью. Въ самомъ портикѣ, даже въ полдень, было прохладно. Анна Сергѣевна не любила

посѣщать это мѣсто съ тѣхъ поръ, какъ увидала тамъ ужа; но Катя часто приходила садиться на большую каменную скамью устроенную подъ одною изъ нишъ. Окруженная свѣжестью и тѣнью, она читала, работала, или предавалась тому ощущенію полной тишины, которое, вѣроятно, знакомо каждому, и прелесть котораго состоитъ въ едва-сознательномъ, нѣмотствующемъ подкарауливаньи широкой, жизненной волны, непрерывно катящейся и кругомъ насъ, и въ насъ самихъ.

На другой день по пріѣздѣ Базарова, Катя сидѣла на своей любимой скамьѣ, и рядомъ съ нею сидѣлъ опять Аркадій. Онъ упросилъ ее пойдти съ нимъ въ „портикъ“. До завтрака оставалось около часа; росистое утро уже смѣнялось горячимъ днемъ. Лицо Аркадія сохраняло вчерашнее выраженіе, Катя имѣла видъ озабоченный. Сестра ея, тотчасъ послѣ чаю, позвала ее къ себѣ въ кабинетъ и, предварительно приласкавъ ее, что̀ всегда немного пугало Катю, посовѣтовала ей быть осторожнѣй въ своемъ поведеніи съ Аркадіемъ, а особенно избѣгать уединенныхъ бесѣдъ съ нимъ, будто бы замѣченныхъ и теткой, и всѣмъ домомъ. Кромѣ того, уже наканунѣ вечеромъ, Анна Сергѣевна была не въ духѣ, да и сама Катя чувствовала смущеніе, точно сознавала вину за собою. Уступая просьбѣ Аркадія, она себѣ сказала, что это въ послѣдній разъ.

— Катерина Сергѣвна, заговорилъ онъ съ какою-то застѣнчивою развязностью,—съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю счастье жить въ одномъ домѣ съ вами, я обо многомъ съ вами бесѣдовалъ, и между тѣмъ есть одинъ очень важный для меня... вопросъ, до котораго я еще не касался. Вы замѣтили вчера, что меня здѣсь передѣлали, прибавилъ онъ, и ловя, и избѣгая вопросительно устремленный на него взоръ Кати.— Дѣйствительно, я во многомъ измѣнился, и это вы знаете лучше всякаго другаго,—вы, которой я, въ сущности, и обязанъ этою перемѣной.

— Я?... Мнѣ?.. проговорила Катя.

— Я теперь уже не тотъ заносчивый мальчикъ, какимъ я сюда пріѣхалъ, продолжалъ Аркадій,—не даромъ же мнѣ и минулъ двадцать третій годъ; я попрежнему желаю быть полезнымъ, желаю посвятить всѣ мои силы истинѣ; но я уже не тамъ ищу свои идеалы, гдѣ искалъ ихъ прежде; они представляются мнѣ... гораздо ближе. До сихъ поръ я не

понималъ себя, я задавалъ себѣ задачи, которыя мнѣ не по силамъ... Глаза мои недавно раскрылись, благодаря одному чувству... Я выражаюсь не совсѣмъ ясно, но я надѣюсь, что вы меня поймете..

Катя ничего не отвѣчала, но перестала глядѣть на Аркадія.

— Я полагаю, заговорилъ онъ снова, уже болѣе взволнованнымъ голосомъ, а зябликъ надъ нимъ въ листвѣ березы беззаботно распѣвалъ свою пѣсенку,—я полагаю, что обязанность всякаго честнаго человѣка быть вполнѣ откровеннымъ съ тѣми... съ тѣми людьми, которые... словомъ, съ близкими ему людьми, а потому я... я намѣренъ...

Но тутъ краснорѣчіе измѣнило Аркадію; онъ сбился, замялся и принужденъ былъ немного помолчать. Катя все не поднимала глазъ. Казалось, она и не понимала, къ чему онъ это все ведетъ, и ждала чего-то.

— Я предвижу, что удивлю васъ, началъ Аркадій, снова собравшись съ силами,—тѣмъ болѣе что это чувство относится нѣкоторымъ образомъ... нѣкоторымъ образомъ, замѣтьте,—до васъ. Вы меня, помнится, вчера упрекнули въ недостаткѣ серіозности, продолжалъ Аркадій, съ видомъ человѣка, который вошелъ въ болото, чувствуетъ что съ каждымъ шагомъ погружается больше и больше, и все-таки спѣшитъ впередъ, въ надеждѣ поскорѣе перебраться:—этотъ упрекъ часто направляется... падаетъ... на молодыхъ людей, даже когда они перестаютъ его заслуживать; и еслибы во мнѣ было больше самоувѣренности... „Да помоги же мнѣ, помоги!“ съ отчаяніемъ думалъ Аркадій, но Катя попрежнему не поворачивала голову.—Еслибъ я могъ надѣяться...

— Еслибъ я могла быть увѣрена въ томъ, что̀ вы говорите, раздался въ это мгновеніе ясный голосъ Анны Сергѣевны.

Аркадій тотчасъ умолкъ, а Катя поблѣднѣла. Мимо самыхъ кустовъ, заслонявшихъ портикъ, пролегала дорожка. Анна Сергѣевна шла по ней въ сопровожденіи Базарова. Катя съ Аркадіемъ не могли ихъ видѣть, но слышали каждое слово, шелестъ платья, самое дыханіе. Они сдѣлали нѣсколько шаговъ и, какъ нарочно, остановились прямо передъ портикомъ.

— Вотъ видите ли, продолжала Анна Сергѣевна,—мы съ вами ошиблись; мы оба уже не первой молодости, особенно я; мы пожили, устали! мы оба,—къ чему церемониться?—

умны: сначала мы заинтересовали другъ друга, любопытство было возбуждено... а потомъ...

— А потомъ я выдохся, подхватилъ Базаровъ.

— Вы знаете, что не это было причиной нашей размолвки. Но какъ бы то ни было, мы не нуждались другъ въ другѣ, вотъ главное; въ насъ слишкомъ много было... какъ бы это сказать... однороднаго. Мы это не сразу поняли. Напротивъ, Аркадій...

— Вы въ немъ нуждаетесь? спросилъ Базаровъ.

— Полноте, Евгеній Васильичъ. Вы говорите, что онъ неравнодушенъ ко мнѣ, и мнѣ самой всегда казалось, что я ему нравлюсь. Я знаю, что я гожусь ему въ тетки, но я не хочу скрывать отъ васъ, что я стала чаще думать о немъ. Въ этомъ молодомъ и свѣжемъ чувствѣ есть какая-то прелесть...

— Слово *обаяніе* употребительнѣе въ подобныхъ случаяхъ, перебилъ Базаровъ; кипѣніе желчи слышалось въ его спокойномъ, но глухомъ голосѣ.—Аркадій что-то секретничалъ вчера со мною, и не говорилъ ни о васъ, ни о вашей сестрѣ... Это симптомъ важный.

— Онъ съ Катей совсѣмъ какъ братъ, промолвила Анна Сергѣевна,—и это мнѣ въ немъ нравится, хотя, можетъ-быть, мнѣ бы и не слѣдовало позволять такую близость между ними.

— Это въ васъ говоритъ.. сестра? произнесъ протяжно Базаровъ.

— Разумѣется... Но что же мы стоимъ? Пойдемте. Какой странный разговоръ у насъ, не правда ли? И могла ли я ожидать, что буду говорить такъ съ вами! Вы знаете, что я васъ боюсь... и въ то же время я вамъ довѣряю, потому что въ сущности вы очень добры.

— Вопервыхъ, я вовсе не добръ; а вовторыхъ, я потерялъ для васъ всякое значеніе, и вы мнѣ говорите, что я добръ... Это все равно, что класть вѣнокъ изъ цвѣтовъ на голову мертвеца.

— Евгеній Васильичъ, мы не властны... начала было Анна Сергѣевна; но вѣтеръ налетѣлъ, зашумѣлъ листами и унесъ ея слова.—Вѣдь вы свободны, произнесъ, немного погодя, Базаровъ. Больше ничего нельзя было разобрать; шаги удалились... все затихло.

Аркадій обратился къ Катѣ. Она сидѣла въ томъ же положеніи, только еще ниже опустила голову.

— Катерина Сергѣвна, проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ и стиснувъ руки:—я люблю васъ навѣкъ и безвозвратно, и никого не люблю кромѣ васъ. Я хотѣлъ вамъ это сказать, узнать ваше мнѣніе и просить вашей руки, потому что я и не богатъ, и чувствую что готовъ на всѣ жертвы... Вы не отвѣчаете? Вы мнѣ не вѣрите? Вы думаете, что я говорю легкомысленно? Но вспомните эти послѣдніе дни. Неужели вы давно не убѣдились, что все другое—поймите меня—все, все другое давно исчезло безъ слѣда? Посмотрите на меня, скажите мнѣ одно слово... Я люблю... я люблю васъ... повѣрьте же мнѣ!

Катя взглянула на Аркадія важнымъ и свѣтлымъ взглядомъ и, послѣ долгаго раздумья, едва улыбнувшись, промолвила:—Да.

Аркадій вскочилъ со скамьи.—Да! Вы сказали: да, Катерина Сергѣвна! Что̀ значитъ это слово? То̀ ли, что я васъ люблю, что вы мнѣ вѣрите... Или... или... я не смѣю докончить...

— Да, повторила Катя, и въ этотъ разъ онъ ее понялъ. Онъ схватилъ ея большія, прекрасныя руки и, задыхаясь отъ восторга, прижалъ ихъ къ своему сердцу. Онъ едва стоялъ на ногахъ и только твердилъ: „Катя, Катя...“; а она какъ-то невинно заплакала, сама тихо смѣясь своимъ слезамъ. Кто не видалъ такихъ слезъ въ глазахъ любимаго существа, тотъ еще не испыталъ до какой степени, замирая весь отъ благодарности и отъ стыда, можетъ быть счастливъ на землѣ человѣкъ.

На слѣдующій день, рано поутру, Анна Сергѣевна велѣла позвать Базарова къ себѣ въ кабинетъ, и съ принужденнымъ смѣхомъ подала ему сложенный листокъ почтовой бумаги. Это было письмо отъ Аркадія: онъ въ немъ просилъ руки ея сестры.

Базаровъ быстро пробѣжалъ письмо, и сдѣлалъ усиліе надъ собою, чтобы не выказать злораднаго чувства, которое мгновенно вспыхнуло у него въ груди.

— Вотъ какъ, проговорилъ онъ,—а вы, кажется, не далѣе какъ вчера полагали, что онъ любитъ Катерину Сергѣвну братскою любовью. Что же вы намѣрены теперь сдѣлать?

— Что̀ *вы* мнѣ посовѣтуете? спросила Анна Сергѣевна, продолжая смѣяться.

— Да, я полагаю, отвѣтилъ Базаровъ тоже со смѣхомъ, хотя ему вовсе не было весело и нисколько не хотѣлось смѣяться, также какъ и ей:—я полагаю, слѣдуетъ благословить молодыхъ людей. Партія во всѣхъ отношеніяхъ хорошая; состояніе у Кирсанова изрядное, онъ одинъ сынъ у отца, да и отецъ добрый малый, прекословить не будетъ.

Одинцова прошлась по комнатѣ. Ея лицо попеременно краснѣло и блѣднѣло.

— Вы думаете? промолвила она.—Что жь? Я не вижу препятствій... Я рада за Катю... и за Аркадія Николаича. Разумѣется, я подожду отвѣта отца. Я его самого къ нему пошлю. Но вотъ и выходитъ, что я была права вчера, когда я говорила вамъ, что мы оба уже старые люди... Какъ это я ничего не видѣла? Это меня удивляетъ!

Анна Сергѣевна опять засмѣялась и тотчасъ же отворотилась.

— Нынѣшняя молодежь больно хитра стала, замѣтилъ Базаровъ, и тоже засмѣялся.—Прощайте, заговорилъ онъ опять, послѣ небольшаго молчанія.—Желаю вамъ окончить это дѣло самымъ пріятнымъ образомъ; а я издали порадуюсь.

Одинцова быстро повернулась къ нему.

— Развѣ вы уѣзжаете? Отчего же вамъ *теперь* не остаться? Останьтесь... съ вами говорить весело... точно по краю пропасти ходишь. Сперва робѣешь, а потомъ откуда смѣлость возьмется. Останьтесь.

— Спасибо за предложеніе, Анна Сергѣвна, и за лестное мнѣніе о моихъ разговорныхъ талантахъ. Но я нахожу, что я ужь и такъ слишкомъ долго вращался въ чужой для меня сферѣ. Летучія рыбы нѣкоторое время могутъ поддержаться на воздухѣ, но вскорѣ должны шлепнуться въ воду; позвольте же и мнѣ плюхнуть въ мою стихію.

Одинцова посмотрѣла на Базарова. Горькая усмѣшка подергивала его блѣдное лицо. „Этотъ меня любилъ!“ подумала она—и жалко ей стало его, и съ участіемъ протянула она ему руку.

Но и онъ ее понялъ. —Нѣтъ! сказалъ онъ, и отступилъ на шагъ назадъ.—Человѣкъ я бѣдный, но милостыни еще до сихъ поръ не принималъ. Прощайте-съ, и будьте здоровы.

— Я убѣждена, что мы не въ послѣдній разъ видимся, произнесла Анна Сергѣевна съ невольнымъ движеніемъ.

— Чего на свѣтѣ не бываетъ! отвѣтилъ Базаровъ, поклонился и вышелъ.

— Такъ ты задумалъ гнѣздо себѣ свить? говорилъ онъ въ тотъ же день Аркадію, укладывая на корточкахъ свой чемоданъ. — Что жь? дѣло хорошее. Только напрасно ты лукавилъ. Я ждалъ отъ тебя совсѣмъ другой директіи. Или, можетъ-быть, это тебя самого огорошило?

— Я, точно, этого не ожидалъ, когда разставался съ тобою, отвѣтилъ Аркадій,—но зачѣмъ ты самъ лукавишь—и говоришь: „дѣло хорошее“, точно мнѣ неизвѣстно твое мнѣніе о бракѣ?

— Эхъ, другъ любезный! проговорилъ Базаровъ:—какъ ты выражаешься! Видишь, что̀ я дѣлаю: въ чемоданѣ оказалось пустое мѣсто, и я кладу туда сѣно; такъ и въ жизненномъ нашемъ чемоданѣ: чѣмъ бы его ни набили, лишь бы пустоты не было. Не обижайся, пожалуста: ты вѣдь вѣроятно помнишь, какого я всегда былъ мнѣнія о Катеринѣ Сергѣвнѣ. Иная барышня только отъ того и слыветъ умною что умно вздыхаетъ, а твоя за себя постоитъ, да и такъ постоитъ, что и тебя въ руки заберетъ,—ну, да это такъ и слѣдуетъ.—Онъ захлопнулъ крышку и приподнялся съ полу.—А теперь повторяю тебѣ на прощаньи, потому что обманываться нечего: мы прощаемся навсегда, и ты самъ это чувствуешь... Ты поступилъ умно; для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не созданъ. Въ тебѣ нѣтъ ни дерзости, ни злости, а есть молодая смѣлость да молодой задоръ; для нашего дѣла это не годится. Наша пыль тебѣ глаза выѣстъ, наша грязь тебя замараетъ, да ты и не дорось до насъ, ты невольно любуешься собою, тебѣ пріятно самого себя бранить; а намъ это скучно—намъ другихъ подавай! намъ другихъ ломать надо! Ты славный малый; но ты все-таки мякенькій, либеральный баричъ,—*э. волату*, какъ выражается мой родитель.

— Ты навсегда прощаешься со мною Евгеній? печально молвилъ Аркадій:—и у тебя нѣтъ другихъ словъ для меня?

Базаровъ почесалъ у себя въ затылкѣ.—Есть, Аркадій, есть у меня другія слова, только я ихъ не выскажу, потому что это романтизмъ,—это значитъ: разсыропиться. А ты поскорѣе женись; да своимъ гнѣздомъ обзаведись, да надѣлай дѣтей побольше. Умницы они будутъ уже потому

что вовремя они родятся, не то что мы съ тобой. Эге! я вижу лошади готовы. Пора! Со всѣми я простился... Ну что жь? обняться, что ли?

Аркадій бросился на шею къ своему бывшему наставнику и другу и, слезы такъ и брызнули у него изъ глазъ.

— Что̀ значитъ молодость! произнесъ спокойно Базаровъ, —да я на Катерину Сергѣвну надѣюсь. Посмотри, какъ живо она тебя утѣшитъ!

— Прощай, братъ! сказалъ онъ Аркадію, уже взобравшись на телѣгу, и указавъ на пару галокъ, сидѣвшихъ рядышкомъ на крышѣ конюшни, прибавилъ:—Вотъ тебѣ!—изучай!

— Это что̀ значитъ? спросилъ Аркадій.

— Какъ? развѣ ты такъ плохъ въ естественной исторіи? или забылъ, что галка самая почтенная, семейная птица? Тебѣ примѣръ!.. Прощайте, синьйоръ!

Телѣга задребезжала и покатилась.

Базаровъ сказалъ правду. Разговаривая вечеромъ съ Катей, Аркадій совершенно позабылъ о своемъ наставникѣ. Онъ уже начиналъ подчиняться ей, и Катя это чувствовала, и не удивлялась. Онъ долженъ былъ на слѣдующій день ѣхать въ Марьино, къ Николаю Петровичу. Анна Сергѣевна не хотѣла стѣснять молодыхъ людей, и только для приличія не оставляла ихъ слишкомъ долго наединѣ. Она великодушно удалила отъ нихъ княжну, которую извѣстіе о предстоявшемъ бракѣ привело въ слезливую ярость. Сначала Анна Сергѣевна боялась, какъ бы зрѣлище ихъ счастія не показалось ей немного тягостнымъ: но вышло совершенно напротивъ; это зрѣлище не только не отягощало ее, оно ее занимало, оно ее умилило наконецъ. Анна Сергѣевна этому и обрадовалась, и опечалилась. „Видно правъ Базаровъ, подумала она, любопытство, одно любопытство, и любовь къ покою, и эгоизмъ...„

— Дѣти! промолвила она громко:—что̀, любовь чувство напускное?

Но ни Катя, ни Аркадій ея даже не поняли. Они ея дичились; невольно подслушанный разговоръ не выходилъ у нихъ изъ головы. Впрочемъ, Анна Сергѣевна скоро успокоила ихъ; и это было ей нетрудно: она успокоилась сама.

XXVII.

Старики Базаровы тѣмъ больше обрадовались внезапному пріѣзду сына, чѣмъ меньше они его ожидали. Арина Власьевна до того переполошилась и взбѣгалась по дому, что Василій Ивановичъ сравнилъ ее съ „куропатицей“: куцый хвостикъ ея коротенькой кофточки дѣйствительно придавалъ ей нѣчто птичье. А самъ онъ только мычалъ да покусывалъ сбоку янтарчикъ своего чубука, да, прихвативъ шею пальцами, вертѣлъ головою, точно пробовалъ, хорошо ли она у него привинчена, и вдругъ разѣвалъ широкій ротъ и хохоталъ безъ всякаго шума.

— Я къ тебѣ на цѣлыхъ шесть недѣль пріѣхалъ, старина; сказалъ ему Базаровъ: — я работать хочу, такъ ты ужь, пожалуста, не мѣшай мнѣ.

— Физіономію мою забудешь, вотъ какъ я тебѣ мѣшать буду! отвѣчалъ Василій Иванпвичъ.

Онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Помѣстивъ сына попрежнему въ кабинетъ, онъ только что не прятался отъ него, и жену свою удерживалъ отъ всякихъ лишнихъ изъявленій нѣжности. „Мы, матушка моя, говорилъ онъ ей,—въ первый пріѣздъ Енюшки ему надоѣдали маленько: теперь надо быть умнѣй.“ Арина Власьевна соглашалась съ мужемъ, но немного отъ этого выигрывала, потому что видѣла сына только за столомъ и окончательно боялась съ нимъ заговаривать. „Енюшенька!“ бывало скажетъ она,—а тотъ еще не успѣетъ оглянуться, какъ ужь она перебираетъ шнурками ридикюля и лепечетъ: „ничего, ничего, я такъ,“ а потомъ отправится къ Василію Ивановичу, и говоритъ ему, подперши щеку: „какъ бы, голубчикъ, узпать: чего Енюша желаетъ сегодня къ обѣду, щей или борщу?“—„Да что̀ жь ты у него сама не спросила?“—„А надоѣмъ!“ Впрочемъ, Базаровъ скоро самъ пересталъ запираться; лихорадка работы съ него *соскочила*, и замѣнилась тоскливою скукой и глухимъ безпокойствомъ. Странная усталость замѣчалась во всѣхъ его движеніяхъ, даже походка его, твердая и стремительно смѣлая, измѣнилась. Онъ пересталъ гулять въ одиночку и началъ искать общества; пилъ чай въ гостиной, бродилъ по

огороду съ Василіемъ Ивановичемъ и курилъ съ нимъ „въ молчанку“; освѣдомился однажды объ отцѣ Алексѣѣ. Василій Ивановичъ сперва обрадовался этой перемѣнѣ, но радость его была не продолжительна. „Енюша меня сокрушаетъ,“ жаловался онъ втихомолку женѣ:„ онъ не то что недоволенъ или сердитъ, это бы еще ничего; онъ огорченъ, онъ грустенъ—вотъ что̀ ужасно. Все молчитъ, хоть бы побранилъ насъ съ тобою; худѣетъ, цвѣтъ лица такой нехорошій.“—„Господи, Господи!“ шептала старушка: „надѣла бы я ему ладонку на шею, да вѣдь онъ не позволитъ.“ Василій Ивановичъ нѣсколько разъ пытался самымъ осторожнымъ образомъ разспросить Базарова объ его работѣ, объ его здоровьи, объ Аркадіи... Но Базаровъ отвѣчалъ ему нехотя и небрежно, и однажды, замѣтивъ что отецъ въ разговорѣ понемножку подо что-то подбирается, съ досадой сказалъ ему: „Что̀ ты все около меня словно на цыпочкахъ ходишь? Эта манера еще хуже прежней.“—„Ну, ну, ну, я ничего!“ поспѣшно отвѣчалъ бѣдный Василій Ивановичъ. Такъ же безплодны остались его политическіе намеки. Заговоривъ, однажды, по поводу близкаго освобожденія крестьянъ, о прогрессѣ, онъ надѣялся возбудить сочувствіе своего сына; но тотъ равнодушно промолвилъ: „Вчера я прохожу мимо забора и слышу, здѣшніе крестьянскіе мальчики, вмѣсто какой-нибудь старой пѣсни, горланятъ: *Время вѣрное приходитъ, сердца чувствуютъ любовь*... вотъ тебѣ и прогрессъ.“ Иногда Базаровъ отправлялся на деревню и, подтрунивая по обыкновенію, вступалъ въ бесѣду съ какимъ-нибудь мужикомъ. „Ну, говорилъ онъ ему,“ излагай мнѣ свои воззрѣнія на жизнь, братецъ: вѣдь въ васъ, говорятъ, вся сила и будущность Россіи, отъ васъ начнется новая эпоха въ исторіи, вы намъ дадите и языкъ настоящій, и законы.“ Мужикъ либо не отвѣчалъ ничего, либо произносилъ слова въ родѣ слѣдующихъ: „А мы могимъ... тоже, потому значитъ... какой положонъ у насъ, примѣрно, придѣлъ.“—„Ты мнѣ растолкуй, что̀ такое есть вашъ міръ?“ перебивалъ его Базаровъ: „и тотъ ли это самый міръ что̀ на трехъ рыбахъ стоитъ?“

— Это, батюшка, земля стоитъ на трехъ рыбахъ, успокоительно, съ патріархально-добродушною нѣвучестью объяснялъ мужикъ,—а противъ нашего, то-есть, міру, извѣстно,

господская воля; потому вы наши отцы. А чѣмъ строже баринъ взыщетъ, тѣмъ милѣе мужику.

Выслушавъ подобную рѣчь, Базаровъ однажды презрительно пожалъ плечами и отвернулся, а мужикъ побрелъ во свояси.

— О чемъ толковалъ? спросилъ у него другой мужикъ среднихъ лѣтъ и угрюмаго вида, издали, съ порога своей избы, присутствовавшій при бесѣдѣ его съ Базаровымъ.— О недоимкѣ, что ль?

— Какое о недоимкѣ, братецъ ты мой! отвѣчалъ первый мужикъ, и въ голосѣ его уже не было слѣда патріархальной нѣвучести, а напротивъ, слышалась какая-то небрежная суровость:—такъ, болталъ коё-что; языкъ почесать захотѣлось. Извѣстно, баринъ; развѣ онъ что̀ понимаетъ?

— Гдѣ понять! отвѣчалъ другой мужикъ и, тряхнувъ шапками и осунувъ кушаки, оба они принялись разсуждать о своихъ дѣлахъ и нуждахъ. Увы! презрительно пожимавшій плечомъ, умѣвшій говорить съ мужиками Базаровъ (какъ хвалился онъ въ спорѣ съ Павломъ Петровичемъ), этотъ самоувѣренный, Базаровъ и не подозрѣвалъ, что онъ въ ихъ глазахъ былъ все-таки чѣмъ-то въ родѣ шута гороховаго...

Впрочемъ, онъ нашелъ, наконецъ, себѣ занятіе. Однажды, въ его присутствіи, Василій Ивановичъ перевязывалъ мужику раненую ногу, но руки тряслись у старика, и онъ не могъ справиться съ бинтами; сынъ ему помогъ, и съ тѣхъ поръ сталъ участвовать въ его практикѣ, не переставая въ то же время подсмѣиваться и надъ средствами, которыя самъ же совѣтовалъ, и надъ отцомъ, который тотчасъ же пускалъ ихъ въ ходъ. Но насмѣшки Базарова нисколько не смущали Василія Ивановича; онѣ даже утѣшали его. Придерживая свой засаленный шлафрокъ двумя пальцами на желудкѣ и покуривая трубочку, онъ съ наслажденіемъ слушалъ Базарова, и чѣмъ больше злости было въ его выходкахъ, тѣмъ добродушнѣе хохоталъ, выказывая всѣ свои черные зубы до единаго, его осчастливленный отецъ. Онъ даже повторялъ эти, часто тупыя или безсмысленныя выходки, и напримѣръ, въ теченіи нѣсколькихъ дней, ни къ селу, ни къ городу, все твердилъ: „ну, это дѣло девятое!“ потому только, что сынъ его, узнавъ, что онъ ходилъ къ заутрени, употребилъ это выраженіе. „Слава Богу! пересталъ хандрить!“ шепталъ онъ своей супругѣ: „какъ от-

дѣлалъ меня сегодня, чудо!“ За то мысль, что онъ имѣетъ такого помощника, приводила его въ восторгъ, наполняла его гордостью. „Да, да, говорилъ онъ какой-нибудь бабѣ въ мужскомъ армякѣ и рогатой кичкѣ, вручая ей склянку Гулярдовой воды или банку бѣленной мази,—ты, голубушка, должна ежеминутно Бога благодарить за то, что сынъ мой у меня гоститъ: по самой научной и новѣйшей методѣ тебя лѣчатъ теперь, понимаешь ли ты это? Императоръ Французовъ, Наполеонъ, и тотъ не имѣетъ лучшаго врача.“ А баба, которая приходила жаловаться, что ее „на колотики подняло“ (значенія этихъ словъ она, впрочемъ, сама растолковать не умѣла), только кланялась и лѣзла за пазуху, гдѣ у ней лежали четыре яйца завернутыя въ конецъ полотенца.

Базаровъ разъ даже вырвалъ зубъ у заѣзжаго разнощика съ краснымъ товаромъ, и хотя этотъ зубъ принадлежалъ къ числу обыкновенныхъ, однако Василій Ивановичъ сохранилъ его какъ рѣдкость и, показывая его отцу Алексѣю, безпрестанно повторялъ:

— Вы посмотрите, что̀ за корни! Эдакая сила у Евгенія Краснорядецъ такъ на воздухъ и поднялся... Мнѣ кажется, дубъ и тотъ бы вылетѣлъ вонъ!..

— Похвально! промолвилъ наконецъ отецъ Алексѣй, не зная что̀ отвѣчать и какъ отдѣлаться отъ пришедшаго въ экстазъ старика.

Однажды мужичокъ сосѣдней деревни привезъ къ Василію Ивановичу своего брата, больнаго тифомъ. Лежа ничкомъ на связкѣ соломы, несчастный умиралъ; темныя пятна покрывали его тѣло, онъ давно потерялъ сознаніе. Василій Ивановичъ изъявилъ сожалѣніе о томъ, что никто раньше не вздумалъ обратиться къ помощи медицины, и объявилъ, что спасенія нѣтъ. Дѣйствительно, мужичокъ не довезъ своего брата до дома; онъ такъ и умеръ въ телѣгѣ.

Дня три спустя, Базаровъ вошелъ къ отцу въ комнату, и спросилъ, нѣтъ ли у него адскаго камня?

— Есть; на что̀ тебѣ?

— Нужно... ранку прижечь.

— Кому?

— Себѣ.

— Какъ, себѣ! Зачѣмъ же это? Какая это ранка? Гдѣ она?

— Вотъ тутъ, на пальцѣ. Я сегодня ѣздилъ въ деревню, знаешь, откуда тифознаго мужика привозили. Они почему-то вскрывать его собирались, а я давно въ этомъ не упражнялся.

— Ну?

— Ну, вотъ я и попросилъ уѣзднаго врача; ну, и порѣзался.

Василій Ивановичъ вдругъ поблѣднѣлъ весь и, ни слова не говоря, бросился въ кабинетъ, откуда тотчасъ же вернулся съ кусочкомъ адскаго камня въ рукѣ. Базаровъ хотѣлъ было взять его и уйдти.

— Ради самого Бога, промолвилъ Василій Ивановичъ:— позволь мнѣ это сдѣлать самому.

Базаровъ усмѣхнулся.—Экой ты охотникъ до практики!

— Не шути, пожалуста. Покажи свой палецъ. Ранка-то не велика. Не больно?

— Напирай сильнѣе, не бойся.

Василій Ивановичъ остановился.— Какъ ты полагаешь, Евгеній, не лучше ли намъ прижечь желѣзомъ?

— Это бы раньше надо сдѣлать; а теперь, по настоящему, и адскій камень ненуженъ. Если я заразился, такъ ужь теперь поздно.

— Какъ... поздно...! едва могъ произнести Василій Ивановичъ.

— Еще бы! съ тѣхъ поръ четыре часа прошло слишкомъ.

Василій Ивановичъ еще немного прижегъ ранку.—Да развѣ у уѣзднаго лѣкаря не было адскаго камня?

— Не было.

— Какъ же это, Боже мой! Врачъ — и не имѣетъ такой необходимой вещи!

— Ты бы посмотрѣлъ на его ланцеты, промолвилъ Базаровъ, и вышелъ вонъ.

До самаго вечера и въ теченіи всего слѣдующаго дня. Василій Ивановичъ придирался ко всѣмъ возможнымъ предлогамъ чтобы входить въ комнату сына, и хотя онъ не только не упоминалъ объ его ранѣ, но даже старался говорить о самыхъ посторонникъ предметахъ; однако онъ такъ настойчиво заглядывалъ ему въ глаза и такъ тревожно наблюдалъ за нимъ, что Базаровъ потерялъ терпѣніе и погрозился уѣхать. Василій Ивановичъ далъ ему слово не безпокоиться, тѣмъ болѣе что и Арина Власьевна, отъ

которой онъ разумѣется все скрылъ, начинала приставать къ нему, зачѣмъ онъ не спитъ и что съ нимъ такое подѣялось? Цѣлыхъ два дня онъ крѣпился, хотя видъ сына, на котораго онъ все посматривалъ украдкой, ему очень не нравился... но на третій день за обѣдомъ онъ не выдержалъ. Базаровъ сидѣлъ потупившись и не касался ни до одного блюда.

— Отчего ты не ѣшь, Евгеній? спросилъ онъ, придавъ своему лицу самое беззаботное выраженіе.—Кушанье, кажется, хорошо сготовлено.

— Не хочется, такъ и не ѣмъ.

— У тебя аппетиту нѣту? А голова? прибавилъ онъ робкимъ голосомъ:—болитъ?

— Болитъ. Отчего ей не болѣть?

Арина Власьевна выпрямилась и насторожилась.

— Не разсердись, пожалуста, Евгеній, продолжалъ Василій Иванычъ,—но не позволишь ты мнѣ пульсъ у тебя пощупать?

Базаровъ приподнялся.—Я и не щупая, скажу тебѣ, что у меня жаръ.

— И ознобъ былъ?

— Былъ и ознобъ. Пойду прилягу; а вы мнѣ пришлите липоваго чаю. Простудился должно-быть.

— То-то, я слышала ты сегодня ночью кашлялъ, промолвила Арина Власьевна.

— Простудился, повторилъ Базаровъ и удалился.

Арина Власьевна занялась приготовленіемъ чаю изъ липоваго цвѣту, а Василій Ивановичъ вышелъ въ сосѣднюю комнату и молча схватилъ себя за волосы.

Базаровъ уже не вставалъ въ тотъ день, и всю ночь провелъ въ тяжелой, полузабывчивой дремотѣ. Часу въ первомъ утра, онъ, съ усиліемъ раскрывъ глаза, увидѣлъ надъ собою при свѣтѣ лампадки блѣдное лицо отца, и велѣлъ ему уйдти; тотъ повиновался, но тотчасъ же вернулся на цыпочкахъ и, до половины заслонившись дверцами шкапа, неотвратимо глядѣлъ на своего сына. Арина Власьевна тоже не ложилась и, чуть отворивъ дверь кабинета, то и дѣло подходила послушать „какъ дышетъ Енюшка“ и посмотрѣть на Василія Ивановича. Она могла видѣть одну его неподвижную, сгорбленную спину, но и это ей доставляло нѣкоторое облегченіе. Утромъ Базаровъ попытался

встать; голова у него закружилась, кровь пошла носомъ; онъ легъ опять. Василій Ивановичъ молча ему прислуживалъ; Арина Власьевна вошла къ нему и спросила его, какъ онъ себя чувствуетъ. Онъ отвѣчалъ: „лучше“, и повернулся къ стѣнѣ. Василій Ивановичъ замахалъ на жену обѣими руками; она закусила губу, чтобы не заплакать, и вышла вонъ. Все въ домѣ вдругъ словно потемнѣло; всѣ лица вытянулись, сдѣлалась странная тишина; со двора унесли на деревню какого-то горластаго пѣтуха, который долго не могъ понять, зачѣмъ съ нимъ такъ поступаютъ. Базаровъ продолжалъ лежать, уткнувшись въ стѣну. Василій Ивановичъ пытался обращаться къ нему съ разными вопросами, но они утомляли Базарова, и старикъ замеръ въ своихъ креслахъ, только изрѣдка хрустя пальцами. Онъ отправлялся на нѣсколько мгновеній въ садъ, стоялъ тамъ какъ истуканъ, словно пораженный несказаннымъ изумленіемъ (выраженіе изумленія вообще не сходило у него съ лица) и возвращался снова къ сыну, стараясь избѣгать распросовъ жены. Она наконецъ схватила его за руку, и судорожно, почти съ угрозой, промолвила: „да что съ нимъ?“ Тутъ онъ спохватился и принудилъ себя улыбнуться ей въ отвѣтъ; но, къ собственному ужасу, вмѣсто улыбки у него откуда-то взялся смѣхъ. За докторомъ онъ послалъ съ утра. Онъ почелъ нужнымъ предувѣдомить объ этомъ сына, чтобы тотъ какъ-нибудь не разсердился.

Базаровъ вдругъ повернулся на диванѣ, пристально и тупо посмотрѣлъ на отца, и попросилъ напиться.

Василій Ивановичъ подалъ ему воды, и кстати пощупалъ его лобъ. Онъ такъ и пылалъ.

— Старина, началъ Базаровъ сиплымъ и медленнымъ голосомъ,—дѣло мое дрянное. Я зараженъ, и черезъ нѣсколько дней ты меня хоронить будешь.

Василій Ивановичъ пошатнулся, словно кто по ногамъ его ударилъ. – Евгеній пролепеталъ! онъ: —что ты это!.. Богъ съ тобою! Ты простудился...

— Полно, не спѣша перебилъ его Базаровъ.—Врачу непозволительно такъ говорить. Всѣ признаки зараженія, ты самъ знаешь.

— Гдѣ же признаки... зараженія, Евгеній?.. помилуй!

— А это что? промолвилъ Базаровъ, и приподнявъ ру-

кавъ рубашки, показалъ отцу уже выступившія зловѣщія красныя пятна.

Василій Ивановичъ дрогнулъ и походѣлъ отъ страха.— Положимъ, сказалъ онъ наконецъ,— похоложимъ... если... если даже что-нибудь въ родѣ.... зараженія.....

— Піэміи, подсказалъ сынъ,

— Ну да.... въ родѣ.... эпидеміи...

— *Піэміи*, сурово и отчетливо повторилъ Базаровъ,— аль ужь позабылъ свои тетрадки.

— Ну да, да, какъ тебѣ угодно... А все-таки, мы тебя вылѣчимъ!

— Ну, это дудки. Но не въ томъ дѣло. Я не ожидалъ, что такъ скоро умру; это случайность, очень, по правдѣ сказать, непріятная. Вы оба съ матерью должны теперь воспользоваться тѣмъ, что въ васъ религія сильна; вотъ вамъ случай поставить ее на пробу.—Онъ отпилъ еще немного воды.—А я хочу попросить тебя объ одной вещи... пока еще моя голова въ моей власти. Завтра или послѣ завтра мозгъ мой, ты знаешь, въ отставку подастъ. Я и теперь не совсѣмъ увѣренъ, ясно ли я выражаюсь. Пока я лежалъ, мнѣ все казалось, что вокругъ меня собаки бѣгали, а ты надо мной стойку дѣлалъ, какъ надъ тетеревомъ. Точно я пьяный. Ты хорошо меня понимаешь.

— Помилуй, Евгеній, ты говоришь совершенно какъ слѣдуетъ.

— Тѣмъ лучше; ты мнѣ сказалъ, ты послалъ за докторомъ... Этимъ ты себя потѣшилъ... потѣшь и меня: пошли ты нарочнаго.

— Къ Аркадію Николаичу, подхватилъ старикъ.

— Кто такой Аркадій Николаичъ? проговорилъ Базаровъ, какъ бы въ раздумьи... — Ахъ, да! птенецъ этотъ! Нѣтъ, ты его не трогай: онъ теперь въ галки попалъ. Не удивляйся, это еще не бредъ. А ты пошли нарочнаго къ Одинцовой, Аннѣ Сергѣвнѣ, тутъ есть такая помѣщица... Знаешь? (Василій Ивановичъ кивнулъ головой.) Евгеній, молъ, Базаровъ кланяться велѣлъ и велѣлъ сказать, что умираетъ. Ты это исполнишь?

— Исполню... Только возможное ли это дѣло, чтобы ты умеръ, ты, Евгеній!.. Самъ посуди! Гдѣ жь послѣ этого будетъ справедливость?

— Этого я не знаю; а только ты нарочнаго пошли.

— Сію минуту пошлю, и самъ письмо напишу.

— Нѣтъ, зачѣмъ; скажи, что кланяться велѣлъ, больше ничего не нужно. А теперь я опять къ моимъ собакамъ. Странно! хочу остановить мысль на смерти, и ничего не выходитъ. Вижу какое-то пятно... и больше ничего.

Онъ опять тяжело повернулся къ стѣнѣ; а Василій Ивановичъ вышелъ изъ кабитета и, добравшись до женниой спальни, такъ и рухнулся на колѣни передъ образами.

— Молись, Арина, молись! простопалъ онъ:—нашъ сынъ умираетъ.

Докторъ, тотъ самый уѣздный лѣкарь, у котораго не нашлось адскаго камня, пріѣхалъ и, осмотрѣвъ больнаго, посовѣтовалъ держаться методы выжидающей, и тутъ же сказалъ нѣсколько словъ о возможности выздоровленья. „А вамъ случалось видѣть, что люди въ моемъ положеніи *не* отправляются въ Елисейскія?“ спросилъ его Базаровъ и, внезапно схвативъ за ножку тяжелый столъ, стоявшій возлѣ дивана, потрясъ его и сдвинулъ съ мѣста.

— Сила-то, сила, промолвилъ онъ, вся еще тутъ, а надо умирать!... Старикъ, тотъ по крайней мѣрѣ успѣлъ отвыкнуть отъ жизни, а я... Да, поди, попробуй, отрицать смерть. Она меня отрицаетъ, и баста. Кто тамъ плачетъ? прибавилъ онъ, погодя немного.—Мать? Бѣдная! Кого-то она будетъ кормить теперь своимъ удивительнымъ борщемъ? А ты, Василій Иванычъ, тоже, кажется, нюнишь? Ну, коли христіянство не помогаетъ, будь философомъ, стоикомъ, что ли! Вѣдь ты хвастался, что ты философъ?

— Какой я философъ! завопилъ Василій Ивановичъ, и слезы такъ и закапали по его щекамъ.

Базарову становилось хуже съ каждымъ часомъ; болѣзнь приняла быстрый ходъ, что̀ обыкновенно случается при хирургическихъ отравахъ. Онъ еще не потерялъ памяти и понималъ, что̀ ему говорили; онъ еще боролся. „Не хочу бредить, шепталъ онъ, сжимая кулаки,—что̀ за вздоръ!“ И тутъ же говорилъ: „Ну, изъ восьми вычесть десять, сколько выйдетъ?“ Василій Ивановичъ ходилъ, какъ помѣшанный, предлагалъ то одно средство, то другое, и только и дѣлалъ что покрывалъ сыпуноги. „Обернуть въ холодныя простыни... рвотное... горчишники къ желудку... кровопусканіе,“

говорилъ онъ съ напряженіемъ. Докторъ, котораго онъ умолилъ остаться, ему поддакивалъ, поилъ больнаго лимонадомъ, а для себя просилъ то трубочки, то „укрѣпляющаго-согрѣвающаго“, то-есть водки. Арина Власьевна сидѣла на низенькой скамеечкѣ возлѣ двери, и только по временамъ уходила молиться; нѣсколько дней тому назадъ туалетное зеркальцо выскользнуло у ней изъ рукъ и разбилось, а это она всегда считала худымъ предзнаменованіемъ; сама Анфисушка ничего не умѣла сказать ей. Тимоѳеичъ отправился къ Одинцовой.

Ночь была нехороша для Базарова... Жестокій жаръ его мучилъ. Къ утру ему полегчило. Онъ попросилъ, чтобъ Арина Власьевна его причесала, поцѣловалъ у ней руку, и выпилъ глотка два чаю. Василій Ивановичъ оживился немного.

— Слава Богу! твердилъ онъ:—наступилъ кризисъ... прошелъ кризисъ.

— Эка, подумаешь! промолвилъ Базаровъ:—слово-то что̀ значитъ! Нашелъ его, сказалъ: „кризисъ“, и утѣшенъ. Удивительное дѣло, какъ человѣкъ еще вѣритъ въ слова. Скажутъ ему, напримѣръ, дурака и не прибьютъ,—онъ опечалится; назовутъ его умницей и денегъ ему не дадутъ, онъ почувствуетъ удовольствіе.

Эта маленькая рѣчь Базарова, напоминавшая его прежнія „выходки,“ привела Василія Ивановича въ умиленіе.

— Браво! прекрасно сказано, прекрасно! воскликнулъ онъ, показывая видъ, что̀ бьетъ въ ладоши.

Базаровъ печально усмѣхнулся.

— Такъ какъ же по твоему, промолвилъ онъ,—кризисъ прошелъ или наступилъ?

— Тебѣ лучше, вотъ что̀ я вижу, вотъ что̀ меня радуетъ, отвѣчалъ Василій Ивановичъ.

— Ну, и прекрасно; радоваться всегда не худо. А къ той, помнишь? послалъ?

— Послалъ, какъ же.

Перемѣна къ лучшему продолжалась недолго. Приступы болѣзни возобновились. Василій Ивановичъ сидѣлъ подлѣ Базарова. Казалось, какая-то особенная мука терзала старика. Онъ нѣсколько разъ собирался говорить—и не могъ.

— Евгеній! произнесъ онъ наконецъ:—сынъ мой, дорогой мой, милый сынъ!

Это необычайное воззваніе подѣйствовало на Базарова... Онъ повернулъ немного голову и, видимо стараясь выбиться изъ-подъ бремени давившаго его забытья, произнесъ:—Что, мой отецъ?

— Евгеній, продолжалъ Василій Ивановичъ, и опустился на колѣни передъ Базаровымъ, хотя тотъ не раскрывалъ глазъ, и не могъ его видѣть.—Евгеній, тебѣ теперь лучше; ты, Богъ дастъ, выздоровѣешь; но воспользуйся этимъ временемъ, утѣшь насъ съ матерью, исполни долгъ христіянина! Каково-то мнѣ это тебѣ говорить, это ужасно; но еще ужаснѣе... вѣдь на вѣкъ, Евгеній... ты подумай, каково-то...

Голосъ старика перервался, а по лицу его сына, хоть онъ и продолжалъ лежать съ закрытыми глазами, проползло что-то странное.—Я не отказываюсь, если это можетъ васъ утѣшить, промолвилъ онъ наконецъ,—но мнѣ кажется, спѣшить еще не къ чему. Ты самъ говоришь, что мнѣ лучше.

— Лучше, Евгеній, лучше; но кто знаетъ, вѣдь это все въ Божьей волѣ, а исполнивши долгъ...

— Нѣтъ, я подожду, перебилъ Базаровъ.—Я согласенъ съ тобою, что наступилъ кризисъ. А если мы съ тобой ошиблись, что жь! вѣдь и безпамятныхъ причащаютъ.

— Помилуй, Евгеній...

— Я подожду. А теперь я хочу спать. Не мѣшай мнѣ.

И онъ положилъ голову на прежнее мѣсто.

Старикъ поднялся, сѣлъ на кресло и, взявшись за подбородокъ, сталъ кусать себѣ пальцы...

Стукъ рессорнаго экипажа, тотъ стукъ, который такъ особенно замѣтенъ въ деревенской глуши, внезапно поразилъ его слухъ. Ближе, ближе катились легкія колеса; вотъ уже послышалось фырканье лошадей... Василій Ивановичъ вскочилъ и бросился къ окошку. На дворъ его домика, запряженная четверней въѣзжала двумѣстная карета. Не отдавая себѣ отчета, что бы это могло значить, въ порывѣ какой-то безсмысленной радости, онъ выбѣжалъ на крыльцо... Ливрейный лакей отворялъ дверцы кареты; дама подъ чернымъ вуалемъ, въ черной мантильѣ выходила изъ нея...

— Я Одинцова, промолвила она. — Евгеній Васильичъ живъ? Вы его отецъ? Я привезла съ собою доктора.

— Благодѣтельница! воскликнулъ Василій Ивановичъ, и схвативъ ея руку, судорожно прижалъ ее къ своимъ

губамъ, между тѣмъ какъ привезенный Аннсй Сергѣевной докторъ, маленькій человѣчекъ въ очкахъ, съ нѣмецкою физіономіей, вылѣзалъ не торопясь изъ кареты.—Живъ еще, живъ мой Евгеній, и теперь будетъ спасенъ! Жена! жена!.. Къ намъ ангелъ съ неба...

— Что такое, Господи! пролепетала, выбѣгая изъ гостиной старушка, и ничего не понимая, тутъ же въ передней упала къ ногамъ Анны Сергѣевны и начала, какъ безумная, цѣловать ея платье.

— Что вы! что вы! твердила Анна Сергѣевна; но Арина Власьевна ея не слушала, а Василій Ивановичъ только повторялъ: ангелъ! ангелъ!

— Wo ist der Kranke? Игдѣ же есть пацiентъ? проговорилъ, наконецъ, докторъ, не безъ нѣкотораго негодованія.

Василій Ивановичъ опомнился.—Здѣсь, здѣсь, пожалуйте за мной, *вертестеръ герръ коллега*, прибавилъ онъ по старой памяти.—Э? произнесъ Нѣмецъ, и кисло осклабился. Василій Ивановичъ привелъ его въ кабинетъ.—Докторъ отъ Анны Сергѣевны Одинцовой, сказалъ онъ, наклонясь къ самому уху своего сына, и она сама здѣсь.

Базаровъ вдругъ раскрылъ глаза.—Что ты сказалъ?

— Я говорю, что Анна Сергѣевна Одинцова здѣсь, и привезла къ тебѣ сего господина доктора.

Базаровъ повелъ вокругъ себя глазами.—Она здѣсь... я хочу ее видѣть.

— Ты ее увидишь, Евгеній; но сперва надобно побесѣдовать съ господиномъ докторомъ. Я имъ разкажу всю исторію болѣзни, такъ какъ Сидоръ Сидорычъ уѣхалъ (такъ звали уѣзднаго врача), и мы сдѣлаемъ маленькую консультацію.

Базаровъ взглянулъ на Нѣмца.—Ну, бесѣдуйте скорѣе; только не полатыни; я вѣдь понимаю, что значитъ jam moritur.

— Der Herr scheint des Deutschen mächtig zu sein, началъ новый питомецъ Эскулапа, обращаясь къ Василію Ивановичу.

— *Ихъ... габе...* Говорите ужь лучше по-русски, промолвилъ старикъ.

— А, а! *такъ этто фотъ какъ этто...* Пошалуй...—И консультація началась.

Полчаса спустя, Анна Сергѣевна, въ сопровожденіи Василія Ивановича, вошла въ кабинетъ. Докторъ успѣлъ шепнуть ей, что нечего и думать о выздоровленіи больнаго.

Она взглянула на Базарова, и остановилась у двери, до

того поразило ее это воспаленное и, въ то же время, мертвенное лицо съ устремленными на нее мутными глазами. Она просто испугалась какимъ-то холоднымъ и томительнымъ испугомъ; мысль, что она не то бы почувствовала, еслибы точно его любила, мгновенно сверкнула у ней въ головѣ.

— Спасибо, усиленно заговорилъ онъ,—я этого не ожидалъ. Это доброе дѣло. Вотъ мы еще разъ и увидѣлись, какъ вы обѣщали.

— Анна Сергѣвна такъ была добра, началъ Василій Ивановичъ...

— Отецъ, оставь насъ.—Анна Сергѣвна, вы позволяете? Кажется, теперь...

Онъ указалъ головою на свое распростертое безсильное тѣло.

Василій Ивановичъ вышелъ.

— Ну, спасибо, повторилъ Базаровъ.—Это по-царски. Говорятъ цари тоже посѣщаютъ умирающихъ.

— Евгеній Васильичъ, я надѣюсь...

— Эхъ, Анна Сергѣвна, станемте говорить правду. Со мной кончено. Попалъ подъ колесо. И выходитъ, что нечего было думать о будущемъ. Старая штука, смерть, а каждому внове. До сихъ поръ не трушу... а тамъ придетъ безпамятство, и *фюить*! (Онъ слабо махнулъ рукой.) Ну, что жь мнѣ вамъ сказать... Что я любилъ васъ? это и прежде не имѣло никакого смысла, а теперь, подавно. Любовь—форма, а моя собственная форма уже разлагается. Скажу я лучше, что какая вы славная! И теперь вотъ вы стоите, такая красивая...

Анна Сергѣевна невольно содрогнулась.

— Ничего, не тревожьтесь... сядьте тамъ... Не подходите ко мнѣ: вѣдь моя болѣзнь заразительная.

Анна Сергѣевна быстро перешла комнату и сѣла на кресло возлѣ дивана.

— Великодушная! шепнулъ Базаровъ.—Охъ, какъ близко, и какая молодая, свѣжая, чистая... въ этой гадкой комнатѣ!.. Ну, прощайте! живите долго, это лучше всего, и пользуйтесь пока время. Вы посмотрите что за безобразное зрѣлище: червякъ полураздавленный, а еще топорщится. И вѣдь тоже думалъ: обломаю дѣлъ много, не умру, куда! задача есть, вѣдь я гигантъ! А теперь вся задача

гиганта какъ бы умереть прилично, хотя никому до этого дѣла нѣтъ... Все равно: вилять хвостомъ не стану.

Базаровъ умолкъ и сталъ ощупывать рукой свой стаканъ. Анна Сергѣевна подала ему напиться, не снимая перчатокъ и боязливо дыша.

— Меня вы забудете, началъ онъ опять,—мертвый живому не товарищъ. Отецъ вамъ будетъ говорить, что вотъ, молъ, какого человѣка Россія теряетъ... Это чепуха; но не разувѣряйте старика... Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось... вы знаете.... Я нуженъ Россіи!... Нѣтъ, видно не нуженъ. Да и кто̀ нуженъ? Сапожникъ нуженъ, портной нуженъ, мясникъ... мясо продаетъ... мясникъ... постойте, я путаюсь... Тутъ есть лѣсъ...

Базаровъ положилъ руку на лобъ.

Анна Сергѣевна наклонилась къ нему.—Евгеній Васильичъ, я здѣсь...

Онъ разомъ принялъ руку и приподнялся.—Прощайте, проговорилъ онъ съ внезапною силой, и глаза его блеснули послѣднимъ блескомъ.—Прощайте... Послушайте... вѣдь я васъ не поцѣловалъ тогда... Дуньте на умирающую лампу и пусть она погаснетъ...

Анна Сергѣевна приложилась губами къ его лбу.

— И довольно! промолвилъ онъ, и опустился на подушку.—Теперь... темнота...

Анна Сергѣевна тихо вышла.—Что̀? спросилъ ее шепотомъ Василій Ивановичъ.

— Онъ заснулъ, отвѣчала она чуть слышно.

Базарову уже не суждено было просыпаться. Къ вечеру онъ впалъ въ совершенное безпамятство, а на слѣдующій день умеръ. Отецъ Алексѣй совершилъ надъ нимъ обряды религіи. Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, одинъ глазъ его раскрылся и, казалось, при видѣ священника въ облаченіи, дымящагося кадила, свѣчъ передъ образомъ, что-то похожее на содроганіе ужаса мгновенно отразилось на помертвѣломъ лицѣ. Когда же наконецъ онъ испустилъ послѣдній вздохъ и въ домѣ поднялось всеобщее стенаніе, Василіемъ Ивановичемъ обуяло внезапное изступленіе. „Я говорилъ, что я возропщу,“ хрипло кричалъ онъ, съ пылающимъ, перекошеннымъ лицомъ, потрясая въ воздухѣ кулакомъ, какъ бы грозя кому-то, „и возропщу, возропщу!“ Но Арина Власьевна, вся въ

слезахъ, повисла у него на шеѣ, и оба вмѣстѣ пали ницъ.— „Такъ, разказывала потомъ въ людской Анфисушка, рядышкомъ и понурили свои головки, словно овечки въ полдень.“

Но полуденный зной проходитъ, и настаетъ вечеръ и ночь, а тамъ и возвращеніе въ тихое убѣжище, гдѣ сладко спится измученнымъ и усталымъ...

XXVIII.

Прошло шесть мѣсяцевъ. Стояла бѣлая зима съ жестокою тишиной безоблачныхъ морозовъ, плотнымъ, скрипучимъ снѣгомъ, розовымъ инеемъ на деревьяхъ, блѣдно-изумруднымъ небомъ, шапками дыма надъ трубами, клубами пара изъ мгновенно раскрытыхъ дверей, свѣжими, словно укушенными лицами людей, и хлопотливымъ бѣгомъ продрогшихъ лошадокъ. Январскій день уже приближался къ концу вечерній холодъ еще сильнѣе стискивалъ недвижный воздухъ, и быстро гасла кровавая заря. Въ окнахъ Марьинскаго дома зажигались огни; Прокофьичъ, въ черномъ фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, съ особенною торжественностію накрывалъ столъ на семь приборовъ. Недѣлю тому назадъ, въ небольшой приходской церкви, тихо и почти безъ свидѣтелей состоялись двѣ свадьбы: Аркадія съ Катей и Николая Петровича съ Ѳеничкой; а въ самый тотъ день Николай Петровичъ давалъ прощальный обѣдъ своему брату, который отправлялся по дѣламъ въ Москву. Анна Сергѣевна уѣхала туда же тотчасъ послѣ свадьбы, щедро надѣливъ молодыхъ.

Ровно въ три часа всѣ явились къ столу. Митю помѣстили тутъ же; у него уже появилась нянюшка съ глазетовымъ кокошникомъ. Павелъ Петровичъ возсѣдалъ между Катей и Ѳеничкой; „мужья“ пристроились возлѣ своихъ женъ. Знакомцы наши измѣнились въ послѣднее время: всѣ какъ будто похорошѣли и возмужали; одинъ Павелъ Петровичъ похудѣлъ, что̀, впрочемъ, придавало еще больше изящества и *грансеньйоства* его выразительнымъ чертамъ... Да и Ѳеничка стала другая. Въ свѣжемъ шелковомъ платьѣ, съ широкою бархатною наколкой на волосахъ, съ золотою цѣпочкой на шеѣ, она сидѣла почтительно-неподвижно, почтительно къ самой себѣ, ко всему, что̀ ее окружало, и

такъ улыбалась, какъ будто хотѣла сказать; „вы меня извините, я не виновата.“ И не она одна другіе всѣ улыбались, и тоже какъ будто извинялись; всѣмъ было немножко неловко, немножко грустно, и въ сущности очень хорошо. Каждый прислуживалъ другому съ забавною предупредительностію, точно всѣ согласились разыграть какую-то простодушную комедію. Катя была спокойнѣе всѣхъ: она довѣрчиво посматривала вокругъ себя, и можно было замѣтить, что Николай Петровичъ успѣлъ уже полюбить ее безъ памяти. Передъ концомъ обѣда онъ всталъ и, взявъ бокалъ въ руки, обратился къ Павлу Петровичу.

— Ты насъ покидаешь... ты насъ покидаешь, милый братъ, началъ онъ:—конечно не надолго; но все же я не могу не выразить тебѣ, что я... что мы... сколь я... сколь мы... Вотъ въ томъ-то и бѣда, что мы не умѣемъ говорить спичи! Аркадій, скажи ты.

— Нѣтъ, папаша, я не приготовлялся.

— А я хорошо приготовился! Просто, братъ, позволь тебя обнять, пожелать тебѣ всего хорошаго, и вернись къ намъ поскорѣе!

Павелъ Петровичъ облобызался со всѣми, не исключая, разумѣется, Мити: у Ѳенички онъ сверхъ того поцѣловалъ руку, которую та еще не умѣла подавать какъ слѣдуетъ, и, выпивая вторично-налитый бокалъ, промолвилъ съ глубокимъ вздохомъ: „Будьте счастливы, друзья мои! Farewell!

Этотъ англійскій хвостикъ прошелъ незамѣченнымъ; но всѣ были тронуты.

„Въ память Базарова,“ шепнула Катя на ухо своему мужу, и чокнулась съ нимъ. Аркадій въ отвѣтъ пожалъ ей крѣпко руку; но не рѣшился громко предложить этотъ тостъ.

Казалось бы, конецъ? Но, быть-можетъ, кто-нибудь изъ читателей пожелаетъ узнать что̀ дѣлаетъ теперь, именно теперь, каждое изъ выведенныхъ нами лицъ. Мы готовы удовлетворить его.

Анна Сергѣевна недавно вышла замужъ, не по любви, но по убѣжденію, за одного изъ будущихъ русскихъ дѣятелей, человѣка очень умнаго, законника, съ крѣпкимъ практическимъ смысломъ, твердою волей и замѣчательнымъ даромъ слова,—человѣка еще молодаго, добраго и холоднаго какъ

ледъ. Они живутъ въ большомъ ладу другъ съ другомъ, и доживутся, пожалуй, до счастья... пожалуй до любви. Княжна Х....ая умерла, забытая въ самый день смерти. Кирсановъ, отецъ съ сыномъ, поселились въ Марьинѣ. Дѣла ихъ начинаютъ поправляться; Аркадій сдѣлался рьянымъ хозяиномъ, и „ферма“ уже приноситъ довольно значительный доходъ. Николай Петровичъ попалъ въ мировые посредники и трудится изо всѣхъ силъ; онъ безпрестанно разъѣзжаетъ по своему участку, произноситъ длинныя рѣчи (онъ придерживается того мнѣнія, что мужичковъ надо „вразумлять“, то-есть, частымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же словъ доводить ихъ до истомы), и все-таки, говоря правду, не удовлетворяетъ вполнѣ ни дворянъ образованныхъ, говорящихъ то съ пикомъ, то съ меланхоліей о *манципаціи* (произнося *ан* въ носъ), ни необразованныхъ дворянъ, безцеремонно бранящихъ „евту *мунципацію*“. И для тѣхъ, и для другихъ онъ слишкомъ мягокъ. У Катерины Сергѣевны родился сынъ Коля, а Митя уже бѣгаетъ молодцомъ и болтаетъ рѣчисто. Ѳеничка, Ѳедосья Николаевна, послѣ мужа и Мити никого такъ не обожаетъ какъ свою невѣстку, и когда та садится за фортепіяно, рада цѣлый день не отходить отъ нея. Упомянемъ кстати о Петрѣ. Онъ совсѣмъ окоченѣлъ отъ глупости и важности, произноситъ всѣ *е* какъ *ю*: *тюпюръ*, *обюзпючютъ*, но тоже женился и взялъ порядочное приданое за своею невѣстой, дочерью городскаго огородника, которая отказала двумъ хорошимъ женихамъ, только потому, что у нихъ часовъ не было: а у Петра не только были часы—у него были лаковые полусапожки!

Въ Дрезденѣ, на Брюлевской террассѣ, между 2-мя и 4-мя часами, въ самое фешенебельное время для прогулки, вы можете встрѣтить человѣка лѣтъ около пятидесяти, уже совсѣмъ сѣдаго и какъ бы страдающаго подагрой, но еще красиваго, изящно одѣтаго и съ тѣмъ особеннымъ отпечаткомъ, который дается человѣку однимъ лишь долгимъ пребываніемъ въ высшихъ слояхъ общества. Это Павелъ Петровичъ. Онъ уѣхалъ изъ Москвы заграницу для поправленія здоровья, и остался на жительство въ Дрезденѣ, гдѣ знается больше съ Англичанами и съ проѣзжими Русскими. Съ Англичанами онъ держится просто, почти скромно, но не безъ достоинства; они находятъ его немного скучнымъ, но уважаютъ въ немъ совершеннаго джентльмена, „a perfect

gentleman.“ Съ Русскими онъ развязнѣе, даетъ волю своей желчи, трунитъ надъ самимъ собой и надъ ними; но все это выходитъ у него очень мило, и небрежно, и прилично. Онъ придерживается славянофильскихъ воззрѣній: извѣстно, что въ высшемъ свѣтѣ это считается *très distingué*. Онъ ничего русскаго не читаетъ, но на письменномъ столѣ у него находится серебряная пепельница въ видѣ мужицкаго лаптя. Наши туристы очень за нимъ волочатся. Матвей Ильичъ Колязинъ, находящійся *во временной оппозиціи*, величаво посѣтилъ его, проѣзжая на богемскія воды; а туземцы, съ которыми онъ, впрочемъ, видится мало, чуть не благоговѣютъ передъ нимъ. Получить билетъ въ придворную капеллу, въ театръ и т. д. никто не можетъ такъ легко и скоро какъ der Herr Baron von Kirsanoff. Онъ все дѣлаетъ добро, сколько можетъ; онъ все еще шумитъ понемножку не даромъ же былъ онъ нѣкогда львомъ;—но жить ему тяжело... тяжелѣй чѣмъ онъ самъ подозрѣваетъ... Стоитъ взглянуть на него въ русской церкви, когда, прислонясь въ сторонкѣ къ стѣнѣ, онъ задумается и долго не шевелится, горько стиснувъ губы, потомъ вдругъ опомнится и начнетъ почти незамѣтно креститься...

И Кукшина попала за границу. Она теперь въ Гейдельбергѣ и изучаетъ уже не естественныя науки, но архитектуру, въ которой, по ея словамъ, она открыла новые законы. Она попрежнему якшается съ студентами, особенно съ молодыми русскими физиками и химиками, которыми наполненъ Гейдельбергъ и которые, удивляя на первыхъ порахъ наивныхъ нѣмецкихъ профессоровъ своимъ трезвымъ взглядомъ на вещи, въ послѣдствіи удивляютъ тѣхъ же самыхъ профессоровъ своимъ совершеннымъ бездѣйствіемъ и абсолютною лѣнью. Съ такими-то двумя-тремя химиками, не умѣющими отличить кислорода отъ азота, но исполненными отрицанія и самоуваженія, да съ великимъ Елисѣевичемъ, Ситниковъ, тоже готовящійся быть великимъ, толчется въ Петербургѣ и, по его увѣреніямъ, продолжаетъ „дѣло“ Базарова. Говорятъ его кто-то недавно побилъ, но онъ въ долгу не остался: въ одной темной статейкѣ, тиснутой въ одномъ темномъ журнальцѣ, онъ намекнулъ, что побившій его—трусъ. Онъ называетъ это ироніей. Отецъ имъ помыкаетъ попрежнему, а жена считаетъ его дурачкомъ... и литераторомъ.

Есть небольшое сельское кладбище, въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Какъ почти всѣ наши кладбища, оно являетъ видъ печальный: окружавшія его канавы давно заросли; сѣрые деревянные кресты поникли и гніютъ подъ своими когда-то крашенными крышами; каменныя плиты всѣ сдвинуты, словно кто ихъ подталкиваетъ снизу; два-три щипанныхъ деревца едва даютъ скудную тѣнь; овцы безвозбранно бродятъ по могиламъ... Но между ними есть одна, до которой не касается человѣкъ, которую не топчетъ животное: однѣ птицы садятся на нее и поютъ на зарѣ. Желѣзная ограда ее окружаетъ; двѣ молодыя елки посажены по обѣимъ ея концамъ: Евгеній Базаровъ похороненъ въ этой могилѣ. Къ ней, изъ недалекой деревушки, часто приходятъ два уже дряхлые старичка — мужъ съ женою; поддерживая другъ друга, идутъ они отяжелѣвшею походкой; приблизятся къ оградѣ, припадутъ и станутъ на колѣни, и долго, и горько плачутъ, и долго, и внимательно смотрятъ на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ; помѣняются короткимъ словомъ, пыль смахнутъ съ камня, да вѣтку елки поправятъ, и снова молятся и не могутъ покинуть это мѣсто, откуда имъ какъ будто ближе до ихъ сына, до воспоминаній о немъ... Неужели ихъ молитвы, ихъ слезы безплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О, нѣтъ! Какое бы страстное, грѣшное, бунтующее сердце ни скрылось въ могилѣ, цвѣты, растущіе на ней, безмятежно глядятъ на насъ своими невинными глазами: не объ одномъ вѣчномъ спокойствіи говорятъ намъ они, о томъ великомъ спокойствіи „равнодушной“ природы; они говорятъ также о вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной.

Августъ, 1861 года.

ИВ. ТУРГЕНЕВЪ.

ПРОШЛОЕ ЛѢТО ВЪ ДЕРЕВНѢ

Представляя читателямъ эти болѣе анекдотическія, нежели дѣловыя замѣтки о нѣсколькихъ любопытныхъ мѣсяцахъ въ моей жизни, я заранѣе извиняюсь въ ихъ неполнотѣ и легкости. Многаго я просто не могъ касаться; касаться кое-чего другаго мнѣ казалось не своевременнымъ и такъ-сказать не великодушнымъ. Многое я долженъ былъ преднамѣренно затемнить, чтобы характеръ вымысла сохранился и не повелъ къ личностямъ. Посреди всякаго рода трудностей, я просто рѣшился держаться анекдотической стороны дѣла, и если позволялъ себѣ общія соображенія, то позволялъ ихъ лишь относительно самого себя и своихъ собственныхъ промаховъ въ хозяйствѣ.

I.

Выѣздъ изъ столицы съ путевыми мыслями и сценами.

Въ ясное и свѣжее утро, двадцатаго іюня 1861 года, я помѣстился въ одномъ изъ вагоновъ желѣзной дороги. Путь мой лежалъ до станціи.*** На станціи долженъ я былъ найдти коляску и лошадей, отдохнуть немного, и двинуться въ мое имѣніе Петровское, для составленія уставной грамоты. Утвердительно могу сказать, что изъ всѣхъ помѣщиковъ, въ это время разлетавшихся изъ Петербурга съ тою же цѣлью, я

былъ самымъ веселымъ и покойнымъ. Причинъ тому было много: я не имѣлъ ни семьи, ни долговъ, доходы съ Петровскаго не были единственными доходами въ моемъ бюджетѣ; само имѣніе принадлежало къ оброчнымъ, за исключеніемъ малой запашки и двадцати тяголъ на барщинѣ. Сверхъ того, я безвредно пережилъ года, когда человѣкъ привязывается къ деньгамъ, и хорошо помнилъ, что лучшею порой моей жизни была весьма безденежная и крайне некомфортабельная молодость.

Поэтому не мудрено, что не взирая на мои довольно солидныя лѣта я выходилъ изъ вагона при каждой остановкѣ, разговорчивостью своей очаровывалъ кондукторовъ и съ удовольствіемъ раздумывалъ о цѣли своей поѣздки. Въ моемъ вагонѣ было пусто, и уединеніе только питало мои розовыя фантазіи. Къ обѣденной порѣ я уже былъ готовъ глядѣть на себя какъ на мудраго практическаго человѣка, всю свою жизнь заботившагося о благѣ меньшихъ братьевъ и стремящагося къ конечному облагодѣтельствованію персонъ ему подвластныхъ, pour couronner l'édifice, по выраженію нынѣшняго французскаго императора. Скверный обѣдъ, однакоже, разсѣялъ мои грезы.

Но только къ вечеру, когда я и мои вещи очутились на платформѣ уединенной станціи, когда поѣздъ со свистомъ исчезъ въ отдаленіи, и безпредѣльная лѣсная пустыня охватила меня справа и слѣва, я почувствовалъ тягость на сердцѣ и спросилъ самъ себя, однако подготовился ли я какъ слѣдуетъ къ тому дѣлу, за которое долженъ приняться? Вопросъ этотъ меня озадачилъ. Тихо вошелъ я на станцію, помѣстился на диванѣ и опустилъ голову. Комары кусали меня безжалостно, но я не обращалъ на нихъ вниманія. „Да, повторялъ я самъ себѣ, – не мѣшаетъ узнать, готовъ ли я для того дѣла, за которое предстоитъ мнѣ взяться?“

Экземпляръ Положенія о крестьянахъ, скрывавшійся въ моемъ дорожномъ мѣшкѣ и уродливо оттопырившій всю правую его сторону, кинулся мнѣ въ глаза на эту минуту. Со вздохомъ сознался я, что этотъ экземпляръ только одинъ разъ прочитанъ мною, что на немъ нѣтъ никакихъ моихъ отмѣтокъ въ отношеніи къ Петровскому, и что о подробностяхъ въ немъ заключенныхъ я больше знаю изъ вечернихъ разговоровъ съ пріятелями нежели изъ собственнаго, внимательнаго изученія.

Затѣмъ представились мнѣ всѣ трудности, предстоящія мнѣ вслѣдствіе необходимости личныхъ условій, личныхъ объясненій съ крестьянами. Я не умѣлъ говорить съ мужикомъ. Объясняясь съ нимъ, я или сыпалъ выраженіями ему непонятными, или вдавался въ простоту рѣчи, нелѣпость которой тотчасъ же меня самого конфузила. Двадцать лѣтъ владѣть хорошимъ имѣніемъ и въ двадцать лѣтъ не выучиться говорить съ его населеніемъ—надо сознаться, что то была плохая подготовка.

Отъ перваго вопроса о самомъ себѣ родились вопросы новые и въ большомъ количествѣ. А крестьянъ моихъ подготовилъ ли я къ новому ихъ положенію? Имѣю ли я право хотя на малѣйшую ихъ благодарность за все время моего управленія? Честно ли велъ я себя относительно людей, которыхъ благосостояніе столько лѣтъ зависѣло отъ моей прихоти?

Отвѣты шли исключительно невеселые.

Въ одномъ я могъ назваться честнымъ передъ своею совѣстью: я не притѣснялъ крестьянъ, ни оброчныхъ, ни находящихся на натуральной повинности. Тѣлесное наказаніе я помню у насъ одно, и только одно: Василій Сидоровъ, осьмнадцатилѣтній парень, по желанію міра былъ высѣченъ два года тому назадъ, за побитіе своего восьмидесятилѣтняго родителя. Крестьяне были зажиточны, оброкъ не великъ, на барщину рабочіе выходили въ восемь часовъ утра. Становые и иные пьющіе кровь лица по годамъ не заглядывали въ Петровское.

Треть оброка пропадала въ ежегодной недоимкѣ, и никогда я ее не взыскивалъ.

Иные лѣнивцы, два бывшихъ ополченца, и родственники бурмистра, почти никогда не являлись на работу; никакихъ побудительныхъ мѣръ по этой части не принималось.

Кажется, все было какъ слѣдуетъ быть у снисходительно-гуманнаго землевладѣльца, съ дѣтства ненавидящаго крѣпостное право и съ восторгомъ встрѣчавшаго каждый слухъ о его уничтоженіи. И между тѣмъ я чувствовалъ себя, можетъ-быть, въ первый разъ въ жизни, глубоко чувствовалъ себя человѣкомъ дряннымъ и несправедливымъ. Подъ гуманностью моею крылась мертвенная лѣнь; подъ кротостью — *полная неправда*. У сосѣда Петра Ивановича, въ жизнь свою не

думавшаго ни о крѣпостномъ и ни о какомъ иномъ правѣ, крестьяне были далеко зажиточнѣе моихъ; старушку Панкратьеву, исполненную самыхъ застарѣлыхъ понятій, ея крестьяне любили, мои же питали ко мнѣ... какое-то чувство нечуждое сожалѣнія. Въ ихъ глазахъ я даже не былъ человѣкомъ *неспособнымъ на зло*, ибо моя вялость и безтолковая снисходительность приносили съ собой зло самое положительное. Честный ли мужикъ выигрывалъ отъ прощенной недоимки? Честный мужикъ мирно вносилъ свою часть, и даже въ затруднительныхъ обстоятельствахъ не лѣзъ ко мнѣ за отсрочкой. Вся премія выдавалась гулякамъ и пройдохамъ; всякій труженикъ это зналъ и говорилъ, что у насъ нѣтъ правды. Отъ работъ уклонялись люди не имѣвшіе правъ на снисхожденіе, и смирный Иванъ пахалъ поле, хорошо зная что кумъ его Власъ въ это время лежитъ на печкѣ. Такъ шли дѣла у меня, и такъ къ сожалѣнію шли они у тысячи *добрыхъ* помѣщиковъ почти что презираемыхъ ихъ крестьянами. И я и помѣщики эти, мы были убѣждены что иначе и быть не можетъ, что при крѣпостномъ правѣ всякое улучшеніе управленія невозможно, что просвѣщенный владѣтель человѣческихъ душъ обязанъ сидѣть сложа руки, и не допускать у себя лишь вопіющихъ беззаконій. Мы забыли святое правило о томъ, что подъ всякимъ, самымъ дурнымъ закономъ, до его отмѣны—человѣкъ долженъ оставаться существомъ трудящимся и твердымъ. Мы слишкомъ думали о принципѣ, покрывая себя стыдомъ во всѣхъ подробностяхъ практической жизни. Глядя на небо, мы не замѣчали, что наши ноги вязнутъ въ болотѣ, между тѣмъ какъ другіе путники, умѣющіе глядѣть себѣ подъ ноги, даже по болоту шли безопасно и ровно.

Мысли мои становились мрачнѣе и мрачнѣе, наконецъ они стали просто меня мучить. Я обрадовался когда дверь заскрипѣла, и въ комнаткѣ показалась фигура моего кучера.

— Все готово-съ, сказалъ онъ, поднимая съ полу мой дорожный мѣшокъ, и заключавшееся въ немъ *Положеніе*.

— Постой, сказалъ я, поглядѣвъ на часы.—Я обѣщался ночевать у посредника, еще доѣдемъ засвѣтло. Здѣсь на станціи можно достать чаю; скажи, чтобы мнѣ подали.

Кучеръ вышелъ и вернулся съ страннымъ извѣстіемъ. Новый смотритель станціи не только объявилъ, что въ *вокзалѣ*

не дозволяется что-либо пить и ѣсть, но что я долженъ сейчасъ же очистить комнату, которая запрется.

Помня любезность и услужливость прежняго смотрителя, я отворилъ дверь и очутился передъ новымъ... То былъ красивый молодой человѣкъ, какъ кажется проникнутый величіемъ своего званія и мундира съ серебряными украшеніями. На мой вѣжливый протестъ онъ отвѣчалъ положительнымъ отказомъ.—Вы пробыли въ *вокзалѣ* (вокзалъ состоялъ изъ комнаты съ диваномъ и пятью стульями) болѣе получаса. Далѣе оставаться вы не можете. Чаю здѣсь нѣтъ; вы можете его найдти на постояломъ дворѣ, рядомъ.

Онъ приложилъ руку къ фуражкѣ, и исчезъ какъ мимолетное видѣніе.

Убѣдясь что дѣлать нечего, я прошелъ на постоялый дворъ, шагахъ въ осьмидесяти сзади строенія станціи. Но увы! къ сожалѣнію, зданіе, украшенное ложнымъ именемъ постоялаго двора, было харчевней или попросту кабакомъ, имѣвшимъ обширную практику. Мѣсто увеселеній состояло изъ обширной, но грязной комнаты раздѣленной на четыре части тоненькими перегородками; меня провели въ послѣднюю клѣтку, безъ двери; ея убранство состояло изъ огромной кровати съ ситцевымъ одѣяломъ, издававшимъ сильный запахъ деревяннаго масла. Въ остальныхъ комнатахъ происходили сцены обычныя въ подобнаго рода пріютахъ. Какой-то человѣкъ въ синей чуйкѣ безъ чувствъ лежалъ на лавкѣ; руки у него были связаны полотенцемъ, во избѣжаніе какого-нибудь непріятнаго экспромпта. Далѣе, пьяная компанія изъ четырехъ молодыхъ крестьянъ говорила о своихъ домашнихъ дѣлахъ, въ очень сильныхъ выраженіяхъ, отзываясь о какой-то Дуняшкѣ, — особѣ, какъ можно было понять, отличавшейся довольно зазорнымъ поведеніемъ. Я вспомнилъ строгаго смотрителя съ серебрянымъ шитьемъ на мундирѣ и подумалъ, что если онъ и другихъ проѣзжихъ выгоняетъ со своей станціи на постоялый дворъ, — то по всей вѣроятности, благодаря ему, иной дамѣ и дѣвушкѣ, въ ожиданіи лошадей, приходится присутствовать при разговорахъ не весьма назидательныхъ.

Наконецъ, въ третьей и послѣдней комнаткѣ, два крестьянина, весьма нетрезвые и оборванные, нѣжно прощались съ какимъ-то путникомъ сомнительнаго вида, въ длинномъ коричневомъ сюртукѣ съ продранными локтями. По наряду,

ужимкамъ и складу рѣчи, этотъ почтенный незнакомецъ походилъ на писаря или младшаго конторщика, давно уже лишившагося должности и скитающагося по свѣту.

— Благодаримъ на угощеніи, говорилъ онъ, въ четвертый разъ вставая со скамейки.—Прощайте! добрые люди.

— Прощай, батюшка, прощай, Антипычъ, отвѣчалъ, заключая его въ объятія, младшій крестьянинъ.—Такъ ты говоришь, за хрустальною печатью будетъ?

— За хрустальною, за хрустальною печатью. Это ужь будетъ настоящая, третья воля.

— Ишь ты, скромно замѣтилъ старшій мужикъ.—Первая за золотою, вторая за серебряною...

— Первая за серебряною, вторая за золотою, сурово поправилъ Антипычъ.

— А третья за хрустальною печатью, добавилъ младшій изъ собесѣдниковъ.—И коли работать придется, за день по новому серебряному рублю отвалятъ.

— Возьмешь и старый, холодно ввернулъ словцо старшій крестьянинъ.

— Нѣтъ, Иванъ Акимычъ, внушительно отозвался коричневый сюртукъ,—старыхъ рублей не будетъ, вотъ-тэ Христосъ, ни одного не увидишь. Всякую субботу съ Питера станутъ присылать новехонькіе. Ахти, кажись, и машина засвистала! Прощайте, братцы; вѣкъ не забуду вашего неоставленія.

И коричнивый сюртукъ ушелъ, оставивъ за собой слова, повтореніе которыхъ можетъ быть дорого обойдется Ивану Акимову и въ особенности его болѣе довѣрчивому товарищу. Наскоро выпивши свой чай, я оставилъ пріютъ россійскаго Бахуса въ самую пору; связанный молодецъ очнулся отъ своего усыпленія и заревѣлъ неистовымъ голосомъ. Когда я проходилъ мимо всей пирующей компаніи, меня поразило стоическое хладнокровіе хозяина и его прислуги: казалось, весь домъ долженъ былъ разрушиться; чуйка ревѣла; одинъ изъ пьющихъ занесъ пустой штофъ надъ головою другаго; оборванный товарищъ Ивана Акимова ругался съ какимъ-то вновь прибывшимъ разнощикомъ; все шумѣло и кажется находилось на волоскѣ отъ отчаянной драки; но никто не тревожился, никто не являлся примирителемъ, никто не ускорялъ шага и не останавливался въ спокойномъ исполненіи своей должности.

Съ наслажденіемъ очутился я на чистомъ воздухѣ, съ наслажденіемъ въѣхалъ въ лѣсъ, отъ котораго пахнуло на меня такою свѣжестью и здоровьемъ. Солнце уже сѣло, но путь предстоялъ мнѣ недолгій.

Верстъ пять ѣхалъ я ***скимъ лѣсомъ, носившимъ нѣкоторые слѣды того замѣшательства, которое на короткое время случилось въ нашемъ краѣ вслѣдъ за обнародованіемъ манифеста. Мѣстахъ въ двухъ виднѣлись значительныя порубки, сдѣланныя наскоро и остановленныя въ расплохъ; оно было замѣтно по инымъ деревьямъ, уже поврежденнымъ топоромъ, но оставленнымъ на корнѣ. Тамъ и сямъ виднѣлись такъ-называемыя *головки*, а немного подалѣе сосна, поваленная, но не увезенная. Дорога казалась несравненно хуже нежели прошлаго года въ эту же пору; одинъ мостикъ совсѣмъ обвалился, и объѣзжать его пришлось по болоту. Но всего страннѣе кинулось мнѣ въ глаза крестьянское поле деревни Осиновки,—первое поле начавшееся за лѣсомъ. Только двѣ полоски въ цѣломъ полѣ имѣли на себя кучи вывезеннаго навоза; на остальныхъ или ничего не было, или удобреніе только начало вывозиться. Осиновка принадлежала къ имѣніямъ оброчнымъ, господа въ ней никогда не жили, всею землей располагали крестьяне. Я указалъ кучеру на это поле, онъ только усмѣхнулся "Совсѣмъ зашалили Осиновцы," сказалъ онъ подъѣзжая къ деревенькѣ, „только одни старики и выходятъ на полосу." Вообще въ нашемъ краѣ за это лѣто крестьяне и для себя самихъ работали плохо; но Осиновскіе мужики вели себя совершенно какъ сумашедшіе. Половину своихъ яровыхъ полей они не засѣяли, а ржаное поле, опять за исключеніемъ двухъ или трехъ полосъ, оставалось невыжатымъ въ концѣ августа.

Около слѣдующихъ трехъ деревень все обстояло по старому, безъ признака перемѣны. И на господскія и на крестьянскія поля навозъ былъ вывезенъ; чему слѣдовало быть вспаханнымъ, было вспахано совѣстливо и добропорядочно; яровые посѣвы зеленѣли; ничто не говорило о безпорядкахъ, замедленіи или брошенныхъ запашкахъ. И вотъ наконецъ, въ свѣтломъ, все еще немного розовомъ сумракѣ, обозначился впереди меня знакомый бѣлый домъ съ зелеными ставнями, знакомый старый садъ круто спускавшійся къ рѣчкѣ нѣсколькими уступами, знакомыя хозяй-

ственныя постройки за садомъ, знакомое село, выстроенное, какъ у Собакевича, изъ самаго крѣпкаго лѣса неспособнаго покоситься мизернымъ образомъ. Близость желѣзной дороги сказывалась недавнимъ сооруженіемъ двухъ лавочекъ, чистаго постоялаго двора, не имѣвшаго ничего общаго съ кабакомъ, въ который отправленъ я былъ ***скимъ смотрителемъ да еще крестьянскою избой въ два этажа, такою нелѣпою по пропорціямъ, что она походила на какой-то обелискъ съ своею высокою пирамидальною кровлею.

Село принадлежало Владиміру Матвеевичу Матвееву, нашему посреднику, и одному изъ тѣхъ людей, съ которыми, разъ сблизившись, невозможно ни разойдтись, ни стать въ холодныя отношенія.

Ближе и ближе подвигаюсь я къ этому милому дому, гдѣ мнѣ всегда бывало такъ привѣтно и весело, гдѣ имѣлъ я столько живыхъ бесѣдъ и ночей съ богатырскимъ сномъ, и тихихъ, свѣтлыхъ минутъ, какія даетъ намъ лишь близость человѣка, котораго мы почему-нибудь считаемъ выше и лучше многихъ людей. Вотъ и веселыя комнаты увѣшанныя ружьями и охотничьими принадлежностями, вотъ кабинетъ съ каминомъ никогда не угасающимъ. Хозяинъ идетъ мнѣ на встрѣчу, не торопясь и какъ будто хмурясь, но привѣтливая улыбка не можетъ спрятаться подъ его бѣлокурыми усами, будто нарочно спущенными книзу чтобы маскировать добрую улыбку. Вотъ онъ, мой полуплѣшивый, бородатый Владиміръ Матвеичъ, котораго уже столько лѣтъ всякій окрестный мужикъ знаетъ въ лицо и по имени, какъ умницу-барина и защитника въ случаѣ нужды. Онъ измѣнился за этотъ годъ, похудѣлъ, но много оживился и выпрямился.—Насилу то пожаловали, говорилъ онъ цѣлуясь со мною,—а ужь у насъ говорили, что вы собрались въ Баденъ; оно же къ тому и самое время.

— Ну, ну, не начинайте бранью, Владиміръ Матвеичъ. Какъ дѣла ваши, какъ посредничество? что въ уѣздѣ?

— Конечно скверно, еще скверно и опять скверно.

Но подъ усами опять мелькнуло что-то сбавлявшее часть горечи съ несовсѣмъ-радостной оцѣнки. Я безъ труда составилъ заключеніе, что не все было скверно, по крайней мѣрѣ въ участкѣ нашего посредника.

— Странно, сказалъ я, садясь у камина и желая подразнить хозяина (это было лучшимъ средствомъ для его оживле-

нія)—странно, почему бы дѣламъ быть такимъ скернымъ. У насъ, вы сами знаете, помѣщики смирные, Нѣмцевъ-управляющихъ не водилось, половина имѣній въ женскихъ рукахъ... Если гдѣ были лишнія работы, онѣ отмѣнены положеніемъ, а народъ нашъ никогда не отличался буйствомъ.

— Да неужели вы думаете, возразилъ Владиміръ Матвеевичъ,—что безпорядокъ непремѣнно происходитъ или отъ притѣсненія старшихъ, или отъ буйства со стороны имъ подвластныхъ? Такъ позволяется судить людямъ книжнымъ или чиновникамъ, а вы кажется никогда не вдавались въ эту сторону. Безпорядки, дорогой мой сосѣдъ, родятся прежде всего изъ безтолковщины, а смѣю спросить, у кого изъ нашихъ, начиная съ васъ, не было большей или меньшей, но постоянной, безтолковщины въ имѣніи? Безтолковщина эта, столько лѣтъ таившаяся во мракѣ, теперь только вышла на свѣтъ и заявила себя торжественно, съ украшеніями и фіоритурами, дополненная новизной положенія и нѣкоторыми недосмотрами въ данныхъ намъ правилахъ.

— То-есть перебилъ я, выходитъ что я, сидя въ Петербургѣ, причинилъ часть безпорядковъ и повиненъ въ томъ, что въ вашемъ сосѣдствѣ полевыя работы идутъ худо.

— И выходитъ, и повиненъ, весело сказалъ посредникъ, наливая мнѣ стаканъ чаю.—Нашли вы какъ оправдываться передъ человѣкомъ, у котораго ваше Петровское сидитъ вотъ тутъ, добавилъ онъ, стукнувъ себя рукой около затылка.—Вы въ свою жизнь лично не сдѣлали зла мухѣ, я это знаю. А у фонъ-Зильбера, который довелъ оброки до безумной суммы и у котораго пришлось уничтожить множество безобразныхъ поборовъ, я не имѣлъ половины возни какую пришлось имѣть съ вашимъ Петровскимъ. Люди не выходили на работы,—а кто началъ? тѣ самые, которые не выходили на работу столько лѣтъ и которымъ ваши власти мирволили. Кто ревѣлъ, городилъ чушь на сходкѣ и силился выбрать въ старшины отъявленнаго пьяницу, Ѳедота Иванова, не платившаго вамъ оброку три года? Тѣ крестьяне, на которыхъ вы распространили ту же привилегію уклоняться отъ повинностей. Еслибъ вы прямо обратили всѣхъ вашихъ крестьянъ въ Ѳедотовъ Ивановыхъ, я бы не сказалъ слова—уравнять всѣхъ и не получать гроша съ имѣнія вредно для кармана, но оно не развращаетъ мужика и не отни-

маетъ у него правды, какъ отнимаетъ ее наложеніе всей тяготы на людей добросовѣстныхъ и безотвѣтныхъ съ полною льготой для плута и лѣнтяя. Ну да успѣемъ поговорить объ этомъ. Надолго вы пріѣхали?

— А вотъ сперва составлю грамоту, такъ и рѣшу надолго ль. Можно будетъ приманять вашего землемѣра?

— При мнѣ не имѣется землемѣра.

— И ни при комъ изъ посредниковъ?

— И ни при комъ изъ посредниковъ.

— Однако въ Положеніи...

— Вижу, что вы читали Положеніе.

— Ну есть же землемѣры у кого-нибудь изъ сосѣдей?

— Ни одного въ уѣздѣ не оказывается.

— Какъ же быть, Боже мой! вскричалъ я съ досадой.— Вѣдь планамъ Петровскаго болѣе сорока лѣтъ: что по нимъ сдѣлаешь? О томъ какъ мѣряютъ землю, я имѣю столько же понятія сколько о китайской азбукѣ... а между тѣмъ, время пройдетъ понапрасну.

Веселый хохотъ посредника былъ отвѣтомъ на мои жалобы.—Да помилосердуйте, Сергѣй Ильичъ, перебилъ онъ меня, кусая губы. какимъ это образомъ вы, человѣкъ жившій въ деревнѣ, могли подумать о составленіи уставныхъ грамотъ въ іюнѣ мѣсяцѣ? Или вы ужь рѣшились мѣшать и тѣмъ лѣтнимъ работамъ, которыя у васъ происходятъ? Вѣдь безъ ходьбы по полямъ и долгихъ разговоровъ съ крестьянами вамъ согласиться трудно. Да какъ же наконецъ въ самую горячую пору отрывать крестьянъ отъ ихъ собственныхъ полей, для того что можно сдѣлать въ сентябрѣ мѣсяцѣ? Другое дѣло, еслибы вы были заняты, еслибы только одинъ іюнь былъ въ вашемъ распоряженіи...

— Правда, правда, дорогой сосѣдъ, отвѣчалъ я, вполнѣ признавая себя побѣжденнымъ,—я еще разъ показалъ вамъ, что не рожденъ для самыхъ простыхъ обязанностей сельской жизни.

Затѣмъ разговоръ перешелъ къ уѣздной хроникѣ, къ домашнимъ воспоминаніямъ, и мы разошлись на разсвѣтѣ.

— Послушайтесь меня, сказалъ мнѣ на прощанье Владиміръ Матвѣевичъ,—не мучьте себя, не забѣгайте впередъ, проживите мѣсяца два какъ наблюдатель. Ручаюсь вамъ, что такого любопытнаго лѣта вы еще не проводили нигдѣ, даже на островѣ Вайтѣ. Мы будемъ видѣться часто, я стану

разказывать обо всемъ что̀ сдѣлалъ, и что̀ свершается въ краѣ; сосѣдей у васъ довольно; къ сестрѣ вашей ѣздятъ помѣщицы, а это тоже не малое преимущество. Не выходя изъ дома, вы составите себѣ понятіе обо всемъ, приглядитесь къ тому, что̀ сдѣлано людьми болѣе опытными и положите основаніе своему плану. А теперь отдыхайте; я и самъ былъ въ разъѣздахъ двѣ послѣднія ночи.

— Еще одно слово, перебилъ я посредника улыбаясь,— безъ сомнѣнія вы на вашихъ сходкахъ говорите крестьянамъ *вы* и „господинъ Ефимъ Ивановъ“, „господинъ Семенъ Ѳедоровъ?“

Но этого чудака и поддразнить не легко было.—Я не подхожу подъ эти правила, отвѣчалъ онъ холодно,—мы съ здѣшними крестьянами знакомцы не новые. Мы десять лѣтъ *говоримъ другъ другу ты*, и на *вы* съѣзжать не видимъ надобности.

Мы простились, и когда я проснулся, было уже восемь часовъ утра.

II.

Нашъ міровой посредникъ.

Теперь предстоитъ сказать нѣсколько словъ о Владимірѣ Матвѣевичѣ, моемъ посредникѣ и амфитріонѣ.

Есть люди, у которыхъ все въ жизни идетъ такъ твердо, просто и рѣшительно, что въ самой скромной долѣ они глядятъ избранниками изъ массы. По моему мнѣнію, безъ такихъ людей худо бы пришлось свѣту, особенно въ наше время колебаній и духовнаго безсилія. Какъ ни оправдывай современнаго человѣка,

„Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.“

внутреннее чувство, намъ заявляетъ, что человѣкъ созданъ не для озлобленія, не для раздвоенія, не для сомнѣнія и не для стремленій къ утопіямъ. Что Владиміръ Матвѣевичъ не былъ человѣкомъ такого разряда, доказывала вся жизнь его, въ своихъ малѣйшихъ подробностяхъ. Молодость Матвѣева была блистательна въ

служебномъ отношеніи. Двадцати трехъ лѣтъ онъ былъ капитаномъ и адъютантомъ при одномъ изъ прежнихъ главнокомандующихъ на Кавказѣ, въ пору огромныхъ экспедицій, наградъ и отличій. Но за два дня до одной экспедиціи, весьма важной и занимательной, Матвѣевъ получилъ письмо извѣщавшее его о тяжкой болѣзни отца, вмѣстѣ съ самымъ критическимъ положеніемъ имѣнія. Старикъ Матвѣевъ, хлѣбосолъ и собачникъ стараго времени, давно уже жилъ не по состоянію, въ огромныхъ деревенскихъ палатахъ, занимая деньги гдѣ могъ и не желая вѣдать о существованіи Опекунскаго Совѣта съ его претензіями. Существованіе это обнаружилось описью имѣнія. Кредиторы, при первой о томъ вѣсти, подали векселя ко взысканію, а старикъ, безстрашный въ отъѣзжемъ полѣ, пришелъ въ такое отчаяніе, что параличъ стукнулъ его разомъ. Кромѣ жены и Владиміра, онъ имѣлъ еще сына и дочь, малолѣтнихъ.

Молодой Матвѣевъ прочелъ письмо и просидѣлъ задумавшись минутъ пять, не больше. Затѣмъ онъ поднялъ голову, положилъ въ конвертъ всѣ деньги, которыя по счастію были у него подъ рукою, прибавилъ записочку къ матери и послалъ пакетъ на почту. Потомъ онъ написалъ своимъ ровнымъ почеркомъ двѣ просьбы, о немедленномъ отпускѣ и объ отставкѣ, и понесъ ихъ къ начальнику. Онъ даже не думалъ о томъ какъ можетъ быть перетолкована иными людьми отставка наканунѣ похода. И онъ былъ правъ; его не запятнали тѣнью подозрѣнія. Напротивъ того, его увѣщевали и почти упрашивали, ему предлагали годовой отпускъ, Матвѣевъ благодарилъ и не подался. Черезъ мѣсяцъ онъ былъ въ отцовскомъ имѣніи, посреди растерявшейся семьи, праздношатающейся дворни и всякой гнусной чиновной челяди, подобно орламъ слетающейся всюду, гдѣ пахнетъ разложеніемъ и раззореніемъ. Первые дни, при недостаткѣ денегъ и добрыхъ людей, были ужасны, но Владиміръ Матвѣевичъ извернулся. Онъ продалъ лѣсъ, продалъ главную усадьбу, наскоро поправилъ домикъ въ одной изъ заброшенныхъ деревень, и перевелъ туда отца съ семьей. Изъ полуторы тысячъ душъ оставилъ онъ триста; продажа была поспѣшна и не выгодна, но медлить не позволялось. Мало того, мой сосѣдъ самъ лишилъ себя порядочнаго куша денегъ, и никто, кромѣ иного умнаго мужичка, даже

не похвалилъ его за это. Когда еще не была заключена продажа, эстляндскій баронъ фонъ-Зильберъ прибылъ въ уѣздъ и надбавилъ за усадьбу Матвѣевыхъ пятнадцать тысячъ. Условіе съ прежнимъ покупщикомъ не было кончено, Владиміръ Матвеевичъ могъ безъ грѣха его нарушить. Но онъ отозвался, что никогда ни одна изъ деревень ему принадлежавшихъ не будетъ въ рукахъ фонъ-Зильбера. Баронъ понялъ отвѣтъ какъ нельзя лучше и даже говорилъ о дуэли, но сообразивши что деревенскій скандалъ, чего добраго, заставитъ говорить столицу о гадостяхъ совершавшихся въ его имѣніяхъ, счелъ за лучшее успокоиться.

Лѣтъ семь тянулась для Матвѣева-сына жизнь почти что каторжная. Больной и прихотливый отецъ, мать съ вѣчными слезами, худое положеніе мужиковъ, слѣдъ стараго управленія, наконецъ удовлетвореніе разныхъ остальныхъ кредиторовъ, все это не могло назваться радостнымъ. Въ горькой школѣ молодой человѣкъ выучился, вопервыхъ, опираться лишь на самого себя, а вовторыхъ—спасать себя ежеминутною, непрерывною работой. Въ полѣ, особенно при уборкѣ сѣна, онъ работалъ наравнѣ съ рабочими, дома давалъ уроки брату, наконецъ, когда серіозная работа истощалась,—пилилъ, стругалъ, точилъ, чертилъ планы. Его выбирали въ разныя должности по уѣзду, онъ принималъ всякую, и во всякой велъ себя такъ, какъ будто бы все его благосостояніе отъ ней зависѣло. Онъ грызся за земскія суммы всегда почти безуспѣшно, онъ ни пяди не уступалъ начальству, коли оно было неправо, и за то имѣлъ много непріятностей. Но служебная непріятность огорчала его не болѣе сутокъ, нисколько ни усмиряя и не повергая въ апатію. Изъ десяти случаевъ, въ девяти онъ убѣждался, что плетью не перебьешь обуха, но иногда выпадали случаи полной удачи, и Матвѣевъ мастерски ими пользовался. Онъ не брезгалъ ничѣмъ, не пренебрегалъ старыми связями, и по мѣрѣ того какъ его бывшіе боевые товарищи подвигались вверхъ по бюрократической лѣстницѣ, прибѣгалъ къ ихъ кредиту. Случилось наконецъ такъ, что одинъ губернскій магогъ, совсѣмъ было приготовившійся проглотить нестерпимаго Матвѣева, самъ полетѣлъ долой послѣ самой нечаянной ревизіи. Съ этихъ поръ, моего сосѣда уже никто не собирался глотать, а голосъ его сталъ слышнѣе въ краѣ.

Я сблизился съ Владиміромъ Матвѣевичемъ уже послѣ его служебныхъ и домашнихъ треволненій. Родители его умерли, въ покоѣ и довольствѣ, сестра вышла замужъ, мужики совсѣмъ поправились. Но привычка къ ежеминутной дѣятельности уже вошла въ жизнь. Благодаря ей, этотъ человѣкъ строгій и суровый по натурѣ, оказывался услужливѣйшимъ хлопотуномъ, помощникомъ и ходатаемъ для всякаго, кто къ нему за чѣмъ-нибудь обращался. Стоило только не быть отъявленнымъ негодяемъ, для того чтобы двери Матвѣева были для васъ отперты, а его хлопоты и кошелекъ къ вашимъ услугамъ. Всякая просьба, особенно со стороны сосѣда ***скаго жителя, исполнялась безотлагательно. Межевались ли вы, имѣли ли дѣло въ судѣ, собирались ли покупать землю, вы прямо шли къ Владиміру Матвѣевичу за совѣтомъ, содѣйствіемъ и помощью. И странно то, что его надували рѣдко, а еще рѣже принимали его услуги недостойнымъ образомъ. Можетъ-быть оно происходило отъ того что онъ умѣлъ одолжать по-братски, помогать ближнему безъ замашекъ à la prince Rodolphe, какъ выразилась по этому случаю одна барыня.

Съ мужиками своего околотка, особливо подгородными Матвѣевъ находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, безъ малѣйшей натяжки. Отношенія эти образовались сами собою, безъ всякаго участія книгъ и филантропическихъ порывовъ. Никогда Матвѣевъ не питалъ особенно высокихъ понятій о народѣ, простомъ и не простомъ, но никогда не отказывалъ онъ въ услугѣ слабому и угнетенному. И услуги эти были весьма просты: служа по выборамъ Матвѣевъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ одно присутственное мѣсто и пользовался вліяніемъ на другія; по этой то части крестьяне впервые узнали и полюбили его. Мужикъ, вносившій подати за свою деревню, зналъ что съ него не станутъ требовать копѣйки лишней; свидѣтели по судному дѣлу имѣли вѣру, что послѣ необходимыхъ спросовъ ихъ отпустятъ домой безъ промедленія; проситель въ лаптяхъ, имѣя правду на своей сторонѣ, былъ убѣжденъ что его отстоятъ и поддержатъ. Владиміра Матвѣевича,—это имя часто произносилось по избамъ и клѣтямъ въ трудныя минуты,—Владиміра Матвѣевича знали въ лицо всѣ ребятишки края, хотя въ обращеніи онъ былъ не ласковъ и не шутливъ (качество особенно цѣнимое крестьянами). Но я

заговорился о нашемъ мировомъ посредникѣ, совершенно забывъ, что ему самому предстоитъ еще много говорить и дѣйствовать. Уже пробило девять часовъ, когда я проснулся, одѣлся и вышелъ на широкій балконъ, гдѣ въ лѣтнюю пору хозяинъ работалъ и принималъ просителей. Утро было великолѣпное. Ароматъ цвѣтовъ несся изъ сада, но на балконѣ еще не исчезъ запахъ отъ огромнаго количества сапоговъ, смазанныхъ дегтемъ, вѣрный признакъ того что на утренней посреднической аудіенціи находилось много народа. Одни изъ отпущенныхъ просителей тянулись по горкѣ къ церкви, другіе еще гуторили гдѣ-то за заборомъ сада. На балконѣ, кромѣ Матвѣева, находились только два лица—мужичокъ, до крайности оборваный (въ нашемъ краѣ, гдѣ даже голяки одѣваются щеголевато, оборваная одежда есть какъ бы признакъ великой и униженной просьбы), да еще высокій, молодецки сложенный иностранецъ въ синемъ сюртукѣ изъ толстаго сукна, застегнутомъ до верху. То былъ Швейцарецъ, Вильгельмъ Гильфъ, управляющій въ одномъ изъ сосѣднихъ имѣній.

Матвѣевъ говорилъ съ Швейцарцемъ по-нѣмецки. Языкъ онъ зналъ плохо, и все-таки его рѣчь отличалась бойкостію и вразумительностію.

— Такъ нельзя вести дѣлъ, Вильгельмъ Иванычъ, говорилъ посредникъ,—по вашимъ жалобамъ приходится не взыскивать, а самихъ васъ тянуть къ отвѣту. Вы требуете лишняго, и раздражаете крестьянъ чѣмъ только можете. Въ какой части Швейцаріи жили вы до пріѣзда въ Россію?

— Въ кантонѣ Аппенцель, отвѣчалъ Вильгельмъ Ивановичъ, видимо порадованный любезнымъ вопросомъ послѣ суроваго замѣчанія.

— Такъ и ведите себя такъ какъ вели бы себя на работахъ въ кантонѣ Аппенцелѣ. Тамъ бы васъ побили за ваши порядки; зачѣмъ же вы думаете что здѣсь все вамъ дозволится? Вы пробовали ужь хозяйничать и такъ и эдакъ, только все безъ толку. Ну теперь попробуйте жь быть съ мужикомъ какъ съ рабочимъ въ Аппенцелѣ, можетъ-быть такъ оно и пойдетъ лучше.

— О, нельзя, совершенно нельзя, милостивый герръ,—отвѣчалъ Вильгельмъ Ивановичъ,—люди здѣсь другіе.

— А коли другіе, такъ не вамъ ихъ передѣлывать. Я буду у васъ на дняхъ, и самъ опрошу кого слѣдуетъ. И если я

найду что вы, хотя въ какой-нибудь мелочи, позволяете себѣ править по прошлогоднему, и даете рукамъ волю, я буду просить объ удаленіи васъ изъ уѣзда безъ всякаго отлагательства. Прощайте.

Гильфъ ускользнулъ съ балкона, и оборваный мужичокъ очутился передъ посредникомъ.—Уже какъ хочешь, Владиміръ Матвѣичъ, сказалъ онъ вкрадчиво,—а ежели мнѣ съ женой будетъ обидно.

— Тебѣ чего? спросилъ хозяинъ.—Вѣдь ужь тебѣ было сказано?

— Да ужь бабу мою я не выпшю на барщину.

— Тебѣ жь хуже, коли тебя высѣкутъ въ волости.

— Да ты, Владиміръ Матвѣичъ, старшинѣ то прикажи чтобы не придирался.

— Вотъ какой! А на бѣду я велѣлъ глядѣть за тобой въ оба!

— Да вѣдь первую мою жену сама барыня свободила.

— Первая жена у тебя была больная.

— Такъ ты мнѣ скажи, для какого же бѣса я женился теперича? возразилъ мужикъ, видимо стараясь разсмѣшить посредника.

Но Владиміра Матвѣевича разсмѣшить было трудно.

— Ты у меня шутомъ не прикидывайся, сказалъ онъ коротко.—Волостной знаетъ что дѣлать при первомъ ослушаніи. А ужь тамъ какъ знаешь, держи бабу или нѣтъ; самъ напрядешь, самъ и разпутывай.

— Такъ на что жь я женился, Господи ты Боже мой, еще разъ сказалъ проситель и медленно выползъ съ балкона, напередъ посмотрѣвши мнѣ въ глаза, какъ бы отыскивая въ нихъ сочувствія своему горю.

— Надо признаться, довольно странный проситель! замѣтилъ я, когда проситель скрылся изъ виду.

— Не знаю что и сказать вамъ, отвѣтилъ Владиміръ Матвѣевичъ,—мужикъ кажется неглупый и нелѣнивый, а вотъ протащился десять верстъ съ нелѣпою просьбой! И на всякомъ шагу вы увидите то же.

— Мнѣ кажется, только одною глупостію и можно объяснить эти претензіи.

— Не думаю, отвѣчалъ посредникъ.—Вчера, одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ мужиковъ въ околоткѣ, грамотный еще въ добавокъ, просилъ что же?.. чтобъ я разрѣшилъ ему строить

новую избу на лучшей десятинѣ господскаго поля! Вы конечно воспитывались въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи?

— Конечно, какъ и всѣ на свѣтѣ.

— А хорошо помните время передъ выпускомъ?

— Еще бы не помнить!

— Это время, въ которое начальство дозволяетъ поспать подольше и покурить безпрепятственно?.. Перенеситесь же памятью къ порѣ, про которую мы разсуждаемъ. Не хотѣлось вамъ иногда до точности измѣрить на сколько простирается терпимость начальника, превысить мѣру льготъ вамъ данныхъ, уйдти на цѣлый день, закурить трубку въ самомъ дортуарѣ, пронести бутылку шампанскаго, и въ кружкѣ товарищей распить ее не безъ трепета? Не только человѣкъ, сама лошадь устроена такъ, что едва ей отпустятся поводья, она инстинктивно попытается добыть больше воли нежели сколько ей положено. Вотъ что̀, по моему мнѣнію, объясняетъ много нелѣпицы въ нынѣшнихъ сношеніяхъ крестьянина съ его властями. И вы, какъ помѣщикъ, не уйдете отъ самыхъ вздорныхъ требованій. Васъ закидаютъ просьбами о льготахъ, о которыхъ вамъ и въ умъ не приходило; это вамъ должно знать прежде всего, и быть готовымъ.

— Однако, замѣтилъ я,—нельзя же во всемъ отказывать и отказывать.

— Однако, отвѣтилъ посредникъ, нельзя же давать безтолковую льготу одному передъ другими, за то лишь что онъ смѣлѣй и умѣлъ забѣжать къ вамъ раньше сосѣда. Да и вообще, даже на льготы самыя разумныя подавайтесь съ осторожностію. Я говорю про мелкія льготы. Во всемъ дѣльномъ и основномъ, если вы желаете добра и любите крестьянина, будьте добры и щедры. Не жалѣйте хорошей земли при надѣлѣ, обезпечьте мужика лѣсомъ, сдѣлайте все что̀ можно для того чтобы даже его дѣти современемъ помянули васъ добрымъ словомъ. Но мелкихъ льготъ не давайте. Копѣечныя пособія не помогали никому никогда, а раззориться на нихъ очень можно. Больше всего берегитесь... Однако сегодня намъ трудно бесѣдовать, вотъ еще кто-то ѣдетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, на дорогѣ, по которой сейчасъ шли мужики съ посреднической аудіенціи, въ облакахъ пыли показался экипажъ не совсѣмъ обыкновеннаго вида. Четыре

лошади прекрасной породы, но старыя и запаленныя, везли коляску прекрасной работы, но ветхую и сверхъ того украшенную золотыми колесами. На купеческихъ свадьбахъ бываютъ дивные экипажи, но такихъ золотыхъ колесъ и тамъ не встрѣтишь. Они рѣшительно сіяли; ихъ позолота или бронзировка побѣдоносно выдержала напоръ суроваго времени. Кучеръ имѣлъ кафтанъ съ галунами, но галуны не сіяли, а глядѣли блѣднѣй плохаго басона. Въ коляскѣ сидѣла дама лѣтъ тридцати-пяти, въ темномъ платьѣ, загорѣлая, съ бѣлыми глазами безъ всякаго выраженія. Я безъ труда узналъ въ ней Анну Васильевну Десятникову, сосѣдку сестры по имѣнію, имѣвшую обыкновеніе заѣзжать къ намъ въ самое неуказанное для визитовъ время, въ восемь часовъ пополуночи, въ пять часовъ пополудни и такъ далѣе. При видѣ Анны Васильевны, посредникъ видимо выразилъ маленькую досаду; однако онъ поспѣшилъ оправить жилетъ слишкомъ растегнутый, вышелъ на крыльцо, подалъ руку гостьѣ, и черезъ минуту оба они были на балконѣ.

Несмотря на наше двадцатилѣтнее знакомство, Анна Васильевна поклонилась мнѣ, такъ какъ будто бы привѣтствовала въ моемъ лицѣ какого-нибудь лорда Пальмерстона. Потомъ она сѣла и вздохнула. Потомъ на нее видимо напалъ припадокъ робости: она завертѣлась на стулѣ, и бѣлые глаза ея приняли какое-то безпомощное выраженіе.

— Я къ вамъ по великой крайности, Владиміръ Матвѣичъ, наконецъ сказала она глухимъ шепотомъ,—я просто ночей не сплю, и какъ быть не знаю.

— Что же у васъ такое сдѣлалось? спросилъ посредникъ заботливо.

— Да я все по тому дѣлу... ужь не знаю какъ и разказать вамъ.

На лицѣ Матвѣева опять мелькнула досада.—Кажется мнѣ, что по тому дѣлу мы наговорились досыта, замѣтилъ онъ улыбнувшись.

— Позвольте, съ запинками продолжала Анна Васильевна,—еще поговорить съ вами въ вашемъ кабинетѣ.

— Да неужели вы Сергѣя Ильича боитесь?

— Я знаю, что *они* будутъ смѣяться.

— Ну если и посмѣется, бѣда не большая.

— Нѣтъ ужь позвольте въ кабинетѣ. Они будутъ смѣяться, я знаю.

Пока посредникъ и робкая дама бесѣдуютъ въ кабинетѣ, я попробую взяться за трудное дѣло, изобразить типическую личность Анны Васильевны Десятниковой. Подобныя ей помѣщицы разсѣяны по всему лицу земли Русской, ихъ кто-то очень вѣрно окрестилъ именемъ *вѣчно-несовершеннолѣтнихъ*, а между тѣмъ ихъ еще никто не описывалъ. Знаю, что мой разказъ выйдетъ сухъ и голъ, но и онъ можетъ навести на хорошую мысль какого-нибудь настоящаго художника.

Анна Васильевна родилась въ деревнѣ и всю жизнь свою не показывалась ни въ одномъ городѣ, даже уѣздномъ. Отецъ ея, мрачный чиновникъ, нажилъ себѣ пятьсотъ душъ, женился на своей ключницѣ, которая скоро умерла, и предался деревенскому far niente. Посреди домашняго гарема онъ думалъ о дочери менѣе чѣмъ о послѣдней дѣвчонкѣ своей усадьбы. Одинъ разъ однако онъ было выписалъ ей гувернантку-Француженку, но воспитательница, едва осмотрѣвшись въ домѣ, завела легкую интригу съ поваромъ, что̀ и повело къ ея изгнанію. Отецъ-дьяконъ выучилъ Анну Васильевну читать и писать по-русски, тѣмъ все и кончилось. Можно было надѣяться, что дѣвочка взросшая на свободѣ, въ красивомъ и здоровомъ сельскомъ уголкѣ, пополнитъ недостатокъ образованія бойкостью, свѣжестью, тою простою, но привлекательною веселостью, которая иногда такъ краситъ самыхъ заброшенныхъ деревенскихъ барышень, съ румяными щеками и добрыми заспаными глазками. Ни чуть не бывало; изъ Анны Васильевны вышла такая длинная, хилая, вялая, слабаго здоровья дѣвица, какія выходятъ изъ голодныхъ институтовъ сотнями. Только лицо ея оказалось не блѣднозеленымъ, а сѣрожелтымъ,—изъ сапожнаго товара, какъ говорили уѣздные остроумцы. Она могла съѣдать огромное количество смородины, крыжовнику и яблокъ; другихъ же достоинствъ или другихъ недостатковъ за ней не имѣлось.

Дѣвушкѣ исполнилось двадцать лѣтъ, когда умеръ ея отецъ, не посѣщавшій никого изъ сосѣдей и въ своемъ имѣніи принимавшій лишь становаго пристава, да по большимъ праздникамъ священника и дьякона. Смерть старика была какъ бы сигналомъ для всѣхъ окрестныхъ холостя-

ковъ, промотавшихся одинокихъ вивёровъ и авантюрьеровъ красивой наружности. Даже изъ Петербурга иные искатели счастія направлялись къ***скому уѣзду: пятьсотъ незаложенныхъ душъ со всѣми угодьями и строевымъ лѣсомъ имѣли свою пріятность! Но усилія селадоновъ были остановлены въ самомъ началѣ: пока они списывались съ сосѣдями, заказывали себѣ фраки и выискивали предлога къ знакомству, письмоводитель уѣзднаго судьи, не имѣющій чина дворянинъ, Модестъ Десятниковъ, пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ, переговорилъ съ попадьей, бывавшей у Анны Васильевны, явился въ церковь къ обѣднѣ, весь завитой и напомаженный, проглотилъ дѣвичье сердце, и черезъ два дни получилъ званіе жениха, вмѣстѣ съ нѣкоторою денежною суммой на уплату своихъ холостыхъ должковъ. Господинъ Десятниковъ былъ дѣйствительно дороденъ, бѣлъ, румянъ; его лицо живо напоминало вывѣски въ хорошихъ цирюльняхъ: когда онъ собирался на побѣды или кутилъ съ друзьями, вамъ зрѣлся парикмахерскій кавалеръ, самодовольный, наряженный и расчесанный; но когда ему случалось быть съ дамами, хотя бы съ дьячихой или ключницей аптекаря, томная прелесть разлитая во всей его фигурѣ, рисовала передъ вами меланхолическаго щеголя на стулѣ, съ протянутою рукой, изъ которой кровь легкою дугой струится въ тарелку. Про характеръ счастливца трудно было отозваться съ похвалою: почти всякую недѣлю, съ перваго года свадьбы, онъ жестоко билъ Анну Васильевну; имѣніе ея разстроилъ, и доходы съ него поглащалъ необыкновенно быстро. А между тѣмъ куда уходили эти доходы—совершенно неизвѣстно. Коляска съ золотыми колесами и четверня заводскихъ лошадей—далѣе этой роскоши Десятниковъ не пускался. Жилъ онъ свиньей, знакомство велъ лишь съ буянами любившими выпить. Не надолго бы хватило имѣнія Анны Васильевны; но къ счастію, на шестой годъ брака, въ одно жаркое утро, плотно закусивъ и выпивши графинъ настойки, Модестъ Пахомовичъ пошелъ купаться и погибъ скоропостижно едва залѣзши въ воду.

Снова сосѣдка моя очутилась свободною, но увы! на этотъ разъ холостяки уѣздные вивёры не пришли въ движеніе. Изъ пятисотъ душъ осталось триста заложенныхъ; лѣсъ былъ почти весь проданъ; сверхъ коляски съ золочеными колесами, Модестъ Десятниковъ оставилъ четверыхъ дѣ-

тей, трехъ мальчиковъ и одну дѣвочку. Впрочемъ Анна Васильевна не тяготилась свободою: по всѣмъ примѣтамъ, она была очень влюбчива, но ея натура, подавленная мрачнымъ отцомъ и мужемъ-буяномъ, никогда и ни въ чемъ не высказывалась. Она стала жить одна, иногда выѣзжая въ своей коляскѣ къ ближайшимъ сосѣдямъ; тамъ она молчала, ѣла много ягодъ и безпокоилась о томъ, что надъ ней *будутъ смѣяться*. Но смѣяться надъ ней было бы тяжело и гадко. Часто, встрѣчая ее у сестры, я забирался въ уголокъ и долго глядѣлъ на загорѣлое лицо Анны Васильевны, на ея довольно правильный профиль, на ея неловкую фигуру. И невольно во мнѣ рождался вопросъ о томъ, для чего жила и живетъ эта женщина, какое, хотя бы самое маленькое, но ясно очерченное назначеніе дано ей на свѣтѣ.

И дѣйствительно, трудно было представить себѣ жизнь болѣе безцвѣтную, безсмысленную и безполезную чѣмъ жизнь госпожи Десятниковой. Должно было ожидать, что хотя отъ нечего-дѣлать, она сосредоточитъ всѣ любящія силы души на своихъ дѣтяхъ, но этого не было. Дѣти бѣгали оборванные и грязные, не учились ничему; кучеръ по десяти разъ въ день прутомъ гонялъ ихъ изъ конюшни, которая даже для дѣвочки казалась какимъ-то земнымъ раемъ. Казалось, что съ дѣтства, живши возлѣ крестьянъ, Анна Васильевна станетъ хорошо ими править и будетъ способна къ хозяйству—этого не было: она не умѣла сказать двухъ словъ мужику, и едва отличала рожь отъ пшеницы. Наконецъ отъ женщины, съ дѣтства обращавшейся въ тѣснѣйшемъ кругѣ домашней жизни, всякій могъ ждать хотя нѣкоторой домовитости, но Анна Васильевна и тутъ была несостоятельна. Въ ея домѣ все смотрѣло грязно и неряшливо до безобразія; съ ея обѣда даже невзыскательныя духовныя особы уходили голодными; тощая прислуга грубила и ничего не дѣлала; толстяку исправнику, за непогодой, случилось одинъ разъ переночевать въ домѣ Анны Васильевны: объ этой ночи онъ до сихъ поръ разказываетъ отплевываясь!

Не просидѣлъ я десяти минутъ на балконѣ, въ одиночествѣ, какъ въ сторонѣ кабинета послышались голоса и шаги особъ державшихъ совѣщаніе. Аудіенція кончилась, какъ кажется, къ неудовольствію просительницы. Анна Василь-

евна, возвращаясь на балконъ, глядѣла совсѣмъ потерянною и шептала: „пожалуста, ради Бога“... А Владиміръ Матвѣевичъ худо скрывалъ свою досаду.

— И на будущее время я попрошу васъ, Анна Васильевна, говорилъ онъ,—я усерднѣйше попрошу васъ не обращаться ко мнѣ помимо мироваго посредника, у котораго вы въ участкѣ. Если не вѣрите мнѣ, спросите Сергѣя Ильича, онъ скажетъ вамъ то же. Вашъ посредникъ извѣстенъ всему уѣзду за честнаго человѣка; крестьяне ему довѣряютъ: чего же вамъ надо еще, для чего вы отнимаете у меня время, а себя мучите?

— Степанъ Алексѣичъ такіе гордые, отвѣчала Анна Васильевна,—да я ихъ и видѣла-то только одинъ разъ, въ церкви. Они будутъ смѣяться.

— Да въ чемъ дѣло, если мой вопросъ не нескроменъ спросилъ я, видя что посредникъ теряетъ терпѣніе при этомъ несчастномъ: *они будутъ смѣяться.*

— Дѣло довольно серіозное, отвѣчалъ Владиміръ Матвѣевичъ, но по моему крайнему разумѣнію, уже рѣшеное и неисправимое. Вы слышали о томъ, въ какомъ положеніи находились дѣла нашего уѣзда болѣе мѣсяца послѣ обнародованія манифеста и Положенія. Съ половины февраля предводитель хворалъ въ Петербургѣ, судья временно правилъ его должность. Исправникъ былъ въ отпуску за тысячу верстъ; изъ четырехъ становыхъ двое были смѣнены, и мѣста ихъ оставались не занятыми. Ни волостей, ни посредниковъ, ни старшинъ еще не назначали, само-собой разумѣется. Какъ удержался у насъ порядокъ, безъ жалобъ, безъ экзекуцій, безъ призыва военной силы, я и самъ не знаю. Въ это странное безначальное время, крестьяне Анны Васильевны пришли къ ней, стали говорить что теперь уже конецъ барщинѣ, и пользуясь ея... неопытностью и совершеннымъ незнаніемъ Положенія выторговали себѣ на это лѣто двѣ трети ея луговъ, клочокъ строеваго лѣса да вырубку, и половину поля (конечно съ хлѣбомъ), за то только чтобы собрать остальной хлѣбъ и сѣно. Сдѣлка была добровольная; ни грубостей, ни угрозъ ни одинъ мужикъ себѣ не дозволилъ.

— Только одинъ рыжій, замѣтила Анна Васильевна,—сказалъ мнѣ, уже тебѣ ли, барынька, имѣньемъ-то управить!

— Кто же этотъ рыжій? спросилъ Владиміръ Матвѣевичъ.

Помѣщица опустила глаза и покраснѣла, она не знала въ лицо ни одного своего крестьянина.

— Условія были конечно неразумны, продолжалъ мировой посредникъ,—но они приняты добровольно, и до іюня мѣсяца Анна Васильевна никому на нихъ не жаловалась. Теперь у ней оказывается желаніе вернуться къ тѣмъ правамъ на работу, которыя даетъ ей Положеніе. По моему крайнему разумѣнію, это дѣло потерянное; но каково бы оно ни было, собственно *я* тутъ лицо чужое, а обращаясь ко мнѣ, Анна Васильевна тратитъ время по пустому.

Гостья встала съ своего мѣста, на лицѣ ея выразилось такое безконечное уныніе, что оба мы почувствовали жалость. Столько лѣтъ въ ея глазахъ Владиміръ Матвѣевичъ былъ героемъ-олимпійцемъ, общимъ благодѣтелемъ, человѣкомъ всемогущимъ,—и вотъ, этотъ самый герой холодно отправляетъ ее къ другому мировому посреднику, который будетъ надъ ней смѣяться.

— Богъ съ вами, Владиміръ Матвѣичъ, сказала бѣдняжка, и не выдержавши характера, добавила:—я вамъ сегодня помѣшала, а вотъ завтра или послѣзавтра еще пріѣду посовѣтоваться.

— Завтра я на Ильинской волости, послѣзавтра на мировомъ съѣздѣ. Я попрошу Степана Алексѣича, чтобъ онъ побывалъ у васъ и въ чемъ можно васъ успокоилъ. Больше я ничего не могу и не сдѣлаю. До свиданія, Анна Васильевна!

Онъ проводилъ ее до коляски и вернулся ко мнѣ, не теряя времени.

— Я думаю все это вамъ кажется ужасно скучно, сказалъ онъ садясь и закуривая трубку.

— Не только не скучно, а интересно до крайности, отвѣчалъ я посреднику. — Надо быть невыразимымъ дурнемъ, чтобы не интересоваться даже небольшими подробностями такого дѣла. Теперь вся жизнь края кипитъ по провинціямъ и сельскимъ участкамъ, ужь конечно не по столичнымъ канцеляріямъ, не по столичнымъ гостинымъ, не въ столичной литературѣ, которой придется горько поплатиться за всю ея непрактичность, за ея толки о крайнемъ и нестройномъ прогрессѣ, за всѣ ея фокусы, передѣланные съ французскаго. Скучно, говорите вы! Да я, со всею своею лѣностью и негодностью, счелъ бы за великое счастіе вглядѣться въ дѣла каждой сосѣдней деревни, побе-

сѣдовать со всякимъ помѣщикомъ и крестьяниномъ, еслибы только я умѣлъ говорить съ мужикомъ и мужикъ могъ бы оказаться передо мной откровеннымъ. Никогда еще не жалѣлъ я такъ о томъ, что мнѣ не двадцать лѣтъ, и о томъ что я, кажется, въ конецъ испорченъ и книгами, и жизнію за границей.

— Браво, браво! перебилъ посредникъ улыбаясь.—И ужь если у васъ явилась такая охота до наблюденій, то я вамъ могу предложить сегодня же одну экспедицію. Вмѣсто того чтобъ ѣхать въ Петровское, не желаете ли, вмѣстѣ со мною, обѣдать у сосѣдки моей Варвары Михайловны?

— Будто она здѣсь? Варвара Михайловна Краснопольская въ своемъ имѣніи?

— Да какъ же ей и не быть въ немъ, ей, жаркой ревнительницѣ новыхъ порядковъ? Вѣдь изъ ея же гостиной вы почерпали свѣдѣнія о ходѣ крестьянскаго дѣла, со многими умствованіями, отъ которыхъ можно бы уволить и ее, и ея мужа, и ея друзей, важныхъ чиновниковъ? Какъ же ей теперь не сооружать у себя дома общаго благоденствія? Мужъ далъ ей въ пособіе одного чиновника, одного писаря (онъ хоть и молодой бюрократъ, но отъ старыхъ привилегій отказаться не хочетъ). Выписываютъ и землемѣра, по знакомству, въ видѣ командировки, съ оставленіемъ казеннаго содержанія. Ну да что толковать объ этомъ? Коли съ вами взятъ фракъ, переждемте жару и велимъ закладывать.

III.

Барыня-бюрократка.

Двѣнадцать вёрстъ отдѣлявшихъ усадьбу Матвѣева отъ замка Варвары Михайловны, мы проѣхали скоро и пріятно. Воображеніе перенесло меня за десять лѣтъ назадъ, къ той порѣ, когда ея превосходительство была одною изъ прелестнѣйшихъ женщинъ Петербурга, а супругъ ея, нынѣ участникъ великихъ вопросовъ, тайный совѣтникъ, Викторъ Петровичъ Краснопольскій, несъ скромную должность чиновника особыхъ порученій при министерствѣ. Не знаю какъ и почему оно происходило,

но этотъ истинно-честный и превосходный чиновникъ особыхъ порученій, изъ всѣхъ городовъ и селъ Россіи отъ рожденія своего бывалъ только въ Петербургѣ, Гатчинѣ, Петергофѣ, Царскомъ Селѣ, и почему-то въ Колпинѣ. Онъ отлично владѣлъ перомъ и работалъ скоро, и вотъ пагубная причина тому, что его вѣчно держали за бумагами. И теперь, на своемъ замѣтномъ посту, Викторъ Петровичъ считался человѣкомъ благонамѣреннымъ, либеральнымъ, неподкупнымъ; но позволительно думать, что изъ него вышло бы кое-что несравненно полезнѣйшее, еслибъ онъ не засушилъ себя перепиской, бумажными проектами, пустохвальными преніями въ гостиныхъ, впрочемъ превосходно убранныхъ, да еслибъ сверхъ того былъ познакомѣе съ своимъ любезнымъ и обширнымъ отечествомъ.

Варвара Михайловна и мужъ ея всегда жили хорошо, изящно и, что̀ какъ-то не вяжется съ ихъ демократическими принципами, даже щепетильно. Питая любовь къ меньшимъ братіямъ, они всегда одѣвали свою прислугу въ ливрею съ гербами, и независимо глядя на общественные предразсудки, дулись на пріятеля, приходившаго къ нимъ вечеромъ не во фракѣ. Съ полученіемъ важной должности, образъ жизни ихъ принялъ размѣры болѣе широкіе. Появились англійскія привычки и англійская складка: обѣды въ восемь часовъ, особенная упряжь; даже достойный Викторъ Петровичъ, всю жизнь свою сидѣвшій сиднемъ, началъ ѣздить въ извѣстные часы по Лѣтнему Саду, на очень долгопогой и куцой лошади. Домъ въ деревнѣ былъ перестроенъ, снабженъ какими-то башенками, шпилями, выступами и кровельными зигзагами. Къ этому-то замку мы подъѣхали съ Матвѣевымъ. Трое хорошенькихъ дѣтей хозяйки встрѣтили насъ на лужкѣ передъ домомъ, голыя икры бѣдняжекъ были страшно искусаны комарами. Старшая дочь Варвары Михайловны, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, замѣтно конфузилась отсутствіемъ чулокъ, хотя, кажется, имѣла довольно времени къ тому привыкнуть.

Двѣ гувернантки, Англичанка и Француженка, сидѣли на зеленой скамьѣ, рядомъ, не мѣняясь ни однимъ словомъ. Должно быть entente cordiale между ними не имѣлось.

Не успѣлъ я перецѣловаться съ моими мальньками пріятелями, какъ раздался возлѣ насъ милый голосокъ хозяйки, и изъ ближайшей аллеи вышла сама Варвара Михайловна.

Давно уже не случалось мнѣ видѣть ее такою молодою, свѣжею и привлекательною. Высокая, стройная, гибкая, съ своими голубыми глазами, золотисто-пепельными волосами, ея превосходительство глядѣла не маменькой, а сестрицей шалуновъ уцѣпившихся за обѣ мои руки. Она обрадовалась гостямъ, назвала Владиміра Матвѣевича идеальнымъ посредникомъ, и сообщила мнѣ, что сочла бы меня своимъ врагомъ, еслибъ я посмѣлъ не заѣхать къ ней по пути изъ города. Уже воображеніе мое готово было перенести меня за десять лѣтъ назадъ, въ годы теплой дружбы и пожалуй чего-то еще бо́льшаго, когда Варвара Михайловна разрушила всѣ иллюзіи, сказавъ внушительно: „Вамъ дѣлаетъ честь, что вы ѣдете въ свое имѣніе; я не говорю уже объ обязанностяхъ помѣщика, но провести это лѣто не въ деревнѣ значитъ отстать отъ всего на десять лѣтъ по крайней мѣрѣ.

Тутъ уже слышался тонъ сановницы, у которой въ гостиной разсуждаютъ о крайне-важныхъ вопросахъ. Я довольно холодно принялъ одобреніе, и въ свою очередь спросилъ какъ идетъ хозяйство Варвары Михайловны.

— Смѣшно разказывать, отвѣчала она, покуда мы шли по лѣстницѣ и выступному балкону въ прохладную, уставленную цвѣтами гостиную,—смѣшно разказывать, потому что при общихъ и нелѣпыхъ помѣщичьихъ жалобахъ, можетъ показаться, что я просто выдумываю. Впрочемъ Владиміръ Матвѣичъ будетъ моимъ свидѣтелемъ. Ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго недоразумѣнія, я до сихъ поръ не видѣла. Работы идутъ превосходно, какъ не шли никогда, даже при прежнемъ, строгомъ управителѣ. Скажу вамъ откровенно, что покорность крестьянъ и ихъ вѣчные отзывы: „нѣтъ ничего не надо, съ вами мы хотимъ жить по старому“, мнѣ даже не совсѣмъ нравятся; я бы желала встрѣтить больше самостоятельности, больше иниціативы, хоть бы и неправильной. Въ этомъ есть что-то сонное; впрочемъ, сонъ кажется проходитъ. И какъ хорошо иные крестьяне выучили Положеніе! Я увѣрена, что Сергѣя Ильича всякій изъ нихъ загоняетъ. Но что̀ болѣе всего меня радуетъ, это успѣхъ вольнаго труда. Да-съ, mon très cher pessimiste, у меня теперь уже двѣнадцать лошадей и двѣнадцать наемныхъ рабочихъ. Пишутъ, что вольный трудъ вдвое дѣйствительнѣе

обязаннаго; по моему мнѣнію это невѣрно, надо бы сказать втрое.

— Не рано ли вы собрались увеличивать запашку? замѣтилъ я на этотъ потокъ радостныхъ свѣдѣній.—Я бы на вашемъ мѣстѣ погодилъ немного.

— Да кто же вамъ сказалъ, что я ее увеличиваю?

— Такъ на что же вамъ двѣнадцать наемныхъ рабочихъ, если работы идутъ лучше прежняго? Или для чего жь у васъ осталась барщина, если эти двѣнадцать человѣкъ трудятся за троихъ каждый?

— Боже мой, какъ во всякомъ вашемъ словѣ сказывается человѣкъ, полъ-жизни прошатавшійся гдѣ-то въ Италіи! весело возразила Варвара Михайловна.—Да развѣ можно сейчасъ же уничтожить обязанный трудъ, не подготовивъ ему замѣны? Я чрезвычайно довольна нанятыми людьми, но они еще не помѣщены какъ слѣдуетъ, выборъ ихъ сдѣланъ случайно... Колесо еще не пущено полнымъ ходомъ, хотя и нѣтъ сомнѣнія, что оно завертится отлично. Обо всемъ этомъ я ужь писала въ Петербургъ; мужъ извѣщалъ меня, что мои письма ходятъ по рукамъ, а иногда заходятъ очень высоко. А кстати, Владиміръ Матвѣичъ, въ послѣдній разъ я писала о васъ очень много. Я прямо сообщала, что будь по Россіи двадцать пять посредниковъ на васъ похожихъ, можно было бы вполнѣ успокоиться на счетъ пользы этого учрежденія..

— И очень худо сдѣлали, что писали, отвѣчалъ Матвѣевъ,— въ особенности если ваши письма читаются не однимъ Викторомъ Петровичемъ. Доказывать пользу учрежденія какимъ-нибудь однимъ частнымъ примѣромъ, удачнымъ или неудачнымъ, значитъ имѣть очень мало вѣры въ самое учрежденіе.

— Да я и не имѣю въ него большой вѣры, замѣтила ея превосходительство.—И мнѣ, и многимъ лицамъ болѣе вліятельнымъ, учрежденіе мировыхъ посредниковъ вовсе не кажется чѣмъ-то ужь очень блестящимъ... Эти громкія одобренія, отовсюду привѣтствующія посредничество и посредниковъ, даже немного подозрительны: откуда идутъ одобренія? Со стороны помѣщичьей, а потому они и односторонни. Сословію, отъ котораго невозможно и требовать безпристрастія въ *своемъ* дѣлѣ, предоставлены самыя важныя заботы по этому самому дѣлу, самыя многочисленныя

мѣста съ вліяніемъ—и какъ еще предоставлены? почти съ полною независимостью отъ администраціи!..

— Скажите лучше, отъ шаткой и придирчивой бюрократіи, возразилъ я въ свою очередь.

— Я ненавижу это слово „бюрократія“, сказала Варвара Михайловна,—за него уцѣпились разные фантазеры, во вредъ людямъ дѣйствительно трудящимся и направляющимъ общее движеніе. Бюрократія, бюрократы!.. И всякій произноситъ эти слова съ отвращеніемъ, какъ будто бы просвѣщенный чиновникъ, головой и перомъ трудящійся въ столицѣ, не стóитъ какого-нибудь помѣщика-рутинера, только умѣющаго помышлять о своихъ двадцати десятинахъ въ каждомъ полѣ!

— Согласитесь однако, милая защитница чиновниковъ, что когда дѣло именно идетъ о сохраненіи собственныхъ десятинъ, о надѣлѣ другими десятинами своихъ „меньшихъ братьевъ“, человѣкъ сидящій на десятинахъ, окажется толковѣе мудреца умирающаго за горой бумажныхъ проектовъ.

— И соглашаюсь и не соглашаюсь, возразила хозяйка.— Спора нѣтъ, что нѣкоторое количество посредниковъ могло быть взято изъ помѣщиковъ, но большинству лучше бы состоять изъ людей совершенно новыхъ, испытанныхъ въ службѣ и способныхъ быть проводниками идей и стремленій администраціи...

— То-есть вертѣться по вѣтру, поминутно прислушиваться къ петербургскимъ толкамъ, при Ѳедорѣ Степановичѣ тѣснить одну сторону, а послѣ назначенія Михайла Васильича мирволить другой?.. оно конечно покойнѣе, но само дѣло отъ того не подвинется. И наконецъ, гдѣ вы найдете такое огромное количество испытанныхъ, надежныхъ чиновниковъ, какое понадобится по числу мировыхъ посредниковъ въ Россіи? Всякій знаетъ, кѣмъ у насъ занимаются мѣста, если имъ случится открываться въ большомъ количествѣ. Всякій начальникъ оставляетъ лучшаго труженика при себѣ, а всю посредственность сбываетъ съ благословеніемъ на новую дѣятельность. Потомъ хватаются за юношей, чуть лишь кончившихъ воспитаніе, еще не раздѣлавшихся съ журнальнымъ вздоромъ, набившимся въ ихъ голову, юношей ретивыхъ и покуда еще честныхъ, но знающихъ жизнь не болѣе какъ ее знаетъ какая-нибудь институтка. Затѣмъ все еще много не замѣщенныхъ вакансій,

и вотъ, при помощи рекомендательныхъ писемъ, ходатайства княгинь и сановниковъ, вербуется масса всякой неспособности изъ попрошаекъ, лѣнтяевъ и такъ далѣе. И этой-то неопытной, сбродной фалангѣ вы желали бы поручить исполненіе одной изъ труднѣйшихъ реформъ, когда-либо предпринятыхъ! И отъ нея вы могли бы ждать единства, твердости и устойчивости! Да черезъ годъ половина фаланги стала бы жить грабежомъ, жалуясь, что ей ѣсть нечего.

— Въ первый разъ слышу я, замѣтила Варвара Михайловна, — что содержаніе мировыхъ посредниковъ недостаточно.

— Оно достаточно для посредниковъ изъ класса помѣщиковъ мѣстныхъ, и совершенно недостаточно для посредниковъ вашего воображенія, для чиновниковъ пришлыхъ. У помѣщика уже есть домъ, есть хозяйство, есть экипажъ и лошади, при этихъ условіяхъ полторы тысячи подмоги значатъ много. Посредники, которыхъ навязала бы намъ бюрократія, потратя почти все жалованье на свое помѣщеніе, на канцелярію, на лошадей, на средства продовольствія, остались бы почти нищими, въ чужомъ краѣ, между людей къ нимъ нерасположенныхъ. А о томъ, къ чему можетъ привести чиновника недостаточность средствъ къ жизни, распространяться нечего...

Краснорѣчивые доводы мои были прерваны жесточайшимъ звономъ, раздавшимся гдѣ-то въ самомъ домѣ. Желая узнать его причину, я оглянулся назадъ, потомъ направо и налѣво, но звонокъ умолкъ, и когда я собрался вернуться къ прерванному разговору, оказалось, что Варвары Михайловны въ гостиной не было. За то мимо насъ съ шумомъ пробѣжали дѣти, крича своими звонкими голосками: *dress for dinner! dress for dinner!* Руководствуясь нашимъ болѣе чѣмъ скромнымъ знаніемъ англійскаго языка, мы съ посредникомъ догадались, что скоро будетъ обѣдъ по поводу коего оказывается необходимымъ надѣть фраки. Мы вышли въ сосѣднюю залу, гдѣ уже ждалъ насъ старичокъ въ бѣломъ галстукѣ, повидимому первый мажордомъ ея превосходительства. Чрезъ галлерею съ цвѣтными окнами, онъ проводилъ насъ въ комнаты, назначаемыя для посѣтителей. Окна моего апартамента выходили на красивый дво-

рикъ со службами; комната Владиміра Матвѣевича приходилась рядомъ съ моею.

Весь парадный костюмъ, словно для бала, оказывался въ полной готовности около моей кровати, но мнѣ было жарко, меня разбирала лѣнь, и я рѣшился сдѣлать уступку хозяйкѣ лишь относительно фрака, оставивъ на себѣ безъ перемѣны всѣ остальныя лѣтнія принадлежности. Старичокъ въ бѣломъ галстукѣ объявилъ, что звонокъ къ обѣду раздастся черезъ полчаса, не ранѣе. Мы его отпустили, я прилегъ на диванъ, Матвѣевъ ушелъ въ свою комнату, и вскорѣ въ ней раздались чьи-то тяжелые шаги, а потомъ пошелъ разговоръ не лишенный занимательности. Дверь, насъ раздѣлявшая, не была притворена, и я, лежа въ полномъ спокойствіи, могъ наблюдать за всѣмъ, что происходило. Передъ посредникомъ стоялъ человѣкъ высокаго роста, геркулесовскаго сложенія, съ прекраснѣйшею сѣдою бородой и лицомъ съ котораго иной ловкій поставщикъ патріотическихъ картинъ могъ бы рисовать всѣхъ знаменитыхъ мужей старой Руси: Минина или Пожарскаго, Сильвестра или Адашева. Красиваго старика портило только толстое брюхо. Одѣтъ онъ былъ въ довольно длинный синій казакинъ покроя особенно любимаго прикащиками и бурмистрами. Въ начало разговора я не вслушался.

— Ужь какъ ты себѣ знаешь, Владиміръ Матвѣичъ, говорилъ синій казакинъ,—а безъ тебя мы просто пропали... Эдакой напасти, прости Господи, я думаю и при Татарахъ не было. Говорить срамно, а у насъ еще навозъ не вывезенъ, яроваго поля кусокъ незасѣяннымъ остался. Черезъ недѣлю добрые люди возьмутся за косу, а наши еще съ полемъ не управились; я изъ силъ выбился; на чужаго человѣка взглянуть стыдно. Коли ты ихъ не приструнишь, батюшка, все наше хозяйство пойдетъ прахомъ.

— Развѣ могу я соваться въ ваши дѣла мимо помѣщицы? возражалъ посредникъ.—Варвара Михайловна всѣмъ довольна.

— Да вѣдь она-то сама все и путаетъ, батюшка! У насъ народъ не задорный, не великая на немъ тягота, кажется, дурить не изъ чего: а какъ не дурить, когда барыня во всемъ потакаетъ? Намедни барщина пришла въ поле въ десятомъ часу. Смотрю я, катитъ генеральша; ну, думаю, слава Богу, скажетъ имъ: нехристи вы эдакіе! Ну подъѣхала, всѣ къ ней, смѣются идучи, говорятъ: разговоръ

будетъ! Оно и точно, стала говорить такъ сладко, про школу, да про то, что надо завести казну общую, нанимать рекрутовъ—самое дескать время къ такой рѣчи; поле не запахано, чего торопиться! Шепнулъ я было, что на работу поздно выѣхали, а она твердитъ: это ничего, лишь бы дѣло шло живо. У самой словно глазъ нѣту—дѣло идетъ живо! Вечеромъ валятъ наши барщинники мимо мызы, солнце еще высоко, сами ушли безъ спросу, а она велитъ водку вынести, бабамъ даетъ пряники, дѣвки набѣгутъ изъ деревни, пѣсни затянутъ какъ въ праздникъ. Веселое стало у насъ житье, Владиміръ Матвѣичъ, ужь какое веселое!

Трудно передать скорбь и злобу, съ какими сказана была эта послѣдняя фраза.

— У тебя есть нанятые рабочіе, у тебя цѣлыхъ двѣнадцать лошадей, замѣтилъ Матвѣевъ.

— Не двѣнадцать, а пять, отвѣчалъ прикащикъ,—а работали эти лошади всего два дни: то гувернантку до станціи свезти надо, то записки разослать къ сосѣдямъ, то фортепьяно доставить къ желѣзной дорогѣ. Самъ знаешь, теперь работа конная, навоза не понесешь въ охапкѣ, не станешь лопатой ковырять поля! И сидѣли безъ дѣла рабочіе, да и весь-то народъ разбаловался. Вѣришь ли, на прошлой недѣлѣ Карпа Васильева въ барскомъ лѣсу поймали—старый мужикъ, честная душа,—и тотъ лѣсъ воруетъ! Ужь коли ты намъ не поможешь...

— И конечно не помогу, отвѣчалъ Матвѣевъ.—Можно коня привести на рѣку, а насильно пить его не заставишь. Другое дѣло, коли сама барыня...

— Да развѣ ты не видишь, батюшка, что у насъ барыня-то ровно какъ шальная?...

Ровно какъ шальная! Бѣдная, бѣдная Варвара Михайловна! И вотъ твоя награда за всѣ добрыя намѣренія, за безропотное пожертвованіе своими интересами, за твои умныя письма изъ деревни, за все твое рвеніе къ крестьянскому дѣлу, за безчисленные турниры, совершавшіеся въ твоей гостиной по поводу великаго вопроса! Ровно какъ шальная! И кто знаетъ на сколькихъ благонамѣренныхъ людей, слуги самые преданные смотрятъ какъ на ошалѣлыхъ? Мнѣ стало очень грустно, но къ счастію, звонокъ къ обѣду не позволилъ мнѣ очень расчувствоваться.

Столъ былъ накрытъ въ красивой легкой галлереѣ,

соединявшей главный корпусъ дома съ оранжереей. Изъ растворенной двери въ это жилище рѣдкихъ растеній несся ароматъ цвѣтовъ, даже черезчуръ пахучихъ. Другіе цвѣты стояли въ самой галлереѣ, около красиваго переноснаго фонтана, хотя отчасти освѣжавшаго не кстати-тропическую атмосферу галлереѣ. Уже мы собирались занять свои мѣста за столомъ, когда въ сѣняхъ раздался звонокъ, затѣмъ по комнатамъ послышались шаги, и въ галлерею вошелъ мущина еще не старый, толстый, съ лицомъ умнымъ и веселымъ, но не симпатическимъ. Одѣтъ онъ былъ очень небрежно, въ бѣлыхъ панталонахъ и жакеткѣ изъ какой-то сѣроватой матеріи, въ рукахъ держалъ сѣрую шляпу съ широкими полями. Лицо Варвары Михайловны немного омрачилось при видѣ такого презрѣнія къ декоруму, однако она дала руку гостю и приняла его привѣтливо.

— Не хмурьтесь, не хмурьтесь, ваше превосходительство, весело сказалъ гость послѣ первыхъ привѣтствій.—Одѣтъ я такимъ уродомъ, потому что на солнцѣ больше двадцати пяти градусовъ, а во фракъ не облекся по случаю двухъ сотъ причинъ, изъ которыхъ первая—неимѣніе фрака. Предоставляю вамъ право изгнать меня съ поношеніемъ: я заѣхалъ лишь на минуту взглянуть на васъ и спросить о Викторѣ.

— Садитесь, садитесь, отвѣчала хозяйка.—Гдѣ вы скитались цѣлую недѣлю?

— Скитался я въ ***, у синяго моря. Знаете вы что цѣна хлѣбу дошла до десяти рублей за четверть?

Мы съ Матвѣевымъ невольно переглянулись: въ этомъ страшномъ возвышеніи цѣны, совпадавшимъ съ вѣстями о бросаемыхъ помѣщиками запашкахъ, имѣлось нѣчто зловѣщее. Только къ концу лѣта оказалось что не одна паника, но и усиленное требованіе хлѣба за границу, были причиной ужасающихъ цѣнъ, стоявшихъ въ *** за іюль мѣсяцъ.

— Я немного разумѣю въ цѣнахъ, спокойно сказала Варвара Михайловна,—да кажется мнѣ, что и вы, Петръ Тимоѳеичъ, къ нимъ довольно равнодушны.

— Ну, нельзя сказать чтобъ равнодушенъ, весело возразилъ толстякъ, кончая свою тарелку супа.—Благодаря этимъ десяти рублямъ за четверть, я смотрю на себя какъ на человѣка получившаго щедрый выкупъ и за крестьянъ, и за полный надѣлъ земли, къ нимъ отходящей.

— А этого ужь я вовсе не понимаю, отвѣтила хозяйка, глядя на Матвѣева.

— Петръ Тимоѳеичъ хочетъ вѣроятно сказать, улыбаясь замѣтилъ Владиміръ Матвѣевичъ,—что онъ продалъ въ *** нѣсколько тысячъ четвертей хлѣба. Безъ крестьянскаго дѣла не было бы десяти рублей за четверть; оттого онъ и смотритъ на свои барыши какъ на выкупную премію.

— Совершенно такъ, идеальнѣйшій и проницательнѣйшій изъ мировыхъ посредниковъ, съ хохотомъ прервалъ толстый посѣтитель;—только щадя меня, уже и безъ того отъявленнаго ретрограда, вы умолчали о томъ, что вся операція была мною предугадана и подготовлена за два года назадъ. Два года я не продавалъ ни зерна, два года скупалъ хлѣбъ, гдѣ только было можно, настроилъ лишнихъ амбаровъ; за то и дождался, и подвезъ хлѣбъ безъ задержки. Конечно, это смѣлая спекуляція.

— И къ сожалѣнію, спекуляція на страхъ и дурные слухи, сухо прибавилъ Матвѣевъ.

— Да, спекуляція на страхъ и дурные слухи; но если ужь нельзя безъ страха и дурныхъ слуховъ, то почему же выгода должна достаться не мнѣ, а другому? Или вы думаете, что сосѣди мои, да и всѣ поставщики хлѣба скажутъ *** скимъ торговцамъ: „что вы дурачитесь и даете такую цѣну?—для пользы рода человѣческаго, я отдамъ мой хлѣбъ по пяти за четверть!“ Будьте покойны, никто не не окажетъ такого великодушія. А если кто виноватъ въ страхѣ на хлѣбномъ рынкѣ, такъ конечно не я, а ваше же начальство, сидѣвшее по своимъ порамъ въ самое критическое время, когда въ краѣ еще не было ни волостей, ни посредниковъ. И если въ будущемъ году, и черезъ два года, и черезъ три года хлѣбъ дойдетъ до двадцати рублей за четверть, я его буду припасать и сбывать безъ всякаго угрызенія совѣсти.

— Это едва ли вамъ удастся, серіозно возразила Варвара Михайловна.—Съ паденіемъ крѣпостнаго права, производительность усилится, хлѣбъ подешевѣетъ, и черезъ три года вы не узнаете нашего края.

— Срокъ не великъ, съ усмѣшкой замѣтилъ Петръ Тимоѳеевичъ.

— Я еще кладу самый долгій, съ благородною пылкостью отвѣчала хозяйка.—Видѣли ли вы окрестности Берлина и

вообще восточную часть Пруссіи, гдѣ земля гораздо хуже нашей, а климатъ только немногимъ лучше? И что же? Весь этотъ край покрытъ фермами, плодородными полями, онъ кормитъ столицу и никогда не знаетъ неурожаевъ: вотъ вамъ живой примѣръ тому что значитъ вольный трудъ, тому что можетъ совершить работа человѣка не подавленнаго крѣпостнымъ правомъ.

— Конечно, конечно, говорилъ толстый гость съ своею поддразнивающею усмѣшкою.—Дивлюсь я только одному: какъ это у насъ земли удѣльныхъ крестьянъ или деревни государственныхъ имуществъ не похожи на окрестности Берлина? Вѣдь тутъ не было никого подавленнаго крѣпостнымъ правомъ...

— Cher monsieur Атабековъ, сказала ея превосходительство, — хорошо что вы сидите между людьми знающими вашу страсть представляться отсталымъ человѣкомъ. Не знаю какъ на другихъ, но на меня ваши насмѣшливые отзывы по поводу всего что похоже не реформу, производятъ самое унылое впечатлѣніе. Не такимъ я знала васъ, когда вы служили вмѣстѣ съ Викторомъ, и когда даже онъ укорялъ васъ за экзальтацію вашихъ политическихъ мнѣній.

— Дѣло не въ политическихъ мнѣніяхъ, возразилъ толстякъ, какъ будто замявшись,—а въ томъ что ваша иллюзія о блаженствѣ, которое прольется на насъ черезъ три года, и была и останется иллюзіей. Вамъ теперь очень пріятно говорить и воображать, что черезъ три года, ***скій уѣздъ сравняется съ самыми богатыми уголками Бельгіи, а по всей Россіи потекутъ медовыя рѣки; но смѣю спросить, что скажете вы, когда пройдутъ три года, и вы еще не дождетесь даже малѣйшаго осуществленія вашихъ предчувствій? А что осуществленія не будетъ въ такой короткій срокъ— это вамъ скажетъ всякій человѣкъ, если только онъ не изсохъ надъ книгой и не протухъ нравственно въ одной изъ вашихъ канцелярій. Если не вѣрите мнѣ, отчаянному скептику, спросите Владиміра Матвѣича; онъ ужь конечно не врагъ крестьянскому вопросу. Какъ вы думаете, дорогой нашъ посредникъ, обратится ли, въ три года, начиная отъ сего дня, то-есть къ 20-му іюня 1864 года, вся Россія въ цвѣтущія окрестности Берлина или Дрездена?..

— Хотя мнѣ и не совсѣмъ по вкусу форма запроса вашего, сказалъ Матвѣевъ,—но я долженъ заявить, что эта

мысль о немедленномъ появленіи благосостоянія, вслѣдствіе отмѣны крѣпостнаго права, кажется мнѣ истинно пагубною. Предразсудки закоренѣлаго плантатора кажутся мнѣ не такъ вредными какъ эти преувеличенныя ожиданія, за которыми не минуемо послѣдуетъ отчаяніе въ добромъ началѣ. Сила обстоятельствъ и свой интересъ насильно вдвинутъ плантатора въ сферу людей порядочныхъ; но какая сила утѣшитъ и укрѣпитъ тѣхъ добрыхъ людей, которые, разчитывая, что ими уже достигнута грань обѣтованной земли, увидятъ, что можетъ-быть не имъ, а ихъ дѣтямъ придется увидѣть эту землю? Не могу безъ горести вспомнить какъ въ прошломъ мѣсяцѣ, въ Петербургѣ, при мнѣ, одинъ изъ благороднѣйшихъ людей когда-либо мною встрѣченныхъ, профессоръ, умница, человѣкъ положившій всю душу на вопросъ о концѣ крѣпостнаго права, съ восхищеніемъ говорилъ мнѣ: „черезъ два года, мы не найдемъ словъ, чтобы выразить какъ переродилась Россія!“ Онъ былъ еще горячѣе Варвары Михайловны и давалъ два года тамъ гдѣ она даетъ три. А по моему искреннему убѣжденію и черезъ два, и черезъ три года, и черезъ десять лѣтъ, мы не увидимъ ни окрестностей Берлина, ни диковинныхъ фермъ, ни чудесъ вольнаго хлѣбопашества, какъ они описаны въ книгахъ. По всей вѣроятности, до конца жизни нашей мы увидимъ лишь трудъ и лишенія, жертвы и жертвы. И невозможно жалѣть объ этомъ тому кто знаетъ, что люди живутъ въ мірѣ не для спокойствія и не для увеселеній.

Пока мы бесѣдовали такимъ образомъ, поздній обѣдъ кончился; хозяйка, дѣти и господинъ Атабековъ вышли на балконъ подышать чуднымъ вечернимъ воздухомъ. Мы съ Матвѣевымъ немного отстали отъ компаніи.

— Не нравится мнѣ этотъ человѣкъ, сказалъ посредникъ, глядя въ слѣдъ толстому помѣщику.—Я легко мирюсь со всякими убѣжденіями, очень хорошо знаю, что можно быть трехбунчужнымъ пашой въ душѣ и самымъ кроткимъ господиномъ въ дѣйствительной жизни; но этихъ себялюбцевъ и насмѣшниковъ переносить не умѣю.

— За то я къ нимъ достаточно присмотрѣлся, замѣтилъ я въ свою очередь.—Атабековъ—это представитель неудавшихся бюрократовъ, сгоряча оставившихъ служебную карьеру и бросившихся въ оппозицію всему хорошему и дурному, что̀ только идетъ отъ ихъ бывшихъ сверстни-

ковъ. Еслибъ этихъ людей поскорѣе сдѣлали генералами и со слезами упросили принять видныя мѣста, они пустились бы прославлять то, что̀ теперь ругаютъ. Вы думаете, что онъ очень враждебенъ крестьянскому вопросу, а мнѣ кажется, онъ болѣе злится на то, что Викторъ Петровичъ и Семенъ Михайловичъ и другіе сослуживцы имѣли въ немъ голосъ, а онъ не имѣлъ и не будетъ имѣть, хоть по уму имъ равенъ, и во сто разъ больше чѣмъ равенъ. Изъ-за чего онъ съ такимъ торжествомъ сообщалъ о своей хлѣбной спекуляціи, можетъ-быть преувеличивая ея размѣры? Ему просто хотѣлось кольнуть хозяйку, дать ей замѣтить, какихъ бѣдъ надѣлано ея друзьями, а намъ показать, что вотъ вы дескать, дураки, готовитесь къ жертвамъ, а для меня и трудное время даетъ выгоду!

Въ это время послышался съ балкона голосъ Варвары Михайловны, а дѣти прибѣжали съ извѣстіемъ, что насъ ждутъ пить кофе.

Приказавъ закладывать коляску, я пробрался къ ея превосходительству и гостямъ ея превосходительства. Солнце ужь стояло очень низко; небольшая свѣжесть разлилась въ воздухѣ; за рѣчкой, отдѣлявшею садъ отъ деревни, собрался большой хороводъ женщинъ и дѣвушекъ; парни въ синихъ кафтанахъ накинутыхъ сверхъ рубашекъ бродили около прекраснаго пола и играли на гармоникахъ. День былъ праздничный: Варвара Михайловна дала знакъ рукой, и по ея мановенію, веселыя группы перешли мостъ, съ пѣснями двинулись въ нашу сторону и съ пѣснями вошли въ садъ; за хороводомъ и парнями притащилось до тридцати ребятишекъ.

За угощеніемъ дѣло не стало: лакеи и горничныя показались между народомъ; одни разносили водку, другіе надѣляли пѣвицъ пряниками и кренделями. Дѣти Варвары Михайловны забавлялись тѣмъ, что кидали лакомства въ толпу ребятишекъ, что̀ производило свалку и крики: я подивился тому, что этотъ довольно обидный и ужь вовсе не демократическій способъ угощенія не былъ тотчасъ же остановленъ хозяйкой.

Однообразныя пѣсни лились, дѣвушки поочереди выходили въ кругъ, по двое, и танцовали, съ платочками; мущины, подкрѣпившись водкой, бойко разсуждали съ Варварой Михайловной, видимо гордившеюся передъ нами своею популярностью. Къ сожалѣнію, крестьяне, выходив-

шіе впередъ для бесѣды, все оказывались одними и тѣми же какъ разговаривающіе актеры въ какой-нибудь комедіи изъ крестьянскаго быта. И надо признаться, что трое или четверо парней, бесѣдовавшихъ съ помѣщицей, совершенно походили на мужиковъ, какъ намъ ихъ показываютъ въ Александрипскомъ театрѣ, и подпоясывались они какъ-то странно, и кафтанъ наброшенъ былъ съ шикомъ, и лица у нихъ были какія-то прилизанныя, нездоровыя. Настоящіе же, солидные мужики, съ золотисто-бѣлокурыми бородами, загорѣлые и спокойные, только слушали въ какой-то и не враждебной, и не одобрительной задумчивости.

— Матушка наша, ваше превосходительство, говорилъ хозяйкѣ старшій изъ удалыхъ парней,—что же свѣтъ нашъ Викторъ Петровичъ на лѣто къ намъ не заглянетъ?

— Служба совсѣмъ его замучила, былъ отвѣтъ Варвары Михайловны,—даже оставила я его больнымъ; теперь, слава Богу, пишетъ что лучше.

— Слава Богу, слава Богу, поддержалъ парень.

— А хочется ему побывать здѣсь, продолжала помѣщица,—во всякомъ письмѣ спрашиваетъ про васъ, говоритъ, нѣтъ ли мужичкамъ нашимъ въ чемъ обиды?

— Какая обида! раздалось въ группѣ четырехъ артистовъ съ рѣчами:—да мы за вами какъ за каменною стѣной.

— Отъ такой барыни быть обидъ!

Я посмотрѣлъ на смирныхъ крестьянъ безъ рѣчей: они молчали и слушали разговоръ, не производя никакой демонстраціи.

— Я тебѣ скажу, матушка ты наша, началъ самый рѣчистый артистъ, проникнутый какимъ-то лиризмомъ,—намъ съ тобою, да съ нашимъ соколомъ бариномъ никакихъ новыхъ порядковъ не надо. Рады мы всею вотчиной и землю твою пахать и служить вамъ во всемъ какъ служили. Другимъ, говорятъ, воля на радость, а намъ про волю и говорить-то не хочется.

— И очень худо, коли не хочется, внушительно перебила Варвара Михайловна.—Всякому человѣку дорога воля; воля дѣло прочное, а мы у васъ не вѣчные. Конечно, пока вы за мной и мужемъ, притѣсненій не будетъ, а развѣ безъ воли, вы не могли бы послѣ насъ попасть въ руки худому барину?

— Хоть ко мнѣ напримѣръ, вмѣшался Атабековъ, — у

меня четыре управляющихъ-Нѣмца, и всѣ крестьяне по міру ходятъ.

— Полноте говорить вздоръ, строго возразила Варвара Михайловна и снова пустилась объяснять, на обще-доступномъ языкѣ, почему надо дорожить дарованною волей, если не для себя, то для своихъ дѣтей и внуковъ.

Трудно сказать почему именно, но эта бесѣда меня тяготила. Чѣмъ-то нескладнымъ, лживымъ звучало для меня каждое слово. Я совершенно вѣрилъ, что Варвара Михайловна любила крестьянъ, не имѣлъ никакой причины думать, чтобы мужики ея не любили, а между тѣмъ разговоръ съ обѣихъ сторонъ былъ натянутъ, чувства въ немъ выразившіяся до крайности приторны. И почему эти одни и тѣ же четыре оратора занимали сцену, и для чего помѣщица, если дѣйствительно искала бесѣды по душѣ, не обратилась къ задней, молчаливой группѣ своихъ вассаловъ? Вся сцена пахнула горькою ложью, безнадежною фразой; сами говорившіе чувствовали, что ихъ рѣчь почему-то не клеится, что имъ нечего сказать другъ-другу. Атабековъ цинически улыбался и иногда ввертывалъ въ разговоръ злую шутку. Владиміръ Матвѣевичъ курилъ сигару, и занимаясь съ дѣтьми, силился не видѣть и не слышать того, что дѣлалось и говорилось. Что до меня, то я въ самомъ разгарѣ разговора Варвары Михайловны ускользнулъ изъ сада, боковою калиткой вышелъ къ надворнымъ строеніямъ, и примѣтивъ, что моя коляска заложена, сѣлъ въ нее и велѣлъ кучеру везти меня въ Петровское.

Всю дорогу меня разбирала грусть, а дорога тянулась до ночи. На мызѣ все спало, въ домѣ тоже. Запретивъ будить сестру, я пробрался въ свою половину и утомленный до крайности, заснулъ очень крѣпко.

С. БЕЗЫМЕННЫЙ.

ПОДРАЖАНІЕ А. ШЕНЬЕ.

Въ дни жизненныхъ невзгодъ, когда моя казна
Рукой безпечною исчерпана до дна,
Друзья бѣгутъ меня и, взоръ потупя строго,
Сосѣдка гонитъ прочь отъ своего порога,—
Недолго я ропщу на свой суровый рокъ:
Укрывшись отъ суетъ въ свой тихій уголокъ,
Въ Платона, Тацита я мыслью погружаюсь,
И забываю свѣтъ и свято наслаждаюсь
Уединеніемъ, покоемъ и трудомъ.
И вспоминаю я съ досадой и стыдомъ
Любви и роскоши заботы и тревоги,
И вѣтренныхъ долговъ нежданные итоги.
И восклицаю я: „что̀ свѣтъ, что̀ красота,
И деньги и любовь!? Все тлѣнъ и суета!“
Но если, заглянувъ въ мое уединенье,
Фортуна подаетъ мнѣ руку примиренья,
И если, долгою разлукой смягчена,
Сосѣдка милая изъ своего окна
На мой тоскливый взглядъ съ стыдливостью наивной
Отвѣтитъ весело улыбкою призывной,—
Тогда прощай и трудъ, и Тацитъ, и Платонъ,
И мудрый взглядъ на жизнь, и толстый лексиконъ!
Прощай и ты, пріютъ священныхъ размышленій!
Бросаюсь я въ потокъ мятежныхъ наслажденій,—
И снова безъ борьбы разсудокъ побѣжденъ;
И снова пѣсень кликъ, и чашъ заздравныхъ звонъ,
Веселый смѣхъ друзей, въ шуму безумныхъ оргій,
И пламенной любви мученья и восторги!

Б. АЛМАЗОВЪ.

15 февраля.
1862 г.

АТАМАНЪ БРАГИНЪ,

И

РАЗБОЙНИКЪ ЗУБАКИНЪ

„Наши историки (Карамзинъ, Соловьевъ и пр.) обратили преимущественное вниманіе такъ сказать на центростремительную силу нашей исторіи, почти вовсе опуская изъ виду значеніе силы центробѣжной... Эта центробѣжная сила нерѣдко представляетъ такихъ же *грозныхъ* дѣятелей, какъ и противоположная ей. Самыя дикія ея обнаруженія доказываютъ только, что въ русскомъ народѣ всегда жило, хоть и смутно, сознаніе необходимости существованія, помимо государства—еще гражданскаго общества,—истина, которую вполнѣ ясно и опредѣленно выразить предоставлено было нашему времени. Нерѣдко страшныя проявленія этой центробѣжной силы въ нашей исторіи—не что иное, какъ протестъ ея противъ излишнихъ притязаній силы ей противоположной.“

В. Ламанскій.

(*О Славянахъ въ Малой Азіи* и пр.)

Въ предлагаемомъ здѣсь небольшомъ очеркѣ на первый планъ выступаютъ не полководцы, не законодатели, а простые разбойники, которые заслужили право на вниманіе исторіи не личными качествами и не какими-либо особенными подвигами а вопервыхъ тѣмъ, что въ нихъ выразился характеръ эпохи, о которой у насъ большею частью судятъ ошибочно, вовторыхъ тѣмъ вліяніемъ, какое имѣли они на окружавшую ихъ среду (а эту среду составляли массы такихъ же сѣрыхъ людей, какъ и они сами), и наконецъ тѣмъ что заставляли задумываться и тревожиться полководцевъ и законодателей.

Нельзя не пожалѣть, что исторія разбоевъ, происходившихъ въ нашемъ отечествѣ во второй половинѣ XVIII столѣтія, мало разработана. Никто изъ писателей даже прошлаго вѣка не счелъ нужнымъ обратить вниманіе на эти странныя корпораціи разбойниковъ, какъ будто ихъ не было вовсе. Только имя атамана Заметаева сохранилось въ одной иностранной монографіи, посвященной описанію походовъ Суворова. Ф. Антингъ, авторъ весьма пространнаго сочиненія: *Les campagnes du Feldmaréchal Comte de Souvoroff-Rumnikski*,—называетъ Заметаева „преемникомъ Пугачева“ (successeur de Pugatschew), даетъ ему эпитетъ „умнаго и мужественнаго“, прибавляетъ, что только быстро-принятыя мѣры помѣшали этому человѣку достаточно усилиться, и въ нѣсколькихъ словахъ разказываетъ объ его подвигахъ на Каспійскомъ морѣ и объ его поимкѣ [1]. Впрочемъ и о Заметаевѣ упомянулось только потому, что подошелъ случай. А между тѣмъ исторія лицъ подобныхъ Заметаеву весьма любопытна, и объясняетъ многое въ исторіи прошлаго вѣка. Это былъ особеннаго рода протестъ слабаго противъ сильнаго, протестъ, при которомъ не разбиралось средствъ, именно

---

[1] Ф. Антингъ называетъ Заметаева *Semetreiw* и *Sametriow*. Антингъ говоритъ, что этотъ разбойникъ—„un successeur de Pugatschew, nommé *Sametriow*, s'était montré sur les bords de la mer Caspienne. *Semetriow* avait exercé divers brigandages contre les Turcs, il s'était emparé de quelques vaisseaux marchands avec 4 canons, il faisait des incursions—par eau et par terre et il s'approchait d'Astracan du coté du lac Aral. — On prit aussitôt contre lui les mesures necessaires. Le comte (Суворовъ) envoya 2 bataillons avec de l'artillerie et quelques escadrons de dragons dont les uns s'embarquèrent et les autres descendirent le Wolga sur la rive. En même tems il fit part de cette nouvelle au gouverneur d'Astracan. *Semetriow* avait été simple soldat d'infanterie sous Tottleben en Géorgie, ensuite appointé, et il avait déserté. Il était homme d'esprit et de courage, mais il n'eût pas le tems de se procurer des moyens; son parti etait d'environ 300 hommes avec lesquels il vint à Tschernoyar, d'où il se retira au travers des landes d'Astracan à peu pres vers le melieu du Don. Ses gens qui apprirent qu'on le poursuivait, l'abandonnèrent en route, et quand il arriva sur le Don, il lui restait tout au plus dix hommes. De là il en envoya quelques uns chercher du pain dans un village voisin. On les arrêta comme suspects. Ils indiquèrent l'endroit où il se trouvait à un demi-mille de là dans la plaine. On y envoya des Casaques du Don qui le firent prisonier ainsi que les autres pendant qu'ils dormaient“ *Les campagnes* etc., par Frédéric Anthing. Trad. de l'Allemand par M. de Serionne, Membre de plus. académies. Avec des planches. Gotha. 1799. I vol. p. 170—171.) Ср. нашу статью о Заметаевѣ въ *Русскомъ Дневникѣ*, 1859, №№ 7 и 8.

вслѣдствіе увѣренности, что честными средствами ни въ какомъ случаѣ выиграть его невозможно.

Почти въ одно время съ Заметаевымъ дѣйствовали еще атаманы Кулага, Брагинъ и разбойникъ Зубакинъ, каждый съ своею шайкой. Кулага, какъ и Заметаевъ, производилъ свои пиратскія экспедиціи на Каспійскомъ морѣ и на Волгѣ, на легкихъ лодочкахъ, тогда какъ послѣдніе дѣйствовали на сушѣ, предпринимая отдаленные походы вглубь Россіи. Брагинъ и Зубакинъ не пользовались такою громкою популярностью въ Россіи, какъ Заметаевъ, который, какъ выражался о немъ Суворовъ, „былъ оглашаемъ въ разныхъ странахъ“; но ихъ шайка имѣла соучастниковъ на Волгѣ, на Илавлѣ, на Медвѣдицѣ, Хопрѣ и Воронѣ-рѣкѣ. Товарищи Брагина и Зубакина принадлежали къ разнымъ сословіямъ: были между ними казаки, Малороссіяне, русскіе рекруты и русскіе крестьяне; косвенно къ корпораціи ихъ принадлежали и помѣщики, и духовенство, и чиновники. Разбойничьи станы этой шайки находились не въ одномъ мѣстѣ: они собирались то въ одинъ притонъ, то въ другой; сегодня станъ ихъ на Медвѣдицѣ, на Илавлѣ, а черезъ мѣсяцъ они держатъ „воровской“ совѣтъ гдѣ-нибудь за триста, за четыреста верстъ оттуда. Передъ отправленіемъ въ походъ, они сходились въ одномъ изъ становъ, совѣтовались куда идти, вооружались, запасались иногда подводами для перевозки добычи, и подъ предводительствомъ атамана, есаула или одного изъ старшихъ и опытныхъ разбойниковъ, какимъ былъ Зубакинъ, шли на промыселъ. Послѣ удачнаго или неудачнаго похода, когда шумъ о разбояхъ распространится по городамъ и селамъ и правительство поспѣшитъ принять противъ разбойниковъ мѣры, шайка разбредется въ разныя стороны: кто убитъ или пойманъ и попалъ въ острогъ, кто идетъ на Волгу, кто за Волгу, иной на Илавлю, на Каспійское взморье, кто въ лѣсъ и степи, и шатаются бѣглецы до новаго случая, до призыва атаманскаго, распѣвая старинныя пѣсни про свои станы да лѣса темные.

Лѣса ли вы, лѣсочки, лѣса темные!
Кусты ли вы, кусточки, кусты частые!
Ахъ, станы ли вы, станочки, станы теплые!
Еще всѣ-то вы кусточки ужь повыжжены,
Еще всѣ наши станочки поразорены,
Еще всѣ наши товарищи переиманы.

Какъ и первой-то товарищъ въ градѣ Кіевѣ,
А второй-то нашъ товарищъ въ каменной Москвѣ,
Какъ и третій-то товарищъ въ славномъ Питерѣ.
Я остался, добрый молодецъ, въ темныхъ лѣсахъ...
Закружилася моя головушка, закружилася!..

Объ одной изъ такихъ экспедицій шайки Брагина и Зубакина мы намѣрены разказать здѣсь по старымъ архивнымъ документамъ [3]. Какъ оказывается изъ дѣла, разбойники снарядились въ походъ наскоро, и хотя шайка ихъ была многочисленна, однако, опасаясь ли возбудить подозрѣніе или разчитывая, что небольшими партіями удобнѣе дѣлать набѣги, Брагинъ собралъ въ свой станъ и вывелъ въ поле лишь нѣсколько человѣкъ. Это было лѣтомъ 1775 года. Онъ снаряжался въ путь въ то самое время, когда Кулага пробирался отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ, а Заметаевъ, покончивъ разбои на Каспійскомъ морѣ и простившись съ своимъ есауломъ послѣ побѣды надъ высланнымъ противъ нихъ отрядомъ, пробирался на Донъ, уклоняясь отъ посланныхъ Суворовымъ драгунскихъ эскадроновъ.

Въ то время когда Брагинъ собралъ въ одномъ изъ своихъ становъ нѣсколько человѣкъ изъ предводительствуемой имъ шайки, въ Камышинъ пріѣхалъ изъ верховыхъ городовъ купецъ, котораго въ городѣ знали подъ именемъ Бѣлевцова. Онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ тархана, хотя не торговалъ ничѣмъ; иногда являлся въ видѣ перекупщика старыхъ вещей, въ другой разъ пріѣзжалъ въ качествѣ хлѣбнаго торговца; былъ онъ и рыбникомъ и повѣреннымъ по дѣламъ; отъ чужаго имени продавалъ онъ даже и людей, которыхъ бралъ Богъ-вѣсть откуда. Однимъ словомъ, личность довольно подозрительнаго свойства, и видно было, что профессія торгаша маскировала что-то другое. На этотъ разъ Бѣлевцовъ пріѣзжалъ для покупки рыбы, но, неизвѣстно почему, рыбы не купилъ, а задумалъ какое-то новое дѣло. Наѣзжая въ Камышинъ, онъ останавливался обыкновенно у одного Малороссіянина, камышинскаго бобыля, по прозванію Пучка. Слѣдуетъ замѣтить, что около того времени, среднее Поволжье стало заселяться выходцами изъ Украйны, которыхъ называли „черкасами“. Стѣсняемые на родинѣ въ своихъ вольностяхъ, посполитые

[1] Изъ числа полученныхъ нами отъ Н. И. Костомарова.

люди, особенно изъ наиболѣе тѣснимыхъ мѣстностей, разбрелись по всей Россіи: кто шелъ въ Запорожскую Сѣчь, къ тогдашнему атаману Потемкину; кто на Донъ, иные пробирались на Волгу. Большія передвиженія начались особенно послѣ жестокаго усмиренія бунта гайдамаковъ: избавившись отъ кола и висѣлицы, бездомные и безпріютные гайдамаки разсыпались по всей южной половинѣ Россіи, „съ ножомъ за голенищемъ“, по выраженію народнаго поэта. Потянулись гайдамаки и къ привольному Поволжью, подѣлались честными гражданами: кто пошелъ въ крестьяне, кто въ бурлаки на суда, кто въ бобыли; но при своихъ честныхъ занятіяхъ не забывали и гайдамацкихъ привычекъ, особенно когда трудъ не спасалъ отъ бѣдности. Оттого такъ часто и охотно приставали они къ разбойничьимъ шайкамъ; иные изъ нихъ сами дѣлались атаманами. Изъ числа такихъ переселенцевъ было и семейство бобыля Пучка. Бѣлевцовъ, будучи давно знакомъ съ бобылемъ, пригласилъ его отправиться съ нимъ въ Русь, для разныхъ торговыхъ дѣлъ, подговоривъ еще другаго Малороссіянина, тоже давно ему знакомаго и пріятеля Пучка. Бѣлевцовъ звалъ ихъ на Медвѣдицу, въ село Кочетовку, для покупки, какъ онъ говорилъ, ржаной и пшеничной муки, на продажу. Онъ обѣщалъ „не обидѣть“ ихъ, когда отъ этой операціи получитъ прибыль. Малороссіяне согласились, и всѣ втроемъ отправились въ путь на двухъ телѣгахъ.

Но они ѣхали не долго. За рѣчкою Карамышемъ, за поселкомъ Топовкою, когда они проѣзжали по степи, изъ буерака, „на перехватъ ихъ“, выѣхало нѣсколько вооруженныхъ всадниковъ.

— Что̀ за люди? закричали они ѣхавшимъ:—куда ѣдете?

Тѣ отвѣчали, что ѣдутъ изъ Камышина за покупкой хлѣба. Тогда неизвѣстные вооруженные люди велѣли имъ идти съ собой къ разбойничьему стану, приглашая также вступить въ шайку. Это были разбойники. Они тѣмъ болѣе хотѣли завербовать къ себѣ въ соучастники трехъ своихъ плѣнниковъ, что Бѣлевцовъ, по роду своей торговли, долженъ былъ очень хорошо знать, гдѣ разбойники могутъ получить важную добычу, и могъ указать имъ на самыхъ богатыхъ людей въ тѣхъ губерніяхъ, по которымъ онъ разъѣзжалъ. Разбойники, кажется, знали что̀ за человѣкъ этотъ Бѣлевцовъ, хотя быть-можетъ онъ и не принадле-

жалъ къ ихъ шайкѣ. Но ни Бѣлевцовъ, ни товарищи его, разумѣется, не желали слѣдовать за разбойниками къ ихъ притону. Разбойники грозили имъ смертью, били ихъ и особенно Бѣлевцова, въ которомъ наиболѣе нуждались. Не имѣя силъ сопротивляться, пойманные торгаши должны были слѣдовать за разбойниками, которые и привели ихъ въ свой станъ.

Въ то время, когда нижнее Поволжье было еще такъ мало заселено, когда отъ поселка къ поселку вели пустынныя степныя тропы или извилистыя лѣсныя дорожки, когда дремучіе лѣса, стоявшіе нетронутыми по отлогостямъ и вершинамъ волжскихъ горъ и по всѣмъ впадающимъ въ Волгу, Медвѣдицу и Хоперъ рѣчкамъ, представляли безопасное убѣжище всякой вольницѣ — разбойничьимъ притонамъ было много мѣста. Темный лѣсъ, высокіе камыши у рѣчекъ и глубокія степныя балки, буераки и яры покрывали днемъ все что̀ дѣлалось ночью. Вновь заводимый гдѣ-нибудь на отшибѣ поселокъ, глухая, заросшая лѣсомъ деревенька, степные хутора и уметы, гумна раскиданные по полямъ, вдали отъ жилья, и даже большія села и кабаки по городамъ, служили притонами для разбойниковъ. Жить было тяжело, и потому надо было или жить на чужой счетъ и грабить, или принимать у себя награбленное. Вотъ отчего такъ много было въ то время пристанодержателей, и такъ много было воровскихъ становъ. Тамъ же, гдѣ былъ встрѣченъ Бѣлевцовъ, мѣстность представляла и другія удобства: около Топовки разстилается ровная степь, усѣянная множествомъ кургановъ, которые слывутъ въ народѣ подъ именемъ „татарскихъ могилъ“. Степь эта представляетъ плоскую возвышенность, владычествующую надъ всею окрестностью, и между курганами замѣтнѣе прочихъ „Большой Курганъ“, съ котораго глазъ видитъ все что̀ дѣлается вокругъ, далеко въ степи. Разбойники умѣли выбрать эту мѣстность для своего стана: съ Большаго Кургана они наблюдали за каждымъ проѣзжимъ и прохожимъ, тѣмъ болѣе что здѣсь шла большая дорога, ведущая отъ Поволжья въ „Русь“. И при Пугачовѣ около Топовки было особенное движеніе.

Разбойники и ихъ плѣнные пробыли въ станѣ два дни. Это былъ притонъ Брагина и Зубакина. Самъ Брагинъ находился въ то время въ станѣ и правилъ имъ какъ ата-

манъ. Брагинъ служилъ когда-то, какъ казакъ Волжскаго войска, въ Московскомъ легіонѣ, и бѣжалъ оттуда. Это тотъ самый легіонъ, который формировался въ Поволжьѣ за годъ до появленія Пугачова, и главнымъ командиромъ котораго былъ извѣстный князь Прозоровскій; въ этомъ легіонѣ служилъ предшественникъ Пугачова, молодой самозванецъ Богомоловъ, и часть этого самаго легіона, стоявшая у Дубовки, взбунтовалась въ 1772 году, защищая, въ лицѣ Богомолова, покойнаго императора Петра III, и требуя чтобы мнимый царь велъ бунтовщиковъ на Москву. Должно думать, что Брагинъ зналъ Богомолова. Во время пребыванія въ станѣ, въ продолженіе двухъ дней, Брагинъ, не разбиравшій средствъ для достиженія цѣли, успѣлъ сдѣлать все что̀ ему было нужно: онъ жестоко мучилъ Бѣлевцова, принуждая вступить въ шайку и быть ея провожатымъ по русскимъ селамъ; взятымъ съ Бѣлевцовымъ Малороссіянамъ грозили смертью, еслибъ они не согласились слѣдовать за шайкой [1]. Бѣлевцовъ и Малороссіяне должны были повиноваться. Брагинъ и другіе разбойники, находившіеся въ станѣ, изъ которыхъ одинъ былъ волжскій казакъ Кощеевъ, а другіе Малороссіяне, вооружились передъ отъѣздомъ на разбой, точно шли на сраженіе: всѣ они сѣли на лошадей; каждый взялъ по ружью и по пикѣ съ дротикомъ; у каждаго была шашка и пистолетъ. Неизвѣстно, былъ ли тогда въ станѣ и Зубакинъ: изъ показаній этого не видно. Можетъ-быть, личность Брагина, какъ атамана, стояла на первомъ планѣ и закрывала собой простаго, хоть и опытнаго разбойника; только послѣдующія обстоятельства показываютъ, что Зубакинъ участвовалъ въ этой экспедиціи, и болѣе другихъ навлекъ на себя преслѣдованіе правительства. Очень можетъ быть, что онъ присталъ къ шайкѣ уже послѣ, подъ новымъ вымышленнымъ именемъ, которыхъ у него было такъ много.

Впереди этой, выступившей въ путь партіи, ѣхалъ Брагинъ съ разбойниками, а за ними слѣдовалъ Бѣлевцовъ съ товарищами на двухъ телѣгахъ. Поѣздъ имѣлъ видъ небольшаго казацкаго отряда, посланнаго съ какимъ-нибудь

[1] „Тотъ Брагинъ съ Кощеевымъ, мучивши немилостиво Лукьяна Бѣлевцова, принуждали, чтобъ онъ, какъ изъ россійскихъ мѣстъ, указалъ и повелъ ихъ въ лучшія мѣста для разбою и воровства.“ (Слова Пучка на допросѣ.)

важнымъ порученіемъ, и дѣйствительно, когда въ селахъ и деревняхъ, черезъ которыя отряду приходилось проѣзжать, спрашивали разбойниковъ: куда и зачѣмъ они ѣдутъ? Брагинъ отвѣчалъ, что онъ снаряженъ изъ Дубовки „съ командою по дѣлу“. Продовольствіе для маленькаго отряда покупалось на деньги, а для ночлега отрядъ останавливался гдѣ-нибудь въ полѣ или въ лѣсу, въ сторонѣ отъ жилья. Въ то смутное время, когда четверть населенія Россіи, бѣглые крестьяне, солдаты, раскольники и даже не бѣглые, но нищіе земледѣльцы всѣхъ наименованій, бродили по бѣлу свѣту, мыкаясь изъ конца въ конецъ и питаясь грабежомъ и воровствомъ, когда дубинка и ружье кормили сытнѣе чѣмъ плугъ и соха, военные разъѣзды „для сыску воровъ и разбойниковъ“ ходили по всѣмъ направленіямъ, по большимъ и малымъ дорогамъ, и потому разбойничій отрядъ Брагина не могъ никому внушить подозрѣніе; многіе, можетъ-быть, думали, что онъ-то и спасетъ ихъ отъ оборванныхъ шаекъ, шатавшихся по проселкамъ.

По переправѣ черезъ рѣку Медвѣдицу, поѣздъ останавливался на время, и атаманъ ѣздилъ зачѣмъ-то въ село Кочетовку, ко вдовѣ капитана Агишева, которая, по словамъ одного изъ разбойниковъ, „Брагину незнаемо почему называется своя.“ Есть причины думать, что между этою помѣщицей и атаманомъ разбойниковъ существовали какія-то странныя отношенія, можетъ-быть даже родственныя, но всего скорѣй, что это было простое знакомство. Брагинъ могъ заѣзжать къ ней во всякое время, посѣщенія его не казались ни для кого странными и не считались предосудительными; въ отсутствіе помѣщицы, его принимали крестьяне и дворовые люди Агишевой, какъ знакомаго ихъ госпожи. Можетъ-быть Агишева не знала о профессіи Брагина, хотя трудно было не догадаться, какимъ ремесломъ занимается этотъ странный гость. А можетъ-быть госпожа Агишева и посвящена была въ тайну имени и существованія атамана, и это тѣмъ вѣроятнѣе что разбойники, пріѣзжавшіе къ нему, отправлялись обыкновенно прямо къ Агишевой, когда не находили своего предводителя въ стану. На этотъ разъ Брагинъ не засталъ вдовы дома, и потому, взявъ у дворовыхъ людей припасовъ на дорогу, скоро воротился къ товарищамъ, и шайка отправилась далѣе.

Такъ ѣхали они пять дней по направленію къ сѣверу, „въ Русь“, какъ они говорили, въ верховые города. Доѣхали наконецъ почти до Вороны-рѣки.

Въ одну ночь, по указанію Бѣлевцова, Брагинъ подступилъ съ своею шайкой къ довольно-большой деревнѣ, гдѣ жилъ самъ помѣщикъ, поручикъ Исѣевъ. Думали вѣроятно найдти у него большія деньги, или быть-можетъ Бѣлевцовъ имѣлъ свои причины не любить Исѣева, и желалъ его гибели. Какъ бы то ни было, разбойники въѣхали въ деревню и приблизились къ господской усадьбѣ. Разчитавъ, что только быстрота и нечаянность нападенія помогутъ имъ исполнить свой замыселъ, и что ничтожной горсти разбойниковъ не устоять противъ цѣлой деревни, Брагинъ приказалъ верховымъ пустить лошадей во весь опоръ, и скакать прямо къ помѣщику на дворъ. Прискакавъ къ самому дому, разбойники сдѣлали залпъ изъ ружей прямо въ окна помѣщичьяго дома, и потомъ закричали чтобы помѣщикъ тотчасъ выходилъ. Несчастный вышелъ на крыльцо и Брагинъ потребовалъ отъ него денегъ. Исѣевъ говорилъ, что денегъ у него нѣтъ; разбойники требовали, и одинъ изъ нихъ, Малороссіянинъ, повидимому самый жестокій изъ всей шайки (мы догадываемся, что это и былъ самъ Зубакинъ), схватилъ несчастнаго Исѣева, стащилъ съ крыльца, и тутъ же повѣсилъ его на воротахъ, на волосяномъ арканѣ. Въ то время ворота всегда замѣняли висѣлицу, особенно когда требовалось быстрое исполненіе приговора; сколько жертвъ погибло на воротахъ во время форсированнаго марша Пугачова къ Царицыну, на разстояніи тысячи верстъ!.. Напрасно Пучокъ съ товарищемъ, которые оставались за воротами у своихъ телѣгъ, увидя эту сцену съ бѣднымъ Исѣевымъ, просили разбойника не дѣлать убійства; напрасно они плакали передъ нимъ...

—Коли его не повѣсимъ, сдѣлаетъ за нами погоню, сказалъ разбойникъ, и поднялъ несчастнаго къ воротамъ.

„И какъ сталъ Малороссіянинъ Степанъ (онъ же и Фролъ Зубакинъ) его, Исѣева, вѣшать, то мы его, чтобы не чинилъ смертнаго убійства, плакавши слезно просили; только онъ, сказавши, что-де когда не повѣсимъ, сдѣлаетъ погоню... не послушалъ“, говорилъ послѣ Пучокъ, когда его допрашивали въ Камышинѣ.

Не медля ни минуты, разбойники вломились въ домъ, и на-

чали обыскъ, но несмотря на всѣ усилія, нашли самую ничтожную сумму денегъ, которая даже не вознаграждала ихъ за ужасную смерть повѣшеннаго ими помѣщика: во всемъ домѣ отыскали только около трехъ рублей, да захватили платье, которое казалось поцѣннѣе. Жена несчастнаго и ея маленькія дѣти умоляли разбойниковъ оставить имъ жизнь, и Брагинъ, сжалившись надъ ихъ беззащитностью, тронутый просьбами дѣтей и бѣдной матери, или не желая напрасно проливать кровь, сказалъ Исѣевой:

— Богъ, государь и мы тебя прощаемъ!

Въ деревнѣ услышали между тѣмъ, что на господскомъ дворѣ происходитъ что-то недоброе. Дворовые раньше поднялись на шумъ и выбѣжали. Стрѣльба разбудила и всю деревню. Собралась огромная толпа народа, и все вломилось на барскій дворъ. Тогда Брагинъ закричалъ сбѣжавшемуся народу:

— Кто станетъ мѣшать моему дѣлу, всѣхъ перестрѣляю и деревню выжгу!..

Двухъ изъ разбойниковъ онъ выслалъ за ворота на улицу, гдѣ въ то время, какъ мы сказали, находился Бѣлевцовъ съ товарищами, и они развели около самаго двора большой костеръ, угрожая сжечь деревню, если кто-нибудь изъ народа осмѣлится препятствовать имъ въ грабежѣ; они жгли холстъ, и показывали видъ, что готовятъ растопку для деревни. Между тѣмъ самъ Брагинъ и другіе разбойники таскали изъ дому все, что̀ въ немъ было годнаго. Все награбленное они уложили въ телѣги, вывели изъ конюшни пару господскихъ лошадей, и прежде чѣмъ народъ могъ придти въ себя, ускакали изъ деревни.

Страннымъ можетъ показаться этотъ смѣлый набѣгъ ничтожной горсти разбойниковъ на большую населенную деревню. Но не забудемъ, что̀ это происходило въ 1775 году. Въ то время имя Пугачова было еще у всѣхъ въ памяти. Хотя народъ и слышалъ, что на Москвѣ казнили какого-то Пугачова; но онъ этимъ слухамъ вѣрилъ только на половину. Слухъ между тѣмъ ходилъ о какомъ-то Заметаевѣ, который долженъ былъ сдѣлаться освободителемъ народа; слухъ этотъ, какъ извѣстно, встревожилъ даже Суворова и графа Петра Панина, занимавшихся возстановленіемъ тишины въ Поволжьѣ, потому что имя Заметаева произносилось даже за границей, и ему придавали какое-то особенное

значеніе. Не удивительно, что народъ постоянно находился въ какомъ-то напряженномъ состояніи, чего-то боясь и ожидая, съ надеждой перемѣны своей доли. Оттого онъ даже не зналъ, за кого принимать разбойниковъ, за враговъ ли, или за своихъ друзей, предшественниковъ таинственнаго освободителя. Этимъ состояніемъ умовъ пользовался и Брагинъ, а потому обращался къ народу съ такою фразой: „Богъ, государь и мы тебя прощаемъ!..

По убійствѣ Исѣева, разбойники продолжали свой путь вглубь Россіи, переѣхали Ворону и слѣдовали вдоль этой рѣки. Три дня они ѣхали такимъ образомъ, не встрѣчая ни военныхъ разъѣздовъ, ни другихъ высылокъ отъ командировъ находившихся вездѣ „у сыску воровъ и разбойниковъ“. Командиры вѣроятно предпочитали сидѣть въ городахъ, и только доносили въ государственную военную коллегію о совершившихся преступленіяхъ, или гонялись за шайками, на которыя имъ указывало мѣстное начальство, отправляясь на поиски уже тогда, когда разбойники уходили вглубь лѣсовъ или успѣвали прятаться въ станахъ, и когда искать уже было нечего. Иногда поиски ихъ возобновлялись съ большею силой, когда они нечаянно натыкались на мертвое тѣло, на ограбленный обозъ, на сожженное жилье, и, тщетно прождавъ прихода разбойниковъ, доносили куда слѣдуетъ, что все обстоитъ благополучно, что они продолжаютъ наблюдать за спокойствіемъ страны „недреманнымъ окомъ“. Чаще всего поиски начинались по взятіи въ кабакѣ какого-нибудь подозрительнаго бродяги, который и наводилъ командировъ на слѣды преступленій, утаивая въ показаніи девяносто девять процентовъ изъ всего, что̀ сдѣлано имъ самимъ и артелью, къ которой онъ принадлежалъ и для выгодъ которой не жалѣлъ своей руки.

Шайка Брагина ѣхала благополучно до новой встрѣчи. Встрѣча не замедлила порадовать разбойниковъ. Въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ Вороны, въ лѣсу, они нагнали какихъ-то путешественниковъ, и рѣшились попытать счастья. Впереди ѣхалъ, какъ видно, барскій „берлинъ“, а за нимъ слѣдовали три повозки съ людьми, какъ обыкновенно ѣздили богатые люди въ то время. Тогда знатные господа путешествовали по Россіи съ маленькими отрядами своей дворцовой конницы, вооруженной по всѣмъ правиламъ военнаго искусства; а менѣе знатные брали съ собой

дворовыхъ людей, снабжали ихъ ружьями, пистолетами, кинжалами, дубинами и чѣмъ попало. Когда берлинъ остановился зачѣмъ-то на горѣ, а слѣдовавшіе за нимъ повозки стали спускаться подъ гору, къ Воронѣ рѣкѣ, разбойники рѣшились напасть на путешественниковъ, и употребили тотъ же маневръ, какой имъ такъ хорошо удался въ имѣніи Исѣева. По командѣ Брагина, разбойники во весь опоръ пустились къ берлину, подскакали и сдѣлали по немъ залпъ изъ ружей. По счастью, никто изъ находившихся въ каретѣ не былъ убитъ, даже никто не былъ раненъ, можетъ-быть потому, что пули, пущенныя изъ дурныхъ казацкихъ ружей, не могли пробить кузовъ экипажа. Это нечаянное нападеніе навело такой ужасъ на путешественниковъ, что никто не думалъ защищаться, и даже люди, испуганные выстрѣлами, не только не думали спасать господина, но, быть-можетъ, не чаяли даже спасти и свою собственную жизнь.

Изъ берлина вышелъ какой-то господинъ съ дамой и небольшою дѣвочкой. Застигнутые врасплохъ, покинутые людьми (ихъ было семь человѣкъ, но, испуганные, они не смѣли тронуться съ мѣста), путешественники не знали, что̀ дѣлать. Они умоляли Брагина взять все, что̀ у нихъ есть, только не лишать жизни. Для Брагина было уже достаточно того убійства, которое онъ сдѣлалъ три дня назадъ, и онъ не тронулъ этихъ новыхъ жертвъ. Но, собравъ всѣхъ тѣлохранителей путешественника въ кучу, онъ поставилъ тутъ же его самого съ дамой и дѣвочкой, и велѣлъ прочимъ разбойникамъ выбирать все изъ возовъ и сундуковъ берлина. Они взяли у путешественника пятьсотъ рублей серебряною монетой, множество платья, серебряной посуды, ложекъ, стакановъ, чарокъ и не малое количество оловянной и мѣдной посуды; кромѣ того взяли у нихъ четыре лошади. Путешественника и его прислугу Брагинъ не велѣлъ обижать, и самъ никого не тронулъ. Еслибы не свирѣпость Зубакина, атаманъ вѣроятно не погубилъ бы и Исѣева.

Послѣ открылось, что этотъ новый ограбленный былъ майоръ Зайцевъ съ женой и дочерью. Можетъ-быть, послѣ казни Пугачова и по усмиреніи народнаго волненія, Зайцевъ возвращался теперь въ покинутое имѣніе, изъ Москвы или другаго безопаснаго города, гдѣ онъ жилъ, пока шайки бродили по всей юго-восточной половинѣ Россіи; можетъ-быть, съ нимъ находилось теперь все его достояніе; какъ

бы то ни было, но Брагинъ не оставилъ ему ничего цѣннаго.

Ограбивъ Зайцева, разбойники поворотили назадъ, и снова переѣхали Ворону, принявъ направленіе къ югу. Можно думать, что дальнѣйшее ихъ слѣдованіе по направленію къ сѣверу и новые разбои могли быть уже не безопасны, тѣмъ болѣе что разбойники заходили уже въ очень заселенныя мѣстности средней Россіи. Походъ ихъ могъ кончиться весьма трагически. Атаманъ зналъ это, и потому рѣшился отступить заблаговременно. Зубакинъ на время исчезаетъ изъ виду, и объ немъ не слышно долго. Послѣ оказывается, что онъ опять перемѣнилъ имя и дѣйствовалъ въ пользу своей шайки.

Въ первую же ночь, проѣхавъ верстъ тридцать отъ мѣста разбоя, отрядъ Брагина своротилъ въ лѣсъ, остановился отдохнуть и сдѣлалъ „дуванъ“, то-есть дѣлежъ всему награбленному. Бѣлевцову, какъ человѣку торговому, оффиціяльно называвшемуся купцомъ, отдали все отнятое у Исѣева и Зайцева имущество, серебряную, мѣдную и оловянную посуду и пару лошадей; Пучку съ товарищемъ удѣлили часть денегъ, а все остальное взялъ себѣ Брагинъ по праву атамана шайки. Здѣсь же разбойники положили на совѣтѣ отпустить Пучка съ товарищемъ на родину, а Бѣлевцовъ долженъ былъ взять съ собой Кощеева и, подъ видомъ купца, ѣхать къ Волгѣ, именно въ Дубовку, для продажи награбленнаго имущества. Въ то время Дубовка была самымъ удобнымъ для этого мѣстомъ. Волжскіе казаки вообще никогда не пользовались репутаціей хорошихъ гражданъ и нижнее поволжье рѣдко было спокойно; къ Дубовкѣ шли выходцы („сходцы“) изъ разныхъ мѣстъ, преимущественно изъ верховыхъ городовъ и изъ Малороссіи; рѣка Илавля считалась притономъ разбойниковъ и бродягъ; туда шли съ Волги бѣглые бурлаки, если находили, что на Волгѣ имъ оставаться опасно; туда стремились бѣглые солдаты и рекруты, бѣглые донскіе и волжскіе казаки, потому что здѣсь былъ конецъ цивилизованной Россіи и начало Азіи, предѣлъ, гдѣ было легко дышать всякой вольницѣ. Тамъ находили притонъ знаменитые поволжскіе атаманы разбойниковъ; тамъ явился предшественникъ Пугачова, самозванецъ Богомоловъ; тамъ же думалъ привести въ исполненіе свой планъ несчастный послѣдователь Пугачова и Бого-

молова, самозванецъ Ланинъ, объявившій о своемъ высокомъ происхожденіи черезъ три года послѣ описываемыхъ нами событій и, можетъ-быть, также какъ и Богомоловъ, лично знавшій Брагина съ товарищами. Отправляя Бѣлевцова съ Кощеевымъ въ Дубовку, Брагинъ снабдилъ ихъ деньгами, и велѣлъ имъ возвратиться къ нему опять и искать его за Медвѣдицей, у капитанши Агишевой; или же въ разбойничьемъ стану, за поселкомъ Топовкою, тамъ гдѣ взятъ былъ Бѣлевцовъ и Пучокъ съ товарищами. Отпуская Пучка на родину, Брагинъ подтверждалъ подъ преще-ніемъ смерти, чтобы про него и про его товарищей ни въ какомъ случаѣ не сказывали. Не зная дороги, Пучокъ просилъ, чтобы Брагинъ позволилъ ему ѣхать вмѣстѣ съ Бѣлевцовымъ и Кощеевымъ.

Простившись съ атаманомъ, они отправились въ поволжье „глухими дорогами“, которыя такъ хорошо были извѣстны Бѣлевцову. Дорогой, въ селѣ Баклушахъ, Бѣлевцовъ нанялъ себѣ въ работники одного экономическаго крестьянина, который скорѣе напоминалъ какого-нибудь коновода воровской партіи, чѣмъ простаго мужичка-работника; даже волосы носилъ онъ по казацкому или по воровскому обычаю, подстригаясь „въ-кругло“ или въ-кружало. Въ паспортѣ онъ назывался Васильемъ Михайловымъ. Послѣ мы узнаемъ, что настоящее имя этого работника было очень хорошо извѣстно Бѣлевцову, и въ особенности Кощееву. Нанявъ этого работника, Бѣлевцовъ вывелъ потомъ свою партію на Илавлю, къ Петрулиной мельницѣ. Съ этою мельницей связано много преданій и эпизодовъ изъ разбойничьихъ подвиговъ того времени; она была удобнѣйшимъ мѣстомъ для притоновъ, и очень часто упоминается во всѣхъ показаніяхъ воровскихъ людей прошлаго вѣка. Здѣсь-то разбойники разстались: Бѣлевцовъ съ Кощеевымъ и нанятымъ работникомъ поѣхали въ Дубовку, а Пучокъ съ товарищемъ возвратились въ Камышинъ; здѣсь они явились къ своему сотскому, и когда тотъ спросилъ ихъ, куда они ѣздили, они отвѣчали, что ѣздили было въ Русь покупать хлѣбъ, но не купили.

Между тѣмъ, Бѣлевцовъ и нанятой имъ работникъ явились въ Дубовку и стали продавать награбленное имущество. Только Кощеевъ зналъ, кто они такіе; онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ ними въ Дубовку, но впрочемъ не какъ това-

рищъ, а какъ будто лицо совершенно постороннее. Онъ разказывалъ, что встрѣтилъ купца съ работникомъ на дорогѣ, согласился съ ними ѣхать въ Дубовку торговать рыбой, а потому помѣстилъ ихъ въ квартирѣ у своего родственника, есаула Волжскаго войска Щербакова. Купецъ однако возбудилъ подозрѣніе, сперва въ капитанѣ Московскаго легіона, ротмистрѣ Дьяченковѣ, которому онъ продавалъ нѣкоторыя вещи; а потомъ подозрительно взглянули на его торговлю и мѣстныя власти Волжскаго войска: войсковой атаманъ Василій Персидскій, имя котораго такъ извѣстно и громко въ исторіи южнаго поволжья, войсковые старшины Ѳедоръ Персидскій и Дмитрій Савельевъ и войсковой дьякъ Кріулинъ. Мы не знаемъ, какими побужденіями руководствовались власти, только подозрительный купецъ и его работникъ были арестованы и продержаны подъ карауломъ болѣе мѣсяца. Товаръ ихъ также былъ задержанъ [1]. Въ войсковой канцеляріи Бѣлевцовъ говорилъ, что пріѣхалъ торговать и что у него есть законный билетъ; что онъ житель Московской губерніи, Переяславскаго уѣзда, пригородка Михайлова купецъ Лукьянъ *Малаховъ*; что товаръ купленъ имъ на Хопрѣ, въ селѣ Макаровѣ, у крестьянъ, которые признавались откровенно, что „имѣющаяся оная у нихъ пажить набрана ими во время бывшаго возмущенія“, то-есть въ смутную пору неурядицъ, произведенныхъ въ Россіи Пугачовымъ. Онъ представилъ при этомъ и билетъ свой, выданный изъ Михайловской ратуши. Для властей сомнительнаго не видѣлось, кажется, ничего, тѣмъ болѣе что и купеческій работникъ имѣлъ законный видъ, выданный ему изъ села Баклушъ, Верхоломовскаго уѣзда, отъ сельскаго старосты, лучшихъ стариковъ и всего міра. Относительно формы, законность была на сторонѣ арестованныхъ. Нашлись, кажется, и другія обстоятельства, которыми власти были расположены въ ихъ пользу,

---

[1] Въ имѣющихся у насъ бумагахъ находится подробная опись имущества, взятаго разбойниками у Исѣева и Зайцева. При чтеніи этой описи, будто живые встаютъ передъ нами покойники, жильцы „златаго на сѣверѣ вѣка“, въ шелковыхъ красныхъ, алыхъ, бѣлыхъ съ разводами и „съ прозументами“ и даже въ ситцевыхъ камзолахъ, въ робронахъ цвѣтной тафты, въ лазоревыхъ, синихъ и набойчатыхъ шугаяхъ; тутъ есть и дѣтскія атласныя одѣяльца съ кружевами, и мантильи, и скатерти бранныя, и шляпы съ „прозументами“, и весь тогдашній дамскій костюмъ и пр.

поэтому нашлись въ законахъ подходящія къ дѣлу благопріятныя статейки. Статьи эти живо характеризуютъ эпоху, въ которую онѣ писались; это были приложенія къ манифесту, изданному по заключеніи вѣчнаго мира съ Оттоманскою Портой и усмиреніи пугачевскаго бунта. Въ нихъ говорится:

„Всѣмъ тѣмъ городамъ, селамъ, селеніямъ, жилищамъ, мѣстамъ и людемъ въ оныхъ живущимъ и внѣ оныхъ находящимся, однимъ словомъ всѣмъ во внутреннемъ бунтѣ, возмущеніи и безпокойствѣ и неустройствѣ 1773 и 1774 годовъ участвовавшимъ, по большей части отъ ослѣпленія, глупости, невѣжества или суевѣрія, ея императорскаго величества всемилостивѣйшее общее и частное прощеніе, предая все прошедшее вѣчному забвенію и глубокому молчанію, и запрещаетъ ея императорское величество впредь чинить о сихъ дѣлахъ притязаніе и изысканіе“ (пунктъ 38).

„Вслѣдствіе сего всемилостивѣйшаго прощенія повелѣваетъ производство слѣдствій и взысканіе вытей по вышеписанному случаю о происшедшихъ разграбленіяхъ и о поличеніи не только въ Оренбургской, Казанской и Нижегородской, но и всѣхъ прочихъ губерніяхъ, въ которыхъ съ разграбленными и переходившими изъ рукъ въ руки пожитками и вещьми люди оказываться могутъ, оныя слѣдствія и взысканія уничтожить и оставить, ибо таковаго рода выходятъ изъ того общественнаго порядка, для котораго законы и ихъ теченіе устроены, прекращеніе же таковыхъ дѣлъ для народнаго спокойствія подлежитъ единственно самодержавной ея императорскаго величества власти, которая повелѣваетъ нынѣ предать вышепомянутыя дѣла на вѣчное время забвенію и глубокому молчанію“ (пунктъ 39).

Основываясь на этихъ двухъ пунктахъ, дубовское начальство освободило арестантовъ и возвратило имъ имущество. Послѣ мы увидимъ, какую неблагопріятную тѣнь набросило это обстоятельство на имена Персидскихъ, Савельева и другихъ властей Волжскаго войска, уже очернившаго свою репутацію предъ правительствомъ присягою на вѣрность Пугачову. (Что Волжское войско признало Пугачова государемъ, на это мы имѣемъ положительныя доказательства, которыя не были извѣстны ни Пушкину, ни другимъ историкамъ, касавшимся этой любопытной эпохи.)

Когда все это происходило въ Дубовкѣ, вѣсть объ убійствѣ Исѣева распространилась, между тѣмъ, въ окрестностяхъ и дошла до правительства. Слухи ходили, что шайки разбойниковъ наполняютъ Воронежскую и Астраханскую губерніи, безъ всякаго страха врываются въ деревни, обираютъ проѣзжихъ и держатъ страну въ постоянной опасности. Прошла вѣсть, что пойманы самые опасные разбойничьи атаманы Заметаевъ, Кулага; переловлены шайки атамановъ Сучкова, Тарелкина и другихъ; а между тѣмъ появились другія партіи и другіе атаманы, о которыхъ прежде не слышали. Тотчасъ донесли объ этихъ происшествіяхъ Григорію Александровичу Потемкину, въ то время еще графу вновь пожалованному, но который однако былъ уже сенаторомъ, вице-президентомъ военной коллегіи, командиромъ всѣхъ легкихъ и нерегулярныхъ войскъ и проч., и проч. Ни мало немедля, Потемкинъ поспѣшилъ командировать въ Верхнеломовскій и Нижнеломовскій уѣзды отрядъ драгунъ, подъ командою секундъ-майора Смоленскаго драгунскаго полка Циммермана. Этому отряду поручено было дѣйствовать противъ разбойниковъ, и въ особенности противъ извѣстной въ окрестностяхъ шайки Брагина и Зубакина. Думали, что главные разбойники гдѣ-нибудь близко; начальственныя лица слышали, кажется, объ одномъ Зубакинѣ, а фамиліи самаго атамана не знали, и потому распорядились поисками Зубакина съ шайкою. Но шайку его настигнуть было не легко, а еще труднѣе было поймать самаго Зубакина, не только Брагина, который точно пропалъ безъ вѣсти, хотя, быть-можетъ, покойно жилъ у вдовы Агишевой, какъ самъ говорилъ когда-то своимъ товарищамъ. Вообще дѣло Циммермана было не легкое. Въ то время въ разбойники поступалъ всякій, кому тяжело было жить; а кому тогда не тяжело было? Въ разбой шелъ горемыка, не имѣвшій ни кола, ни двора, ни сохи, ни лошади; шелъ тотъ, кого томилъ голодъ и тяготило большое, не обутое и не одѣтое семейство, кому не подъ силу была барщина, оброкъ и судейское вымоганье посуль и поклоновъ; шелъ и тотъ, въ комъ играла молодая кровь, кого мутило зелено вино. Ловить разбойниковъ было потому не легко, что каждый, уходя въ разбой, бралъ свой паспортъ и добывалъ себѣ въ кабакѣ другой, а иногда запасался и тремя паспортами, чтобы въ случаѣ поимки

предъявить тотъ, который сподручнѣе: въ одной воеводской канцеляріи онъ является Иваномъ, въ другой Петромъ, въ третьей Карпомъ, а домой приходитъ съ собственнымъ именемъ и съ рублевиками въ кожаной мошнѣ. За то уже и слѣдственныя коммиссіи вознаграждали себя за трудъ, съ какимъ сопряжена была поимка разбойниковъ: сыщики хватали праваго и виноватаго, забирали всякаго, кто давалъ разбойнику воды напиться, не зная, что поитъ разбойника, или, по тогдашнему выраженію, „незавѣдомо“, водили къ пыткѣ бабъ, ни душой, ни тѣломъ не виноватыхъ въ преступленіяхъ мужей и дѣтей. Циммерманъ успѣлъ однако захватить многихъ изъ шайки Брагина и Зубакина; но ни Зубакинъ, ни Брагинъ не давались ему въ руки; другіе коноводы шайки были также въ разбродѣ.

Во время такихъ трудныхъ и безполезныхъ поисковъ, одинъ крестьянинъ изъ села Зубриловки (на Хоперѣ), Илья Андреевъ, между прочимъ разказалъ Циммерману, что въ сентябрѣ этого года онъ видѣлъ въ Дубовкѣ у есаула Щербакова, трехъ колодниковъ, и что одинъ изъ этихъ колодниковъ разказывалъ ему о своей родинѣ, о знакомыхъ: почему-то показалось Циммерману, что арестантъ, о которомъ ему говорилъ Илья Андреевъ, былъ тотъ Зубакинъ, котораго онъ тщетно искалъ; по крайней мѣрѣ наружность этого арестанта, какъ описывалъ ее Андреевъ, соотвѣтствовала примѣтамъ Зубакина. Циммерманъ тотчасъ же командировалъ въ Дубовку квартирмистра Кулаковскаго, нѣсколько драгунъ, и съ ними крестьянина Андреева и еще другаго мужика, который лично зналъ Зубакина; поручилъ имъ „опознать“ арестанта и вытребовать его и его товарищей у дубовскаго начальства, въ случаѣ если это былъ въ самомъ дѣлѣ Зубакинъ.

Дѣйствительно, Андреевъ видѣлъ у есаула Щербакова именно тѣхъ людей, которые нужны были Циммерману. Но, какъ мы сказали выше, люди эти были уже освобождены изъ-подъ ареста. Изъ войсковой канцеляріи выпустили ихъ еще въ началѣ октября, а Кулаковскій прибылъ въ Дубовку только 27-го ноября. Кулаковскій не нашелъ, кого искалъ. „Опознателю“ Андрееву показаны были всѣ арестанты, находившіеся тогда въ Дубовкѣ, но онъ не нашелъ между ними того, съ которымъ встрѣтился у есаула Щербакова. Тутъ только догадалось дубовское начальство

(сомнительно, чтобъ оно не подозрѣвало чего-нибудь прежде), что выпущенные имъ арестанты подъ скромнымъ именемъ торгашей скрывали важныя преступленія, и что ихъ не слѣдовало освобождать даже и на основаніи манифеста. Тогда, желая поправить дѣло, оно разослало въ тотъ же день войсковыя грамоты ко всѣмъ станичнымъ атаманамъ, старшинамъ и казакамъ Волжскаго войска, а также послало увѣдомленія и въ верховыя станицы. Въ грамотахъ говорилось: „войсковая канцелярія, усумнясь, не изъ тѣхъ ли упущенныхъ людей будетъ тотъ злодѣй Зубакинъ, симъ вамъ, станичнымъ атаманамъ, повелѣваетъ предъоказанныхъ выпущенныхъ изъ-подъ караула купца Малахова и работника его Михайлова приказать казакамъ сыскивать и есть ли объ нихъ, гдѣ они находятся, увѣдано будетъ, то старались бы, поймавъ, представить въ войсковую канцелярію неотмѣнно, и вамъ, станичнымъ атаманамъ, объ ономъ учинить по сей грамотѣ неотмѣнное исполненіе.“ Тогда же разосланы были во всѣ мѣста нарочные съ публикаціями. Но не дальше какъ черезъ два дня въ Дубовкѣ узнали, что Малаховъ съ работникомъ пойманы въ Камышинѣ, гдѣ и содержатся подъ карауломъ. Они схвачены, какъ тогда выражались, „съ продажными неприличными вещами.“ Въ Камышинѣ, кажется, не догадывались, кто такіе эти люди, хотя и подозрѣвали, что ихъ скромная профессія скрываетъ что-то недоброе. Тайну ихъ имени знали только два человѣка въ городѣ, которые и навѣщали ихъ въ тюрьмѣ, подъ видомъ простыхъ подавателей милостыни. Это были бобыль Пучокъ, участвовавшій въ послѣднемъ разбоѣ Брагина, и его пріятель.

Дубовское начальство отправило въ Камышинъ нарочнаго просить тамошнія власти, чтобъ арестанты отосланы были къ Циммерману. Но камышинскія власти не отдали арестантовъ нарочному, опасаясь, вѣроятно, чтобъ изъ Дубовки не выпустили ихъ опять подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, а прислали имъ только описаніе примѣтъ этихъ колодниковъ.

Здѣсь начинается вторая половина похожденій Зубакина и Брагина, изъ которой едва ли можно вывести положительное заключеніе, кто былъ болѣе виноватъ, разбойничья ли шайка, или лица которымъ поручено было охраненіе спокойствія страны. Картина „златаго вѣка“ рисуется здѣсь

безъ прикрасъ, и, глядя на нее, невольно радуешься, что вѣкъ этотъ уже не повторится.

Имя Потемкина произвело магическое дѣйствіе на дубовское начальство. Когда тамъ узнали, что этотъ вельможа лично интересуется ходомъ поисковъ за Зубакинымъ и его шайкой, купецъ Малаховъ и его работникъ, бывшіе въ ихъ рукахъ, но ускользнувшіе по ихъ же оплошности, высоко поднялись во мнѣніи дубовскихъ старшинъ. Теперь они писали въ Камышинъ, чтобъ этихъ арестантовъ берегли, держали подъ крѣпкимъ карауломъ и проч. Притомъ, чувствуя свою вину болѣе чѣмъ можетъ-быть кто-нибудь могъ догадываться, начальники Волжскаго войска видимо стали заискивать у Циммермана. Извѣщая его о поимкѣ Малахова съ работникомъ въ Камышинѣ, они распространяются и о своемъ личномъ усердіи, и о заслугахъ всего Волжскаго войска. Они говорятъ, что „таковыхъ злодѣевъ (какъ Зубакинъ) стараніемъ войсковой канцеляріи въ нынѣшнемъ году до нѣсколька человѣкъ, въ томъ числѣ и *славный разбойникъ Кулагинъ* съ товарищи, переловлены и отосланы въ подлежащее мѣсто [1].“ Они послали къ Циммерману описаніе примѣтъ Малахова съ работникомъ, отправили даже особаго нарочнаго, казацкаго старшину, для личныхъ объясненій. Вообще замѣтно, что въ Дубовкѣ очень суетились, да и было отчего.

Объяснившись съ нарочнымъ, Циммерманъ не остановился однако на этомъ объясненіи. Ему нужно было довести дѣло до конца. Онъ увѣдомлялъ дубовское начальство, что считая за нужное довести до свѣдѣнія правительства „о усердіи, въ снисканіи тѣхъ злодѣевъ отъ оной станицы употребленномъ и употребляемомъ“, желалъ бы знать подробнѣе о томъ третьемъ лицѣ, которое крестьянинъ Андреевъ видѣлъ у есаула Щербакова, не самъ ли то Зубакинъ, слѣдовъ котораго все еще онъ нигдѣ не находилъ; онъ требовалъ поймать его какимъ бы то ни было способомъ, несмотря даже на то, еслибы примѣты оказались несходными съ показаніемъ Андреева. Но изъ Дубовки извѣстили Циммермана, что при арестованіи Малахова и его

---

[1] Атамана Кулагу во всѣхъ тогдашнихъ офиціяльныхъ бумагахъ называютъ *славнымъ разбойникомъ*, эпитетъ, котораго не удостоивался даже знаменитый Заметаевъ. О разбояхъ Кулаги будетъ особая статья.

работника не было третьяго лица, что можетъ-быть Андреевъ видѣлъ тамъ казака Кощеева, который дѣйствительно вмѣстѣ съ ними пріѣхалъ въ Дубовку, но „только оной Кощеевъ подлинно здѣсь природной казакъ и реченному Щербакову шуринъ“, какъ будто шуринъ Щербакова не могъ быть разбойникомъ.

Наконецъ, къ Циммерману привезли Малахова съ работникомъ. Допросивъ ихъ, Циммерманъ убѣдился, что нашелъ именно того кого искалъ: подъ невинною наружностію работника, остриженнаго впрочемъ въ кружало, скрывался самъ знаменитый воръ Зубакинъ, о поимкѣ котораго такъ заботился Потемкинъ. Настоящее имя купца намъ уже давно извѣстно: это былъ Лукьянъ Бѣлевцовъ, постоянно ѣздившій въ Камышинъ по дѣламъ торговли и бывшій потомъ въ партіи Брагина и Зубакина. Циммерманъ узналъ и еще много подробностей, раскрытія которыхъ всего болѣе страшились войсковые старшины и атаманъ; онъ узналъ, что войсковой атаманъ Василій Персидскій и братъ его Ѳедоръ Персидскій, а также войсковой старшина Савельевъ и войсковой дьякъ Крiулинъ взяли у Зубакина и Бѣлевцова, при арестованіи, всѣ деньги и имущество, награбленное у майора Зайцева и у повѣшеннаго Исѣева, и вынудили ихъ дать росписку такого содержанія, будто вещи эти проданы имъ по собственному желанію продавцовъ; что въ полученіи разбойниками денегъ и имущества росписался дубовскій соборный священникъ Николаевъ, тоже за извѣстную сумму вознагражденія. Циммерманъ узналъ имена всѣхъ участвовавшихъ въ послѣдней разбойничьей экспедиціи на рѣку Ворону; отъ него не скрылось также и то, что когда онъ посылалъ изъ своего отряда поручика Куроша съ командой для поисковъ за Зубакинымъ, Волжское войско не только не давало Курошу „ни за какіе прогоны“ подводъ, но вообще не допускало его до розысковъ; и что Курошъ получилъ лошадей только тогда, когда сказалъ, что ѣдетъ назадъ къ Циммерману, и т. д.

Обо всемъ этомъ Циммерманъ донесъ воронежскому губернатору Потапову. Замѣчательно, что по поводу этого обстоятельства онъ протестовалъ между прочимъ противъ откуповъ, которые, по его мнѣнію, болѣе чѣмъ что-либо способствовали усиленію разбоевъ. Начало каждаго зло-

дѣйства, говоритъ онъ, скрывается въ кабакѣ; тамъ разбойники, въ пьянствѣ, „чинятъ свои договоры“ и обдумываютъ воровскія экспедиціи; а огромные лѣса и степи Верхоломовскаго уѣзда, помогали скрываться разбойникамъ. Какъ на одинъ изъ главныхъ притоновъ, Циммерманъ указываетъ на село Дмитріевское или Дуровщину, отдаленное отъ всѣхъ населенныхъ мѣстностей, и въ особенности на кабакъ, находившійся въ этомъ селѣ. Циммерманъ просилъ губернатора „куда бы то ни было свести питейный домъ.“ Съ своей стороны губернаторъ донесъ о продѣлкахъ волжскихъ властей военной коллегіи.

Но аккуратный Циммерманъ не остановился и на этомъ. Онъ написалъ обо всемъ Потемкину, не утаивъ ничего, что̀ дѣлалось въ Дубовкѣ. Въ кратковременное свое пребываніе на мѣстѣ разбоевъ, Циммерманъ успѣлъ захватить 86 человѣкъ, „разныхъ злодѣевъ, смертоубивцовъ, разбойниковъ, пристанодержателей и, по оговору злодѣевъ, знавшихъ о ихъ злодѣйствахъ“. Замѣчательно, что между захваченными преступниками, духовенство составляло 8-й или 9-й процентъ [1]: такъ незавидно было положеніе дѣлъ повидимому счастливаго государства! Но при всемъ томъ, не поймано было еще много лицъ изъ шайки Брагина, а еще большее число разбойниковъ было вовсе неизвѣстно Циммерману и Потемкину даже по именамъ, хотя отряды Циммермана, его нарочные и курьеры, летали по всѣмъ направленіямъ. Отважныя шайки совершали экспедиціи на тысячи верстъ, и часто одно и то же страшное имя раздавалось и въ низовьяхъ Волги или на Каспійскомъ морѣ у самыхъ персидскихъ границъ, или на берегахъ Оки и Урала. Вотъ какова въ сущности была жизнь въ государствѣ, наружнымъ блескомъ котораго очаровывался Дидро!

Пойманныхъ разбойниковъ повезли на судъ къ верхоломовскому воеводѣ, а надъ дѣйствіями начальниковъ Волжскаго войска Потемкинъ, въ то время уже князь, [2] велѣлъ нарядить слѣдственную коммиссію. Онъ между прочимъ писалъ

---

[1] „Поповъ 3, церковниковъ 3, рекрутъ 4, однодворцевъ 10, крестьянъ 65, дьяконъ 1.“

[2] Вотъ въ какихъ выраженіяхъ относились тогда офиціяльно къ Потемкину такія лица, какъ губернаторы (воронежскій) и имъ равные: „Высокопревосходительному господину генералъ-аншефу, командующему легкою конницей, всѣми нерегулярными войсками и санктпетербургскою ди-

воронежскому губернатору: „касательно же до вреднаго поступка Дубовской станицы начальниковъ, то предписалъ я Волскаго войска атаману, чтобъ онъ ко изысканію истины, по требованіямъ вашимъ, прислалъ обстоятельной отвѣтъ, по которому и благоволите меня увѣдомить, подлинно ли описываемой поступокъ въ Дубовской станицѣ и отъ кого именно учиненъ, дабы виновные въ страхъ другимъ наказаны были.“ Вмѣсто Циммермана и его драгунъ, для истребленія разбойниковъ, назначены были казацкіе отряды, и начальникомъ надъ ними командированъ полковникъ Платовъ, одинъ изъ любимѣйшихъ героевъ войска Донскаго, въ послѣдствіи гроза Французовъ.

На щекотливые запросы воронежскаго губернатора войсковой атаманъ Персидскій отвѣчалъ:

„Пажити и денегъ за выпускъ ихъ (т.-е. Зубакина и Бѣлевцова) изъ-за караула я во взятокъ никогда не бирывалъ.“

Атаманъ при этомъ оправдывался, что освободилъ ихъ изъ-подъ ареста „съ пажитью“ и съ деньгами; что еще до ареста и послѣ освобожденія изъ-подъ караула разбойники продавали имѣвшіяся у нихъ вещи „несравненною цѣною“, то-есть дороже того (добавлялъ онъ), „какъ послѣ разбитія злодѣя Пугачева въ здѣшнихъ мѣстахъ многіе люди такія жь вещи продавали“; что освободилъ онъ ихъ на основаніи манифеста; что послѣ освобожденія дѣйствительно купилъ у Малахова лошадь, но заплатилъ за нее всѣ деньги сполна, и т. д. „Показаніе жь ихъ ложное на меня не изъ чего другова происходитъ, какъ изъ одной злости, потому что чрезъ стараніе войсковой канцеляріи они сысканы и въ

визіей, сенатору, государственной военной коллегіи вице-президенту, Новороссійской, Азовской и Астраханской губерній государеву намѣстнику (или генералъ-губернатору), войскъ тамъ поселенныхъ и Днѣпровской линіи главному командиру, ея императорскаго величества генералъ-адъютанту, дѣйствительному каммергеру, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подполковнику, кавалергардскаго корпуса поручику, кирасирскаго Новотроицкаго полка шефу, мастеровой и оружейной палаты верховному начальнику и разныхъ орденовъ кавалеру, свѣтлѣйшему князю Григорію Александровичу Потемкину — всепокорнѣйшій рапортъ.“ Замѣчательно, что все это безконечно длинное перечисленіе оттѣнковъ въ титулѣ соблюдалось строжайшимъ образомъ, хотя часто случалось, что самый рапортъ, то-есть сущность дѣла выходила короче титула Потемкина. Но такъ было принято. Потемкинъ пожалованъ княземъ Римской Имперіи 27 февр. 1776.

коммиссію взяты, и тѣмъ ихъ злодѣйство утаиться не могло.“ Такъ заключалъ Персидскій свое оправданіе, забывая, что разбойники пойманы не ихъ стараніемъ.

То же самое отвѣчалъ братъ атамана, войсковой старшина Ѳедоръ Персидскій, говоря, что ни пажити, ни денегъ „во взятокъ я никогда не бирывалъ и не знаю, и подъ видомъ покупки ничево я у себя не оставлялъ и не покупалъ“ и т. д.

„А по освобожденіи ихъ (добавлялъ Персидскій), чрезъ нѣсколькое время, по просьбѣ, у купца Малахова я размѣнялъ червонныхъ имперіаловъ сто рублевъ на мелкія деньги, вмѣсто которыхъ онъ получилъ отъ меня мѣдныя и серебреныя, а послѣднія получилъ у чумака (цѣловальника) моего въ кабакѣ при людяхъ.“ По примѣру брата, онъ утверждалъ, что разбойники ложно показали на него по злобѣ.

Въ такихъ точно выраженіяхъ оправдывались и войсковой старшина Савельевъ, и войсковой дьякъ Кріулинъ.

Священникъ Николаевъ, котораго разбойники уличали въ стачкѣ съ дубовскими властями, и въ томъ, что онъ бралъ ихъ на поруки,—отвѣчалъ, что на поруки онъ ихъ никогда не бралъ, а въ день освобожденія ихъ изъ-подъ караула зашелъ въ канцелярію по собственному дѣлу, совершенно случайно и только росписался за нихъ въ полученіи имущества. „А послѣ того (признавался священникъ), они ко мнѣ на квартиру выпросились и были нѣсколько время, продавали разнымъ людямъ пажить; а во время то ихъ у меня бытности довольствовалъ я ихъ своимъ хлѣбомъ и разною харчью, почему по счетѣ и оказалось за то издержанныхъ денегъ десять рублевъ, въ уплату которыхъ мнѣ оной купецъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Дубовки, отдалъ деньгами жь пять рублевъ, а за остальные изъ рухледи ветхой. А во взятокъ денегъ десяти рублевъ, и никакой пажити не бирывалъ, что̀ и показываютъ они на меня ложно.“

Наконецъ, Зубакинъ увѣрялъ Циммермана, что, при освобожденіи его изъ-подъ ареста въ Дубовкѣ, онъ долженъ былъ дать взятку даже канцелярскому сторожу.

Въ такомъ-то неблагопріятномъ свѣтѣ выказывались поступки всего офиціяльнаго міра въ волжскомъ войскѣ. Дѣйствія дубовскихъ властей въ самомъ дѣлѣ казались очень подозрительными: показаніе Зубакина было слишкомъ правдоподобно. Въ Дубовкѣ понимали это, и потому представи-

ли воронежскому губернатору пространнѣйшее объясненіе, и просили его „отъ напраснаго нареканія милостиво защитить и представить его свѣтлости, чтобы понапрасну за невѣдѣніе не могли понести какова отвѣта.“ Но дѣло постановлено было такъ, что его трудно уже было поворотить назадъ. Все опрокинулось на представителей волжскаго войска: и члены военной коллегіи, и князь Потемкинъ, и воронежскій губернаторъ Потаповъ, и астраханскій губернаторъ Якобій, всѣ требовали строжайшаго суда надъ обвиненными, — и полетѣли ордеры по инстанціямъ, отъ высшей къ низшей, отъ военной коллегіи къ Потемкину, отъ Потемкина къ Потапову и Якобію, отъ Якобія къ астраханскому оберъ-коменданту генералу Левину, отъ него къ царицынскому коменданту полковнику Цыплетеву, и т. д. Поступокъ дубовскихъ властей называется уже „гнуснымъ и не соотвѣтствующимъ званію ихъ поступкомъ“. Цыплетевъ не стѣсняется бросать имъ въ лицо оскорбительное названіе „продерзателей“. По приказанію Потемкина, Якобія и Левина, Цыплетевъ назначаетъ слѣдствіе и посылаетъ въ Дубовку секундъ-майора Венцеля; ему велѣно, „какъ наивозможно яснѣе и доказательнѣе изслѣдовавъ, буде окажутся притчинниками по тому гнусному поступку объявленные старшины, привести ихъ въ Астрахань“.

9 августа (1776 г.) обвиняемые призваны были въ коммиссію. Достойно особаго замѣчанія, что дубовскія власти, когда пріѣхалъ къ нимъ Венцель, тотчасъ отвели ему квартиру, прислали на производство дѣла бумаги, сургучу, нитокъ, свѣчъ, чернильницъ, перьевъ, и даже коробку для песку, дали въ караулъ казаковъ, а формально отвѣчать на вопросы не хотѣли... Они ссылались на то, что послали отъ себя объясненіе къ воронежскому губернатору, который представилъ ихъ отвѣты Потемкину; они просили Венцеля отложить слѣдствіе до другаго дня, чтобъ успѣть донести обо всемъ Цыплетеву. Дѣйствительно, они отправили Цыплетеву копіи съ отвѣтовъ, которые были посланы воронежскому губернатору, и „нижайше“ просили Цыплетева объяснить все это Якобію. Но Цыплетевъ не уважилъ ихъ просьбы, и въ жесткихъ выраженіяхъ относился о нихъ въ своемъ рапортѣ къ астраханскому оберъ-коменданту, говоря, что „оные отвѣты писаны единственно отъ самихъ тѣхъ

написанныхъ продерзателей въ ихъ пользу и оправданіе", и даетъ этимъ отвѣтамъ эпитетъ „самопроизвольныхъ".

Но какъ бы то ни было, а слѣдствіе пока пріостановилось на время, и Венцель долженъ былъ уѣхать изъ Дубовки; тѣмъ не менѣе обвиняемые черезъ это ничего не выиграли, а только раздражили Якобія. Прочитавъ ихъ оправданія, онъ не перемѣнилъ своего мнѣнія, и между прочимъ писалъ Цыплетеву: „рекомендую, не смотря ни на какіе ихъ отвѣты, произвесть... настоящее и какъ возможно непродолжительное слѣдствіе, ибо по силѣ повелѣнія его свѣтлости не только слѣдовать, но и судить ихъ довлѣетъ; но пока первое совершится, послѣднее до того времени остается,—въ чемъ не оставте дойтить до самой дѣла того истинны, я же буду ожидать поспѣшнѣйшаго въ томъ содѣйствія." Тогда наряжена была новая коммиссія, презусомъ въ которую командировали секундъ-майора Титова съ другими офицерами. Прибывъ на мѣсто слѣдствія, Титовъ тотчасъ отправился къ атаману Персидскому, а на слѣдующій день разослалъ нарочныхъ казаковъ съ требованіемъ, чтобы всѣ лица, подлежащія слѣдствію, явились въ коммиссію. Это было 22 октября. Но войсковой атаманъ „отозвался тогда слабымъ" и не явился въ коммиссію. Титовъ назначилъ сборъ на 24 число, на понедѣльникъ, къ девятому часу утра; обвиняемые отвѣчали, что они готовы и будутъ въ коммиссіи. Но въ понедѣльникъ, на разсвѣтѣ, вѣстовой солдатъ доложилъ Титову, что войсковой атаманъ отправляется въ путь, а куда неизвѣстно. Тогда Титовъ послалъ къ Персидскому находившагося при немъ офицера Кирсанова съ требованіемъ отложить этотъ „невременной" отъѣздъ, и явиться въ коммиссію для отвѣтовъ. Кирсановъ засталъ атамана уже выѣхавшимъ со двора, въ дорожной коляскѣ, и, подойдя, объяснилъ зачѣмъ посланъ отъ Титова.

—Я отвѣты учинилъ отъ себя и самъ своеручно подписалъ, отвѣчалъ Персидскій:—почему уже и не принадлежу къ нынѣшнему слѣдствію... А каковъ отвѣтъ состоялся, будетъ прислано къ майору за извѣстіе, теперь же ѣду и ничего не опасаюсь.

Кирсановъ говорилъ, что атаманъ рискуетъ навлечь на себя гнѣвъ правительства „за ослушаніе высокой команды повелѣнія"; что его могутъ задержать...

— Ничего не трушу! сказалъ Персидскій, и уѣхалъ.

Черезъ часъ къ Титову принесли письменное объясненіе Персидскаго, которое онъ оставилъ, уѣзжая изъ Дубовки. Въ немъ было то же, что̀ и въ прежнихъ отвѣтахъ атамана; въ добавокъ только, онъ обвиняетъ здѣсь Циммермана въ намѣренномъ умолчаніи о нѣкоторыхъ фактахъ, говорящихъ будто бы въ пользу Волжскаго войска; онъ увѣряетъ, будто Циммерманъ вовсе не посылалъ къ нимъ поручика Куроша для отысканія разбойниковъ, и проч. Относительно же самовольнаго отъѣзда изъ Дубовки онъ говоритъ, что получилъ на это приказаніе отъ Потемкина и Якобія, и отправляется въ Петербургъ „къ его свѣтлости для самонужнѣйшихъ надобностей и испрошенія не полученнаго на войско денежнаго жалованья, какъ оное войску нынѣ весьма нужно для исправленія къ веснѣ, къ переселенію на Терекъ въ силу имяннаго ея императорскаго величества повелѣнія“. [1] Донося обо всемъ этомъ Цыплетеву, Титовъ добавлялъ, что силой удержать Персидскаго онъ не могъ „по неимѣнію команды“, и началъ производить слѣдствіе надъ остальными обвиняемыми; вытребовалъ изъ Камышина Пучка съ товарищемъ; потребовалъ отъ станичнаго начальства казака Кощеева, Брагина (о которомъ только теперь вспомнили) и другихъ. Пучка съ товарищемъ переслали, но о прочихъ полученъ отвѣтъ, что Кощеевъ находился въ Моздокскомъ казачьемъ полку, только оттуда бѣжалъ, а гдѣ самъ Брагинъ и другіе—никому неизвѣстно.

Не будемъ вдаваться въ утомительныя подробности этого дѣла; скажемъ только, что чѣмъ дальше изслѣдовалось оно, тѣмъ болѣе подало подозрѣнія на войсковаго атамана и его сослуживцевъ. Пучокъ съ товарищемъ на допросахъ показали, что знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ о томъ, что̀ происходило въ Дубовкѣ. Между тѣмъ, по пріѣздѣ войсковаго атамана изъ Петербурга, назначенъ былъ вмѣсто Титова новый слѣдователь, капитанъ Масленниковъ. Время шло, а дѣло все запутывалось и запутывалось. Даны были очныя ставки атаману съ другими обвиняемыми. Взятъ и Кощеевъ уже въ 1778 году;—появились новыя шайки разбойниковъ; въ народѣ началъ наконецъ ходить слухъ и говоръ о новомъ появленіи того страннаго призрака, возму-

[1] Извѣстно, что послѣ усмиренія народнаго волненія 1773—75 годовъ, Волжское войско переселено было на Терекъ за признаніе Пугачова государемъ и за подачу ему помощи.

щавшаго народное спокойствіе въ продолженіе десятковъ лѣтъ, того вѣчно выходившаго изъ гроба государя Петра Ѳедоровича, имя котораго принимали на себя столько смѣльчаковъ, однимъ словомъ, заговорили о новомъ самозванцѣ, Ханинѣ; переселили наконецъ все Волжское войско на Терекъ; а дѣло о Зубакинѣ и подозрительныхъ поступкахъ дубовскихъ начальниковъ не кончалось. Въ коммиссіи перебывало много лицъ, имена которыхъ замѣшаны были въ дѣло или со стороны разбойниковъ, или со стороны дубовскихъ властей; призывались въ судъ и женщины, безъ которыхъ едва ли обходилось хоть одно дѣло въ ту смутную пору. Но какъ ни путали слѣдствіе, все-таки доходили до того заключенія, что Волжское войско было виновато; что люди, подобные Зубакину, дѣйствовали бы осторожнѣе при лучшихъ органахъ администраціи; одинъ изъ слѣдователей прямо выразился о Персидскомъ, что манифестъ о преданіи забытію преступленій пугачовщины „у нево (т. е. у Персидскаго), какъ видно, еще на цѣлой вѣкъ останется.“

1778-мъ годомъ кончаются свѣдѣнія о Зубакинѣ и о Персидскомъ. А Брагинъ какъ въ воду канулъ. Можетъ-быть судьба его тогда же рѣшилась въ Верхоломовской воеводской канцеляріи, а можетъ-быть, онъ сформировалъ новую шайку, и еще долго навѣщалъ госпожу Агишеву: ничего объ этомъ неизвѣстно. По всей вѣроятности, участь Зубакина съ Брагинымъ окончательно рѣшилась точно такъ, какъ и всѣхъ подобныхъ людей:—сначала простой допросъ, потомъ „пристрастный“ съ увѣщаніями духовника, или, по тогдашнему канцелярскому выраженію, „допросъ подъ пристрастіемъ плетей и батожьевъ“, затѣмъ кнутъ, висѣлица или Сибирь—все какъ водится. Но интереснѣе всего здѣсь то, что послѣ разгрома шайки Брагина и Зубакина, въ томъ же году, пришлось громить нѣсколько новыхъ скопищъ: вмѣсто Брагина на сцену являются новыя лица, новые атаманы и есаулы, и дѣлаютъ то же, что̀ дѣлали ихъ предшественники.

Д. МОРДОВЦЕВЪ.

ИЗЪ

ДОРОЖНАГО ДНЕВНИКА

ВЕДЕННАГО ЗА ГРАНИЦЕЙ

II.

Пріѣхавъ въ Галле поздно вечеромъ, я на другой день (воскресенье), еще въ 7 часовъ утра, пошелъ осмотрѣть городъ, и по обыкновенію, прежде всего отправился въ университетъ, чтобы достать себѣ каталогъ лекцій; но тамъ мнѣ не могли дать его, и я долженъ былъ пойдти за нимъ въ книжную лавку, открытую до обѣдни. Попавшійся мнѣ навстрѣчу студентъ, проводилъ меня потомъ въ соборную церковь, гдѣ служба начиналась въ 8 часовъ и гдѣ въ этотъ день проповѣдывалъ извѣстный профессоръ богословія, Толукъ. Старинная большая церковь была уже биткомъ набита, и между слушателями множество студентовъ. Въ тотъ разъ была такъ-называемая академическая, то-есть университетская служба, бывающая черезъ каждыя двѣ недѣли. Для пѣнія псалмовъ, многіе держали въ рукахъ особые печатные листки. Толукъ сказалъ очень одушевленную проповѣдь о нравственномъ безсиліи человѣка, о томъ, что благія мысли и намѣренія человѣка приходятъ отъ Бога но мы даемъ имъ пропадать безслѣдно; средство противъ этого—молитва, о свойствахъ которой и распространился

проповѣдникъ. Въ заключеніе онъ молился о пробужденіи спящихъ духомъ, и если нужно объ испытаніи ихъ, для того чтобы достиженіе блаженства было для нихъ не второстепеннымъ дѣломъ, а главною задачей жизни.

Двое изъ преподавателей университета въ Галле занимаются преимущественно критическою разработкою Данте; одинъ—профессоръ правъ, Витте, а другой—лекторъ французскаго языка, Бланкъ. Витте приготовляетъ новое изданіе *Божественной Комедіи*, котораго тогда вышло уже два тома. Онъ печатаетъ его въ двухъ видахъ: одно, ученое изданіе въ четвертку, другое общедоступное, безъ примѣчаній, въ осьмушку. При этомъ онъ пользуется рукописями изъ Ватиканской и другихъ библіотекъ. Всѣ критическія примѣчанія намѣренъ онъ соединить въ особомъ вступленіи. У него собраны переводы Данте на всѣ европейскіе языки, въ томъ числѣ и русскіе переводы фанъ-Дима и Мина [1].

Бланкъ издалъ особый словарь для чтенія Данте и опытъ объясненія его съ помощію однихъ филологическихъ основаній. Теперь этому почтенному труженику уже восьмидесятый годъ, но онъ все еще бодръ и продолжаетъ прилежно работать, несмотря на слабѣющее зрѣніе. Онъ жаловался мнѣ, что Италіянцы безъ его спросу перевели на свой языкъ словарь его, изданный имъ по-французски, и даже не прислали ему экземпляра этого перевода, такъ что онъ самъ долженъ былъ выписать его. Италіянскому языку выучился онъ уже лѣтъ двадцати отъ роду; онъ уроженецъ берлинскій, но предки его были французскіе эмигранты, поселившіеся въ Бранденбургѣ, вслѣдствіе отмѣны Нантскаго эдикта. „Я слышалъ, сказалъ онъ мнѣ, что въ южной Франціи фамилію Бланкъ даютъ незаконнымъ дѣтямъ.“ На мое замѣчаніе, что въ Россіи былъ извѣстный архитекторъ Бланкъ, старикъ отвѣчалъ улыбаясь: „Мой родоначальникъ былъ знатнѣе,—онъ былъ обойщикъ.“ Въ Галле Бланкъ уже около тридцати лѣтъ; попавъ туда въ качествѣ пастора, онъ и не думалъ сдѣлаться профессоромъ, но ему предложили каѳедру французской литературы, и онъ при-

---

[1] Въ послѣдствіи я познакомился въ Парижѣ съ Англичаниномъ, докторомъ Барловомъ, который также посвятилъ себя критическому изученію Данте и далъ мнѣ нѣсколько изданныхъ имъ, по этому предмету брошюръ.

нялъ ее. Нѣсколько лѣтъ сряду онъ публично читалъ Данте въ тамошнемъ литературномъ обществѣ.

Извѣстный филологъ Поттъ живетъ за́-городомъ; онъ уже сѣдъ, такъ какъ и Лео. Я навелъ разговоръ между прочимъ на его книгу о происхожденіи нѣмецкихъ фамильныхъ именъ; онъ смотритъ на это сочиненіе болѣе какъ на шутку чѣмъ на серіозный трудъ: „я желалъ, говорилъ онъ, показать, что и фамильныя прозванія скрываютъ въ себѣ какой-нибудь смыслъ, и произошли не случайно. Затѣмъ мы толковали о нѣкоторыхъ филологическихъ вопросахъ и вспоминали троихъ почтенныхъ филологовъ Финляндіи, нѣкогда общихъ нашихъ знакомыхъ, умершихъ въ молодости:—Кастре́на, Валлина и Чельгре́на. При мнѣ къ Потту пришелъ профессоръ восточныхъ языковъ Рёдигеръ. Разговоръ коснулся вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, и Рёдигеръ замѣтилъ: „Конечно мы теперь болѣе прежняго будемъ смотрѣть на Русскихъ какъ на братьевъ европейской семьи.“

При здѣшнемъ университетѣ ректоръ избирается только на одинъ годъ; вновь, послѣ этого срока, онъ можетъ быть избранъ не иначе какъ съ особаго разрѣшенія правительства. Нынче занимаетъ эту должность Эрдманъ, уроженецъ Лифляндскаго города Вольмара. Между студентами въ Галле мало развита разгульная жизнь, которая въ ходу при нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ университетахъ; учащіеся здѣсь по большей части бѣдные люди.

На другой день рано утромъ пошелъ я посмотрѣть знаменитые соляные ключи на краю города близь рѣки Салы. Работники на варницахъ, такъ-называемые Галлоры (Halloren), принадлежатъ къ особому рослому племени и отличаются оригинальною одеждой: ходятъ въ чулкахъ и башмакахъ, черныхъ панталонахъ въ обтяжку, и синихъ куртках. Они говорятъ на своемъ особенномъ нарѣчіи, славятся большою честностію и искусствомъ въ плаваніи и ныряніи, такъ что не разъ уже спасали жизнь утопавшимъ. Прежде считали ихъ потомками Вендовъ (Славянъ); но теперь бо́льшая часть ученыхъ, въ томъ числѣ и Лео, не признаютъ этого. Многіе полагаютъ, что Галлоры кельтскаго происхожденія. Меня повели въ одну изъ варницъ, зданіе, гдѣ внизу топится печь, а вверху видны котлы и т. п. Въ огромномъ котлѣ кипитъ соляная вода; вокругъ

такой жаръ, что работники ходятъ почти голые. Накипающая пѣна снимается и сбрасывается, или вѣрнѣе, скатывается въ особые сосуды, и потомъ въ другомъ котлѣ еще переваривается. Добытая соль сгребается въ назначенныя на то вмѣстилища надъ навѣсомъ котла, а оттуда сваливается въ завостренныя къ низу, круглыя корзины и переносится для сушки въ другія хранилища, откуда разсылается уже въ бочкахъ по Пруссіи и всей Германіи (бочка стоитъ 12 талеровъ). Изъ соляныхъ ключей вода проводится сюда подземными трубами; часть ея, превращающаяся въ паръ, и по охлажденіи снова претворенная въ воду, идетъ другими трубами назадъ и вливается въ мутную Салу. Замѣтимъ, что самое слово Галле значитъ: соль, соловарня. Отсюда и названіе Галлоры.

Съ особеннымъ любопытствомъ отправился я осмотрѣть такъ-называемыя Франковскія заведенія (Franckesche Stiftungen), доставившія городу Галле, независимо отъ его университета, педагогическую славу въ цѣлой Европѣ. Они находятся въ особомъ предмѣстіи и составляютъ цѣлую улицу, по обѣ стороны которой идутъ зданія занятыя училищами разнаго рода; сверхъ того на одномъ концѣ улицы, стоитъ поперекъ ея домъ съ аптекой и книжною лавкой, а съ другаго она замыкается еще однимъ учебнымъ заведеніемъ. Всего замѣчательнѣе происхожденіе всѣхъ этихъ учрежденій. Въ самомъ концѣ XVII столѣтія Франке, профессоръ здѣшняго университета и вмѣстѣ пасторъ предмѣстія Глауха, видя недостатокъ образованія и бѣдность своихъ прихожанъ, началъ учить дѣтей ихъ и вскорѣ взялъ къ себѣ въ домъ четырехъ сиротъ. Таково было начало предпріятія, которое, при необыкновенномъ христіянскомъ усердіи и неутомимой дѣятельности Франке, мало-по-малу разраслось въ огромные размѣры, такъ что еще при жизни его уже существовали почти всѣ заведенія извѣстныя нынѣ подъ его именемъ. А между тѣмъ, онъ не употребилъ на нихъ ничего кромѣ собственныхъ скудныхъ средствъ и частныхъ пожертвованій, которыя стали стекаться къ нему со всѣхъ сторонъ, когда распространилась молва объ этомъ дѣлѣ. Нашлись и люди, которые, воодушевясь человѣколюбивыми идеями Франке, стали за самое ничтожное вознагражденіе трудиться съ величайшею ревностію въ созданныхъ имъ заведеніяхъ.

Всего тутъ семь училищъ: двѣ латинскія школы, то-есть гимназіи, и пять нѣмецкихъ школъ, между которыми три элементарныя училища (два для мальчиковъ и одно для дѣвочекъ), далѣе реальная школа и такъ-называемый *педагогіумъ*, для сыновей достаточныхъ фамилій, съ платою за каждаго по 400 талеровъ въ годъ. Учениковъ во всѣхъ этихъ заведеніяхъ 3.200 слишкомъ, а учителей болѣе 90. Между учениками есть пенсіонеры, постоянно живущіе тутъ въ особыхъ домахъ; въ каждой небольшой комнатѣ помѣщается до пяти мальчиковъ, изъ которыхъ старшій имѣетъ надзоръ надъ прочими. Разумѣется, что все здѣсь очень просто и даже бѣдно, но въ каждой комнаткѣ есть не только столы и стулья, но и шкапы, а въ нѣкоторыхъ даже и фортепіаны, конечно тоже очень простенькія. Каждыми пятью комнатами завѣдываетъ одинъ изъ учителей, живущихъ въ заведеніи (многіе нанимаютъ себѣ квартиры въ городѣ). Впрочемъ воспитанники содержатся свободно, безъ всякой внѣшней дисциплины и выправки. „Вамъ это можетъ показаться страннымъ, сказалъ мнѣ докторъ Экштейнъ, водившій меня очень услужливо по заведеніямъ: „но у насъ здѣсь управленіе совершенно отеческое; у насъ дѣти какъ въ родительскомъ домѣ и никому изъ нихъ не придетъ въ голову употреблять во зло довѣріе воспитателей.“ Докторъ Экштейнъ, одинъ изъ двухъ директоровъ, управляющихъ заведеніемъ; они входятъ съ представленіями въ провинціяльную коллегію, которая препровождаетъ дѣла на окончательное рѣшеніе въ министерство. Собственныя средства заведеній состоятъ въ деньгахъ, вносимыхъ платящими учениками, въ выручкѣ книжной лавки и аптеки, и въ доходахъ съ нѣкоторыхъ участковъ земли; но этихъ средствъ уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія оказалось недостаточно, и въ дополненіе къ нимъ правительство ассигновало 19.000 талеровъ. Все содержаніе стоитъ около 40.000. Плата учителямъ, которые всѣ исключительно принадлежатъ этимъ заведеніямъ, довольно низкая, и возвышенія ея ожидаютъ только въ будущемъ.

Мы подробно осмотрѣли реальную школу, помѣщающуюся въ сторонѣ отъ улицы заведеній, въ новомъ зданіи, покрытомъ снаружи порфиромъ и стоившемъ не болѣе 30.000 талеровъ. Удивительно, какъ при небольшихъ средствахъ это училище обладаетъ всѣми возможными, отчасти даже

роскошными, пособіями; физическій кабинетъ недавно подаренъ училищу прусскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія [1]; далѣе, тутъ есть минералогическій кабинетъ, химическая лабораторія, гдѣ ученики сами работаютъ подъ руководствомъ учителя, и наконецъ библіотека, состоящая большею частію изъ книгъ которыя могутъ быть раздаваемы ученикамъ для чтенія въ свободные часы; напримѣръ, я тутъ видѣлъ собраніе нѣмецкихъ классиковъ. Директоръ сдѣлалъ библіотекарю дружеское замѣчаніе, зачѣмъ брошюры стоятъ на полкахъ сплошными рядами, и что надобно расположить ихъ по предметамъ или авторамъ въ папкахъ. Библіотекарь спорилъ, но директоръ убѣдилъ его, сказавъ, что онъ уже на опытѣ, въ собственной своей библіотекѣ, удостовѣрился въ превосходствѣ предлагаемаго имъ порядка. „Переплетать брошюры въ цѣлый томъ, прибавилъ директоръ, неудобно, потому что когда ради одной брошюры ссудишь цѣлую книгу, то ее иногда всю и зачитаютъ.“

Въ классѣ естественныхъ наукъ и математики скамьи расположены амфитеатромъ, чтобы при показываніи опытовъ и ученики послѣднихъ рядовъ ясно видѣли ихъ. Въ рисовальномъ классѣ, гдѣ мы разсматривали труды лучшихъ воспитанниковъ, директоръ ласково ободрялъ нѣкоторыхъ.

Въ зданіи общей всѣмъ учрежденіямъ библіотеки мы не были, но заходили въ книжную лавку, гдѣ главный предметъ продажи составляютъ библіи, издавна печатаемыя этими заведеніями и разсылаемыя по всей Европѣ; ихъ выписывается много и въ Россію (откуда также присылались сюда въ прежнее время дѣти для воспитанія). Въ типографіи, куда мы пошли изъ книжной лавки, было нѣсколько скоропечатныхъ станковъ; тамъ работаютъ и женщины; онѣ при насъ заняты были изготовленіемъ стереотиповъ для Библіи. Процессъ этой работы очень простъ: сперва набираютъ текстъ, потомъ оттискиваютъ его въ гипсовыя формы, льютъ на нихъ металлическую массу и стереотипы готовы.

Хотя это было въ концѣ іюня, занятія въ училищахъ

---

[1] Министерство предлагало на выборъ этотъ кабинетъ или гербарій: училище выбрало физическій кабинетъ.

шли обыкновеннымъ порядкомъ; только въ іюлѣ учениковъ распускаютъ на одну недѣлю, чтобъ они могли полакомиться у родителей вновь собираемыми плодами (neues Obst). Въ каникулахъ Нѣмцы не чувствуютъ надобности; у нихъ вмѣсто лѣтнихъ ферій бываютъ осеннія, совпадающія съ временемъ жатвы и собиранія винограда.

На учрежденія пастора Франке смотрятъ здѣсь какъ на послѣдній плодъ стариннаго христіянскаго благочестія; въ память основателя поставлена передъ зданіемъ сиротскаго дома (лѣтъ 30 тому назадъ) статуя его, съ надписью: „Онъ уповалъ на Бога“. Въ числѣ здѣшнихъ сиротъ нѣтъ вообще такъ-называемыхъ найденышей. Германія еще не заводила у себя воспитательныхъ домовъ въ смыслѣ тѣхъ, какіе существуютъ во Франціи, Австріи и у насъ въ Россіи. О томъ, нужны ли они, мнѣнія еще несогласны; большинство въ Германіи думаетъ, что они способствуютъ къ увеличенію числа незаконнорожденныхъ. Однакожь Гамбургъ и Берлинъ доказываютъ, что то же самое можетъ быть и при отсутствіи такихъ заведеній.

Находясь въ Лейпцигѣ, я между прочимъ отправился въ близь-лежащій садъ Розенталь, любимое гульбище жителей. Вдоль крайней аллеи въ полѣ тянулся цѣлый рядъ палатокъ съ разными надписями; во всѣхъ стояли столы и скамейки для простаго народа и главное угощеніе заключалось въ пивѣ и сосискахъ. Послѣднія въ разныхъ видахъ встрѣчаются на каждомъ шагу въ Саксоніи и Тюрингіи; здѣсь для Русскаго становится понятнымъ, почему у насъ Нѣмецъ получилъ прозваніе колбасника. Даже и въ самой опрятной и просторной палаткѣ, стоявшей поодаль отъ другихъ и не имѣвшей надписи, внутри выставлено было крупными буквами объявленіе: *франкфуртскія жареныя колбасы*. На полѣ происходило ученіе національной гвардіи (Bürgergarde.) Отъ одного изъ солдатъ, по ремеслу бочара, узналъ я, что она состоитъ изъ 17-ти ротъ, что въ каждой ротѣ по 30 человѣкъ, и что отъ поступленія въ нее очень многіе отговариваются, кто нездоровьемъ, кто другимъ вымышленнымъ предлогомъ; нѣкоторые, чтобъ освободить себя отъ этой службы, живутъ нарочно за городомъ, и т. п. Одинъ изъ колбасниковъ сказывалъ мнѣ, что національная гвардія нужна особенно на случай революціи, и дѣйствительно, я слышалъ потомъ отъ профессора ***,

что въ 1848 году лейпцигская полиція вездѣ встрѣчала сопротивленіе, тогда какъ всѣ распоряженія національной гвардіи и производившіеся ею аресты принимались безпрекословно. Профессоръ самъ служилъ тогда въ этой гвардіи.

Отъ него же узналъ я разныя подробности о Лейпцигскомъ университетѣ. Здѣсь болѣе 800 студентовъ. При пріемѣ, экзаменуютъ только тѣхъ, которые не имѣютъ достаточныхъ свидѣтельствъ о приготовительныхъ знаніяхъ (Maturitäts-Zeugnisse). Строги бываютъ особенно къ поступающимъ для факультетскихъ занятій; отъ другихъ требуютъ только доказательствъ, что они въ состояніи пользоваться лекціями. Нынче большая часть студентовъ занимается здѣсь серіозно; въ послѣдніе годы старинный духъ разгулья и буйства очень ослабѣлъ. Этому много способствовало опредѣленіе, чтобы пребываніе въ университетѣ продолжалось три года и никакъ не долѣе пяти лѣтъ (въ Берлинѣ обыкновенный курсъ продолжается $2^1/_2$ года). Многіе студенты пользуются стипендіями, изъ которыхъ однѣ королевскія, а другія частныя, напримѣръ познанскаго архіепископа; нѣкоторыя простираются до 300 талеровъ; иныя состоятъ въ квартирныхъ деньгахъ или даже въ квартирахъ натурой. Кромѣ того въ зданіи университета находится особая столовая (Convict), куда допускаются недостаточные студенты и гдѣ собирается болѣе 250 человѣкъ; каждый профессоръ поочереди предлагаетъ извѣстное число участниковъ столовыхъ стипендій. Студенты подчинены общей полиціи, и только въ дисциплинарныхъ случаяхъ зависятъ отъ университетскаго суда. Профессора получаютъ хорошее содержаніе, нѣкоторые до 2.000 и даже до 3.000 талеровъ, что при дешевой жизни въ Лейпцигѣ составляетъ очень много (профессоръ *** за просторную квартиру съ садомъ въ центрѣ города платитъ не болѣе 300 талеровъ); кромѣ того, они получаютъ съ слушателей особую плату за частныя лекціи или такъ-называемыя коллегіи. Правда, что за то у нихъ и дѣла очень много: они по большей части имѣютъ отъ трехъ до четырехъ лекцій въ день, и лекціи начинаются въ 6 часовъ утра; впрочемъ, кто хочетъ, можетъ читать не болѣе двухъ или четырехъ публичныхъ лекцій въ недѣлю. Мы разговорились о разныхъ способахъ чтенія лекцій. Профессоръ сказалъ мнѣ при этомъ, что онъ никогда не позволяетъ себѣ читать съ

каѳедры безъ письменныхъ, хотя и краткихъ замѣтокъ, импровизируемыя лекціи, по его мнѣнію, часто не имѣютъ достаточной связи и полноты, и даже рѣдко обходятся безъ ошибокъ въ фактахъ. Въ примѣръ приведены были лекціи извѣстнаго Савиньи, по которымъ, при всей ихъ увлекательности, трудно было составлять связныя записки. Впрочемъ, г. *** сознался, что при всякихъ лекціяхъ очень многое зависитъ отъ индивидуальности профессора.

Посѣтивъ библіотеку университета, въ которой считается до двухъ сотъ тысячъ томовъ, я отправился въ комнату суда, чтобы тамъ просмотрѣть старинные университетскіе альбомы. Въ прежнія времена Лейпцигскій университетъ пользовался такою славой, что привлекалъ множество слушателей изъ разныхъ странъ Европы, такъ что въ теченіе года иногда записывалось въ его альбомы болѣе 600 студентовъ. Еще въ прошломъ столѣтіи тутъ бывали Англичане, Датчане, изрѣдка Французы, часто Лифляндцы, Эстонцы и иногда Русскіе; еще ранѣе пріѣзжали сюда въ большомъ числѣ Шведы и Финляндцы. Мнѣ хотѣлось узнать, кто именно изъ Русскихъ посѣщалъ этотъ университетъ во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія, и я выписалъ изъ альбомовъ сорокъ именъ нашихъ соотечественниковъ, учившихся здѣсь съ 1750 года до конца столѣтія. Между ними выдаются имена *Козицкаго* (1752), графовъ Владиміра и Александра Владиміровича *Орловыхъ* (1763 и 1771), *Радищева* (1767), *Козадавлева* (1769), Алексѣя Григорьевича *Теплова* (1769), который дотого учился въ Кильскомъ университетѣ [1], и *Моисѣенкова*. Вмѣстѣ съ Радищевымъ отправлено было въ Лейпцигъ, въ 1767 году, еще десять молодыхъ людей для изученія правъ. Въ одномъ изъ его сочиненій (*Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова*) имена нѣкоторыхъ изъ его товарищей означены только начальными буквами; вотъ они вполнѣ: князь Александръ *Несвицкій*, князь Василій *Трубецкой*, Ѳедоръ *Ушаковъ*, Михаилъ *Ушаковъ*, Николай *Зиновьевъ*, Алексѣй *Кутузовъ*, *Челищевъ*, Андрей *Рубановскій*, Сергѣй *Яковъ* и Иванъ *Насакинъ*. Лейпцигскіе студенты въ старину раздѣлялись на четыре

---

[1] Между Русскими, посѣщавшими Кильскій университетъ, особенно замѣчательно имя князя Александра Борисовича Куракина.

націи, Саксонцевъ, Мейсенцевъ, Баварцевъ и Поляковъ; Русскіе всегда причислялись здѣсь къ польской націи [1].

Лейпцигъ и его окрестности богаты военно-историческими воспоминаніями. Въ самомъ городѣ есть башня обсерваторіи Плейсенбургъ, на которую взбираются чтобъ издали посмотрѣть въ подзорную трубу на знаменитое поле сраженія 1813 года: отсюда можно даже различить, хотя съ трудомъ, пирамидальный памятникъ воздвигнутый на этомъ полѣ. На этой башнѣ сошелся я между прочимъ съ человѣкомъ, который для той же цѣли явился туда съ другаго конца свѣта—изъ Сѣверной Америки. Словоохотливый сторожъ объяснялъ намъ ходъ сраженія, со всѣми подробностями, на большой картѣ, разставляя особыя разноцвѣтныя дощечки означавшія арміи.

По дорогѣ въ Іену видно Люценское поле, гдѣ палъ шведскій король Густавъ Адольфъ. Желѣзная дорога идетъ здѣсь по самымъ живописнымъ мѣстамъ, мимо горъ и виноградниковъ. Въ Апольдѣ, которая славится своими шерстяными чулками, я пересѣлъ въ омнибусъ и попалъ въ общество, состоявшее изъ профессора, купца и дамы съ дочерью. Мы ѣхали шагомъ по гористому краю; передъ глазами было опять поле битвы. Здѣсь, въ 1806 году, французская армія застигла въ расплохъ нѣмецкую; Пруссаки такъ были стиснуты и кровопролитіе такъ велико, что убитые не падали, а стоймя подпирали другъ друга, и цѣлые ряды оставались на ногахъ, прислоненные къ другимъ рядамъ мертвыхъ тѣлъ. До сихъ поръ на этомъ полѣ находятъ въ землѣ деньги, зарытыя во время сраженія прусскими солдатами, думавшими послѣ взять ихъ назадъ. Влѣво отъ дороги показываютъ мѣсто (три дерева), гдѣ въ 1808 году императоры Александръ и Наполеонъ сиживали вмѣстѣ во время охоты, и гдѣ Наполеонъ назначалъ пенсіи родственникамъ убитыхъ за два года передъ тѣмъ. И въ самой Іенѣ много разказовъ о Наполеонѣ, напримѣръ какъ онъ заставилъ пастора-ботаника вести его на гору для помѣщенія артиллеріи.

Можно сказать, что Іена—городъ студентовъ и розъ:

---

[1] Полный списокъ Русскихъ, учившихся въ означенный періодъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, помѣщенъ мною въ извѣстіяхъ II Отд. Ак. Наукъ т. IX, вып. 3.

такъ этими цвѣтами украшены здѣсь садики, окружающіе почти всѣ дома. Пышно цвѣтутъ на своихъ высокихъ стебляхъ іенскія розы, а студенты здѣшніе сохраняютъ всѣ особенности прежняго быта своихъ собратій. Іена всегда была и до сихъ поръ остается центромъ и типомъ нѣмецкаго студенчества. Оно здѣсь сохраняетъ свой старинный, исторически развившійся характеръ. Іенскіе студенты, которыхъ около 500, все еще раздѣляются на ландсманшафты, нынче называемые просто корпораціями, ихъ цѣль — поддержаніе студенчества въ извѣстномъ значеніи, выражающемся гулянками, попойками и дуэлями, но они не имѣютъ никакого политическаго значенія. [1] Впрочемъ, далеко не всѣ студенты приписываются къ этимъ корпораціямъ, которыя отличаются одна отъ другой своими фуражками, отчасти очень фантастическими. Замѣчательны ихъ сборныя мѣста (Kneipen); въ главной изъ этихъ тавернъ развѣшены гербы корпораціи, портреты знаменитѣйшихъ сочленовъ, кружки, изъ которыхъ пили дѣды, оружія и проч.; все это хранится какъ святыня. Еще не задолго до моего пріѣзда, здѣсь происходила одна изъ рѣдкихъ уже въ настоящее время дуэлей *на штосъ* (на шпагахъ); но что студенты въ Іенѣ рубятся еще довольно часто, доказываютъ картины подобныхъ сценъ развѣшенныя въ окнахъ здѣшнихъ книжныхъ магазиновъ. Бываютъ также по-старому студенческіе поѣзды по городу въ колесницахъ съ разными символическими изображеніями и затѣйливыми костюмами для осмѣянія современныхъ лицъ или явленій; напримѣръ недавно былъ поѣздъ, имѣвшій цѣлью представить, что Нѣмцы только пишутъ, а ничего не дѣлаютъ. Отъ названныхъ корпорацій отличаются *бурше-*

---

[1] Прежде студенты раздѣлялись на *ландсманшафты* по странамъ или областямъ, откуда они были родомъ; но такъ какъ въ послѣдствіи въ каждый отдѣлъ стали принимать молодыхъ людей безъ строгаго различія ихъ мѣстнаго происхожденія, то въ новѣйшее время и отмѣнено первоначальное названіе этихъ отдѣловъ, которые однакожь во многихъ мѣстахъ еще носятъ по старой памяти имена: Саксонцевъ, Франковъ, Вестфальцевъ и т. п. Нѣмецкая литература не оставляетъ безъ вниманія ни одного явленія народной жизни, и въ прошломъ году появились двѣ книги, выставляющія наружу все безобразіе извѣстной стороны германскаго студенческаго быта. Вотъ ихъ заглавія: 1) *Deutsche Studentenlieder des 17 und 18 Jahrhunderts*, von Keil и 2) *Modernes Studententhum. Eine satirisch-didaktische Humoreske.*

шафты, которыхъ цѣль есть охраненіе чистой нѣмецкой національности и строгой нравственности. Управленіе университета тоже остается старинное: мѣстное начальство принадлежитъ проректору; главноначальствующій же, великій герцогъ, носитъ званіе ректора. Правила пріема въ студенты тѣ же что и въ другихъ университетахъ, то-есть чтобы быть записаннымъ въ это званіе нужно предъявить такъ называемое свидѣтельство зрѣлости; но къ слушанію лекцій допускаются молодые люди и безъ этого условія.

Одинъ изъ любимыхъ здѣшнихъ профессоровъ есть Куно Фишеръ, преподающій философію. Я былъ у него на двухъ лекціяхъ изъ логики, которымъ онъ, не смотря на сухость предмета, умѣлъ придать чрезвычайную живость и увлекательность. На первой лекціи онъ говорилъ объ атомахъ, единицахъ и числахъ, разбиралъ значеніе ариѳметическихъ дѣйствій и доказывалъ, что счисленіе не подвигаетъ духа въ развитіи, а доставляетъ ему только извѣстный навыкъ (Fertigkeit). Предметомъ второй лекціи было опредѣленіе качествъ матеріи и различія между жидкими и плотными тѣлами. Въ бѣдной и даже не совсѣмъ опрятной аудиторіи, посреди восьмидесяти молодыхъ людей, которые съ напряженнымъ вниманіемъ ловили каждое слово профессора, я чувствовалъ живо, что значитъ соединеніе науки и таланта, не поддерживаемыхъ никакими внѣшними приманками или соблазнами.

Я былъ также на двухъ лекціяхъ извѣстнаго филолога Шлейхера; онъ читалъ предъ немногочисленною аудиторіей о формахъ склоненія въ индо-европейскихъ языкахъ, показывая ихъ родство, и о старо-нѣмецкомъ языкѣ, и читалъ съ такою живостію, какую можетъ дать только истинная любовь къ наукѣ. Дѣятельность Шлейхера изумительна: читая въ университетѣ почти ежедневно по два часа, онъ прилежно участвуетъ въ изданіи филологическаго журнала и безпрестанно печатаетъ замѣчательныя изслѣдованія, въ кругъ которыхъ входятъ и славянскіе языки; но за то онъ встаетъ постоянно въ 5-мъ часу утра, и не знаетъ почти никакихъ другихъ развлеченій кромѣ работы въ своемъ садикѣ и гимнастики. Онъ, какъ мнѣ показалось, человѣкъ правдивый, энергическій, всѣмъ интересующійся. Въ молодости готовился онъ въ богословы и уже проповѣдывалъ въ церквахъ, но страсть къ изученію языковъ

увлекла его на нынѣшнее поприще; въ Іенѣ онъ еще недавно; прежде занималъ онъ лѣтъ семь каѳедру въ Пражскомъ университетѣ, но недовольный тамошнимъ своимъ положеніемъ, принялъ съ восторгомъ неожиданный вызовъ въ Іену. Домъ, въ которомъ живетъ Шлейхеръ, служилъ нѣкогда жилищемъ поэту Фоссу, имя котораго и читается въ крупныхъ буквахъ на одной изъ наружныхъ стѣнъ. Въ Іенѣ почти на каждомъ шагу встрѣчаются на домахъ имена прежнихъ славныхъ жильцовъ ихъ, съ означеніемъ и годовъ, когда они тутъ жили. Эти надписи подѣланы года три тому назадъ по случаю празднованія трехсотлѣтняго юбилея университета. Замѣчателенъ домъ, въ которомъ жилъ бывшій здѣсь профессоромъ Шиллеръ, статуя котораго при этомъ торжествѣ поставлена здѣсь въ саду; двѣнадцать дѣвицъ возложили на нее тогда вѣнки, ими самими плетенные, и пѣли хоромъ въ честь поэта. Близъ статуи положенъ гранитный камень, большая рѣдкость въ здѣшнемъ краю. Домъ Шиллера сохранилъ прежній видъ свой только съ наружной стороны; внутри все уже подверглось измѣненію. Дня два спустя я былъ въ Веймарѣ, гдѣ вы на каждомъ шагу встрѣчаете воспоминанія литературной славы этого города въ портретахъ и статуяхъ Гете, Шиллера, Гердера, Виланда и др., разставленныхъ въ окнахъ магазиновъ; здѣсь и внутренность дома Гете осталась неприкосновенною. Мнѣ хотѣлось проникнуть туда, но нынѣшній владѣлецъ дома, внукъ геніальнаго писателя, заперъ двери его для всѣхъ путешественниковъ, и ни для кого не допускаетъ исключенія: я долженъ былъ удовольствоваться лѣстницею и собраніемъ разставленныхъ на ней художественныхъ произведеній и рѣдкостей.—Говоря о надписяхъ на домахъ въ Іенѣ, нельзя забыть и той, которая сдѣлана была мѣломъ надъ окномъ университетскаго карцера и долго красовалась тамъ: „гостиница академической свободы.“

Миновавъ Франкфуртъ на Майнѣ, перелетѣлъ я по знаменитой горной дорогѣ, посреди множества селеній, въ виду живописнаго Шварцвальда, черезъ рѣку Некаръ—въ Гейдельбергъ. Здѣшній университетъ, также сохраняющій до сихъ поръ старинный характеръ, основанъ въ 1346 году курфирстомъ Рупрехтомъ I, по образцу Парижскаго, съ монастырскими учрежденіями. Студенты жили по факуль-

тетамъ, подъ надзоромъ своихъ наставниковъ, въ особыхъ коллегіяхъ, которыя назывались бурсами. Такимъ образомъ это, рядомъ съ Пражскимъ, древнѣйшій въ Германіи университетъ. Онъ очень скоро пріобрѣлъ знаменитость, благодаря особенно своей богатой библіотекѣ, и уже въ первое время имѣлъ болѣе пятисотъ студентовъ. Онъ былъ преобразованъ въ эпоху реформаціи по мысли Меланхтона. Одинъ изъ курфирстовъ учредилъ особую коллегію, гдѣ недостаточные студенты находили безплатно жилище, содержаніе и книги. Къ числу здѣшнихъ профессоровъ нѣкогда принадлежалъ знаменитый Пуффендорфъ. Присоединеніе Гейдельберга къ Баденскимъ владѣніямъ въ 1802 году было для университета счастливымъ обстоятельствомъ. Великій герцогъ Карлъ Фридрихъ, обогативъ его новыми средствами, сдѣлался какъ бы вторымъ основателемъ его, почему съ тѣхъ поръ этотъ университетъ и носитъ названіе Ruperto-Carolina. Между здѣшними студентами, которыхъ болѣе шестисотъ, много достаточныхъ людей; въ корпораціи, подобныя іенскимъ, принимаютъ только такихъ молодыхъ людей, которые представятъ ручательство, что будутъ получать изъ дому не менѣе опредѣленной суммы въ годъ (чуть ли не 3000 талеровъ). Они щеголяютъ въ разныхъ формахъ и одна изъ нихъ похожа на гусарскую: къ ней принадлежатъ ботфорты и шитая золотомъ куртка. Многіе носятъ бархатныя шапочки, шитыя также золотомъ и серебромъ, которыя продаются уже готовыя въ магазинахъ, и стоятъ болѣе десяти талеровъ каждая; ихъ надвигаютъ на лобъ и прикрѣпляютъ ремнемъ, проведеннымъ къ затылку.

Я нашелъ здѣсь знакомаго, молодаго Б., который съ отличнымъ успѣхомъ занимался въ Петербургскомъ университетѣ и теперь доканчиваетъ въ Гейдельбергѣ свое образованіе. Онъ платитъ здѣсь за слушаніе лекцій по двумъ предметамъ 30 гульденовъ въ семестръ, да за пользованіе библіотекой 7 ½ гульденовъ (гульденъ составляетъ 60 коп. серебромъ), такъ что все содержаніе обходится ему около 100 талеровъ въ мѣсяцъ, что̀ конечно не дешево. Мы вмѣстѣ отправились на лекцію историка Гейссера (Häusser), читающаго о французской революціи. На каѳедру взошелъ здоровый, плотный мущина, съ крупными чертами лица, и во все время говорилъ стоя. Мастерски охарактезировавъ Робеспьера и вообще терроризмъ, онъ распро-

странился о жалкомъ состояніи тогдашняго французскаго общества, въ которомъ все низошло на степень посредственности, такъ какъ всякое проявленіе таланта подвергалось неумолимому гоненію отъ тиранической власти. Картину несчастныхъ результатовъ терроризма Гейсеръ заключилъ замѣчаніемъ: „многіе думаютъ, что возрожденіе Германіи невозможно безъ пролитія крови; но справедливо ли это? что̀ было послѣдствіемъ терроризма во Франціи?—диктатура Наполеона и военный деспотизмъ, возбудившій вскорѣ всеобщую ненависть.“ Эта лекція была такъ хороша, такъ богата фактами и вмѣстѣ замѣчательна самобытнымъ взглядомъ на нихъ, что я на другой день опять пошелъ слушать Гейссера. Лекціи его производятъ на слушателей сильное впечатлѣніе, что̀ въ первый разъ и обнаружилось при мнѣ легкимъ постукиваніемъ ногъ при выходѣ профессора изъ аудиторіи. Онъ уже восьмнадцать лѣтъ постоянно читаетъ лекціи по исторіи французской революціи, продолжая безпрерывно изучать источники; можно представить себѣ, какъ великъ накопившійся у него запасъ матеріяловъ, а при его искусствѣ въ разработкѣ ихъ, результатъ не можетъ не быть блистательный.

Въ Гейдельбергѣ живетъ еще другой извѣстный историкъ, нынѣ экспрофессоръ Гервинусъ, который пишетъ теперь исторію XIX столѣтія, но еще болѣе извѣстенъ своею подробною исторіей національной поэзіи Нѣмцевъ. Я его навѣстилъ въ его уютномъ домикѣ по ту сторону Неккара, на берегу рѣки. Мнѣ описывали его человѣкомъ страннымъ и необщительнымъ; я вовсе не нашелъ этого: мы бесѣдовали долго и между прочимъ о Россіи, настоящее положеніе которой очень интересуетъ его. При своемъ умѣренно-либеральномъ образѣ мыслей, Гервинусъ высказалъ мнѣ по этому предмету нѣсколько очень здравыхъ замѣчаній.

Еще посѣтилъ я въ этомъ городѣ, чтобъ услышать добрый совѣтъ, знаменитость другаго рода, доктора Хеліуса или, какъ здѣсь говорятъ, Шеліуса. Въ 8 часу утра я уже не засталъ его: молодой человѣкъ, который мылъ на дворѣ экипажъ, сказалъ мнѣ что Herr Geheimerath отъ 7 до 8 часовъ читаетъ лекцію, а оттуда отправится въ госпиталь, потомъ будетъ ѣздить по городу, по своимъ больнымъ, въ часъ будетъ кушать; застать же его можно послѣ обѣда въ

3 часа. Когда я вторично пришелъ, въ назначенное время, человѣкъ, мывшій поутру экипажъ, теперь преважно сидѣлъ въ бѣломъ галстукѣ передъ входомъ въ покои г. тайнаго совѣтника, и показалъ мнѣ дорогу въ кабинетъ. Старикъ почтеннаго вида сидѣлъ у письменнаго стола и, казалось, ждалъ посѣтителей. Разспросивъ меня съ большимъ вниманіемъ, и высказавъ свое мнѣніе, онъ съ привѣтливою улыбкой пожелалъ, чтобъ его совѣтъ послужилъ мнѣ впрокъ. Я уже прежде слышалъ отъ нѣкоторыхъ Русскихъ хорошіе отзывы о Хеліусѣ; на меня онъ также произвелъ пріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что его совѣтъ, устранявшій всякое строгое лѣченіе и открывавшій передо мною близкую перспективу знакомства съ Швейцаріей, совершенно соотвѣтствовалъ собственнымъ моимъ желаніямъ.

Чѣмъ далѣе паръ уносилъ меня на югъ, тѣмъ виды становились интереснѣе: горы смѣнялись долинами, по обѣ стороны дороги мелькали красивыя сторожки (оригиналы Петергофскихъ); наконецъ явился самъ Рейнъ, въ плоскихъ берегахъ, но окаймленный цѣлымъ рядомъ городовъ и деревушекъ. Между пассажирами былъ Еврей изъ Франкфурта на Майнѣ, который съ женой своею ѣхалъ во Фрейбургъ. Хотя одежда ихъ ничѣмъ не отличалась отъ общеупотребительной, однако нельзя было ошибиться въ ихъ національности, по рѣзкому типу ихъ лицъ. Мужъ былъ поразителенъ своимъ невѣдѣніемъ: я никакъ не могъ растолковать ему различіе между Фрейбургомъ Баденскимъ, куда онъ ѣхалъ, и Фрейбургомъ Швейцарскимъ, и хотя я прибѣгнулъ къ помощи карты, онъ продолжалъ все-таки смѣшивать оба города и въ своемъ дорожникѣ читалъ о швейцарскомъ Фрейбургѣ...

Я. ГРОТЪ.

ИЗЪ ИСТОРІИ

ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА [1]

Извѣстно, что вскорѣ послѣ того какъ расколъ отдѣлился отъ церкви и образовалъ самостоятельное общество, въ немъ произошло внутреннее распаденіе, вслѣдствіе котораго явились двѣ главныя секты — поповщинская и безпоповщинская. Первая, желая сохранить характеръ церковности, которою такъ дорожили предки раскольниковъ, признала нужду священства, и для отправленія богослуженія и разныхъ требъ стала принимать бѣглыхъ поповъ отъ православной церкви; другая, оставаясь болѣе послѣдовательною въ приложеніи основнаго ученія раскольниковъ объ истребленіи православія во всемъ мірѣ и наступленіи временъ антихриста, рѣшительно отвергла нужду священства и совершеніе таинствъ, какія признавала необходимыми, предоставила простолюдинамъ изъ своей среды. Обѣ секты, какъ всегда бываетъ въ обществѣ, основанномъ на ложныхъ началахъ, раздробились потомъ на множество отдѣльныхъ толковъ, большею частію враждебныхъ одинъ другому. Особенно важное значеніе между безпоповщинцами, въ началѣ XVIII вѣка, пріобрѣла секта поморская, благодаря талантамъ и усиліямъ двухъ знаменитыхъ учителей, братьевъ Денисовыхъ, которые

[1] Преданія о Преображенскомъ кладбищѣ, сообщаемыя въ этой статьѣ, почерпнуты изъ одной (не многимъ извѣстной) рукописи, въ которой они записаны большею частію по разказамъ самихъ Преображенцевъ.

утвердили средоточіе этой секты въ пресловутомъ Выгорѣцкомъ монастырѣ. Тогда же образовалась въ безпоповщинѣ секта ѳедосѣевцевъ, которой въ послѣдствіи суждено было пріобрѣсти не менѣе важное значеніе въ исторіи раскола, какъ и сектѣ поморской. Основатель ея, нѣкто Ѳеодосій, дьячокъ Крестецкаго яма, человѣкъ, какъ видно изъ его дѣйствій, довольно умный и предпріимчивый, первоначально принадлежалъ къ поморскому толку; но потомъ отдѣлился отъ него, вслѣдствіе несогласія въ нѣкоторыхъ пунктахъ ученія. Несогласія касались главнымъ образомъ: 1) вопроса о томъ, какъ писать титло на крестѣ Спасителя:—поморцы писали: царь славы Ісусъ Христосъ сынъ Божій, а Ѳеодосій училъ, что должно писать: Ісусъ Назорянинъ царь Іудейскій,—2) вопроса, касательно пищи покупаемой на торгу, у православныхъ,—Ѳеодосій, вопреки ученію поморянъ, признавалъ необходимымъ очищать ее молитвами, какъ оскверненную [1]. По поводу этихъ разногласій у поморцевъ съ ѳедосѣевцами происходила полемика [2], и послѣдніе, несмотря на всѣ усилія Денисовыхъ возстановить согласіе, отдѣлились отъ поморянъ. Раздѣленіе усилилось еще болѣе, когда ѳедосѣевцы узнали, что поморяне въ 1739 г., по случаю извѣстной коммиссіи Самарина, сдѣлали постановленіе молиться за царя [3]: за это они признали ихъ рѣшительно еретиками и въ насмѣшку прозвали вмѣсто поморянъ, самарянами, примѣнясь къ фамиліи Самарина. Что̀ касается внѣшняго положенія ѳедосѣевцевъ,

---

[1] Объ этихъ пунктахъ различія, какъ главныхъ, писалъ въ послѣдствіи и Андрей Денисовъ въ своемъ примирительномъ посланіи къ ѳедосѣевцамъ: „что бо умствуютъ? въ ересь тяжку, глаголютъ, поморскіе пустынножители впадоша не пищуще на Животворящемъ Крестѣ четырмя буквами, знаменанными Пилатомъ: І. Н. Ц. І. Оле тяжкія таковыя хулы!“ И „за покупаемое съ торжищъ брашно осуждаютъ ны тяжцѣ, скверноядѣніемъ ся и достойнымъ отреченія хульствуютъ и брашна покупаемая скверна и нечиста, увы, дерзостно именуютъ“. (Андр. Іоан. ч. II стр. 19).

[2] Ѳеодосій не одинъ разъ ходилъ для состязаній въ Выгорѣцкій монастырь и писалъ къ поморцамъ „предложеніе о догматѣхъ и о титлѣ“.

[3] На поморцевъ сдѣланъ былъ доносъ правительству, что они не молятся за царя и для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ, въ Выгорѣцкомъ монастырѣ, наряжена была особая коммиссія подъ начальствомъ чиновника Самарина. Тогда-то въ монастырѣ составленъ былъ совѣтъ и для предотвращенія непріятностей, „нужды ради“, сдѣлано постановленіе поминать, гдѣ слѣдуетъ, на молитвахъ царское имя.

то въ первое время послѣ отдѣленія отъ поморянъ, оно было довольно трудно: имъ не удавалось нигдѣ утвердиться прочно и жили они большею частію отдѣльными небольшими кружками въ разныхъ мѣстахъ Россіи и Польши, даже въ Австріи и Пруссіи. Только во второй половинѣ XVIII вѣка они пріобрѣтаютъ особенно важное значеніе въ исторіи раскола, именно когда успѣли прочно утвердиться въ Москвѣ. Исторія основанія и утвержденія здѣсь ѳедосѣевской общины, ея распространенія и быстрыхъ успѣховъ, сообщившихъ ей огромное вліяніе на всѣ безпоповщинскія секты, представляетъ немало любопытнаго и достойнаго вниманія, особенно потому что даетъ понятіе о средствахъ, какими распространялся расколъ въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, и о характерѣ раскольниковъ этого времени.

Въ половинѣ XVIII вѣка, когда расколъ распространился и процвѣталъ, можно сказать, во всѣхъ концахъ Россіи,—въ Москвѣ, бывшей нѣкогда разсадникомъ его и средоточіемъ, было весьма незначительное число раскольниковъ, особенно безпоповщинскаго толка. Ихъ можно было насчитать не болѣе десяти семействъ, и положеніе ихъ было самое жалкое. Отмѣченные особеннымъ знакомъ на платьѣ (желтымъ козыремъ), они бѣгали общества, не смѣли показываться, особенно у кремлевскихъ стѣнъ и на многолюдныхъ улицахъ; народъ смотрѣлъ на нихъ съ презрѣніемъ и питалъ отвращеніе къ нимъ; о нихъ ходили различные нелѣпые разказы, такъ что образовалось убѣжденіе, что съ безпоповщинцемъ страшно встрѣтиться и жить вмѣстѣ. Особенно трудно было ихъ существованіе въ царствованіе императрицы Анны, когда они могли только по ночамъ, тайно и съ величайшею осторожностію, собираться для отправленія своихъ службъ въ нѣсколькихъ избахъ, построенныхъ въ самомъ глухомъ мѣстѣ тогдашней Москвы,—на берегу Яузы и близъ Хапиловскаго пруда. Императрица Екатерина облегчила ихъ участь: имъ позволено было ходить безъ козырей, и они могли теперь жить по своимъ обычаямъ, не обращая на себя особеннаго вниманія; съ этого времени начинаются у нихъ сношенія съ иногородными, и между ними большее значеніе начинаютъ пріобрѣтать приходившіе изъ Новгорода ѳедосѣевцы. Они составили отдѣльное общество, правда, незначительное,—оно

состояло не болѣе, какъ изъ двадцати семействъ, но тѣсно соединенное глубокимъ отвращеніемъ къ православной церкви; преданіе говоритъ, что всякое прикосновеніе „церковниковъ“ къ ихъ вещамъ они считали осквернеіемъ, никогда не впускали ихъ въ свои домы, и если кто изъ православныхъ по какому-либо случаю являлся къ нимъ, они позволяли ему подходить только къ крыльцу, и здѣсь грубо, съ явною неохотою, оканчивали всѣ объясненія, послѣ чего весь домъ окуривали ладономъ, чтобъ очистить, какъ говорили, запахъ аріанскій; проходя мимо церквей они зажимали носъ и затыкали уши, чтобы „не обонять воню діавола и не слыхать львинаго рыканія“, отъ православныхъ не принимали пасхальнаго привѣтствія и новый годъ начинали съ сентября, а не съ января: „чернокнижникъ Брюсъ, говорили они, велѣлъ такъ считать, а міръ созданъ 1-го сентября“; и въ доказательство приводили то, что тогда уже поспѣли яблоки, потому что Евва спѣлымъ яблокомъ соблазнила Адама. Тѣсно соединенные этою общею имъ ненавистію къ православной церкви, ѳедосѣевцы сходились вмѣстѣ для отправленія своихъ службъ, состоявшихъ главнымъ образомъ въ продолжительномъ чтеніи псалмовъ и молитвъ. Они имѣли наставникомъ ярославскаго крестьянина Илью Иванова, который часто приходилъ въ Москву и проживая здѣсь подолгу, перекрещивалъ иногда обращенныхъ имъ въ расколъ разнаго званія людей въ Хапиловскомъ прудѣ, что онъ дѣлалъ обыкновенно по ночамъ. Таинственныя ночныя собранія на берегу пруда обратили на себя вниманіе двухъ московскихъ купцовъ Ѳедора Зенкова и Ильи Ковылина, имѣвшихъ здѣсь усадьбы и фабричныя заведенія; они пожелали познакомиться съ Ильей Ивановымъ; знакомство кончилось тѣмъ, что оба они были перекрещены въ томъ же Хапиловскомъ прудѣ. Это, повидимому, незначительное событіе было чрезвычайно важно для раскольниковъ, ибо въ лицѣ Ковылина они пріобрѣли человѣка, которому расколъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, обязанъ несравненно болѣе, нежели знаменитымъ братьямъ Денисовымъ.

Ѳедосѣевцы, послѣ уклоненія въ расколъ Ковылина и Зенкова, стали собираться для богослуженія въ домѣ послѣдняго, который устроилъ для своихъ единовѣрцевъ общественную

молельню; но эти собранія производились съ соблюденіемъ величайшей осторожности, и вообще ѳедосѣевцы, попрежнему, продолжали скрывать отъ всѣхъ свое существованіе въ Москвѣ. Такъ было до 1771 года: этотъ страшный для Москвы годъ, былъ для ѳедосѣевцевъ счастливымъ годомъ,— изъ бѣдствій Москвы Ковылинъ умѣлъ извлечь существенныя выгоды для своего общества и положить прочное начало его будущаго процвѣтанія. Извѣстно, что въ этомъ году страшная чума и голодъ опустошали столицу. Отъ голода одинаково страдали и бѣдные люди и богатые, такъ какъ по случаю заразы привозъ съѣстныхъ припасовъ въ столицу прекратился; чума въ то же время дѣйствовала съ ужасающею силой, — число ея жертвъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Все это навело такой ужасъ на жителей, что всѣ, кто имѣлъ какую-либо возможность, спѣшили оставить Москву и бѣжали въ сосѣдніе города и селенія. Отсюда возникла новая опасность: бѣжавшіе могли разнести чуму и заразить окрестныя села и города. Правительство видѣло необходимость противодѣйствовать этому новому бѣдствію; но при тогдашнемъ устройствѣ полиціи не видѣло возможности съ успѣхомъ противодѣйствовать ему. Этимъ-то затруднительнымъ положеніемъ и воспользовались Ковылинъ и Зенковъ для утвержденія и распространенія въ Москвѣ своей секты: они придумали испросить у правительства позволеніе учредить на собственное иждивеніе частный карантинъ для осмотра всѣхъ, выходящихъ изъ Москвы, и кладбище для погребенія умершихъ отъ чумы, изъ которыхъ многіе долгое время оставались безъ погребенія. Хлопотать предъ начальствомъ вызвался самъ Ковылинъ, который основательно разчитывалъ на успѣхъ своего предпріятія; принимая казенные подряды кирпича, онъ имѣлъ нѣкоторыя связи съ московскимъ начальствомъ, которое знало его какъ человѣка честнаго и благонамѣреннаго (что онъ принадлежалъ къ сектѣ ѳедосѣевцевъ, объ этомъ едва ли кому было извѣстно); притомъ благотворительная цѣль учрежденія, на которое испрашивалъ онъ позволеніе, должна была отклонить всякое подозрѣніе касательно истинныхъ намѣреній его. Ковылинъ дѣйствительно не ошибся въ разчетѣ. Московское начальство охотно согласилось на его просьбу устроить карантинный домъ, и

даже въ скоромъ времени испросило на то Высочайшее разрѣшеніе [1].

Итакъ Ковылинъ и Зенковъ приступили къ устройству карантиннаго дома. Они наняли у крестьянъ села Черкизова землю, чрезъ которую пролегала дорога изъ Москвы во Владиміръ и другіе города; поставили заставу, построили наскоро нѣсколько домиковъ и задерживали всѣхъ, кто хотѣлъ выйдти изъ Москвы. Ковылинъ и Зенковъ истощали всѣ старанія и средства, чтобъ этимъ людямъ, спасавшимся отъ голода и язвы, какъ скоро поступали они въ карантинъ, доставлялось пропитаніе и уходъ во время болѣзни; всѣ ѳедосѣевцы, жившіе въ Москвѣ, собраны были сюда для служенія и безъ страха ухаживали за больными, даже зараженными чумою; умирающихъ Ковылинъ напутствовалъ исповѣдью; мертвыхъ отпѣвалъ и хоронилъ на своемъ кладбищѣ. Молва обо всемъ этомъ скоро распространилась, и не трудно понять какое впечатлѣніе она должна была произвести на народъ умиравшій отъ голода и язвы, и видѣвшій какъ фурманы въ дегтярныхъ рубашкахъ, пьяные и буйные, ѣздили по улицамъ, желѣзными крюками собирали мертвыхъ, на отвратительныхъ телѣгахъ свозили ихъ на кладбища, и зарывали въ общихъ могилахъ, безъ священническаго отпѣванія и безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ, между тѣмъ какъ у Ковылина голодные получали хорошую пищу, больными не гнушались и мертвыхъ хоронили съ честію. Не удивительно, что къ нему стало появляться много и такихъ людей, которые вовсе не хотѣли оставить Москвы и искали только спасенія отъ голода и чумы. Ковылинъ никому не отказывалъ; каждый приходящій могъ жить въ его заведеніи и пользоваться всѣмъ необходимымъ; для этого онъ только требовалъ отъ нихъ сначала исполненія нѣкоторыхъ особенныхъ обрядовъ, какъ напримѣръ,

---

[1] Коварное намѣреніе Ковылина подъ видомъ благотворительнаго заведенія устроить гнѣздо одной изъ раскольническихъ сектъ понялъ архіепископъ московскій Амвросій и рѣшился воспрепятствовать этому предпріятію. Но ему, по словамъ извѣстнаго писателя о расколѣ, протоіерея Андрея Іоаннова, „поднесена была отъ рукъ ѳедосѣевцевъ смертная чаша.“ Извѣстна печальная судьба этого святителя, убитаго во время чумы возмутившеюся чернью. Мятежъ, по свидѣтельству того же писателя, возбужденъ былъ раскольниками и первый камень брошенъ былъ въ архіепископа ѳедосѣевцемъ Иваномъ Дмитріевымъ. (Изв. о раск. стр. 25).

обычныхъ у ѳедосѣевцевъ семи поклоновъ предъ трапезою и послѣ трапезы; потомъ всѣмъ поступившимъ онъ старался внушить, что бѣдствія язвы и голода произошли отъ никоновской вѣры, что Богъ караетъ ими враговъ своихъ, отступниковъ отъ православія, щепотниковъ, что кто желаетъ спастись отъ этихъ временныхъ бѣдствій и получить вѣчное спасеніе, тотъ долженъ непремѣнно отречься отъ церкви и „переправиться,“ то-есть перекреститься, и всѣмъ, особенно же умирающимъ, предлагалъ это спасительное средство. Подъ страхомъ смерти отъ голода или заразы, которая казалась неизбѣжною въ томъ случаѣ если лишится покровительства Ковылина, легковѣрный народъ не затруднялся исполнять его требованіе. Преданіе свидѣтельствуетъ, что чаны, нарочно для того приготовленные, безпрестанно наполнялись водою для перекрещиванія желающихъ; крестили и такихъ, которые сами уже не въ состояніи были выразить никакого желанія. Случалось даже, что многіе, изнуренные голодомъ и болѣзнію, умирали при самомъ погруженіи въ воду: ихъ хоронили съ отпѣваніемъ, объясняя смерть ихъ тѣмъ, что они не могли перенести свѣта истины, поразившаго ихъ.

Такимъ образомъ карантинъ, устроенный съ разрѣшенія правительства, повидимому съ благотворительною и благонамѣренной цѣлью противодѣйствовать распространенію моровой язвы, неожиданно сдѣлался обителію раскольниковъ безпоповщинской секты, число которыхъ въ самое непродолжительное время увеличилось до того, что прежнихъ карантинныхъ домиковъ, устроенныхъ на скорую руку стало уже недостаточно; построить новыя, болѣе удобныя и просторныя зданія Ковылинъ считалъ необходимымъ и для упроченія будущаго существованія ѳедосѣевской общины, устройство которой онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ уже въ виду и въ то время, когда испрашивалъ у правительства позволеніе на основаніе карантина и кладбища. Чума помогла ему и въ этомъ случаѣ. Тогда въ Москвѣ осталось много домовъ совершенно опустѣлыхъ; нѣкоторые изъ нихъ принадлежали обратившимся въ новую ѳедосѣевскую общину, владѣльцы другихъ или оставили Москву, или умерли отъ чумы. Ковылинъ велѣлъ, безъ всякаго на то права, разломать эти домы, перевезти на купленную у черкизовскихъ крестьянъ землю и изъ пріобрѣтенныхъ такимъ

образомъ матеріяловъ построилъ обширныя помѣщенія, въ которыхъ и размѣстилъ многочисленныхъ членовъ новой раскольнической общины. Многочисленность общины требовала также дать ей какое-либо внутреннее устройство; особенно нуженъ былъ настоятель, который могъ бы завѣдывать ея дѣлами и, въ случаѣ надобности, ходатайствовать за нее предъ правительствомъ. Общимъ голосомъ выбранъ былъ въ настоятели самъ Илья Алексѣевъ Ковылинъ, который съ этого времени еще дѣятельнѣе занялся дѣлами общины.

Итакъ во время самой моровой язвы община московскихъ ѳедосѣевцевъ, основанная Ковылинымъ и Зенковымъ, является уже въ устроенномъ видѣ. Между тѣмъ язва миновалась, а съ тѣмъ вмѣстѣ должно было прекратиться и существованіе устроеннаго Ковылинымъ благотворительнаго заведенія, ибо миновалась нужда, для которой оно основано. Многіе изъ жившихъ въ немъ, поблагодаривъ Ковылина, дѣйствительно обнаружили намѣреніе возвратиться домой, къ прежнему образу жизни, хотя крещеніе, которое они приняли отъ ѳедосѣевцевъ, уже необходимо соединяло ихъ съ общиною. Но Ковылинъ вовсе не для того основалъ кладбище и собралъ въ немъ столько жителей, чтобы потомъ распустить ихъ. Напротивъ, заранѣе предвидя это, онъ заранѣе же обдумалъ и приготовилъ нужныя средства, чтобъ удержать въ общинѣ всѣхъ поступившихъ въ нее во время моровой язвы. Для этого онъ употреблялъ и нравственныя убѣжденія, и болѣе дѣйствительныя матеріяльныя средства. Такъ какъ намѣреніе оставить общину выражали бо́льшею частію люди семейные, то Ковылинъ старался внушить этимъ новымъ членамъ ѳедосѣевскаго толка, что они вѣнчаны въ еретической церкви и браки ихъ нечисты предъ Богомъ, и будутъ наказаны отъ Него; что они должны непремѣнно расторгнуть ихъ и начать жизнь безбрачную, какую ведутъ всѣ члены ѳедосѣевскаго согласія,—и сдѣлать это они обязаны тѣмъ болѣе, что Богъ избавилъ ихъ отъ ужасной смерти, и что, въ противномъ случаѣ, ихъ снова постигнетъ гнѣвъ Божій и наказаніе еще болѣе тяжкое, нежели какого они избѣгли. Воспоминаніе о недавнихъ ужасахъ смерти придавало этимъ увѣщаніямъ особенную силу и легковѣрные невольно подчинялись имъ. Еще сильнѣйшимъ побужденіемъ остаться въ общинѣ служило то

обстоятельство, что имѣніе поступившихъ въ нее во время язвы, какъ будетъ сказано, Ковылинъ хитро умѣлъ обратить въ собственность общины; такимъ образомъ отъ общины зависѣло теперь и ихъ матеріяльное существованіе. Что̀ касается до людей безбрачныхъ, то между прочимъ довольно сильнымъ побужденіемъ остаться въ общинѣ служили для нихъ и самыя учрежденія ея, съ которыми они могли уже познакомиться: несмотря на требованіе жизни безбрачной, община смотрѣла весьма снисходительно на непозволенныя связи съ женщинами. Наконецъ, для тѣхъ и другихъ немаловажнымъ побужденіемъ было и то, что община представляла готовый пріютъ и всякое продовольствіе, не требуя никакихъ особенныхъ трудовъ. Благодаря этимъ средствамъ, община основанная Ковылинымъ не распалась и по прекращеніи чумы.

Удержавъ такимъ образомъ въ общинѣ тѣхъ, кого успѣлъ привлечь въ нее во время моровой язвы, Ковылинъ, для обезпеченія ея будущаго существованія, считалъ необходимымъ заняться особенно приведеніемъ въ строгій порядокъ ея внѣшняго и внутренняго устройства. Вновь-построенныхъ зданій на первый разъ было достаточно для помѣщенія общины; онъ озаботился теперь устройствомъ трапезы и молитвеннаго дома, и оба зданія скоро были построены. Обширная молельня имѣла видъ простой четвероугольной избы съ осмиконечнымъ крестомъ; внутри ея всѣ стѣны были обвѣшаны старинными иконами въ богатыхъ окладахъ, принадлежавшими прежде различнымъ членамъ общины. Предположено было поставить въ ней иконостасъ, но не могли найдти для него большихъ мѣстныхъ иконъ древняго письма; въ послѣдствіи, однакожь, Ковылинъ посредствомъ низкаго обмана успѣлъ пріобрѣсть для часовни весьма древнія и дорогія мѣстныя иконы изъ церкви Св. Анастасіи, что̀ на Неглинной, близь Кузнецкаго моста [1]. Построивъ часовню, Ковылинъ пожелалъ дать своей

---

[1] Исторія похищенія иконъ довольно любопытна; она показываетъ, къ какимъ средствамъ прибѣгалъ Ковылинъ для достиженія своихъ цѣлей. На Неглинной, близь самой церкви Анастасіи, у него былъ погребъ иностранныхъ винъ, который привлекалъ многихъ посѣтителей. Въ числѣ ихъ часто являлся священникъ упомянутой церкви. Ковылинъ сблизился съ нимъ, поощрялъ въ немъ слабость къ вину, и одинъ разъ, послѣ обильныхъ возліяній, предложилъ ему за значительную сумму отдать

общинѣ видъ монастыря, и даже запретилъ ѳеодосѣевцамъ называть ее иначе. Для соблюденія наружнаго сходства съ монастыремъ, онъ назначилъ всѣмъ живущимъ въ общинѣ особенную одежду: мущинамъ кафтаны, отороченные чернымъ сукномъ, съ тремя складками на лифѣ, застегивавшіеся напереди восьмью пуговицами, и сапоги непремѣнно на каблукахъ; женщинамъ—черныя бархатныя, или плисовыя повязки на голову, черные китайчатые сарафаны и такого же цвѣта платки. Такъ какъ ученіе ѳедосѣевцевъ воспрещало брачную жизнь, то на преображенскомъ кладбищѣ мущины и женщины размѣщены были въ особыхъ зданіяхъ, раздѣленныхъ низкою дощатою стѣной. Но Ковылинъ вовсе не хотѣлъ чрезъ это противодѣйствовать распространенію разврата; онъ напротивъ готовъ былъ поощрить его, желая поскорѣе увидѣть новое поколѣніе ѳедосѣевцевъ, которыхъ надѣялся воспитать въ духѣ совершенной преданности новой общинѣ. И, какъ извѣстно, въ монастырѣ дѣйствительно скоро появилось значительное, притомъ постоянно возраставшее, число такъ-называемыхъ „воспитанниковъ Ильи Алексѣевича“, для которыхъ устроены были особые пріюты, гдѣ ихъ обучали уставному чтенію, письму, пѣнію, вообще давали приличное для ѳедосѣевца образованіе. Для соблюденія порядка въ новомъ монастырѣ, Ковылинъ ввелъ нѣкоторыя, строго исполнявшіяся, правила: у часовни по-

---

старинные мѣстные образа изъ его церкви, а на мѣсто ихъ поставить копіи, приготовленныя Ковылинымъ, и довольно искусно сдѣланныя. Тотъ согласился и образа поступили въ собственность ѳедосѣевской общины. Похищеніе однакожъ скоро было замѣчено, и священникъ отданъ подъ судъ. Опасаясь лишиться драгоцѣннаго пріобрѣтенія, Ковылинъ передалъ иконы для сохраненія одному крестьянину Черкизова, Данилѣ Керову, у котораго онѣ лежали семь лѣтъ, зарытыя во ржи; въ то же время ѳедосѣевцы распустили слухъ, что иконы сгорѣли во время какого-то небывалаго пожара. Когда же слѣдствіе было прекращено, онѣ украсили иконостасъ преображенской часовни. Послѣ этого ѳедосѣевцы начали разглашать, что находящіяся у нихъ иконы пріобрѣтены ими изъ большаго Успенскаго собора, и этимъ, писалъ въ свое время Андрей Іоанновъ, „многихъ изъ чернаго народа смутили такъ, что нѣкоторые и по сіе время при тѣхъ мысляхъ остались, что образа взяты изъ собора, тѣмъ паче что они похожи на соборные, какъ я и самъ ихъ видѣлъ; но еще, по моему замѣчанію, виднѣе и лучше: ибо соборные весьма потемнѣли.“ Ковылинъ не забылъ священника, который оказалъ ему такую важную услугу и изъ-за него отставленъ былъ отъ мѣста: онъ постоянно выдавалъ ему денежный пенсіонъ по 25 р. въ мѣсяцъ.

вѣшена была желѣзная доска, и по ударамъ въ эту доску всѣ немедленно должны были собираться къ службамъ; чинно отправлялись вечерня, утреня и часы; послѣ часовъ всегда служили панихиду по умершихъ отъ мороваго повѣтрія. По окончаніи службы, всѣ въ порядкѣ и съ пѣніемъ отправлялись въ трапезу въ предшествіи очереднаго, который несъ икону, обернутую по краямъ въ бѣлое полотенце, и, пришедши въ трапезу, полагалъ ее на приготовленный аналой; наставникъ читалъ молитву Господню, затѣмъ всѣ дѣлали обычное число земныхъ поклоновъ и чинно садились за столъ; среди общаго молчанія раздавался только голосъ читавшаго житіе празднуемаго святаго; прислужники разносили пищу, всегда постную, или изъ овощей. По окончаніи трапезы всѣ пѣли: „достойно есть,“ опять клали обычное число поклоновъ, и въ прежнемъ порядкѣ слѣдовали за иконою въ молельню, гдѣ и оставляли ее; затѣмъ всѣ расходились по кельямъ. Женщинамъ не позволялось присутствовать при общественныхъ служеніяхъ и въ одной трапезѣ съ мущинами; въ послѣдствіи для нихъ были устроены отдѣльныя часовня и трапеза, въ которыхъ соблюдался, подъ надзоромъ избраннаго на то наставника, тотъ же самый порядокъ, что и въ мужскомъ отдѣленіи.

Впрочемъ, Ковылинъ чувствовалъ, что для прочнаго существованія „киновіи,“ необходимо ввести въ ней строгій уставъ, правила котораго, соблюдаемыя всѣми ѳедосѣевцами, были бы почитаемы засвято, и тѣсно связывали бы всѣхъ съ общиною. Для пріобрѣтенія податнаго устава онъ ѣздилъ въ знаменитый Выгорѣцкій монастырь, гдѣ его принимали съ большимъ почетомъ. Но правила поморскаго согласія, какъ и надлежало ожидать, не могли удовлетворить его; особенно невыгодно подѣйствовало на него, что въ молельнѣ выгорѣцкой приносили молитвы за царя, „страха ради Самарина“, какъ говорилъ онъ. Итакъ осмотрѣвъ бытъ выговскаго общежитія и заимствовавъ изъ него нѣкоторыя учрежденія, казавшіяся ему полезными для его общины, онъ пріѣхалъ въ Москву безъ устава. Около этого времени, какъ онъ возвратился отъ поморянъ, въ его общину поступилъ одинъ изъ ѳедосѣевцевъ проживавшихъ въ Стародубѣ, нѣкто Петръ Ѳедоровъ, и предложилъ Ковылину принять тамошнія правила; за вѣрнымъ спискомъ этихъ правилъ Ковылинъ послалъ въ Стародубъ самого Петра

Ѳедорова. Когда онъ возвратился оттуда, Ковылинъ съ братіею встрѣтилъ его съ крестнымъ ходомъ за оградой монастыря; потомъ всѣ ѳедосѣевцы собрались въ молельню, выслушали принесенныя правила, одобрили ихъ, и всѣ, начиная съ самого Ковылина, цѣловали крестъ въ томъ, что ненарушимо будутъ соблюдать ихъ. Такимъ образомъ Ковылину удалось ввести въ своей общинѣ строгій уставъ, которымъ онъ надѣялся крѣпче связать членовъ ея между собою и съ кладбищемъ.

Но самымъ сильнымъ средствомъ къ упроченію существованія общины служили не заведенные въ ней порядки общежитія, а огромныя матеріяльныя средства, которыми она располагала, и искусное устройство, какое далъ ей Ковылинъ въ этомъ отношеніи. Ни самъ онъ, ни сотрудникъ его купецъ Зенковъ, не были такъ богаты, чтобы могли содержать собственными средствами поступившихъ къ нимъ въ карантинъ, еще въ самомъ началѣ его основанія, особенно во время голода,—да они и не намѣрены были истощать для этого собственныхъ капиталовъ; напротивъ, у нихъ былъ другой, вѣрный разчетъ продовольствовать поступающихъ на ихъ же собственное иждивеніе, и на средства самихъ поступившихъ въ общину устроить ея существованіе. Планъ ихъ удался какъ нельзя лучше. Перекрещивая приходящихъ, они обыкновенно предлагали имъ, для спасенія души посвятить Богу свое имущество; страшныя явленія смерти, которыя были тогда у всѣхъ предъ глазами и на которыя имъ при этомъ указывали, придавали особенную силу убѣжденіямъ Ковылина и Зенкова. Больные и умирающіе, которымъ было уже не до заботы о земныхъ стяжаніяхъ, охотно дѣлали Ковылина полнымъ распорядителемъ своихъ имуществъ, оставленныхъ при томъ, большею частію, безъ защиты отъ грабителей, которые бродили по Москвѣ, а теперь, какъ думали они, поступавшихъ по крайней мѣрѣ въ добрыя руки и на богоугодное дѣло. Имущество, собранное этимъ средствомъ, было чрезвычайно велико. Ковылинъ имѣлъ сто лошадей, для перевозки кирпича съ своихъ заводовъ; эти лошади были употреблены на перевозку жертвуемыхъ имуществъ; все, что ни было въ домахъ—иконы, бархаты, парчи, наличныя деньги—все свозилось въ кладовыя и погреба Ковылина и Зенкова: извощики, которымъ Ковылинъ поручалъ это дѣло, по разка-

замъ дѣтей ихъ, „такъ искусно очищали домы, какъ будто въ нихъ никто и не жилъ, и все, что ни брали, доставляли въ цѣлости Ильѣ Алексѣевичу, потому что считали смертнымъ грѣхомъ утаить что-либо.“ Свезенное безчисленное имущество Ковылинъ спѣшилъ обратить въ прочный капиталъ: позументы, парчи и всѣ ткани изъ серебра и золота, которыми нѣкогда щеголяли Москвитянки, равно какъ серебряные и золотые оклады съ иконъ, онъ обратилъ въ огромные слитки серебра и золота; наличной же монеты было собрано такъ много, что запасъ ея весьма долго не истощался въ кассѣ кладбища. Правда, по прекращеніи чумы нѣкоторые изъ поступившихъ на кладбище, обратились было къ Ковылину съ просьбою возвратить имъ ихъ имущество и позволить жить попрежнему въ городѣ; но такимъ онъ отвѣчалъ рѣшительно, что кто однажды посвятилъ свой избытокъ Богу, тотъ не можетъ уже требовать обратно своей жертвы. „Посмотрите, говорилъ онъ, на свѣчу, которую вы ставите предъ иконой: она сгараетъ, то-есть Богъ принимаетъ ее себѣ; какъ же можно взять ее обратно? Тоже самое должно сказать и объ имуществѣ, которое вы отдали Богу и которое онъ принялъ.“ Волею, или неволею жертвователи должны были предоставить свое богатство во вседашнее владѣніе общины. Вознагражденіемъ служило для нихъ довольство, какимъ пользовались они въ монастырѣ. Должно замѣтить, впрочемъ, что Ковылинъ умѣлъ прекрасно распорядиться собранными огромными богатствами: это не былъ мертвый капиталъ; напротивъ, онъ пускалъ часть его въ обороты, и чрезъ то сдѣлалъ средства кладбищами неистощимыми. Значительныя суммы, выдаваемыя изъ кассы кладбища, послужили основаніемъ многихъ купеческихъ капиталовъ въ Москвѣ, естественно ставшихъ такимъ образомъ въ зависимость отъ кладбища. Сокровища кладбища охотно содѣйствуя обогащенію многихъ купеческихъ домовъ, помогая имъ въ трудныхъ коммерческихъ оборотахъ, Ковылинъ пріобрѣлъ своему обществу весьма многихъ сильныхъ капиталистовъ, которые поддерживали общину и въ то же время сами тѣсно связаны были съ нею собственными выгодами; многіе извѣстные своимъ богатствомъ купеческіе домы обязаны были своимъ состояніемъ единственно кладбищу, и разумѣется состояли въ числѣ прихожанъ его. Эти тѣсныя связи съ капиталистами и сообщали учрежде-

нію Ковылина чрезвычайную силу, и обезпечивали прочнымъ образомъ его будущее существованіе.

Показанное нами устройство московской ѳедосѣевской общины или Преображенскаго кладбища, подъ именемъ котораго оно извѣстно было до послѣдняго времени, скоро привлекло въ общину весьма многихъ членовъ: одни, большею частію люди бѣдные и бездомные, искали въ ней спокойнаго убѣжища и привольной жизни, которыя дѣйствительно и находили; другихъ и именно людей богатыхъ, или желавшихъ обогатиться, привлекали коммерческія выгоды, какія доставляло кладбище; и спустя какихъ-нибудь двадцать или двадцать пять лѣтъ послѣ моровой язвы въ пріютахъ его считалось 500 человѣкъ обоего пола, и до 3000 прихожанъ, большею частію изъ зажиточныхъ купцовъ, открыто посѣщавшихъ его молельню.

Слухъ о богатствѣ Преображенскаго кладбища и молва о самомъ Ковылинѣ скоро распространились въ иногородныхъ ѳедосѣевскихъ общинахъ, и изъ всѣхъ городовъ: изъ Риги, Ярославля, Пскова, Тулы, Суздаля, Краснаго Холма и др. стали пріѣзжать въ Москву къ Ильѣ Алексѣевичу почетные ѳедосѣевцы искать его покровительства. Ковылинъ понималъ важность такихъ посѣщеній, и рѣшился посредствомъ ихъ распространить вліяніе своей общины на всѣ иногородныя ѳедосѣевскія общества. Пріемы, какіе дѣлалъ онъ пріѣзжающимъ, отличались торжественностію. Ковылинъ былъ видный мущина, имѣлъ очень выгодную наружность, и для сохраненія своего достоинства принималъ посѣтителей сидя въ дорогихъ креслахъ, при чемъ они клали предъ нимъ по семи земныхъ поклоновъ; въ молельнѣ онъ старался произвести на нихъ особенное впечатлѣніе богатымъ украшеніемъ иконъ, стройностію пѣнія и благочиннымъ отправленіемъ службы. Пріѣзжіе ѳедосѣевцы обыкновенно просили при этомъ Ковылина дать имъ, ради общей пользы христіянства пѣвчихъ, образовавшихся въ его обители, и наставниковъ воспитавшихся подъ его руководствомъ. Ковылинъ разумѣется охотно соглашался на такія просьбы, но всегда съ условіемъ, чтобы настоятели иногородныхъ ѳедосѣевскихъ общинъ „крестнымъ цѣлованіемъ утвердили преданность свою и своихъ единовѣрцевъ кладбищу и готовность быть послушными всѣмъ его требованіямъ.“ Съ своей стороны онъ обѣщалъ имъ всякую помощь, даже матеріяльными

средствами кладбища, что̀ дѣйствительно и исполнялъ на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ кладбище сдѣлалось средоточіемъ не только московскихъ, но и всѣхъ иногородныхъ ѳедосѣевскихъ общинъ. Особенную важность для кладбища имѣли связи его съ петербургскими ѳедосѣевцами. Эти послѣдніе, во главѣ которыхъ находился богатый и извѣстный въ Петербургѣ купецъ Косцовъ, просили Ковылина устроить у нихъ общину, по образцу московской. Ковылинъ нарочно не разъ ѣздилъ по этому дѣлу въ Петербургъ, и дѣйствительно успѣлъ здѣсь устроить общину, при чемъ заботился особенно о томъ чтобы поставить ее въ тѣсной связи съ московскою. Эту связь онъ надѣялся поддержать главнымъ образомъ, посредствомъ совѣщаній, на которыя по взаимному рѣшенію Ковылина и Косцова, должны были чрезъ каждые три года съѣзжаться въ Москву всѣ иногородные ѳедосѣевскіе учители. Важное также значеніе для кладбища имѣло близкое знакомство Ковылина съ Косцовымъ, а чрезъ него съ знаменитымъ вельможею княземъ Куракинымъ, съ которымъ Косцовъ находился въ близкихъ отношеніяхъ; самъ Ковылинъ такъ умѣлъ понравиться князю, что онъ между прочимъ писалъ московскому главнокомандующему: „окажите доброму Ильѣ Алексѣевичу помощь въ случаѣ нужномъ“. Это знакомство имѣло для кладбища важныя послѣдствія.

Итакъ, вотъ чѣмъ являются въ самое непродолжительное время тѣ ничтожныя карантинныя строенія, которыя въ 1771 г. поставлены были съ разрѣшенія правительства для пресѣченія дальнѣйшаго распространенія заразы дѣйствовавшей въ столицѣ: на ихъ мѣстѣ является обширное и сильное учрежденіе раскольнической общины, имѣвшей правильное устройство и многочисленныхъ членовъ, обладавшей чрезвычайными матеріяльными средствами, открывшей сношенія со многими городами Россіи и сдѣлавшейся средоточіемъ всѣхъ общинъ ѳедосѣевскаго толка. Нельзя не удивляться, какъ подобное общество могло возникнуть и утвердиться не въ отдаленномъ и глухомъ краю отечества, какъ напримѣръ Выгорѣцкое общежитіе, но среди одной изъ столицъ имперіи, въ глазахъ у гражданскаго и церковнаго правительства. Все дѣло объясняется необыкновеннымъ умѣньемъ Ковылина обращаться съ властями.

Мы замѣтили выше, что по торговымъ сношеніямъ

своимъ Ковылинъ былъ лично извѣстенъ нѣкоторымъ изъ правительственныхъ лицъ Москвы; теперь, когда нужды кладбища дѣлали эти знакомства особенно полезными, онъ видѣлъ необходимость упрочить ихъ еще болѣе. Какъ человѣкъ умный и въ высшей степени хитрый и изворотливый, простотою обращенія и наружнымъ радушіемъ онъ умѣлъ легко расположить въ свою пользу многихъ московскихъ вельможъ. Кромѣ того, онъ не щадилъ богатой казны кладбища, чтобы поддержать это расположеніе милостивцевъ: дѣлалъ имъ роскошные обѣды и большіе подарки. Обѣды Ковылина посѣщались очень усердно многими вельможами, любившими широкій русскій разгулъ [1]. Пользуясь расположеніемъ правительственныхъ лицъ Москвы, Ковылинъ при каждомъ удобномъ случаѣ выпрашивалъ у нихъ различныя льготы для своей общины, казавшіяся для нихъ ничтожными, но въ сущности весьма важныя; хитро отвлекая вниманіе отъ своихъ замысловъ, онъ заставлялъ ихъ смотрѣть сквозь пальцы на возникшее близъ Преображенскаго, на мѣстѣ прежняго карантина, учрежденіе, важности котораго они, разумѣется, совсѣмъ не понимали.

Благодаря такимъ отношеніямъ къ Ковылину московскаго правительства, въ царствованіе императрицы Екатерины, Преображенское кладбище возникло и устроилось безпрепятственно. Но съ восшествіемъ на престолъ императора Павла, покровительствовавшаго православію и духовенству Православному, кладбище подверглось неожиданной опасности: московскій главнокомандующій получилъ высочайшее повелѣніе уничтожить его. Ковылинъ отправился въ Петербургъ ходатайствовать чрезъ тамошнихъ друзей о помило-

---

[1] Въ какихъ близкихъ отношеніяхъ къ московскимъ знаменитостямъ находился Ковылинъ, это хорошо показываетъ слѣдующій анекдотъ: однажды гости такъ сильно подгуляли у Ковылина, что не замѣтили, какъ онъ разсадилъ ихъ, шутки ради, по чужимъ экипажамъ,—губернатора посадилъ въ карету оберъ-полиціймейстера, этого послѣдняго также въ чужую и т. д. Кучера развезли баръ и разумѣется каждый изъ нихъ попалъ въ чужой домъ. И эта дерзкая продѣлка не имѣла никакихъ худыхъ послѣдствій для Ковылина: напротивъ доставила всѣмъ немало забавы. „Время то было христіянское.“ прибавляютъ, разсказывая этотъ случай старики-вѣдосѣвцы, „никто не посѣтовалъ, но тѣшились сему смѣшенію весьма долго, благодаря Илью Алексѣевича за угощеніе.“ Понятно однакожъ, что на такую опасную шутку съ людьми сильными могъ рѣшиться только человѣкъ находившійся къ нимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ.

ваніи. Но не всякій могъ рѣшиться ходатайствовать о такомъ дѣлѣ предъ императоромъ Павломъ. И Ковылинъ два раза ни съ чѣмъ долженъ былъ возвратиться изъ Петербурга. Зато ему не измѣнили московскіе друзья его. Высочайшій указъ долженъ былъ привести въ исполненіе оберъ-полицеймейстеръ В—въ; Ковылинъ явился къ нему на поклонъ и поднесъ, съ помощію своего товарища Милованова, большой пирогъ начиненный червонцами. Полицеймейстеръ скоро уразумѣлъ вкусъ этого пирога, благодарилъ Ковылина за хлѣбъ-соль, и, какъ говоритъ преданіе, „не тревожилъ общину Ильи Алексѣевича исполненіемъ указа.“ А между тѣмъ скоро послѣдовала кончина императора и дѣло объ уничтоженіи кладбища было предано совершенному забвенію.

Настало кроткое царствованіе Александра Павловича; императоръ объявилъ о своемъ вступленіи на престолъ манифестомъ, въ которомъ между прочимъ обѣщалъ полную религіозную свободу въ своемъ государствѣ всѣмъ вѣроученіямъ. Ковылинъ ожилъ; онъ чувствовалъ, что настало самое благопріятное для него время. Онъ рѣшился привести, и дѣйствительно привелъ, въ исполненіе самые смѣлые планы свои касательно кладбища: только старость и приближавшаяся смерть тревожили его и заставляли опасаться, что не успѣетъ совершить всего что задумалъ: „еслибъ мнѣ пожилось подолѣе,“ часто говорилъ онъ своимъ близкимъ друзьямъ, „я показалъ бы всѣмъ что могъ я сдѣлать.“ Въ царствованіе Александра, и особенно въ первое десятилѣтіе его, когда живъ былъ Ковылинъ, преображенское кладбище дѣйствительно приведено было въ цвѣтущее состояніе, и получило многія права упрочившія его существованіе.

Ковылинъ съ перваго раза понялъ, какія выгоды могъ онъ извлечь изъ манифеста, въ силу котораго его община становилась подъ покровительство законовъ, и поспѣшилъ воспользоваться выгодами своего положенія. Прежде всего онъ предложилъ богатымъ московскимъ ѳедосѣевцамъ сдѣлать пожертвованія для построенія каменныхъ зданій кладбища; желаніе уважаемаго настоятеля всѣ спѣшили исполнить съ величайшею готовностію. Ковылинъ хотѣлъ, чтобъ устройство и расположеніе замышляемыхъ имъ великолѣпныхъ построекъ кладбища соотвѣтствовали внутрен-

нему характеру общины. Призванъ былъ лучшій московскій архитекторъ и назначилъ мѣста для зданій и ограды. Немедленно приступили къ исполненію плана. Сначала приступили къ постройкѣ помѣщенія для женскаго отдѣленія кладбища, на которое огромную сумму пожертвовалъ купецъ Грачевъ, такъ что самое зданіе въ послѣдствіи названо Грачевскимъ. Чрезъ три года оно было совершенно кончено, и Ковылинъ перенесъ въ него свою богатую молельню: предъ иконами, блиставшими золотомъ и драгоцѣнными камнями, затеплились двадцати-фунтовыя свѣчи; право отправлять службу въ этой молельнѣ Ковылинъ предоставилъ самимъ женщинамъ. Строеніе прочихъ зданій шло также успѣшно.

Продолжая пользоваться снисхожденіемъ объявленнымъ въ манифестѣ, Ковылинъ въ то же самое время поспѣшилъ привести въ исполненіе другое важное предпріятіе. Самымъ страшнымъ для общины лицомъ въ Москвѣ, котораго Ковылинъ особенно не любилъ и опасался, былъ, какъ и надлежало ожидать, московскій митрополитъ Платонъ. Душа этого пастыря болѣла, когда онъ видѣлъ, какъ въ его паствѣ усиливался подъ покровительствомъ сильныхъ людей опасный и безнравственный расколъ. Сильнымъ и теплымъ словомъ старался онъ удержать православныхъ отъ уклоненія въ обольстительныя сѣти раскола распространяемаго Ковылинымъ, и возвратить къ церкви тѣхъ, кто имѣлъ неосторожность попасть въ нихъ. Пастырскія увѣщанія митрополита Платона, впрочемъ, не слишкомъ безпокоили Ковылина, хотя онъ зналъ, что нѣкоторые изъ его согласія, вслѣдствіе этихъ увѣщаній, начали колебаться и выражать готовность присоединиться къ церкви: онъ умѣлъ ослабить силу его проповѣди и зналъ, какъ удержать недовольныхъ въ своей общинѣ [1]. Ковылина озабочивало

---

[1] Вотъ примѣръ того, какъ Ковылинъ дѣйствовалъ въ подобныхъ случаяхъ. Однажды въ великій постъ, онъ пригласилъ на обѣдъ знатнѣйшее московское общество и велѣлъ приготовить роскошный скоромный столъ. Въ то же время пригласилъ къ себѣ тѣхъ изъ ѳедосѣйцевъ, которыхъ подозрѣвалъ въ намѣреніи отложиться отъ кладбища: для нихъ былъ приготовленъ самый скромный постный обѣдъ. Самъ Ковылинъ занялся угощеніемъ собравшихся вельможъ. Нѣкоторые изъ нихъ съ удивленіемъ замѣтили ему, какъ это онъ позволилъ у себя въ постъ приготовить мясное? Ковылинъ отвѣчалъ, что ради друзей постъ разрѣшается, что по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ. Послѣ вкуснаго обѣда гости пере-

собственно то, что митрополитъ Платонъ, какъ высшее правительственное лицо въ духовенствѣ московскомъ, имѣлъ законное право наблюдать въ столицѣ за всѣмъ что̀ касается вѣры, и такимъ образомъ самое кладбище состояло въ нѣкоторой отъ него зависимости, которая угрожала ему дѣйствительною опасностію, хотя доселѣ Ковылинъ умѣлъ искусно отклонять ее [1]. Сдѣлать кладбище совершенно независимымъ отъ духовной власти, подчинить его единственно вѣдѣнію гражданскаго правительства, съ которымъ такъ умѣлъ онъ обращаться: вотъ планъ, который хотѣлъ Ковылинъ привести въ исполненіе, пользуясь благопріятнымъ временемъ. Хлопотать по этому дѣлу онъ отправилъ въ Петербургъ купца Грачова, на котораго вполнѣ могъ положиться, объяснивъ ему предварительно со всею подробностію къ кому онъ долженъ обратиться, чтобъ испросить высочайшее разрѣшеніе на просьбу кладбища, чрезъ кого дѣйствовать, какъ и какія долженъ представить основанія для своей просьбы и т. п. Грачовъ дѣйствовалъ съ замѣчательнымъ искусствомъ: вездѣ, куда ни являлся хлопотать по своему дѣлу, онъ лгалъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ,—называя кладбище ничтожнымъ заведеніемъ, дающимъ пріютъ нѣсколькимъ десяткамъ престарѣлыхъ и безпріютныхъ стариковъ и старухъ, на счетъ нѣкоторыхъ благотворителей изъ московскаго купечества, валялся въ ногахъ и плакалъ, прося покровительства этому богоугодному заведенію; богатые петербургскіе вѣдосѣвцы тѣсно связанные, какъ мы видѣли, съ Преображенскимъ кладбищемъ, усердно помогали ему, посредствомъ своихъ связей съ вельможами. Наконецъ, чрезъ князя К—на Грачовъ успѣлъ получить высочайшее разрѣшеніе—называть впредь

шли въ другую комнату, въ которой столы въ подобныхъ случаяхъ всегда покрывались бутылками дорогаго вина. Въ это время Ковылинъ ввелъ собранныхъ у него вѣдосѣвцевъ, которые только что кончили свою скудную трапезу, въ комнату, гдѣ обѣдали гости и показывая имъ на остатки мясныхъ блюдъ, сказалъ: „посмотрите, какъ тѣшатся въ великій постъ исповѣдники православія платоновскаго; не угодно ли и вамъ подражать имъ? Ихъ вѣра разрѣшаетъ все!“ Съ воплемъ ужаса выбѣжали раскольники изъ комнаты и обѣщали положить животъ за православіе Ильи Алексѣевича.

[1] Довольно вѣроятно, что вслѣдствіе представленія Платона императоръ Павелъ сдѣлалъ извѣстное намъ опредѣленіе касательно уничтоженія кладбища.

Преображенское кладбище богадѣленнымъ домомъ и подчинить его одному полицейскому надзору. Исходатайствованное Грачовымъ разрѣшеніе императора—считать кладбище учрежденіемъ гражданскимъ развязало руки Ковылину; оно совершенно освобождало его изъ-подъ зависимости отъ митрополита Платона, который принялъ извѣстіе объ этомъ разрѣшеніи съ великимъ огорченіемъ и, какъ самъ говорилъ, обращеніе ѳедосѣевцевъ къ православію долженъ былъ предоставить теперь единственно волѣ Господа; напротивъ, кладбище переходило теперь вполнѣ въ вѣдѣніе главнаго начальника Москвы. Ковылинъ явился къ графу Т—ну, скоро умѣлъ заслужить его полное расположеніе, и приступилъ къ исполненію чрезъ него новыхъ предпріятій въ пользу кладбища.

Въ зависимости отъ губернатора, главнымъ и единственнымъ распорядителемъ кладбища оставался самъ Ковылинъ. Очень естественно, онъ желалъ, чтобъ и послѣ него управленіе кладбищемъ предоставлено было вполнѣ его настоятелямъ; но основательно опасаясь, что не каждый настоятель можетъ въ достаточной степени обладать нужными для этого званія талантами и довѣріемъ общества, онъ считалъ необходимымъ учредить, такъ-называемыхъ попечителей, которые были бы избираемы общимъ голосомъ отъ лица всей общины, и содѣйствовали настоятелю въ управленіи кладбищемъ. На избраніе попечителей онъ находилъ нужнымъ испросить согласіе гражданскаго начальства, чтобъ это, такъ-сказать, внутреннее правительство кладбища могло дѣйствовать самостоятельно въ своихъ распоряженіяхъ. Ковылинъ явился къ графу Т—ну съ просьбою, дать ему помощниковъ для хозяйственнаго управленія и для разбирательства дѣлъ возникающихъ въ кладбищѣ: „у меня же, батюшка графъ“, прибавлялъ онъ, „есть на примѣтѣ почтенные старички и тебѣ извѣстные—Шкаринъ, Садовниковъ, Грачовъ, Красиловъ, Заикинъ, Никифоровъ: благоволи, ваше сіятельство, утвердить моими помощниками“. Причины, представленныя Ковылинымъ въ объясненіе того, почему онъ просилъ себѣ помощниковъ, были такъ благовидны и основательны, что графъ не замедлилъ дать полное согласіе на его просьбу. И съ этого времени внутреннее управленіе кладбища должно было состоять постоянно изъ настоятеля и извѣстнаго числа попечителей.

Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ царствованія императора Александра, пользуясь объявленнымъ имъ снисхожденіемъ ко всѣмъ вѣроученіямъ, Ковылинъ положилъ основаніе богатымъ зданіямъ кладбища, большею частію существующимъ доселѣ, и успѣлъ исходатайствовать ему два важныя права,—право называться богадѣленнымъ домомъ, съ которымъ соединялось подчиненіе кладбища одному гражданскому правительству,—и право имѣть постоянное внутреннее управленіе, состоящее изъ настоятеля и попечителей кладбища.

Первыя удачи внушили Ковылину смѣлость попытаться привести въ исполненіе еще одно чрезвычайно дерзкое предпріятіе,—именно выхлопотать ѳедосѣевскому согласію покровительство государя, одинаковое съ православнымъ исповѣданіемъ. Съ этою цѣлію онъ собралъ попечителей кладбища и предложилъ имъ: не хотятъ ли они, въ ознаменованіе своей преданности государю, за всѣ его благодѣянія, назвать Преображенскій богадѣленный домъ Александровскимъ? Предложеніе это было совершенно противно правиламъ ѳедосѣевскаго толка, который не почиталъ царской власти и какъ мы видѣли, за то особенно питалъ непріязнь къ поморскому, что въ немъ приносились молитвы за царя: поэтому предложеніе Ковылина нѣкоторыми изъ ѳедосѣевцевъ принято было съ такимъ неудовольствіемъ, что они отдѣлились отъ кладбища, составили особое общество и устроили свою молельню.[1] Но Ковылинъ не такъ строго смотрѣлъ на правила своего согласія, или, быть-можетъ, видѣлъ возможность совмѣстить внѣшнее уваженіе къ предержащей власти, изъ котораго могъ извлечь многія выгоды для своего общества, съ внутреннимъ отрицаніемъ ея достоинства и значенія; вообще же замѣтно какъ въ немъ, такъ и во всѣхъ богатыхъ прихожанахъ кладбища, преобладающее стремленіе къ прочному обезпеченію и устройству внѣшняго, матеріяльнаго существованія кладбища, хотя бы то съ ущербомъ для правилъ ѳедосѣевскаго толка. Оттого, несмотря на возникшее несогласіе въ прихожанахъ кладбища по поводу предложенія Ковылина назвать богадѣленный домъ

---

[1] Въ главѣ недовольныхъ стоялъ мѣщанинъ Кондратъ Ѳедотовъ, въ домѣ котораго устроена была и часовня, гдѣ собиралось это общество, названное по его имени кондратьевцами.

Александровскимъ, знатнѣйшіе изъ нихъ рѣшили испросить на то согласіе императора. Съ этою цѣлію Ковылинъ приготовилъ на высочайшее имя прошеніе, искусно составленное, состоявшее изъ нѣсколькихъ пунктовъ. Прося государя принять кладбище подъ свое покровительство и выражая надежду, что онъ удостоитъ своего посѣщенія ихъ богадѣленный домъ, гдѣ для него, какъ для будущаго покровителя общины, они приготовили уже особыя кресла,— ѳедосѣевцы въ то же время ходатайствуютъ предъ нимъ между прочимъ о повелѣніи совершенно освободить кладбище отъ зависимости синода, не ограничивать числа желающихъ поступать въ него, предоставить кладбищу полное право владѣть и распоряжаться завѣщанными ему движимыми и недвижимыми имуществами, и никому не давать отчета въ своихъ оборотахъ. Само собою разумѣется, что это прошеніе, исполненіе котораго сравняло бы въ правахъ ѳедосѣевское согласіе съ православнымъ исповѣданіемъ, не имѣло успѣха.

Впрочемъ неудача эта, какъ ни была она непріятна, не-остановила Ковылина отъ новыхъ попытокъ къ возвышенію своей общины. Достигнувъ того, что кладбище признано было учрежденіемъ гражданскимъ, Ковылинъ видѣлъ въ то же время, что прихожане кладбища все еще числились принадлежащими къ приходамъ московскихъ церквей, хотя, разумѣется, не ходили въ нихъ и не принимали православныхъ священниковъ; особенно стѣснены были въ этомъ отношеніи иногородные ѳедосѣевцы. Онъ рѣшился ходатайствовать о совершенной независимости ѳедосѣевцевъ отъ православнаго духовенства и о распространеніи этого права на всѣхъ иногородныхъ членовъ ѳедосѣевскаго толка. Хлопотать по этому дѣлу въ Петербургѣ отправился самъ Ковылинъ. Черезъ князя К—на онъ подалъ государю прошеніе, въ которомъ раскрылъ, какія будто бы незаконныя притѣсненія дѣлаютъ священники старообрядцамъ, зачисляя ихъ въ метрическихъ книгахъ въ число своихъ прихожанъ, и какія отсюда возникаютъ раззорительныя для нихъ и обременительныя для правительства тяжбы, и въ заключеніе просилъ высочайшаго повелѣнія: исключить изъ метрическихъ книгъ по приходамъ всѣхъ старообрядцевъ. Повелѣніе дѣйствительно послѣдовало, но касалось только московскихъ безпоповщинцевъ. Это чрезвычайно огорчило

Ковылина. Совершенно разстроенный, съ заплаканными глазами, вошелъ онъ въ кабинетъ къ князю К—ну, гдѣ этотъ послѣдній обыкновенно принималъ его: „Бога небоишься, князь“, сказалъ онъ, „печь, да не допечь! Твоими милостями облагодѣтельствованы московскіе старообрядцы; на что же похоже, чтобъ ихъ единовѣрцы мучились да плакали? Похлопочи, чтобы указецъ-то былъ и для всего общества, чтобъ намъ не драли глазъ, вотъ-де московскіе счастливы, а мы иногородные бѣдняки горюемъ, — тревожатъ насъ попы.“ Князь старался успокоить расплакавшагося старика, а онъ продолжалъ плакаться: „или князь не доволенъ нами? прогнѣвался за что? Умилосердися, мы тебѣ поклонимся всѣмъ нашимъ бытіемъ“. Князь уступилъ такимъ жалобнымъ просьбамъ и чрезъ нѣсколько дней вручилъ Ковылину указъ, которымъ всѣ ѳедосѣевцы освобождались отъ записыванія въ приходскія вѣдомости.

Довольный и торжествующій возвращался Ковылинъ изъ Петербурга, но дорогой простудился, и въ Москву воротился больной; немедленно далъ онъ знать графу Т—ну о своемъ пріѣздѣ, извиняясь, что по болѣзни не можетъ къ нему явиться. Графъ просилъ его не безпокоиться, сказалъ, что самъ у него будетъ, и дѣйствительно со всѣмъ семействомъ пріѣхалъ навѣстить Илью Алексѣевича, при чемъ долго бесѣдовалъ съ нимъ объ успѣхахъ его въ Петербургѣ. О новомъ указѣ въ пользу ѳедосѣевцевъ скоро узнали въ иногородныхъ ѳедосѣевскихъ общинахъ. Выборные изъ этихъ общинъ пріѣхали въ Москву благодарить Ковылина за его, какъ говорили, „подвиги по христіянству.“ Ковылинъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ упрочить вліяніе кладбища на иногородныя ѳедосѣевскія общины: онъ взялъ съ выборныхъ обѣщаніе, чтобы съ этого времени наставники во всѣхъ ѳедосѣевскихъ общинахъ въ Россіи были поставляемы не иначе, какъ съ утвержденія настоятеля и попечителей Преображенскаго кладбища, отъ которыхъ должны получать и грамоты на сіе званіе. Чрезъ это всѣ иногородныя ѳедосѣевскія общины стали въ ближайшую зависимость отъ Преображенскаго кладбища.

Выхлопотавъ столько правъ кладбищу и всему ѳедосѣевскому согласію, Ковылинъ, безъ сомнѣнія, много сдѣлалъ бы и еще для усиленія и распространенія раскола въ Москвѣ и по городамъ, еслибы смерть не пресѣкла наконецъ

его дѣятельность. Онъ умеръ въ 1309 году. Московскіе и ближайшихъ мѣстъ ѳедосѣевцы собрались на его похороны; ихъ плачъ и стонъ прерывали отпѣваніе. Многія знатныя особы, хорошо помня гостепріимство и щедрость Ковылина, съѣхались также на кладбище бросить горсть земли на могилу почтеннаго Ильи Алексѣевича.

Смерть Ковылина была для Преображенскаго кладбища событіемъ великой важности. Кладбище лишилось въ Ковылинѣ человѣка, которому обязано своимъ началомъ, который въ продолженіе съ небольшимъ тридцати лѣтъ умѣлъ привести его въ самое цвѣтущее состояніе, оградивъ притомъ его существованіе многими правами, и котораго никто уже не былъ въ состояніи замѣнить для этой общины; не менѣе горестна была эта потеря и для всего ѳедосѣевскаго толка, для котораго онъ сдѣлалъ такъ много. Дѣйствительно, нельзя не признать въ Ковылинѣ человѣка весьма замѣчательнаго по своимъ талантамъ. Не имѣя никакого образованія, но обладая въ высшей степени хитрымъ и тонкимъ умомъ, равно какъ чрезвычайною предпріимчивостью и смѣлостью, онъ успѣлъ въ столицѣ, на глазахъ у гражданской и духовной власти, основать, устроить, привести въ цвѣтущее состояніе и поставить подъ покровительство законовъ такое общество, которое не признаетъ ни церкви, ни законной государственной власти. При своемъ необыкновенномъ умѣньѣ узнавать людей и обращаться съ ними, несмотря на свое низкое происхожденіе, онъ успѣлъ войдти въ тѣсныя связи съ знатными вельможами своего времени, искусно узналъ ихъ слабости и умѣлъ употреблять ихъ въ свою пользу. Въ своемъ собственномъ кругу, въ отношеніяхъ къ своимъ единовѣрцамъ, онъ представляетъ полное олицетвореніе раскольника лицемѣрнаго, наружнымъ благочестіемъ прикрывающаго самые грубые пороки, полагающаго всю силу благочестія въ соблюденіи извѣстныхъ обрядовъ [1]. Проповѣдуя постъ и воздержаніе, самъ онъ

---

[1] Ѳедосѣевцы, дѣйствительно, считали Ковылина великимъ праведникомъ Еще при жизни его между ними ходили разказы о восхищеніи его въ рай. По этому случаю одинъ изъ поморянъ (Ѳедоръ Аникинъ) написалъ сатирическое сочиненіе, съ колкими насмѣшками надъ ѳедосѣевцами; сочиненіе имѣетъ заглавіе: „занимательная, дива и любопытства исполненная повѣсть о восхищеніи въ рай Ильи Алексѣева главы ѳедосіанской церкви и о видѣніи его въ ономъ единовѣрцевъ и любимыхъ его въ чудной славѣ.“ (см. Словарь Цавла Любопыт. изд. 1861 г. стр. 145.)

соблюдалъ его только въ общихъ трапезахъ; говоря о воздержаніи страстей, онъ въ то же время потворствовалъ разврату: самъ часто посѣщалъ одинъ богато отдѣланный на его счетъ домъ въ Лефортовской части, въ которомъ жила нѣкая мѣщанка Анна Дмитріевна; на допосы о безнравственной жизни кого-либо изъ принадлежащихъ къ кладбищу, онъ отвѣчалъ обыкновенно, что „тайно содѣянное, тайно и судится;“ нѣкоторые изъ богатыхъ прихожанъ кладбища даже испрашивали у него позволеніе имѣть наложницъ: „не возбраняется,“ отвѣчалъ онъ на такія просьбы, „утолять похоть, да не обуревается человѣкъ нечистымъ помысломъ;“ и вообще держался самъ, и другимъ совѣтовалъ держаться того правила, что, какъ говоритъ онъ, „не павши не спасешься.“ Чтобы видѣть въ какое состояніе этотъ предпріимчивый и хитрый человѣкъ привелъ кладбище, состоявшее первоначально изъ нѣсколькихъ ничтожныхъ карантинныхъ домиковъ, гдѣ искали пріюта спасавшіеся отъ голода и моровой язвы, для этого достаточно замѣтить, что послѣ его смерти, кладбище состояло изъ нѣсколькихъ обширныхъ каменныхъ зданій, правильно расположенныхъ и обнесенныхъ каменною оградой, изъ которыхъ нѣкоторыя были уже совершенно отдѣланы, другія приводились къ окончанію; что въ немъ проживало болѣе 1.500 человѣкъ обоего пола, получавшихъ отъ кладбища обильное содержаніе, и въ одной Москвѣ оно имѣло до 10.000 прихожанъ, изъ которыхъ большая половина пользовалась отъ него значительными вспоможеніями [1]; въ такъ-

---

[1] Перекрещиваніе вновь поступавшихъ въ общину производилось попрежнему въ Хапиловскомъ прудѣ, только уже въ нарочно-устроенной для этого удобной купальнѣ; перекрещиваніемъ занимались, большею частію, такъ-называемые наставники; иногда, впрочемъ, и самъ Ковылинъ совершалъ это дѣло надъ бѣглыми людьми всякаго званія, послѣ чего обыкновенно говорилъ имъ: слава Богу! вы теперь переправились, идите—живите съ христіянами. Перекрещивали также и въ Москвѣ-рѣкѣ, которую при этомъ ѳедосѣевцы называли Іорданомъ-рѣкой; здѣсь обыкновенно перекрещивались поступавшіе въ общину купца Семена Михайлова. Эта община, состоявшая въ полной зависимости отъ кладбища, находилась въ Серпуховской части, на урочищѣ „озеркахъ,“ здѣсь жили по преимуществу бѣглые раскольники, такъ какъ самое положеніе общины въ одномъ изъ наиболѣе глухихъ концовъ Москвы, представляло много удобствъ для безопаснаго укрытія такого рода людей. Около 1809 г. въ этой общинѣ считалось 150 человѣкъ.

называемой дѣтской палатѣ, гдѣ подъ именемъ воспитанниковъ Ильи Алексѣевича, помѣщались незаконнорожденные дѣти жившихъ въ кладбищѣ, обучаясь здѣсь грамотѣ и пѣнію, по смерти Ковылина состояло 200 малолѣтныхъ дѣтей: значительное число это объясняется тѣмъ, что кладбище въ своихъ стѣнахъ давало вѣрный пріютъ разврату, охотно принимая въ дѣтскую палату подкидышей со всей Москвы; нерѣдко случалось, что въ тайныхъ мѣстахъ кладбища находили мертвыхъ младенцевъ, и все это совершалось безнаказанно. „Антихристовы приставники," говорятъ ѳедосѣевцы, называя такъ полицію, „не дерзали вмѣшиваться въ дѣла обители [1]"; кромѣ того въ зависимости отъ кладбища состояло множество иногородныхъ ѳедосѣевскихъ общинъ въ губерніяхъ Ярославской, Тверской, Новгородской, Рижской, Нижегородской, Саратовской, Казанской, Симбирской, на Дону и Кубани: всѣ онѣ получали отъ кладбища наставниковъ и покупали въ его конторѣ богослужебныя книги. Не говоримъ о тѣхъ важнѣйшихъ заслугахъ Ковылина кладбищу, что онъ обезпечилъ его существованіе, испросивъ ему нѣкоторыя гражданскія права и поставивъ его даже подъ покровительство законовъ [2].

---

[1] Въ число воспитанниковъ Ковылина поступали иногда и дѣти православныхъ. Онъ позволялъ проживавшимъ у него иногороднымъ женщинамъ ходить по временамъ на родину и онѣ возвращались нерѣдко приводя съ собою малолѣтныхъ дѣтей, которыхъ брали, или просто похищали у родственниковъ, чтобы воспитать ихъ въ монастырѣ Ильи Алексѣевича, гдѣ, какъ говорили, они не избалуются, но поступятъ въ христіянство.

[2] Помѣщаемъ здѣсь замѣчательный отзывъ о Ковылинѣ раскольническаго писателя Павла Любопытнаго, въ его историческомъ словарѣ старовѣрческой церкви: „Илья Алексѣевъ Ковылинъ, московскій купецъ; главный членъ ѳедосіанской церкви сей столицы; рѣдкій буквалистъ и твердой памяти; мужъ былъ даровитый, смѣлый, предпріимчивый и примѣрной ревности благочестія, не разъ торжественно поражавшій лжеученіе никоніазма въ глазахъ вельможъ и обожателей его; не разъ побѣждалъ явныя заблужденія, старообрядцевъ и слѣпоту нѣтовщины. Онъ былъ общій и отличный покровитель всѣхъ церквей старовѣрства отъ владыкъ міра и насилія іерархіи его, тщательный строитель великолѣпнаго и огромнаго зданія въ Москвѣ на Преображенскомъ кладбищѣ и пожертвовавшій оному своимъ имуществомъ до трехъсотъ тысячъ рублей на вѣчное его существованіе. А при сихъ важныхъ отличій, онъ былъ рѣдкій собиратель священныхъ предметовъ древности и предковъ своихъ твореній, соборовъ и мышленій догматизма и обычаевъ. Милость его къ страждущимъ за благовѣстіе православія и угнетающимъ бѣдствіями міра,

Понятно отсюда, какъ дорогъ былъ этотъ человѣкъ для Преображенскаго кладбища и для всего ѳедосѣевскаго согласія, и какую чувствительную потерю оно понесло съ его смертію. Дѣйствительно отсутствіе этого человѣка скоро почувствовалось. Хотя Ковылинъ, повидимому, хорошо обезпечилъ порядокъ внутренняго управленія въ своей общинѣ, и она никогда не имѣла недостатка въ людяхъ умныхъ и распорядительныхъ, но замѣнить самого Ковылина было уже трудно. Настоятелемъ послѣ него избранъ былъ купецъ Гончаровъ; попечители остались прежніе. Гончаровъ былъ умный человѣкъ и, повидимому, поставленъ былъ на своемъ мѣстѣ; но онъ не могъ уже внушить къ себѣ того безотчетнаго довѣрія и повиновенія со стороны принадлежащихъ къ кладбищу, какимъ пользовался Ковылинъ. Ковылинъ распоряжался капиталами кладбища безъ всякаго контроля; отъ новаго настоятеля требовали въ этомъ отношеніи отчетности и самые капиталы почли необходимымъ привести въ извѣстность [1]. Отношенія къ

озаряли всѣ пути его, и возносили они его до небесъ. Отличная его слава за доблести гремѣла по всей Москвѣ, и раздавался звукъ ея въ Петрополѣ, Ригѣ, Астрахани, Нижнемъ и въ прочихъ странахъ благочестія. Онъ жилъ въ мірѣ не для себя, а для церкви и ближнихъ, словомъ, онъ былъ единственный человѣкъ ради церкви и ея созиданій; разительное его краснорѣчіе, живая память, ясный и пріятный его тонъ въ убѣжденіи истинъ, плѣняли каждаго въ его послушаніе, и обращали на него глубокое вниманіе. Впрочемъ при всѣхъ таковыхъ доблестяхъ онъ былъ, къ общему сожалѣнію, отличный бракоборецъ и чтитель постыднаго галилейства, любитель пышной жизни и другой неправственности, по предмету удовлетворенія тѣла. Онъ имѣлъ важный и сановитый видъ: ростъ его былъ высокій, корпусъ красивой, лицо бѣлое и продолговатое, взоръ веселой и пронзительной; брада была у него окладистая, долгая и кругловатая, украшенная сѣдинами; на лбу и верху главы его, время изгладило всѣ власы у него; при первомъ на него взорѣ каждый замѣчалъ, что онъ есть человѣкъ отличный и рѣдкій; въ церкви патріархъ, а въ мірѣ владыка міра. Онъ скончался въ Москвѣ благочестно и погребенъ славно 1809 года, въ августѣ, отъ рожденія своего семидесяти восьми лѣтъ." Любопытный принадлежалъ къ сектѣ поморянъ, враждебной ѳедосѣевцамъ; этимъ объясняется его упрекъ Ковылину въ бракоборствѣ и галилействѣ. О Любопытномъ и его отношеніяхъ къ ѳедосѣевцамъ см. предисловіе къ Словарю Павла Любопытнаго.

[1] При осмотрѣ имуществъ кладбища, въ это время нашли, что общая стоимость пожертвованныхъ кладбищу домовъ (въ томъ числѣ былъ домъ и самого Ковылина), заводовъ, луговъ, земли, рыбныхъ ловель, также золота и серебра (въ монетѣ и слиткахъ), жемчугу и каменьевъ, равнялась болѣе нежели 2.000.000 рублей.

иногороднымъ ѳедосѣевскимъ общинамъ также нѣсколько измѣнились; особенно петербургскіе ѳедосѣевцы не питали уже прежняго уваженія къ кладбищу, и бывшихъ при Ковылинѣ съѣздовъ въ Москву уже не было. Связи съ вельможными лицами также прекратились: новый настоятель и попечители кладбища стали искать у нихъ покровительства черезъ болѣе мелкихъ чиновниковъ, платя значительныя суммы въ канцеляріяхъ генералъ-губернатора и оберъ-полицеймейстера.

Между тѣмъ наступилъ столь памятный для Россіи 1812-й годъ, который и въ исторіи Преображенскаго кладбища составляетъ замѣчательную эпоху. Слухи о приближеніи Французовъ къ Москвѣ побудили настоятеля и попечителей кладбища принять необходимыя мѣры къ сохраненію общины. Весь наличный капиталъ кладбища, всѣ драгоцѣнности, также всѣхъ молодыхъ женщинъ, проживавшихъ въ кладбищѣ, въ числѣ 250, отправили они въ село Иваново, Владимірской губерніи; съ ними поѣхалъ самъ настоятель Гончаровъ и нѣкоторые изъ попечителей. Въ Москвѣ же, въ опустѣлыхъ пріютахъ кладбища, гдѣ остались только старики и нѣсколько женщинъ, о неприкосновенности которыхъ община, какъ видно, не слишкомъ заботилась, поселились нѣкоторые изъ прихожанъ кладбища съ попечителемъ купцомъ Никифоровымъ.

1-го сентября Наполеонъ вступилъ въ Москву; оставшіеся на кладбищѣ ѳедосѣевцы, для спасенія зданій кладбища отъ раззоренія, общимъ совѣтомъ рѣшили отправить посольство къ французскому императору просить его покровительства. Они отыскали гдѣ-то человѣка, знавшаго французскій языкъ; упросили его явиться къ главному начальнику Кремля и объяснить, „что общество древнихъ христіянъ, угнетаемое правительствомъ русскимъ, но имѣющее во всей Россіи своихъ единовѣрцевъ, преимущественно въ простомъ народѣ, признаетъ императора Наполеона своимъ государемъ и проситъ его величество оградить ихъ монастырь отъ всѣхъ военныхъ насилій.“ Съ посланнымъ отправили они глубокую тарелку, наполненную золотою монетой и огромной величины быка, котораго вели двое кладбищенскихъ сторожей. Планъ былъ придуманъ такъ хитро, что въ успѣхѣ его нельзя было сомнѣваться; посланный возвратился съ извѣстіемъ, что дары и покор-

ность кладбища приняты благосклонно и что вслѣдъ за нимъ прибудетъ охранная стража для защиты кладбища. Утромъ 2-го сентября дѣйствительно явился отрядъ французскихъ жандармовъ и открылъ караулы вокругъ кладбища. Преданіе гласитъ, что самъ Наполеонъ, въ сопровожденіи короля неаполитанскаго и съ свитою генераловъ, посѣтилъ Преображенское кладбище, что ѳедосѣевцы встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью и онъ обѣщалъ имъ свое покровительство, и что въ контору кладбища вскорѣ потомъ привезены были станки для печатанія русскихъ ассигнацій. Ѳедосѣевцы умѣли расположить въ свою пользу французскихъ жандармовъ, содержавшихъ караулъ кладбища: Французы, найдя удобства жизни, какихъ они давно уже не видали, хорошее содержаніе, и даже женское общество, усердно охраняли кладбище отъ своихъ голодныхъ соотечественниковъ, которые нерѣдко появлялись въ окрестностяхъ кладбища; въ то же время они предоставили полную свободу живущимъ здѣсь раскольникамъ выходить куда имъ угодно. Пользуясь такимъ образомъ безопасностію и свободою, ѳедосѣевцы старались извлечь выгоды изъ своего положенія. Должно замѣтить, что эти люди всегда радовались бѣдствіямъ отечества и пользовались ими ко вреду церкви и государства. Теперь, вмѣстѣ съ Французами, они занимались расхищеніемъ сокровищъ столицы, оставленной на жертву непріятелямъ, съ тѣмъ различіемъ, что послѣдніе забрали все, что имѣло какую-нибудь цѣнность, они же заботились преимущественно о похищеніи драгоцѣнныхъ для православнаго священныхъ древностей московскихъ. Не мало древнихъ иконъ было похищено ими изъ Срѣтенскаго и другихъ московскихъ монастырей; пренебрегая всѣми опасностями, какія могли встрѣтить въ Москвѣ, наполненной Французами, нерѣдко подвергаясь побоямъ, проникали они въ приходскія церкви и даже въ частные дома, гдѣ надѣялись найдти какую-либо древность; особенно привлекалъ жадные взоры ихъ древній Кремль, въ которомъ оставалось еще много драгоцѣнной русской святыни: и они успѣли-таки пріобрѣсти нѣкоторыя изъ этихъ драгоцѣнностей. Французскіе жандармы охраняли кладбище до 10 октября; вечеромъ этого дня они получили приказаніе выступить въ походъ и на слѣдующее утро отправились, сопровождаемые благословеніями кладбищенскихъ жителей,

снабдившихъ ихъ провіантомъ и деньгами. Такимъ образомъ въ то время когда опустошенная Москва сдѣлалась жертвою пламени, Преображенское кладбище не только осталось неприкосновеннымъ и не потерпѣло никакихъ тяжкихъ лишеній, но, пользуясь бѣдствіями столицы, сдѣлало даже многія безцѣнныя пріобрѣтенія, потеря которыхъ невознаградима для православныхъ храмовъ московскихъ, тогда какъ лишенія, нанесенныя непріятелемъ, скоро вознаграждены были усердіемъ народа.

Между тѣмъ въ Ивановѣ кладбищенскія женщины жили очень удобно и весело. Всѣ заботы объ нихъ взяла на себя дочь попечителя Грачова: за большія деньги наняла для нихъ квартиры въ лучшихъ домахъ; съ избыткомъ доставляла имъ всякое продовольствіе; работники съ фабрики Грачова прислуживали имъ. Въ это время Иваново значительно обогатилось на счетъ общины; но тогда же сильно распространился въ немъ и расколъ, чему особенно способствовали непозволительныя связи, которыя прибывшія раскольницы не замедлили завести и здѣсь. Этимъ путемъ цѣлыя сотни Ивановцевъ уклонились въ расколъ. Какъ скоро получено было извѣстіе о выходѣ непріятеля изъ Москвы, вся община возвратилась изъ Иванова на кладбище.

По возобновленіи Москвы послѣ французскаго года, кладбище существовало на прежнихъ основаніяхъ, въ зависимости отъ гражданскаго начальства. Новый московскій губернаторъ, графъ Т—въ, принялъ Гончарова съ попечителями благосклонно и обѣщалъ покровительство; по ближайшимъ образомъ Преображенскій богадѣленный домъ зависѣлъ отъ оберъ-полицеймейстера, благосклонность котораго покупалъ постоянною платой по 1000 рублей каждомѣсячно. Слѣдя за исторіей кладбища въ царствованіе императора Александра Павловича, мы находимъ, что оно, повидимому, клонилось къ упадку, такъ какъ въ немъ возникали сильныя распри, угрожавшія опасностію даже самому существованію общины, и что вообще внутреннее состояніе его значительно измѣнилось къ худшему; и однакоже, несмотря на это, вліяніе кладбища еще болѣе распространилось въ Москвѣ, и богатства его достигли огромной цифры. Своимъ существованіемъ и процвѣтаніемъ кладбище обязано главнымъ образомъ тому прочному устройству, какое далъ

ему Ковылинъ, и тѣмъ отношеніямъ къ гражданскому начальству, въ какія онъ первоначально поставилъ кладбище, и которыя старались поддержать преемники Ковылина, а еще болѣе само гражданское начальство. Эти отношенія и теперь въ исторіи кладбища стоятъ на первомъ планѣ.

1816 годъ весьма памятенъ въ исторіи Преображенскаго кладбища по возникшей тогда сильной распрѣ между прихожанами, которая угрожала большою опасностію всему московскому обществу ѳедосѣевцевъ. Въ этомъ году кладбище лишилось трехъ попечителей, пользовавшихся общимъ довѣріемъ прихожанъ,—Заикина, Шкарина и Садовникова; нужно было на ихъ мѣсто выбрать новыхъ. Попечитель Грачовъ предложилъ трехъ кандидатовъ; другой богатый прихожанинъ кладбища, купецъ Осиповъ, былъ недоволенъ его выборомъ и предложилъ своихъ четверыхъ кандидатовъ. Вся община раздѣлилась на двѣ половины, поддерживая ту или другую сторону; сторону Грачова особенно сильно поддерживали попечитель Никифоровъ и наставникъ Гнусинъ [1]. Между противниками происходили жаркіе споры; несогласіе дошло наконецъ до того, что спорящіе не стали сходиться въ общественныхъ молельняхъ, и при взаимныхъ встрѣчахъ преслѣдовали другъ друга насмѣшками; общественныя молельни опустѣли [2]. По замѣчанію безпри-

---

1. Никифоровъ былъ приближеннымъ Ковылина, который давалъ ему большія вспомоществованія, изъ кладбищенскихъ капиталовъ. При жизни своего благодѣтеля онъ держалъ себя въ сторонѣ и не вмѣшивался въ дѣла кладбища; но при Гончаровѣ пріобрѣлъ сильное вліяніе на дѣла. Онъ-то настоялъ, чтобы по смерти Ковылина было приведено въ ясность имущество кладбища, и чтобы впредь настоятели производили траты съ разрѣшенія попечителей, которые такимъ образомъ пріобрѣтали большую власть. „За тѣмъ они и приставлены къ настоятелю отъ Ильи Алексѣевича“, говорилъ онъ, „чтобъ общество было покойно насчетъ сбереженія пожертвованныхъ имуществъ, какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ.“ О Гнусинѣ будетъ сказано послѣ.

2 Для объясненія столь сильнаго раздора между прихожанами кладбища надобно замѣтить, что Осиповъ не только предложилъ новыхъ кандидатовъ въ попечители, но и требовалъ привести въ извѣстность расходы кладбища за время управленія прежнихъ попечителей, и особенно опредѣлить, кто изъ прихожанъ состоитъ должнымъ кладбищу и на какую сумму, такъ какъ кладбище, съ самаго основанія никому изъ прихожанъ не отказывало въ помоществованіи. Это послѣднее требованіе особенно не понравилось Никифорову, у котораго была фабрика, построенная на кладбищенскія суммы. Его сторону приняли и другіе купцы, состоявшіе

страстныхъ людей изъ самихъ раскольниковъ для правительства открывался теперь самый удобный случай уничтожить кладбищенскую общину, еслибы только оно желало этого. Основываясь на правахъ кладбища, какъ общества покровительствуемаго законами, Грачовъ и его товарищи обратились для рѣшенія спора во 2-й департаментъ московскаго магистрата съ просьбой утвердить избранныхъ ими попечителей.[1] Осиповъ съ своей стороны сдѣлалъ тоже самое. Изъ магистрата ихъ просьба поступила на разсмотрѣніе губернскаго правленія, которому Грачовъ объяснилъ въ своей просьбѣ, что Осиповъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла кладбища, потому что онъ „новоженъ“,—находится въ супружествѣ, что нетерпимо по уставамъ общества, воспрещающимъ женатое состояніе. Объясняя такимъ образомъ безнравственныя начала своей общины, Грачовъ самъ

должными кладбищу. Не открывая настоящихъ причинъ, почему несогласны на утвержденіе избранныхъ Осиповымъ кандидатовъ, даже не говоря, что не желаютъ имѣть ихъ попечителями, они только предлагали имъ такія условія, на которыя, въ свою очередь, не могли согласиться эти послѣдніе,—именно, они требовали, чтобы назначенные Осиповымъ попечители по избранію безотлучно жили на кладбищѣ, наблюдая за порядкомъ, продажею свѣчъ и проч.,—чтобы приняли на себя ходатайство въ судебныхъ мѣстахъ по дѣламъ всѣхъ прихожанъ, и чтобы всѣ вклады и пожертвованія принимали собща и отдавали отчетъ обществу какъ въ приходахъ, такъ и въ расходахъ. Два первыя условія были неудобоисполнимы для указанныхъ Осиповымъ лицъ, потому что это были богатые купцы (Наковъ, Рожинъ, Шевалдышевъ, Даналовъ), занятые своими торговыми дѣлами, которыхъ не могли же они оставить для кладбища; а послѣднее было оскорбительно и для нихъ, и для Осипова. Такимъ образомъ въ дѣло замѣшались личные интересы и самолюбіе; оттого раздоръ и принялъ такіе широкіе размѣры.

[1] Эта мѣра къ прекращенію спора не только, какъ увидимъ, отдавала кладбище въ руки гражданскаго правительства, которое могло бы законнымъ образомъ уничтожить его, но была опасна для кладбища и по отношенію къ его прихожанамъ. Эти послѣдніе были вообще недовольны тѣмъ, что попечители обратились къ посредству правительства. Наставникъ Антипъ Андреевъ гласно проповѣдывалъ, что „они нарушили Вѣтковскій уставъ (введенный Ковылинымъ, предписывающій истиннымъ христіянамъ не подчиняться суду иновѣрному„. Объявивъ, что „съ таковыми жить душепагубно“, онъ переселился изъ кладбищенскаго пріюта въ собственный домъ въ Лефортовской части, куда собралось къ нему не мало единомышленниковъ. Такимъ образомъ, кромѣ партіи Грачова и Осипова, явилась третья партія, которая также должна была не мало обезсилить кладбище.

отдавалъ ее въ руки законовъ, въ силу которыхъ она могла быть уничтожена. Но губернское правленіе и потомъ графъ Т—въ, на личное разсмотрѣніе котораго поступила тяжба, вовсе не обратили на это вниманія; напротивъ послѣдній употреблялъ всѣ усилія, какъ бы прекратить несогласіе между враждующими, столь опасное для общины, какъ будто именно онъ трепеталъ за существованіе этого столь драгоцѣннаго для нѣкоторыхъ учрежденія. Однакожь, несмотря на всѣ его усилія, примиренія не послѣдовало [1]. Повѣренные той и другой стороны отправились даже въ Петербургъ, хлопотать по своему дѣлу предъ высшимъ начальствомъ. Наконецъ дѣло рѣшено въ пользу Грачова; избранные имъ попечители утверждены.

Такое рѣшеніе сильно озлобило Осипова; кладбище теперь нажило въ немъ опаснаго врага, который рѣшился отмстить за оскорбленіе. Онъ явился къ графу Т—ву съ донесеніемъ, что въ пріютахъ кладбища скрывается много бѣглыхъ и злонамѣренныхъ людей, при чемъ указалъ особенно на одного изъ такихъ, наставника Гнусина. Гнусинъ—лицо замѣчательное въ исторіи кладбища. Онъ былъ, дѣйствительно, бѣглый крестьянинъ; съ фальшивымъ паспортомъ бродилъ по разнымъ мѣстамъ, проповѣдуя расколъ, и еще при Ковылинѣ пришелъ на Преображенское кладбище; здѣсь принялъ его попечитель Никифоровъ и записалъ въ цехъ иконныхъ мастеровъ; вскорѣ онъ сдѣлался наставникомъ, и своимъ ученіемъ пріобрѣлъ большое значеніе на кладбищѣ. Его ученіе было въ высшей степени нечестиво и безнравственно: основаніемъ его служила главная мысль безпоповщинскаго раскола, что антихристъ уже пришелъ и видимо царствуетъ; кромѣ того, онъ старался убѣждать всѣхъ, что бракъ есть дѣло богопротивное, и что напротивъ союзы должны происходить внѣ брака. Свое ученіе онъ изложилъ въ двухъ сочиненіяхъ, въ *Пандектѣ* и *Семитолковомъ евангеліи*, которыя распространялъ въ народѣ по-

---

[1] По порученію губернатора для примиренія спорящихъ пріѣхали на кладбище градскій голова Т—въ и губернскій стряпчій И—въ. Они нашли сторонниковъ Грачова собравшимися въ молельнѣ надъ воротами, а сторонниковъ Осипова, въ лѣтней молельнѣ, и напрасно переходили изъ одной молельни въ другую, уговаривая противниковъ сойдтись и помириться.

средствомъ списковъ. Но главнымъ образомъ онъ распространялъ свое ученіе посредствомъ проповѣди въ кладбищенскихъ пріютахъ, и особенно въ женскомъ отдѣленіи, гдѣ подъ вліяніемъ его ученія расколъ достигъ крайнихъ предѣловъ: много купеческихъ дочерей бѣжали изъ дому и перекрещивались на Преображенскомъ кладбищѣ; число незаконнорожденныхъ постоянно увеличивалось. Все это Осиповъ въ подробности пересказалъ губернатору. Но самымъ главнымъ въ его доносѣ было извѣстіе, что Гнусинъ примѣнительно къ своему ученію объ антихристѣ составилъ оскорбительную для царскаго величія картину, которая хранится на кладбищѣ [1].

Съ помощію значительной суммы денегъ, Гнусинъ успѣлъ узнать въ канцеляріи генералъ-губернатора, что доносъ

---

[1] Картина изображала императора и имѣла надпись „семо пріиди Христе; себо на тя брань готовлю“. Для полноты свѣдѣній о Гнусинѣ приведемъ здѣсь отзывъ о немъ изъ словаря Павла Любопытнаго. Любопытный писалъ о Гнусинѣ, очевидно, подъ вліяніемъ сильной вражды къ нему; тѣмъ не менѣе отзывъ его о знаменитомъ ѳедосѣевцѣ недалекъ отъ истины. „Михаилъ Ивановъ Гнусинъ, семи-именная особа и гражданинъ всей Россіи (намекъ на то, что Гнусинъ съ фальшивыми паспортами странствовалъ подъ разными именами), знаменитый учитель и наставникъ ѳедосіанской церкви въ Москвѣ, рѣдкій буквалистъ, ужасный изувѣръ и злохульникъ святости законовъ. Человѣкъ зломудренный, врагъ евангельскаго мира и священныхъ мужъ: исполненный пустосвятства и обмана, лютый бракоборецъ и наглый чтитель галилейства, возмутившій своимъ зломудріемъ Москву, Петербургъ и прочія страны ѳедосіанъ. Онъ злоумствуя, промыслъ Божій ограничивалъ единственно своею церковію; а прочія подвергалъ подъ скипетръ антихриста. Человѣкъ былъ самонравный, честолюбивый, непокорнаго духа и мстительный, осыпанный съ головы до ногъ злохитростію и нечестіемъ. Небеса, не стерпѣвъ его сатанинскихъ козней, бунтующихъ противъ Господа Саваоѳа, праведно его осудили и предали на вѣчное наказаніе въ Соловецкую лавру 1823 года. Онъ и нынѣ живъ (писано въ 1829 году), томится тамъ въ своемъ изувѣрствѣ и лжесвятствѣ“. Поморцы писали даже сочиненія противъ Гнусина, какъ хитраго распространителя ѳедосіанскаго ученія и человѣка вообще опаснаго для раскольниковъ, напр. „Окружное посланіе ко всѣмъ старовѣрческимъ церквамъ въ Петрополѣ, о хитромъ и хищномъ отъѣздѣ изъ Москвы въ упомянутый градъ московскихъ возмутителей и развратниковъ благочестія Ваньки Ѳедотова съ его лукавымъ и непотребнымъ товарищемъ (Гнусинымъ) и проч., также: „Возвѣщатель всей Поморской церкви въ Петрополѣ о пораженіи небомъ враговъ и супостатовъ Богу, природѣ и Христовой церкви Сергѣя или Михаила Гнусы (намекъ на то, что Гнусинъ принималъ различныя имена,—былъ „семи-именная особа“) и Ваньки Ѳедотова (см. Слов. Любоп. № 173 и 174).

Осипова не только принятъ и уваженъ, но что получено уже и высочайшее повелѣніе схватить виновнаго. Въ ту же ночь онъ бѣжалъ изъ богадѣленнаго дома въ костромскую ѳедосѣевскую общину купца Папулина (въ Судиславѣ). Оберъ-полицеймейстеръ Ш. и самъ графъ Т—въ напрасно употребляли всѣ усилія отыскать бѣглеца. Т—въ пригласилъ къ себѣ настоятеля и попечителей, чтобъ отъ нихъ вывѣдать, куда скрылся Гнусинъ, но не узналъ ничего. Впрочемъ кладбище дорого поплатилось за то, чтобы въ Петербургѣ донесли, что ни въ Москвѣ, ни въ уѣздахъ ея, послѣ строжайшихъ поисковъ, бѣжавшій не отысканъ.

Оберъ-полицеймейстеръ Ш. въ исторіи кладбища пользуется печальною извѣстностію покровителя этой общины, — покровителя, разумѣется, не безкорыстнаго. Въ 1818 году, по случаю закладки на Воробьевыхъ горахъ храма Христа Спасителя, въ Москву прибылъ, въ числѣ другихъ войскъ, батальйонъ Семеновскаго полка, которому пришлось праздновать свой храмовый праздникъ въ Москвѣ: государю угодно было, чтобъ это торжество совершено было въ бывшемъ селѣ Семеновскомъ, гдѣ полкъ получилъ свое начало. Ш. зналъ, что Семеновское наполнено ѳедосѣевцами и предложилъ попечителямъ кладбища воспользоваться случаемъ показать свое усердіе правительству; именно сдѣлать угощеніе для семеновцевъ. „Мое дѣло будетъ“, говорилъ онъ, „представить государю вашу преданность, увеличу вшестеро количество и цѣну всего что̀ пожертвуете; только рѣшитесь для своей пользы, дабы его величество обратилъ на васъ свое благоволеніе.“ Попечители отвѣчали, что издержки для нихъ ничего не значатъ; но они не знаютъ, какъ будетъ искупить потомъ грѣхъ, что служили антихристу. Однакоже представленные оберъ-полицеймейстеромъ выгоды были сильнѣе этихъ опасеній. Въ бывшемъ домѣ Ковылина, который принадлежалъ теперь кладбищу, гвардейцамъ предложено было обильное угощеніе; кромѣ того, для всѣхъ солдатъ приготовлены были мягкія постели, на которыхъ они отдыхали послѣ обѣда. Ш. не ошибся въ разчетахъ: государь приказалъ ему представить попечителей кладбища, за ихъ усердіе, къ наградѣ медалями. Онъ собралъ всѣхъ попечителей и объявилъ имъ, что кто хочетъ получить медаль, долженъ немедленно представить ему 1.000 р. „Дорогонько съ насъ взялъ Александръ Сер-

гѣичъ," разказывалъ въ послѣдствіи попечитель Никифоровъ, „пиръ таки пиромъ; посуду и постели оставилъ себѣ; да за Антихристовы значки по 1.000 р.; а годовой-то окладъ подай ему особо. Но что же дѣлать? отъ міра не прочь; грѣха ради гордости житейской поклонился и я своею тысячью его милости." Неравнодушно также смотрѣла община и на то, что издержки на угощенія оказались слишкомъ велики. Но Стукачовъ, одинъ изъ попечителей, распоряжавшійся угощеніемъ семеновцевъ, говорилъ въ утѣшеніе, что все дѣлалось для будущаго блага, что за то, по милости Александра Сергѣича, у нихъ можетъ жить кто хочетъ, могутъ хоронить и переправлять, кого хотятъ.

Въ 1820 году сдѣланъ былъ губернаторомъ московскимъ князь Г—нъ. Знаменитый вельможа этотъ, не имѣвшій никакого понятія о расколѣ и совершенно не подозрѣвавшій гнусныхъ дѣлъ, какія совершаются на кладбищѣ, принялъ попечителей благосклонно: „молитесь старики Богу," сказалъ онъ, „и будьте покойны." Въ продолженіе двухъ лѣтъ, находясь подъ непосредственнымъ надзоромъ Ш. община существовала покойно. Но одно случайное событіе побудило князя обратить особенное вниманіе на кладбище. Однажды проѣзжая по дорогѣ Стромынкѣ, въ 18 верстахъ отъ Москвы, князь вздумалъ напиться чаю. Увидѣвъ въ сторонѣ хорошо-устроенную усадьбу, онъ послалъ туда попросить воды. Это былъ ѳедосѣевскій монастырь, основанный попечителемъ кладбища, Никифоровымъ; ѳедосѣевцы грубо отказали княжескимъ людямъ. Это обстоятельство внушило Г—ну невыгодное понятіе о кладбищѣ; по пріѣздѣ въ Москву, онъ отдалъ приказаніе немедленно уничтожить общину Никифорова и поручилъ чиновнику своему Т—ву, собрать подробныя свѣдѣнія о Преображенскомъ кладбищѣ; къ сожалѣнію, для выполненія столь важнаго порученія, отъ котораго надлежало ожидать самыхъ благопріятныхъ послѣдствій для церкви, князь выбралъ человѣка не заслуживающаго довѣрія. Правда, Т—въ вполнѣ обладалъ нужною въ этомъ дѣлѣ ловкостію и находчивостію, умѣлъ искусно узнавать все, что̀ ни дѣлалось въ оградѣ кладбища; но онъ не имѣлъ столько честности, чтобы дѣйствовать въ то же время безкорыстно и съ полнымъ безпристрастіемъ; напротивъ онъ принялъ, порученіе князя какъ вѣрное средство составить себѣ состояніе, чего и достигъ вполнѣ. Онъ

скоро оттѣснилъ Ш. отъ непосредственнаго завѣдыванія кладбищемъ. Чрезъ одну старуху-раскольницу, бывшую въ близкихъ сношеніяхъ съ кладбищемъ, которая дотолѣ оказывала ему услуги совершенно въ другомъ родѣ, онъ постарался развѣдать обо всѣхъ секретныхъ дѣлахъ происходившихъ въ кладбищѣ, и обо всемъ подробно разказалъ князю, объяснивъ ему въ то же время, какіе поборы съ раскольниковъ дѣлалъ оберъ-полицеймейстеръ и какъ онъ вообще покровительствуетъ кладбищу. Князь Г—нъ до того раздраженъ былъ донесеніями Т—ва, что выразилъ намѣреніе немедленно приступить къ уничтоженію общины. Но Т—въ хотѣлъ совсѣмъ не этого; онъ поспѣшилъ объяснить князю, что уничтожить общину нельзя, ибо она существуетъ на основаніи высочайшихъ указовъ. Тогда губернаторъ возложилъ на Т—ва порученіе постоянно и строго наблюдать за кладбищемъ и немедленно доносить ему обо всѣхъ безпорядкахъ, какіе найдетъ тамъ. Этого только и желалъ Т—въ. Онъ понялъ, что теперь кладбище въ его рукахъ,—и съ этого времени, въ продолженіе почти двадцати лѣтъ, онъ дѣйствительно играетъ весьма важную, но въ то же время несчастную роль въ исторіи Преображенскаго кладбища.

Чрезъ упомянутую женщину Т—въ осторожно извѣстилъ попечителей, что судьба кладбища много зависитъ отъ него. Тѣ поняли, что значило это извѣщеніе и поспѣшили задобрить его въ свою пользу значительнымъ подаркомъ. Но, вѣроятно, подарокъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ Т—ва, потому что вскорѣ онъ сдѣлалъ кладбищу большую непріятность. Онъ основательно разчиталъ при этомъ случаѣ, что заразъ можетъ достигнуть двухъ равно важныхъ для него цѣлей: обезпечить за собой полное довѣріе князя по дѣламъ кладбища, и слѣдовательно полную свободу дѣйствовать здѣсь, какъ ему угодно, и съ другой стороны—поучить попечителей кладбища, чтобъ они знали, съ какимъ человѣкомъ имѣютъ дѣло, поняли его силу и научились, какъ слѣдуетъ, располагать его въ свою пользу. Т—въ, зная о враждѣ кладбища съ купцомъ Осиповымъ, вошелъ въ сношенія съ этимъ послѣднимъ; отъ него онъ успѣлъ вывѣдать, что картина, написанная Гнусинымъ, хранится въ кладбищенской молельнѣ за иконостасомъ, узналъ также, гдѣ скрывается и самъ Гнусинъ. Потомъ, онъ искусно

втерся въ довѣренность попечителей, съ искреннею, повидимому, откровенностью разказывалъ имъ, что князь Г—нъ считаетъ ихъ общину за сборище людей опасныхъ для государства, озлобленныхъ противъ царя, и намѣренъ уничтожить ее, и все это единственно на основаніи извѣстнаго дѣла о картинѣ, оскорбительной для царскаго величія; что самъ онъ вовсе не придаетъ дѣлу такой важности, никакъ не думаетъ, чтобы картина имѣла такое важное значеніе, какое придаютъ ей, что они хорошо сдѣлаютъ, если покажутъ ему эту картину, а онъ, съ своей стороны, сумѣетъ уже представить князю все дѣло въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ. Словомъ, онъ хитрилъ такъ ловко, что попечители скоро вдались въ обманъ: они вручили картину Т—ву, который отправился съ нею прямо къ князю Г—ну, въ доказательство своей усердной и безкорыстной службы, по порученію князя, наблюдать за кладбищемъ. Г—нъ немедленно отправилъ картину въ Петербургъ. Слѣдствіе о Гнусинѣ, составителѣ картины, начато снова; по указанію Т—ва отыскать Гнусина было не трудно; отправили въ Судиславъ ловкаго сыщика: Гнусина схватили и сослали въ Соловецкій монастырь [1]. Попечители были до крайности огорчены такимъ исходомъ дѣла. Понимая истинное побужденіе, по которому дѣйствовалъ здѣсь Т—въ, они съ упрекомъ говорили ему: „еслибы вы сказали, что вамъ нужны деньги, мы не пожалѣли бы дать вамъ 50.000 руб.“ —Напрасно вы не предупредили меня объ этомъ, отвѣтилъ Т—въ. Такимъ образомъ отношенія между ними уяснились, къ полному удовольствію послѣдняго: онъ достигъ обѣихъ цѣлей, и скоро началъ вкушать плоды своего искуснаго дѣла.

Князь Г—нъ, вслѣдствіе донесеній Т—ва, принялъ рѣшительное намѣреніе отобрать у оберъ-полицеймейстера завѣдываніе Преображенскимъ кладбищемъ; для ближайшаго за нимъ надзора, онъ рѣшился опредѣлить особаго чиновника, подъ именемъ смотрителя, который зависѣлъ бы отъ

---

[1] Сыщикъ, дѣйствительно, умѣлъ очень ловко схватить Гнусина. Во время заутрени подъ Рождество Христово онъ нечаянно вошелъ въ домъ Папулина и потребовалъ выдачи бѣглаго, который скрывается у него въ мезонинѣ. Папулинъ такъ растерялся, что не только выдалъ Гнусина, но далъ еще 5.000 р. сыщику, лишь бы онъ сказалъ, что схватилъ бѣглаго на улицѣ, а не въ его домѣ.

собственной его канцеляріи, а въ канцеляріи всѣ дѣла по кладбищу поручить Т—ву, какъ чиновнику испытанной вѣрности и вполнѣ безкорыстному. О такомъ намѣреніи князя Т—въ немедленно далъ знать попечителямъ Преображенскаго кладбища, которые, какъ и слѣдовало ожидать, были сильно озабочены этимъ извѣстіемъ; ихъ пугало больше всего то, что смотритель, какъ они думали, станетъ производить на кладбищѣ неожиданныя ревизіи, а у нихъ проживало множество народа безъ всякихъ видовъ, и еще больше незаконнорожденныхъ дѣтей: они-то особенно и озабочивали попечителей. Но теперь явился къ нимъ на помощь Т—въ; онъ предложилъ кладбищу свои услуги, зная, что онѣ будутъ оцѣнены уже какъ слѣдуетъ. Бо́льшую часть жившихъ на кладбищѣ безпаспортныхъ онъ постарался приписать къ московскому мѣщанству, другимъ выхлопоталъ законные виды,— вообще обезопасилъ кладбище на случай неожиданной ревизіи новаго смотрителя, котораго со страхомъ ожидали попечители, хотя опасались его совершенно напрасно, что̀, безъ сомнѣнія, было хорошо извѣстно Т—ву. Въ признательность за его услугу кладбище положило каждогодно платить ему по 7.000 рублей.

Между тѣмъ ожидаемый кладбищемъ смотритель былъ назначенъ (нѣкто С—въ) онъ былъ, дѣйствительно, совсѣмъ не такъ страшенъ, какъ опасались попечители. Кладбище назначило ему 2.000 р. жалованья въ годъ, да годовую пропорцію разныхъ запасовъ. Посредствомъ этой платы попечители совершенно овладѣли имъ, и съ учрежденіемъ должности смотрителя пріобрѣли даже многія выгоды: они могли теперь не слишкомъ опасаться генералъ-губернатора, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ имѣли официальнаго ходатая по своимъ дѣламъ, и могли безпрепятственно, подъ его прикрытіемъ, совершать въ стѣнахъ кладбища всѣ прежнія беззаконныя дѣла. Такимъ образомъ князь Г—нъ ошибся въ разчетѣ, когда назначая непосредственнаго, ближайшаго наблюдателя надъ кладбищемъ, надѣялся остановить распространеніе раскола, и прекратить тѣ безпорядки и тѣ гнусныя дѣла, которыя совершались на кладбищѣ; напротивъ, своимъ распоряженіемъ онъ только облегчилъ кладбищу средства къ безпрепятственному и свободному существованію, которое и продолжалось счастливо до 1825 года.

Надобно сказать теперь о внутреннемъ состояніи кладбища отъ смерти Ковылина до наступленія прошедшаго царствованія.

Отсутствіе такого вліятельнаго человѣка, какъ былъ Илья Алексѣевъ, обнаруживалось иногда, какъ мы видѣли, очень опасными для кладбища раздорами прихожанъ. Власть настоятеля значительно упала, и бывшіе послѣ Ковылина настоятели, Гончаровъ, Яковлевъ и Носковъ, вообще имѣли мало вліянія на дѣла кладбища; за то большое значеніе пріобрѣли попечители и наставники. Теперь именно можно было оцѣнить дальновидную мысль Ковылина—учрежденіемъ попечителей упрочить существованіе и процвѣтаніе кладбища: онъ не былъ въ зависимости отъ одного лица, которое могло бы произвольно распоряжаться въ немъ дѣлами; напротивъ, попечители составляли постоянный совѣтъ, безъ согласія котораго не совершалось ни одно сколько-нибудь важное распоряженіе по управленію, или хозяйству, и въ которомъ члены всегда могли ограничивать и контролировать другъ друга. Поэтому, несмотря на происходившія по временамъ несогласія между попечителями и безпорядки, общій ходъ дѣлъ на кладбищѣ, установленный Ковылинымъ, шелъ стройно, такъ что въ теченіе пятнадцати лѣтъ послѣ его смерти кладбище сдѣлало весьма важные успѣхи во всѣхъ отношеніяхъ.

Около 1825 года, въ пріютахъ кладбища считалось 1950 человѣкъ обоего пола, а прихожанъ въ одной Москвѣ до 12.000 человѣкъ. Что касается малолѣтныхъ, или воспитанниковъ Ильи Алексѣевича, то учрежденное имъ воспитаніе ихъ приняло видъ еще болѣе правильный. Въ одномъ изъ зданій кладбища устроено училище, гдѣ мальчики съ бойкими способностями обучались чтенію и письму церковному подъ руководствомъ наставника Осипова; потомъ очередные наставники толковали имъ катихизисъ; образованіе оканчивалось изученіемъ главныхъ пунктовъ отличія отъ православной церкви. Для учениковъ открыта была библіотека кладбища, состоявшая изъ старопечатныхъ книгъ и раскольничьихъ сочиненій, которою они пользовались подъ руководствомъ своихъ учителей. Все образованіе было направлено къ тому, чтобы внушить дѣтямъ отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ. Изъ этой-

то школы выходили самые закоренѣлые раскольники и самые приверженные члены кладбища, чего именно и надѣялся Ковылинъ отъ молодаго поколѣнія, выраставшаго на его глазахъ. Нѣкоторые изъ членовъ кладбищенской школы пріобрѣтали замѣчательное искусство писать поуставному, и потомъ занимались переписываніемъ богослужебныхъ книгъ, которыя по дорогой цѣнѣ продавались въ конторѣ кладбища иногороднымъ ѳедосѣевскимъ общинамъ и зажиточнымъ ѳедосѣевцамъ. Другіе занимались иконописнымъ искусствомъ и дѣлали копіи съ древнихъ иконъ, иногда такъ удачно, что самые знатоки съ трудомъ могутъ отличить копію отъ оригинала. Весьма искусно умѣли воспитанники поддѣлываться и подъ древнія рукописи, измѣняя притомъ самый цвѣтъ бумаги и соблюдая малѣйшіе оттѣнки древности. Кладбищенскія работы въ этомъ родѣ, подъ именемъ настоящихъ древнихъ рукописей, продавались за дорогую цѣну и распространялись даже между православными. Такихъ списковъ не мало можно отыскать въ Москвѣ въ старинныхъ купеческихъ домахъ и даже, вѣроятно, въ древнехранилищахъ нѣкоторыхъ археологовъ.

Средства кладбища въ указанное время выросли весьма значительно, частію отъ пожертвованій, внесенныхъ вновьприсоединившимися къ кладбищу богатыми купеческими домами [1], частію отъ постоянныхъ доходовъ съ недвижимыхъ имуществъ прежнихъ и вновь пожертвованныхъ кладбищу. Весьма значительные доходы получало кладбище отъ сборовъ за могилы, погребеніе, поминовеніе, молебны. Богатые не щадили денегъ, особенно при погребеніи родственниковъ. Покойниковъ встрѣчали обыкновенно наставники съ пѣвчими обоихъ пріютовъ, то-есть женскаго и мужскаго; самые бѣдные истрачивали при этихъ встрѣчахъ не менѣе 50 руб.; понятно, какъ много тратили богатые [2]. На поминовеніе же богачей, по ихъ завѣщаніямъ, родственники вносили въ кассу кладбища десятки и сотни тысячъ. Кромѣ того, кладбищенскіе наставники ѣздили въ разные города для отправленія требъ и этимъ способомъ пріобрѣтали для

---

[1] Нѣкоторые купцы вносили въ кладбище по 500 и 1000 руб. ежемѣсячно,—вообще ежемѣсячный сборъ съ прихожанъ простирался до 7.500 р.

[2] Доходъ по этой статьѣ, среднимъ числомъ, простирался каждогодно до 50.000 руб.

кладбища весьма значительныя суммы. Три части изъ этихъ доходовъ поступали въ собственность кладбища, четвертая обращалась въ пользу наставниковъ, и нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь этою четвертою частью, оставляли послѣ себя капиталы въ 20 и 30.000 руб.; понятно, какъ велики были получаемые отсюда доходы кладбища. Немалый доходъ получался еще отъ продажи книгъ, рукописей и иконъ, приготовлявшихся въ кладбищенскихъ пріютахъ: иногородные ѳедосѣевцы покупали ихъ въ большомъ количествѣ и за дорогую цѣну. Наконецъ, источникомъ доходовъ для кладбища служило то, что въ своихъ пріютахъ оно давало помѣщеніе пріѣзжавшимъ въ Москву иногороднымъ богатымъ ѳедосѣевцамъ, которые предпочитали останавливаться на кладбищѣ, также богатымъ московскимъ прихожанамъ, которые во время постовъ проживали на кладбищѣ по недѣлѣ и больше, чтобъ удобнѣе говѣть: тѣ и другіе дорого платили за кладбищенскія квартиры. Должно замѣтить притомъ, что содержаніе проживавшихъ въ пріютахъ обоего пола людей почти ничего не стоило кладбищу: изъ разныхъ мѣстъ отъ богатыхъ ѳедосѣевцевъ оно получало готовые запасы. Такъ изъ Астрахани купецъ Пѣсковскій каждогодно присылалъ на 30 подводахъ лучшую рыбу; изъ Саратова ту же провизію присылалъ купецъ Прядильщиковъ на 20 подводахъ; изъ Углича купецъ Хархоринъ доставлялъ масло; простой народъ, приходившій на богомолье, обрабатывалъ огороды, доставлявшіе годовой запасъ овощей, довольствуясь за то однимъ прокормленіемъ кладбища. При всѣхъ указанныхъ средствахъ и источникахъ доходовъ, капиталы кладбища возрасли до огромной цифры. О многочисленности и богатствѣ прихожанъ, разбогатѣвшихъ большею частію вспоможеніями кладбища и потомъ въ свою очередь поддерживавшихъ его своими богатыми вкладами, можно судить по числу частныхъ молелень, существовавшихъ въ Москвѣ: однихъ замѣчательныхъ по драгоцѣнности украшеній считалось болѣе сорока.

Отношенія Преображенскаго кладбища къ иногороднымъ ѳедосѣевскимъ общинамъ, какъ было уже замѣчено, нѣсколько измѣнились по смерти Ковылина. Начальники иногородныхъ общинъ не ѣздили уже такъ часто въ Москву какъ было при немъ; за то теперь сами наставники кладбища ѣздили по разнымъ мѣстамъ, гдѣ были ѳедосѣевскія

общины, живали тамъ подолгу, отправляя разныя требы и проповѣдуя правила согласія, чрезъ что̀ и поддерживали связь иногородныхъ ѳедосѣевцевъ съ кладбищемъ. Эти проповѣдники путешествовали по всѣмъ концамъ Россіи, большею частію подъ видомъ мелкихъ торговцевъ. Особенно много путешествій совершилъ наставникъ Семенъ Кузминъ, который потомъ, въ 40-хъ годахъ, былъ настоятелемъ кладбища. Онъ ѣздилъ къ закубанскимъ ѳедосѣевцамъ, потомъ на Донъ, въ Воронежъ, Тулу, Юхновъ. Ученіе, имъ распространенное, имѣло въ основаніи безнравственныя начала, какія проповѣдывалъ Гнусинъ, и дышало ненавистью къ православію и правительству. Онъ даже успѣлъ проникнуть въ Соловецкій монастырь, чтобъ увидѣться съ самимъ Гнусинымъ, который со времени ссылки пріобрѣлъ еще больше уваженія у ѳедосѣевцевъ какъ мученикъ за вѣру. Кузминъ имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду и получилъ отъ него разныя наставленія касательно обращенія съ учениками.

Что касается связей съ Петербургомъ, то по смерти Ковылина кладбище не имѣло съ нимъ тѣхъ сношеній, которыя онъ такъ дѣятельно поддерживалъ. Это отчужденіе еще болѣе усилилъ купецъ Осиповъ, отдѣлившійся отъ кладбища по извѣстному дѣлу о выборѣ попечителей. Бывая по торговымъ дѣламъ въ Петербургѣ, Псковѣ и Новѣгородѣ, онъ успѣлъ внушить тамошнимъ ѳедосѣевцамъ, что московскіе ихъ собратія за развращеніе свое преслѣдуются правительствомъ, и что всякое общеніе съ ними не только богопротивно, но и опасно. Этимъ онъ совершенно разъединилъ петербургскую и московскую ѳедосѣевскія общины.

Итакъ сношенія кладбища съ иногородными общинами, поддерживавшіяся при Ковылинѣ съѣздами ихъ начальниковъ въ Москву, если не ослабѣли въ разсматриваемое нами время, то значительно измѣнились и получили другой характеръ. Впрочемъ и въ это время на кладбищѣ были два общія собранія ѳедосѣевцевъ по дѣламъ согласія. Въ 1817 г. собрались въ конторѣ кладбища всѣ наличные наставники и даже многіе начитанные ѳедосѣевцы изъ ближайшихъ иногородныхъ общинъ по слѣдующему случаю. Въ Саратовѣ явился учитель, упрекавшій тамошнюю ѳедосѣевскую общину за то, что богопротивно творятъ на себѣ крестное знаменіе, ибо произнося молитву: *Господи Іісусе*

Христе Сыне Божій помилуй насъ, при словахъ: *Сыне Божій* полагаютъ руку на лѣвое плечо, на которомъ у человѣка сидитъ діаволъ, и тѣмъ имя Божіе отдаютъ ему на поруганіе. Въ Саратовѣ рѣшить этого недоумѣнія не могъ даже купецъ Прядильщиковъ на соборномъ совѣщаніи съ саратовскими наставниками. Община рѣшила отправить наставниковъ въ Москву на Преображенское кладбище съ просьбою „помочь бѣдѣ и вывести изъ сумнѣнія все христіянство.“ На кладбищѣ составилось общее совѣщаніе, но и здѣсь рѣшить дѣла были не въ состояніи. Помочь бѣдѣ могъ только всѣми уважаемый наставникъ Гнусинъ, который въ это время скрывался отъ преслѣдованій правительства въ костромской общинѣ. Обратились къ нему, и Гнусинъ дѣйствительно не затруднился рѣшеніемъ дѣла: онъ отвѣтилъ, что произнося слово *Христе*, должно класть руку на чрево и не донося руки до лѣваго плеча договаривать остальныя слова молитвы: „а ради невѣдѣнія христіянства, крестившагося прежде не такъ“, прибавилъ онъ, „грѣхъ этотъ отпускается, и я беру на себя испросить у Бога прощеніе.“ Этимъ мудрымъ рѣшеніемъ и было прекращено „возникшее въ христіянствѣ сумнѣніе“.

Около того же времени прибыли въ Москву посланные отъ закубанскихъ ѳедосѣевцевъ съ жалобою, что у нихъ пришли въ упадокъ правила христіянской вѣры, полученныя ими еще отъ Ильи Алексѣевича, отчего многіе уклоняются въ поморское согласіе, даже въ поповщину, и что все зло происходитъ отъ недостатка въ учителяхъ, которые знали бы правила согласія и могли бы крестить и отпѣвать по уставу христіянскому; они просили кладбище избавить ихъ отъ погибели, помочь ветшающему христіянству. По этому случаю въ конторѣ кладбища происходило новое совѣщаніе; тогда-то положено было отправить за Кубань наставника Семена Кузмила и пѣвчихъ, поручивъ имъ исправить чинъ молитвеннаго служенія у закубанскихъ ѳедосѣевцевъ и научить ихъ правильному чтенію и пѣнію. Кузминъ возвратился съ письменною благодарностью кладбищу и богатыми пожертвованіями.

Теперь слѣдуетъ изложить исторію Преображенскаго кладбища въ первую половину прошедшаго царствованія. Самособою разумѣется, что мы должны будемъ ограничиться здѣсь только немногими извѣстіями и замѣтками.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ, императоръ Николай издалъ указъ объ уничтоженіи безпоповщинскихъ молелень, за исключеніемъ тѣхъ, которыя основаны не менѣе, какъ за десять лѣтъ до изданія указа. Узнавъ объ этомъ, ѳедосѣевцы сильно встревожились: они поняли, что при новомъ царствованіи существованію ихъ угрожаютъ серіозныя опасности; самый указъ объ уничтоженіи молелень наносилъ уже чувствительный ударъ ихъ согласію. Но въ этомъ указѣ была лазейка, которой московскіе ѳедосѣевцы и не преминули воспользоваться съ обычною ловкостью, разумѣется при помощи своего милостивца Т—ва. Указъ дозволялъ существованіе молелень, построенныхъ за десять лѣтъ до его изданія: оказалось, что въ Москвѣ, у ѳедосѣевцевъ не было ни одной часовни, построенной въ послѣднее десятилѣтіе... Такимъ образомъ, благодаря покровительству Т—ва въ Москвѣ, остались неприкосновенными всѣ прежнія ѳедосѣевскія молельни, даже образовались новыя, подъ именемъ старыхъ; да и самое число молелень показано было столь незначительнымъ, что правительство не могло обратить на нихъ и особеннаго вниманія. „Дорого мы купили право молиться соборнѣ въ своихъ собственныхъ домахъ,“ разказывали потомъ ѳедосѣевцы, „угобзили ниву антихристовыхъ приставниковъ; за то съ ихъ дозволенія утвердились наши грѣшныя молельни.“ Но ѳедосѣевцы другихъ городовъ или не имѣли средствъ дѣйствовать такъ какъ московскіе, или не находили такихъ смѣлыхъ милостивцевъ, какихъ имѣли послѣдніе: въ силу указа 1826 г. очень много частныхъ ѳедосѣевскихъ молелень закрыто въ разныхъ губерніяхъ. Такое бѣдственное положеніе иногородныхъ общинъ озабочивало попечителей Преображенскаго кладбища; они придумали испросить у государя разрѣшеніе обновить старыя, дозволенныя часовни, подъ предлогомъ же обновленія старыхъ надѣялись удобно построить новыя, снискавъ предварительно расположеніе мѣстнаго начальства. Кладбище отправило въ Петербургъ конторщика Калину Нестерова хлопотать о высочайшемъ разрѣшеніи чрезъ петербургскихъ ѳедосѣевцевъ, которые, какъ разчитывали въ Москвѣ, не могли же не принять участія въ судьбѣ своихъ собратовъ. Нестеровъ объяснилъ намѣреніе кладбища покровителю петербургской общины купцу Яковлеву. Яковлевъ отвѣчалъ, что дѣйствительно было бы хорошо полу-

чить такую царскую милость, тогда всѣ согласія во всей Россіи были бы успокоены, но прибавилъ, что теперь совсѣмъ не то время, чтобы можно было разчитывать на успѣхъ. Онъ совѣтовалъ Нестерову повременить, выждать удобнаго случая. Но всѣ выжиданія были напрасны. Нестеровъ успѣлъ только выхлопотать увольненіе прежняго смотрителя С—ва, который надоѣлъ кладбищу своими частыми поборами сверхъ условленной ему платы. На его мѣсто смотрителемъ кладбища генералъ-губернаторъ опредѣлилъ другаго чиновника. При этомъ чиновникѣ Т—въ былъ уже отстраненъ отъ завѣдыванія дѣлами кладбища; но, какъ увидимъ, по прежнему имѣлъ сношенія съ ними, и оказывалъ ему услуги весьма важныя, предваряя о секретныхъ распоряженіяхъ касательно кладбища.

Наступилъ 1831 годъ, печально памятный для Москвы и для Россіи, появленіемъ дотолѣ невѣдомой болѣзни—холеры. Кладбище, и первоначально возникшее среди страшныхъ явленій смерти, по обыкновенію воспользовалось новымъ общественнымъ бѣдствіемъ для умноженія своихъ богатствъ и пріобрѣтенія новыхъ членовъ. По тому, какъ нынѣ встрѣчаютъ эпидемію, невозможно составить понятія о страшномъ впечатлѣніи, какое производила она въ то время вездѣ, гдѣ ни появлялась: уныніе, пустота, и какое-то общее чаяніе смерти повсюду сопровождали эту болѣзнь, которой никто не понималъ, противъ которой не знали никакого средства, и которая дѣйствительно свирѣпствовала съ ужасною силой и быстротой. Въ это время, особенно тяжелое для многолюдной Москвы, ѳедосѣевцы Преображенскаго кладбища смущали и безъ того встревоженныхъ жителей разказами, что этотъ седьмый фіалъ гнѣва Божія, какъ называли они холеру, изливается на Россію за ея отпаденіе отъ христіянской вѣры, что никоніане сами распространяютъ заразу посредствомъ различныхъ лѣкарствъ и многихъ живыхъ зарываютъ въ землю, и что есть одно средство спасенія — оставить міръ, гдѣ царствуетъ антихристъ, и бѣжать въ ограду истиннаго христіянства, Преображенское кладбище: здѣсь молитва наставниковъ спасетъ и отъ дѣйствительной, и отъ подложной холеры. Такими разказами они смущали жителей столицы.

Ѳедосѣевцы со всѣхъ концовъ Москвы стекались на

кладбище, увлекая съ собою и много православныхъ; обширныя кладбищенскія молельни не могли вмѣщать приходившихъ; наставники непрерывно служили молебны. Многіе богатые ѳедосѣевцы изъ своихъ домовъ совсѣмъ переселились на кладбище. Чѣмъ болѣе усиливалась болѣзнь, тѣмъ болѣе увеличивалось и стеченіе народа въ кладбищенскихъ пріютахъ. Само собою разумѣется, ограда истиннаго христіянства, Преображенское кладбище, не спасало отъ холеры; напротивъ, здѣсь самое стеченіе народа и тѣснота помѣщенія еще болѣе способствовали ея развитію и только увеличили число ея жертвъ. Но это множество умирающихъ собственно и послужило къ обогащенію кладбища: наставники, исповѣдцы больныхъ, обыкновенно убѣждали ихъ жертвовать все имущество въ пользу общины.

Обогащаясь такимъ образомъ насчетъ ѳедосѣевцевъ, умиравшихъ отъ холеры въ богадѣленномъ кладбищенскомъ домѣ, попечители весьма жалѣли, что многіе изъ ихъ единовѣрцевъ умирали кромѣ того въ общественныхъ больницахъ, чрезъ что, какъ говорили, христіянство терпитъ ущербъ, ибо собратія умираютъ безъ напутствованія исповѣди, а главное—не имѣя чрезъ кого завѣщать Христу остающееся достояніе. Чтобъ устранить такой ущербъ, попечители рѣшились открыть въ городѣ больницу на собственное иждивеніе. Испросить у начальства позволеніе на открытіе такого благотворительнаго заведенія, при ощутительной нуждѣ въ больницахъ, было не трудно. При посредствѣ Т—ва позволеніе было получено очень скоро и больница открыта въ домѣ купца Бавыкина, въ Лефортовской части. Поступавшіе сюда холерные, большею частію ѳедосѣевцы, исповѣдывались у преображенскихъ наставниковъ, которые безвыходно жили въ больницѣ; имѣніе умиравшихъ здѣсь, разумѣется, поступало въ пользу кладбища.

Въ числѣ ѳедосѣевцевъ, обогатившихъ кладбище посредствомъ завѣщаній, было много совращенныхъ въ расколъ во время самой эпидеміи. Не легко понять, какъ умѣли наставники Преображенскаго кладбища дѣйствовать на совѣсть совращаемыхъ и трудно объяснить готовность, съ какою эти послѣдніе, оставляя церковь и православныхъ священниковъ, шли молиться въ неосвященныхъ храмахъ и на исповѣдь къ простолюдинамъ; но какъ велико было

число ихъ, можно судить потому, что на кладбищѣ не доставало чановъ для перекрещиванія желающихъ, что крещальни на Хапиловскомъ прудѣ были постоянно заняты и что наконецъ пришлось нанять для той же цѣли какія-то бани у Покровскихъ воротъ...

Такимъ образомъ несчастный 1831 годъ для кладбища былъ не менѣе важенъ, какъ и 1771 годъ. Кладбище сильно обогатилось и пріобрѣло весьма много новыхъ членовъ, искусно пользуясь бѣдствіями и безпорядками столицы. И несмотря на все это, попечителямъ даны золотыя медали за подвиги благотворенія: ходатаемъ и въ этомъ случаѣ былъ Т—въ. Иногородныя ѳедосѣевскія общины также значительно увеличились во время холеры, и такъ какъ имъ не доставало опытныхъ учителей, то по прекращеніи болѣзни изъ Преображенскаго кладбища отправились наставники въ Ростовъ, Владиміръ, Калугу и другіе города, для перекрещиванія новыхъ ѳедосѣевцевъ и объясненія имъ правилъ согласія.

Несмотря однакоже на этотъ временный успѣхъ, положеніе кладбища не было такъ спокойно и безопасно, какъ въ прежнее время. Генералъ-губернаторъ неоднократно получалъ строгія приказанія касательно кладбища, которыя впрочемъ приводились въ исполненіе очень не искусно. Укажемъ нѣсколько фактовъ.

Въ 1835 году послѣдовалъ указъ объ отобраніи отъ кладбища незаконнорожденныхъ дѣтей. Этою мѣрой, по всей вѣроятности, надѣялись отнять у раскола будущихъ ревностныхъ распространителей его. Но Т—въ заблаговременно сообщилъ попечителямъ это страшное для кладбища извѣстіе. Немедленно дѣти, прижитые болѣе значительными прихожанами, въ числѣ 200 были отправлены въ Коломну, Иваново и другія мѣста. Взрослымъ выхлопотали приличные виды и размѣстили ихъ по домамъ принадлежавшимъ кладбищу. Такимъ образомъ, когда смотритель явился на кладбище для приведенія въ исполненіе высочайшаго указа, онъ нашелъ тамъ не болѣе двадцати питомцевъ и, къ удивленію, толпу фабричныхъ, которые собрались защищать прижитыхъ ими дѣтей; женщины осыпали дерзкими укоризнами государя и исполнителя его воли. Несмотря на то, смотритель въ точности исполнилъ порученіе. Въ послѣд-

ствіи, отобранныя дѣти были возвращены на кладбище и воспитаны въ правилахъ ѳедосѣевскаго согласія.

Въ другой разъ послѣдовало опредѣленіе привести въ извѣстность всѣ недвижимыя имѣнія кладбища, состоявшія въ долгахъ, заводахъ, лавкахъ, земляхъ и лугахъ, и продать ихъ съ аукціоннаго торга, чтобы такимъ образомъ отнять у кладбища одинъ изъ наиболѣе важныхъ источниковъ дохода. Но преображенцы успѣли устроить дѣло такъ, что на торги явился купецъ Г—въ, бывшій притомъ прихожаниномъ кладбища. Онъ и пріобрѣлъ недвижимыя кладбищенскія имѣнія за 130.000 р.; но имѣнія эти только числились за Г—мъ, въ самомъ же дѣлѣ составляли собственность кладбища, какъ и прежде.

Между тѣмъ въ 1838 г. смотрителемъ кладбища опредѣленъ былъ князь У—въ, человѣкъ очень религіозный, совершенно безкорыстный и не чуждый свѣдѣній о расколѣ. Онъ находился въ должности смотрителя очень не долго и былъ слишкомъ благороденъ и довѣрчивъ въ своихъ отношеніяхъ къ кладбищу. Его смѣнилъ человѣкъ умѣвшій съ замѣчательнымъ талантомъ узнавать все, что̀ ни дѣлалось въ стѣнахъ кладбища, когда и сколько являлось безпаспортныхъ, когда производились погребенія, когда находили мертвыхъ младенцевъ и т. п. Попечители хотѣли назначить ему годовую плату за покрытіе всѣхъ злоупотребленій на кладбищѣ; но онъ объявилъ, что находитъ болѣе согласнымъ съ правилами благоразумія, и даже болѣе справедливымъ, оцѣнивать каждое изъ нихъ въ отдѣльности. При этомъ смотрителю была назначена внезапная ревизія кладбища, слѣдствіемъ которой могло быть совершенное его уничтоженіе. Новый смотритель успѣлъ провѣдать о ревизіи и, разумѣется, за соразмѣрное вознагражденіе, извѣстилъ о ней попечителей. Въ продолженіе однихъ сутокъ они распорядились слѣдующимъ образомъ: 200 женщинъ и всѣ безпаспортные отправлены изъ Москвы на подводахъ подрядчика Чижова; имѣвшіе паспорты размѣщены въ городѣ по кладбищенскимъ домамъ; сундукъ съ капиталомъ въ 12.000.000 р. и всѣми драгоцѣнностями кладбища переведены къ купцу, Г—ву; всѣ зданія, вновь построенныя только съ позволенія послѣдняго смотрителя, перекрашены въ сѣрый, грязноватый цвѣтъ, такъ что казались старыми. Словомъ, все устроено было такъ, что ревизія была не страшна, и дѣй-

ствительно она прошла безъ особенныхъ послѣдствій для кладбища. Въ непродолжительномъ времени возвратились и всѣ уѣзжавшіе изъ Москвы по случаю ревизіи.

Здѣсь кончаются наши свѣдѣнія о Преображенскомъ кладбищѣ. Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ московскихъ ѳедосѣевцевъ. Изъ всей исторіи Преображенскаго кладбища не трудно замѣтить, что основаніемъ для прочнаго существованія этой общины служило не строгое выполненіе правилъ ѳедосѣевскаго толка, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ даны самимъ основателемъ толка; напротивъ, скоро открылось, что московская ѳедосѣевская община держалась и распространялась благодаря той безнравственной „свободѣ ложа“, какъ выражаются сами ѳедосѣевцы, которая допущена въ ней, несмотря на строгое запрещеніе брака, или, лучше сказать, именно вслѣдствіе этого запрещенія брака, и что главную силу кладбища составляли его матеріяльныя средства и искусное употребленіе ихъ въ общую пользу. Собственно раскольническія, такъ-сказать, церковныя начала ѳедосѣевскаго толка здѣсь стояли уже на второмъ планѣ и ими безъ затрудненія жертвовали въ пользу указанныхъ, болѣе сильныхъ интересовъ общины. Такое направленіе обществу преображенскихъ ѳедосѣевцевъ далъ самъ основатель кладбища Ковылинъ, который, какъ мы видѣли, умѣлъ соглашать внѣшнее соблюденіе строгихъ правилъ ѳедосѣевскаго толка съ полною свободою жизни, считалъ общеніе съ православными осквернѣніемъ, и въ то же время, ради выгодъ кладбища, входилъ съ ними въ самыя тѣсныя связи. Во второй четверти текущаго столѣтія это направленіе достигло полнаго развитія и выразилось въ совершенномъ противорѣчіи образа жизни преображенцевъ съ правилами ѳедосѣевскаго толка, которыхъ они въ то же время не отвергаютъ. Такой именно двусмысленный характеръ московскихъ ѳедосѣевцевъ указанъ въ наставленіи знаменитаго учителя ихъ Гнусина наставнику Семену Кузмину, когда этотъ послѣдній ѣздилъ въ Соловецкій монастырь посѣтить „страждущаго праведника“. Страждущій праведникъ этотъ, хорошо знавшій духъ московскихъ ѳедосѣевцевъ, въ откровенной бесѣдѣ съ Кузминымъ, далъ ему такое наставленіе: „Если пожелаешь быть начальникомъ всего согласія въ Россіи, то помни, что оно сосредоточено въ московской общинѣ; но общину состав-

ляютъ люди; а чтобъ овладѣть ими, надо имъ не противиться. Терпи, если найдешь ихъ отпаденіе; потворствуй, не тронь молодыхъ, противящихся старинамъ. Чѣмъ чаще будешь отпускать имъ согрѣшенія, тѣмъ сильнѣе они привержены будутъ къ согласію и не пойдутъ въ церковь. Что имъ дѣлать тамъ, гдѣ даютъ по одной женѣ, да и ту не смѣй кинуть! Отверзай вхожденіе на ложе мужское женщинамъ и дѣвамъ, и тебя почтутъ мужи и ты вознесешься. А пойдешь противъ, низринешься, падешь, полетишь на крылу вѣтреню"... Такъ понималъ духъ современныхъ ѳедосѣевцевъ Преображенскаго кладбища человѣкъ, имѣвшій возможность хорошо изучить ихъ характеръ. И въ то именно время, когда Кузминъ ѣздилъ въ Соловецкій монастырь для духовной бесѣды съ своимъ уважаемымъ наставникомъ, въ богатыхъ московскихъ ѳедосѣевцахъ очень ясно обнаружился указанный характеръ. Возвратившись въ Москву, Кузминъ нашелъ, что они измѣнили многимъ постановленіямъ согласія: маковицы у нихъ заросли [1], одежда измѣнилась, стали ходить по трактирамъ и другимъ увеселительнымъ заведеніямъ, не гнушались табакомъ и т. п. Все это огорчило его немало: но узнавъ, что всѣ эти люди въ душѣ были истые ѳедосѣевцы и попрежнему продолжали считать никоніанъ сынами антихриста, особенно же помня наставленіе Гнусина потворствовать слабостямъ своихъ дѣтей духовныхъ, нейдти вопреки имъ, дабы не полетѣть *на крылу вѣтреню*, онъ утѣшился и оставилъ дѣла идти своимъ порядкомъ...

S.

[1] У ѳедосѣевцевъ было поставлено правиломъ брить на головахъ маковицы, чтобъ удобнѣе могла сходить на нихъ благодать.

ОБРАБОТКА ЗЕМЛИ

ВОЛЬНО-НАЕМНЫМИ РАБОЧИМИ.

Обработка земли наемными рабочими, при собственныхъ орудіяхъ и рабочемъ скотѣ, можетъ быть для помѣщика выгодна только въ томъ случаѣ, если чистый доходъ получаемый съ земли этимъ способомъ будетъ болѣе чистаго дохода получаемаго всякимъ другимъ способомъ. Таково первое и основное условіе выгодности или невыгодности обработки земли вольнонаемными рабочими.

Подъ другими способами полученія съ земли чистаго дохода я разумѣю слѣдующіе:

2. Отдачу земли подъ пастбища.
3. Собственное овцеводство, скотоводство или коневодство, безъ распашки земли или при весьма незначительной запашкѣ.
4. Оставленіе всей земли подъ луговыя степи для укоса сѣна.
5. Оставленіе земли для натуральнаго облѣсненія или для лѣсныхъ посѣвовъ.

Къ числу этихъ способовъ пользованія землей, я не отношу отдачи земли внаймы подъ хлѣбопашество, болѣе или менѣе большими участками и на болѣе или менѣе продолжительные сроки, потому что если нанимающій землю находитъ для себя выгоду обрабатывать ее наймомъ или своимъ личнымъ трудомъ, то это значитъ, что чистый полу-

чаемый имъ доходъ довольно значителенъ, чтобы вознаградить его за труды или за наемъ рабочихъ, и что то же самое экономическое отношеніе существуетъ и для владѣльца земли, если онъ станетъ производить эту операцію на собственный страхъ. Можетъ-быть владѣлецъ земли на это не рѣшится и предпочтетъ отдать ее внаймы, что̀ и будетъ конечно имѣть мѣсто въ большей части имѣній, но это не должно быть почитаемо признакомъ невыгодности разсматриваемаго способа, а должно быть объясняемо посторонними, не экономическими обстоятельствами, какъ напримѣръ желаніе жить въ городѣ, необходимость службы или воспитанія дѣтей, наконецъ личный вкусъ, незнакомство съ земледѣліемъ, нерасположеніе къ нему и проч.

Мы не упомянули также о сравненіи чистаго дохода, получаемаго съ земли при разсматриваемомъ способѣ, съ процентомъ, который могъ бы быть полученъ съ капитала, соотвѣтствующаго цѣнности этой земли, потому что это отношеніе между доходностію земли и ея цѣною зависитъ весьма часто отъ причинъ и обстоятельствъ не экономическихъ, а политическихъ.

Въ Англіи, какъ извѣстно, земля такъ дорога, что фермеры, имѣющіе значительные капиталы, а слѣдовательно и возможность купить землю въ собственность, предпочитаютъ затрачивать свои капиталы на усиленіе производства и на улучшеніе наемной земли. Еслибы процентъ получаемый ими съ капитала употребляемаго ими такимъ образомъ равнялся тому проценту, который получаетъ собственникъ съ цѣны своей земли въ видѣ арендной платы, то конечно они предпочли бы этотъ послѣдній способъ помѣщенія капитала, какъ болѣе вѣрный, и стали бы покупать земли. Но въ Англіи ни одинъ изъ фермеровъ не мечтаетъ сдѣлаться собственникомъ земли, потому что ему и такъ хорошо; ему даже лучше быть фермеромъ нежели владѣльцемъ земли: для того чтобы пользоваться доходомъ въ 3.000 рублей, будучи землевладѣльцемъ, надо, по крайней мѣрѣ, имѣть 100.000 рублей капитала; фермеру же достаточно 30.000 для достиженія того же результата.

У насъ, вслѣдствіе разныхъ политическихъ причинъ, а въ особенности вслѣдствіе ограниченнаго круга людей имѣвшихъ право пріобрѣтать населенныя имѣнія, нѣтъ такого различія между доходностью земли и промышленныхъ

капиталовъ, а потому цѣна земли можетъ имѣть у насъ вліяніе не на выгодность или невыгодность обработки земли наемными рабочими, а только на измѣненіе отношенія между продажною цѣною земли и доходомъ съ этой земли, какимъ бы онъ изъ пяти означенныхъ нами способовъ ни извлекался.

Возвращаясь къ ближайшему разсмотрѣнію того условія выгодности обработки земли наемными рабочими, которое мы назвали главнымъ и основнымъ, именно условія, чтобы чистый доходъ получаемый этимъ способомъ превышалъ чистый доходъ получаемый остальными четырьмя указанными выше способами, необходимо опредѣлить изъ чего именно составляется и какъ можетъ быть великъ валовой доходъ, и изъ чего составляется и какъ можетъ быть малъ валовой расходъ, чтобы получить наибольшую разность, то-есть наибольшій чистый доходъ.

Изъ чего можетъ составиться валовой доходъ при разсматриваемомъ способѣ пользованія землею? Изъ всѣхъ или изъ нѣкоторыхъ слѣдующихъ статей:

a) продажа зернового хлѣба;

b) продажа произведеній скотоводства, какъ-то: молока, масла, шерсти и проч.;

c) продажа скота и лошадей;

d) продажа корнеплодныхъ растеній, какъ-то: картофеля и свекловицы;

f) продажа сѣна и гуменнаго корма.

Двѣ послѣднія статьи дохода возможны только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ, каковы близость городовъ или заводовъ, на которыхъ эти продукты обрабатываются. Заводы, хотя бы и находились внутри самаго имѣнія, должны быть разсматриваемы какъ отдѣльныя коммерческія предпріятія и окупать сами себя, а не поглощать доходы съ земли, какъ у насъ большею частію и случается. Что̀ касается до продажи сѣна и гуменнаго корма, то она можетъ быть допускаема, безъ ущерба землѣ, только тамъ, гдѣ можно имѣть удобреніе даромъ, то-есть вблизи городовъ, особенно если скотоводство не возможно, именно по причинѣ этой близости.

Главнымъ источникомъ дохода будетъ всегда, или по крайней мѣрѣ очень долгое время, продажа зернового хлѣба.

Количество получаемаго отъ этой продажи дохода зависитъ отъ цѣнъ на хлѣбъ и количества продажнаго хлѣба.

Разсмотримъ вопросъ о цѣнахъ на хлѣбъ, то-есть постараемся опредѣлить, будутъ ли цѣны на него понижаться или повышаться, и тѣмъ самымъ благопріятствовать или вредить распространенію обработки земли занимающимъ насъ способомъ.

Цѣна всякаго предмета *въ данной мѣстности* зависитъ отъ отношенія предложенія къ запросу на тотъ или другой предметъ въ *этой мѣстности*.

Читатели конечно обратили вниманіе на курсивъ, которымъ напечатано слово *мѣстность*, прибавленное къ обыкновенному опредѣленію цѣны не безъ особаго умысла. Перемѣщеніе предметовъ торговли есть весьма важное обстоятельство, и особенно важно оно въ отношеніи къ предметамъ тяжелымъ, каковъ зерновой хлѣбъ, и препятствуетъ свободѣ запроса и предложенія, этимъ основнымъ элементамъ всякой цѣны.

Положимъ, что при новыхъ условіяхъ хозяйства хлѣба будетъ производиться то же самое количество какъ прежде, то-есть предложеніе останется то же, и что никакія постороннія обстоятельства не повысятъ и не понизятъ запроса. Могутъ ли цѣны остаться тѣ же?

Никакимъ образомъ. Хлѣбъ продавался у насъ всегда въ городахъ, на рѣчныхъ пристаняхъ и въ приморскихъ портахъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ мѣстъ производства, и доставка его на мѣста первой продажи изъ рукъ производителей происходила самымъ анти-экономическимъ, нерацiональнымъ образомъ. Провозъ отъ мѣста производства до мѣста сдачи, продавецъ, то-есть помѣщикъ, принималъ всегда на свой счетъ, то-есть на счетъ своихъ крестьянъ. Въ старину эти даровыя поставки или такъ-называемые обозы, дѣлались на очень дальнія разстоянія и были для крестьянъ весьма обременительны. Сдѣлавъ два-три обоза зимою, крестьянинъ оставался къ веснѣ безъ корму, а иногда и безъ лошади. Крестьяне часто даже предпочитали, вмѣсто поставки въ дальній городъ, продать хлѣбъ въ ближайшемъ, а разность въ цѣнѣ доплатить изъ своего кармана. Благоразумные помѣщики, разумѣется, не прибѣгали къ этому способу, но большинство пользовалось случаемъ продать хлѣбъ подороже, пока наконецъ не замѣтили,

что даровыя поставки или доплаты, раззоряя крестьянъ, и имъ обходятся въ убытокъ, потому что къ веснѣ они были принуждены кормить крестьянъ, давать имъ яровыя сѣмена и покупать лошадей, безъ чего господскія поля остались бы незасѣянными. Поставки хлѣба въ мѣста слишкомъ отдаленныя большею частію прекратились, но онѣ и до сихъ поръ еще продолжаются верстъ за сто и болѣе какъ по старой привычкѣ, такъ и по необходимости. Если помѣщики благонамѣренные и дѣлали крестьянамъ за эти поставки вознагражденіе, если эти вознагражденія и равнялись цѣнѣ провоза или даже превышали ее, то все-таки это не могло имѣть вліянія на рыночную цѣну въ мѣстѣ сдачи, потому что цѣна хлѣбу дѣлалась безъ соображенія стоимости этого вознагражденія, которое было чисто произвольное и скорѣе должно быть названо пособіемъ или подаркомъ нежели торговымъ разчетомъ. По отмѣнѣ обязательной извозной работы, всѣ доставки хлѣба должны будутъ отнынѣ производиться наймомъ, а цѣна найма, какъ всякая цѣна, будетъ измѣняться отъ множества обстоятельствъ. Вотъ почему различіе въ цѣнахъ на хлѣбъ въ мѣстахъ сбыта или на рынкахъ и на мѣстахъ производства будетъ весьма значительное и не постоянное.

Какія обстоятельства имѣютъ вліяніе на цѣну провоза тяжестей отъ одного мѣста до другаго? Разстояніе, удобство пути, цѣнность фуража и наконецъ развитіе торговли.

Въ разсматриваемомъ нами случаѣ, разстояніе отъ мѣста производства до ближайшихъ мѣстъ сбыта можно положить въ двѣ упряжки, на основаніи слѣдующихъ соображеній: Бо́льшая часть нашихъ уѣздовъ имѣютъ въ діаметрѣ около ста верстъ, хотя есть разстоянія несравненно бо́льшія, особенно по неправильности фигуръ уѣздовъ, которые часто имѣютъ форму весьма растянутую; допустимъ самое выгодное положеніе города въ центрѣ уѣзда, разстояніе до него отъ большей части точекъ будетъ 50 верстъ или двѣ упряжки, слѣдовательно такое разстояніе, на которое поставка на собственныхъ лошадяхъ дѣлается невозможною, ибо рабочіе были бы оторваны цѣлую зиму отъ молотьбы, да и наблюденіе за ними и за лошадьми, при отдаленныхъ поѣздкахъ, весьма затруднительно. Извозъ наймомъ сдѣлается неизбѣжнымъ, а слѣдовательно и

значительно измѣнитъ цѣну, по которой продаютъ свой хлѣбъ производитель близкій къ мѣсту сбыта и производитель отдаленный. Различіе, которое существуетъ и теперь въ доходности имѣній подгородныхъ и дальнихъ, еще болѣе увеличится и въ нѣкоторыхъ случаяхъ будетъ такъ велико, что подвергнетъ сомнѣнію самую выгодность обработки земли подъ зерновой хлѣбъ.

Удобство путей сообщенія играетъ столь же важную роль какъ и разстояніе, а часто еще и бо́льшую. Кромѣ небольшаго числа шоссе, у насъ вовсе нѣтъ дорогъ, потому что широкія, пустопорожнія, большею частію непроходимыя пространства, называемыя у насъ большими дорогами, нельзя назвать путями, а скорѣе преградами сообщенія. Взгляните на положеніе и направленіе этихъ дорогъ, особенно не по главнымъ почтовымъ трактамъ, но между уѣздными или губернскими городами. Дороги эти идутъ страшными зигзагами: вы ѣдете то впередъ, то почти назадъ. Какая причина этихъ изворотовъ? Они сдѣланы вѣроятно для обхода овраговъ, горъ и вообще неудобныхъ мѣстъ? Напротивъ, они сдѣланы именно для того, чтобы пройдти по этимъ мѣстамъ, то-есть пустить дорогу по мѣстамъ неудобнымъ, а земли удобныя сохранить подъ пашню. Дороги эти прокладывались очень давно, когда, съ одной стороны, административныя лица, гораздо болѣе чѣмъ теперь, *кормились* и предавались произволу, а съ другой, мѣстные жители были гораздо простодушнѣе. Проведеніе дорогъ и проѣздъ партіи землемѣровъ были общественнымъ бѣдствіемъ, и каждый изъ жителей и владѣльцевъ земли не только молилъ Бога, но и принималъ матеріяльныя мѣры, чтобы дорога проходила какъ можно подалѣе, потому что кромѣ потери земли самая близость дороги была уже весьма тягостна, вслѣдствіе воинскихъ постоевъ и требованія подводъ; а если уже не было возможности отвести дорогу отъ своей земли, о чемъ заботился каждый, то по крайней мѣрѣ старались отдать подъ нее земли самыя неудобныя для пашни, а слѣдовательно и невозможныя для проѣзда. Вотъ почему наши уѣздныя большія дороги, да почти и всѣ прежнія, кромѣ шоссе, обходятъ ровныя мѣста и разными изворотами отыскиваютъ горы, овраги и болота. Само собою разумѣется, что землемѣры, проектировавшіе дороги, не смѣли и думать о томъ, чтобы пролагать ихъ по землямъ зра-

чительныхъ или сіятельныхъ лицъ, а если и дѣлали это, то ошибка ихъ тотчасъ же была исправляема... Очень часто случается, что ямщикъ сворачиваетъ съ большой дороги и ѣдетъ проселкомъ, и если вы его спросите для чего онъ это дѣлаетъ, то онъ скажетъ, что тутъ и ближе, и лучше. Но для чего же большая дорога положена гдѣ дальше и хуже? спросите вы его.—„*Да ужъ такъ, батюшка, слѣдуетъ по планту!*“

Что касается до нашихъ мостовъ на большихъ дорогахъ то репутація ихъ уже установилась въ общественномъ мнѣніи, и всякое порицаніе было бы дѣломъ совершенно лишнимъ. Я даже готовъ похвалить эти мосты именно потому, что ихъ нѣтъ и безъ нихъ кое-какъ обходятся; но вотъ замѣчаніе, которое не знаю было ли высказано печатно, хотя и сдѣлано весьма многими. Отчего, проѣзжая по шоссе, вы на всѣхъ оврагахъ, ручьяхъ и даже на рѣкахъ встрѣтите прекрасные и удобные мосты, но какъ въѣдете въ какой-нибудь городъ, гдѣ есть рѣка, то или находите едва держащійся мостъ или не находите никакого. Отчего это? Мосты въ городахъ строятся на счетъ земскихъ повинностей; а мосты внѣ городовъ построены не на счетъ ли тѣхъ же земскихъ повинностей? конечно, но внѣ городовъ они построены вѣдомствомъ путей сообщенія непосредственно, а въ городахъ чрезъ губернскія строительныя коммиссіи: для чего же?—видно такъ лучше. Конечно такъ лучше, но только для кого: для содержателей постоялыхъ дворовъ, для содержателей перевозовъ, для откупщиковъ и для полицейскихъ чиновниковъ, но уже никакъ не для проѣзжающихъ и, въ особенности, не для провозящихъ значительныя клади. Еще другое замѣчаніе: отчего мосты на плашкотахъ, удобно сводимые, замѣняются въ городахъ плохими мостами на сваяхъ, не скоро возстановляемыми послѣ весеннихъ разливовъ и паводковъ, отчего и эти мосты стремятся къ превращенію въ паромы, а паромы склонны превращаться въ переправы на лодкахъ? Отчего это, не знаю. Вотъ еще третье и послѣднее замѣчаніе: отчего такъ трудно возстановить въ городахъ переправу черезъ рѣки послѣ весеннихъ разливовъ, паводковъ, и отчего она такъ легко и скоро возстановляется, если пройдетъ слухъ о проѣздѣ какого-нибудь значительнаго лица?

Но извилистые пути сообщенія отвлекли насъ отъ главнаго предмета. Мы сказали, что цѣны фуража могутъ имѣть вліяніе на цѣны провоза. Вліяніе это, хотя и постоянное, дѣйствуетъ гораздо правильнѣе прочихъ, потому что цѣны на фуражъ возвышаются и падаютъ вмѣстѣ съ цѣнами на прочіе сельскіе продукты, чѣмъ и уравнивается ихъ дѣйствіе на облегченіе или затрудненіе доставки зернового хлѣба.

Гораздо важнѣе вліяніе развитія торговли. При неразвитости торговли, продавецъ зернового хлѣба долженъ платить не только за путь отъ мѣста произведенія до мѣста доставки, но и за путь обратный, хотя и съ пустыми подводами; если же торговая дѣятельность оживлена, то на обратный путь эти подводы будутъ наняты кѣмъ-либо другимъ для провоза другаго рода товаровъ, какъ напримѣръ, желѣза, лѣсныхъ матеріяловъ и такъ далѣе; словомъ, провозъ будетъ стоить вдвое дешевле.

Итакъ цѣны на зерновой хлѣбъ и другія сельскія произведенія не останутся тѣ же какія нынѣ: онѣ возвысятся въ мѣстахъ сбыта и упадутъ въ мѣстахъ производства. Упадокъ цѣнъ въ мѣстахъ производства будетъ пропорціоналенъ разстоянію этихъ мѣстъ отъ мѣстъ сбыта, а самый размѣръ упадка будетъ зависѣть отъ цѣнности провоза, то-есть отъ состоянія путей сообщенія и развитія торговли. Выгодность землевоздѣлыванія посредствомъ найма будетъ обратно пропорціональна разстоянію отъ рынка, то-есть чѣмъ ближе къ нему находится земля тѣмъ выгоднѣе, и чѣмъ далѣе тѣмъ менѣе выгодно при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій, какъ напримѣръ, качество почвы и цѣнность производства.

Какъ далеко зайдетъ это уменьшеніе, это будетъ зависѣть отъ множества условій, которыя мы разсмотримъ въ свою очередь; но опредѣлить результатъ ихъ съ точностію можетъ каждый разъ только практика. Вѣроятно, найдутся мѣстности, въ которыхъ будетъ необходимо, вмѣсто воздѣлыванія земли подъ зерновыя хлѣба, прибѣгнуть къ остальнымъ четыремъ способамъ пользованія землей, исчисленнымъ нами выше.

Что касается до валоваго довода, то предстоящее измѣненіе цѣны увеличитъ его въ мѣстностяхъ близкихъ къ рынкамъ и уменьшитъ въ мѣстностяхъ отдаленныхъ

пропорціонально этому удаленію, что̀ необходимо принимать въ разчетъ въ каждомъ частномъ случаѣ при рѣшеніи вопроса, выгодно ли въ данной мѣстности заводить земледѣліе на собственный счетъ или лучше прибѣгнуть къ одному изъ остальныхъ четырехъ способовъ пользованія землей, указанныхъ намъ выше.

Мы сказали, что количество валоваго дохода при хозяйствѣ основанномъ на посѣвѣ зерновыхъ хлѣбовъ зависитъ отъ цѣнъ на хлѣбъ и отъ количества проданнаго хлѣба. Посмотримъ, можетъ ли это количество измѣниться въ частныхъ случаяхъ и отъ какихъ причинъ, а потомъ выведемъ общее заключеніе.

Количество урожая прежде всего зависитъ отъ качества почвы, при одинаковыхъ условіяхъ климата и обработки. Обращалось ли прежде вниманіе на качество земли при устройствѣ барщиннаго хозяйства? Весьма мало. Вопросъ о томъ, оставить ли имѣніе на оброкѣ или обратить на пашню рѣшался большею частію подъ вліяніемъ постороннихъ обстоятельствъ. Очень часто, несмотря на дурное качество земли и даже на малое ея количество, имѣніе было на запашкѣ, потому что крестьяне по какимъ-либо причинамъ не могли платить оброкъ. Въ имѣніяхъ барщинныхъ и при достаточномъ количествѣ земли, она не вся была одинаковаго качества. Земли такъ называемыя запольныя или отдаленныя либо были истощены, либо сами по себѣ имѣли дурное свойство и давали урожай самъ-другъ или только возвращали сѣмена. Земли эти конечно не стоили траты труда, но трудъ этотъ былъ даровой и неучитываемый правильно; а потому подобныя земли продолжали засѣвать и получали съ нихъ обратно сѣмена и солому въ видѣ дохода. При введеніи хозяйства правильнаго, земли дурнаго качества, и при томъ отдаленныя, конечно не будутъ засѣваемы. Онѣ будутъ имѣть другое назначеніе, пока не окажется недостатка въ землѣ, что̀ будетъ у насъ конечно еще весьма не скоро.

Въ имѣніяхъ обширныхъ, гдѣ господская запашка заключаетъ въ себѣ нѣсколько тысячъ десятинъ, обработка земли наймомъ не можетъ быть введена вполнѣ такъ скоро, какъ въ имѣніяхъ средняго размѣра, при личномъ надзорѣ владѣльцевъ. На первое время, часть земель въ этихъ имѣніяхъ будетъ или отдаваться въ наймы крестьянамъ, или ею бу-

дутъ пользоваться по одному изъ четырехъ вышеозначенныхъ способовъ, то-есть безъ посѣва зерновыхъ хлѣбовъ. Нѣтъ спора, что современемъ образуется непремѣнно классъ фермеровъ, которые съ выгодой для себя и для владѣльцевъ земли будутъ нанимать эти земли; но теперь пока ихъ нѣтъ, и явятся они конечно не внезапно. Что касается до земель отдаваемыхъ въ наймы крестьянамъ, то хотя онѣ и будутъ засѣваться зерновымъ хлѣбомъ, но количество поступающее съ нихъ въ продажу не будетъ то же самое какъ прежде. Оно значительно уменьшится, по слѣдующей причинѣ: Крестьянинъ зажиточный не любитъ продавать хлѣбъ, и прибѣгаетъ къ этой продажѣ только, въ крайнемъ случаѣ. Онъ скорѣе самъ пойдетъ въ работу или отпуститъ сына нежели повезетъ хлѣбъ на продажу, совершенно противно тому какъ дѣлаетъ крестьянинъ раззоренный. Имѣть нѣсколько *одонковъ*, то-есть скирдовъ немолоченаго хлѣба за два, за три года есть первый признакъ довольства и благосостоянія, цѣль трудовъ и желаній каждаго крестьянина. Простоявшіе нѣсколько лѣтъ одонки не дадутъ уже и половины того количества зерна, которое въ нихъ первоначально заключалось, потому что другая половина будетъ съѣдена мышами. Многіе порицаютъ этотъ обычай крестьянъ, но не совершенно основательно, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени, когда внутренняя торговля находится у насъ еще въ совершенномъ младенчествѣ. Непостоянство нашего климата дѣлаетъ довольно частыми мѣстные неурожаи. Имѣя въ запасѣ хлѣбъ не молоченый, крестьянинъ не боится остаться безъ фуража для своего скота и лошадей, главнаго его капитала. Продавать же скотъ въ этихъ случаяхъ нѣтъ никакой возможности, потому что отсутствіе правильной торговли вынуждаетъ отдавать его за безцѣнокъ, а потомъ покупать на слѣдующій годъ страшно дорогою цѣною, и то въ мѣстахъ отдаленныхъ.

Вотъ главныя причины, по которымъ мы полагаемъ, что количество зерновыхъ посѣвовъ уменьшится, а съ нимъ вмѣстѣ и количество хлѣба поступающаго въ продажу, пока улучшеніе земледѣлія возстановитъ, а можетъ-быть и увеличитъ прежнюю цифру.

Въ настоящее время уже много имѣній отпущено на оброкъ съ прежнимъ крестьянскимъ надѣломъ, а господскія

распашныя земли или отданы въ наймы крестьянамъ порознь или отданы значительными участками подъ гурты (2-й способъ пользованія землей), или подъ степи (4-й способъ).

Въ общей сложности уменьшеніе количества проданнаго хлѣба увеличитъ валовой доходъ тѣхъ, кто будетъ воздѣлывать землю наймомъ, потому что возвыситъ цѣну на хлѣбъ, но въ частныхъ случаяхъ требуется большая осмотрительность, какъ при выборѣ мѣстности относительно близости къ рынкамъ, такъ и при выборѣ качества почвы.

Намъ остается сказать еще о двухъ источникахъ валоваго дохода въ сельскомъ хозяйствѣ,—о продажѣ произведеній скотоводства, какъ-то молока, масла, шерсти и проч. и продажѣ рогатаго скота и лошадей.

Безъ всякаго сомнѣнія скотоводство будетъ играть въ нашемъ хозяйствѣ такую роль, до которой ему при крѣпостномъ правѣ достигнуть было невозможно. Не говоря уже о томъ, что со введеніемъ плодопеременнаго хозяйства и травосѣянія, средства прокормленія увеличатся, и можно будетъ держать несравненно большее количество скота нежели сколько держатъ его теперь лучшіе хозяева,—самая система скотоводства совершенно измѣнится. До сихъ поръ варварская рутина крѣпостныхъ скотниковъ, и происходящая отъ нея каждую весну лимоктонія, а главное комитеты и интриги дворни до того спутывали всѣ дѣйствія и распоряженія помѣщика, что нововведенія были весьма трудны, а улучшенія вовсе невозможны. Вотъ причина неудачи большей части хозяйствъ на европейскую ногу, и невозможность держать иностранца управляющаго, какой бы онъ ни былъ свѣдущій человѣкъ по своей части. Дворовые, составляя между собой древній родовой союзъ и пользуясь всѣми преданіями бывалыхъ ухищреній, всегда устроивали дѣло такъ, что все, что бы вы ни предприняли противное ихъ видамъ и желаніямъ, было вамъ въ убытокъ, а все что вы дѣлали по совѣту одного изъ нихъ, и въ особенности по внушеніямъ начальниковъ ихъ союза, сопровождалось удачей, по крайней мѣрѣ повидимому. Опека, въ которой держали дворовые каждаго помѣщика, была неуловима, но чрезвычайно сильна. Какъ бы вы ни хлопотали, вы продавали ваши произведенія только тому, кому позволяли дворовые, покупали только у того, кому они покровительствовали. Опи-

сывать способы,которыми двигалась эта опека, было бы слишкомъ долго, хотя и можно было бы сообщить много любопытныхъ фактовъ. Дворня каждаго помѣщика составляла постоянный тайный заговоръ противъ помѣщика, подъ руководствомъ одного, двухъ или трехъ хитрыхъ стариковъ или старухъ, которые съ неумолимою дисциплиной управляли дѣйствіями и даже словами каждаго члена. Еслибы который изъ нихъ вздумалъ не подчиняться этой корпораціи то его ожидали убытки въ домашнемъ его быту, порча скота, пропажи въ бѣльѣ, платьѣ и другой движимости, а иногда даже отрава. Уликъ и свидѣтелей подобныхъ преступленій искать невозможно: Божья воля, да и только. Впрочемъ, крѣпостные дворовые вполнѣ покорялись своему синедріону, хорошо понимая невозможность и опасность противиться ему; но люди наемные и особенно иностранцы, бывали часто жертвой этихъ интригъ, и во всякомъ случаѣ косвенною причиной убытковъ для помѣщика. Если опыты клеветы и доноса противъ наемнаго человѣка не удавались, то заговорщики старались de facto доказать его негодность, или неспособность по ввѣренному ему дѣлу, разумѣется, нисколько не жалѣя интересовъ помѣщика, насчетъ котораго совершались всѣ эти наглядныя доказательства. Главнымъ и первымъ средствомъ, къ которому прибѣгали въ такомъ случаѣ, была отрава лошадей и скота: сперва отдѣльно по нѣскольку штукъ, а потомъ и въ видѣ общей заразы. Всѣ эти гадости исчезнутъ съ крѣпостнымъ правомъ, и тогда можно будетъ думать объ улучшеніи скотоводства, и о полученіи съ него дохода. Отрасль эта способна у насъ къ огромному развитію, и нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ мѣстностяхъ она будетъ въ хозяйствѣ не побочнымъ, какъ до сихъ поръ, но главнымъ источникомъ доходовъ. Въ имѣніяхъ отдаленныхъ отъ торговыхъ центровъ будетъ выгоднѣе продавать зерновой хлѣбъ, обративъ его въ мясо, или перейдти къ способу пользованія землей, означенному у насъ подъ № 3, и даже къ способу № 4.

Что касается до коннозаводства, то ему предстоитъ у насъ весьма важное измѣненіе. Въ настоящее уже время простая крестьянская порода лошадей чрезвычайно вздорожала, вслѣдствіе введенія во многихъ мѣстахъ обработки земли наемными рабочими на господскихъ лошадяхъ, а лошади,употребляемыя для извозовъ, или такъ-называемые

битюки при одномъ и двухъ вершкахъ роста продаются гораздо дороже, нежели заводскія, особенно верховыя при трехъ и четырехъ вершкахъ. Это возвышеніе въ цѣнѣ рабочихъ лошадей, и упадокъ лошадей каретныхъ, а еще болѣе верховыхъ, будетъ постоянно увеличиваться; онъ произведетъ совершенную реформу въ нашемъ коннозаводствѣ, и дастъ ему болѣе естественное и слѣдовательно болѣе выгодное направленіе.

Я старался съ возможною полнотой указать на всѣ источники валоваго дохода, котораго можно ожидать при предстоящей реформѣ сельскаго хозяйства; мнѣ остается еще сказать о способѣ пользованія землей, означенномъ мною подъ № 5, то-есть о лѣсоразведеніи.

Уничтоженіе лѣсовъ и возвышеніе цѣнности лѣсныхъ матеріяловъ съ одной стороны, и невозможность полученія дохода съ нѣкоторыхъ земель, каковы напримѣръ песчаныя мѣстности, бугры, скаты и проч., съ другой, сдѣлали бы разведеніе лѣсовъ чрезвычайно выгодною и доходною статьей, еслибъ охраненіе лѣсовъ отъ порубокъ и лѣсоразведеній отъ потравъ было у насъ возможно при настоящемъ положеніи постановленій по этой части.

Желающимъ ознакомиться съ этимъ предметомъ въ большей подробности, я предлагаю прочесть статью мою, о самовольныхъ порубкахъ и о потравахъ, или матеріялы для сельскаго устава, помѣщенныя въ *Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи*, издаваемомъ г. Калачовымъ.

Обращаясь къ элементамъ валоваго расхода, то-есть къ издержкамъ на обработку земли, мы должны опровергнуть старинное и вошедшее у насъ въ нравы ошибочное убѣжденіе, что чѣмъ меньше расходу тѣмъ лучше. Оно конечно лучше при данномъ доходѣ, но если отъ увеличенія расхода увеличивается доходъ, разумѣется не рубль за рубль, а вдвое, втрое, что̀ у насъ возможно, то подобный расходъ будетъ очень выгоденъ. Какъ, повидимому, не понять такой простой истины, а между тѣмъ вы увидите, что изъ согласившихся съ ея очевидною справедливостію почти ни одинъ предусмотрительный хозяинъ не рѣшится на затраты. Отчего это? Вопервыхъ отъ невозможности улучшеній въ хозяйствѣ при барщинной работѣ, а вовторыхъ и еще болѣе, отъ неправильности и шаткости всѣхъ юридиче-

скихъ и административныхъ отношеній. Самое выгодное употребленіе сбереженій для простолюдина—зарыть деньги въ землю, а для лицъ другихъ сословій, не исключая и торговаго, положить ихъ въ кредитное учрежденіе, хотя бы изъ 2-хъ процентовъ. Когда эта неурядица прекратится, тогда только можно будетъ совѣтовать частнымъ лицамъ не бояться производительныхъ затратъ.

Расходы для обработки земли наемными рабочими могутъ быть раздѣлены на два рода: расходы единовременные на обзаведеніе строеніями, машинами, орудіями лошадьми, сбруей, скотомъ и такъ далѣе, и расходы ежегодные на поддержаніе и ремонтъ всего заведеннаго, на наемъ и пищу рабочимъ людямъ. Отношеніе между расходами единовременными, или на обзаведеніе, и расходами ежегодными, или на производство, таково, что чѣмъ съ большею предусмотрительностію, съ бо́льшимъ знаніемъ дѣла и въ бо́льшихъ размѣрахъ сдѣланы первые, тѣмъ болѣе сокращаются вторые, безусловно, или относительно, то-есть увеличивается ихъ производительность.

Важность затраты значительныхъ капиталовъ и особенной заботливости при первоначальномъ заведеніи очевидна; отъ первоначальнаго заведенія зависитъ успѣхъ дальнѣйшаго хозяйства.

Всѣ прежнія наши издержки на строенія можно почитать почти совершенно пропавшими, потому что они дѣлались совершенно съ другими цѣлями и намѣреніями. Прежде старались концентрировать всѣ хозяйственныя заведенія, теперь напротивъ необходимо раздѣлять большія хозяйства на отдѣльныя фермы или хутора; прежде строили для щегольства, теперь нужно имѣть въ виду практическую пользу; прежде строили деревянныя строенія, не боясь ихъ безпрерывнаго ремонта, который былъ даровой,—теперь необходимо строить все каменное, чтобы не тратить денегъ и времени на безпрерывныя починки, и т. д. Кромѣ того всѣ земледѣльческія орудія, телѣги, сбрую лошадей нужно заводить совершенно вновь, что̀ потребуетъ много денегъ, особенно при неприступной дороговизнѣ у насъ чугуна и желѣза.

Гдѣ взять капиталовъ на всѣ эти издержки? Вопросъ не разрѣшимый при настоящемъ окончательномъ уничтоженіи

поземельнаго кредита; а между тѣмъ отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ вся будущность нашего земледѣлія.

Что касается издержекъ ежегодныхъ, то главная статья между ними есть плата наемнымъ рабочимъ. Плата эта и въ настоящее время не велика; но можно ожидать, что она еще уменьшится при совершенномъ прекращеніи барщины. Такъ какъ число вольнонаемныхъ рабочихъ для той же работы, которая дѣлалась обязательнымъ трудомъ, по самому свойству наемнаго труда должна быть менѣе, то очевидно, что предложеніе превзойдетъ запросъ. Къ этому обстоятельству слѣдуетъ еще прибавить, что во многихъ имѣніяхъ, по ихъ положенію и другимъ условіямъ, будутъ введены способы пользованія землею требующіе весьма малаго числа рукъ, и это еще болѣе понизитъ заработную плату. Если представятся затрудненія по найму рабочихъ, то они будутъ происходить не отъ цѣнъ, а отъ недостатка правильности всѣхъ денежныхъ сдѣлокъ у насъ, то-есть отъ неудовлетворительности суда и администраціи.

До сихъ поръ крестьянинъ нанимался въ батраки только тогда когда находился въ совершенной нуждѣ, слѣдовательно непремѣнно бралъ денегъ впередъ. Давъ ему денегъ подъ будущій трудъ, хозяинъ находился къ нему въ обязательномъ отношеніи, то-есть долженъ былъ довольствоваться всякою работой, потому что не могъ пользоваться главнымъ преимуществомъ вольнаго труда, возможностію удалить юродиваго работника. Взыскать данныя впередъ деньги не было никакой возможности даже и тогда, если работникъ, взявъ деньги, просто не возвращался къ хозяину, а нанимался у сосѣда за лишній рубль. Ни суда, ни самыхъ законовъ на этотъ предметъ у насъ не было. Вотъ почему не было возможности нанимать государственныхъ крестьянъ и безсрочныхъ солдатъ, подчиненныхъ своимъ опричнымъ защитникамъ, жалоба которымъ была всегда по крайней мѣрѣ безполезна, если не навлекала еще дальнѣйшихъ непріятностей. Кромѣ совершеннаго ухода со взятыми впередъ деньгами, — случая не слишкомъ частаго, который можетъ быть даже взятъ въ соображеніе при бюджетѣ расходовъ, есть еще общій обычай несравненно болѣе затрудняющій правильность хода земледѣльческихъ работъ,—это невозвращеніе по нѣскольку дней послѣ праздниковъ и особенно мѣстныхъ, храмовыхъ. Въ самую ра-

бочую пору, въ то время когда дорога каждая минута, вдругъ недостаетъ третьей или четвертой части рабочихъ въ продолженіи трехъ или четырехъ дней, несмотря на ихъ обѣщаніе возвратиться на другой день послѣ праздника. Единственное средство въ этомъ случаѣ былъ бы наемъ на эти дни поденьщиковъ, но гдѣ ихъ взять въ ту минуту, а нанимать накапунѣ невозможно, потому что неизвѣстно возвратятся ли гуляки или нѣтъ, и притомъ такой наемъ ведетъ къ спорамъ не разрѣшимымъ. Вообще о наймѣ сельскихъ рабочихъ людей должны быть сдѣланы точныя, ясныя и практическія постановленія, которыя бы устранили всякій произволъ и не казались рабочимъ выдумкой и притѣсненіемъ со стороны нанимателей. Составленіе хорошаго сельскаго устава есть въ настоящее время самая насущная, самая не отлагательная потребность, отъ разумнаго удовлетворенія которой зависитъ все направленіе нашего земледѣлія и весь успѣхъ его на будущее время.

Выразимъ вкратцѣ все сказанное нами о способѣ обработки земли вольно-наемными рабочими.

Способы пользованія землею могутъ быть различные:

1. Обработка земли подъ зерновые хлѣба и корнеплодныя растенія.

2. Отдача земли подъ пастбища.

3. Скотоводство, овцеводство и коневодство безъ запашки земли или при весьма незначительной запашкѣ.

4. Оставленіе земли подъ степи для укоса сѣна.

5. Лѣсоводство натуральное и искусственное.

Не должно вездѣ вводить перваго способа пользованія землею безъ всякаго разбора и разчета, слѣдуя лишь примѣру прежнихъ барщинныхъ хозяйствъ.

Остальные четыре способа могутъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, давать столько же, а иногда и болѣе, чистаго дохода.

Обстоятельства благопріятныя для перваго способа суть:

Близость сбыта произведеній земледѣлія.

Хорошее качество земли.

Возможность употребить достаточный капиталъ для первоначальнаго обзаведенія.

Правильность въ наймѣ рабочихъ.

Собственное знаніе дѣла, или по крайней мѣрѣ, готовность къ его пріобрѣтенію.

Обстоятельства неблагопріятныя для перваго способа суть тѣ же самыя въ отрицательной формѣ.

Возможность перехода отъ обстоятельствъ неблагопріятныхъ къ обстоятельствамъ благопріятнымъ первому способу зависитъ:

1. Отъ улучшенія путей сообщенія и усиленія средствъ доставки произведеній на мѣста сбыта вслѣдствіе развитія правильной торговли.

2. Отъ усиленія плодородія земель посредственнаго или даже дурнаго качества предварительнымъ примѣненіемъ къ нимъ одного изъ остальныхъ четырехъ способовъ пользованія.

3. Отъ возстановленія поземельнаго кредита и отъ огражденія кредита личнаго.

4. Отъ составленія разумнаго и практическаго сельскаго устава, которымъ бы не только опредѣлились правильно отношенія между нанимателемъ и наемщикомъ, но и охранялась бы земледѣльческая собственность отъ обычныхъ нарушеній, какъ потравы, порубки, конокрадство и поджоги, введеніемъ такого судопроизводства, по которому бы обвиняемый былъ или оправданъ или наказанъ, а не оставленъ только въ подозрѣніи, то-есть получилъ возможность мстить своему обвинителю, всѣмъ свидѣтелямъ и самому производителю слѣдствія.

Неудовлетворительность суда и злоупотребленія администраціи гораздо губительнѣе для народнаго благосостоянія нежели моровая язва, война, наводненія и землетрясенія. Вредъ причиняемый послѣдними имѣетъ характеръ мѣстный и временный, а вредъ причиняемый первыми повсемѣстный и постоянный; бѣдствія эти уничтожаютъ богатство и цѣнности уже существующія, между тѣмъ какъ отсутствіе суда и злоупотребленія администраціи уничтожаютъ самую возможность образованія этихъ богатствъ и производства этихъ цѣнностей; можно изчислить стоимость потерь причиненныхъ войною, наводненіемъ или землетрясеніемъ, потому что цѣнности ими уничтоженныя уже существовали, но вредъ причиняемый развитію народнаго богатства отсутствіемъ суда и злоупотребленіями

администраціи не исчислимъ: какъ опредѣлить цѣну того, что могло бы быть, но осуществленію чего они препятствуютъ?

5. Земледѣлія въ новыхъ его условіяхъ никто еще у насъ не знаетъ, и успѣхъ его болѣе зависитъ отъ ясности взгляда, наблюдательности, любви къ этому занятію, и главное, отъ твердости характера начинателя, нежели отъ познаній, пріобрѣтенныхъ при старой системѣ барщиннаго хозяйства.

Дѣйствительно, для дѣятельности въ провинціи, среди того общественнаго порядка, которымъ заключается наша деревенская жизнь, нужна не только твердость характера, но даже нѣкоторая степень геройства. Всякій, кто жилъ въ деревнѣ, не будучи очень богатымъ или вліятельнымъ лицомъ, пойметъ насъ, и мы не станемъ далѣе развивать нашу мысль, которую могли бы подтвердить весьма поучительными примѣрами.

Облегченіе удобствъ деревенской жизни и огражденіе ея отъ всѣхъ безобразныхъ аномалій, которыми она со всѣхъ сторонъ обставлена, гораздо болѣе и успѣшнѣе будетъ содѣйствовать развитію земледѣлія и увеличенію народнаго богатства, нежели всѣ земледѣльческія газеты, министерскіе журналы, выставки, образцовые хутора, модели, преміи и всѣ прочіе блестки мнимаго поощренія и покровительства.

Улучшеніе путей сообщенія, развитіе правильной торговли, возстановленіе поземельнаго кредита, обезпеченіе кредита личнаго, устройство судовъ, прекращеніе безнаказанности частныхъ лицъ и злоупотребленій лицъ офиціяльныхъ — вотъ тѣ средства, которыми высшая администрація можетъ дѣйствовать на оживленіе и введеніе правильнаго земледѣлія, на увеличеніе народнаго богатства и на благо цѣлой Россіи.

Меня могутъ упрекнуть, что все мною доселѣ сказанное носитъ характеръ общій и даже теоретическій, тогда какъ было бы желательно встрѣтить болѣе данныхъ, которыми можно было бы воспользоваться на практикѣ. Мнѣ кажется, что послѣднія еще далеко не установились, и что въ настоящее время гораздо поучительнѣе, полезнѣе и практичнѣе изслѣдовать тѣ основныя причины, отъ которыхъ зависитъ дальнѣйшее ихъ опредѣленіе.

Что касается до вычисленій во что̀ обходится каждая десятина при обработкѣ вольнонаемными рабочими, сколько она даетъ дохода и до всѣхъ цифровыхъ доказательствъ превосходства этого способа землевоздѣлыванія, то я тоже имѣлъ бы право сказать свое слово, потому что владѣю ненаселеннымъ хуторомъ въ 660 казенныхъ десятинъ и держу 30 годовыхъ работниковъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ нанимаю лѣтомъ, и веду свое хозяйство этимъ способомъ уже пять лѣтъ; но не хочу пускаться въ обнародованіе подробностей, потому что нахожу преждевременнымъ дѣлать какіе-нибудь выводы изъ своей практики.

В. Ржевскій.

СИМПЛОНСКАЯ ДОРОГА

Всѣ эти бездны да обвалы,
Снѣга, потоки, водопадъ,
Да сѣрыя нагія скалы
Мнѣ въ душу холодно глядятъ.
Крутятся горы облаками,
Курится ими тощій лѣсъ;
Гдѣ-гдѣ безцвѣтными клочками
Лишь видны полосы небесъ.
Смѣшенье нищеты съ величьемъ
Повсюду царствуетъ въ горахъ...
Безлюдно:—развѣ съ зобомъ птичьимъ
Дѣвчонку видешь при овцахъ,
Да горный камышекъ цвѣтистый
Убогій мальчикъ продаетъ,
Да домикъ бѣдненькій, но чистый,
Изъ-за утеса промелькнетъ...
Узка кремнистая дорога,
Вiясь надъ бездной, какъ змѣя:
Съ ней подымаюсь въ область Бога,
И въ пропасти спускаюсь я...

Но свѣтъ мгновенно исчезаетъ,
Глубокій мракъ разлитъ въ очахъ:
То веттуринъ мой проѣзжаетъ
Провалъ прорубленный въ скалахъ...
И вновь на свѣтъ, на холодъ снѣжный,
И вновь я слышу хороводъ
Однообразный, мелкобѣжный
По камнямъ прыгающихъ водъ.

Я въ Альпы такъ зашелъ высоко,—
Когда бъ не тучъ, не сосенъ строй,—
Кажись, изъ моего далека,
Возмогъ бы видѣть край родной;
И мнѣ казали сосны эти
Къ своимъ поволжскимъ сестрамъ путь...
Да и пора въ родимой клѣти
Отъ дальнихъ странствій отдохнуть!
Вѣдь намъ ужь съ родины дѣлами
И трезвой мыслью понесло...

Намъ холодно за облаками,
А на землѣ у насъ тепло!

Бригъ (въ Швейцаріи).
7 іюня, 1861 г.

Н. ЩЕРБИНА.

ВЪ БЕЛЬВЕДЕРЪ.

По ватиканскимъ галлереямъ,
Путемъ гробницъ къ нему я шелъ:
Тамъ торжество надъ древнимъ змѣемъ
Намъ провѣщательный глаголъ...

И я увидѣлъ Аполлона,
Съ побѣдой свѣтлой на челѣ,
Ужь поразившаго Пиѳона
Въ болотной тинѣ и во мглѣ...

Не наше ль впереди блаженство
Въ его рисуется чертахъ,
Не мысли ль нашей совершенство,
Не зло ль поверженное въ прахъ?

Намъ этотъ мраморъ указуетъ
Людей грядущую судьбу:
Такъ свѣтъ надъ тьмой восторжествуетъ,
Пройдя сквозь долгую борьбу.

Во мнѣ я слышалъ какъ цѣлилась
Болѣзнь отчаянья людей,
Какъ даль яснѣе становилась
Подъ тяготою нашихъ дней;

И хоть порывъ къ труду сильнѣе,
Душимый жизнью, вопіялъ,
Хоть чувство русское больнѣе
Въ крови я сердца ощущалъ:

Но все же вспомню я порою,
Страдая отъ житейскихъ ранъ,
Что съ облегченною душою
Тебя оставилъ, Ватиканъ!

Римъ. 1861 г.

Н. ЩЕРБИНА.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ НАТУРАЛИСТА.

Руководство къ Зоологіи Х. Г. Бронна, переводъ А. Богданова. Москва. Изданіе книгопродавца А. И. Глазунова. 1860—1861.

Всѣмъ извѣстно до чего усилилась въ послѣднее время дѣятельность русской печати; извѣстно какъ эта дѣятельность разрослась внезапно какимъ-то лихорадочнымъ взмахомъ. Нѣкоторыя изъ причинъ такого, не совсѣмъ обыкновеннаго явленія, весьма ясны и заключаются въ самой литературѣ съ ея обстановкою; но любопытно узнать, увеличилась ли потребность къ чтенію въ самомъ обществѣ, или лучше сказать, соотвѣтствуетъ ли потребленіе производству въ дѣлѣ литературы?

Я говорю только о книгахъ по части естественной исторіи и намѣренъ обратить вниманіе читателей лишь на стремленіе нашей публики къ этой отрасли литературы и науки. Что это стремленіе существуетъ, видно изъ большаго числа естественно-историческихъ книгъ изданныхъ у насъ въ послѣднее время. Бросивъ однакоже взглядъ на каталоги этихъ книгъ, и на тѣ изъ нихъ, которыя у меня подъ рукою, мнѣ приходитъ въ голову горест ная мысль, что интересъ нашего общества къ естественнымъ наукамъ далеко не такъ великъ, какъ то можно заключить изъ этихъ длинныхъ списковъ. Вотъ напримѣръ хоть *Руководство къ Зоологіи* Бронна, въ переводѣ А. Богданова, остановилось на первомъ выпускѣ втораго тома, и Богъ знаетъ, пойдетъ ли еще дальше. Посмотримъ виновата ли въ томъ книга или ея переводъ? Я тѣмъ болѣе нахожу нелишнимъ поговорить объ этомъ сочиненіи, что считаю его превосходнымъ и въ высшей степени полезнымъ, не только для студентовъ, но и для всякаго любителя природы, для всякаго преподователя естественныхъ наукъ.

Гейдельбергскій профессоръ Бронн есть одинъ изъ знаменитѣйшихъ зоологовъ нашего времени. Обширность и многосторонность его познаній обнаружилась блистательнѣйшимъ образомъ въ его *Lethaea geognostica*; талантъ и сила соображенія—въ его *Разысканіяхъ законовъ развитія органическаго міра*, твореніи, за которое авторъ получилъ большую премію отъ Французской академіи наукъ (въ 1857), предпочтительно предъ французскимъ ученымъ Д'Обиньи. Громадное трудолюбіе Бронна выражается многочисленностію сочиненій [1], которыя всѣ отличаются величайшею основательностію и подробнѣйшимъ знаніемъ ученой литературы *Руководство къ Зоологіи* или, какъ его назвалъ самъ авторъ, *Классы и Отряды животнаго царства* [2], представляютъ самую полную картину науки о животныхъ, въ современномъ ея состояніи. До сихъ поръ еще не оконченъ и третій томъ сочиненія, заключающій въ себя моллюсковъ, но оно уже имѣетъ большое значеніе, тѣмъ болѣе что именно низшія животныя, съ которыхъ Бронн начинаетъ, теперь изслѣдуются съ наибольшимъ рвеніемъ. Если названное твореніе окончится, то оно послужитъ прочнымъ памятникомъ своему строителю.

Вотъ планъ сочиненія.

Животныя описываются по классамъ, которыя приняты авторомъ въ смыслѣ несравненно болѣе тѣснымъ чѣмъ у Кювье, фонъ-деръ-Гувена и другихъ зоологовъ. Бронновскіе классы соотвѣтствуютъ отрядамъ Кювье и другихъ, что уже показываетъ степень подробности, принятую авторомъ. Кювьеровскіе же классы онъ называетъ *кругами*. На характеристикѣ этихъ круговъ онъ останавливается не долго, ибо то что̀ можно сказать общаго о такомъ большомъ количествѣ существъ, которое входитъ въ составъ обширныхъ группъ, весьма незначительно, и притомъ имѣло бы догматическій характеръ, вовсе не согласный съ сущ-

---

[1] См. его: *Lethaea geognostica*. Два тома. 8 д. съ атласомъ, 1835—1837. Второе изданіе въ сообществѣ съ Рёмеромъ. Шесть томовъ. 8 д, 1851—1856. *Geschichte der Natur*. IV. 8 д. 1841—49. *Morphologische Studien über die Gestaltung-Gesetze der Natur-Körper etc.* 1858. 8 д. *Allgemeine Zoologie*. 1850. 8 д.

[2] *Die Klassen und Ordnungen des Thier-Reichs, wissenschaftlich dargestellt in Wort und Bild*. Von Dr. H. G. Bronn. Leipzig und Heidelberg. 1860. Еще продолжится.

ностью предмета. При этой характеристикѣ представлено однако историческое развитіе науки и полная общая литература описываемаго круга животныхъ. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе естественной исторіи классовъ характеризованнаго круга. Каждое изъ такихъ изложеній содержитъ слѣдующія главы:

I. *Введеніе.* Исторія изслѣдованій существъ класса, установленіе его имени и весьма полная литература заключающая въ себѣ списокъ не только отдѣльныхъ сочиненій, но и ученыхъ журнальныхъ статей.

II. *Органическое строеніе.* Общія черты организаціи, гистологія, наружное и внутреннее анатомическое строеніе по системамъ органовъ,—все это изложено съ большею подробностію чѣмъ въ какомъ-либо другомъ курсѣ сравнительной анатоміи.

III. *Химическій составъ.*

IV. *Отправленія органовъ по ихъ системамъ.*

V. *Развитіе*, изложенное въ большой полнотѣ.

VI. *Классификація.* Установленіе класса, отрядовъ съ семействами, и ключъ всѣхъ извѣстныхъ живущихъ и ископаемыхъ родовъ, чего нѣтъ ни въ одномъ курсѣ зоологіи.

Классификація является такимъ образомъ отраженіемъ организаціи животныхъ. Читатель ясно видитъ причину, по которой тотъ или другой родъ, то или другое семейство занимаетъ свое мѣсто. Пройдя длинный рядъ отрядовъ, семействъ и родовъ съ ихъ характеристиками, онъ имѣетъ передъ глазами тѣ разнообразныя степени аналогій и сходственностей, которыя опредѣляютъ сближеніе или удаленіе существъ другъ отъ друга, однимъ словомъ, видитъ такъ сказать собственными глазами процессъ построенія естественной системы, и понимаетъ что̀ значитъ слова великаго Кювье: „Каждый шагъ естественной системы есть вмѣстѣ съ тѣмъ и движеніе впередъ всей науки“.

VII. *Топографическое и географическое размѣщеніе животныхъ класса.* Мѣстопребываніе ихъ, географическое распредѣленіе. Обширныя таблицы распредѣленія живущихъ и ископаемыхъ родовъ (по числу ихъ видовъ) въ геологическихъ періодахъ и въ наше время.

VIII. *Геологическое развитіе.* Постепенное развитіе животныхъ класса въ теченіе ряда геологическихъ періодовъ.

IX. *Значеніе въ природѣ*: отношеніе къ другимъ существамъ, польза или вредъ человѣку и пр.

Этотъ перечень уже показываетъ, какія полныя свѣдѣнія можетъ почерпать читатель изъ сочиненія Бронна. Изложеніе отличается большою ясностію и отсутствіемъ всякихъ теоретическихъ разглагольствій. Сходства и аналогіи выставляются сами собою.

Такое сочиненіе не могло быть лишено рисунковъ, и согласно заглавію своему, оно украшено весьма многими таблицами, не отличающимися роскошью исполненія; но сдѣланными весьма отчетливо.

Послѣ этого легко повѣрить, что *Зоологія* Бронна можетъ, какъ я сказалъ, служить съ пользою не только студентамъ, но также учителямъ, профессорамъ и любителямъ природы. По ней можно опредѣлять роды животныхъ распредѣлять зоологическія коллекціи, и главное, вникать поглубже чѣмъ то дѣлается обыкновенно въ міръ одушевленныхъ существъ отовсюду насъ окружающій.

Мнѣ кажется, что популяризація, распространеніе науки, можетъ гораздо вѣрнѣе совершаться сочиненіями подобными этому чѣмъ такъ-называемыми *популярными* книгами. Прочитавъ хорошо написанное, легкое сочиненіе, въ которомъ авторъ обыкновенно старается игриво представить предметъ свой, избѣгая *скучныхъ* подробностей, читатель можетъ-быть и проведетъ нѣсколько пріятныхъ часовъ, пріобрѣтетъ нѣсколько полезныхъ свѣдѣній,—но и только. Напротивъ того, серіозное и обширное сочиненіе, изложенное ясно и отчетливо, даетъ ему возможность углубиться самому въ предметъ, сдѣлаться тотчасъ самому изслѣдователемъ, и съ помощью могучаго руководителя извѣдать наслажденіе истиннаго знанія. Каждое изъ тѣхъ безчисленныхъ, мелкихъ существъ, которыя вращаются вкругъ насъ въ лѣтнее время, когда многіе не знаютъ часто куда дѣться отъ скуки, живя въ деревнѣ или на дачѣ,—каждое изъ нихъ можетъ послужить источникомъ цѣлаго ряда наслажденій. Доискиваться того что̀ описано, вдумываться въ архитектуру природы, есть, право, отдыхъ самый существенный отъ тысячи мелкихъ житейскихъ заботъ; надо только разъ испытать его до конца, и тогда онъ скажется самъ за себя.

Сочиненіе Бронна не заключаетъ въ себѣ никакихъ новыхъ философскихъ воззрѣній, все достоинство его заклю-

чается въ полнотѣ, отчетливости и ясности изложенія; но по обѣщанію автора, въ концѣ его будутъ изложены общіе законы строенія и жизни животныхъ, то-есть то, что̀ можно бы справедливо назвать *теоретическою зоологіей*, и мы въ правѣ надѣяться, что этачасть будетъ отличаться высокимъ научнымъ интересомъ.

Теперь спрашивается: отчего русскій переводъ этого сочиненія такъ мало расходится?

На это предъявляются обыкновенно три причины. Во-первыхъ говорятъ, что занимающіеся науками почти всегда накомы съ нѣмецкимъ языкомъ. Это справедливо только, касательно спеціалистовъ, но и для нихъ необходимо имѣть на русскомъ языкѣ сочиненіе подобное Бронну, сочиненіе, въ которомъ переводчикъ могъ бы установить русскую зоологическую номенклатуру, или по крайней мѣрѣ положить ей основаніе. Впрочемъ спеціалистовъ по зоологіи у насъ очень не много, и они навѣрное всѣ имѣютъ русскій переводъ Бронновскаго руководства. Что же касается до студентовъ естественнаго и медицинскаго факультетовъ, то о нихъ далеко невѣрно мнѣніе, что они могутъ читать по нѣмецки также легко какъ по-русски; то же самое должно сказать и о просвѣщенныхъ любителяхъ зоологіи.

Во-вторыхъ, ссылаются на дороговизну; но вѣдь книга издавалась выпусками, изъ которыхъ только послѣдній стоитъ 1 р. 50 к., а остальныя 1 р. 25, 75, 60 и 50 к., между тѣмъ какъ многочисленныя литографированныя таблицы, къ нимъ приложенныя, весьма мало уступаютъ нѣмецкимъ и весьма хороши. Я бы думалъ, что между нашими учащимися и любителями серіозныхъ занятій могла найдтись тысяча человѣкъ свободно располагающихъ пятью рублями въ годъ на покупку книги.

Втретьихъ наконецъ, ссылаются на дурной переводъ. Переводъ дѣйствительно не изъ лучшихъ; но все же онъ не такъ плохъ, чтобы затемнять смыслъ, особенно въ чисто описательной части, которая составляетъ почти все сочиненіе — le corps de l'ouvrage.

Слѣдовательно, остается объяснить тугой ходъ русскаго перевода зоологіи Бронна крайнимъ равнодушіемъ публики къ серіозному изученію природы, да развѣ еще тѣмъ, что книга медленно издавалась.

Сказавъ что переводъ не изъ лучшихъ, я долженъ под-

твердить это фактами. Въ краткомъ введеніи, на страницѣ VI, находимъ слѣдующій періодъ. „Но какъ ни общи и ни существенны всѣ эти отличительныя свойства животныхъ отъ растеній, тѣмъ не менѣе однакоже нѣтъ ни одного изъ нихъ (за исключеніемъ развѣ, врядъ ли могущихъ во всѣхъ случаяхъ быть дознанными практически, явленій чувствительности и питанія *только посредствомъ органическихъ веществъ?*), которое было бы безъ исключенія обще всѣмъ животнымъ и могло одно само по себѣ служить безусловнымъ отличительнымъ признакомъ, такъ какъ всѣ эти свойства появляются въ низшихъ типахъ стоящихъ на границѣ животнаго царства, настолько постепенно, что оба царства—растительное и животное—представляются развивающимися изъ одного общаго корня, дѣлающаго въ высшей степени труднымъ фактическое установленіе границъ, отдѣляющихъ оба эти царства.“ Эта тирада, разумѣется, не изъ лучшихъ. Далѣе въ томъ же введеніи, на страницѣ VII, находимъ слѣдующее мѣсто. Сказавъ, что всего естественнѣе начинать изложеніе зоологіи съ простѣйшихъ животныхъ, хотя обратный путь часто удобнѣе и согласнѣе съ историческимъ развитіемъ науки, Броннъ продолжаетъ:

Jener Gang ist es aber auch, der uns verarlasst, statt der analytischen eine mehr synthetische Behandlungsweise unserer Wissenschaft zu wählen und aus allen besonderen Beobachtungen erst allmählich die allgemeineren Gesetze der Erscheinungen zu entwickeln.

Естественный ходъ изученія животныхъ обусловливаетъ аналитическій методъ обработки науки, руководствуясь которымъ, мы будемъ получать изъ отдѣльныхъ наблюденій постепенно все болѣе общіе законы явленій животной жизни.

Изъ сравненія текста съ переводомъ ясно, что переводчикъ говоритъ вовсе не то что̀ авторъ,—это очень большая небрежность, къ счастію, она лишь во введеніи доходитъ до извращенія смысла. Въ изложеніи самаго предмета замѣчается только большая шероховатость слога, запутанность выраженій и неудача въ выборѣ техническихъ названій. Можно ли напримѣръ употреблять выраженіе *многодирочники?* Ужь лучше мнѣ кажется говорить *рѣшетчатники*, согласно второму термину, предложенному г. Богдановымъ, хотя и то весьма плохо. При выборѣ названій ученый отнюдь не долженъ переводить съ того или другаго языка; тутъ должно стараться подыскать слово, мѣтко вы-

ражающее сущность предмета, въ которомъ можно почти всегда найдти нѣсколько равносильныхъ признаковъ: а изъ этихъ признаковъ одни легче фиксируются напримѣръ нѣмецкимъ словомъ, другіе—русскимъ. Даже въ латинской терминологіи, наиболѣе прочной, разные авторы придаютъ нерѣдко однимъ и тѣмъ же группамъ животныхъ или растеній разныя названія, основываясь на различныхъ признакахъ. Такъ напримѣръ членистыхъ называютъ *Articulata* и *Arthropoda* (членистыми и члено-ногими [1]); пресмыкающихся (лягушекъ, тритоновъ и пр.) называютъ *Dipnoa* или *Psiloderma*, при чемъ обращается вниманіе или на органы дыханія, или на наружные покровы. Такъ точно и насчетъ *полицистиній*, — вмѣсто непріятнаго выраженія *многодирочники* можно бы сказать напримѣръ *кремнепанцырныя*, *кремнепокровныя* [2], принимая во вниманіе, что животныя соѣдняго класса, корненожки, снабжены почти всегда известковыми раковинками; да и у другихъ животныхъ, снабженныхъ каменистыми частями, части обыкновенно роговыя или известковыя, — такъ что преобладаніе кремнезема въ твердыхъ частяхъ полицистиній можетъ считаться весьма характернымъ признакомъ для этихъ мелкихъ тварей.

Я уже сказалъ, что въ описательной части переводъ не представляетъ особыхъ неудобствъ при чтеніи; слѣдовательно, повторяю опять, книга Бронна не расходится по тому, что между нами еще мало настоящихъ любителей природы: мы видно довольствуемся пока, въ этомъ отношеніи, такъ называемыми пассивными наслажденіями. А все-таки нельзя не пожелать, чтобъ это превосходное сочиненіе было переведено у насъ вполнѣ.

А. БЕКЕТОВЪ.

---

[1] Artropoda собственно *сочлененно-ногія*.

[2] Это выраженіе предложено мною, разумѣется, лишь въ видѣ примѣра, я вовсе не считаю его окончательно мѣткимъ, думаю только, что оно лучше слова многодирочники. Polycystina, Polycystinia значитъ собственно *многоячеистыя*, *многокамерныя*. Послѣдній терминъ встрѣчается уже въ русскихъ книгахъ.

ГРУСТНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТЪ

Г. Коссовичъ издалъ въ прошломъ году *Четыре статьи изъ Зендавесты*, съ текстами зендскимъ и пеглевійскимъ, съ переводами латинскимъ и русскимъ, и съ глоссаріемъ. Это въ высокой степени необыкновенное явленіе въ русской литературѣ встрѣчено критикою довольно странно, чуть не съ напутствіемъ въ родѣ овидіевскаго:

Parve, nec invideo, sine me liber ibis... *(ad Orcum)*.

Оно почти не замѣчено и перешло въ книгопродавческій каталогъ, какъ продуктъ типографскаго станка, не означающій ничего особеннаго. Сколько намъ извѣстно, ученые спеціалисты не остановили на немъ своего вниманія, а нѣкоторые критики неспеціалисты даже нашли въ немъ предметъ осужденія. Такъ, въ прошломъ году, *Литературная Лѣтопись С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, № 225, отозвалась хотя съ почетомъ о сочинителѣ, но замѣтила, что такой трудъ его не своевременъ въ русской литературѣ и составляетъ безполезную, едва ли не вредную въ ней роскошь. Полагая, что мнѣніе это могутъ раздѣлять многіе, требующіе отъ литературы непосредственной пользы, разсмотримъ, каково его значеніе. Съ перваго взгляда нельзя не видѣть въ немъ оппозиціи, если не учености вообще, то нѣкоторымъ ученымъ занятіямъ. Оппозиція эта имѣетъ, повидимому, благонамѣренную цѣль и внушена какъ бы невольно усердіемъ къ общему благу. „Намъ еще не подъ силу, говоритъ *Литературная Лѣтопись*, удѣлять своихъ лучшихъ людей, своихъ честныхъ тружениковъ, для изученія какого-нибудь Зороастра.“ Мы отнюдь не думаемъ защищать г. Коссовича, котораго не имѣемъ чести знать лично, и который вовсе не нуждается въ нашей защитѣ. Не желали бы обвинять и *Литературную Лѣтопись*, которая высказала свое мнѣніе съ искреннимъ расположеніемъ къ добру, и хочетъ, чтобы всѣ умственныя силы любителей науки были посвящены одному интересу—пользѣ общества. Но намъ кажется, что здѣсь таится недоразумѣніе и нѣкоторыя безсознательныя побужденія сомнитель-

наго достоинства. Едва ли справедливо думать, что *чистая* ученость, если можно такъ выразиться, вовсе *неприкладна* къ цивилизаціи текущей минуты и не вліятельна на нее ни сколько. Едва ли справедливо требовать, чтобы все вниманіе мыслящихъ людей было обращено на одни животрепещущіе вопросы времени, и что отвлекаться отъ нихъ наукою для науки—вредъ. Нѣтъ ли здѣсь односторонности взгляда? Есть даже, по нашему мнѣнію, нѣчто худшее, это—равнодушіе къ малодоступнымъ сферамъ учености; скажемъ болѣе: это—безотчетное пренебреженіе науки. *Литературная Лѣтопись* говоритъ: „Годами отзывается этотъ трудъ (г. Коссовича), несмотря на малый объемъ книги, и для чего все это? Для четырехъ главъ изъ Зендавесты, въ которыхъ почти нѣтъ ничего!“ Какъ должно быть больно, думаемъ мы, человѣку, который посвятилъ всю жизнь свою высокой эрудиціи, который, послѣ долголѣтняго благороднаго труда, разчитываетъ, что пора ему подѣлиться своимъ ученымъ богатствомъ съ соотечественниками, и которому благонамѣренно говорятъ: „Не надо, не надо! Намъ не этого теперь надобно!“ И говорятъ это люди образованные, ревнители просвѣщенія, усердствующіе руководить мнѣніемъ публики. За пренебреженіемъ недалеко и до презрѣнія. Вотъ собственныя слова *Литературной Лѣтописи* о книгѣ г. Коссовича: „*Потрачено* много упорнаго, усидчиваго труда... и проч. Оно (прекрасное предисловіе) только капля въ морѣ труда, *потраченнаго* г. Коссовичемъ.“ Потраченнаго! Какъ будто это была работа фигляра, котораго Александръ Македонскій достойно наградилъ мѣркой гороха. Трудъ этотъ былъ бы потраченъ въ такомъ только случаѣ, еслибъ онъ не объяснялъ подлинника, а затемнялъ его въ текстахъ и переводахъ. Этого не обнаружено *Литературною Лѣтописью*, да она и осуждаетъ не качество, а выборъ труда. Откуда у насъ такая поспѣшность въ приговорахъ! На какой силѣ она основывается! Почему мы такъ смѣло предаемся своей, какъ намъ кажется, непогрѣшительности? Сказать ли?.. По недостатку контроля нашихъ свѣдѣній въ публикѣ,—не въ литературѣ, а въ публикѣ. Назначать по своему произволу занятія ученому, это развѣ не деспотизмъ своего рода? Развѣ возможно переиначивать самовольно натуру ума? Какоемы имѣемъ право роптать на ученаго, что онъ не посвятилъ себя „другимъ ча-

стямъ науки, имѣющимъ ближайшее приложеніе“? Всякому свое. Въ началѣ XV столѣтія, безъ дальней науки, простой рыбакъ Бейкельсъ выучилъ Голландцевъ солить и укладывать въ бочонки сельди, и отечество воздвигло ему статую. Карлъ V и венгерская королева, сестра его, поклонились его гробу. Отличіе и честь заслуженныя. Но сколько же открытій, и какихъ произвела наука! Мы настаиваемъ здѣсь не на пользѣ наукъ. Въ этомъ уже никто не сомнѣвается. Мы указываемъ на *непредвидимость* открытій вслѣдствіе науки. Высшая филологія и лингвистика даже теперь даютъ предчувствовать, что они помогутъ раскрыть со временемъ глубокія тайны исторіи. „И для кого, спрашиваетъ *Литературная Лѣтопись*, поднятъ этотъ тяжкій трудъ?“ Конечно не для большинства. Для самаго большаго большинства, для всѣхъ, всего нужнѣе азбука, хотя и противъ нея нашелся одинъ заслуженный русскій литераторъ съ приговоромъ: „Рано!“ Нѣтъ сомнѣнія, что наука предназначена для всѣхъ, но не всѣми она создается. *Литературная Лѣтопись* сомнѣвается въ существованіи публики для книги г. Коссовича. Надѣемся на лучшее. По историческимъ условіямъ литературная наша публика (мы разумѣемъ не однихъ писателей) такъ устроилась, что, несмотря на ея малочисленность, въ ней есть люди высокой образованности и науки. Но еслибъ и не было публики для книги г. Коссовича, почему знать, что она не производетъ ее сама? Зачѣмъ скажете. Слово: зачѣмъ, не новое; оно слышалось и читалось давнымъ-давно, и не у насъ однихъ. Эхо его повторяется и теперь не рѣдко. Зачѣмъ, напримѣръ, философскія теоріи, зачѣмъ считать звѣзды на небѣ? Какая въ томъ польза? Не лучше ли приложить свое стараніе къ грядѣ огурцовъ или капусты, чѣмъ залетать Богъ знаетъ куда попусту? Но, вопервыхъ,—и это выше всего,—упражнять духъ по его стремленію къ наукѣ—польза и необходимость; вовторыхъ, явится оттого въ свое время и польза общая, матеріяльная,—какъ и когда, не извѣстно, можетъ-быть и очень скоро, только она явится въ свое время. *Литературная Лѣтопись* хвалитъ предисловіе къ четыремъ статьямъ *Зендавесты*. „Но мы бы, продолжаетъ она, искренно говоря, съ удовольствіемъ ограничились этимъ прекраснымъ предисловіемъ.“ Предисловіе можетъ быть прекрасно: это мы легко допускаемъ (хотя и не видѣли книги г. Кос-

совича, и разбираемъ не книгу, а возникшій изъ нея фактъ), судя по предыдущимъ трудамъ его; со всѣмъ тѣмъ очень жалѣли бы, еслибы литература наша лишена была четырехъ главъ *Зендавесты*, и, можетъ-быть, промѣняли бы на нихъ самое прекрасное предисловіе. Ничто такъ не возбудительно для ума, какъ занятіе важными подлинниками. Ихъ непосредственное, такъ-сказать, соприкосновеніе дѣйствуетъ на разумъ гораздо плодотворнѣе чѣмъ всѣ ихъ изложенія. Есть какая-то таинственная сила въ оригинальныхъ произведеніяхъ, изъясняющая ихъ, которая сказывается только прямо ими и задерживается болѣе или менѣе отъ всякаго посредничества для передачи ихъ смысла и значенія. Они впрочемъ дѣйствуютъ такъ не на всѣхъ, а только на соотвѣтственныя имъ натуры, по роду ума и чувства. Возьмите примѣръ съ картинъ великихъ мастеровъ. Но въ искусствѣ замѣнитъ еще многое, при недостаткѣ высокихъ оригиналовъ, природный геній художниковъ. Въ эрудиціи ничто не замѣнитъ оригинальнаго произведенія. Удивительнымъ намъ показался вопросъ *Литературной Лѣтописи:* „Что же такое *Зендавеста* “ Неужели она не признаетъ, что это не только памятникъ глубокой древности (за тысячу лѣтъ до... но все равно), но такой, который имѣлъ огромное вліяніе на восточный міръ, и не на одинъ восточный, ученіе, которое проникало въ человѣчество по разнымъ направленіямъ, прошло не безъ послѣдствій чрезъ средніе вѣка, и теперь еще дышитъ не въ одной Азіи? Анкетиль зналъ что дѣлать, когда пошелъ въ простые солдаты въ Индію, для того чтобы добыть для Европы это сокровище. По словамъ *Литературной Лѣтописи:* „Мы еще очень и долго можетъ обойдтись безъ *Зендавесты.*“ Долго! Мы обходились долго, тысячу лѣтъ... безъ многаго. Только хорошо ли это? Заключимъ коротко: осужденіе ученой литературы, недостаточной для большинства, какъ бы оно ни заслонялось видами общей пользы, есть пренебреженіе науки. Оказанное ей пренебреженіе людьми изъ числа образованныхъ легко распространяется въ малоразсуждающей, хотя и грамотной толпѣ, которая любитъ всякое осужденіе больше похвалы. Она рада этимъ случаямъ и увлекается въ своихъ порицаніяхъ гораздо дальше той осторожности, которой придерживается ея руководители. Конечно, она не будетъ въ ученаго „бросать бѣшено каменья“, какъ въ Лермонтова пророка. Не доросъ онъ до пророка; но вѣдь и „онъ гордъ, онъ не ужился съ нами“. Камни зачѣмъ? А вотъ, развѣ, грязцою... Побольше, побольше уваженія къ благороднымъ трудамъ!

ДОКТОРЪ ЯСТРЕБЦОВЪ.

КЪ КАКОЙ ПРИНАДЛЕЖИМЪ МЫ ПАРТІИ?

Хорошо то слово, которое раждается вмѣстѣ съ дѣломъ и служитъ ему завершеніемъ; оно хорошо, потому что произнесено самою жизнію, развилось изъ тѣхъ же источниковъ, изъ какихъ происходитъ дѣло, и содержитъ его въ себѣ. Потому оно полновѣсно, знаменательно, исполнено жизненной силы. Такое слово есть свѣтъ, оно сознаніе, оно душа живаго дѣла, съ которымъ оно связано неразрывно. У всякаго человѣка и во всякомъ обществѣ есть бо́льшій или меньшій запасъ такихъ жизненныхъ словъ, и ихъ легко отличить отъ словъ другаго рода, которыхъ къ сожалѣнію бываетъ у людей великое множество. Особенно у насъ люди образованные изнемогаютъ подъ страшнымъ обиліемъ такихъ словъ, которыя въ устахъ произносящихъ не имѣютъ никакого жизненнаго значенія,—словъ пустыхъ, звонко стекающихся въ калейдоскопъ фразъ и заглушающихъ всякое проявленіе мысли.

Человѣкъ хорошо понимаетъ только то, что̀ онъ дѣйствительно извѣдалъ, что̀ было имъ испытано, что̀ наконецъ было имъ сдѣлано или что̀ сдѣлалось въ немъ. Какъ хорошо чувствуется такое слово, кто бы ни произносилъ его, и къ чему бы оно ни относилось? Въ немъ вся сила поэзіи, все очарованіе жизни, въ немъ неотразимое могущество убѣжденія. Но гдѣ найдти человѣка, у котораго всѣ понятія были бы такими живыми силами? Большею частію люди безъ грѣха пробавляются понятіями составленными изъ элементовъ общихъ, представляющими лишь смутные очерки, ни мало не воспроизводящими дѣйствительнаго, внутренняго собственнаго значенія вещи. Иначе и не возможно: никакой человѣкъ не можетъ собственнымъ опытомъ извѣдать всѣ положенія жизни, и во многомъ по необходимости онъ долженъ довольствоваться опытами другихъ, суррогатами воображенія, отвлеченными схемами. Кто не испыталъ извѣстной привязанности, кто не извѣдалъ извѣстнаго лишенія, тотъ никогда не пойметъ ихъ отличительной сущности, тому никакъ не растолкуете

растолкуете въ чемъ состоитъ ихъ живая особенность, и тому приходится довольствоваться понятіями, которыя выработались изъ другихъ, болѣе или менѣе близкихъ, или болѣе или менѣе отдаленныхъ источниковъ; остается только желать, чтобъ эти источники были по возможности близки, чтобъ эти понятія не были вовсе пустыми словами, которыя вносятъ въ жизнь приторную аффектацію, изнуряющую ложь, обиліе фразъ и общихъ мѣстъ, тяжелымъ хламомъ ложатся на способности людей, на общественныя силы, и дѣлаютъ ихъ негодными къ плодотворной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи общество и отдѣльные люди подлежатъ одному и тому же закону: что̀ бываетъ съ лицами, то бываетъ и съ общественною средой. Общественныя понятія бываютъ или живыми силами, или пустыми словами.

Въ нашей литературѣ есть всевозможныя слова, какія только есть во всѣхъ литературахъ въ мірѣ; намъ знакомы всѣ термины; мы всего касаемся, обо всемъ говоримъ; мы нисколько не затрудняемся въ характеристикѣ всевозможныхъ явленій. Мы сыплемъ терминами, сортируемъ, классифицируемъ. На все готово у насъ соотвѣтственное прозвище. У насъ есть философы всѣхъ разрядовъ: и матеріялисты, и идеалисты, и всевозможные исты, хотя философіи у насъ еще не бывало. У насъ есть политическія партіи всѣхъ оттѣнковъ: консерваторы, умѣренные либералы, прогрессисты, конституціоналисты (даже не выговоришь этого ужаснаго термина!), и демократы, и демагоги, и соціялисты, и коммунисты; но у насъ нѣтъ ничего похожаго на политическую жизнь. У насъ есть слова и нѣтъ дѣла, и всѣ наши *исты*—существа воображаемыя, призраки, слова и слова, которымъ ничто въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ, а если что̀ и соотвѣтствуетъ, то совсѣмъ другое, ни мало не похожее на смыслъ этихъ разсыпаемыхъ нами терминовъ. Наши кружки, наши партіи, ихъ борьба и ихъ сдѣлки, ихъ статьи и ихъ журналы, — все это явленія воздушныя, которыя конечно имѣютъ свои причины и принадлежатъ къ области дѣйствительнаго, но дѣйствительный смыслъ ихъ совсѣмъ не то, чѣмъ они кажутся или чѣмъ хотятъ казаться. И степное марево происходитъ отъ дѣйствительныхъ причинъ; но эти колокольни, эти города, эти пейзажи, эти

озера, которыя кажетъ оно путнику, все это чистѣйшій обманъ, призракъ, пустота.

Нельзя безъ смѣха слышать, какъ распредѣляютъ себя по различнымъ политическимъ партіямъ наши общественные дѣятели. Всего почетнѣе было прослыть прогрессистомъ; всего позорнѣе было попасть въ разрядъ консерваторовъ. Было время (оно еще не миновало), когда слово *консерваторъ* употреблялось вмѣсто брани, и несчастный, въ котораго бросалось это карательное прозвище, трепеталъ и блѣднѣлъ, и готовъ былъ пройдтись колесомъ по городскимъ улицамъ, чтобъ искупить свой грѣхъ и перечислиться въ ряды прогрессистовъ. Консерваторъ—это обскурантъ, крѣпостникъ, ненавистникъ человѣческаго рода, врагъ меньшихъ братій, подлецъ и собачій сынъ. Прогрессистъ—это другъ человѣчества, готовый на великіе подвиги, на всяческія жертвы, въ интересѣ просвѣщенія, свободы, благоденствія всѣхъ и каждаго. То—скаредное сердце, а это—широкая, прекрасная, благородная душа, исполненная гражданской скорби. Какъ же было тутъ колебаться въ выборѣ? Можно ли было дозволить себя назвать консерваторомъ?—и вотъ всѣ изо всей мочи пускались предъявлять свои права на почетное званіе прогрессиста. Такъ какъ прозвище прогрессиста означало все самое лучшее и самое пріятное на свѣтѣ, то стало-быть чѣмъ болѣе прогрессистъ казался прогрессистомъ, тѣмъ было лучше. Всѣ по широкому пути спѣшили впередъ, обличая, отрицая, плюясь, ругаясь и кувыркаясь на всѣ манеры; естественно, разжигалось желаніе обогнать другъ друга, опередить всѣхъ и прослыть прогрессистомъ изъ прогрессистовъ. Такъ какъ дѣло происходило на воздухѣ, то разрушать и созидать было дѣло самое легкое. Недѣлями переживались цѣлыя эпохи, и, что̀ третьяго дня казалось отважнѣйшею мыслію, дающею почетнѣйшее мѣсто въ рядахъ прогрессистовъ, становилось пошлостью, отсталостью, ограниченностью, достойною смѣха. Судоустройство, администрація, политическія учрежденія, свобода во всѣхъ ея видахъ, наука, все одно за другимъ выбрасывалось за бортъ въ этой воздушной гонкѣ. Прогрессисту было уже совѣстно заниматься всѣмъ этимъ вздоромъ, и всякій еще занимавшійся имъ, отбрасывался съ громкимъ воплемъ въ мрачные ряды консерваторовъ, становился человѣкомъ узколобымъ, „тупоумнымъ дуракомъ“ (sic).

И въ самомъ дѣлѣ, можно ли было толковать о такихъ мизерныхъ вещахъ, какъ напримѣръ административныя или судебныя преобразованія, экономическая свобода или формы государственнаго устройства, когда можно было заняться разрушеніемъ цѣлаго міра съ тѣмъ чтобы возсоздать изъ ничего? Наконецъ не замедлило стать постыднымъ всякое опредѣленное направленіе, всякая мысль, въ которой оставался какой-нибудь вкусъ, какой-нибудь цвѣтъ. Наши прогрессисты размахались до того, что все исчезло передъ ними, и имъ осталось только придти въ себя и догадаться, что они до одурѣнія кружились на одномъ мѣстѣ. Теперь нашимъ прогрессистамъ болѣе не предстоитъ ничего дѣлать; всѣ ихъ эволюціи окончены; имъ остается только, отдохнувъ и протеревъ глаза, догонять отсталыхъ изъ консерваторовъ, которые понемножку подобрали себѣ то, что̀ побросали эти дервиши. Прозвище консерваторовъ мало-по-малу утратило бранное значеніе, оно начинаетъ входить въ честь, и очень немудрено, что въ одно прекрасное утро всѣ проснутся отъявленными консерваторами, и званіе прогрессиста, нѣкогда такъ славное, станетъ въ свою очередь браннымъ словомъ, обиднымъ и позорнымъ. Нѣтъ основанія отчаиваться, чтобы скоро потомъ не совершился новый оборотъ, чтобы не наступила новая очередь, чтобы снова не вошли въ честь прогрессисты, и чтобы снова не подверглись поруганію консерваторы, и чтобы въ сущности все это не было одно и то же. Эти побѣды и пораженія, эта слава и позоръ, эти великія партіи, эти консерваторы и прогрессисты, эти знамена и значки,—все это одна фантасмагорія, которая совсѣмъ не то значитъ, что̀ ею представляется.

Что̀ пріятнѣе нашей жизни? Постоянная, вѣчная игра! Прежде наши *beaux esprits* играли въ философскія школы, теперь играютъ въ политическія партіи.

Мы никогда не искали чести принадлежать къ какой-нибудь изъ нашихъ партій, мы никогда не соглашались быть органомъ какого-нибудь кружка. Ни званіе прогрессиста, ни званіе консерватора не заключало въ себѣ ничего для насъ плѣнительнаго. Но если мы сами не причисляли себя ни къ какому разряду, за то другіе заботились о нашемъ цвѣтѣ. Насъ бранили и чествовали то консерваторами, то либералами, то прогрессистами, то отсталыми. Но мы смѣемъ

увѣрить нашихъ классификаторовъ, что нисколько не тщимся принадлежать къ тому или другому разряду; мы не видимъ ни малѣйшей для себя чести слыть прогрессистами или консерваторами, крайними или умѣренными, передовыми или отсталыми. Признаемся, мы даже не видимъ существенной разницы между всѣми этими оттѣнками въ нашей литературѣ, и какъ сказано выше, не видимъ въ нихъ никакого серіознаго смысла. Пусть называютъ насъ какъ кому угодно: ни чести, ни стыда мы въ этомъ для себя не видимъ.

Не только къ этимъ шутовскимъ партіямъ, но и къ партіямъ серіознымъ, еслибъ онѣ когда-нибудь образовались у насъ, мы не могли бы примкнуть. Мы понимаемъ всю важность политическихъ партій, тамъ гдѣ онѣ являются дѣломъ серіознымъ; мы готовы отдать должную честь органамъ политическихъ партій тамъ гдѣ онѣ существуютъ, и однако сами не согласились бы принять на себя обязанность служить органомъ какой бы то ни было партіи. У всякаго своя натура и свое призваніе, какъ у человѣка, такъ и у журнала. Всякій можетъ быть полезенъ только въ предѣлахъ своей натуры и по своимъ средствамъ. Претензія стать чѣмъ-нибудь, вопреки кореннымъ основамъ своего существованія, ни къ чему не ведетъ и портитъ всякое дѣло.

Мы понимаемъ, что всякій общественный интересъ можетъ и долженъ собирать вокругъ себя людей, и связывать ихъ въ одно дѣло. Чѣмъ могущественнѣе и богаче жизнь, тѣмъ сильнѣе заявляетъ въ ней себя каждое начало, тѣмъ упорнѣе держится всякій интересъ, тѣмъ болѣе чувствуетъ и знаетъ себя всякое возникшее въ ней право. Въ этомъ-то жизнь и состоитъ; гдѣ напротивъ все расплывается, ничто не заявляетъ и не чувствуетъ себя, ничто не выступаетъ и не дѣйствуетъ, тамъ нѣтъ и жизни,—тамъ призраки и тѣни, но силъ живыхъ тамъ нѣтъ. Все, что̀ въ жизни образовалось, все существующее, естественно должно заботиться и о сохраненіи, и объ улучшеніи своего существованія. Людямъ весьма естественно чувствовать съ особенною силой тотъ интересъ которому они служатъ, и дѣйствовать съ особенною энергіей въ пользу того начала, которое создаетъ и держитъ ихъ. Очень естественно, что всякій другой интересъ чувствуется ими съмень-

шею силой, а въ случаѣ столкновенія, чувствуется даже враждебнымъ образомъ. Когда разыгрывается жизнь и различные общественные интересы между собою сталкиваются, непремѣнно возникаютъ противоположныя направленія, которыя между собою борются и оспариваютъ другъ у друга и силу, и самое существованіе. Органы противоположныхъ направленій, и по влеченію и по долгу, преде всего заботятся о томъ, чему служатъ. Въ разгарѣ борьбы, имъ трудно, а иногда и вовсе невозможно сохранить безпристрастіе и свободу сужденія. Они склонны смотрѣть на все съ особой точки зрѣнія, и все оцѣнивать по отношенію къ тому началу, которое сознательно или безсознательно, корыстно или безкорыстно, владѣетъ ихъ сердцемъ и господствуетъ надъ ихъ умами; имъ бываетъ трудно и почти невозможно ставить себя на другія точки зрѣнія и входить въ другія положенія; цѣль ихъ — непосредственное дѣйствіе въ извѣстномъ смыслѣ, тотъ или другой результатъ въ томъ или другомъ направленіи. Понятія ихъ принимаютъ одинъ привычный оборотъ. Первая, основная, инстинктивная забота ихъ не въ томъ чтобы система ихъ воззрѣній соотвѣтствовала цѣлой истинѣ, а въ томъ чтобы достигнуть ближайшей цѣли, которая у нихъ передъ глазами, и которая овладѣваетъ ихъ дѣятельностію. Понятія служатъ для нихъ только средствомъ; они располагаются въ ихъ мысли такъ какъ требуется положеніемъ дѣлъ въ данную минуту и соотвѣтственно ихъ точкѣ зрѣнія. Они не имѣютъ ни побужденія, ни досуга заботиться о критикѣ своихъ воззрѣній; имъ некогда приводить свои понятія въ ихъ естественныя соотношенія, ставить ихъ въ полной независимости отъ случайныхъ вліяній, отъ настроеній минуты, отъ ближайшей практической цѣли. Имъ болѣе или менѣе чуждъ интересъ всесторонней оцѣнки, главный интересъ разумѣнія и знанія. Но цѣлое общество не можетъ быть равнодушно къ этому послѣднему интересу; человѣческая жизнь не можетъ безъ него обходиться. Между множествомъ разнородныхъ интересовъ, раздѣляющихъ общественную дѣятельность, долженъ дѣйствовать и этотъ интересъ, какъ особая сила. Люди, призванные служить ему, не могутъ быть органами партій, которыя между собою борются, оспаривая другъ у друга успѣхъ, вліяніе и власть. Эти люди заботятся не о томъ,

чтобы повернуть по своему ходъ дѣлъ, но чтобы въ каждомъ положеніи, въ каждую минуту, служить органомъ независимой и всесторонней оцѣнки. Это не значитъ, чтобъ они должны были оставаться равнодушными къ текущимъ интересамъ жизни; напротивъ, все достоинство такихъ органовъ зависитъ отъ того участія, которое они принимаютъ во всемъ, на все отзываясь. Но ихъ призваніе — искать рѣшенія вопросовъ не въ интересѣ какого-либо особаго направленія, не въ видахъ какой-либо отдѣльной партіи, а въ общемъ интересѣ дѣла, согласно съ его сущностію и его естественнымъ положеніемъ въ системѣ того цѣлаго, къ которому они принадлежатъ. Они не могутъ служить органомъ тому или другому изъ противоположныхъ направленій, какъ бы ни были они почтенны; они не могутъ отдавать себя на службу тому или другому изъ спорящихъ между собою стремленій, правъ или даже истинъ; но они должны имѣть въ виду то, что каждому особому праву даетъ характеръ и силу права, то, что каждой особой истинѣ сообщаетъ значеніе истины, то, что въ каждомъ направленіи составляетъ его дѣйствительную основу, часто не сознаваемую, его истинный интересъ, часто затемняемый недоразумѣніями, страстями и обстоятельствами. Если это партія, то это партія внѣ всякихъ партій. Такое призваніе нисколько не предопредѣляетъ достоинства его органовъ; оно только обозначаетъ ихъ относительное положеніе, характеръ и задачу ихъ дѣятельности. Они могутъ быть хороши и дурны, способны и неспособны, удовлетворять и не удовлетворять своему призванію; но такое призваніе непремѣнно должно заявлять себя посреди общества, въ которомъ пробудилась жизнь и дѣятельность.

Такого рода направленіе, по своей натурѣ, не можетъ замыкаться въ какую-нибудь отдѣльную организацію. Органы этого направленія не могутъ и не должны быть ни присяжными консерваторами, ни присяжными либералами. Они должны заботиться только о томъ, чтобы сохранять независимость сужденія и держаться ко всему въ отношеніяхъ совершенно свободныхъ. Для нихъ міръ не долженъ раздѣляться на двѣ рѣзкія полосы: черную и бѣлую, дурную и хорошую, злую и добрую. Не будучи ни формальными консерваторами, ни формальными прогрессистами, они могутъ

быть и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, при извѣстныхъ условіяхъ и въ извѣстномъ смыслѣ.

Въ чемъ состоитъ истинное назначеніе охранительнаго начала? Въ чемъ заключается сущность и цѣль прогресса? У насъ эти вопросы давно уже рѣшены; тѣмъ не менѣе посмотримъ въ чемъ состоитъ сущность того и другаго направленія. Истинно прогрессивное направленіе должно быть въ сущности консервативнымъ, если только оно понимаетъ свое назначеніе и дѣйствительно стремится къ своей цѣли. Чѣмъ глубже преобразованіе, чѣмъ рѣшительнѣе движеніе, тѣмъ крѣпче должно держаться общество тѣхъ началъ, на которыхъ оно основано, и безъ которыхъ прогрессъ обратится въ воздушную игру тѣней. Все, что будетъ клониться къ искорененію какого-нибудь существеннаго элемента жизни, должно быть противно прогрессивному направленію, если только оно понимаетъ себя. Всякое улучшеніе происходитъ на основаніи существующаго; этому учитъ насъ природа, во всѣхъ своихъ явленіяхъ и формаціяхъ. Тотъ же законъ господствуетъ и въ исторіи: всякое преобразованіе, всякое усовершенствованіе, можетъ происходить только на основаніи существующаго, съ сохраненіемъ всѣхъ его силъ, всѣхъ его зиждительныхъ элементовъ. Общественное устройство не можетъ по произволу отказываться отъ того или другаго начала, которое требуется его нормой. Какъ во всякомъ развитіи природы, такъ и во всякомъ историческомъ развитіи есть извѣстная сумма элементовъ, изъ которыхъ оно слагается, такъ что при отсутствіи того или другаго изъ нихъ, оно вовсе невозможно, или невозможно въ своемъ нормальномъ видѣ. Исключить какія-либо существенныя начала изъ даннаго развитія, значитъ измѣнить сущность вещей, перепрыгнуть, какъ говорится въ логикѣ, изъ одного рода въ другой; значитъ имѣть въ виду что-нибудь другое, а не то о чемъ идетъ рѣчь. Исключить изъ общественнаго развитія какое-нибудь начало, которое служитъ однимъ изъ необходимыхъ условій человѣческаго общества, значитъ обезсилить общество, изуродовать его, подвергнуть его болѣзнямъ тяжелымъ и опаснымъ, отъ которыхъ придется лѣчиться. Часто такія катастрофы бываютъ неизбѣжны. Слишкомъ часто случаются онѣ въ исторіи народовъ; но надобно знать, что онѣ случаются вовсе не въ

интересѣ прогресса, а вопреки его видамъ. Жизнь пользуется всѣмъ; она пользуется и разрушеніемъ и смертію; но разрушеніе и смерть не можетъ быть цѣлью жизни; не того она хочетъ. Общественное развитіе можетъ изъ всякаго паденія подниматься съ новыми силами; но паденія не могутъ быть его цѣлію, оно не можетъ сознательно приготовлять ихъ подъ видомъ прогресса. Интересъ прогресса состоитъ не въ томъ, чтобъ изгнать изъ общества то или другое начало: изгнанное въ дверь, оно воротится въ окно; напротивъ, задача состоитъ въ томъ, чтобы каждому началу, безъ котораго не можетъ обойдтись нормальное развитіе общества, дать соотвѣтственное положеніе и силу, отвести его въ должные предѣлы. Зло и вредъ заключаются не въ томъ или другомъ элементѣ, а въ неправильномъ положеніи, которое онъ занимаетъ; надобно измѣнить его положеніе, поставить его въ другія отношенія, и онъ получитъ совершенно новый характеръ. Въ этомъ и состоитъ вся цѣль прогресса,—прогресса не отвлеченно-взятаго, и неизвѣстно что̀ означающаго,—но прогресса въ чемъ-нибудь дѣйствительно-существующемъ, въ томъ или другомъ народѣ, въ томъ или другомъ обществѣ. Напрасно мы будемъ думать, что, подвергнувъ остракизму какое-нибудь общественное начало, неправильно дѣйствующее, мы освободимъ отъ него общество. Оно не исчезнетъ, оно не уничтожится; исчезнетъ только доля добра, а ядъ останется; оно явится въ другомъ видѣ, подъ другимъ именемъ. Потерявъ одно изъ существенныхъ условій своего развитія, общество получитъ его обратно, но какъ начало ему чуждое и враждебное, которое до тѣхъ поръ будетъ его язвой и задержкой на всѣхъ путяхъ, пока не будетъ признано, не будетъ замирено и не найдетъ себѣ надлежащаго мѣста. Возьмемъ примѣръ. Часто государство находится въ неправильномъ отношеніи къ жизни; централизація и вмѣшательство, стѣсняющія и убивающія жизнь, вызываютъ справедливыя жалобы и реакцію, и нерѣдко возникаетъ вопросъ, не есть ли государство, со всѣми своими принадлежностями и отправленіями, только помѣха для общественной жизни? И не въ томъ ли долженъ состоять прогрессъ, чтобъ общество наконецъ освободилось отъ государства? Жалкое заблужденіе! Лишь только мы представимъ себѣ, что государственное начало будетъ исключено,

лишь только мы вообразимъ себѣ, что самостоятельная и отдѣльная организація государственныхъ властей исчезнетъ, какъ въ тотъ же самый мигъ, общество, повидимому освобожденное отъ государства, утратитъ напротивъ значеніе свободнаго общества, и во всемъ составѣ своемъ превратится въ то самое начало, отъ котораго думало освободиться; оно само будетъ государствомъ, и государствомъ тѣмъ худшимъ, что государство будетъ въ немъ все во всемъ, не давая ничему свободнаго существованія и на все налагая свою печать. Что это не есть только теоретическое соображеніе, что дѣйствительно такъ бываетъ, въ томъ удостовѣряетъ насъ исторія многими примѣрами. Возьмите древнія республики, возьмите Соединенные Штаты. Если нѣтъ самостоятельной организаціи государственнаго начала, все общество принимаетъ болѣе или менѣе его характеръ; если не будетъ опредѣленной государственной функціи, то вся общественная жизнь по необходимости превратится въ функцію; если не будетъ правильнаго суда и расправы, то явится законъ Линча. Вырвите съ корнемъ монархическое начало, оно возвратится въ деспотизмъ диктатуры; уничтожьте естественный аристократическій элементъ въ обществѣ, мѣсто его не останется пусто, оно будетъ занято или бюрократами, или демагогами, олигархіей самаго дурнаго свойства, Негодуя и жалуясь на злоупотребленія и излишества централизаціи, попробуйте коснуться самаго начала, уничтожьте централизацію не въ ея злоупотребленіяхъ, а въ самомъ ея корнѣ, — вы убьете цѣлую національность, вы разрушите трудъ вѣковъ, подорвете основу дальнѣйшаго развитія, но зла не уничтожите, напротивъ еще усилите: вмѣсто одного органическаго центра явится нѣсколько фальшивыхъ, нѣсколько мелкихъ деспотій, гдѣ еще ревнивѣе и придирчивѣе разовьется духъ вмѣшательства и опеки, и гдѣ для личной свободы будетъ еще менѣе благопріятныхъ условій. Что такое рабство во всѣхъ видахъ личнаго, семейнаго и общиннаго деспотизма? Не есть ли это тотъ же принципъ власти только въ своемъ грубомъ видѣ, не есть ли это то же государственное начало только въ дикомъ состояніи? Исторія, полагая общій центръ народной жизни, собираетъ мало-по-малу всѣ элементы власти изъ всѣхъ закоулковъ, въ которыхъ она внѣдряется, дико разливаясь по всему простору народной жизни. Сосредоточивая власть въ одинъ общій для

цѣлой страны органъ, образуя правильное государство, историческое развитіе даетъ возможность человѣку существовать по человѣчески. По мѣрѣ развитія правильнаго и благоустроеннаго государства, развивается и укрѣпляется въ своихъ основахъ свободное общество, и государственное начало, преобразуясь, согласно своему истинному назначенію, опредѣляя все яснѣе свойственную ему функцію, становится источникомъ великихъ благодѣяній, крѣпкою основой свободы, и соединяется съ нею въ общемъ интересѣ. Даже принципъ неволи, убивавшій человѣка или ставившій его въ неестественное положеніе, не исчезаетъ, не уничтожается. Исчезаетъ только его противоестественное, грубое, дикое дѣйствіе. Исчезаетъ невольничество,—но въ образованномъ обществѣ каждый человѣкъ жертвуетъ частію своей воли. Исчезаетъ рабство, которое убиваетъ одного человѣка и уродуетъ другаго, но возникаютъ взаимныя обязательства, связывающія людей во всякомъ благоустроенномъ общежитіи. Чѣмъ глубже и шире развивается общественная свобода, тѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе становятся обязанности людей другъ передъ другомъ и передъ цѣлымъ обществомъ, и тѣмъ охотнѣе люди подчиняются принципу *неволи* въ высшемъ, благородномъ, священномъ значеніи долга.

Что можетъ быть предметомъ сознательнаго и разумнаго храненія? Никакъ не отживающія формы, которыя рушатся сами собой. Истиннымъ предметомъ храненія должны быть не формы, а начала, которыя въ нихъ живутъ и даютъ имъ смыслъ. Всякая опасность, которой подвергается какое-либо начало, живущее въ обществѣ, вызываетъ въ чуткой средѣ проявленіе охранительныхъ силъ. Интересъ охранительный состоитъ не въ томъ, чтобы помѣшать дальнѣйшему развитію начала, которое ему дорого, но чтобъ обезпечить и оградить самое его существованіе. Консерватизмъ есть живая, великая сила, когда онъ чувствуется въ глубокихъ корняхъ жизни, а не въ поверхностныхъ явленіяхъ, когда онъ относится къ существованію зиждительныхъ началъ человѣческой жизни, а не къ формамъ, въ которыхъ они являются. Формы дороги для него только въ той мѣрѣ, въ какой еще чувствуется въ нихъ жизненное присутствіе начала; они дороги для него пока съ ними тѣсно связано существованіе живущаго въ нихъ начала. Вотъ проба

истиннаго консерватизма: почувствуетъ ли онъ гдѣ и въ какой мѣрѣ погасло жизненное дѣйствіе хранимаго начала, и гдѣ мертвые остатки обращаются во вредъ ему, удерживая его въ ложномъ и опасномъ положеніи? узнаетъ ли онъ то же начало въ новой принятой имъ формѣ, въ новомъ положеніи, въ новомъ образѣ дѣйствія? Понятны разныя постороннія побужденія;—привычка или корысть,—которыя могутъ привязывать людей къ отжившимъ условіямъ быта, но дѣло не въ отдѣльныхъ людахъ, а въ сущности направленія. Чуткій, понимающій себя консерватизмъ, не врагъ прогресса, нововведеній и реформъ; напротивъ онъ самъ вызываетъ ихъ въ интересѣ своего дѣла, въ интересѣ храненія, въ пользу тѣхъ началъ, которыхъ существованіе для него дорого; но онъ съ инстинктивною заботливостію слѣдитъ за процессомъ переработки, опасаясь, чтобы въ ней не утратилось чего-либо существеннаго. Его, очень естественно, болѣе заботитъ сохраненіе этихъ существенныхъ началъ нежели конечный результатъ процесса. Истинно-охранительное направленіе въ сущности дѣйствуетъ заодно съ истинно-прогрессивнымъ; но у каждаго есть своя опредѣленная функція въ одномъ общемъ дѣлѣ, и въ своихъ частныхъ проявленіяхъ онѣ безпрерывно могутъ расходиться и сталкиваться.

Плохіе тѣ консерваторы, которые имѣютъ своимъ лозунгомъ *statu quo*, какъ бы ни было оно гнило, которые держатся господствующихъ формъ и очень охотно мѣняютъ начала. Для такихъ все равно какое бы ни образовалось положеніе дѣлъ, для нихъ все равно какая бы комбинація ни вступила въ силу; имъ важно только знать, на которой сторонѣ власть. Они презрительно относятся къ прошедшему и цинически смотрятъ на будущее. Нынче они посвящаютъ свои охранительныя услуги монархіи, завтра они явятся такими же ревностными хранителями власти въ республикѣ, и вслѣдъ затѣмъ поступятъ на службу къ диктатору. Они слѣдятъ только за переходами власти. Имъ все равно, утратится или не утратится то или другое начало въ организаціи общественной жизни; имъ нужно только, чтобы гдѣ-нибудь и какъ-нибудь образовалась власть, вокругъ которой они всегда съ поспѣшностью сгруппируются, не спрашивая болѣе ни о чемъ. Они равнодушны къ интересу свободы, который составляетъ душу добраго консерватизма; они

готовые поклонники всякаго успѣха, всякой торжествующей формы. Ихъ инстинктивный порывъ влечетъ ихъ не туда, гдѣ чувствуется нарушеніе равновѣсія, гдѣ дѣйствующее начало подвергается опасности и теряетъ силу; напротивъ ихъ тянетъ въ ту сторону, гдѣ оказывается преобладаніе. Они всегда рады оказать помощь торжествующей силѣ, которая въ помощи не нуждается. Если они иногда колеблются, не рѣшаясь пойдти въ ту или другую сторону, то это значитъ, что они сомнѣваются въ побѣдѣ и не увѣрены, на которой сторонѣ окажется перевѣсъ. Такіе консерваторы, сознательно или безсознательно, дѣйствуютъ заодно со лже-прогрессистами и, какъ говорятъ Нѣмцы, работаютъ другъ другу въ руки. Если, современемъ, разовьется у насъ политическая жизнь и образуются партіи, то да избавитъ Богъ наше отечество отъ такихъ консерваторовъ!

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАГО ТОМА.

ЯНВАРЬ.

Стр.

Попытки мѣстнаго самоуправленія во Франціи *Ѳ. Г. Тернера.* 5
Воспоминаніе о Гоголѣ. *Л. Арнольди.* 54
Новый талантъ въ современной англійской литературѣ. *А. В. Дружинина.* 96
Записки Вильсона. *Ю. В. Толстаго.* 120
Стоячая Вода. Повѣсть. *В. Крестовскаго.* 196
Изъ записокъ генералъ-адъютанта Муравьева о войнѣ 1855 года въ Малой Азіи. 310
Чешская Деревня. *А. С. Троянскаго.* 342
Изъ дорожнаго дневника веденнаго за границей. *Я. К. Грота.* 383
Hôtel „La Sirena“. Стихотвореніе. *Н. Ѳ. Щербины.* 411
Подражаніе Шенье. Стих. *Б. Н. Алмазова.* 414
Русская Литература: *Ложныя и отреченныя книги русской старины.* Собр. А. Н. Пыпинымъ. *Н. С. Тихонравова.* 415
Замѣтка. 428

Геологическіе очерки Кавказа. *Г. Е. Щуровскаго.* . . . 433
Отцы и Дѣти. *И. С. Тургенева.* 473
Прошлое лѣто въ деревнѣ. *С. Безыменнаго.* 664
Подражаніе А. Шенье. Стихотвореніе. *Б. Н. Алмазова.* 702
Атаманъ Брагинъ и разбойникъ Зубакинъ. *Д. Л. Мордовцева.* 703
Изъ дорожнаго дневника веденнаго за границей. *Я. К. Грота.* 734
Изъ исторіи Преображенскаго кладбища. *S.* 747
Обработка земли вольнонаемными рабочими. *В. К. Рѣсевскаго.* 796
Стихотворенія: I. Симплонская дорога. II. Въ Бельведерѣ. *Н. Ѳ. Щербины.* 817
Критическія замѣтки натуралиста. *А. Н. Бекетова.* 821
Грустный литературный фактъ. *Доктора Ястребцова.* 828
Къ какой принадлежимъ мы партіи? 832

ВЪ КОНТОРѢ

ТИПОГРАФІИ КАТКОВА и К°,

въ Армянскомъ переулкѣ,

продаются слѣдующія книги:

ПОЛНЫЯ ТАБЛИЦЫ для опредѣленія количества оброка или числа барщинскихъ дней въ каждомъ имѣніи, сообразно надѣлу крестьянъ землею, составленныя на основаніи Высочайше утвержденныхъ 19-го февраля 1861 года Положеній о крестьянахъ. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Т. I съ 4-мя рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861. (Т. II печатается.) Ц. за оба тома 3 р. 50 коп. с., перес. за 3 ф.

РУКОВОДСТВО КЪ ЧАСТНОЙ ПАТОЛОГІИ И ТЕРАПІИ, преимущественно съ физіологической и анатомо-патологической точки зрѣнія. Д-ра Феликса Нимейера. Переводъ съ нѣмецкаго. Выпускъ первый. Переводъ М. Боголюбова. М. 1861. Цѣна 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 к.

РУКОВОДСТВО КЪ ОБЩЕЙ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМІИ тканей человѣческаго тѣла. Д-ра А. Винтера. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

ПРАВИЛА для найма рабочихъ, Высочайше утвержденныя 13-го марта 1861 года. Ц. 25 коп.

РАЗЧЕТНАЯ КНИЖКА для рабочихъ, составл. на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ для найма рабочихъ. Ц. 5 коп.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ., книга для чтенія и перевода. Составл. Л. Фонъ деръ-Эльснитцомъ. М. 1861. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ИНОСТРАННЫХЪ ПОЭТОВЪ. Переводы В. Д. Костомарова и Ѳ. Н. Берга.

Выпускъ I: Викторъ Гюго, Г. Гейне, П. Ж. Беранже, А. Трегеръ, А. Шамиссо, Леопарди, Филикайя, Никколини, Х. Г. Андерсенъ, А. Эленшлегеръ. М. 1860. Ц. 1 р., перес. за 1 фунтъ.

Выпускъ II: Р. Борнсъ, Г. Гейне, А. Шультсъ, Г. Х. Андерсенъ. Съ портретомъ и факсимиле Борнса. Въ приложеніи: Легенды Сербовъ. М. 1862. Ц. 1 р. 25 коп., перес. за 1 фунтъ.

МОЯ БІОГРАФІЯ. Посмертное сочиненіе БЕРАНЖЕ. Съ приложеніемъ портрета автора и перевода нѣкоторыхъ, нигдѣ не напечатанныхъ, пѣсень. Изд. В. Д. Костомарова. М. 1861. Ц. 1 р. с., перес. за 1 фунтъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ В. И. КРАСОВА. Изданіе П. Шейна. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп. с.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА Виленской губерніи на 1861 годъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 коп.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

1342

Книжки РУССКАГО ВѢСТНИКА выходятъ ежемѣсячно; СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ еженедѣльно, по четвергамъ.

Цѣна за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ и СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ въ Москвѣ и Петербургѣ **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **семнадцать рублей;**

за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ отдѣльно — въ Москвѣ и Петербургѣ **десять рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **двѣнадцать рублей;**

за СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ отдѣльно въ Москвѣ и Петербургѣ **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **восемь рублей.**

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* и *Современную Лѣтопись* принимается:

НА 1862 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и К⁰, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника* въ Москвѣ. Заграничные обращаются исключительно въ берлинскій почтамтъ.

Печатать позволяется.

Февраля 28 **Цензоръ** *А. Петровъ.*

Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*